Б11 2/1
Т. 8 (1)

511 2/1

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Сборник народных юри-
дических обычаев
т. I

Б 11 2/1
№ 2.014
Фундаментальн. библиот. Моршанск. Реальн. училища
ПЕЧ. МОРШАНСКАГО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

ИЗДАНЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

дѣйств. члена П. А. МАТВѢЕВА.

С.-Петербургъ.

Типографія В. Киршбаума, въ д. Министерства Фин., на Дворц. площ.

1878.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ОТДѢЛЕНІЕ ЭТНОГРАФІИ. ТОМЪ VIII.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
991754

Редакторъ А. Штукенбергъ.

С.-Петербургъ.
Типографія В. Безобразова, въ Малой Морской, № 19, противъ Главнаго Штаба.
1878.

СБОРНИКЪ

НАРОДНЫХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЕВЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЛОИР ПЕЬВРІЄ

НАЬОЛЬНРІХР ЮЬЛІЛІДЕСНІХР ОРРІДАЄВР

СРОЬНІКР

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран

Предисловіе IX

Отдѣлъ первый: Юридическіе обычаи Русскаго народа.

Объ отношеніи юридическихъ обычаевъ къ законодательству. Д. чл. Н. В. Калачова 1

Очерки народнаго юридическаго быта Самарской губерніи. Д. чл. П. А. Матвѣева 11

Договоръ найма пастуховъ. Чл.-с. П. С. Ефименка . . 47

Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа. Чл.-с. А. Ѳ. Кистяковскаго 161

Отдѣлъ второй: Юридическіе обычаи инородцевъ.

Юридическіе обычаи Лопарей, Кореловъ и Самоѣдовъ Архангельской губерніи. Чл.-с. А. Я. Ефименко 1

Замѣтки о киргизскомъ судѣ. И. И. Ибрагимова . . 233

Юридическіе обычаи Якутовъ. Чл.-с. князя Н. А. Кострова 259

Отдѣлъ третій: Замѣтки по обычному праву.

Народные обычаи по уголовному праву. Д. чл. И. Я. Фойницкаго 3

Семейная община въ Курскомъ уѣздѣ. Д. чл. Д. Я. Самоквасова 11

Самосуды у крестьянъ Чистопольскаго уѣзда Казанской губерніи. Чл.-с. Е. Т. Соловьева 15

Судья-земля. Н. Соколова 17

Замѣтка по поводу предшествующей статьи. Д. чл. П. А. Матвѣева 18

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Стран.

Программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ:

по гражданскому праву, д. чл. П. А. Матвѣева . . . 1

по уголовному праву, д. чл. И. Я. Фойницкаго. . . 61

Журналы засѣданій Коммиссіи о народныхъ юридическихъ обычаяхъ съ 17-го февраля 1876 года по 8-е ноября 1877 года, составленные секретаремъ Коммиссіи П. А. Матвѣевымъ 77

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изученіе народнаго юридическаго быта постоянно обращало на себя вниманіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, какъ это видно изъ общей программы Общества, составленной въ 1847 году, и спеціальной, собственно для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, изданной въ 1864 году. Наконецъ развитіе, которое получила за послѣдніе годы разработка обычнаго права, вызвало въ средѣ Общества мысль объ учрежденіи особой Коммиссіи для изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

По предложенію извѣстнаго знатока народнаго юридическаго быта, дѣйствительнаго члена Общества Н. В. Калачова, Коммиссія эта организовалась въ февралѣ 1876 года [1]). Въ первомъ же засѣданіи Коммиссіи на меня возложено было исполненіе обязанности секретаря. Согласно выработанной въ этомъ засѣданіи (17-го февраля 1876 г.) программѣ занятій, дѣятельность Коммиссіи сосредоточилась

---

[1]) Въ составъ этой Коммиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ сенатора Н. В Калачова, вошли: директоръ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ О. Л. Барыковъ, старшій чиновникъ II-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи С. В. Пахманъ, предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи Л. Н. Майковъ, товарищъ оберъ-прокурора гражданскаго департамента кассаціоннаго сената П. А. Мулловъ и нѣк. другіе. Позднѣе, именно съ 1877 г., въ засѣданіяхъ Коммиссіи приняли участіе извѣстный изслѣдователь волостныхъ судовъ и юридическихъ обычаевъ Юго-Западнаго края П. П. Чубинскій и профессора С.-Петербургскаго университета И. Я. Фойницкій и Н. С. Таганцевъ, послѣдніе—лишь съ осени этого года, когда обсуждалась программа для собранія обычаевъ по уголовному праву.

по преимуществу на выполненіи слѣдующихъ двухъ задачъ: 1) на составленіи и изданіи новой программы для собиранія юридическихъ обычаевъ, и 2) на изданіи сборника этихъ обычаевъ. Эта послѣдняя работа была спеціально поручена мнѣ, вслѣдствіе чего мнѣ пришлось не только разсмотрѣть статьи и матеріалы по юридическимъ обычаямъ, имѣвшіеся въ распоряженіи Отдѣленія Этнографіи, но также войдти въ сношенія съ извѣстными изслѣдователями народнаго юридическаго быта въ различныхъ мѣстностяхъ, именно—съ П. С. Ефименкомъ, А. Я. Ефименко, профессоромъ уголовнаго права въ Университетѣ св. Владиміра А. Ѳ. Кистяковскимъ, Е. И. Якушкинымъ и княземъ Н. А. Костровымъ. Когда я приступалъ къ составленію этого сборника, въ моихъ рукахъ уже были нѣкоторые матеріалы, благодаря содѣйствію нашего извѣстнаго и неутомимаго изслѣдователя народнаго юридическаго быта П. С. Ефименка и даровитой сотрудницѣ его въ этихъ изслѣдованіяхъ А. Я. Ефименко. Такимъ образомъ въ теченіе двухъ лѣтъ мнѣ удалось составить, приготовить къ печати, снабдить примѣчаніями и издать первый томъ сборника, который вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ VIII-й томъ Записокъ Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи.

Въ этомъ томѣ отведено, быть можетъ, слишкомъ много мѣста юридическому быту нашихъ отдаленныхъ окраинъ, обычаямъ нашихъ инородцевъ. Признавая вполнѣ научный интересъ и значеніе этихъ обычаевъ которые, какъ первичныя и простѣйшія формы развитія права, даютъ богатый матеріалъ для сравнительнаго изученія юридическихъ обычаевъ Русскаго народа, я тѣмъ не менѣе считаю не лишнимъ объяснить, что такое мѣсто отведено имъ въ настоящемъ сборникѣ не по личному моему усмотрѣнію или желанію, а благодаря обилію статей и матеріаловъ, доставленныхъ въ Географическое Общество по этому отдѣлу обычнаго права.

Причину этого явленія надо искать въ нашемъ законодательствѣ, которое до сихъ поръ обращало гораздо болѣе вни-

маніи на особенности юридическаго быта инородцевъ (сибирскіе различныхъ сословій обыватели, Киргизы, Калмыки, Кавказскіе горцы, Мезенскіе Самоѣды и т. д.), чѣмъ на обычаи кореннаго Русскаго населенія. Такимъ образомъ понятно, что у насъ имѣется болѣе свѣдѣній, касающихся юридическихъ обычаевъ этихъ инородцевъ, чѣмъ Русскаго населенія, юридическій бытъ котораго до сихъ поръ игнорируется нашимъ Сводомъ Законовъ, хотя въ области суда уголовнаго народнымъ юридическимъ воззрѣніямъ, въ лицѣ присяжныхъ, фактически дано весьма широкое примѣненіе. Руководить же работами изслѣдователей въ области изученія народнаго юридическаго быта Коммиссія, очевидно, не могла по отсутствію въ ея распоряженіи матеріальныхъ средствъ, для того чтобы поручать выполненіе той или другой работы, а тѣмъ болѣе для снаряженія экспедицій съ цѣлью изслѣдованія юридическихъ обычаевъ на мѣстахъ.

Кромѣ выбора статей, которыя имѣли бы наиболѣе научнаго достоинства и достовѣрности, мнѣ, въ качествѣ редактора сборника, предстояло провѣрять собранные для печати матеріалы другими источниками и описаніями народнаго быта, встрѣчающимися въ нашей печатной литературѣ, и снабжать ихъ необходимыми примѣчаніями. Нѣкоторые изъ почтенныхъ сотрудниковъ настоящаго сборника, проживая постоянно въ провинціи, лишены были возможности пользоваться необходимыми учеными пособіями для справокъ, вслѣдствіе чего статьи ихъ,сами по себѣ отличающіяся большими достоинствами, и вообще говоря, весьма цѣнныя, требовали, нѣкотораго пересмотра и исправленій. Для примѣра укажу на прекрасную статью А. Я. Ефименко: „Юридическіе обычаи Самоѣдовъ Архангельской губерніи“. Почтенный авторъ, не имѣвшій подъ руками Полнаго Собранія Законовъ, не могъ ознакомиться съ Высочайше утвержденнымъ уставомъ объ управленіи Самоѣдами, обитающими въ Мезенскомъ уѣздѣ (П. С. З., Собр. второе, т. X. № 8071,) и съ положеніемъ о разборѣ исковъ по обязательствамъ, заключаемымъ Самоѣдами между

собою и съ лицами посторонними (тамъ же, № 8072), вслѣдствіе чего въ его изложеніи этихъ обычаевъ вкралась нѣкоторая неточность въ цитатахъ дѣйствующихъ относительно Самоѣдовъ узаконеній и смѣшеніе постановленій, въ законодательномъ порядкѣ утвержденныхъ, съ правилами, составленными на основаніи 37 § этого устава мѣстнымъ начальствомъ. Поэтому въ указанной статьѣ пришлось сдѣлать нѣкоторыя поправки, какъ въ видѣ примѣчаній, такъ и текстѣ (второй отдѣлъ сборника, стр. 192) [1]).

Отношенія нашего законодательства къ многочисленнымъ инородческимъ племенамъ, населяющимъ наше обширное отечество, составляетъ предметъ крайне мало разработанный, хотя и представляющій значительный интересъ. Эти инородческія племена, постепенно входившія въ составъ Россійской имперіи, вслѣдствіе особенностей своего быта издавна обращали на себя вниманіе правительства и законодательства — конечно, прежде всего въ отношеніи сбора съ нихъ ясака и отбыванія ими воинской службы, но также и въ отношеніи ихъ суда и обычаевъ.

Въ договорахъ объ подданствѣ Россійскому престолу, заключенныхъ съ разными инородцами, встрѣчаются указанія на признаніе обычнаго права этихъ инородцевъ [2]).

Съ начала XVIII вѣка въ Полномъ Собраніи Законовъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ Высочайшихъ указовъ и инструкцій должностнымъ лицамъ, получавшимъ различныя назначенія по управленію такъ-называемыми *ясачными* инородцами, въ которыхъ

---

[1]) Примѣчанія на страницахъ 164 и 173 того же отдѣла сборника принадлежатъ редакціи, что̀ по недосмотру типографіи не отмѣчено.

[2]) П. С. З., 15-го января 1869 г. № 13.9: Договоръ, заключенный Россійскимъ посломъ на Китайской границѣ Головинымъ съ Мунгальскими (Бурятскими) тайшами о вѣчномъ подданствѣ ихъ Россійскому престолу, а также записи о подданствѣ Калмыковъ, Татаръ, Грузинъ, Киргизовъ Кабардинцевъ и другихъ инородцевъ въ П. С. З., т. I, II и слѣд. Кромѣ того, отношенія воеводъ къ инородцамъ обсуждались въ наказахъ этимъ послѣднимъ. См. наказы Нерчинскимъ воеводамъ—П. С. З., 18-го февраля 1696 г. № 1542, т. III; 5 января 1701 г., № 1822, и 1-го февраля 1801 г. № 1835, т. IV.

содержатся указанія на различныя права и преимущества этихъ инородцевъ, и въ томъ числѣ — на право разбираться своимъ судомъ и по своимъ обычаямъ.

Не перечисляя всѣхъ постановленій по этому вопросу, встрѣчающихся въ Полномъ Собраніи Законовъ, большая часть которыхъ касается сибирскихъ инородцевъ, замѣтимъ, что правительство обращало вниманіе на обычаи инородцевъ и другихъ мѣстностей.

О предоставленіи сибирскимъ инородцамъ собственныхъ ихъ правъ и обычаевъ въ разбирательствѣ маловажныхъ дѣлъ весьма обстоятельно и изложено въ § IX Именнаго Высочайшаго повелѣнія, даннаго 23-го мая 1803 года дѣйствительному тайному совѣтнику Тобольскому и Иркутскому генералъ-губернатору Селифонтову объ образѣ управленія сими губерніями [1]).

М. М. Сперанскій во время управленія Сибирью обратилъ вниманіе на необходимость привести въ извѣстность обычаи инородцевъ, населяющихъ этотъ край. Вскорѣ послѣ возвращенія Сперанскаго изъ Сибири въ Петербургъ, именно 22-го іюля 1822 года, былъ Высочайше утвержденъ уставъ объ управленіи инородцевъ этого края, на основаніи § 68 котораго на мѣстное начальство возложена была обязанность собрать точныя и подробныя свѣдѣнія о степныхъ законахъ отъ почетнѣйшихъ людей изъ среды этихъ инородцевъ, разсмотрѣть ихъ по губерніямъ въ особыхъ временныхъ комитетахъ, смягчить все дикое и жестокое, отмѣнить несообразное съ другими узаконеніями, и расположивъ въ надлежащемъ порядкѣ, представить главному мѣстному управленію на утвержденіе.

Такимъ образомъ, утвержденные степные законы повелѣно было напечатать на русскомъ языкѣ, и если можно, на языкѣ тѣхъ самыхъ племенъ, до коихъ они относятся, или на языкѣ, сходственномъ съ употребляемымъ ими; по напечатаніи представить въ правительствующій сенатъ, и принимая ихъ въ осно-

---

[1]) П. С. З., № 20771.

ваніе при сужденіяхъ о дѣлахъ кочующихъ и бродячихъ инородцевъ, не только въ родовыхъ управахъ, но и въ присутственныхъ мѣстахъ, когда по жалобамъ поступятъ на ревизію, а недостатокъ дополняя уже при рѣшеніи дѣлъ россійскими узакоеніями, не допускать въ степныхъ законахъ никакихъ измѣненій, пока, съ перемѣною образа жизни и степени образованія, не будетъ надобности измѣнить образъ самаго управленія инородцевъ. Къ исполненію сего, въ обѣихъ губерніяхъ Восточной Сибири открыты были, подъ предсѣдательствомъ гражданскихъ губернаторовъ, комитеты, которые, вызвавъ отъ каждаго изъ инородческихъ вѣдомствъ соотвѣтственное народонаселенію число депутатовъ, по совѣщаніи съ ними составили два проекта степныхъ законовъ: одинъ — для инородцевъ Иркутской, а другой — для инородцевъ Енисейской губерніи.

Проекты эти, разсмотрѣнные въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, внесены генералъ-губернаторомъ на утвержденіе Сибирскаго комитета, а изъ онаго переданы, для подробнаго ихъ разсмотрѣнія, назначенной особо коммиссіи изъ трехъ чиновниковъ отъ министерствъ юстиціи, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, и одного изъ состоящихъ въ канцеляріи Сибирскаго комитета.

Закрытіе Сибирскаго комитета (въ 1838 году) и смерть Сперанскаго (въ 1839 году) на первое время не остановили хода дѣла. Избранный Сперанскимъ для этой работы дѣйств. ст. сов. Величко дѣятельно продолжалъ ее и въ сентябрѣ 1841 г. сводъ степныхъ законовъ былъ напечатанъ и внесенъ въ государственный совѣтъ [1]) съ пояснительными къ нему примѣчаніями, состоящими изъ шести статей, и между прочимъ, словаря мѣстныхъ словъ и выраженій, попавшихъ въ сводъ.

---

[1]) Первый проектъ свода былъ составленъ еще при гр. Сперанскомъ и напечатанъ въ 1837 году, затѣмъ онъ подвергся значительной передѣлкѣ въ коммиссіи, въ видахъ возможно большаго согласія его съ показаніями инородцевъ о своихъ обычаяхъ и въ этомъ видѣ внесенъ въ государственный совѣтъ.

Государственный совѣтъ отослалъ сводъ степныхъ законовъ на заключеніе министра юстиціи и во II-е отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи. Здѣсь ясно сказалось отсутствіе гр. Сперанскаго: вся эта работа, на которую было потрачено не мало времени, труда и денегъ, стала глохнуть, и наконецъ, попала совсѣмъ подъ спудъ. Эта во всякомъ случаѣ замѣчательная работа не только не получила дальнѣйшаго законодательнаго движенія, но до сихъ поръ не опубликована. Сводъ степныхъ законовъ былъ напечатанъ въ 1841 г. въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ и составляетъ малодоступную библіографическую рѣдкость. Профессоръ Варшавскаго университета Д. Я. Самоквасовъ, издавшій въ 1876 г. рукопись, пріобрѣтенную этимъ университетомъ отъ сенатора Губе, подъ названіемъ: „Сборникъ Обычнаго Права Сибирскихъ инородцевъ“, очевидно не имѣлъ свѣдѣній о Сводѣ степныхъ законовъ для кочевыхъ инородцевъ Восточной Сибири и не былъ знакомъ съ ходомъ работъ, вызвавшихъ собраніе тѣхъ матеріаловъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, которые находятся въ этомъ сборникѣ, хотя нѣкоторыя указанія по этому предмету встрѣчаются не только въ архивныхъ матеріалахъ, но и въ Полномъ Собраніи Законовъ [1]).

Дальнѣйшая судьба свода степныхъ законовъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ (впрочемъ далеко не полнымъ, такъ что по этому вопросу весьма желателенъ тщательный просмотръ матеріаловъ заключающихся въ архивѣ и канцеляріи II-го Отдѣленія, а также и государственнаго совѣта), была слѣдующая:

Въ государственномъ совѣтѣ степные законы не прошли; они не были прямо и положительно отвергнуты, но признаны рановременными. Въ октябрѣ 1847 года государственный совѣтъ поручилъ передать дѣло о составленіи свода степныхъ законовъ генералъ-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Му-

---

[1]) Ссылки на степные законы встрѣчаются и въ нашемъ Сводѣ Законовъ (V Разд. IX т. Св. о состояніи сибирскихъ инородцевъ, ст. 1228, 1229 и 1230); статья 1229 прямо говоритъ, что „сіи законы пріемлются въ основаніе въ сужденіяхъ о дѣлахъ инородцевъ“.

равьеву, съ тѣмъ чтобы сводъ по пересмотрѣ его этимъ послѣднимъ, вновь былъ внесенъ въ государственный совѣтъ. Генералъ-губернаторъ нашелъ изданіе этого свода рановременнымъ; впрочемъ такое заключеніе не было результатомъ опыта и личнаго знакомства съ дѣломъ, такъ какъ оно высказано было лицомъ, вновь назначеннымъ для управленія Восточной Сибирью и не успѣвшимъ достаточно изучить ввѣренный ему для управленія край. Хотя предположеніе высказанное въ этомъ заключеніи генералъ-Губернатора, что сибирскіе инородцы начинаютъ забывать свои обычаи и подчиняться общимъ законамъ, вслѣдствіе чего онъ и полагалъ, что изданіе для нихъ особаго свода можетъ только отдалить время ихъ подчиненія общимъ законамъ, не оправдалось опытомъ, тѣмъ не менѣе сибирская администрація до сихъ поръ не воспользовалась выговореннымъ ею въ то время правомъ поднять въ свое время вопросъ объ изданіи свода мѣстныхъ законовъ.

Въ связи съ этою крупною правительственною дѣятельностью по предмету изученія юридическихъ обычаевъ, идетъ рядъ работъ и изслѣдованій, предпринятыхъ съ цѣлью изученій другихъ отраслей нашихъ инородцевъ, напримѣръ, Мезенскихъ Самоѣдовъ, Кавказскихъ горцовъ и т. д.

Изъ вышеизложеннаго становится понятно, почему у насъ имѣется болѣе свѣдѣній объ обычаяхъ инородцевъ, чѣмъ кореннаго русскаго населенія, особенности юридическаго быта котораго, послѣ изданія положенія 19-го февраля 1861 года, однако настоятельно требуютъ серьезнаго и внимательнаго изслѣдованія.

Въ 1871 году была учреждена особая правительственная коммиссія для изслѣдованія вопроса о положеніи волостнаго суда и притомъ не только какъ судебнаго учрежденія вообще, но и какъ суда по народному обычаю. Хотя результатомъ дѣятельности этой коммиссіи явилось обширное и весьма полезное собраніе рѣшеній волостныхъ судовъ въ 15 губерніяхъ различныхъ полосъ Имперіи, однако ошибочно было бы думать, что

задача изученія народнаго юридическаго быта изчерпана этою коммиссіей до конца.

Сравнивая изданные этою Коммиссіей труды съ работами предпринятыми 50 лѣтъ тому назадъ для изслѣдованія юридическаго быта сибирскихъ инородцевъ, нельзя не прійдти къ заключенію, что въ то время эта задача понималась серьезнѣе. Къ изслѣдованію юридическаго быта сибирскихъ инородцевъ было приступлено по строго обдуманному плану, послѣ весьма обстоятельной подготовки, и что всего важнѣе—къ участію въ этомъ дѣлѣ были приглашены лица, спеціально съ нимъ знакомые.

Опытъ показываетъ, что не смотря на возрастающее у насъ съ каждымъ годомъ число изслѣдователей народнаго юридическаго быта, частная инициатива въ этомъ дѣлѣ является крайне недостаточною и даже совершенно безсильною для того, чтобы довести дѣло до желаемыхъ результатовъ. Здѣсь нуженъ правительственный починъ. Предстоящая задача полнаго и систематическаго изслѣдованія народнаго юридическаго быта такъ велика и сложна, что выполненіе ея единичными силами частныхъ изслѣдователей надо признать очевидно и положительно невозможною.

Итакъ, предпринятыя по инициативѣ правительства изслѣдованія въ области юридическаго быта нашихъ инородцевъ дали толчокъ дѣятельности частныхъ изслѣдователей и преимущественно въ этой области народныхъ обычаевъ у насъ кое-что сдѣлано. Что же касается народнаго юридическаго быта коренаго населенія центральныхъ губерній, то не смотря на значительное количество статей и замѣтокъ, приведенныхъ въ прекрасномъ библіографическомъ трудѣ по обычному праву Е. И. Якушкина, въ этой области сдѣлано до сихъ поръ весьма мало—если не по количеству, то по качеству. Въ большинствѣ случаевъ это—отрывочныя случайныя замѣтки. Исключеніе составляютъ лишь прекрасныя изслѣдованія П. С. Ефименка относительно юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи и труды экспедиціи, снаряженной Имп. Р. Географическимъ Обществомъ въ Юго-Западный

край. Въ шестомъ выпускѣ Трудовъ этой экспедиціи собраны рѣшенія волостныхъ судовъ семи губерній Юго-Западнаго края (со включеніемъ губерній Минской и Гродненской, Полтавской и Бессарабской области), изложенныя въ систематическомъ порядкѣ и обработанныя П. П. Чубинскимъ—по гражданскому праву, и А. Ѳ. Кистяковскимъ—по уголовному праву.

Цѣль изданія настоящаго сборника—объединить по возможности работы нашихъ изслѣдователей народнаго юридическаго быта, разбрасываемыя ими въ различныхъ малодоступныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, дополняя ихъ необходимыми справками и указаніями и провѣряя ихъ по возможности тѣмъ, что̀ сдѣлано трудами предшествующихъ изслѣдователей. При составленіи сборника достаточно обнаружилось, что изученіе нашего обычнаго права достигло извѣстной степени зрѣлости и развитія, и что наступаетъ время, когда разработка его не только сдѣлалась возможна и полезна съ общей этнографической точки зрѣнія, но и должна быть обособлена со спеціальной точки зрѣнія юридической. Тѣмъ не менѣе естественно, что настоящій сборникъ, стремясь удовлетворить какъ требованіямъ этнографовъ, такъ и юристовъ, заключаетъ въ себѣ и такой матеріалъ по народному быту, который могъ бы быть почтенъ излишнимъ съ точки зрѣнія юристовъ.

Павелъ Матвѣевъ.

1 марта 1878 года
С. Петербургъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ РУССКАГО НАРОДА.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЕВЪ КЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ [1].

Милостивые государи! Предметъ, на который я намѣренъ настоящимъ моимъ докладомъ обратить ваше вниманіе, заслуживаетъ, безспорно, самаго тщательнаго и всесторонняго обсужденія. Обычаи нашей народной жизни, на сколько они намъ до сихъ поръ извѣстны, примѣнительно къ отношеніямъ и сдѣлкамъ, существующимъ какъ между отдѣльными лицами, такъ и цѣлыми группами лицъ, извѣстныхъ подъ именемъ *общинъ* и *артелей* и потому долженствующихъ носить названіе отношеній и сдѣлокъ *юридическихъ*, не могутъ быть чужды нашему законодательству. Скажу болѣе: законодательство уже признало, уже утвердило силу такихъ обычаевъ, какъ нормъ юридическихъ отношеній, въ разныхъ слояхъ и въ разныхъ сдѣлкахъ нашего общества. Въ дѣлахъ торговыхъ обычаямъ во всѣхъ законодательствахъ, въ томъ числѣ и въ нашемъ, уже присвоено значеніе началъ, опредѣляющихъ и устанавливающихъ разнообразные пріемы и дѣйствія коммерсантовъ. Въ Положеніяхъ о крестьянахъ во многихъ статьяхъ не только вполнѣ утверждена, но и освящена сила обычаевъ примѣнительно къ разнымъ отношеніямъ въ быту семейномъ, гражданскомъ и общественномъ. Можно сказать, что и волостные суды, установленные этими Положеніями, отдѣлены въ особую группу судовъ не только потому, что они близки къ крестьянамъ по мѣсту ихъ жительства, но и потому, что они разбираютъ ихъ дѣла по обычаямъ, установившимся не

---

[1]) Рѣчь, читанная на первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1875 г.

въ силу положеній законодательныхъ, а по всеобщему признанію ихъ твердыми правилами разнообразныхъ отношеній и сдѣлокъ въ крестьянскомъ быту съ *незапамятныхъ* временъ, какъ *пошло изъ старины*, по словамъ нашихъ древнихъ памятниковъ. Но на признаніи юридической силы обычаевъ въ волостныхъ судахъ и остановилось наше законодательство, не признавая возможнымъ распространить ихъ обязательность и на отношенія въ другихъ слояхъ общества, кромѣ крестьянъ. Правда, была попытка выдвинуть вопросъ о значеніи и силѣ обычаевъ и въ новыхъ судахъ въ то время какъ составлялись уставы, которыми они должны руководствоваться. Вопросъ этотъ возникъ при составленіи правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Онъ былъ возбужденъ мною въ коммиссіи, на которую было возложено начертаніе судебныхъ уставовъ, на томъ основаніи, что мировые судьи, такъ близко стоящіе къ сельскому населенію, не могутъ, какъ мнѣ казалось, оставаться чуждыми къ тѣмъ обычаямъ, которые управляютъ дѣйствіями крестьянъ не только въ отношеніяхъ между ними одними, но и въ сдѣлкахъ съ помѣщиками и лицами другихъ сословій. Я долженъ сознаться, что мое тогдашнее предложеніе какъ въ отдѣленіи юридическомъ, такъ и въ общемъ собраніи коммиссіи было выслушано съ большимъ вниманіемъ и даже сочувствіемъ; но въ то время, какъ и теперь, обычаи, управляющіе крестьянскимъ бытомъ, были такъ мало извѣстны, или лучше сказать, вовсе неизвѣстны, что нельзя было признать юридическую силу обычаевъ уже *вообще*, а не только въ отношеніяхъ между крестьянами, иначе какъ съ самою большою осторожностью. Вотъ почему и была постановлена статья 130 Устава Гражданскаго судопроизводства въ такой редакціи: „При постановленіи рѣшенія мировой судья можетъ, по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями, но лишь въ томъ случаѣ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется именно закономъ, или въ случаяхъ, положительно неразрѣшаемыхъ законами“. Силою этой статьи обычаи признаны источникомъ права, признана даже ихъ обязательность, но чтобъ убѣдиться въ томъ, что извѣстный обычай существуетъ на мѣстѣ, мировому судьѣ приходится, при несогласіи спорящихъ сторонъ въ существованіи обычая, собирать о немъ свѣдѣнія въ своемъ

округѣ и лишь въ томъ случаѣ, если показаніе о немъ подтвердится, принимать его въ уваженіе, да и то лишь тогда, если спорный случай не разрѣшается положительно закономъ. Понятно, что къ такимъ разысканіямъ на счетъ обычнаго права мировые судьи не приступаютъ за неимѣніемъ времени, и потому обычаями не руководствуются. Еще менѣе можетъ быть рѣчь о признаніи силы обычаевъ въ какихъ-либо судахъ общихъ, начиная съ судовъ окружныхъ до кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Отсюда прямой выводъ, что, говоря строго, обычаи признаются у насъ имѣющими юридическую силу только въ крестьянскомъ быту и въ отношеніяхъ между одними крестьянами. Притомъ они допускаются по причинѣ неграмотности крестьянъ, и слѣдовательно, по невозможности имъ руководствоваться законами писанными. На вопросъ же о томъ: въ какомъ отношеніи находится законъ къ обычаю, когда существуетъ и тотъ и другой,—до сихъ поръ не представлялось надобности останавливаться. Въ мировыхъ судахъ, какъ мы видѣли, обычаи допускаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ тогда лишь, когда они именно указаны, то-есть, опредѣлены въ точности закономъ, или когда нѣтъ вовсе закона, который могъ бы разсматриваемый случай рѣшать иначе, чѣмъ рѣшаетъ его обычай. Въ судахъ волостныхъ, напротивъ того, крестьяне не обязаны руководствоваться непремѣнно закономъ, хотя бъ онъ былъ и несогласенъ съ обычаемъ. Отсюда явилось въ волостныхъ судахъ то зло, на которое такъ основательно нападаютъ противники обычнаго права: рѣшенія совершенно произвольныя и даже часто не мотивированныя никакими обычаями; рѣшенія, противныя не только законамъ существующимъ, но и принципамъ нравственности, благоустройства и т. п. Не слѣдуетъ ли—продолжаютъ изъ-за этого враги обычнаго права—не только воспретить крестьянамъ руководствоваться обычаями, но и самые волостные суды ихъ уничтожить?..

Вамъ извѣстно, мм. гг., что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по этому вопросу, учреждена при министерствѣ юстиціи коммисія, которая должна была на мѣстахъ ознакомиться съ дѣятельностью волостныхъ судовъ и по возможности собрать рѣшенія этихъ судовъ. Коммисія объѣхала много губерній и издала въ свѣтъ семь томовъ, которые представляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для

изученія нашего народнаго быта, хотя нельзя при этомъ не замѣтить, что матеріалы составлялись и собирались для коммисіи весьма часто такъ, что нельзя пользоваться ими иначе какъ съ самою осторожною критикой. Какъ бы то ни было, теперь намъ представляется самый животрепещущій вопросъ: быть или не быть волостнымъ судамъ въ ихъ настоящемъ значеніи, продолжать существовать крестьянскимъ обычаямъ или кануть имъ въ вѣчность, то-есть, быть признанными однажды на всегда отмѣненными, утратившими всякую практическую силу? Странно, что этотъ вопросъ возбуждается въ то самое время, какъ наша литература съ такою любовью и жаромъ устремилась какъ на изученіе народнаго быта вообще, такъ и въ особенности юридическихъ обычаевъ. Въ отношеніи послѣднихъ то и дѣло выходятъ цѣлыя изслѣдованія, сборники и статьи. Еще недавно мы читали прекрасные труды гг. Богишича и Карасевича, правда, не относящіеся прямо къ русскому обычному праву, но заключающіе въ себѣ драгоцѣнныя и для насъ указанія и мысли. Но и сборники нашего туземнаго обычнаго права дѣятельно составляются въ разныхъ мѣстахъ, разными обществами и лицами. Кромѣ относящихся сюда матеріаловъ въ разныхъ журналахъ, мы слышали объ одномъ такомъ сборникѣ, находящемся въ рукахъ г. Якушкина (въ Ярославлѣ) [1]). Но особенно считаю нужнымъ остановиться при этомъ на трудахъ С.-Петербургскаго Географическаго Общества. Оно уже давно, почти съ самаго его основанія, собираетъ матеріалы, относящіеся къ народному быту Въ 1860-хъ годахъ составлена была имъ программа для собиранія народныхъ обычаевъ, которая уже вся разошлась, и въ настоящее время Общество приступило къ составленію новой программы, въ основу которой будутъ положены программа, составленная для собиранія юридическихъ обычаевъ г. Богишичемъ и составляемая нарочно для Общества программа г. Ефименко. Правда, что труды Общества до сихъ поръ еще мало увѣнчались успѣхомъ: отвѣтовъ на программу его, разосланную въ разные концы Россіи, получено весьма немного; но надо замѣтить, что были при этомъ и недостатки со стороны Общества въ способѣ разсылки программы и сношеній съ тѣми, отъ кого можно бы надѣяться получить на нее

---

[1]) Первый томъ этого сборника уже вышелъ въ концѣ 1875 г.

желательные отвѣты. Безъ сомнѣнія, теперь дѣло пойдетъ успѣшнѣе, особенно съ помощью нѣкоторыхъ лицъ, взявшихъ на себя въ разныхъ мѣстахъ собираніе народныхъ обычаевъ, и вотъ еще недавно получена Обществомъ превосходная статья въ этомъ родѣ, составленная женщиной среди ея другихъ сельскихъ занятій. Все это я говорю къ тому, чтобы выяснить необходимость, прежде чѣмъ правительство рѣшится закрывать настоящіе волостные суды, а съ ними предавать забвенію и народные обычаи, — какъ можно тщательнѣе вникнуть въ самый бытъ нашихъ крестьянъ и изучить обычаи, которыми они руководствуются. Имѣю полное основаніе думать, что трудовъ коммиссіи, работающей подъ предсѣдательствомъ сенатора Любощинскаго, для этой цѣли еще недостаточно. Лучшимъ подтвержденіемъ моему мнѣнію можетъ служить вышедшая недавно брошюра одного изъ членовъ этой коммиссіи, М. И. Заруднаго, подъ заглавіемъ: „Законы и жизнь. Итоги изслѣдованія крестьянскихъ судовъ“. Вотъ къ какому результату приходитъ авторъ послѣ разсмотрѣнія волостныхъ судовъ и ихъ обычаевъ въ разныхъ мѣстностяхъ:

„По истинѣ можно выразить ту мысль, что легче было бы составить проектъ преобразованія даже кассаціоннаго сената, чѣмъ мѣстнаго суда, затрогивающаго всѣ струны народной жизни. Тамъ есть указаніе науки, опытъ другихъ странъ, образцовые кодексы, наконецъ ученые судьи; здѣсь же одна шпрь да гладь, въ которой никого и ничего не видно. Притомъ трудность установленія у насъ одного общаго суда для мелкихъ дѣлъ обусловливается еще и своеобразнымъ складомъ именно крестьянскаго быта. Здѣсь непремѣнно слѣдуетъ имѣть въ виду, что признанный закономъ 1861 года крестьянскій обычай выражается въ возможности къ каждому отдѣльному случаю примѣнять не строгія и постоянныя требованія права, но видоизмѣняемыя требованія жизни; что волостной судъ можетъ обусловливать свои рѣшенія не только буквальнымъ смысломъ закона, но и требованіями справедливости, нерѣдко своеобразной по примѣненію къ крестьянскому быту; что рѣшенія волостнаго суда (напримѣръ, въ дѣлахъ о наслѣдствахъ, раздѣлахъ, выдѣлахъ, убыткахъ и проч.) весьма часто объясняются и столько юридическими, сколько хозяйственными соображеніями относительно исправности въ платежѣ податей, трезвой или пьяной жизни и т. п.

условіями жизни громадной неграмотной массы, разсѣянной по безпредѣльнымъ пространствамъ и связанной между собою не существующими на западной почвѣ условіями (круговая порука и общинное землевладѣніе); что договоры между крестьянами обусловливаются не писанными контрактами, а напримѣръ, битьемъ по рукамъ, когда торгуются, обращеніемъ къ Богу (молитвою), когда торгъ состоялся; что въ семейной сферѣ порядокъ сватовства, право жены и мужа на приданое, власть отца и мужа, власть хозяина по отношенію къ работникамъ и сочленамъ семьи,—всѣ эти отношенія обусловливаются исключительно обычаями, иногда совпадающими даже съ началами римскаго права (гдѣ отецъ имѣлъ почти неограниченное право надъ дѣтьми); что трудность разысканія и опредѣленія обычаевъ большею частью объясняется не столько неразвитостью крестьянской среды и непривычкою ея къ теоретическимъ разсужденіямъ (какъ многіе думаютъ), сколько недостаточною подготовкою, неопытностію, непривычкою говорить безхитростнымъ русскимъ языкомъ и бѣдностью средствъ самаго изслѣдователя,—и наконецъ, что улучшенію волостныхъ судовъ, поднятію ихъ нравственнаго и юридическаго уровня можетъ содѣйствовать преимущественно развитіе грамотности“ (стр. 188—190).

Считаю долгомъ заявить, что во всемъ сказанномъ М. П. Зарудным я ему вполнѣ сочувствую; но съ другой стороны, не могу отвергать и тѣ возраженія, которыя дѣлаются противниками волостныхъ судовъ и крестьянскихъ обычаевъ. Чтобъ убѣдиться въ томъ, что эти суды постановляютъ свои рѣшенія на какихъ-либо основательныхъ соображеніяхъ, необходимо имѣть въ виду эти соображенія и тѣ обычаи, которыми они вызываются. Между тѣмъ что̀ видимъ мы въ самой значительной массѣ судебныхъ рѣшеній? Одни приговоры или доводы личные волостныхъ судей, или наконецъ, основанія религіозныя, нравственныя (да и то по понятіямъ крестьянъ). Самая суть дѣла—обычай—не выдвинутъ въ такихъ рѣшеніяхъ, какъ бы это слѣдовало, а умолченъ какъ слишкомъ извѣстный, безспорный. Какъ же судить о такихъ рѣшеніяхъ лицамъ, не знающимъ ни обычаевъ, ни быта крестьянъ? Съ точки зрѣнія человѣка образованнаго, то-есть, не знающаго крестьянскаго быта, и юриста, то-есть, лица, знакомаго съ одними законами, такія рѣшенія должны казаться весьма часто не только несправедли-

выми, но даже и абсурдными. И каждую минуту такой критикъ можетъ подтвердить свои слова самыми, по видимому, убѣдительными доказательствами. Вотъ, напримѣръ, рѣшеніе, постановленное, очевидно, послѣ обильной попойки: волостные судьи, какъ извѣстно, большею частію вслѣдъ за произнесеніемъ своихъ рѣшеній угощаются стороной оправданною или даже обѣими, но иногда та или другая сторона ухитряется и до суда задобрить виномъ кого нужно. Вотъ другое рѣшеніе, записанное такъ коротко, что даже неясно: приговоренъ ли подсудимый къ наказанію за извѣстное дѣйствіе, или только потому, что на него принесена извѣстная жалоба; а есть и такія рѣшенія, изъ коихъ даже очевидно, что никакого розысканія или хотя бы допроса по жалобѣ произведено не было.

Чтобъ устранить подобныя возраженія, необходимо представить критикамъ волостныхъ судовъ и обычнаго права: 1) самые обычаи, которыми вызвано то или другое рѣшеніе; 2) основаніе, почему тотъ или другой обычай примѣняется къ извѣстному случаю, съ доказательствомъ, что онъ вполнѣ или въ значительной мѣрѣ подходитъ къ этому случаю и оправдывается мѣстными условіями; другими словами: необходимо собрать всѣ обычаи, которые могутъ быть названы *юридическими*, записать ихъ и комментировать, то-есть, обставить тѣми соображеніями, которыя оправдываютъ ихъ и разъясняютъ. Дѣло это, конечно, весьма нелегкое и не могло быть исполнено коммисіей, которая объѣзжала волости официально и просматривала рѣшенія, записанныя въ волостныхъ судахъ лицами, часто совершенно чуждыми мѣстному населенію и хвастающимся умѣньемъ подводить рѣшеніе подъ ту или другую статью Свода Законовъ, какъ справедливо отзывается М. И. Зарудный о писаряхъ волостныхъ судовъ. Здѣсь, напротивъ того, нуженъ пріемъ совершенно другаго рода. Необходимо, чтобы рѣшенія и обычаи, на коихъ они основаны, были взяты, такъ сказать, прямо изъ народной жизни и притомъ лицомъ, близко знающимъ эту жизнь и именно желающимъ выставить и уяснить намъ крестьянскій бытъ, а не выказывать свою мнимую ученость и знаніе Свода Законовъ. Лицо это должно потому не мелькомъ проѣхать по волости, а пожить въ ней болѣе продолжительное время. Всего же лучше такое собираніе юридическихъ обычаевъ и обстановка ихъ нужными

соображеніями могла бы быть исполнена мѣстными обывателями, интересующимися этимъ дѣломъ и понимающими, что исполненіемъ его они окажутъ истинную услугу наукѣ и обществу. Но для направленія дѣятельности такихъ мѣстныхъ собирателей обычаевъ должна бы быть учреждена особая коммисія въ Петербургѣ или Москвѣ, которая съ одной стороны пріискала бы и вызвала такихъ дѣятелей къ предлежащему имъ труду, а съ другой стороны подготовила бы изъ этихъ трудовъ *Сборникъ юридическихъ обычаевъ* по разнымъ мѣстностямъ, съ основаніями, которыми эти обычаи установились въ практикѣ. Такой сборникъ могъ бы служить правительству или даже коммисіи г. Любощинскаго лучшимъ пособіемъ для ознакомленія съ юридическими обычаями и для составленія, подъ вліяніемъ ихъ, *Сельскаго Судебнаго Устава*, о необходимости коего заявлялось уже не разъ разными вѣдомствами, управляющими крестьянами, и между прочимъ бывшими редакціонными коммисіями по крестьянскому дѣлу. Такой уставъ, разсмотрѣнный въ законодательномъ порядкѣ, могъ бы быть примѣненъ, если бы то было признано полезнымъ, ко всѣмъ однообразнымъ отношеніямъ не только между крестьянами, но и лицами другихъ сословій. Такимъ образомъ обычаи перешли бы въ законъ, и притомъ въ такой законъ, который согласовался бы вполнѣ съ народными потребностями и условіями жизни поселянъ, коихъ отношенія опредѣляются не только общими основаніями сдѣлокъ, но и разнообразятся мѣстными требованіями и особенностями земли, воды и климата. Въ пользѣ внесенія такого практикою осмысленнаго элемента права въ законодательство не можетъ быть никакого сомнѣнія, ибо если обычаи удержаны до сихъ поръ самимъ правительствомъ между крестьянами, то нѣтъ основанія думать. чтобъ они вскорѣ оказались для крестьянъ же совершенно ненужными и безполезными. Напротивъ, возведеніе ихъ въ законъ и распространеніе и на лица другихъ сословій, находящіяся въ томъ же положеніи, какое вызвало эти обычаи въ сословіи крестьянъ, придастъ имъ не только извѣстность и бо́льшую обязательность, но во многихъ случаяхъ принесетъ практическую пользу какъ испытанный уже регуляторъ взаимныхъ отношеній и сдѣлокъ между лицами, живущими въ средѣ, которою было издревле обусловлено ихъ возникновеніе и развитіе. Нельзя поэтому сомнѣваться, что

такой способъ восполненія законодательства слѣдуетъ признать самымъ надежнымъ для пригодности и твердости новыхъ законовъ. Наконецъ, такого рода пріемъ былъ много разъ и съ полнымъ успѣхомъ испытанъ во всѣхъ законодательствахъ, начиная съ римскаго права. Какъ много обычаевъ, возникшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи, вошло въ послѣдующее французское законодательство, можно видѣть въ упомянутомъ выше сочиненіи профессора Карасевича. Но и русское законодательство въ основу даже дѣйствующаго нынѣ Свода положило обычное право, такъ какъ краеугольный камень Свода—Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, составлено, помимо иноземныхъ источниковъ—византійскихъ и Литовскаго Статута и туземныхъ казуистическихъ рѣшеній—изъ статей, внесенныхъ въ предшествующіе памятники законодательства какъ положенія обычнаго права.

Вотъ, мм. гг., моя мысль о значеніи нашихъ юридическихъ обычаевъ и о томъ примѣненіи, которое они должны бы получить въ дальнѣйшей судьбѣ нашего юридическаго быта. По спорности однако этого моего воззрѣнія, по тѣмъ возраженіямъ, которыя, какъ намъ всѣмъ извѣстно, въ ходу противъ юридическихъ обычаевъ, я считаю долгомъ просить вашего мнѣнія по настоящему вопросу [1]).

Н. Калачовъ.

---

[1]) Возникшія вслѣдъ за этимъ чтеніемъ пренія на первомъ съѣздѣ юристовъ будутъ сообщены въ Трудахъ этого съѣзда. *Н. К.*

ОЧЕРКИ НАРОДНАГО ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА САМАРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I. ВСТУПЛЕНІЕ.

Этнографическій составъ населенія.—Ходъ заселенія края и общая характеристика послѣдняго.—Источники и литература предмета.

Этнографическій составъ населенія Самарской губерніи отличается замѣчательною пестротой. Не даромъ этотъ край кто-то сравнилъ съ Ноевымъ ковчегомъ различныхъ расъ, племенъ, религій и языковъ. Почти (нѣсколько менѣе) двухъ-милліонное населеніе [1]) этой губерніи образовалось изъ Велікоруссовъ, которыхъ болѣе 63%, Малороссовъ слишкомъ 4%, Нѣмцевъ-колонистовъ слишкомъ 8%, Мордвы 10%, Татаръ 5%, Башкировъ 4%, далѣе Чуваши, Вотяки, Эсты и Поляки, послѣднихъ правда немного. Мордва, которой въ Самарской губерніи (по свѣдѣніямъ подворной описи 1867 г.) 180,971 душъ, распадается на два отдѣльные рода имѣющіе свои совершенно различные діалекты: Мордва-Мокша и Мордва-Ерзя, которые не понимаютъ другъ друга. Еще недавно около Ставрополя были Калмыки, но теперь они перекочевали, и отъ нихъ осталось лишь нѣсколько человѣкъ въ составѣ очередныхъ казачьихъ командъ. Коренные жители края—Башкиры и Татары, преимущественно рода Ногайскаго, да русскіе гулящіе люди.

---

[1]) По свѣдѣніямъ Сам. Стат. Комитета за 1872 годъ, цифра населенія простиралась до 1.904.153 чел.; см. Памятную книжку Самарск. губ. за 1874 г., стр. 28.

По вѣроисповѣданіямъ населеніе распадается такимъ образомъ: 1.276,000 православныхъ (въ оффиціальную цифру которыхъ попало нѣсколько тысячъ раскольниковъ), что̀ составляетъ 77% всего населенія; оффиціально признанныхъ раскольниковъ 3%, католиковъ 2%, лютеранъ, реформатовъ и кальвинистовъ съ менонитами около 6%; магометанъ слишкомъ 10%; есть также идолопоклонники, преимущественно въ Бугульминскомъ и Бугурусланскомъ уѣздахъ—3,400 съ небольшимъ душъ.

Начало русской колонизаціи въ Самарскомъ краѣ идетъ издавна: это наши степные сторожки и поселки, обратившіеся впослѣдствіи въ такіе города, какъ Самара и Саратовъ; легенда говоритъ, что на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ Самарой, еще въ XIV вѣкѣ жили русскіе люди, и что митрополитъ Алексѣй проѣздомъ въ Орду нашелъ здѣсь нѣкоего благочестиваго отшельника. Но большая часть поселеній Самарской губерніи, за исключеніемъ самой Самары, получила свое начало въ прошломъ вѣкѣ. До XVIII столѣтія колонизація края имѣла преимущественно военный характеръ: строились крѣпости, редуты, фельдшанцы и т. п. укрѣпленія, которыя, правда, все болѣе и болѣе расширялись и росли; но только съ 4-го декабря 1762 г., то-есть, съ изданія императрицей Екатериной II манифеста, призвавшаго въ эти степи иностранныхъ поселенцевъ и бѣжавшихъ Русскихъ, колонизація получила другой характеръ. Первые на этотъ призывъ отозвались проживавшіе въ Польшѣ раскольники, которые облюбовали мѣста по Иргизу и основали на первое время три селенія: Мечетное (нынѣ г. Николаевскъ), Каменку и Балаково. Водвореніе иностранныхъ колонистовъ началось нѣсколько позднѣе. Первые выходцы были изъ Виртенберга, Бадена, изъ Швейцаріи, отчасти Голландіи и Пфальца; они поселились по Волгѣ между вышеупомянутымъ с. Балаковымъ и Покровскою слободой—Kasakstadt, какъ зовутъ ее колонисты, и еще ниже до самой границы Астраханской губерніи. Заселеніе края успѣшно подвигалось, не смотря на разныя неблагопріятныя обстоятельства, изъ которыхъ достаточно указать на Пугачевщину, особенно взбаламутившую еще не успѣвшее хорошо осѣсть населеніе края. Но особенно усилилось сюда переселеніе въ промежутокъ между седьмою и восьмою ревизіей (1816—1834 гг.) выходцами изъ малороссійскихъ и внутреннихъ губерній. Въ этотъ періодъ населеніе Николаевскаго

и Новоузенскаго уѣзда увеличилось болѣе чѣмъ на 50% (изъ нихъ 23% падаетъ на переселенцевъ); вслѣдствіе того слободы Мечетная на Большомъ Иргизѣ и Чертанла на Большомъ Узенѣ назначены были уѣздными городами, съ переименованіемъ ихъ въ Николаевскъ и Новоузенскъ.

Русское населеніе распространено по всей губерніи и является преобладающимъ вездѣ, за исключеніемъ Бугульминскаго уѣзда, гдѣ оно составляетъ 31%, а Башкиры съ Татарами составляютъ 43%. Русскіе собрались сюда почти изъ всѣхъ губерній, какъ это видно даже изъ названій многихъ селеній: Московка, Питерка, Тульская, Курская, Харьковка, Пензенка, Пензятка, Тамбовка, Моршанка и т. д. Эти переселенцы, не смотря на давность поселенія въ здѣшнемъ краѣ, не смотря на мѣстныя условія, частыя сношенія и близкое сосѣдство съ инородцами, сохранили въ большей части случаевъ отличія наружнаго вида, характера быта и говора, напримѣръ, черныя и бѣлыя избы—смотря по тому, изъ какой губерніи вышли поселенцы; расположеніе избъ также различно, напримѣръ, у Куряковъ окна дѣлаются на дворъ, печь въ переднемъ углу, гдѣ у другихъ образа, палатей не дѣлаютъ, избы топятъ по бѣлу; у Туляковъ, Пензяковъ и Рязанцевъ избы курныя, но полы деревянные [1]). Отъ этого нерѣдко, по замѣчанію покойнаго А. П. Артемьева, въ одной и той же деревнѣ типы поселянъ, говоръ ихъ и костюмы весьма разнообразны, какъ бы на какой выставкѣ [2]). Отсюда нѣкоторые мѣстные изслѣдователи дѣлаютъ выводъ, что въ народномъ быту нѣтъ установившихся обычаевъ, ссылаясь на извѣстную народную поговорку: *что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай* [3]), поговорку, замѣтимъ, сложившуюся не здѣсь и распространенную и въ другихъ губерніяхъ. Мнѣніе, что установившіеся обычаи въ средѣ населенія Самарской губерніи суще-

---

[1]) Очеркъ с. Березовки Самарскаго уѣзда, свящ. *Демидова* въ *Епарх. вѣд.* 1876 г., № 10.

[2]) Списокъ насел. мѣстн. Самарской губ., введеніе.

[3]) На эту поговорку между прочимъ ссылается свящ. Архангельскій въ своемъ изслѣдованіи о народныхъ обычаяхъ с. Кракова, которое между прочимъ наглядно показываетъ, что юридическіе обычаи этого селенія въ общихъ основаніяхъ ничѣмъ не отличаются отъ обычаевъ другихъ селеній этого края.

ствуютъ только у Татаръ, было высказано между прочимъ въ Самарскомъ статистическомъ комитетѣ при обсужденіи вопроса объ изученіи народнаго юридическаго быта Самарской губерніи [1]). Но это мнѣніе не выдерживаетъ критики, такъ какъ до сихъ поръ никто изъ сторонниковъ его не указалъ такихъ обычаевъ, которые представляли бы черты кореннаго различія. Конечно, надо сдѣлать исключеніе для Малороссовъ, хотя эти послѣдніе—явленіе замѣчательное—въ здѣшнихъ степяхъ весьма быстро усвоили многіе юридическіе обычаи Великоруссовъ, то-есть, живутъ большими семьями, даютъ и берутъ кладки за невѣстъ и т. д. [2]).

Такимъ образомъ изученіе народнаго юридическаго быта Самарской губерніи представляетъ, какъ мнѣ кажется, даже исключительный интересъ, вопервыхъ, потому, что здѣсь мы можемъ, такъ сказать, прослѣдить самый процессъ формаціи обычаевъ, и вовторыхъ, потому, что этотъ край представляетъ прямой и рѣзкій контрастъ съ Архангельскою губерніей, юридическій бытъ которой наиболѣе изслѣдованъ, и такимъ образомъ юридическіе обычаи Самарской губерніи даютъ мѣсто весьма интереснымъ сравненіямъ.

Населеніе края на сѣверѣ плотнѣе, чѣмъ на югѣ. Другая особенность южной полосы, гдѣ вообще въ употребленіи не соха, а плугъ, это—болѣе крупныя семьи. На эту особенность южной полосы, сложившуюся подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій хозяйства (чтобъ орать *цѣлину* южной полосы плугомъ, нужно довольно значительное количество рабочаго скота, которымъ малотягольная семья располагать не можетъ), указано въ моей программѣ для собиранія обычаевъ, изд. Самарскимъ статистическимъ комитетомъ въ 1872 г. Коммисія, изслѣдовавшая положеніе волостныхъ судовъ, остановила свое вниманіе на этомъ вопросѣ, хотя обращеніе ея за разрѣшеніемъ онаго къ самимъ крестьянамъ нельзя назвать удачнымъ. Въ с. Екатериновкѣ, Самарскаго уѣзда, членъ этой коммиссіи М. П. Зарудный обратился къ собраннымъ для его встрѣчи крестьянамъ

---

[1]) См. Журналъ засѣданія ст. комитета отъ 30-го октября 1875 г.

[2]) Поселенцы изъ Малороссіи живутъ только зажиточнѣе своихъ сосѣдей-переселенцевъ изъ великорусскихъ губерній и инородцевъ, за исключеніемъ Нѣмцевъ-колонистовъ. Сельское духовенство Самарской епархіи обыкновенно ставитъ въ примѣръ другимъ прихожанамъ ихъ благочестіе и усердіе къ храму Божію.

съ вопросомъ: имѣетъ ли вліяніе употребленіе сохи или плуга на ихъ раздѣлы, и разумѣется получилъ, отвѣтъ, который мы читаемъ на стр. 3, т. VI Трудовъ Коммиссіи, въ отдѣлѣ опросовъ крестьянъ: „вліяніе плуга или сохи на раздѣлы не замѣтно, главное—ссоры". За разрѣшеніемъ этого вопроса, и притомъ самымъ точнымъ и основательнымъ, слѣдовало бъ обратиться къ статистическимъ таблицамъ Самарской губерніи, изданнымъ въ 1870 и 1871 гг. на основаніи весьма обстоятельной подворной описи. Изъ таблицы подъ № 5: „народонаселеніе по семейному составу и рабочимъ спламъ", между прочимъ оказывается слѣдующее: Въ сѣверныхъ уѣздахъ (гдѣ пашутъ сохой) число семей, имѣющихъ отъ 3 до 5 работниковъ, составляетъ въ Бугульминскомъ уѣздѣ 8% всего числа семей, въ Ставропольскомъ уѣздѣ 9%.; между тѣмъ въ Бузулукскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ такія семьи составляютъ 15%, а въ Николаевскомъ 14%; кромѣ того, семей, имѣющихъ отъ 6 до 10 работниковъ, въ уѣздѣ Бузулукскомъ 195, Николаевскомъ 194, Новоузенскомъ 118, а въ Ставропольскомъ 28, въ Бугульминскомъ 22; наконецъ, семей, имѣющихъ болѣе десяти работниковъ, въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ вовсе нѣтъ: такія семьи встрѣчаются только въ уѣздахъ Самарскомъ, Николаевскомъ, Бузулукскомъ и Новоузенскомъ. Въ Николаевскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Раевкѣ, населенной переселенцами изъ Курской губерніи, отпущенными на волю помѣщицей г-жей Раевскою еще въ 1834 году, въ недавнее время проживала замѣчательная семья крестьянъ Фортушныхъ: нынѣ умершій *большакъ* Михайла стоялъ въ главѣ этой многочисленной семьи, состоявшей изъ его женатыхъ братьевъ, сыновей и внуковъ и владѣвшій земельнымъ участкомъ въ нѣсколько сотъ десятинъ; отецъ Михайлы Иванъ имѣлъ 50[illegible] десятинъ земли, купленной имъ у бывшей помѣщицы, которая, какъ мы уже сказали, отпустила всѣхъ крестьянъ дер. Раевки на выкупъ, но этотъ отцовскій участокъ Михайла увеличилъ пріобрѣтеніемъ еще нѣсколькихъ сотъ десятинъ [1]). Въ настоящее время эта громадная семья разпалась.

Представивъ въ общихъ чертахъ характеристику состава на-

---

[1]) См. любопытное описаніе с. Раевки, составленное свящ. *Викторовымъ* въ *Епарх. Вѣд.* за 1872 г. № 7.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

селенія Самарской губерніи, прежде чѣмъ приступить къ очеркамъ юридическихъ обычаевъ этой мѣстности, считаю не лишнимъ указать источники и матеріалы, которыми я пользовался при составленіи ихъ.

Печатная литература почти вся заключается въ мѣстныхъ *Губернскихъ* и *Епархіальныхъ вѣдомостяхъ*. Нѣкоторыя свѣдѣнія о народномъ юридическомъ бытѣ этого края, сверхъ того, можно найдти въ правительственныхъ изданіяхъ, а именно въ Докладѣ Коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства и промышленности въ Россіи и въ Трудахъ Коммиссіи о волостныхъ судахъ, въ VI томѣ которыхъ помѣщено довольно значительное собраніе рѣшеній волостныхъ судовъ губерніи; послѣднее я имѣлъ случай пополнить нѣкоторыми другими, не вошедшими въ указанное изданіе.

Привожу здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ подробный указатель печатной литературы юридическихъ обычаевъ Самарской губерніи, который нѣсколько полнѣе помѣщеннаго въ книгѣ Е. И. Якушкина [1]).

Самарскія Губернскія Вѣдомости:

1) * *И. Краснова*: Поговорки поселянъ Самарской губерніи (1853 г., № 5, 7 и 19).

2) *А. А.*: Большаки и Большухи (1853 г., № 20). Это риторическое упражненіе на указанную тему при совершенномъ отсутствіи всякаго фактическаго содержанія; упоминаю о немъ лишь потому, что эта статья помѣщена въ Указателѣ г. Якушкина.

3) *Н. Вороновъ:* Обряды Сватовства у Малороссіянъ (1856 г. № 3).

4) *Еропкинъ:* Свадебные обряды русскихъ поселянъ въ Бугульминскомъ уѣздѣ (1858 г., № 39 и 40).

5) *И. Л.*: Матеріалы для физіологіи общества. Судъ надъ мертвыми (изъ быта Чувашъ) (1861 г. № 6). Статья по содержанію подходящая весьма близко къ указанной подъ № 2. Другой же отрывокъ изъ тѣхъ же матеріаловъ для физіологіи общества, подъ названіемъ „Выборы изъ быта Мордвы“, ошибочно попалъ въ Указатель г. Якушкина, тогда какъ эта замѣтка не имѣетъ никакого отношенія къ народнымъ юридическимъ обычаямъ.

[1]) Звѣздочкой означаются статьи и замѣтки, которыхъ нѣтъ въ указателѣ г. Якушкина.

6) Свящ. *И. Дерюжевъ:* Семейный бытъ, обычаи, повѣрья крестьянъ Покровско - Сосновской волости Бугурусланскаго уѣзда (1867 г., № 73, 75, 77, 79 и 81).

7) *А. Гончаровъ*: Южная часть Новоузенскаго уѣзда (1873 г. № 93). Путевыя замѣтки, въ которыхъ авторъ мимоходомъ касается юридическаго быта населенія этой полосы.

8) Предисловіе къ помѣщенной мной въ *Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* за 1872 г. №№ 47, 48, 57 и 59 программѣ для собиранія свѣдѣній о народныхъ юридическихъ обычаяхъ, которое заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о юридическомъ бытѣ этого края [1]).

Епархіальныя Вѣдомости:

9) * Псаломщикъ *Флорентовъ*: Слобода, именуемая Бугульмой. (1872 г., № 4).

10) * Свящ. *Викторовъ:* Нѣсколько словъ о с. Раевкѣ, Николаевскаго уѣзда (1872 г., № 7).

11) * Свящ. *Архангельскій*: Приходъ Краковскій, Самарскаго уѣзда (1872 г., № 21, 1873 г. № 5 и 6). Описаніе этого прихода, подобное многимъ другимъ, печатавшимся въ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*; имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ занимающему насъ предмету. Въ послѣдствіи въ отвѣтъ на мою программу юридическихъ обычаевъ свящ. Архангельскій составилъ особое изслѣдованіе обычаевъ с. Кракова, упоминаемое мною ниже. Это послѣднее — самый серьозный трудъ изъ всего напечатаннаго до сихъ поръ о юридическихъ обычаяхъ Самарской губерніи.

12) * Свящ. *Лавровскій*: Обычаи и повѣрья прихожанъ с. Барановки, Бузулукскаго уѣзда. (1873 г., № 3 и 4).

13) * Діаконъ *Бѣлорѣченскій:* Историческій очеркъ с. Лабазъ, Бузулукскаго уѣзда (1875 г., № 12 и 19).

14) * Свящ. *Архангельскій:* Народные обычаи с. Кракова, Самарскаго уѣзда. Обширное изслѣдованіе, о которомъ мы упомянали выше; оно началось печатаніемъ съ № 3 въ 1875 году и продолжалось въ 1876 году.

15) * Свящ. *Демидовъ:* Историческій очеркъ с. Березовки (1876 г., № 10).

---

[1]) Эта программа была перепечатана цѣликомъ въ видѣ приложенія къ *Епархіальнымъ Вѣдомостямъ* за тотъ же 1872 годъ.

*

Московскія Вѣдомости:

16) *К. Д. Кавелинъ:* Письма изъ деревни (1860, № 192 и 194). Въ этихъ любопытныхъ замѣткахъ нашъ извѣстный юристъ касается юридическихъ обычаевъ Самарской губерніи.

Кромѣ этихъ печатныхъ источниковъ, я пользовался нѣкоторыми рукописными матеріалами, а именно статьями и замѣтками, доставленными мнѣ разными лицами въ отвѣтъ на мою программу юридическихъ обычаевъ, напечатанную въ *Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* за 1872 годъ. По Бугульминскому уѣзду свѣдѣнія мнѣ были доставлены помощникомъ акцизнаго надзирателя г. Забудскимъ, по Николаевскому уѣзду, также акцизнымъ чиновникомъ г. Гуковымъ, по Бузулукскому уѣзду гг. Соколовымъ и Третьяковымъ [1]) и по Новоузенскому уѣзду отъ г. Любимова и бывшаго мироваго посредника г. Шафрата. Всѣ эти свѣдѣнія я имѣлъ случай провѣрить и дополнить личными наблюденіями, прослуживъ въ Самарской губерніи слишкомъ пять лѣтъ въ должности члена окружнаго суда. Съ этою цѣлью я обращался къ крестьянамъ, которые призывались въ судъ въ качествѣ присяжныхъ и свидѣтелей, а также предпринималъ нѣкоторыя экскурсіи въ уѣзды Бугурусланскій, Николаевскій, Ставропольскій и Самарскій.

Наиболѣе свѣдѣній въ собранныхъ мною матеріалахъ относится къ семейному быту—устройству семьи и возникающимъ въ средѣ ея юридическимъ отношеніямъ. Сравнительное обиліе матеріаловъ дало мнѣ возможность сдѣлать по этому предмету нѣкоторые выводы. Что касается сдѣлокъ и договоровъ, то имѣющіеся у меня матеріалы заключаются преимущественно въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, кромѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній, довольно любопытныхъ, о договорѣ *найма земли изъ мѣшка*, то-есть, такого найма, при коемъ плата за землю производится изъ урожая и только въ случаѣ урожая. Но въ настоящихъ очеркахъ я не коснусь этого предмета, такъ какъ намѣренъ посвятить ему особую статью. Весьма важный вопросъ о земельной общинѣ, передѣлѣ полей, раздѣлѣ сѣнокосныхъ и другихъ угодій былъ едва затронутъ въ программѣ

---

[1]) Г. Третьяковъ, занимавшійся по порученію Самарскаго статистическаго комитета изученіемъ экономическаго быта края, доставилъ мнѣ монографическое описаніе одного селенія Бузулукскаго уѣзда.

Отдѣленія Этнографіи 1864 г., въ которой между цѣлымъ рядомъ другихъ вопросовъ и притомъ лишь въ примѣчаніи вскользь упоминалось о передѣлѣ и раздѣлѣ общественныхъ земель и сѣнокосовъ и о способѣ пользованія разными земельными и лѣсными угодьями. Составляя мою программу по образцу программы Отдѣленія Этнографіи и не будучи въ то время достаточно знакомъ съ вопросомъ объ устройствѣ крестьянской земельной общины, я не рѣшился составить свою программу по этому отдѣлу; такимъ образомъ въ собранныхъ мною матеріалахъ, за исключеніемъ разпросовъ крестьянъ, которые мнѣ лично доводилось дѣлать, совершенно отсутствуютъ свѣдѣнія объ этомъ капитальномъ предметѣ народнаго юридическаго быта.

Въ настоящей статьѣ я ограничусь очерками народнаго семейнаго быта крестьянъ Самарской губерніи и нѣкоторыми замѣчаніями по вопросу о доказательствахъ въ народномъ судѣ.

II. СЕМЕЙНЫЙ БЫТЪ.

А) Большая и малая семья.—Кладка.—Имущественное положеніе женщины и женское добро.

Въ народномъ бытѣ Самарской губерніи еще сохранилась *большая* или *родовая семья* съ своими своеобразными особенностями, съ своими *большаками* и *большухами*, хотя эта форма семейнаго быта постепенно разрушается и вымираетъ и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, благодаря измѣненію нравовъ, стремленію къ обособленію личности—и главное—бабамъ, какъ это сознаетъ и самъ народъ: малая семья вытѣсняетъ большую. Всякій экономическій кризисъ въ народномъ быту увеличиваетъ дробимость семей; таково было вліяніе голода 1873 г., послѣ котораго дѣлежи возросли въ огромныхъ размѣрахъ, также какъ и послѣ реформы 1861 года.

Малая семья—это такая, которая состоитъ изъ мужа, жены и холостыхъ сыновей; всякой женатый сынъ выдѣляется; чистый типъ этой формы семьи мы встрѣчаемъ въ Малороссіи и Архангельской губерніи. Въ Самарѣ, какъ и во многихъ другихъ велико-

русскихъ губерніяхъ, много малыхъ семей смѣшаннаго типа, то-есть, такихъ, гдѣ отецъ глава дома живетъ съ своими женатыми сыновьями, которые обыкновенно по смерти его, а часто и раньше дѣлятся. Въ излагаемомъ очеркѣ я и эти семьи смѣшаннаго типа называю малыми, такъ какъ имущественныя и личныя отношенія членовъ въ нихъ одни и тѣ же.

Устройство большой семьи довольно сложное. Въ ней хозяинъ дома—глава обширной хозяйственной артели или семейной общины, насчитывающей иногда въ своей средѣ болѣе десяти работниковъ (такихъ семей въ Бузулукскомъ уѣздѣ, по свѣдѣніямъ подворной описи 1867 г., было 8, а семей, имѣющихъ отъ 6 до 10 работниковъ, 195; въ Николаевскомъ же ихъ было 194, при чемъ глава дома, хозяинъ—нѣкоторымъ членамъ семьи не только не отецъ, но даже и не дѣдъ.

Хотя по количеству работниковъ нельзя вполнѣ точно опредѣлить, къ какому типу принадлежитъ семья, но можно безошибочно сказать, что семья, въ которой болѣе десяти работниковъ, принадлежитъ къ типу большой семьи. Въ с. Краковѣ, Тростянской волости, Самарскаго уѣзда, въ которой уже 1867 г. не было ни одной семьи съ шестью или болѣе работниками, свящ. Архангельскій насчитываетъ 4 семьи, принадлежащія къ типу большой семьи, 90 типа малой семьи, и 38 семей съ характеромъ смѣшаннымъ [1]).

Женщина не есть дольщица имущества семьи; въ этомъ отношеніи положеніе ея въ большой и малой семьѣ одинаково, хотя ея имущественное положеніе въ малой семьѣ лучше: въ послѣдней, *сноровляя* коробью — приданое дочери невѣсты, она не стѣснена контролемъ остальныхъ членовъ семьи, на который такъ горько жалуются бабы въ большей семьѣ, говоря, что у нихъ „и стѣны глаза имѣютъ“.

Въ большой и малой семьѣ женщина — самостоятельная имущественная единица, а не дольщица общаго достоянія семьи. Женщинѣ дозволяется имѣть свое отдѣльное имущество—*коробью*, чего не полагается остальнымъ членамъ семьи. За нею признается право получать въ свою пользу деньги за извѣстные заработки (деньги за грибы, ягоды, а въ малой семьѣ молочный скопъ, яйца и пти-

---

[1]) *Епарх. Вѣд.* 1876 г., стр. 401.

цеводство—бабье добро). Кромѣ того, бабамъ дается изъ общаго достоянія семьи волокна льна, пеньки и поскони, а также шерсть для изготовленія бѣлья и одежды какъ себѣ, такъ и для семьи, при чемъ остатки идутъ въ пользу бабъ. Все это распредѣляется по долямъ между ними такимъ порядкомъ: Свекровь, будетъ ли она при мужѣ или вдова, во всякомъ случаѣ получаетъ полную долю. Если у нея есть холостые сыновья, то на долю каждаго изъ нихъ дается еще по ½ долп. Каждая соха, каждая женщина въ семьѣ, при мужѣ, получаютъ по долѣ. Каждая мать на сына подростка получаетъ по ½ долп. Соха-вдова, какъ холостые подростки, получаетъ по ½ долп. Большуха въ семьѣ, если она не свекровь, въ раздѣлѣ вышеуказаннаго женскаго добра не имѣетъ никакого преимущества; ея привилегіи заключаются въ томъ, что она распоряжается женскою работой въ семьѣ, что у нея въ рукахъ *квашня* и стряпня, и что она, какъ говорится,—„не смотритъ изъ чужихъ рукъ куска“, и это составляетъ предметъ тайныхъ желаній большинства бабъ, которыя не имѣютъ такого завиднаго преимущества [1]).

Крестьянскимъ дѣвушкамъ при этомъ дѣлежѣ льна, пеньки, поскони и шерсти не дается ничего; съ ними дѣлятся матери изъ своей части и изъ части сыновей-*подростковъ*, а сестры за это должны снаряжать всѣмъ нужнымъ для одежи своихъ холостыхъ братьевъ. Впрочемъ, въ послѣднее время и притомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне живутъ подѣлившись, какъ напримѣръ, въ с. Краковѣ, Самарскаго уѣзда, по свѣдѣніямъ свящ. Архангельскаго, крестьянскимъ дѣвушкамъ изъ поименованнаго женскаго добра стали удѣлять части ровныя съ подростками.

Семья, не освобождая дѣвушку отъ общей работы, даетъ ей однако возможность работать на себя; напримѣръ, тамъ, гдѣ есть бакчи или огороды, сажаніе на нихъ овощей, полотье и уборка ихъ, а также отчасти уборка сѣна, полотье яровыхъ хлѣбовъ, дѣланье кизяка, то-есть, топлива изъ навоза, и *гулки*—это ихъ достояніе. Гуль-

---

[1]) См. статью свящ. *Архангельскаго:* Народные обычаи въ с. Краковѣ *Епарх. Вѣд.* за 1876 г., стр. 341. Такой же порядокъ дѣлежа льна, поскони и шерсти существуетъ и въ другихъ селеніяхъ Самарскаго уѣзда, а также въ уѣздахъ Николаевскомъ и Бугурусланскомъ въ средѣ русскаго населенія. Нѣкоторая разница мною болѣе замѣчена лишь въ распредѣленіи долей шерсти.

ками называется праздничная уборка хлѣба (жнитво) или сѣна, для которой собираются дѣвушки партіями отъ 6 до 10 человѣкъ; сговорившись на такую работу съ вечера, онѣ рано утромъ выходятъ на работу; разсчетливые хозяева обыкновенно нанимаютъ эти *гулки* ниже существующей заработной платы. На эти заработки, подъ наблюденіемъ и заботами матери и изъ долей льна, пеньки и поскони какъ матери, такъ и холостыхъ братьевъ, крестьянская дѣвушка копитъ себѣ *коробью*, снаряжая которую въ большой семьѣ она стѣснена контролемъ *большака* и *большухи*, а также и прочихъ членовъ семьи, ревниво наблюдающихъ, чтобы бабы не тащили чего лишняго для коробья дочерей. Кромѣ того, въ большой семьѣ хозяинъ дома, выдавая шерсть, наблюдаетъ, чтобы бабы брали не болѣе того, сколько нужно для одежи; остатки же шерсти составляютъ достояніе семьи и учитываются хозяиномъ дома. Въ малой семьѣ шерстью бабы распоряжаются безконтрольно.

Изъ такого положенія крестьянской дѣвушки въ семьѣ выходитъ обычай брать *кладку* или *кладки* за невѣсту—общій во всей губерніи и усвоенный даже поселившимися здѣсь Малороссами, хотя въ коренной Малороссіи онъ неизвѣстенъ [1]).

Кладку не слѣдуетъ смѣшивать ни съ платой за невѣсту или *калымомъ* нашихъ инородцевъ, ни съ выводными деньгами, которыя брали помѣщики при крѣпостномъ правѣ, выдавая своихъ крѣпостныхъ замужъ въ чужое селеніе. При всемъ сходствѣ *кладки* съ *калымомъ* между ними есть одно существенное различіе: *калымъ*—это покупка или выкупъ невѣсты, *кладка*—выкупъ коробьи невѣсты и вознагражденіе свадебныхъ расходовъ семьи невѣсты. Кладка—это народный русскій обычай, вытекающій изъ устройства и имущественныхъ отношеній членовъ крестьянской семьи. Крестьянская дѣвушка собираетъ себѣ коробью изъ частей, отпус-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по свѣдѣніямъ, доставленнымъ г. Любимовымъ, между Хохлами, какъ зоветъ ихъ названный собиратель, придерживаясь народнаго говора,—кладка называется *деньгами на столъ*. Въ сосѣднемъ Саратовскомъ уѣздѣ кладка, или точнѣе, та часть ея, которая составляетъ вознагражденіе свадебныхъ расходовъ семьи невѣсты, называется *столовыми деньгами* (см. рѣшеніе суда Голицынской волости за 1871 г. въ Трудахъ Коммиссіи, т. VI, стр. 380 и 381).

каемыхъ изъ общаго достоянія семьи на снабженіе ея холостыхъ братьевъ, а также изъ долей женскаго добра, отпускаемаго матери. Выходя замужъ, она уноситъ въ другую семью коробью, изъ которой будетъ спаровлять, одѣвать мужа; потому женихъ и его семья должны за это вознаградить мать невѣсты и ея холостыхъ братьевъ, такъ какъ только они безъ участія женатыхъ братьевъ пользуются деньгами, получаемыми въ видѣ кладки.

По общему народному воззрѣнію, дѣвушка въ семьѣ—это *пустокормъ*; крестьяне говорятъ: „*отца-матерь кормлю долгъ плачу, сыновей въ люди вывожу—въ займы даю, дочь снабжаю—за окно бросаю*“. Поэтому семья, снаряжая дочь замужъ, не охотно на нее тратится. Семья жениха, пріобрѣтая въ ней работницу, которая будетъ одѣвать своего мужа, должна нести расходы на свадебное гулянье. Поэтому всѣ вообще брачныя издержки оплачиваются впередъ женихомъ или его семействомъ. Обыкновенно во избѣжаніе нареканій по поводу угощенія эта часть кладки берется только отчасти деньгами, а болѣе натурой, то-есть, водкой, брагой, медомъ, хлѣбомъ, мясомъ и т. д. Кромѣ того, невѣста должна кланяться жениху и его роднымъ *бѣлыми дарами*, то-есть, своимъ рукодѣльемъ, количество и качество котораго также имѣетъ вліяніе на размѣръ кладки; эта послѣдняя такимъ образомъ бываетъ весьма различна—отъ 20 до 80 и болѣе рублей [1]). При этомъ надо обратить вниманіе на то, что количество кладки, обусловливается не только достаткомъ жениха или его семьи, но всѣми вышеуказанными соображеніями.

Размѣръ кладки опредѣляется послѣ согласія невѣсты и ея родителей на бракъ, когда назначается вечеръ на рукобитьѣ и смотрины. Въ этомъ отношеніи опять представляется различіе между калымомъ и кладкой.

Въ случаѣ, если сватьба не состоится, родные невѣсты должны возвратить кладку; это положеніе можно подкрѣпить многими

---

[1]) Свящ. Архангельскій въ своемъ описаніи народнаго быта с. Кракова, опредѣляетъ ее на стр. 92 отъ 20 до 70, а на стр. 213 отъ 20 до 60 р., но я знаю случаи, когда она достигала 80 и болѣе руб. Свящ. Лавровскій, описывая народный бытъ с. Барановки, Самарскаго уѣзда, опредѣляетъ размѣръ кладки въ 40 руб., прибавляя, что богатые крестьяне расходуютъ на сватьбу сына не менѣе 100 руб. (*Сам. Губ. Вѣд.* за 1873 г. № 3 и 4).

рѣшеніями волостныхъ судовъ, практика которыхъ въ этомъ пунктѣ твердо установилась; для примѣра можно привести рѣшеніе Старо-Буяновскаго волостнаго суда за 1871 г., напечатанное въ т. VI Трудовъ Коммиссіи, и многія другія [1]).

Женщина въ крестьянской семьѣ составляетъ самостоятельную единицу; это, сверхъ указаннаго, подкрѣпляется еще слѣдующими данными: ключи отъ коробьи всегда хранятся у женщинъ; хозяинъ дома можетъ вскрыть коробью только въ случаѣ подозрѣнія, что баба стала таскать въ нее что-либо изъ общаго достоянія семьи. Это послѣднее обстоятельство считается большимъ зломъ для благосостоянія дома: „когда баба пойдетъ *мести* (то-есть, тихонько таскать), то весь домъ вымететъ", говоритъ народъ—и народный обычай уполномочиваетъ хозяина дома всячески этому противодѣйствовать.

Неприкосновенность женской коробьи установлена обычаемъ и охраняется міромъ, строго соблюдающимъ этотъ обычай. Посягательства на нее со стороны мужа встрѣчаются въ малой семьѣ, въ большой семьѣ я про подобные случаи не слыхалъ.

Жена не имѣетъ права продавать ни хлѣба, ни соломы, ни другихъ продуктовъ, составляющихъ достояніе дома. Напримѣръ, былъ такой случай: одна баба тихонько отъ мужа продала хлѣбъ, и разумѣется, по цѣнѣ ниже стоявшей тогда, такъ какъ иначе никто и не купилъ бы у нея. Волостной судъ по жалобѣ мужа на покупателя постановилъ: взыскать съ покупателя въ пользу истца недоданныя деньги и оштрафовать покупателя и продавщицу 50 коп. каждаго (Тростянская волость Самарскаго уѣзда).

Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго можно вывести заключеніе, что въ крестьянскомъ быту женщина разсматривается какъ самостоятельная имущественная единица. Это мнѣніе высказываетъ и почтенный изслѣдователь народнаго быта с. Кракова свящ. Архангельскій въ вышеуказанной статьѣ своей.

Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, напечатанныхъ въ Трудахъ Коммиссіи, иногда встрѣчаются приговоры, указывающіе какъ бы противное, напримѣръ, жена присуждается къ уплатѣ долга мужа (Ека-

---

[1]) То же и въ сосѣдней Саратовской губерніи; см. вышеприведенное рѣшеніе суда Голицынской волости.

терiиовская волость); но это ничего не доказываетъ, такъ какъ въ этомъ рѣшенiи обстоятельства дѣла изложены весьма кратко. Очень можетъ быть, что приговоренная къ уплатѣ долга вдова осталась послѣ мужа хозяйкою дома, то-есть, принявши отъ мужа домъ съ хозяйствомъ, она очевидно должна была платить долги, сдѣланные покойнымъ мужемъ для дома.

По смерти бездѣтной жены, мужъ возвращаетъ безусловно все ее дѣвичье имущество, то-есть, коробью, прежней семьѣ, и тамъ оно не поступаетъ въ общее достоянiе дома, но получаетъ его мать умершей, или за смертью послѣдней дѣвушки-дочери, а если таковыхъ нѣтъ, холостые братья.

Указанное движенiе имущества умершей бездѣтной женщины твердо установлено обычаемъ; но затѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ никого изъ вышеуказанныхъ лицъ для получения коробьи умершей, то иногда это имущество идетъ на поминъ ея души. На этотъ обычай, далеко впрочемъ не общiй, охотно указываютъ собиратели обычаевъ изъ сельскаго духовенства, хотя на самомъ дѣлѣ нерѣдко въ этомъ случаѣ мужъ покойной или свекръ оставляютъ ея коробью за собою.

Замѣчательно, что въ рѣшенiяхъ судовъ нѣкоторыхъ волостей, напримѣръ, Тростянской, Самарскаго уѣзда, нѣтъ вовсе случаевъ взысканiя съ мужа имущества, то-есть, коробьи покойной жены, такъ какъ мужъ по совѣсти долженъ возвратить его семьѣ покойной, а взыскивать съ него что-либо изъ такого имущества, по мнѣнiю народа, дѣло не хорошее, это значитъ—„*трясти душу покойной*“ [1]). Это взглядъ Псковской судной грамоты 1467 года: „а у котораго *человѣка* помретъ жена, а мужъ ея оженится і женя мать (то-есть, теща) или сестра или iное племя и имутъ искать платья, iно мужъ ея право по души (по чистой совѣсти) платья отдасть, а на останки мужеви о женiи платы целованья нѣтъ“ [2]). Въ Тростянской волости мужъ не наслѣдуетъ даже постели покойной жены; ему достается только благословенная икона. Между тѣмъ въ Елховской и Алексѣевской

---

[1]) Но не вездѣ такъ; въ другихъ волостяхъ того же Самарскаго уѣзда, напримѣръ, въ Елховской и Алексѣевской (послѣдняя сплошь населена Русскими), *трясутъ* нерѣдко душу покойной дочери, какъ это видно изъ многихъ рѣшенiй волостныхъ судовъ.

[2]) Псковская судная грамота. Изд. *И. Мурзакевича*. Одесса. 1868. Стр. 22.

волостяхъ, того же Самарскаго уѣзда, постель всегда оставляется мужу покойной, и волостной судъ, присуждая ему постель, обыкновенно ссылается на общеизвѣстный мѣстный обычай.

Что̀ истрачено мужемъ при жизни жены съ ея согласія или даже безъ него (послѣдній случай возможенъ только въ малой семьѣ), то послѣ смерти семья покойной отъ мужа требовать не можетъ. На этомъ твердо стоятъ и мірскіе сходы, и волостные суды.

Охраняя свою коробью, бабы прибѣгаютъ иногда къ хитрости, чтобы спасти его отъ расхищенія на случай смерти; при тяжкой болѣзни или беременности тихонько черезъ подручницъ перетаскиваютъ свою коробью въ домъ матери.

Чтобы закончить представленную характеристику большой и малой семьи, я долженъ сказать, что въ малой семьѣ бываютъ случаи, когда главенство переходитъ въ руки *бабы*, которая дѣлается иногда по смерти мужа, если у нея есть *подростки*-сыновья, настоящею хозяйкой; въ большой семьѣ этихъ случаевъ не бываетъ и быть не можетъ.

Свящ. Архангельскій утверждаетъ, что въ малой семьѣ даже бездѣтная вдова *можетъ быть* хозяйкой дома, если возьмется править душу покойнаго мужа, то-есть, платить причитающіяся на его душевой надѣлъ подати и повинности. Но это, кажется, только предположеніе нашего почтеннаго изслѣдователя, не подкрѣпляемое фактами и не находящее подтвержденія въ собранныхъ мною матеріалахъ.

Б) Имущественныя отношенія членовъ семьи—участниковъ общаго достоянія дома и семейные дѣлежи.— Духовныя завѣщанія или памяти.—Случайные члены семьи: пріемыши, пасынки и зятья-влазени; отставные салдаты.

По мнѣнію крестьянъ, дѣлежи дѣйствуютъ на нихъ разорительно, и вообще говоря, крупныя семьи живутъ зажиточнѣе. Хотя нѣкоторые изслѣдователи народнаго быта—это мнѣніе было между прочимъ высказано г. Анучинымъ въ засѣданіи Самарскаго статистическаго комитета 30-го октября 1875 г.,—полагаютъ, основываясь на цифрѣ скота, что дѣлежи содѣйствуютъ развитію народнаго благосостоянія, но это предположеніе не вѣрно. Напримѣръ,

положимъ: въ крестьянскомъ домѣ на 4 мужскихъ души, одна корова, а въ подѣлившимся ихъ двѣ, но несомнѣнно, что это уже будутъ не коровы, а *коровенки.*

Съ дѣлежами въ крестьянскомъ хозяйствѣ все мельчаетъ и слабѣетъ—не только число людскихъ рабочихъ силъ, но и качество скота, земледѣльческихъ орудій, построекъ и т. д., и вмѣстѣ съ тѣмъ накопляются разныя недопмки, потому что одинокому крестьянину нельзя ни извозомъ заняться, ни въ степь въ башкирскія земли или другой какой промыселъ уйдти. „*Подѣлился такой-то домъ*“, говорятъ сами крестьяне,—„*ну и послабѣли во всемъ, что скотиной, что въ лошадяхъ, что и хлѣбушкомъ*“.

Переходя къ крестьянскимъ *раздѣламъ*, надо прежде всего указать, что ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ *выдѣлами*, *отдѣлами* и наконецъ *отходами.*

Собственно говоря, *раздѣлы* бываютъ только въ большой семьѣ, гдѣ есть нѣсколько представителей семейнаго имущества, полноправныхъ и равноправныхъ дольщиковъ общаго достоянія дома, напримѣръ, нѣсколько женатыхъ братьевъ, у которыхъ притомъ нѣтъ въ живыхъ отца. При раздѣлѣ имущество дѣлится на равные паи, и затѣмъ бросается жребій, кому какой выпадетъ. На раздѣлъ имѣютъ право женатые внуки при жизни дѣда, если только ихъ отецъ умеръ.

Выдѣлы бываютъ въ малой семьѣ, то-есть, въ такой семьѣ, гдѣ глава дома отецъ. Разница между выдѣломъ и отдѣломъ та, что при выдѣлѣ дается полный пай, а при отдѣлѣ часть пая—по усмотрѣнію отца главы семейства. Какъ выдѣлъ, такъ и отдѣлъ, завпсятъ отъ отца и дѣлаются съ его согласія. Если же при жизни отца-хозяина сынъ уходитъ изъ семьи по собственной волѣ, то это называется *отходомъ*; отецъ можетъ въ такомъ случаѣ не дать ему ничего, какъ это обыкновенно и бываетъ, пустить его, какъ говоритъ народъ „съ однимъ крестомъ“: міръ за него въ этомъ случаѣ не вступится.

Отходъ бываетъ и въ большой семьѣ, гдѣ хозяинъ старшій братъ, но рѣже чѣмъ въ малой, напримѣръ, если пожелаетъ уйдти изъ семьи младшій братъ не женатый; но если уходитъ женатый братъ, то *раздѣлъ* обязателенъ, и братья получаютъ каждый свой пай. Это случается, вопервыхъ, въ бѣдныхъ семьяхъ, если холостой братъ

сговорился уйдти въ другую семью *зятемъ-влазенемъ*, который вступаетъ въ семью жены на правахъ дольщика семейнаго имущества и даже принимаетъ прозвище того дома, въ который поступаетъ. Вовторыхъ, это бываетъ съ безшабашными головами, безпутными людьми, тѣми добровольными бобылями, которые, отбиваясь отъ семьи и пренебрегая трудовою тяжолою крестьянскою собственностью, обремененною податями и повинностями, промышляютъ чужимъ добромъ и особенно лошадями. Изъ этого-то люда, отбившагося отъ семьи, земли и труда, этого народнаго пролетаріата, вербуются такъ-называемые *каштаны* (конокрады), которые, образуя изъ себя артели, обратили свою дѣятельность, гибельную для благосостоянія сельскаго рабочаго населенія края, въ организованное ремесло. Въ виду совершеннаго бессилія правительственной судебной власти бороться съ этимъ жестокимъ для нашихъ деревень зломъ, народъ, разоряемый этими каштанами, которые не только крадутъ лошадей, но и берутъ сборы за то, чтобы не красть ихъ, дошелъ до такого озлобленія, что сталъ расправляться съ ними своимъ судомъ. Случаи убійства этихъ каштановъ все болѣе и болѣе часты. Крестьяне дѣлаютъ на нихъ облавы, мечутъ жребій, кому изъ односельчанъ порѣшить такого каштана, приговореннаго мірскимъ сходомъ къ смерти, и ежегодно избиваютъ каштановъ десятками. Присяжные изъ крестьянъ постоянно оправдываютъ такія убійства. Обыкновенно эти каштаны холостые или вдовые и бездомные бобыли, но въ недавнее время въ Самарской губерніи убитъ одинъ конокрадъ съ женой, которая занималась конокрадствомъ вмѣстѣ съ мужемъ и лихо ѣздила верхомъ [1]).

Дѣдъ имѣетъ право отдѣлить споху вдову съ малолѣтними сыновьями отъ своего семейства; въ этомъ случаѣ онъ дастъ ей полный пай, а если не полный, то съ обязательствомъ додать его, когда сыновья подростутъ и одинъ изъ нихъ женится. Если у такой вдовы холостые дѣти, она при желаніи сохраняетъ до самой смерти главенство въ своей семьѣ. Если отдѣляется вдова съ сы-

---

[1]) Свѣдѣніе это почерпнуто изъ газетной корреспонденціи, а потому я за него не ручаюсь.

новьями, изъ которыхъ хотя одинъ женатъ, то главенство принадлежитъ ему.

Наслѣдства у крестьянъ въ смыслѣ положительнаго закона нѣтъ. Каждый членъ семьи, если онъ только дольщикъ общаго достоянія, уходя уноситъ съ собою часть имущества дома. Семья есть отдѣльная имущественная корпорація или община, на имущественное достояніе которой никто изъ чужой семьи, какой бы онъ ни былъ близкій родственникъ по крови, разчитывать не можетъ.

Если терминъ „наслѣдство“ можно примѣнить къ народному быту, то только въ томъ смыслѣ, что смерть отца открываетъ дѣтямъ право на представительство въ имуществѣ дома, хотя бы отецъ и не былъ хозяиномъ дома, то-есть, они могутъ требовать *раздѣла*, иначе говоря—дѣлежа съ полученіемъ полнаго пая.

Изъ сказаннаго ясно, что завѣщаніе возможно и бываетъ только въ малой семьѣ, въ которой отецъ или мать, когда она глава дома, умирая можетъ дѣлать распоряженіе имуществомъ. Въ большой семьѣ, гдѣ нѣсколько представителей или дольщиковъ имущества и нѣтъ ни одного полноправнаго распорядителя (власть большака хотя и велика, но она скорѣе административнаго характера), очевидно, о духовномъ завѣщаніи не можетъ быть и рѣчи. Всѣ члены — представители общаго имущества, и въ передачѣ его личная воля не можетъ имѣть смысла и дѣйствительно не проявляется.

Но въ малой семьѣ уже проглядываетъ личность отца, хозяина и распорядителя дома, который замѣняетъ собою корпоративныя права членовъ семьи. Въ такой семьѣ волостные и сельскіе суды признаютъ силу и дѣйствіе завѣщаній или *духовныхъ памятей*, количество которыхъ возрастаетъ по мѣрѣ распаденія большой семьи. Эти духовныя завѣщанія словесныя и письменныя признаются волостнымъ и сельскимъ народнымъ судомъ даже въ такомъ случаѣ, когда является сторона, оспаривающая духовное завѣщаніе; при этомъ дѣло рѣшается сообразно съ показаніями свидѣтелей послѣдней воли умершаго (рѣшенія Тростянскаго волостнаго суда за 1871 г.).

Свящ. Архангельскій, ссылаясь на рѣшенія волостнаго суда, говоритъ, что бывали случаи (въ малой семьѣ), что завѣщаніе матери, бывшей хозяйки, распорядившейся частью имущества дома,—

именно она завѣщала нѣкоторую часть замужней дочери—было признано обязательнымъ для жившаго съ нею въ одномъ домѣ женатаго сына, заступившаго мать въ хозяйствѣ домомъ послѣ ея смерти. Вообще говоря, за женщиною, какъ самостоятельною имущественною единицей, признается право завѣщать свое имущество [1]).

Что касается *случайныхъ членовъ семьи*, то-есть, *пріемышей*, *пасынковъ* и *зятьевъ-влазеней*, то положеніе ихъ различно, смотря по тому, въ какую семью они попали.

Зятья-влазени принимаются обыкновенно малыми семьями, потому что если бы не только одинъ изъ членовъ большой семьи, но и самъ большакъ вздумалъ взять въ семью зятя, то остальные могутъ этому воспротивиться. Положеніе зятя-влазеня различно, смотря по тому, есть ли у принявшаго его тестя женатые сыновья, или нѣтъ: если есть, то онъ никакой доли, по обычному праву, въ имуществѣ дома не имѣетъ, и если ему что̀ даютъ, то изъ милости, обыкновенно при жизни тестя, по смерти котораго ему пришлось бы отойдти изъ семьи *„съ однимъ крестомъ“*. Поэтому тесть передъ смертью, жалѣя хорошаго зятя-влазеня, можетъ дать ему имущественное представительство, хотя, кажется, только въ томъ слу̀чаѣ, если родные сыновья—люди безпутные, при чемъ онъ заявляетъ о томъ міру и получаетъ его согласіе. Если жь у тестя нѣтъ сыновей, или они холостые, зять-влазень дѣлается дольщикомъ имущества на равныхъ правахъ съ сыновьями. Бываютъ такіе случаи, что тесть, не имѣющій сыновей, прійметъ зятя-влазеня, а затѣмъ у него родится сынъ, права котораго равны съ правами сына; въ такомъ случаѣ тесть пользуется обыкновенно правомъ отдѣлить зятя, то-есть, отпускаетъ его изъ семьи съ неполнымъ паемъ, такъ какъ иначе зять, совершенно равноправный съ сыномъ и даже имѣющій передъ нимъ преимущество, какъ старшій, станетъ пожалуй по смерти тестя тѣснить сына.

Мальчикъ—сирота, остающійся съ матерью въ семьѣ отца, есть безспорный представитель семейнаго пая своего отца. Но право про-

---

[1]) Духовныя завѣщанія письменныя обыкновенно предъявляются въ волостномъ правленіи и записываются въ книгу сдѣлокъ и договоровъ. Одно изъ такихъ завѣщаній я привожу въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ.

сить раздѣла онъ получаетъ только тогда, когда женится; при выходѣ же матери вторично замужъ во время его малолѣтства, онъ идетъ обыкновенно за нею и вступаетъ пасынкомъ въ чужую семью. Семья умершаго отца въ этомъ случаѣ не обязана выдать спротѣ полный пай его отца, хотя *по божески*, какъ выражаются крестьяне,— то-есть, по совѣсти, домохозяинъ обязанъ выдѣлить отходящему спротѣ лошадь, двѣ-три овцы, борону, соху, косу и хлѣбныхъ сѣмянъ, сколько требуется на обсѣмененіе душеваго надѣла. Міръ, то-есть, сельскій сходъ, обыкновенно заботится, чтобы такого спроту не слишкомъ *обдѣляли*, такъ какъ изъ него можетъ выйдти хорошій и домовитый работникъ, то-есть, полезный членъ крестьянской общины, который, войдя въ возрастъ и женившись, станетъ податною душой вмѣсто отца, получитъ его душевой надѣлъ и поэтому долженъ быть снабженъ всѣми необходимыми принадлежностями для обработки этого надѣла.

Если, какъ я сказалъ выше,—отъ старшаго брата хозяина отходитъ младшій, не женатый и „съ однимъ крестомъ“, то міръ въ это не вмѣшивается, считая этого послѣдняго пустымъ человѣкомъ, шелопутомъ, такъ какъ хорошій мужикъ при такихъ условіяхъ отходить изъ семьи не будетъ. Полученіе неполнаго *отцовскаго пая* спротой, отходящимъ изъ дома съ матерью, мотивируется тѣмъ, что семья умершаго до рабочаго возраста спроты, что̀ обыкновенно совпадаетъ со вступленіемъ его въ бракъ, должна нести всѣ подати и повинности его отца. Такимъ образомъ пасынокъ въ семьѣ втораго мужа своей матери—какъ бы чужой, имѣющій свое особое имущество. Имущественныя отношенія у него устанавливаются только съ отчимомъ, а не со всею семьей. Если отчимъ женитъ пасынка, то онъ становится дольщикомъ семейнаго имущества отчима, но обыкновенно пасынокъ женится самъ по себѣ, часто становясь батракомъ или образуя новую семью и получая отцовскій надѣлъ.

Въ случаѣ, если отчимъ „*выводитъ пасынка въ люди и женитъ его*“, на что̀ требуется согласіе всѣхъ членовъ въ большей семьѣ,— то права пасынка на долю въ общемъ достояніи семьи охраняются волостнымъ судомъ (изъ книги рѣшеній Тростянской волости за 1866 г.), который признаетъ за нимъ такой же пай, какъ и за собственнымъ сыномъ отчима; впрочемъ, сколько мнѣ извѣстно, такія дѣла

доходятъ до разсмотрѣнія суда только въ случаѣ смерти отчима. Только при бездѣтномъ отчимѣ, не по доброй волѣ послѣдняго, а въ силу обычая, пасынокъ въ малой семьѣ становится дольщикомъ имущества дома. Вообще положеніе пасынка незавидное, но всего хуже положеніе его въ малой семьѣ, гдѣ по смерти хозяина дома его мѣсто занимаетъ мачиха, имѣющая своихъ собственныхъ сыновей. Что касается пріемышей, то права ихъ одинаковы съ правами зятьевъ-влазеней. Таковы въ общихъ чертахъ основанія, по которымъ опредѣляются имущественныя отношенія членовъ семьи и доля ихъ участія въ общемъ достояніи семьи. Къ этому надо прибавить, что при некровномъ главенствѣ, когда глава дома —не всѣмъ членамъ его отецъ, извѣстное вліяніе на опредѣленіе имущественныхъ отношеній оказываетъ *воспитательство*. Народъ говоритъ: „Не тотъ отецъ кто родилъ, а тотъ—кто вспоилъ, вскормилъ да въ люди вывелъ“. Въ силу этого права старшій братъ, воспитавшій младшихъ братьевъ, при раздѣлѣ можетъ дать младшимъ пай равные съ своими собственными сыновьями; одинъ такой случай мнѣ извѣстенъ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, другой въ Николаевскомъ.

Что касается солдатъ, то поступая на службу, они отдѣляются отъ семьи, если у нихъ въ семьѣ не остается жены. Жена солдата, особенно если у нея есть сынъ, служитъ имущественною связью солдата съ его родною семьей; она съ сыномъ представительница имущественнаго пая солдата въ семьѣ, и этотъ пай, пока солдатка живетъ въ семьѣ своего мужа, вполнѣ обезпеченъ за нею, хотя семья, особенно послѣ смерти свекра, то-есть, отца солдата, всячески старается *скачать* ее съ рукъ, то-есть, удалить изъ семьи. Но спровадить солдатку изъ семьи, когда у нея есть сынъ, трудно, такъ какъ она можетъ жаловаться міру, у котораго правда въ этомъ только случаѣ и находитъ защиту.

Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ прійдти къ тому заключенію, крестьянская семья представляетъ замкнутую корпоративную единицу, съ своимъ обычаемъ, твердо установленнымъ уставомъ.

Не смотря на нѣкоторое неважное различіе въ частностяхъ и подробностяхъ, этотъ уставъ крестьянской семьи для всего русскаго населенія края одинъ и тотъ же. Разница будетъ въ томъ, что въ одной мѣстности поселенцы, напримѣръ, изъ Пензенской

губерніи даютъ бабамъ всѣ нужные матеріалы для снаряженія мужей и холостыхъ членовъ семьи, и въ случаѣ недостатка, хозяинъ дома покупаетъ на средства общаго достоянія дома нужные матеріалы, а въ другихъ, какъ напримѣръ, въ дер. Натровкѣ, Бузулукскаго уѣзда, среди переселенцевъ изъ Тамбовской губерніи, бабы сами должны изыскивать средства для одѣванія мужа и дѣтей, если шерсти, поскони и т. п. не хватаетъ на это изъ общаго достоянія дома [1]).

Въ одной мѣстности бабы получаютъ на себя льняное сѣмя, но за то сами, то-есть, на свой счетъ, красятъ (сипятъ) холстъ и пряжу; въ другой мѣстности льняное сѣмя есть общее достояніе дома, но большакъ-хозяинъ оплачиваетъ отъ себя краску холста и т. д.

Основная связь своеобразной общины, которую представляетъ крестьянская семья, есть кровное происхожденіе изъ одного рода; но значительную роль играетъ въ ней и экономическое (трудовое) начало, опредѣляющее имущественное право женщинъ, охраняющее въ извѣстныхъ указанныхъ нами случаяхъ права спротъ, отходящихъ съ матерью въ другую семью, опредѣляющее взглядъ народа на право собственности и т. д.

Въ крестьянской семьѣ, пока она составляетъ одно цѣлое права всѣхъ членовъ уравновѣшены.

Мальчики находятся на полномъ обезпеченіи своихъ матерей или другихъ женскихъ членовъ семьи; изъ общаго же семейнаго достоянія, пока не сдѣлаются подростками, они ничего не получаютъ. Подростки и вообще холостые семьи, кто бы они не были: кровныя ли дѣти, племянники ли и пріемыши, солдатскіе ли дѣти, незаконнорожденные—всѣ, какъ рабочая сила, получаютъ изъ женскаго добра (то-есть, матеріала для снабженія бѣльемъ и одежей) по одинаковой долѣ и снабжаются одинаковой по возможности стоимости обувью, одеждой и бѣльемъ. Матери зорко наблюдаютъ за такою равноправностью своихъ дѣтей.

Столъ у всѣхъ членовъ семьи одинъ и тотъ же, столуются, то-есть, обѣдаютъ и ужинаютъ и т. д. вмѣстѣ, хотя бы семья была такъ велика, что члены ея должны были жить въ разныхъ избахъ. Женатые члены получаютъ обувь, одежду и нарядъ частью изъ семейнаго достоянія, частью изъ коробьи жены, и между ними въ

---

[1]) По свѣдѣніямъ г. Третьякова.

этомъ отношеніи бываетъ разница, которая опредѣляется, какъ положеніемъ ихъ въ семьѣ, такъ и достаткомъ женской коробьи и личнымъ мастерствомъ жены, ея умѣніемъ снаряжать мужа.

В. Условія для вступленія въ бракъ: согласіе родителей и брачущихся, возрастъ послѣднихъ, отсутствіе родства.—Вторичные браки.

Въ заключеніе моего очерка народнаго семейнаго быта въ Самарской губерніи мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ для вступленія въ бракъ.

Согласіе родителей есть общее условіе; браки *убѣгомъ* весьма рѣдки, и то большею частью дѣлаются только для *видимости* — во избѣжаніе свадебныхъ расходовъ или въ случаѣ выхода замужъ дѣвушки какого-нибудь раскольничьяго толка за православнаго. Невѣста иногда бѣжитъ изъ родительскаго дома съ женихомъ въ церковь съ вѣдома и согласія отца и матери, чтобы старикамъ не стыдно было передъ своими, что выдали своею охотой дочь за мужа другой вѣры и тѣмъ обнаружили холодность къ своей. Согласіе требуется не только отъ родителей, но и отъ хозяевъ дома; такимъ образомъ согласіе требуется не на бракъ собственно говоря, а на вступленіе въ семью и выходъ изъ нея. Кромѣ того, кажется, требуется согласіе брачущихся. По крайней мѣрѣ я знаю нѣсколько случаевъ, что родители условливались о бракѣ, но дѣло разстраивалось за отказомъ жениха или невѣсты. Въ Трудахъ Коммиссіи встрѣчаются такія рѣшенія судовъ: по пріѣздѣ жениха за невѣстой отецъ послѣдней отказался отдать дочь, потому что— приводимъ буквально слова рѣшенія—„*невѣста на вступленіе въ замужество за Г. желанія не изъявила за неудовольствіе съ его стороны и за неприличное обращеніе*“ (Екатериновская волость Сам. уѣзда). Что касается вліянія родства и возраста на заключеніе брака [1]), то по свидѣтельству священника Архангельскаго, имѣвшаго возможность, по своему положенію, близко изучить этотъ вопросъ, народные обычаи не имѣютъ въ этомъ случаѣ самостоятельнаго значенія, такъ какъ взглядъ крестьянъ на этотъ предметъ носитъ на себѣ очевидное вліяніе Кормчей книги, то-

---

[1]) См. Труды Коммиссіи о Вол. Судахъ. Томъ VI: Самарская губернія, стр. 12.

есть, относительно степеней родства строже X тома Свода Зак., а по возрасту допускаетъ браки ранѣе дозволеннаго въ законѣ срока.

Дѣйствительно народный обычай расходится съ закономъ относительно возраста для вступленія въ бракъ, и Самарскому окружному суду неоднократно приходилось разсматривать дѣла по обвиненію во вступленіи въ бракъ ранѣе опредѣленнаго законами возраста. Особенную склонность къ такимъ раннимъ бракамъ обнаруживаютъ старообрядцы и магометане. Но въ виду этого послѣдняго обстоятельства слѣдуетъ допустить, кромѣ вліянія Кормчей книги, и другіе мотивы ранняго вступленія въ бракъ конечно, прежде всего экономическія. Тягло накладывается только на женатаго; вотъ гдѣ главное основаніе для раннихъ браковъ, и притомъ такъ какъ народный обычай осуждаетъ неравные по возрасту браки, то молодаго, не достигшаго законнаго возраста, парня женятъ на такой же дѣвушкѣ.

Родство, не только кровное, но и духовное, признается, по народнымъ воззрѣніямъ, препятствіемъ для вступленія въ бракъ. Это послѣднее особенно развито между поселенцами изъ Малороссіи. Препятствіемъ для брака считается не только кумовство, но и крестное братство, существующее какъ въ средѣ православнаго населенія, такъ и между старообрядцами [1]). Въ свѣдѣніяхъ, которыя до сихъ поръ мнѣ приходилось встрѣчать о бракахъ между пріемышами, ихъ принимателями и дѣтьми послѣднихъ, представлялось большое разнорѣчіе и путаница, но наконецъ мнѣ удалось разъяснить путемъ личныхъ наблюденій, что причина тому заключается не въ шаткости народныхъ обычаевъ или воззрѣній на этотъ предметъ, а въ пріемахъ самихъ наблюдателей. Народный обычай не допускаетъ браковъ между пріемышами и принимате-

---

[1]) Собранныя мною свѣдѣнія касаются исключительно православнаго населенія и старообрядцевъ. У безпоповщины, какъ я слышалъ, не только допускается брачное сожитіе между самыми близкими родственниками, но даже, такъ сказать, предписывается обычаемъ. Инородцы, населяющіе Самарскую губернію, какъ-то Мордва, Чуваши, не говоря ужь о Татарахъ, также не видятъ въ кровномъ родствѣ, напримѣръ, двоюродныхъ, препятствій для брака, и если такіе браки между крещеными инородцами рѣдки, то потому только, что духовенство не допускаетъ ихъ.

лями по причинѣ разницы въ возрастѣ, и кромѣ того, такіе браки очевидно нарушали бъ издавна установившійся въ крестьянскомъ быту семейный складъ. Вдова, выходя замужъ за молодаго пріемыша, взятаго въ домъ ея первымъ мужемъ, стала бъ отъ него въ зависимость, то-есть, изъ хозяйки дома, распоряжавшейся пріемышемъ какъ рабочею силой, стала бъ его подчиненною. Вотъ причина, почему такіе браки не допускаются въ народномъ быту, а не духовное родство, которое будто бъ установляется между пріемышами и ихъ принимателями. Поэтому пріемыши совершенно свободно могутъ вступать въ бракъ съ дѣтьми своихъ принимателей, которые часто съ этою именно цѣлью и берутъ себѣ въ домъ мальчика-пріемыша; именно когда у крестьянина-хозяина есть дочери и нѣтъ сына, онъ беретъ себѣ пріемыша, чтобы женить его на дочери.

Только первый бракъ сопровождается въ народномъ быту веселіемъ и установленною обычаями обрядностью; такимъ образомъ народный обычай хотя допускаетъ второй и третій браки—обыкновенно крестьяне не долго остаются вдовыми и скоро опять женятся, — но придаетъ особое значеніе первому браку. Въ этомъ случаѣ надо допустить вліяніе церковнаго ученія, которое видитъ во второмъ и третьемъ бракѣ послабленіе немощи человѣческой, что̀ выражается и въ самомъ обрядѣ церковнаго вѣнчанія.

III. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВЪ НАРОДНОМЪ СУДѢ.

Существуетъ мнѣніе, довольно распространенное даже между изслѣдователями народнаго быта, что въ народномъ судѣ прямыя доказательства играютъ главную и притомъ чуть ли не исключительную роль; это—такъ называемыя показанія *видоковъ* и *послуховъ*. Говорятъ, что крестьяне не придаютъ никакого значенія косвеннымъ уликамъ, не умѣя пользоваться ими, и вслѣдствіе того, за неимѣніемъ по дѣлу видоковъ и послуховъ, прибѣгаютъ къ очистительной присягѣ или *божбѣ*, то-есть, заставляютъ клясться то подсудимаго, то обвинителя, а иногда обоихъ вмѣстѣ, *глядя по человѣку*, и нерѣдко, не умѣя справиться съ доказательствами, обращаются къ суду Божію, зажигаютъ *обидящую свѣчу* или прибѣгаютъ къ такимъ суевѣрнымъ средствамъ, какъ бросаніе обрѣзка или части того, что̀ осталось на мѣстѣ кражи, въ кузнечный мѣхъ или подъ мельничный жерновъ въ чая-

ніи тѣмъ причинить болѣзнь вору: онъ де станетъ пухнуть и черезъ годъ умретъ.

Такой взглядъ на значеніе доказательствъ въ народномъ судѣ однако не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и объясняется не столько самыми свойствами народнаго юридическаго быта, сколько личнымъ характеромъ собирателей не юристовъ, которыхъ болѣе всего занимала обрядовая, бытовая сторона предмета и они только ее и заносили въ свои замѣтки, указывая на различные виды присяги и божбы (*божба до граду*, принятіе кусочка хлѣба съ конца ножа, самая дѣйствительная присяга для Чувашъ и Мордвы, клятва передъ медвѣжьею шкурой у сибирскихъ инородцевъ и т. д.). Односторонность такого матеріала, конечно, не могли пополнить случайные матеріалы въ видѣ корреспонденцій, сообщавшіе въ газеты разные курьезы изъ дѣятельности народныхъ судовъ.

Въ указателѣ литературы обычнаго права, Е. И. Якушкина [1]) при перечисленіи различныхъ видовъ судебныхъ доказательствъ въ народномъ судѣ (собственное признаніе, свидѣтельскія показанія, письменные акты, знаки собственности и присяга) объ уликахъ даже вовсе не упоминается, какъ будто онѣ вовсе не существуютъ въ народномъ судѣ. Г. Мулловъ въ своей статьѣ: „Нѣсколько словъ о матеріалахъ для объясненія народнаго юридическаго быта“, посвященной исключительно вопросу о доказательствахъ въ народномъ судѣ [2]), приводитъ слѣдующій случай примѣненія уликъ волостнымъ судомъ при дѣлежѣ крестьянскаго дома, какъ примѣръ того, что крестьяне, кромѣ прямыхъ доказательствъ, допускаютъ и улики. Дядя, хозяинъ дома, дѣлившійся съ племянникомъ, хотѣлъ утаить хранившіяся у него деньги, нажитыя трудами всей семьи; именно—не отрицая существованія этихъ денегъ, онъ объявилъ, что во время бывшаго въ ихъ деревнѣ передъ тѣмъ пожара, въ суматохѣ не успѣлъ вынести ихъ изъ загорѣвшейся клѣти. „А въ чемъ у тебя были деньги?“ спросилъ его одинъ изъ судей.— „Въ сундукѣ, вѣстимо въ чемъ“. Произвели обыскъ, и сундукъ оказался цѣлъ; такимъ образомъ неправда обличилась. Хотя по-

---

[1]) См. Систематическій Указатель, стр. 196 и 197 его книги: Обычное Право. Выпускъ I. Ярославль 1875 г.

[2]) *Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отдѣленію Этнографіи*, т. I.

чтенный авторъ ограничился однимъ только этимъ случаемъ [1]), но примѣненіе, и притомъ весьма удачное, уликъ для обнаруженія правды на судѣ—явленіе далеко нерѣдкое въ нашемъ народномъ быту: съ этимъ—полагаю—согласится всякій, кому приходилось наблюдать дѣятельность присяжныхъ изъ крестьянъ и присутствовать при разбирательствѣ дѣлъ волостнымъ судомъ.

Существованіе въ народѣ матеріальныхъ знаковъ собственности (пятна, знамена, мѣтки, тамги и тавры), служащихъ, такъ сказать, средствами для укрѣпленія правъ на имущество, и договорныхъ знаковъ или *бирокъ* свидѣтельствуетъ объ умѣньи народа извлекать доказательства изъ внѣшняго матеріальнаго міра, не ограничиваясь одними свидѣтельскими показаніями.

Этими семейными, родовыми и договорными знаками, подробно изслѣдованными г. Ефименкомъ въ предѣлахъ Архангельской губерніи, волостные суды весьма удачно пользуются, какъ судебнымъ доказательствомъ, что̀ подтверждается многими рѣшеніями волостныхъ судовъ, какъ этой, такъ и другихъ губерній, въ томъ числѣ и Самарской. Соскобленіе у домашней посуды того мѣста, гдѣ обыкновенно кладется семейное клеймо, въ мѣстностяхъ, гдѣ есть такое обыкновеніе, считается уликой въ кражѣ: такъ напримѣръ, были украдены стаканы и найдены совершенно такіе же у одного крестьянина, заподозрѣннаго въ кражѣ, при чемъ дно (на которомъ ставится обыкновенно клеймо), оказалось состругаинымъ: это и послужило достаточною уликой къ признанію его виновности въ кражѣ (рѣшеніе Устьпаденскаго волостнаго суда, Шенкурскаго уѣзда). Мнѣ извѣстно подобное же рѣшеніе волостнаго суда Николаевскаго уѣзда: у крестьянина, заподозрѣннаго въ кражѣ телеги, оказалась телега, одинаковая съ украденною, и притомъ вырѣзка или насѣчка [2]) на ея передкѣ, по которой можно было бъ опредѣлить чья она, оказалась состругаинною: на этомъ обстоятельствѣ волостной судъ и основалъ свое рѣшеніе.

---

[1]) Этотъ разсказъ заимствованъ г. *Муллови̇мъ* изъ *Московскихъ Вѣдомостей* за 1862 г., № 77.

[2]) Вырѣзка дѣлается на передкѣ телеги для ея украшенія, и какъ видно изъ этого рѣшенія волостного суда, можетъ служить примѣтой для опредѣленія ея принадлежности.

Знаки собственности встрѣчаются въ народномъ быту Самарской губерніи, хотя здѣсь они и не получили такого развитія, какъ на сѣверѣ. Мнѣ случалось видѣть ихъ только на лошадяхъ и на домашнемъ скотѣ, особенно на овцахъ, на которыхъ они встрѣчаются чаще всего. Я слышалъ также, что особыми мѣтами или мѣтками отмѣчаются срубленный лѣсъ, топоры и другіе предметы. Существуютъ также особыя мѣты для птицы: ей подсѣкаютъ когти или разрѣзываютъ перепонку, напримѣръ, у гусей — на ногахъ; впрочемъ птицеводство здѣсь мало развито. Порча знака или мѣтки на домашнемъ скотѣ строго преслѣдуется волостнымъ судомъ. Кража скота и лошадей съ перемѣной мѣты имѣетъ значеніе особо преступной кражи въ глазахъ народа и обыкновенно наказывается розгами. Въ Трудахъ Коммиссіи о волостныхъ судахъ (т. VI, стр. 217) напечатано любопытное рѣшеніе Султангуловскаго волостнаго суда, Бугурусланскаго уѣзда, изъ котораго видно, что Башкирецъ А., у котораго была украдена съ поля овца, *уличилъ* вора, нашедши у него овцу со своею мѣтой: *правое ухо сзади поперекъ до половины — немного распорото.* Укравшій, когда на него пало подозрѣніе, хотѣлъ *подмѣтить* эту овцу подъ *мѣту* своего стада, но это было обнаружено на судѣ, который и приговорилъ его къ возвращенію овцы и къ наказанію 20 ударами розогъ.

Обычай мѣтить овецъ встрѣчается не только у инородцевъ Самарской губерніи, но и среди русскаго населенія. Пастухи и табунщики должны знать мѣту всѣхъ домохозяевъ деревни. Стадо или табунъ часто пасется въ степи далеко отъ деревни, такъ что въ случаѣ если падетъ или будетъ зарѣзана звѣремъ (волкомъ) какая-либо штука изъ стада, пастухъ въ удостовѣреніе этого обстоятельства долженъ представить хозяину ея шкуру съ ушами, или по крайней мѣрѣ, одни уши. Въ случаѣ похищенія домашняго животнаго изъ стада звѣремъ шкура можетъ быть изодрана, но уши остаются цѣлы, такъ какъ звѣрь головы не ѣстъ, и пастухъ, который обязанъ въ этомъ случаѣ преслѣдить звѣря, долженъ принести уши хозяину, въ противномъ случаѣ онъ подлежитъ отвѣтственности. Въ одномъ рѣшеніи Екатериновскаго волостнаго суда Самарскаго уѣзда (1871 г., № 48) прямо сказано: „Въ крестьянскомъ быту въ этомъ случаѣ существуетъ порядокъ такой, что въ случаѣ падежа какой-либо скотины, если

уже не шкура ея, то уши для доказательства представляются хозяину“ [1]).

Приведу еще одинъ случай изъ личной моей служебной практики. Въ 1871 году въ Самарскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло по обвиненію одного крестьянина табунщика въ похищеніи, вмѣстѣ съ другими лицами, лошадей изъ ввѣреннаго ему табуна; онъ судился за кражу въ третій разъ, и дѣло разсматривалось съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, въ составъ которыхъ вошли почти исключительно крестьяне. Судебное слѣдствіе по причинѣ сбивчивости показаній свидѣтелей, которые давали ихъ крайне безтолково и неохотно, опровергало выводы обвинительнаго акта; дѣло запуталось, и прокурорскій надзоръ отказался поддерживать обвиненіе, не обративъ вниманія на предложенный однимъ изъ присяжныхъ вопросъ, по видимому, весьма не важный и какъ бы вовсе не идущій къ дѣлу; именно—такъ какъ подсудимый табунщикъ вообще отрицалъ самую наличность факта преступленія, объясняя. что лошади вовсе не были украдены изъ табуна, а зарѣзаны волкомъ въ степи, то одинъ присяжный изъ крестьянъ спросилъ его: куда жь онъ дѣвалъ уши павшихъ лошадей, и принесъ ли онъ ихъ хозяину. Оказалось, что онъ этого не сдѣлалъ, и это обстоятельство послужило поводомъ къ обвинительному приговору присяжныхъ, совершенно неожиданному для коронныхъ судей.

Доказательства въ народномъ судѣ—эта та область народнаго юридическаго быта, въ которой успѣшное собираніе матеріаловъ доступно только для юристовъ; но такъ какъ никто изъ мѣстныхъ

---

[1]) См. Труды Коммиссіи о вол. судахъ. Томъ VI: Самарская губернія, стр. 6. Кромѣ того, въ Трудахъ Коммиссіи встрѣчается еще нѣсколько рѣшеній, подтверждающихъ этотъ обычай, именно—въ Самарскомъ уѣздѣ рѣшенія суда Алексѣевской волости, стр. 57, № 4, и стр. 70, № 77; въ Бузулукскомъ уѣздѣ рѣшенія Мало-Малышевскаго волостнаго суда, стр. 105, № 52. Считаемъ не лишнимъ прибавить, что этотъ обычай существуетъ и въ другихъ уѣздахъ, хотя въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, напечатанныхъ въ Трудахъ, на это нѣтъ указаній.

[2]) Надо сказать, что въ Самарской губерніи обыкновенно въ пастухи и табунщики нанимаютъ извѣстныхъ конокрадовъ въ томъ убѣжденіи, что никто лучше ихъ не устережетъ табуна, а въ случаѣ покражи никто такъ скоро не разыщетъ украденныхъ лошадей.

юристовъ на мою программу не отозвался, то матеріалы мои по этому отдѣлу весьма скудны и ограничиваются моими личными наблюденіями да немногими рѣшеніями волостныхъ судовъ, какъ напечатанными въ Трудахъ Коммиссіи о волостныхъ судахъ, такъ и лично мною собранными. При такой скудности матеріаловъ писать спеціальное изслѣдованіе о доказательствахъ въ народномъ судѣ Самарской губерніи дѣло очевидно невозможное, и притомъ едва ли не излишнее, такъ какъ эта часть народнаго обычнаго права Самарскаго края представляетъ весьма мало оригинальнаго и отличнаго отъ другихъ губерній.

Можно однако замѣтить, что арсеналъ доказательствъ, практикуемыхъ здѣсь народнымъ судомъ, бѣднѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Ничего новаго въ этомъ отношеніи Самарцы не изобрѣли, а изъ стараго кое-что позабыли. Напримѣръ, на сѣверѣ существуетъ старый изъ глубокой древности ведущійся обычай въ случаѣ спора о межахъ обращаться къ суду матери сырой земли; обычай этотъ сохранившійся до сихъ поръ въ Олонецкой губерніи [1]), заключается въ томъ, что одна изъ сторонъ, по взаимному соглашенію, взявъ на голову глыбу дерна или земли, обходитъ такимъ образомъ межу, которая послѣ того считается безспорною. Въ другихъ мѣстахъ вмѣсто глыбы земли одна изъ сторонъ беретъ особенно чтимую икону и съ нею обходитъ спорную межу. Въ Самарской губерніи этотъ обычай, кажется, не извѣстенъ; по крайней мѣрѣ мнѣ не удалось его обнаружить, и о существованіи его я даже не слыхалъ отъ мѣстныхъ старожиловъ и знатоковъ края. Это объясняется, можетъ быть, дешевизной земли, которая здѣсь очень недавно стала подыматься въ цѣнѣ; немного лѣтъ тому назадъ земля стоила здѣсь такъ дешево, что упорная тяжба изъ-за какого-нибудь клочка земли не могла и возникнуть. Здѣшніе старики изъ крестьянъ помнятъ то привольное и блаженное, по ихъ разказамъ, время, когда никому не было запрета косить сѣно гдѣ вздумается, сколько косецъ могъ самъ унести, а то пожалуй, и увезти на одномъ возу.

Обрядовая сторона, конечно, играетъ и здѣсь видную роль при

---

[1]) По свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ Каргопольскаго уѣзда сельскимъ учителемъ г. Соколовымъ.

опредѣленіи значенія и силы доказательствъ въ народномъ судѣ. „Можно крестъ цѣловать, да какъ цѣловать“, говорятъ крестьяне;— „воръ и крестъ воровски цѣлуетъ, Бога обмануть наровитъ“. Тому кто неправильно показывалъ подъ присягой, говорятъ: „Видно ты крестъ носомъ цѣловалъ“. Въ сомнительныхъ случаяхъ предлагаютъ тяжущихся *взять дѣло на совѣсть*, то-есть, побожится передъ образомъ, или рѣшаютъ дѣло по правилу *грѣхъ-пополамъ*. Первый способъ рѣшенія дѣлъ впрочемъ чаще практикуется сходомъ стариковъ или сельскимъ сходомъ, чѣмъ волостнымъ судомъ.

Народный голосъ осуждаетъ судъ, который плодитъ неправильные иски, ябеды; на этотъ счетъ даже сложилась пословица: „Богъ любитъ праведника, а судья любитъ ябедника“. Другая характерная пословица, которую мнѣ привелось слышать на Волгѣ, и которая выражаетъ разладъ, сознаваемый народомъ между его бытомъ и понятіемъ о правдѣ и писаннымъ закономъ: „Законъ что дышло, куда хочешь туда и воротишь“, говорятъ понизовые крестьяне, и затѣмъ прибавляютъ: „Законъ нужды не знаетъ, а черезъ— шагаетъ“.

Приложенія.

I.

Духовное завѣщаніе.

(Боровской волости Бузулукскаго уѣзда).

1871 года января 16-го. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Я, нижеподписавшаяся Самарской губерніи Бузулукскаго уѣзда Боровской волости села Домнатовки государственная крестьянка Агапія Алексѣева, по мужѣ Начарова, находясь въ здравомъ разсудкѣ и свѣжей памяти, по согласію своего мужа Ефрема Васильева Начарова, заблагоразсудила сдѣлать сіе завѣщаніе, въ присутствіи отца своего духовнаго, священника Петра Архангельскаго, при сельскомъ старостѣ Иванѣ Неделяевѣ и при постороннихъ свидѣтеляхъ с. Домнатовки государственныхъ крестьянахъ Ѳедосеѣ Чернышовѣ, Ѳедорѣ Кондратьевѣ. Степанѣ Нестеровѣ, Тихонѣ Кондратьевѣ, Сидорѣ Нестеровѣ, Никанорѣ Назаровѣ, Дмитріѣ Ярославцевѣ въ томъ, что я Начарова послѣ умершаго своего перваго мужа деревни Коптяжевки крестьянина Степана Яковлева Козлова оставшимся дѣтямъ дѣвицамъ Евдокіи 10 лѣтъ и Агрипинѣ 4 лѣтъ, предоставляю въ полное владѣніе оставшуюся послѣ умершаго мужа Козлова избу, перенесенную изъ деревни Коптяжевки въ с. Домнатовку, выстроенную изъ сосноваго лѣса; какъ на воспитаніе, такъ и по выходѣ ихъ въ

замужество та изба должна поступить имъ дочерямъ Евдокіи и Агрипинѣ, а надворное строеніе, состоящее при домѣ, предоставляю мужу своему Ефрему Васильеву Начарову, со всею скотиной и хлѣбомъ, съ тѣмъ, чтобы дѣтя мои въ это не вступались; что же касается дома въ случаѣ какого-либо могущаго произойдти отъ воли Божіей или неблагонамѣреннаго человѣка, то-есть, отъ пожара, то страховка за домъ деньгами должна поступить тѣмъ моимъ дочерямъ.

Каковое завѣщаніе мое по распоряженію моему должно быть соблюдено по всей справедливости 1870 года декабря 11-го дня, къ подлинному завѣщанію по личной просьбѣ завѣщательницы и мужа ея, крестьянки с. Домнатовки, Агапіи Алексѣевой и мужа ея Ефрема Васильева Назарова, подписался крестьянинъ Федоръ Кондратьевъ. Что духовная эта писана крестьянкой Аганьей Алексѣевой Назаровой въ здравомъ разсудкѣ и свѣжей памяти и подписано ей правильно, въ томъ свидѣтельствую духовный отецъ ея Бузулукскаго уѣзда с. Домнатовки Казанско-Богородицкой церкви священникъ Петръ Архангельской и приложена церковная печать.

Въ томъ же свидѣтельствуемъ односельцы государственные крестьяне Ѳедосѣй Чернышовъ, Ѳедоръ Кондратьевъ, Степанъ Нестеровъ, Тихонъ Кондратьевъ, Сидоръ Нестеровъ, Никаноръ Назаровъ, Дмитрій Ярославцевъ а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по личной просьбѣ расписался крестьянинъ Федоръ Кондратьевъ, при томъ свидѣтель былъ при написаніи подлиннаго завѣщанія сельскій староста Иванъ Евдокимовъ Неденяевъ, а по безграмотству приложилъ должностную печать.

II.

Рѣшеніе волостнаго суда Сулгангуловской волости Бугурусланскаго уѣзда 11-го іюля 1871 года.

Слушали словесное заявленіе сельскаго старосты Н., заключающееся въ томъ, что башкирецъ А. въ первыхъ числахъ минувшаго Мая ему объявилъ, что въ прошломъ году осенью съ поля пропала принадлежащая ему овца шерсти бѣлой, у коей правое ухо сзади поперегъ (до половины) немного распорото, между тѣмъ весною сего года овцу эту онъ призналъ у Х. уже съ ягненкомъ; по освидѣтельствованіи же Н. и башкиромъ К. мѣта у опознанной А. овцы оказалось та самая, какая и у другихъ овецъ А., а къ овцамъ Н. вовсе не подходитъ, такъ какъ у овецъ его правое ухо съ конца порото и сзади поперегъ немного разрѣзано, но по осмотрѣ у опознанной овцѣ распоротаго съ конца знака вовсе не оказалось; Х. же на другой день овцу эту подмѣтилъ подъ свою мѣту, то-есть, разрѣзалъ ухо, что показалъ просителъ А. и свидѣтель К. Отвѣтчикъ же Х. противу сего возразилъ, что овца эта принадлежитъ ему; что же касается до непмѣнія у опознаваемой овцы на правомъ ухѣ разрѣзаннаго знака, то таковой будто бы заросъ, подмѣтить же овцу подъ свою мѣту его побудило то, что староста по окончаніи осмотра ему ничего не объяснилъ, почему онъ и полагалъ, что овца эта должна поступить въ его пользу, но какъ при троекратномъ требованіи волостнаго суда, состоявшагося собственно для сего предмета, и въ разное время для осмотра овцы, Х. таковую не представлялъ, а отзывался, что судьи таковую никогда не увидятъ, да и не дозволитъ дѣлать таковой личный осмотръ, при чемъ старшина представилъ въ волостной судъ прошеніе Х., писанное на татарскомъ діалектѣ, которымъ проситъ его взыскать съ А. за про-

кормъ сказанной овцы деньги за все время столько, сколько будетъ причитаться, а потому волостные судьи, по разсмотрѣніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ этого дѣла, опредѣлили: какъ по убѣжденію нашему признаемъ Х. въ присвоеваніи къ своей собственности принадлежащей А. овцы виновнымъ, то таковую вмѣстѣ съ ягненкомъ отъ него отобрать и вручить А., а за самовольную поддѣлку мѣты и неповиновеніе волостному суду, на основ. ст. 102 Общ. Полож., наказать розгами 20 ударами.

(Изъ Трудовъ Коммиссіи о Волостныхъ Судахъ).

П. Матвѣевъ.

16-го декабря
1876 года.

ДОГОВОРЪ НАЙМА ПАСТУХОВЪ [1]).

> Никогда у нихъ (крестьянъ) не возникаетъ по поводу такихъ договоровъ недоразумѣній ни между собою, ни съ пастухами; стало быть, есть-какія нибудь точныя правила, по которымъ разбираются казусные случаи; но эти правила нигдѣ не записаны, не возведены въ юридическія начала.
>
> **К. Кавелинъ.**
>
> (Письма изъ деревни).

Обыкновеніе сѣверныхъ крестьянъ обходиться безъ пастуховъ и причина его.— Очередная пастьба скота во внутреннихъ губерніяхъ.—Воззрѣнія крестьянъ на пастуха. —Предварительныя свѣдѣнія о наймѣ пастуховъ.—Время и способъ заключенія договора съ пастухами.—Условія договора: сроки пастьбы, способы вознагражденія пастуха; череды и ихъ значеніе.—Раскладка и сборъ пастушной платы, способы и сроки ея уплаты.—Обязанности пастуха.—Отвѣтственность его за утрату скота и за потравы.—Нарушеніе и прекращеніе договора пастухомъ и обществомъ.

Обычаи нашего крестьянства, опредѣляющіе отношеніе сельской общины и отдѣльныхъ ея членовъ къ пастухамъ, какъ и всѣ вообще народные юридическіе обычаи, могутъ быть отнесены къ двумъ категоріямъ: одни изъ нихъ общи всему русскому населенію, другіе, которыхъ, кажется, немного, присущи лишь отдѣльнымъ мѣстностямъ. Первые изъ нихъ порождены общими историческими, географическими, и главнымъ образомъ, экономическими условіями; вторые суть результаты мѣстныхъ особенностей того или иного края. А какъ наиболѣе рѣзкими особенностями гео-

---

[1]) Въ коммиссіи для собранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, состоящей при Географическомъ Обществѣ подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачова, не разъ была высказываема мысль о необходимости сгруппро-

графическими, климатическими, экономическими и т. д. отличаются крайній сѣверъ и южныя губерніи, въ особенности степныя, то разумѣется, въ этихъ именно окраинахъ всего замѣтнѣе проявляется разница въ указанныхъ выше обычаяхъ. Нужно однако сказать, что мы пока имѣемъ еще мало данныхъ для географическаго распредѣленія интересующихъ насъ обычаевъ, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не можемъ сказать—примѣняется ли данный обычай лишь въ извѣстной мѣстности, или же районъ его распространенія довольно обширенъ. Какъ бы то ни было, мы считаемъ необходимымъ по возможности распредѣлить приводимые ниже обычаи по нѣсколькимъ полосамъ.

Русское населеніе крайняго сѣвера (Архангельская губернія) не только отпускаетъ нерѣдко свой скотъ пастись на лугахъ, остро-

---

вать уже собранные и обнародованные юридическіе обычаи. Предположеніе это имѣетъ за себя много доводовъ, главнымъ же образомъ то, что большая часть обнародованнаго до сихъ поръ матеріала по обычному праву недоступна не только для публики, но и для людей науки, такъ какъ она разбросана, и такъ сказать, погребена въ массѣ изданій, по преимуществу періодическихъ и большою частью провинціальныхъ. Въ виду выше упомянутой мысли я задался цѣлью сдѣлать въ какой-нибудь частной области обычнаго права опытъ такой группировки и остановился на договорѣ найма пастуховъ, такъ какъ у меня по этому предмету оказался достаточно полный матеріалъ. Итакъ, въ настоящей статьѣ сгруппированы почти всѣ матеріалы, указанные въ почтенномъ трудѣ Е. И. Якушкина по библіографіи обычаго права. Но я внесъ въ мою статью также матеріалы и нигдѣ еще не обнародованные а именно: все то, что мнѣ удалось получить отъ разныхъ лицъ въ Архангельской губерніи, то, что записано мною лично въ Самарской губерніи или извлечено изъ рукописныхъ описаній отдѣльныхъ селеній этой губерніи, хранящихся въ мѣстномъ Статистическомъ Комитетѣ, или доставлено священникомъ с. Кракова, Самарскаго уѣзда І. Архангельскимъ. Кромѣ того, сюда включены и письменные матеріалы, собранные Е. И. Якушкинымъ въ Ярославской и Нижегородской губерніяхъ. Не могу не выразить искренней благодарности этому изслѣдователю обычнаго права за его обязательное сообщеніе мнѣ матеріаловъ, какъ лично записанныхъ имъ, такъ и помѣщенныхъ въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ, которыхъ я не могъ достать. Долгъ справедливости требуетъ выразить также признательность и священнику І. Архангельскому, такъ разумно относящемуся къ обычному праву, за его разъясненія многихъ вопросовъ, касающихся найма пастуховъ, въ сообщенныхъ имъ матеріалахъ.

П. Е.

вахъ и въ лѣсахъ безъ пастуховъ, но и оставляетъ его тамъ почти безъ всякаго надзора въ продолженіе всего лѣта. Въ особенности овцы по долгу ходятъ на подножномъ корму безъ обереженія даже мальчиковъ. Лошадей также бросаютъ зачастую на произволъ судьбы на пастбищахъ по нѣскольку мѣсяцевъ, и это иногда доводитъ до того, что иная лошадь *одичаетъ*, какъ говорятъ крестьяне, то-есть, одичаетъ, перестанетъ быть ручною, бродя по лѣсу. Такимъ образомъ скотъ гуляетъ гдѣ ему вздумается, иногда уходя отъ жилья въ разныя стороны за десятки верстъ; при этомъ онъ обыкновенно остается цѣлъ и невредимъ.

Отдѣльные случаи нападенія дикихъ звѣрей на скотъ и засѣданія его въ топи, конечно, бываютъ, но не столь часто, чтобы побуждать жителей къ обзаведенію ради этого пастухами. Въ лѣсахъ крайняго сѣвера, за исключеніемъ открытой запечорской тундры, волковъ чрезвычайно мало, а главнымъ врагомъ скота является „черный звѣрь, широколапый медвѣдь“, противъ котораго крестьяне стараются принимать свои мѣры. Овцы чаще всего подвергаются нападенію домашнихъ собакъ, но за это строго взыскивается, и ихъ домохозяева почти все лѣто держатъ на привязи [1]).

Иногда крестьяне, не желая, чтобъ ихъ скотъ (въ особенности телята и овцы, а въ иныхъ мѣстахъ и лошади) бродилъ по волѣ и удалялся въ лѣсъ, держатъ его въ загороженныхъ мѣстахъ, вблизи отъ селеній, въ такъ называемыхъ *телятникахъ* [2]). Въ Пинежскомъ уѣздѣ подъ такія отгороженныя мѣста назначается всегда земля плохаго качества съ тощею мелкою растительностію которой даже и для телятъ иногда бываетъ недостаточно, такъ что хозяева бываютъ принуждены носить туда свѣженакошенную траву или сѣно. Лошади же, оставляемыя для работъ, пасутся въ лугахъ на *коновязяхъ* (мѣсто, гдѣ вбить въ землю приколъ, къ которому привязывается лошадь арканомъ).

За пастухами въ Архангельской губерніи ходятъ, и то не вездѣ,

---

[1]) *Архан. Губ. Вѣд.* 1870 г., № 57: Обычай въ губерніи не пасти скота. *П. Иванова.*

[2]) Въ Сибири называется *телятникомъ* также особый большой дворъ на выгонѣ для телятъ. Опытъ областн. великор. словаря, изд. Ак. Наукъ.

лишь коровы да оленьи стада въ пустынныхъ тундрахъ. Не держатъ пастуховъ даже въ нѣкоторыхъ изъ уѣздныхъ городовъ. Такъ, въ Пинегѣ нѣтъ ни пастуха, ни особаго надсмотрщика, за тѣмъ, чтобы коровы не бродили по городу. Въ Холмогорахъ нанимается лишь караульщикъ или привратникъ, который сидитъ у устроиваемыхъ на лѣто при въѣздѣ въ городъ воротъ и трещоткой отгоняетъ скотъ отъ входа въ городъ, но вовсе не пасетъ скота. И въ селахъ имѣютъ иногда островныхъ и полевыхъ сторожей, которые наблюдаютъ за исправностью изгородей и охраняютъ поля или луга отъ потравъ скотомъ. Въ упомянутыхъ выше городахъ для доенія коровъ, ежедневно, въ извѣстные часы дня, отправляются женщины къ стаду, которое привыкло къ опредѣленному времени подходить ближе къ городу. Въ нѣкоторыхъ селахъ принято такое же обыкновеніе, напримѣръ, въ Куръ-островѣ, Холмогорскаго уѣзда. Такой порядокъ возможенъ лишь тамъ, гдѣ тому благопріятствуютъ условія мѣстности, гдѣ скотъ пасется на ближайшихъ островахъ (Пинега, Куръ-островъ), или гдѣ мѣстность значительно открытая, но ограждена естественными границами (рѣками), не позволяющими скоту переходить черезъ нихъ и скрываться (Холмогоры). Въ другихъ мѣстахъ считается не возможнымъ обойтись безъ пастуха для коровъ. Пастухи для овецъ и лошадей составляютъ рѣдкость. Мнѣ извѣстно, что конскій пастухъ есть, напримѣръ, въ с. Лямицѣ, Онежскаго уѣзда овечьи пастухи—у крестьянъ сс. Матигоръ (близъ г. Холмогоръ) и Карьепольскаго (Пинежск. у.). Овцы пасутся также за особымъ пастухомъ въ с. Ступинѣ, на Двинѣ (Холмог. у.), куда свозятся онѣ изъ всѣхъ ближайшихъ деревень (верстъ за 20 вокругъ); тамъ онѣ помѣщаются безплатно въ чьемъ-нибудь дворѣ, кто пожелаетъ ихъ взять; за это хозяинъ двора пользуется лишь навозомъ отъ овецъ [1]).

Указанное выше обыкновеніе архангельскихъ крестьянъ—обходится во многихъ случаяхъ безъ пастуховъ извѣстно и въ другихъ

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1870 г., № 57, также рукопись *П. А. Иванова* о пастьбѣ скота въ Пинежск. у. Изъ послѣдней рукописи взяты всѣ свѣдѣнія, касающіяся найма пастуховъ въ Пинежск. у. Арханг. губ. Свѣдѣнія о другихъ мѣстностяхъ Арханг. губ. или лично собраны мною, или взяты изъ рукописныхъ отвѣтовъ на программу обычнаго права, доставленныхъ разными лицами.

сѣверныхъ губерніяхъ, напримѣръ, Олонецкой, Вятской, Вологодской и проч. Такъ, прибрежные жители Ладожскаго озера, переведя скотъ съ берега на островъ Коневецъ, оставляютъ его на тамошнихъ пастбищахъ въ теченіе цѣлаго лѣта безъ всякаго надзора [1]). Отсутствіе пастуховъ въ Вятской губерніи засвидѣтельствовано еще недавно ходатайствомъ Малмыжскаго уѣзднаго земскаго собранія о введеніи обязательной пастьбы скота. Этою мѣрою собраніе надѣется достигнуть не только охраненія скота отъ истребленія хищными звѣрями, но и уменьшить истребленіе лѣсовъ [2]).

У крестьянъ Вологодской губерніи лошади и мелкій скотъ не пасутся за пастухомъ, а отпускаются на волю Божію, и случается такъ, что иной хозяинъ не видитъ цѣлое лѣто своей овцы или барана, а иногда лошадь уходитъ верстъ за 20—30; только коровъ пригоняютъ домой каждый день, а лошади берутся лишь тогда, когда они понадобятся для какой-либо работы. Такъ, по крайней мѣрѣ, водится въ Устюжскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ. Тамъ не отводится особой земли для пастьбы домашнихъ животныхъ, если подъ этимъ разумѣть какое-нибудь опредѣленное мѣсто, имѣющее извѣстныя точныя границы, а весь скотъ, исключая развѣ коровъ, можетъ, какъ сказано выше, бродить вездѣ. Выгоны не распредѣлены даже между обществами; они обыкновенно состоятъ изъ пустой и не занятой никѣмъ земли, слѣдовательно, заключаютъ въ себѣ все, что̀ окружаетъ извѣстную волость общество или деревню, а потому и пользованіе ими не ограничено ни какими правилами. Впрочемъ, для коровъ иногда отводятъ особые выгоны: это—мѣста со стороны лѣса. отдѣленныя иногда огородомъ, иногда засѣками изъ поваленныхъ въ извѣстномъ направленіи крупныхъ деревъ. Засѣки дѣлаются чаще всего тогда, когда медвѣдь приберетъ нѣсколько штукъ коровъ. Во избѣжаніе потравъ пахотныя поля и сѣнокосные луга всегда огораживаются изгородями изъ жердей [3]). Въ Восточной Сибири (Иркутская губернія и Камчатка)

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1870 г., № 57.

[2]) *Правит. вѣстн* 1877 г., № 28.

[3]) *Молва* 1876 г., № 31: Матеріалы для изученія общиннаго землевладѣнія, *Остроумова.*

пастбища также ограничиваются особыми изгородями, которыя носятъ названіе *поскотинъ* [1]), Кромѣ поскотинъ скотъ пасется на волѣ и на другихъ мѣстахъ, и пастуховъ нигдѣ нѣтъ, кромѣ какъ при овцахъ [2]).

Въ Архангельской губерніи, подобно тому какъ и въ Вологодской, можно часто замѣтить, что въ одной поскотинѣ пасется скотъ, принадлежащій различнымъ деревнямъ и селамъ, даже волостямъ, особенно, когда поселенія находятся на одной и той же сторонѣ рѣки. Это можно объяснить, вопервыхъ, тѣмъ, что земли нѣсколькихъ деревень дѣйствительно лежатъ зачастую въ площади общаго нераздѣльнаго владѣнія и особыхъ границъ не имѣютъ, такъ какъ крестьянскія земли въ губерніи вообще (за исключеніемъ удѣльныхъ земель Шенкурскаго уѣзда) не разграничены, а во вторыхъ, тѣмъ, что хотя крестьяне иногда и знаютъ предѣлы своимъ угодьямъ, но по старинному обыкновенію и вслѣдствіе изобилія пустопорожнихъ земель, не воспрещаютъ пользоваться ими сосѣдямъ для пастьбы скота. Бываетъ однако и такъ, что отдѣльныя села имѣютъ свои особыя поскотины (выгоны), огороженныя изгородью, которая называется *поскотинымъ огородомъ* или *оською* (засѣка).

Полей и *пожень* (сѣнокосныя мѣста) никогда не оставляютъ безъ изгородей, хотя бъ они лежали вдоль *почтовика* (почтовая дорога); при началѣ селеній въ этихъ изгородяхъ, для проѣзда и прогона скота, устраиваются особаго рода ворота изъ жердей. Кромѣ изгородей, принадлежащихъ отдѣльнымъ деревнямъ, на крайнемъ сѣверѣ бываютъ еще изгороди общія нѣсколькимъ деревнямъ или селамъ: ихъ устраиваютъ въ такихъ случаяхъ, когда пожни одной деревни перемѣшаны съ пожнями другой, или на островахъ, находящихся въ пользованіи двухъ-трехъ селеній, если на нихъ рядомъ съ пожнями имѣются поскотины, или рѣка не очень широка, такъ что скотъ можетъ переплывать на такой островъ. Подобныя изгороди имѣютъ важное значеніе для

---

[1]) Въ Тверской губерніи огороженное мѣсто, назначенное для пастбища скота, называется *примыръ*, а въ Пермской *рядка*. Опытъ областн. великор. словаря, изд. Ак. Наукъ.

[2]) *Медико-топогр. Сборникъ* 1870 г.: Верхоленскій округъ Иркутск. губ. *Шперка*, стр. 157.

крестьянъ, напримѣръ, по отношенію къ потравамъ, и сельскіе жители строго блюдутъ за ихъ исправностью и цѣлостью.

По поводу такихъ изгородей иногда заключаются особые договоры между жителями сосѣднихъ поселеній. Такъ напримѣръ, между крестьянами сс. Воньги, Цымолы и Валдокурьи. совмѣстно съ Пинежскими мѣщанами, заключенъ полюбовный актъ, въ силу котораго названные владѣльцы сѣнокосовъ на Большомъ Навалокѣ (островъ противъ г. Пинеги, между рѣчками Вонгой и Волочанкой) обязались навсегда, чтобы *стѣну* [1]) имъ ставить не позже Иванова дня (20-го іюня), а разрубать не ранѣе Семенова дня. Такое соглашеніе состоялось въ виду того, что въ названномъ островѣ за осѣкою (засѣка) пасется скотъ означенныхъ поселеній, могущій сдѣлать потраву съ весны истоптаніемъ травы, а подъ осень истребленіемъ скошеннаго сѣна [2]). Иногда между крестьянами одного и того же общества происходятъ изъ-за частыхъ потравъ несогласія и споры, вслѣдствіе того, что скотъ, въ особенности лошади, не будучи оберегаемъ пастухомъ, повсемѣстно бродитъ. Тогда общество составляетъ приговоръ отвести для бродящаго скота особую поскотину, огородивъ ее изгородью, и при этомъ опредѣляетъ мѣры отвѣтственности за потравы, но все же не назначаетъ пастуха [3]).

Изъ всего сказаннаго выше мы видимъ, что изобиліе лѣсовъ на сѣверѣ обусловило собою всеобщее распространеніе полевыхъ, луговыхъ и отчасти пастбищныхъ изгородей, а присутствіе большаго или меньшаго числа изгородей въ значительной степени повліяло на характеръ надзора за стадами, а именно—существованіе изгородей, защищающихъ поля отъ потравъ, послужило причиной образованія обычая или вовсе не держать пастуховъ, или имѣть ихъ лишь для такого рода скота, который долженъ быть ежедневно пригоняемъ домой: „Въ мѣстахъ лѣсныхъ и особенно въ Сѣверной Россіи,“ подтверждаетъ „Ручная книжка для грамотнаго поселянина“ (С.-Пб , 1866, стр. 107),—„огораживаютъ поля и луга отъ потравы скотомъ, для котораго и не держатъ особаго пастуха“.

---

[1]) Стѣной называется изгородь общая нѣсколькимъ деревнямъ.

[2]) О пастьбѣ скота въ Пинежск. уѣзда *П. Иванова.*

[3]) Напримѣръ, приговоръ крестьянъ д. Устьцыльмы, Запечерскаго края, состоявшійся 18-го мая 1869 г.

Само собою разумѣется, что еслибы не благопріятствовали другія мѣстныя условія, обыкновеніе обходиться безъ пастуховъ не могло бъ удержаться. Къ такимъ условіямъ относятся незначительность преступленій кражи скота и обиліе пустопорожнихъ, лѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстъ, такъ что они нерѣдко не разграничиваются даже между крестьянскими обществами разныхъ волостей; если бы чужому скоту никогда не дозволялось переходить за предѣлы земель извѣстнаго поселенія, то въ такомъ случаѣ, равно какъ и при значительномъ развитіи кражъ скота, не возможно было бъ обойтись безъ пастуховъ.

Во внутреннихъ и южныхъ губерніяхъ стада обыкновенно хо-дятъ за пастухами. Въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, изобилующемъ лѣсами, значительными по пространству, именно по изобилію лѣса, оставить стадо безъ пастуха считается крайнимъ непорядкомъ, въ виду нерѣдко случающихся нападеній волка или лихаго человѣка [1]). Но въ другихъ губерніяхъ той же полосы бываютъ исключенія изъ этого правила. Такъ въ Пензенской губерніи существуетъ даже особое названіе для скота пасущагося безъ пастуха,—*вольница*. Въ другихъ мѣстахъ иногда какой-либо мелкій скотъ, напримѣръ, телята, бродитъ безъ постояннаго надзора на отведенномъ для него мѣстѣ. Въ с. Краковѣ, Самарскаго уѣзда, весь скотъ долженъ быть въ стадѣ. Исключеніе составляютъ объягнившіяся во время лѣта или весны овцы. Онѣ съ недѣлю не гоняются въ стадо, гуляя на выпускѣ. Потомъ телята-*поюны*; они остаются дома, внѣ телячьяго стада по необходимости же, по крайней мѣрѣ въ началѣ. Родившійся теленокъ требуетъ шести-семи недѣль домашняго ухода (*выпойки*), прежде нежели сдѣлается способнымъ къ подножному корму. Затѣмъ онъ могъ бы быть отправленъ въ телячье стадо, но хозяину не хочется уплатить денегъ за первый періодъ пастьбы (до 29-го іюня), когда теленку остается провести въ стадѣ двѣ-три недѣли или нѣсколько дней. Поэтому большая часть телятъ, родившихся въ первый періодъ пастьбы, гуляютъ по задворкамъ и на выгонѣ,

---

[1]) Всѣ свѣдѣнія на счетъ найма пастуховъ въ Даниловск. уѣздѣ Яросл. губ. заимствованы изъ рукописи г. Ушакова, доставленной мнѣ Е. П. Якушкинымъ.

до начала второй половины, съ которой и должны поступать въ стадо. Родившіеся же во второй половинѣ большею частью вовсе не попадаютъ въ стадо. Впрочемъ на злоупотребленіе въ этомъ случаѣ смотрятъ снисходительно. Жалобу: „некуда или нельзя выпустить теленка“ крестьянинъ считаетъ самою резонною и заслуживающею общаго сочувствія. Законъ о потравѣ теленкомъ считается въ крестьянствѣ обиднымъ и несправедливымъ [1]). Рабочій скотъ, во время полевыхъ работъ или во все лѣто, также кое-гдѣ оставляется безъ пастуховъ. Но въ другихъ мѣстахъ для пастьбы рабочаго скота, въ особенности лошадей, введенъ особый порядокъ, примѣняемый иногда даже къ коровамъ. Общество не нанимаетъ пастуха, а приговариваетъ пасти скотъ самимъ крестьянамъ по очереди дворовъ. Нерѣдко очередь отбываютъ по два крестьянина, при чемъ одинъ караулитъ днемъ, другой ночью [2]). Но бываетъ и такое распредѣленіе: для дневной пастьбы назначается одно лицо (то-есть, отъ одного двора), а для ночнаго караула два лица (отъ двухъ дворовъ). Въ послѣднемъ случаѣ они стерегутъ или одновременно, или по очереди: одинъ съ вечера до полуночи, другой—съ полуночи до разсвѣта. Дворъ можетъ посылать для караула не только взрослыхъ мужчинъ, но и женщинъ и даже мальчиковъ [3]).

Въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи пастьба скота самими крестьянами производится только тогда, когда они не успѣли съ весны порядить себѣ подходящаго пастуха, и еще среди лѣта, если они прогнали пастуха за крайнее нерадѣніе его или пьянство, а также тогда, когда самъ пастухъ сошелъ отъ нихъ и порядился въ другую деревню подороже. Тамъ съ самой весны по Петровъ день зачастую пастухи сходятъ съ мѣста изъ-за жалованья, чтобы подороже взять. Особенно этимъ отмѣчаются Архангельцы, ребята,

---

[1]) Всѣ свѣдѣнія о пастьбѣ скота и наймѣ пастуха въ с. Краковѣ, Самарск. у., заимствованы изъ письменныхъ отвѣтовъ свящ. І. Архангельскаго и рукописнаго описанія села Кракова, находящагося въ Самарск. стат. комитетѣ.

[2]) Труды Коммиссіи для преобраз. вол. судовъ, т. VI, стр. 243: Самарск. губ., Бугурусл. у.; VI, 57: Сарат. губ.

[3]) Тамъ же, I, 219: Тамб. губ., Спасск. у.; II, 467: Моск., Колом.; III, 132: Яросл. губ.. Мологск. у.

привыкшіе переходить съ мѣста на мѣсто, отъ одного хозяина къ другому. Архангельцы и Вологжане, какъ мужчины, такъ и женщины, цѣлыми партіями переходятъ, обыкновенно на Егорьевъ день, въ Данпловъ и на базары въ торговыя большія села, гдѣ ихъ и рядятъ, кого въ пастухи, кого въ подпаски, работники и работницы. Если случится уже такая бѣда, что пастуха не окажется въ деревнѣ по какой бы то ни было причинѣ, то *десятокъ*, то-есть, всѣ домохозяева, правящіе большину и составляющіе деревенскій сходъ, соберутся, и потолковавъ промежь собою, устанавливаютъ *череду* (очередь) пасти скотину всею деревней. Въ основаніе очереди постоянно принимается число *скотинъ* (чередовъ) каждаго домохозяина. Во время работъ, лошадей по ночамъ на пожнѣ всегда пасутъ сами хозяева, посылая для этого каждый отъ своего дома кого-нибудь изъ мальчиковъ, дѣвушекъ, взрослыхъ. Въ вешнюю пашню по ночамъ не пасутъ лошадей, такъ какъ до 1-го іюня травы вообще плохо поднимаются, слѣдовательно, скотинѣ голодно на пожняхъ, и пасти не стоитъ, а напротивъ рабочую лошадь кормятъ въ эту пору дома, стараясь содержать ее какъ можно лучше. Въ навозницу (около 16-го іюня), въ паровую пашню (когда пашутъ вывезенное подъ рожь удобреніе) и затѣмъ въ августѣ, когда раздѣлываютъ годовую пашню подъ посѣвъ ржи, лошадей пасутъ по ночамъ. Ихъ обыкновенно спутываютъ на ночь, треножатъ или навязываютъ на *ужище* (длинная веревка), а иногда смирныхъ лошадей прямо пускаютъ на волю и артелью стерегутъ всѣ, чьи лошади пасутся; берутъ съ собою собакъ, разводятъ костеръ и коротаютъ время, какъ умѣютъ. На утро ловятъ лошадей на узду, приводятъ домой и сдаютъ пастуху съ рукъ на руки.

Во многихъ мѣстностяхъ Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи вслѣдствіе отдаленности пастбищъ отъ селъ и скудости травъ, рогатый скотъ также оставляется на нѣкоторое время на пастбищѣ на ночь; поэтому туда каждое утро и вечеръ женщины цѣлымъ селеніемъ ходятъ доить коровъ; въ такомъ случаѣ по ночамъ бываетъ очередная сторожь [1]).

Въ с. Сопелкахъ, Ярославской г., пастьбу лошадей во время ночи

---

[1]) *Яросл. Губ. Вѣд.* 1864 г., № 1.

(*ночно́е, ночни́ца, конопа́ство*) крестьяне отправляютъ по лошадинымъ *чередамъ*; до времени сѣнокоса каждый чередъ стережетъ одну ночь, послѣ сѣнокоса съ двухъ чередовъ одну ночь. Во время же самаго сѣнокоса, дней пятнадцать, лошадей ночью пасетъ пастухъ, нанятый для пастьбы всего скота. Въ мѣстности, называемой Гамаюнщиной, которая лежитъ противъ г. Калуги, за р. Окой, и состоитъ изъ 17 деревень, пастуховъ нанимаютъ только для рогатаго скота и свиней, для лошадей же нѣтъ пастуховъ, такъ какъ онѣ безпрестанно въ работѣ, а въ промежуткѣ сами хозяева караулятъ ихъ. По ночамъ конскій табунъ соединяется, и для пастьбы его посылается отъ каждаго двора по человѣку, по большей части дѣти отъ 7 до 14 лѣтъ. Изъ этого общества одинъ (по очереди дворовъ) остается караулить на всю ночь; а остальные спятъ возлѣ табуна. Въ очереди караулить табунъ на всю ночь приходится за двѣ лошади [1]).

Лица, надзирающія за скотомъ по очереди, называются у крестьянъ *очередными караульщиками* или *караульными*, также *сторожами*, а не то—просто пастухами [2]).Въ Малороссіи ночные караульщики конскихъ табуновъ носятъ названіе *ночлижныковъ*. Что касается до настоящихъ пастуховъ, то они въ разныхъ мѣстахъ Великороссіи, и смотря по роду скота, который пасутъ, получаютъ особыя названія, именно: *бара́нщикъ*—пастухъ барановъ и овецъ (Симбирск. г.), *овчаръ, чабанъ* (Курск. г.)—пастухъ овецъ, *телятникъ*—телятъ (Сибирь), *мелочной пастухъ*—пастухъ всего мелкаго скота, *табунникъ* или *табунщикъ* (Костр., Самарск.) —крупнаго скота, преимущественно лошадей, *конюхъ* (Московск.) или *конный пастухъ*(Самарск.), *чередни́къ* (Курск. г.),—то же, что̀ *коровникъ* (Воронежск. г.). Для помощниковъ пастуха существуетъ общее наименованіе—*подпа́сокъ*, и частныя:—*запа́сокъ, припасокъ, опасокъ, надопасокъ, казаченокъ* (Псковск. и Тверск. г.) [3]).

Въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи сложились различныя отношенія къ пастухамъ, благодаря тому, что за эту профессію берутся преимущественно люди извѣстнаго возраста, экономическаго положенія и пр.

---

[1]) *Памят. кн. Калуж. губ.* на 1862—63 г.: Гамаюнщина, *Г. Потанина.*

[2]) Тр. Ком. о вол. судахъ, II, 467; VI, 243.

[3]) Опытъ област. великор. слов., изд. Ак. Наукъ.

На крайнемъ сѣверѣ въ пастухи нанимаются большею частью люди престарѣлые или мальчики лѣтъ 15-ти; бываютъ и молодые мужчины, но вообще люди самые бѣдные, не имѣющіе у себя ничего и неспособные къ другимъ занятіямъ или почему-либо не нашедшіе таковыхъ. Въ другихъ мѣстностяхъ въ пастухи идутъ подростки и старики, безъ которыхъ семейства ихъ легко обходятся во время лѣтнихъ работъ, или люди крайне бѣдные. Такъ, въ Московской губерніи пастухъ бываетъ по большей части бездомовникъ, нанимаемый изъ другой деревни и даже изъ другаго уѣзда [1]). Контингентъ пастуховъ Самарской и Симбирской губерній, по словамъ свящ. І. Архангельскаго, большою частью также вербуется изъ бѣдняковъ или людей, не умѣющихъ приложить рукъ къ обычному крестьянскому дѣлу. „Дай срокъ, къ стаду наемся, весь міръ въ долгу будетъ“, иронизируютъ крестьяне надъ бѣдными людьми и пастухами. Въ этомъ случаѣ пастухи раздѣляютъ общую судьбу съ тѣмъ людомъ, хотя бы зажиточнымъ, который ведетъ жизнь не на обычныхъ пріемахъ крестьянства. Точно также въ Малороссіи, если хвалятъ чьи-либо порядки въ хозяйствѣ, хозяинъ шутитъ: „як розжывемся, такъ и въ пастухи наймемся“. Но вообще занятія пастуха считаются весьма легкими и вольготными: „Колыбъ можна буты черезъ зіму котомъ, черезъ літо пастухомъ, а на Велыкъ день попомъ;“ или: „Пастухъ за ворота-кімса (кусокъ хлѣба) въ его колорота,“ говорятъ Малороссіяне [2]).

Въ Самарской губерніи, гдѣ скотоводство развито въ значительной степени, держатъ пастуховъ совершеннолѣтнихъ. По словамъ жителя с. Новопавловки, Николаевскаго уѣзда [3]), въ пастухи нанимаютъ взрослыхъ, чтобы можно было довѣрить скотину; въ особенности въ конные пастухи, даже въ подпаски къ нимъ берутся взрослые парни, потому что лошадей пасти довольно трудно. Есть и такія мѣстности въ Самарскомъ краѣ, въ которыхъ, въ виду сильнаго развитія конокрадства, въ конные пастухи приглашаются конокрады, въ надеждѣ, что они будутъ

---

[1]) *Моск. Губ. Вѣд.* 1854 г., № 26: Лѣтн. праздники у поселянъ Московской губерніи.

[2]) Сборникъ малоросс. пословицъ *Номиса*.

[3]) Свѣдѣнія о наймѣ пастуховъ въ с. Новопавловкѣ, Николаевск. у. Самар. губ., записаны мною со словъ тамошняго жителя.

честно охранять ввѣренныя имъ стада отъ сторонних воровъ. Званіе свинопаса въ Симбирской губерніи въ презрѣніи, также какъ, напримѣръ, въ Малороссіи. „Треба ему ще сімъ літъ свині пасты“; или: „Хлопче, пасы свыней, та тоді вже и людей“, говорится въ малороссійскихъ пословицахъ.

Нѣкоторыя мѣстности Владимірской губерніи выпускаютъ въ пастухи лишь стариковъ и подростковъ, но за то въ другихъ — цѣлыя села сплошь занимаются пастушествомъ, слѣдовательно, въ пастухи поступаютъ и взрослые мужчины. По свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Дубенскимъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ во Владимірскомъ уѣздѣ, Петроковская волость государственныхъ крестьянъ, Ельтесуновское сельское общество, Ставровской волости, и большая часть крестьянъ сосѣднихъ помѣщичьихъ селеній Владимірскаго и Юрьевскаго уѣздовъ главнымъ промысломъ имѣютъ пастушество. Ежегодно въ весеннюю распутицу выходитъ изъ этой мѣстности до трехъ тысячъ человѣкъ въ пастухи и подпаски стадъ Ярославской, Тверской, Московской и Владимірской губерній. Въ Меленковскомъ уѣздѣ въ д. Маломъ-Приклонѣ и въ двухъ-трехъ помѣщичьихъ селеніяхъ насчитывается также до ста пастуховъ, которые нанимаются въ сосѣднихъ уѣздахъ своей губерніи и рѣдко выходятъ въ другія губерніи. Въ округѣ Петроковской волости рѣдкій крестьянинъ не былъ въ своей жизни пастухомъ. Въ молодости, между 12—18 годами, подростки идутъ со старыми пастухами въ подпаски. У каждаго пастуха есть свой любимый уголъ, гдѣ онъ ежегодно нанимается. Нѣкоторые съ молодыхъ лѣтъ до старости пасутъ въ одномъ селеніи. Впрочемъ нужно сказать, что въ указанныхъ мѣстахъ пастушество еще съ пятидесятыхъ годовъ начало уступать мѣсто другимъ промысламъ, и многіе пастухи стали ходить въ Москву въ каменьщики [1]).

Однако занятіе пастушествомъ, какъ особымъ промысломъ, поддерживается и теперь во Владимірской губерніи, какъ свидѣтельствуетъ г. Максимовъ: „Петроковскіе мужики уходятъ жить въ пастухахъ чужой скотъ пасти, на рогу играть. И никому на трубѣ такъ не сыграть въ цѣломъ свѣтѣ. Куда ни прійдетъ, гдѣ

---

[1]) *Жур. Мин. Внут. Дѣлъ* 1858 г., сент.: О промыслахъ Владимірской губ., стр. 65- 68.

ни скажется Владимірцомъ, другихъ сторожей не надо. Осенью петроковскіе пастухи возвращаются домой, заручившись мѣстомъ въ наспженномъ углѣ и подрядившись съ задаткомъ“ [1]).

При такихъ условіяхъ, пастухъ во Владимірской губерніи не можетъ быть въ презрѣніи, также точно, какъ и въ Ярославской. Въ Даниловскомъ уѣздѣ замѣтна даже нѣкоторая доля уваженія къ пастуху. Пастухъ тамъ вовсе не бранное слово и не низкое занятіе; напротивъ того, многіе изъ лучшихъ крестьянъ въ молодости своей, когда были ребятами отъ 9 до 13 лѣтъ, были пастухами. Въ настоящее время то же самое: довольно зажиточные родители (конечно, не богачи, подрядчики) если имѣютъ сына, мальчика лѣтъ 9—10, перво-на-перво порядятъ его въ подпаски, въ лѣто рублей за 12 или 14. На слѣдующій годъ, когда сдѣлается извѣстнымъ, что мальчикъ былъ уже въ подпаскахъ цѣлое прошлое лѣто, ему прибавляютъ въ цѣнѣ рубля 2, 3 и 5; на третій годъ, если мальчикъ шустрый, расторопный, онъ уже берется пасти за пастуха какой-нибудь небольшой деревни стадо и получаетъ рублей отъ 18 до 25 въ лѣто. Отъ 25 до 35 руб. даютъ настоящимъ пастухамъ, лѣтъ отъ 18 и болѣе. Въ большихъ деревняхъ рядятъ обыкновенно пастуха съ подпаскомъ цѣной отъ 40 до 50 и даже до 60 руб. Пастухами дорожатъ, и чередной трезвый пастухъ, положительно можно сказать, пользуется уваженіемъ крестьянъ. Конечно, домохозяева или ихъ залишніе взрослые работники стараются найдти болѣе выгодное для себя занятіе; въ лѣтнюю пору, они или хозяйствуютъ дома у себя, или идутъ на заработки на сторону и добываютъ себѣ въ лѣто отъ 60 до 120 руб.; слѣдовательно, не изъ пренебреженія, а изъ разчета не рядятся въ пастухи.

На сѣверѣ сложился особенный взглядъ на пастуховъ. Такъ въ Новгородскомъ краѣ пастухъ есть лице типическое. Имъ чаще всего бываетъ выходецъ изъ Псковской и Витебской губерній. Замѣчательно, что мѣстный крестьянинъ, вообще туго поддающійся вліянію посторонняго лица въ отношеніи своего быта, охотно уступаетъ полевой уходъ за своимъ скотомъ человѣку пришлому, котораго онъ рѣзко отличаетъ отъ себя именемъ *Поляка*, какъ онъ

---

[1]) *Отеч. Зап.* 1876 г., № 10: Кродяч. Русь, стр. 466—467; также Труды вол. коммиссіи, II, 495 и 496: Моск. губернія, Дмитр. уѣздъ.

называетъ всѣхъ выходцевъ изъ западно-русскаго края, обозначая этимъ словомъ и занятіе пастуха (полякъ, то-есть, полевой человѣкъ, скотоводъ), котораго онъ самъ чуждается. Быть пастухомъ самому новгородскому крестьянину, по его понятіямъ, весьма безчестно. Онъ будетъ рыбакомъ, бурлакомъ, погонщикомъ лошадей на бичевникѣ,—чѣмъ хотите, но только не пастухомъ. Отецъ для поощренія къ труду своего лѣниваго сына стращаетъ свое дитя тѣмъ, что онъ отдастъ его въ пастухи; кокетливая дѣвушка, при искреннемъ желаніи быть всегда опрятною, не безъ нѣкотораго опасенія рѣшится вычесать себѣ голову къ ночи, потому что есть мѣстная примѣта: если дѣвица чешетъ голову къ ночи, то ея суженый будетъ пастухъ; словомъ, пастухъ послѣднее существо въ Новгородскомъ краѣ.

Авторъ, сообщающій приведенныя свѣдѣнія о пастухахъ Новгородской губерніи, видитъ въ самой обстановкѣ пастуха презрѣніе мѣстныхъ крестьянъ къ его занятію, именно въ томъ, что пастухъ пользуется очередною квартирой и одеждой. „Ясно“, говоритъ онъ,—„что, оставляя такъ быть пастуха, деревня смотритъ на него, какъ на существо рѣшительно чужое, какъ на трутня, котораго держатъ при себѣ, какъ необходимое зло до поры до времени“. Съ послѣднимъ замѣчаніемъ согласиться нельзя. такъ какъ извѣстно, что обыкновеніе давать пастуху помѣщеніе и содержаніе въ очередномъ порядкѣ существуетъ повсемѣстно, а не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ званіе пастуха въ презрѣніи. Но послѣдующія заключенія автора не безъосновательны, хотя и высказаны безпорядочно: „Пастухъ, что̀ весьма замѣчательно,—со своей стороны не прочь отъ этого образа жизни, потому что онъ доставляетъ ему свои выгоды. Чужестранецъ въ краѣ,—какъ полякъ, находясь цѣлый день вдали отъ сельскаго общества со своимъ стадомъ, онъ тѣмъ внимательнѣе становится ко всему тому, что̀ дѣлается подъ вечеръ въ той избѣ, куда онъ является на ночлегъ, и тѣмъ удобнѣе становится загадкою для сельскаго общества, что при такомъ ежедневномъ перекочевываніи его изъ избы въ избу черты личнаго характера пастуха легко ускользаютъ отъ рѣшительнаго и прочнаго наблюденія надъ ними со стороны того или другаго крестьянина въ частности. Если притомъ пастухъ—смышленый шарлатанъ, то при такихъ условіяхъ, ему весьма легко

ввести суевѣрную простоту деревни въ заблужденіе относительно своихъ мнимыхъ познаній въ ворожбѣ и мнимыхъ связей своихъ съ лѣсовикомъ. Для этого стоитъ только подмѣтить и прослѣдить какую-нибудь интрижку между сосѣдями, и затѣмъ, въ случаѣ нужды, легко развязать ее подъ видомъ чаръ съ затверженными заклятіями (указать, напримѣръ, дѣвушкѣ на ея суженаго, открыть воровство и т. п.), а при естественномъ для пастуха знаніи цѣлебныхъ или вредныхъ для здоровья травъ помочь недугу или повредить здоровью (испортить),—и на вѣрное, пастухъ прослыветъ въ деревнѣ колдуномъ. Даже и безъ шарлатанства пастуху весьма легко прослыть колдуномъ, можно сказать даже безъ его вѣдома, потому что у крестьянъ предвзятельно, или лучше—изстари, разсужено, что нельзя быть пастухомъ и въ то же время не быть колдуномъ. Вслѣдствіе такого предразсудка, всякій пастухъ, хотя бы онъ и не былъ такъ называемый полякъ, считается у крестьянъ колдуномъ, и всякій полякъ, хотя бы и не пастухъ, также большею частью признается колдуномъ. Оттого въ Новгородскомъ краѣ ходитъ много разсказовъ о колдовствѣ пастуховъ и объ ихъ сношеніяхъ съ лѣшими... Для сохраненія стада пастухъ, по повѣрьямъ крестьянъ, заключаетъ съ лѣсовикомъ условіе, по которому лѣсовикъ обязанъ охранять стадо, а пастухъ съ своей стороны платитъ ему за то двумя или тремя коровами въ лѣто или же молокомъ, содержащимся въ трехъ-двухъ или одномъ соскѣ коровы. Оттого-то, говорятъ,—и пропадаютъ безъ вѣсти коровы, или же иная корова неожиданно сбавляетъ молока. Пастухъ, пользуясь такимъ повѣрьемъ, имѣетъ полную возможность слагать свою вину на лѣсовика. О тѣхъ же пастухахъ, которые почестнѣе и повнимательнѣе къ своему дѣлу, повѣрье говоритъ, что они уговариваются съ лѣсовикомъ на курпномъ яйцѣ, такъ что пастухъ половину курпнаго яйца отдаетъ лѣсовику, а другую съѣдаетъ самъ“ [1]).

Воззрѣніе на пастуха, какъ на колдуна, обще всему глубокому сѣверу, напримѣръ, Архангельской и Олонецкой губернямъ, то-есть, тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ пастухи вовсе не пришлый народъ, а туземный; слѣдовательно, на образованіе сказаннаго воззрѣнія на пастуховъ

---

[1]) *Новгор. Сборн.* изд. Стат. Комит., вып. III, 1865 г.: Народн. взглядъ на уходъ за рогатымъ скотомъ, *Н. Кедрова.*

вліяли общія всему сѣверу причины. Въ Пинежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи пастухъ непремѣнно долженъ знать „молитву скотъ пасти“ и другія заклинанія на невредимость скота. Въ другихъ уѣздахъ только пожилые пастухи, особенно опытные въ своемъ дѣлѣ, знаютъ *отпуски* скота, и поэтому особенно уважаются крестьянами. Мнѣ сообщали въ г. Онегѣ, что въ нѣкоторыхъ окрестностяхъ, собственно для перваго выгона скота и исполненія необходимыхъ при этомъ охранительныхъ для скота обрядовъ и заклинаній, вызываютъ знающихъ пастуховъ изъ поморья, за нѣсколько десятковъ верстъ. Повсемѣстно въ Архангельской губерніи повѣрье, что знающіе пастухи входятъ въ дружбу съ лѣшими, и тѣ, вмѣсто ихъ, пасутъ скотъ, но для этого пастухъ обязывается одарить лѣшаго первымъ яйцемъ, полученнымъ отъ попа во время христосованья и одношерстною скотиною. Вмѣстѣ съ тѣмъ пастухи строго воспрещаютъ въ теченіе лѣта убивать скотъ, потому что ежели *окровавить поскотину*, то звѣрь (медвѣдь), по наущенію лѣшаго, станетъ *пакостить* (то-есть, душить скотину). Благодаря этому повѣрью, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи лѣтомъ съ крайнимъ трудомъ можно достать свѣжей говядины (напримѣръ, въ г. Онегѣ).

Корень всѣхъ этихъ суевѣрій, кажется, легче всего можетъ быть отысканъ въ лѣсистости сѣвернаго края. Мрачные непроходимые дебри сѣвера, болѣзненно дѣйствуя на народное воображеніе, постоянно поддерживали издавна возникшую вѣру въ существованіе особаго духа лѣсовъ, который покровительствовалъ всѣмъ постояннымъ и временнымъ обитателямъ этихъ лѣсовъ—дикимъ и домашнимъ животнымъ, пребывающимъ въ лѣсахъ. Естественно, что и пастухъ, постоянно бродящій по лѣсамъ, поставленъ былъ народною фантазіей въ ближайшее соприкосновеніе съ лѣшимъ. Пастухъ, по представленію сѣвернаго крестьянина, имѣетъ всегда возможность войдти въ сношенія съ лѣшимъ и можетъ даже подчинить его себѣ до того, что ему нечего будетъ заботиться о стадѣ: лѣшій станетъ исполнять его обязанности. Поставивъ пастуха въ ближайшія отношенія къ лѣшему, крестьяне чрезъ это самое причислили его, какъ и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя находятся въ связи съ какимъ бы то ни было духомъ, къ числу колдуновъ. Такимъ онъ и дѣйствительно являет-

ся въ представленіи сѣвернаго населенія. Въ Новгородской губерніи на поддержаніе понятій о пастухѣ, какъ о колдунѣ, повліяло отчасти, въ видѣ второстепенной причины, и то обстоятельство, что тамъ пастухи-поляки—народъ пришлый и отличный отъ кореннаго Новгородскаго населенія, который подходитъ, по своему выговору, къ Бѣлорусскому племени: извѣстно же, что у насъ одни племена считали и считаютъ другихъ за колдуновъ; въ особенности Бѣлорусское племя прослыло вѣщимъ. Вѣроятно, разнородность племенъ отразилась также на воззрѣніи новгородскихъ крестьянъ на пастуха какъ на колдуна, и на занятіе ихъ, какъ на дѣло, до того презрѣнное, что мѣстный крестьянинъ ни за что за него не возмется.

На крайнемъ сѣверѣ, гдѣ поселенія мелкія, пастуха нанимаетъ цѣлая деревня или село сообща. Для совѣщанія объ этомъ дѣлѣ всѣ домохозяева сходятся на *сходку* (сходка). Небольшія деревни по двѣ, по три и болѣе, нанимаютъ общаго пастуха. Мы имѣемъ примѣръ изъ Великониколаевской волости, Шенкурскаго уѣзда, что даже семь деревень нанимали одного пастуха. Въ этихъ случаяхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ наймѣ пастуха участвуютъ уполномоченные отъ селеній по два или по три человѣка, которые и заключаютъ договоръ съ пастухомъ. Въ другихъ губерніяхъ наемъ пастуха производится или цѣлымъ сельскимъ обществомъ, чтобы пасти все мірское стадо, или частями его, для пастьбы отдѣльныхъ стадъ. Тутъ все зависитъ отъ числа стадъ одного и того скота, а послѣднее обусловливается количествомъ скота. Въ Самарской губерніи, напримѣръ, конскій табунъ обыкновенно бываетъ одинъ на все село, а потому конюха нанимаютъ цѣлымъ обществомъ, другихъ же стадъ по нѣсколько, и въ такомъ случаѣ каждая часть общества имѣетъ своего пастуха; нерѣдко пастуховъ нанимаютъ *порядками*, то-есть, улицами: коровы крайнихъ порядковъ пасутся за своими пастухами, средняго порядка опять за своимъ [1]). Въ с. Орѣховкѣ, Бузулукскаго уѣзда Самарской губерніи, всего одинъ конскій табунъ, коровьихъ стадъ три, телячьихъ два, овечьихъ пять. Въ с. Новопавловкѣ, Николаевскаго уѣзда, конскій табунъ, въ которомъ пасутся и волы, одинъ коровьихъ

---

[1]) Труд. вол. Ком., I, 703: Тамб. губернія, Липецк. уѣздъ.

2 стада, овечьихъ 6, свиней и телятъ по одному стаду. Въ с. Елховкѣ, Самарскаго уѣзда, рогатый скотъ раздѣляется на три табуна: въ двухъ дойныя коровы, а въ третьемъ быки и молодыя телки, овцы раздѣляются на 10 косяковъ; лошади и свиньи составляютъ по одному отдѣльному стаду.

Очевидно, что въ приведенныхъ случаяхъ приходится нанимать пастуховъ отдѣльнымъ частямъ общества. Въ Малороссіи пастухи бываютъ или общественные на все село, или поставленные отъ одного хозяина (преимущественно у богатыхъ козаковъ); послѣдніе пасутъ какъ хозяйскій, такъ и *пріймансκій* скотъ (принятый хозяевами со стороны). То же случается и въ великорусскихъ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ. Тамъ нанимаютъ особыхъ пастуховъ тѣ изъ крестьянъ-общинниковъ, которые на отдѣльно арендуемыхъ участкахъ выпасываютъ гурты скота на убой, или тѣ изъ крестьянъ, которые набираютъ на участки за особую плату стадо лошадей или коровъ для пастьбы, съ отвѣтственностію за пропажу. Бываетъ и такъ, что скотъ, въ особенности рогатый, отдѣльныхъ членовъ общины пасется особо за нанятымъ пастухомъ или подъ присмотромъ какого-либо мальчика изъ семьи. Такое стадо въ Самарской губерніи называется *особнякомъ*. Но эти особняки и отдѣльныя стада одного и того же скота съ особенными пастухами мыслимы тамъ, гдѣ много скота и довольно земли. Во внутреннихъ же губерніяхъ этого не бываетъ. Въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, напримѣръ, отдѣльные домохозяева изъ крестьянъ не могутъ даже желать порядить для своей скотины особаго пастуха, такъ какъ скотинъ-то крупныхъ у самаго зажиточнаго изъ тамошнихъ крестьянъ не найдется болѣе 8 или 10 штукъ, у большинства же, среднимъ числомъ, 3 или 4 скотины; слѣдовательно, прямая, личная выгода каждаго изъ домохозяевъ—не нанимать для себя отдѣльнаго, не то чтобы пастуха, а даже подпаска. Поле, гдѣ пасется деревенская скотина,—общее всей деревни; слѣдовательно, тоже не мыслимо тамъ въ одномъ стадѣ, которое пасется на такомъ полѣ, исключительно пасти свои 3, 4 или даже 10 скотинъ, не обращая вниманія на остальную скотину своихъ сосѣдей. Даже сосѣди помѣщики или священно и церковнослужители, имѣющіе у себя скотъ, нерѣдко соединяютъ свое стадо со стадомъ крестьянскимъ ближайшей сосѣд-

ней деревни, съ цѣлью менѣе платить пастуху за *пастушню*, такъ какъ въ большомъ стадѣ обыкновенно поскотинная плата бываетъ меньше, чѣмъ въ стадѣ небольшомъ, а въ соединенныхъ стадахъ пространство пастушни дѣлается больше.

Для пастьбы одного стада общество обыкновенно нанимаетъ одного пастуха, рѣдко двухъ; а если стада небольшія, то часто для разнороднаго скота, пасущагося въ одномъ или въ двухъ стадахъ, приглашается общій пастухъ. Хотя общество нанимаетъ къ стаду обыкновенно одного пастуха, но послѣдній нерѣдко принимаетъ къ себѣ товарищей, а чаще всего мальчиковъ-подпасковъ. Товарищей, и въ особенности подпасковъ, нанимаетъ отъ себя самъ пастухъ, и только изрѣдка первые приглашаются обществомъ.

Въ Данпловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи подпасковъ обыкновенно рядятъ сами пастухи, и подпаски никакой отвѣтственности передъ деревнею въ стадѣ не несутъ. Если случится деревни порядить врозпь пастуха и подпаска, то обыкновенно послѣдній берется пасти телятъ или овецъ, за цѣлость которыхъ онъ и отвѣчаетъ, а главный пастухъ береть на свою отвѣтственность пасти крупную скотину.

Число подпасковъ, равно какъ и товарищей, зависитъ отъ размѣра стада. Въ Архангельской губерніи, гдѣ стада небольшія, подпасковъ обыкновенно принимаютъ лишь тогда, когда, вслѣдствіе накопленія значительнаго количества скота, онъ разводится на два стада. Въ другихъ мѣстностяхъ, въ особенности степныхъ, при каждомъ стадѣ бываетъ, кромѣ пастуха, по одному и болѣе подпасковъ. Такъ въ с. Новопавловкѣ, Николаевскаго уѣзда Самарской губ., за конскимъ табуномъ ходитъ сверхъ пастуха, три подпаска, за остальными стадами по одному. Иногда, вмѣсто подпасковъ пастухи поручаютъ исправлять ихъ обязанности своимъ дѣтямъ, мальчикамъ и даже дѣвочкамъ. Слѣдующіе примѣры показываютъ, что относительно числа пастуховъ при стадахъ существуетъ значительное разнообразіе въ разныхъ селахъ, обусловливаемое количествомъ скота и стадъ. Пастухъ нанимается для пастьбы свиней и овецъ, а онъ нанимаетъ отъ себя подпаска [1]). Пастухъ нанятъ пасти рогатый и конный скотъ, но онъ имѣетъ у себя двухъ под-

---

[1]) Труд. вол. ком., I, 703: Тамб. г.: Липецк. у.

пасковъ [1]). Лошадей пасетъ пастухъ, а его подпасокъ—мелкій скотъ [2]). Въ с. Сопелкахъ, Ярославской губ. [3]), два стада: первое—лошадей и коровъ, при которомъ находится пастухъ съ подпаскомъ, второе—овецъ и телятъ, при которыхъ два мальчика. Какъ подпаска, такъ и мальчиковъ, пастухъ ставитъ отъ себя. Въ сельцѣ Константиновскомъ, Новоузенскаго уѣзда, стадо крупнаго и мелкаго скота пасется однимъ пастухомъ съ подпаскомъ, табунъ—табунщикомъ [4]). Нерѣдко лошади пасутся двумя пастухами [5]). Иногда два самостоятельные пастуха пасутъ рогатый скотъ [6]). Тамъ, гдѣ скотоводство ведется въ большихъ размѣрахъ, напримѣръ, у крестьянъ-гуртовщиковъ Самарской губерніи, количество пастуховъ еще больше при правильной группировкѣ стадъ. Одно товарищество въ с. Краковѣ, Самарскаго уѣзда, въ 1873 г. имѣвшее 3000 головъ овецъ и 230 штукъ рогатаго скота, нанимало для рогатаго скота 5 человѣкъ пастуховъ (или 1 пастухъ на 46 головъ); овцы же были разбиты на двѣ *кошары*, а каждая кошара—на два табуна; у каждой кошары свой *повозка* и свой *передовой*, завѣдующій хозяйствомъ повозки и наблюдающій за пастухами; онъ обязанъ наблюдать за нагуломъ скота (количествомъ сала, получаемаго съ овцы); у каждой кошары также свой кашеваръ; у каждаго табуна было по два пастуха, считая съ передовыми, всего 10 человѣкъ пастуховъ; слѣдовательно, на 300 головъ одинъ человѣкъ.

Прежде нежели говорить объ условіяхъ найма пастуховъ, приведемъ два мнѣнія о положеніи подпасковъ и обязанностяхъ ихъ въ отношеніи къ своимъ пастухамъ. Въ Оленинской волости, Горбатовскаго уѣзда Нижегородской губ., въ подпаски чаще всего попадаютъ круглыя сироты. Жизнь подпаска весьма тяжела: не говоря уже о трудности проводить цѣлые дни въ полѣ, въ осеннее сырое и дождливое время, при плохомъ одѣяніи мальчиковъ, обращеніе пастуховъ съ подпасками рѣдко бываетъ человѣчно. Пропа-

---

[1]) Тамъ же, VI, 227: Самарск. г., Бугурусл. у.

[2]) Тамъ же, II, 496: Моск. г., Дмитр. у.

[3]) Всѣ свѣдѣнія о пастьбѣ скота и наймѣ пастуховъ въ с. Сопелкахъ сообщены Е. И. Якушкинымъ.

[4]) *Моск. вѣд.* 1860 г., № 194: Письма изъ деревни, *К. Кавелина.*

[5]) Труд. вол. ком., II, 327: Моск. г., Волокол. у.

[6]) Тамъ же, I, 99: Тамб. губ. Морш. у.; I, 150: Шацк. уѣздъ.

детъ ли въ стадѣ корова или овца, — міръ , нанимающій пастуха, вычитаетъ изъ жалованья пастуха, а пастухъ, при каждой потерѣ, вымѣщаетъ свое неудовольствіе на мальчикѣ; забѣжитъ ли скотина въ чужое поле, и сосѣдніе крестьяне принесутъ жалобу или побьютъ пастуха, онъ всегда свалитъ вину на мальчика, что̀ весьма легко уже потому, что пастухъ занимается въ полѣ плетеніемъ лаптей, а надзоръ за стадомъ поручаетъ исключительно подпаску [1]). Въ Липецкомъ уѣздѣ Тамбовской губ. пастьба скота производится безъ надлежащаго за нимъ надзора, отчего происходятъ частыя потравы хлѣба. Для пастьбы скота нанимаются общиною обыкновенно, взрослые крестьяне, съ соразмѣрною съ ихъ возрастомъ платою; но эти послѣдніе, забравъ всю договорную плату впередъ, всегда почти посылаютъ за себя мальчиковъ отъ 7 до 10 лѣтъ отъ роду, изъ своихъ семействъ, или нанятыхъ ими самими. Понятно, каковъ присмотръ такихъ пастуховъ. Ропотъ на такіе поступки нанятыхъ пастуховъ слышится повсемѣстно, но никто первый не рѣшается принести жалобы, чтобы не быть именно первымъ, а также изъ опасенія, чтобы пастухъ, обыкновенно нанятый безъ всякаго письменнаго условія и забравшій впередъ всю плату, не бросилъ стадо и вовсе безъ присмотра. Письменныхъ договоровъ съ пастухами не заключается, частью по безпечности крестьянъ и вмѣшательству въ это дѣло міроѣдовъ, имѣющихъ на то свои виды, а частію и отъ несогласія на то самихъ пастуховъ, которымъ легче уклоняться отъ словеснаго, чѣмъ отъ письменнаго договора, въ случаѣ нарушенія его [2]).

Какъ во всей цитированной статьѣ, направленной противъ общиннаго землевладѣнія, такъ и въ приведенномъ мѣстѣ, замѣчается односторонность и тенденціозность, тѣмъ не менѣе кое-что изъ сообщеннаго вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

Тѣ пастухи Владимірской губерніи, которые выходятъ изъ указанныхъ ранѣе селъ и нанимаются обыкновенно въ одной и той же

---

[1]) *Нижегор. Сборн.*, изд. Ст. Ком., т., V.: Село Оленино, *Бравиной*, стр. 163

[2]) *Памят. кн. Тамб. губ.* на 1861 г., изд. Стат. Ком.: О причинахъ, препятствующихъ хлѣбной производительности въ Липецкомъ уѣздѣ, *Маріонкова*; см. также Труды вол. ком., I, 703.

мѣстности, но окончаніи пастьбы осенью рядятся снова на будущее лѣто и получаютъ небольшой задатокъ. Пастухи, не порядившіеся съ осени, ходятъ для ряды въ знакомыя имъ селенія во время осеннихъ и зимнихъ праздниковъ или во время святокъ и масляницы, потому что тогда легко застать хозяевъ дома. Послѣдній срокъ для найма пастуховъ—весенняя распутица отъ Благовѣщенія до Егорія (23-го апрѣля) и непремѣнно въ недѣлю Святой Пасхи, въ послѣдніе дни которой пастухи являются въ селенія для окончательной сдѣлки. Ряду дѣлаетъ большею частію, одинъ пастухъ, и только въ большихъ селеніяхъ рядятся двое и трое [1]). Въ Данловскомъ уѣздѣ Ярославской губ. пастуховъ обыкновенно рядятъ передъ Егорьевымъ днемъ. Отъ Егорья до Николы (9-го мая) рѣшительно во всѣхъ деревняхъ пастухи уже поряжены, такъ какъ повсемѣстно въ этотъ промежутокъ времени скотину выгоняютъ на пастбища. Въ с. Краковѣ, Самарскаго уѣзда, наемъ пастуховъ продолжается въ періодъ времени съ 15-го ноября и до средины января.

Договоры съ пастухами обыкновенно заключаются словесно, но бываютъ и исключенія. Иногда договоръ облекается въ письменную форму и даже вносится въ книгу сдѣлокъ и договоровъ, имѣющуюся при волостныхъ правленіяхъ [2]).

Какъ всякій договоръ, наемъ пастуховъ не остается безъ битья по рукамъ, молитвы и въ особенности безъ магарыча. Въ с. Краковѣ Самарскаго уѣзда прежде запроса платы со стороны нанимаемыхъ, отъ нихъ слышится вопросъ—кто и сколько будетъ ставить мірскаго вина, на что обыкновенно отвѣчаютъ, что вино ставятъ нанимаемые.

Дѣйствительно, въ Самарской губерніи, магарычъ ставитъ пастухъ. Тамъ съ конныхъ пастуховъ пьютъ *давасы* цѣлымъ обществомъ въ сборнѣ [3]), потому что конюховъ нанимаетъ всегда общество, а съ прочихъ пьютъ—гдѣ прійдется, у кого-либо на дому или въ

---

[1]) *Жур. Мин. Вн. Дѣлъ* 1858 г., сент.: О промыслахъ Владимірской губ. *Дубенскаго.*

[2]) Труд. ком. о вол. судахъ, VI, 227 и 248: Самарск. г., Бугурусл. у.

[3]) Мѣсто собранія общественныхъ или мірскихъ сходокъ.

Прим. ред.

кабакѣ, только тѣ домохозяева, у которыхъ скотъ въ стадѣ. Въ с. Новопавловкѣ конскій пастухъ ставитъ обществу ведра два вина, коровій пастухъ выставляетъ своимъ нанимателямъ полведра, а овечій и другіе—небольше четверти. Въ попойкѣ, разумѣется, участвуютъ не всѣ однообщественники или домохозяева, а тѣ, кому удастся быть при этомъ; въ особенности міроѣды не пропускаютъ подобныхъ случаевъ. Эти послѣдніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, ради попойки, назначаютъ для магарычей пастухамъ излишекъ платы на счетъ общества [1]).

По свѣдѣніямъ изъ Даниловскаго уѣзда, тамъ не только наемъ пастуха, дѣло важное въ деревенской жизни, но и вообще заключеніе какого бы то ни было словеснаго договора съ кѣмъ бы то ни было принято закрѣплять рукобитьемъ, моленьемъ Богу и магарычемъ, который называется *литками*. Нарушать словесныя условія договора послѣ рукобитья и моленья Богу рѣшаются немногіе изъ крестьянъ. Напротивъ того, многіе не согласятся взять грѣха на душу ни за какія деньги, чтобы снятиться послѣ даннаго слова. Литки скорѣе служатъ задаткомъ. При уговорѣ условливаются—съ кого пить литки: обыкновенно тамъ литки *пьютъ съ денегъ*, то-есть съ того, кто получаетъ деньги, но бываютъ различные уговоры, иногда пьютъ *литки пополамъ*. Наплывъ новой рабочей силы, Архангельцевъ и Вологжанъ, нѣсколько поднизилъ значеніе рукобитья и моленья Богу при договорѣ съ пастухами. Эти бродячіе работники, особенно изъ молодыхъ, рѣдко бываютъ надежны и съ чрезвычайнымъ легкомысліемъ переходятъ съ мѣста на мѣсто.

Кстати упомянуть, что болѣе старые работники изъ бродячихъ болѣе заботливы, работящѣе, совѣстливѣе, чѣмъ молодые, но какъ тѣ, такъ и другіе, не замѣчаются въ воровствѣ; честность ихъ извѣстна не менѣе ихъ лѣности и непригодности къ полевымъ работамъ.

Договоръ найма пастуховъ состоитъ, кромѣ условія о могарычѣ, въ опредѣленіи сроковъ пастьбы скота, количества наемной платы, способовъ и сроковъ уплаты вознагражденія и мѣры отвѣтственности пастуховъ, въ случаѣ нанесенія какого-либо ущерба напи-

---

[1]) *Памятн. кн. Тамбовской губ.* на 1866 г., ст. *Мирѣонкова.*

мателямъ. Это главныя и необходимыя условія каждаго подобнаго договора. Но иногда онъ сопровождается побочными болѣе или менѣе случайными условіями, въ родѣ нижеслѣдующихъ: Въ одномъ случаѣ условлено было обществомъ, чтобы пастухъ нанялъ себѣ двухъ помощниковъ, въ другомъ случаѣ, по увѣренію пастуха, онъ условливался съ обществомъ, чтобы въ случаѣ его отсутствія обязанность его могла исполнять женщина. Разъ въ договорѣ было внесено условіе, чтобы конскому пастуху въ августѣ мѣсяцѣ „въ ночное время 20 ночей отстеречь“; другой разъ конюхъ обязался „пасти утренники“ [1]). Въ степныхъ уѣздахъ Самарской губерніи, напримѣръ, въ Николаевскомъ, гдѣ вслѣдствіе быстраго роста травъ въ дождливый годъ не возможно пахать поле, если трава не будетъ стравлена, пастухъ по условію обязывается исходить со стадомъ и потравить все поле.

Въ большихъ селеніяхъ Ярославской губерніи является такая разборчивость въ отношеніи пастуха, какая немыслима въ малыхъ деревняхъ; напримѣръ, отъ пастуха, по условію, иногда требуется искусной игры на рожкѣ, и степень искусства имѣетъ вліяніе на размѣръ наемной платы.

Сроки, съ которыхъ и по которые пастухи обязываются пасти скотъ, въ разныхъ частяхъ Россіи бываютъ различны; они обусловливаются географическимъ положеніемъ мѣстности и ея климатическимъ состояніемъ, но нерѣдко опредѣляются обычаемъ, вопреки измѣняющихся климатическихъ условій. Въ Пинежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи пастухи заподряжаются пасти рогатый скотъ съ половины мая или съ 1-го іюня, иногда даже съ Иванова дня (24-го іюня), то-есть, со дня закрытія полевыхъ изгородей и до Воздвиженія (14-го сентября), иногда до 1-го октября. Въ Зимней Золотицѣ, Архангельскаго уѣзда конечный срокъ— 14-е сентября, а начальный съ Николы Вешняго (9-е мая), какъ и въ с. Тульгасѣ, Шенкурскаго уѣзда; въ д. Товрѣ, Холмогорскаго уѣзда,—съ вешняго же Николы, иногда немного раньше или позже, смотря по тому, есть ли трава, и до конца августа, до праздника Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи. Среднимъ срокомъ пастьбы

---

[1]) Труд. вол. Ком., II, 186, 139, 571: Моск. губ., Серпух., Можайск., Клинск. уѣзды.

для Архангельской губерніи можно принять—съ 9-го мая по 14-е сентября. День праздника Воздвиженія Креста Господня, когда, по понятіямъ сѣвернаго жителя, всякое животное убирается во свои норы и логовища на зимній покой, есть общій срокъ окончанія пастьбы для многихъ мѣстностей сѣверной Россіи. Въ Пинежскомъ уѣздѣ, если бы случилось такъ, что послѣ Воздвиженья стояла хорошая погода, позволяющая быть на подножномъ корму, пастухъ все-таки не обязанъ оставаться при своей должности далѣе условленнаго срока.

Но уже въ Новгородской губерніи указанный выше срокъ значительно расширяется; тамъ скотъ ходитъ за пастухомъ съ 23-го апрѣля по 1-е октября [1]).

Во внутреннихъ и малороссійскихъ губерніяхъ начало пастьбы рогатаго скота бываетъ обыкновенно съ праздника св. Георгія (23-го апрѣля). Въ этотъ день Великороссіяне, слѣдуя поговоркѣ: „гони животину на Юрьеву росу“, выгоняютъ скотъ рано утромъ всею деревнею: собираются всѣмъ міромъ, служатъ молебны на поляхъ, угощаютъ пастуховъ водкою *моленниками*—кореваями (поговорка: „моленникъ пастуху—крохи скоту“) и яишницею, надѣляютъ холстомъ и деньгами, и сами, разумѣется угощаются. Въ этотъ день, считающійся пастушьимъ праздникомъ, пастуховъ окачиваютъ водою, чтобы не дремали все лѣто. То же и въ Малороссіи.

Жители Украйны въ этотъ первый день выгона скота на пастбища также пируютъ на поляхъ: служатъ молебны, дарятъ пастуховъ хлѣбомъ, яйцами и разными жаркими, прося ихъ беречь скотъ, который, сверхъ того, поручается особому покровительству св. Георгія. Но это относится только къ рогатому скоту. Овчаръ въ Малороссіи обязанъ пасти овецъ съ Благовѣщенія (25-го марта): овецъ раньше выгоняютъ въ поле; потому что онѣ могутъ щипать низкую траву. *Конюха* (конскіе пастухи) въ Великороссіи [2]) и Бѣлорус-

---

[1]) *Новг. Сборн.* 1865 г., вып. III, статья *Кедрова.*

[2]) Оставляетъ къ отвѣтственности автора предположеніе, что въ великорусскихъ губерніяхъ вообще конскаго пастуха называютъ *конюхомъ*. Если не ошибаемся, это названіе встрѣчается только въ нѣкоторыхъ и притомъ не многихъ мѣстностяхъ. Конюхами обыкновенно называютъ не пастуховъ, а присматривающихъ за лошадьми на конюшнѣ. *Прим. ред.*

сіи, вступаютъ въ отправленіе своихъ обязанностей позже коровниковъ, именно съ Николы вешняго (9-го мая): „Юрій коровъ запасаетъ“ (начинаетъ пасти обновляетъ паству), „Никола осенній лошадь на дворъ гонитъ“, „Никола весенній откормитъ“, говорятъ пословицы. Въ день этого святаго, который считается покровителемъ лошадей и конюховъ, выгоняютъ лошадей на починки, на пашню, на ночной подножный кормъ: ребята празднуютъ съ лошадьми въ полѣ. Срокомъ окончанія пастьбы во внутреннихъ губерніяхъ Россіи надобно признать 1-е октября, хотя кое-гдѣ пастьба оканчивается и 15-го сентября. Иногда этотъ срокъ удлиняется до архистратига Михаила (8-го ноября). По словамъ Даля, на Покровъ закармливаютъ скотину пожинальнымъ (послѣднимъ) снопомъ, и съ этого дня ее держатъ дома: съ архистратига Михаила скотъ загоняютъ на зимній кормъ. Еще южнѣе, въ малороссійскихъ и юговосточныхъ губерніяхъ, срокъ пастьбы скота отодвигается до дня Филиповскаго заговѣнья, то-есть, до 14-го ноября. Въ с. Новопавловкѣ, Николаевскаго уѣзда, всякаго рода скотъ начинаетъ пастись „съ открытія весны“. Но дѣйствительное открытіе весны для пастьбы различнаго скота бываетъ разновременно: такъ, прежде всего выгоняютъ на подножный кормъ лошадей и коровъ, потому что эти животныя не боятся разлива воды, а потомъ, когда станетъ посуше, овецъ и свиней, напослѣдокъ телятъ. Ходитъ скотъ за пастухами до 14-го ноября, кромѣ свиней, которыхъ пасутъ лишь до Покрова (1-го октября) [1]). При заключеніи договоровъ съ пастухами иногда начало и конецъ пастьбы или лишь конечный срокъ опредѣляется въ общихъ выраженіяхъ. По словамъ г. Кавелина, въ с. Константиновскомъ, Новоузенскаго уѣзда, пастухъ и табунщикъ нанимаются „на все то время, пока скотъ и лошади могутъ пастись въ степи“. Въ с. Сопелкахъ, Ярославской губерніи, ряда съ Егорьева дня до снѣга.

Въ Даниловскомъ уѣздѣ, всѣ кто рядитъ пастуховъ, не опредѣляютъ срока окончанія пастушины извѣстнымъ днемъ, а договариваются съ ними пасти скотину до того времени, когда при-

---

[1]) Пословицы Русск. пар. *Даля;* Ярило, славянорусское божество *П. Ефименко*, стр. 12—23, и въ *Зап. по Отд. Этногр.*, т. II; Труды этногр. экспедиціи въ западно-р. край, т. VI; *Юрид. записки Рыдкина*, т. 2-й: Юрид. бытъ Малор., стр. 40.

ведется скотину ставить на дворъ, когда на поляхъ и пожняхъ рѣшительно нечего будетъ взять, то-есть, до снѣгу. Если снѣгъ выпадетъ въ концѣ сентября, что̀ тамъ случается, то обыкновенно дожидаютъ, когда онъ сойдетъ, и послѣ перваго снѣга часто случается еще недѣли двѣ-три и даже четыре пропасти скотину. Обыкновенно же около осенней Казанской (22-го октября) скотину ставятъ на дворъ окончательно и тогда расчитываютъ повсемѣстно пастуховъ.

Въ одномъ селѣ Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, пастухъ обязывался пасти скотъ съ 23-го апрѣля и до запора скота на дворъ, то-есть, до покрытія земли снѣгомъ“ [1]). Малороссійская пословица на этотъ счетъ говоритъ: „Як сніг упаде, той пастухъ пропаде; як сніг ростане, той пастухъ встане“.

Въ с. Краковѣ пастухи пасутъ стадо со дня выгона до 15-го ноября, если представится къ тому возможность. День выгона предоставляется усмотрѣнію міра, а не пастуховъ; міръ также рѣшаетъ вопросъ осенью о возможности или невозможности пасти до опредѣленнаго срока, то-есть, до 15-го ноября. Когда не возможно бываетъ пасти скотъ осенью по причинѣ морозовъ и выпавшаго снѣга, то скотъ загоняется на дворы. Но если послѣ этого загона опять представится, по сознанію схода, возможность пасти скотъ, пастухъ обязанъ вновь выгонять, сколько бы разъ загонъ на дворы и выгонъ для пастьбы ни производились. Обычай этотъ существуетъ, не смотря на его вредъ для скота, состоящій въ томъ, что послѣ выпавшаго и лежалаго снѣга пастьба скота большею частью сопровождается выкидышомъ приплода. Начало почевки *отгоннаго стада* въ полѣ (стадо, не возвращающееся для почлега домой; оно состоитъ изъ лошадей—рабочихъ, третьяковъ, стригуновъ, сосуновъ и телятъ—полуторниковъ и двойниковъ) зависитъ отъ усмотрѣнія міра и обусловливается состояніемъ погоды и подножныхъ кормовъ въ полѣ. Окончаніе же полевой почевки, то-есть, каждодневный пригонъ скота для ночевки домой, полагается тамъ съ 14-го сентября, а въ другихъ мѣстахъ—съ Флорова дня, то-есть, съ 18-го августа.

Плата пастуху называется *пастушней* или *пастушнимъ*, также

---

[1]) Тр. волостной коммисіи, II, 571: Моск. губ., Клинск. уѣздъ.

пастушимъ сборомъ и *пастушими деньгами* [1]). Размѣръ платы въ разныхъ мѣстностяхъ бываетъ различный. Кромѣ ея, пастухи пользуются и другими выгодами.

Въ Зимней Золотицѣ, Архангельскаго уѣзда, пастухъ получаетъ по 20 коп. со скотины въ лѣто, за пару телятъ то же, что̀ за скотину; кормится у хозяевъ, за каждую скотину день и за пару телятъ день. Лямпцкіе крестьяне, Онежскаго уѣзда, коровьему пастуху платятъ отъ 20 до 35 к. со скотины на готовомъ мірскомъ хлѣбѣ, и сверхъ того, о Петровѣ днѣ пастухъ собираетъ топленное масло съ каждаго дома, кто сколько дастъ, и *отпасное*, то-есть, сборъ печенымъ хлѣбомъ, по окончаніи пастьбы. Лошадиный пастухъ, прокормливающійся на готовомъ же хлѣбѣ, получаетъ плату отъ 20 до 30 руб. въ лѣто. Въ Тулгасскомъ приходѣ, Шенкурскаго уѣзда, плата кругомъ со скотины 25 и 30 коп., кромѣ даваемаго каждымъ хозяиномъ пропитанія и временно одежды. Въ томъ же уѣздѣ даютъ пастуху посильники (короваи) по окончаніи пастьбы скота; обыкновенно по короваю со двора.

Въ селахъ Холмогорскаго уѣзда условія вознагражденія пастуховъ слѣдующія: въ Пингишахъ пастуху рядятъ отъ 15 до 25 коп. со скотины, готовое содержаніе, бѣлье и верхнее платье, о праздникахъ водка и колобъ [1]) съ каждаго двора. Въ Товрѣ пастуха подряжаютъ съ платою гуртомъ, а не со скотины, потому уже раскладываютъ плату по числу скотинъ, и доводится съ скотины отъ 20 до 25 коп.; эту плату пастухъ получаетъ съ каждаго хозяина отдѣльно. Въ Ступинѣ плата овечьему пастуху съ овцы отъ 10 до 12 коп. Въ Быстрокурьи каждый хозяинъ за свою дойную корову, если она пасется въ лугахъ, платитъ по 15—20 коп., а за недойныя, пасущіяся въ лѣсу, 50—60 коп. Въ лѣсныхъ поскотинахъ, кромѣ того, пастуху полагается и платье отъ хозяевъ: рубаха, струсни (лапти) и портянки. Содержаніе пастуха производится такъ: въ каждомъ домѣ онъ ужинаетъ столько дней, сколько изъ этого дома ходитъ на поскотину коровъ; въ томъ домѣ, гдѣ онъ ночевалъ, обязаны накормить его ужиномъ, а по утру—завтракомъ, и сверхъ того, снабдить на день провизіей: съ послѣднею цѣлью ему дается небольшой коровай хлѣба, кулебячка съ ры-

[1]) Колобомъ называется небольшая ячменная лепешка на маслѣ. Колобы пекутъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ сѣютъ ячмень. *Прим. ред.*

бой, и тому под. Обойдя всѣхъ хозяевъ, пастухъ опять начинаетъ съ перваго. Этотъ кругъ называется *обводомъ*. Если за пастухомъ ходитъ 30 скотинъ, по одной отъ каждаго хозяина, то онъ сдѣлаетъ на лѣто около пяти обводовъ. Въ Пинежскомъ уѣздѣ плата пастуху бываетъ отъ 15 до 30 коп. съ коровы или быка, съ пары телятъ столько же, сколько съ коровы. Самое опредѣленіе платы зависитъ отъ числа скота, близости, отдаленности и качества пастбищъ. Для прокормленія пастухъ, какъ и въ другихъ уѣздахъ, переходитъ изъ дома въ домъ по чередѣ (по очереди) или поряду. Одежда дается ему отъ занимателей, но обувь, такъ же какъ и пастушій рогъ или трубу, онъ долженъ имѣть свои. Чистыя рубахи даютъ хозяйки тѣхъ дворовъ, которымъ приходитъ очередь кормить пастуха: по полученіи новой рубахи прежнее бѣлье пастухъ относитъ той хозяйкѣ, которая снабдила его ранѣе. Если пастухъ отслужитъ службу хорошо, и его заслугу въ этомъ отношеніи признаетъ все общество, то онъ, при окончательномъ разсчетѣ, получаетъ иногда, въ видѣ награды, прибавку къ рядѣ, состоящую изъ одной или болѣе копѣекъ на каждую скотину, или же даютъ ему *отвальнё*, прощальное угощеніе водкою съ закуской.

Жители деревни Княжой Горы, Лугскаго уѣзда С.-Петербурской губ., даютъ пастухамъ слѣдующее вознагражденіе: куль или полтора хлѣба, и кромѣ того, въ Егорьевъ день, когда они выгоняютъ скотъ, имъ даютъ съ каждаго дома по куску говядины и по извѣстному количеству творога и масла. Это называется *выгонно*. Въ Троицу, весенняго Николу и Петровъ день они получаютъ по одному яйцу или по два съ каждой избы, *со-дню*, по выраженію крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ они собираютъ яйца во всякое воскресенье и въ каждый праздникъ. Наконецъ осенью, когда скотъ перестанетъ ходить на пастбища, пастуху опять даютъ по куску говядины со всякой избы. Это *запорно*. Денежную плату пастухи получаютъ очень рѣдко и то не болѣе 3 или 5 руб., вмѣсто извѣстнаго количества хлѣба. За то пастухи обыкновенно плетутъ цѣлый день лапти, которые продаютъ по 3 коп. за пару [1]).

[1]) *Записки Руск. Геогр. Общ. Отд. Этногр.*, т. IV: Деревня Княжая Гора.

Въ Московской губерніи пастуху, кромѣ денегъ, дается житье и платье. Платье и житье опредѣляется пастуху по *кучамъ* и *ногамъ*. Кучею называется лошадь, корова, двѣ овцы, двѣ свиньи, два годовалые теленка, ногою одна овца, свинья, два молодыхъ теленка и жеребенокъ. Сколько у какого крестьянина кучъ, столько дней пастухъ живетъ въ его избѣ на хлѣбѣ. За ногу полагается половина. Обѣдать пастуху носятъ въ поле по очереди, соображаясь съ числомъ кучъ каждаго владѣльца [1]).

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Е. И. Якушкинымъ относительно Ярославской и Нижегородской губерній, въ с. Сопелкахъ, Ярославскаго уѣзда, пастухъ крупнаго и вмѣстѣ мелкаго стада получаетъ 135 руб., но на свой счетъ нанимаетъ подпаска и двухъ мальчиковъ. Плата пастуху идетъ съ чередовъ. Чередъ составляютъ: корова или лошадь или *стригунъ*, два *мякинчика* (полуторагодовые телята) и четыре овцы; сосунки-жеребята вовсе не считаются. Пастухъ с. Короваева, Вормской волости, Ростовскаго уѣзда, получаетъ (1872 г.) 150 руб.; двухъ подпасковъ онъ нанимаетъ отъ себя; кормится онъ у каждаго хозяина столько дней, сколько у хозяина головъ скота (три или четыре теленка равняются одной головѣ). Пастухъ и подпаски получаютъ отъ хозяина, у котораго кормятся, все платье, кромѣ обуви и шапки, и мѣшокъ для хлѣба. Въ дер. Рыбникахъ, Мологскаго у., пастухъ кормится такимъ же порядкомъ и получаетъ бѣлье отъ хозяина, но кафтана, обуви и шапки не получаетъ. Бѣлье дается потому, что пастуху негдѣ его мыть. Иному пастуху дается кафтанъ, но тогда плата дешевле. Въ селѣ Копринѣ, Рыбинскаго уѣзда, пастухъ живетъ постоянно въ селѣ круглый годъ. Онъ не получаетъ бѣлья, а только кафтанъ; прежде случалось, что давали бѣлье; пастухъ перемѣнялъ бѣлье у того хозяина, въ банѣ котораго мылся, и носилъ его цѣлую недѣлю. Въ Петровъ постъ онъ, по обычаю, собираетъ яйца со всѣхъ дворовъ.

Крестьяне Даниловскаго уѣзда платятъ пастуху поскотинно. Подъ именемъ же *скотины* разумѣютъ чередъ: 1 лошадь рабочую, 1 корову, двухъ *подтелковъ* (они же *полускотинники* или *назимки*) принимаютъ за одну скотину; телята или не идутъ въ счетъ, или также трехъ принимаютъ за одну скотину, двухъ *стригуновъ* (отъ

---

[1]) *Моск. Губ. Вѣд.* 1854 г., № 26: Лѣтн. праздн. у поселянъ Моск. г.

году до двухъ лѣтъ) считаютъ за лошадь, а также и двухъ *учекъ* (такъ называютъ молодыхъ лошадей-двухлѣтокъ по третьему году, потому что къ этому возрасту ихъ начинаютъ пріучать къ ѣздѣ); сосунки въ счетъ не идутъ, они при маткѣ, также, какъ ягнята; хотя бы ихъ было семь штукъ у овцы, они въ счетъ не идутъ. Быкъ-поросъ гуляетъ въ стадѣ за хозяина стада. Рѣдко случается, что въ одномъ стадѣ найдется два-три быка, болѣе все одинъ; но въ такомъ случаѣ, если всѣ они принадлежатъ одному домохозяину, то въ счетъ не идетъ только одинъ быкъ, а прочіе принимаются каждый за скотину; если всѣ они принадлежатъ разнымъ домохозяевамъ, то въ счетъ ихъ не кладутъ никому. Десятокъ (домохозяева, составляющіе деревенскій сходъ) объяснивъ принимающемуся къ нимъ въ пастухи число скотинъ въ деревнѣ, договариваются съ нимъ въ цѣнѣ. Чѣмъ больше чередовъ, тѣмъ болѣе плата за пастьбу. На величину платы имѣетъ вліяніе и количество составныхъ чередовъ; если много мелкой скотины, то необходимо передать (прибавить) при рядѣ пастуху, такъ какъ больше отвѣтственности съ него. Прибавить къ этому надо, что пастьба въ поляхъ, отгороженныхъ обыкновенными огородами въ 4, 5 или 6 жердей считается иначе, чѣмъ пастьба въ отхожихъ пустошахъ, гдѣ часто не бываетъ огородовъ, или вовсе неогороженныхъ поляхъ. Платится съ череда, потому что при разчетѣ пастуха платою съ головы, явились бы разныя единицы платежа, соотвѣтственныя возрасту животнаго, чрезъ что въ расчетахъ крестьянъ между собою и съ пастухомъ неминуемо вышли бы споры и вообще явилась бы сложность и спутанность въ исчисленіи платы. Не только плата пастуху разверстывается по чередамъ, но даже арендная плата за пожни, взятыя подъ пастьбу скота, раскладывается по чередамъ же. Пастухъ кормится деревней по числу чередовъ. Во многихъ мѣстахъ, особенно гдѣ стада сосѣднихъ деревень сходятся, или когда при пастухѣ имѣется подпасокъ, пастухи въ обѣденную пору оставляютъ стадо подъ присмотромъ товарища, сосѣдняго пастуха или своего подпаска, а сами отправляются обѣдать въ деревню, на что̀ теряется часъ времени и даже болѣе: если деревня далеко отъ выгона, гдѣ пасется скотина, и пастуху замѣниться не кѣмъ, то онъ, отправляясь на пастьбу, еще съ утра беретъ съ собою хлѣба и

чего-нибудь съѣстнаго у того домохозяина, у кого на очереди бываетъ онъ. Часто одежда верхняя, рубашки и обувь пастуху отъ хозяевъ; кто пастуха кормитъ, тотъ и даетъ ему одежду и обувь, на день на два или болѣе, смотря по числу чередовъ. Переходя въ слѣдующій домъ, къ сосѣду, пастухъ возвращаетъ все, что̀ на немъ было отъ стараго хозяина, ему обратно, до слѣдующаго раза, когда опять дойдетъ до него череда. Нѣкоторые же изъ крестьянъ, чтобъ освободиться отъ хлопотъ выдавать каждый разъ свои платья и обувь пастуху, платятъ ему единовременно по уговору извѣстную сумму.

Въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи [1]) бываютъ отдѣльные конскіе пастухи, которые получаютъ 60—70 руб. съ подпаскомъ, коровьи, получающіе 40—50 р., и овечьи, получающіе 25—30 р. Послѣдніе большею частью бываютъ мальчики. Плата раскладывается по числу чередовъ. Корова или лошадь или шесть овецъ составляютъ одинъ чередъ. Полуторагодовая телка или стригунокъ (двухлѣтній жеребенокъ) равняются половинѣ череда. Телята и жеребята меньшаго возраста не идутъ въ чередъ; за нихъ платится отдѣльно по 10 коп. съ головы. Въ Оленинской волости, Горбатовскаго уѣзда, каждая деревня платитъ своему пастуху отъ 40—50 р. въ лѣто, и пастухъ нанимаетъ ужь отъ себя подпаска—мальчика отъ 9 лѣтъ и старше, съ платою до 9 р. за все время пастьбы [2]).

Во Владимірской губерніи опытный и пользующійся довѣріемъ пастухъ получаетъ въ лѣто отъ 50 до 75 р., но такихъ очень немного; обыкновенно же на долю старшаго пастуха остается отъ 35 до 43 р., помощнику или товарищу отъ 25 до 30 р., а остатокъ общей платы отдается подпаскамъ, или какъ ихъ иногда называютъ, мелкимъ пастухамъ, отъ 7 до 12 руб. въ лѣто, смотря по возрасту, ловкости и навыку. Во все лѣто пастухи содержатся хозяевами по очереди: иногда пастухъ переходитъ изъ дома въ сосѣдній по порядку, или же черезъ домъ, а въ промежуточный достается идти товарищу его. Если нѣкоторымъ домохозяевамъ прійдется отправить

---

[1]) Свѣдѣнія изъ различныхъ селъ Яросл. губ., кромѣ Даниловскаго уѣзда, сообщены Е. И. Якушкинымъ, также какъ изъ Макарьевскаго уѣзда Нижегор. губерніи.

[2]) *Нижегор. Сборн.*, т. V: Село Оленино, *Бравиной*.

лишній чередъ противу другихъ, то онъ берется въ разчетъ въ слѣдующее лѣто. Чередовое семейство должно поить и кормить пастуха и давать ему нижнее бѣлье (рубашки и порткп), пока онъ въ немъ живетъ. Верхнее платье и обувь пастухи носятъ свои. Когда пастухъ стоитъ на череду, хозяева смотрятъ на него какъ на гостя, готовятъ для него лучшій столъ и кормятъ его даже на особицу, для избѣжанія сплетень, будто въ такомъ-то домѣ нечего ѣсть. Въ селеніяхъ торговыхъ общество нанимаетъ для пастуховъ особую квартиру со столомъ и съ нижнимъ бѣльемъ, а въ городахъ и промышленныхъ селахъ пастухамъ, по взаимному согласію, прибавляется плата на квартиру столъ и бѣлье. Городскіе получаютъ съ каждой коровы по 50 к. въ лѣто и собираютъ, копѣекъ по пяти въ два раза. Не въ счетъ платы, лѣтомъ, раза два-три собираютъ яйца, въ Троицынъ день, въ Петровки [1]) и въ Успенскій постъ; а осенью, по окончаніи пастьбы, новь [2]); того и другаго набираютъ, впрочемъ едва ли болѣе $1^{1}/_{2}$ руб. на человѣка [3]). Въ мѣстности Владимірской губерніи, называемой Ополыцпной, попастушній счетъ ведется такъ: лошадь, корова и свинья отбываютъ каждая полный чередъ и полную пастушню, а съ овецъ, въ иныхъ селахъ, за двухъ положены очередъ и полная пастушня, въ другихъ за трехъ, въ иныхъ за четырехъ и даже за пять овецъ, приравнивая ихъ къ одной коровѣ; теленокъ равнлется получереду [4]).

Въ мѣстности, называемой Гамаюнщпной, въ Калужской губерніи, рогатый скотъ обыкновенно пасется двумя пастухами—старикомъ и мальчикомъ; первому платятъ около 20 руб., второму около 15 р.; кромѣ того, они имѣютъ ночлегъ у деревенскихъ жителей и живутъ на деревенскихъ харчахъ. Утромъ, выгоняя скотъ въ поле, пастухи берутъ только хлѣбъ; обѣдъ имъ приносятъ въ поле дѣти,

---

[1]) Въ Псковской и Тверской губерніяхъ сборъ пастухамъ въ Петровъ день молока, прѣснаго и кислаго, равно смѣтаны и масла, называется *петровщиной*; см. Опытъ областн. велик. словаря.

[2]) Зерновой хлѣбъ, вымолоченный вскорѣ послѣ жатвы; см. Опытъ областн. великор. словаря.

[3]) *Ж. М. Вн. Д.* 1857 г., № 9: О промыслахъ Влад. губ. *Дубенскаго*, стр. 65—68.

[4]) *Современная лѣтопись* 1871 г., № 4: Крест. и господск. хозяйство въ Ополыцпнѣ, *Дубенскаго*.

а ужинать пастухи приходятъ въ деревню. Въ содержаніи пастуховъ крестьяне чередуются между собою, смотря по числу коровъ, именно—одинъ день полагается за двѣ коровы, за шесть барановъ и шесть свиней [1]).

Въ Саратовской губерніи быкъ или корова составляютъ чередъ. Въ той же губерніи въ чередъ входитъ шесть овецъ, а въ Тульской—десять овецъ. Крестьяне Орловской губерніи чередъ называютъ *днемъ*; день составляютъ одна лошадь, одна корова, три овцы, двѣ свиньи [2]). Чѣмъ больше стадо, тѣмъ больше такихъ дней, и тѣмъ дороже пастуху платятъ [3]).

Донскіе козаки Казанской станицы за охраненіе стада рогатаго скота въ теченіе лѣта пастуху платятъ рублей 30 деньгами, и кромѣ того, съ каждаго десятка скота по 30 фунт. муки и по фунту сала. Харчи въ такомъ случаѣ у пастуха свои. Если же приплаты, то-есть, муки и сала не полагается, то пастухъ харчится у всѣхъ хозяевъ пасомаго скота, ходя по очереди по дворамъ [4]).

Въ Кременчугскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи плата за пастьбу рогатаго скота въ теченіе лѣта состоитъ обыкновенно изъ денегъ и коробки или пуда ржи, на зимнее продовольствіе пастуха. Денежная плата измѣняется, смотря по тому, существуетъ ли въ селеніи общественный, по большей части казачій выпасъ, есть ли тамъ обыкновеніе пускать чрезъ два года одну руку (часть) поля подъ паръ, или скотъ выпасается на землѣ, принадлежащей въ частную собственность. Въ послѣднемъ случаѣ плата самая дорогая; она колеблется отъ 30 коп. до 1 руб. Въ другихъ частяхъ Полтавской и Черниговской губерніи общественный овчаръ получаетъ

---

[1]) *Памятн. кн. Калужск. губ.* 1862—1863 г., стр. 186.

[2]) Въ Орловской губерніи не вездѣ такъ; во многихъ селеніяхъ плата пастуху бываетъ *по чередамъ*; что же касается состава череда, то онъ не одинаковъ; напримѣръ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Мценскаго, Елецкаго и Дмитровскаго уѣздовъ 6 овецъ составляютъ *чередъ*.

Прим. ред.

[3]) Опытъ област. великор. словаря, изд. Ак. Наукъ, подъ словомъ *день*; *Записки Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.*, т. I, 1867 г.: Что сдѣлано у насъ по обычн. праву, *Матвѣева*, стр. 650; *Моск. Вѣд.* 1860 г. № 184: Письма изъ деревни, *Кавелина*.

[4]) *Труды Донск. Стат. Ком.*, вып. 2, 1874 г.: Обществ. бытъ и народн. обычаи Казанской станицы *Тимошенкова*, стр. 180.

отъ *пяти* овецъ *четверку* ржи или гречихи и по 3 коп. деньгами; кромѣ того, отъ каждой получаетъ по 5 фунтовъ ржаной муки. Если же кто не дастъ мукой, тотъ отъ штуки платитъ 10 коп. Плата эта за все лѣто [1]). Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ овчару предоставляется право пользоваться молокомъ отъ овецъ. Пастухъ можетъ доить овецъ не иначе, какъ по договору съ крестьянами, и притомъ съ тѣмъ, чтобы не выдаивать молока у всѣхъ овецъ, принадлежащихъ тому или другому хозяину: онъ можетъ пользоваться лишь молокомъ нѣсколькихъ овецъ одного и того же хозяина, такъ какъ сами крестьяне также доятъ своихъ овецъ [2]). *Чередникъ* (пастухъ коровъ) получаетъ отъ одной дойной коровы два пуда зерноваго хлѣба, а отъ яловки по 15 или 20 коп., и кромѣ того, каждый хозяинъ по очереди долженъ давать ему дневное пропитаніе. Въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ развито скотоводство, пастухъ иногда получаетъ плату не деньгами, а опредѣленнымъ количествомъ овецъ, и сверхъ того, пользуется молокомъ козъ и овецъ. Впрочемъ плата овцами, кажется, существуетъ только у однихъ землевладѣльцевъ. Въ Самарской губерніи пастухи нанимаются на слѣдующихъ условіяхъ: Жители с. Сарайгира, Бугурусланскаго уѣзда, платятъ съ череда конюхамъ за лошадей 19 коп., пастухамъ за коровъ въ одномъ стадѣ 19 коп., въ другомъ 20 к.; за овцу въ одномъ стадѣ 8 к., въ другомъ 6 коп., и т. д. Пастухи, кромѣ конюха, кормятся у хозяевъ скота поочередно [3]). Въ с. Орѣховкѣ, Бузулукскаго уѣзда, пастуху платятъ за нерабочую лошадь 62 коп., за рабочую 46 к. и 5 фунтовъ муки съ каждой головы. Плата за рабочую лошадь ниже, потому что такая лошадь гораздо рѣже бываетъ въ табунѣ, нежели нерабочая; съ жеребятъ подъ матками плата не назначается. Хозяинъ при десяти лошадяхъ платитъ по уговору за 8, при пяти за 4.

---

[1]) Труды экспед. въ Западно-русск. край, т. I, стр. 76; *Юрид. зап. Рѣдкина*, т. 2-й, 1842 г., стр. 40; *Основа* 1862 г., № 2: Наблюд. миров. посредника о нѣкоторыхъ юридическихъ обычаяхъ у кр. Кременч. уѣзда Полт. губ.

[2]) Сообщили Н. И. Бѣлозерскій и М. М. Левченко.

[3]) Всѣ свѣдѣнія, относящіяся до Самарск. губерніи, извлечены изъ рукописныхъ описаній отдѣльныхъ мѣстностей губерніи, за исключеніемъ свѣдѣній о сс. Новопавловкѣ и Константиновскомъ.

Конюха дважды въ лѣто собираютъ печеный хлѣбъ. Первый хлѣбъ называется *сгонный*, второй—*праздничное*. Коровьи, овечьи и телячьи пастухи нанимаются оптомъ. Съ коровы за лѣто обошлось 50 к., съ овцы 40 к., съ телки 55 к. Пастухи коровьи и овечьи ѣдятъ по дворамъ: коровій пастухъ за каждую корову имѣетъ *ужинъ съ череды*, овечій—за пять овецъ тоже. Обычная плата пастуху отъ 35 до 60 руб. въ лѣто. За каждую свинью платятъ 50 коп. и 8 фунт. хлѣба. Пастухи свиней и телятъ ѣдятъ свой хлѣбъ, какъ и пастухи лошадей. Въ деревнѣ Богдановкѣ, Николаевскаго уѣзда, платятъ съ лошади 30 к., съ коровы 35 к., съ теленка-зимника 20 к., съ овцы 11 к., и со свиньи 50 к. Съ 1876 года пастухамъ предоставляютъ жить на своемъ содержаніи, тогда какъ въ прежніе годы кормились по дворамъ, кромѣ конюха, который всегда нанимался на своемъ содержаніи. Въ с. Колокольцовкѣ, того же уѣзда, въ 1876 году къ конному табуну нанятъ былъ пастухъ за 160 р., къ рогатому скоту за 57 р., и подпасокъ за 22 р., къ телячьему со свинымъ стадомъ за 48 руб. Продовольствіе конному пастуху полагается сборное отъ общества два раза во все время пастьбы, при чемъ онъ довольствуется тѣмъ, сколько дадутъ. Остальныхъ пастуховъ всякій домохозяинъ долженъ кормить столько, сколько имѣетъ чередовъ скота. Плата пастухамъ коннаго табуна, рогатаго скота и мелкаго собирается съ чередовъ. Каждая лошадь, жеребенокъ (рожденный прежде предыдущей зимы), корова и свинья составляютъ чередъ. Телята *полуторники* (рожденные прежде предыдущей зимы) чередъ составляютъ по два. Мелкій скотъ (овцы) въ составъ череда входитъ шестью штуками. Въ этомъ селѣ даже плата за землю, арендуемую обществомъ для пастьбы скота и подъ сѣнокосъ, раскладывается по тѣмъ же чередамъ, но телята, не достигшіе полуторыхъ лѣтъ, равно какъ ягнята и свиньи, въ этомъ случаѣ въ составъ череда не входятъ. Такъ въ 1876 г. было нанято обществомъ два участка: первый подъ пастьбу и сѣнокосъ, второй—подъ одинъ сѣнокосъ; первый въ 365 десятинъ хозяйственной мѣры (4 тысячи саженъ), съ платою за десятину по 1 р. 40 к., всего на сумму 511 руб. При раскладкѣ платы съ каждаго череда сошло по 80 коп. Въ этомъ счетѣ череда, подобно тому какъ ревизскія души при передѣлѣ земли, складываются въ жеребья. Сто чередовъ состав-

ляютъ жеребей. Во второмъ участкѣ, нанятомъ исключительно подъ сѣнокосъ, на каждый жребій досталось по 5 хозяйственныхъ десятинъ, а на чередъ по 200 кв. саженъ. Въ Новопавловкѣ, того же уѣзда, плата конюху съ лошади или вола 1 р.; за жеребятъ не платятъ; коровьимъ пастухамъ плата отъ 30 до 40 к. со штуки, пастухамъ свиней и телятъ—по 25 к. и съ овцы по 15 к. Конюхъ выговариваетъ, сверхъ платы, муки фунтовъ 15—20 со скотины, масла или сала полфунта, пшена фунтовъ десять. Табунщикъ пользуется провизіей, а не готовою пищей, потому что табунъ постоянно находится въ степи, тамъ и ночуетъ, тогда какъ остальной скотъ пригоняется на ночь въ село. Изъ полученной провизіи конюхъ приготовляетъ себѣ пищу въ полѣ, а хлѣбъ пекутъ ему въ селеніи, дома или за наемную плату. Пастухъ время отъ времени пріѣзжаетъ въ село, обойдетъ двора два-три, соберетъ муку и провизію, первую отдастъ для печенія хлѣба, а вторую возьметъ съ собою. Остальные пастухи, какъ возвращающіеся на ночь въ селеніе, кормятся по очереди: каждый хозяинъ кормитъ ужиномъ и даетъ на день хлѣба, сала, огурцовъ и пр. У кого изъ хозяевъ дойная корова, тотъ кормитъ день, у кого два подтелка—тоже день. Если у хозяина одинъ подтелокъ или двѣ овцы, то пастухъ или пропускаетъ очередь, пока составится день, или возьметъ у него лишь хлѣба, а у другого такого же хозяина поужинаетъ: такимъ образомъ два хозяина откормятъ день. Одежда и обувь у пастуховъ своя. По сосѣднимъ селамъ пастухи выговариваютъ себѣ праздничное—по пирогу со двора, гдѣ разъ (на Троицу), а гдѣ и два (Петровъ день) въ лѣто; бываетъ и такъ, что всѣ пастухи на своемъ хлѣбѣ, напримѣръ, въ с. Большой Глушицѣ. Плата въ Новопавловкѣ всѣмъ пастухамъ ниже, нежели въ окрестныхъ селахъ, потому что въ немъ большой выгонъ, слѣдовательно, пастуху вольнѣе; онъ нанимаетъ себѣ меньше подпасковъ, нежели тамъ, гдѣ выгонъ тѣснѣе. Подпаски нанимаются самими пастухами изъ своего жалованья; подпасокъ конюхъ получаетъ 20 — 25 руб., а при коровахъ и овцахъ 10 — 12 руб. Кормятся они вмѣстѣ съ пастухомъ у домохозяевъ по очереди, кромѣ подпасковъ конюха, которые кормятся самимъ конюхомъ изъ выговоренныхъ имъ хлѣба и провизіи.

Въ с. Константиновскомъ, Новоузенскаго уѣзда, по словамъ г. Ка-

велина, раскладка платежа между крестьянами производится пастуху—по чередамъ, а табунщику—по головамъ. Платой облагается каждая скотина и каждая лошадь, исключая тѣхъ, которые „ходятъ подъ матерью“, то-есть, сосутъ мать; только между лошадьми нѣтъ разницы; *конятюнокъ*, то-есть, сосунокъ, лишь только становится стригуномъ, зачисляется по платежу въ ровень со взрослыми и старыми лошадьми, а для рогатаго скота и овецъ разчетъ дѣлается иначе: корова и быкъ принимаются за единицы, то-есть, за чередъ, шесть овецъ полагается противъ коровы, то есть, составляютъ вмѣстѣ чередъ; телушка или бычекъ двухгодовалые идутъ каждый за двѣ овцы, слѣдовательно, за треть череда; трехгодовалые телушки и бычки, каждый противъ трехъ овецъ, то-есть, за полчередъ; годовалая телушка не идетъ въ счетъ, также какъ и ягнята, кормящіеся молокомъ матери. Пастухи обѣдаютъ или ужинаютъ съ крестьянами и получаютъ отъ нихъ пироги (пшеничные хлѣбы) на остальное время дня про запасъ. Табунщикъ пріѣзжаетъ обѣдать въ деревню, потому что днемъ и ночью лошади остаются въ полѣ, пастухъ же пригоняетъ скотину къ закату солнца домой на ночь и ужинаетъ съ крестьянами. А такъ какъ каждый крестьянинъ ѣстъ четыре раза въ день, то на время, когда пастухъ и табунщикъ не ѣдятъ съ крестьянами, они и должны получить про запасъ пироги, которые и ѣдятъ въ полѣ. Прокармливаніе пастуха и табунщика раскладывается между крестьянскими дворами по количеству скота и лошадей, которымъ каждый дворъ владѣетъ. Сколько въ каждомъ дворѣ чередовъ скота, столько дней онъ обязанъ прокормить пастуха. Табунщика кормятъ съ шести головъ одинъ разъ. Въ этомъ отношеніи заведена между дворами очередь, которая не измѣняется и идетъ, не прерываясь, изъ года въ годъ. Настанетъ поздняя осень, скотъ и лошади перестаютъ ходить въ степи, и прокормленіе пастуха прерывается. Но съ наступленіемъ весны, когда скотъ и лошади опять выгоняются въ поле, опять начинается довольствованіе пищей пастуха и табунщика, и первый дворъ, на которомъ лежитъ эта обязанность, есть тотъ самый, на которомъ остановилась заведенная очередь, за нимъ слѣдующій и т. д. Если дворъ имѣетъ неполное число чередовъ, а съ дробями, или такое число лошадей, которое не дѣлится на шесть безъ остатка, то дроби сосчитываются вмѣстѣ

и когда составятъ полный чередъ или 6 лошадей, тогда за нихъ полагается день прокормленія пастуха или табунщика. Напримѣръ, положимъ, что во дворѣ пять чередовъ скота съ половиной, ему прійдется прокормить пастуха въ первую очередь или кругъ пять дней, а во вторую шесть дней. Если у него четыре череда съ третью, то онъ будетъ кормить въ первый кругъ четыре дня, во второй—четыре же дня, а въ третій кругъ—пять дней и т. д. [1]).

У гуртовщиковъ Самарской губерніи пастухи, кромѣ платы, получаютъ отъ хозяевъ опредѣленное количество продуктовъ—хлѣба, масла и проч. Иногда, въ замѣнъ масла, пастухамъ рядится приплодъ отъ закупаемыхъ хозяевами весной овецъ. Пастухи продаютъ приплодъ бѣднымъ крестьянамъ и на вырученныя деньги покупаютъ масло. Въ г. Самарѣ пастухъ получаетъ плату съ коровы (отъ 1 до 2 р.), сообразно стоимости скотины; оцѣнка скотины производится, въ присутствіи пастуха, хозяиномъ съ двумя сторонними домохозяевами. Въ с. Березовкѣ, Самарскаго уѣзда, въ стадѣ, состоящемъ изъ лошадей и вмѣстѣ рогатаго скота, каждая особь составляетъ чередъ, кромѣ жеребятъ-стригуновъ и телятъ-полуторниковъ, которыхъ считается по двѣ головы въ чередъ. Рядная плата пастуху съ череда 24 коп. и 5 фунт. ржаной и 5 фунт. пшеничной муки, и больше ничего. Во всемъ этомъ стадѣ въ 1876 г. считалось 400 чередовъ, и слѣдовательно, рядная плата пастуху—96 руб. Впрочемъ, большая часть стригуновъ и полуторниковъ отдавалась для пастьбы на сторону, гдѣ были отгонныя стада. Въ овечьемъ стадѣ рядная плата пастуху съ череда (въ счетъ череда не входили ягнята, зимники и подъ матерями) въ 6 головъ овецъ, а дневное содержаніе пастуху съ череда въ 5 головъ овецъ. Плата пастуху съ череда 66 коп., а вся равнялась 53 руб. Въ телячьемъ стадѣ (телята-лѣтники) пастуху плата по 31 к. съ головы, и дневное пропитаніе тоже съ головы теленка. Вся рядная плата 27 р. Въ свиномъ стадѣ пастуху плата и дневное содержаніе съ череда.

Въ с. Краковѣ, по словамъ священника І. Архангельскаго, при заключеніи договора пастухъ спрашиваетъ о приблизительномъ количествѣ скота, долженствующаго попасть въ стадо, а потомъ ужь идетъ ряда о количествѣ платы. Плата назначается не съ

---

[1]) *Моск. Вѣд.* 1860 г. № 194: Письма изъ деревни, *Кавелина*.

череда, не съ головы, а опредѣленною цифрой — въ 40, 50, 70 рублей. Порядившись въ цѣнѣ, міръ дѣлаетъ раскладку пастушнаго по головамъ скота, а какъ количество скота въ теченіе лѣта измѣняется, то плату раскладываютъ два раза во время пастьбы (въ мартѣ и іюнѣ), при чемъ въ оба періода плата съ головы можетъ быть не одинаковая. Содержаніе пастуховъ за время пастьбы производится съ череда, а не съ головы, также какъ чередами опредѣляется раскладка платы за арендную землю. Общество с. Кракова въ 1871 году сняло въ аренду у удѣла на девять лѣтъ участокъ земли въ 834 казенныхъ десятины, съ платой 750 руб. въ годъ. Этотъ участокъ раздѣленъ на девять равныхъ частей или картъ, изъ которыхъ три карты засѣвается хлѣбомъ, а шесть употребляется подъ пастбище для скота. Кромѣ того, въ 1873 г. взятъ у удѣла же участокъ въ 1079 казенныхъ десятинъ за 756 руб. подъ пастьбу скота, безъ права распашки. Съ череда въ 1873 году сошло по 1 руб. 49½ коп. Сорокъ чередовъ составляютъ жеребей. На жеребей досталось 8⅙ десятинъ. Телячье и свиное стадо на арендуемую землю не гоняются, они всегда пасутся на надѣльной землѣ [1]). Рабочая лошадь-третьякъ, дойная корова и телка-третьякъ (свыше двухъ лѣтъ) и шесть головъ овецъ считаются за чередъ. Жеребята-стригуны и телята-полуторники (до двухъ лѣтъ) тоже считаются за чередъ. За норму череда, по мнѣнію о. Іоанна Архангельскаго, раздѣляемому, какъ онъ пишетъ— и крестьянами, принята норма зимняго корма, основанная на дѣйствительномъ потребленіи его, и средняя норма предполагаемаго дохода отъ скота—„по приходу и расходу“, говоритъ крестьянство. Корова зимою съѣдаетъ столько, сколько 6 овецъ. Здѣсь принято запасать сѣна на рабочую лошадь 9 возовъ, на корову 6 возовъ, на овцу 1 возъ, на стригуновъ и полуторниковъ-телятъ по 3 воза на голову. Отсюда видно, что рабочая лошадь съѣдаетъ корма столько сколь-

---

[1]) Для большой ясности дальнѣйшаго изложенія, необходимо сказать о числѣ и родѣ стадъ въ с. Краковѣ: первое – отгонное стадо; сюда входятъ всѣ лошади: рабочія, третьяки, стригуны (по отнятіи отъ матери и до 2-хъ лѣтъ) и сосуны (особи подъ матерями), также телята-полуторники и дойники; второе стадо—коровье, куда входятъ дойныя коровы, телки и быки третьяки; третье – овечье стадо; четвертое—телячье стадо, состоящее изъ телятъ-лѣтниковъ, за исключеніемъ поюновъ, и пятое – свиное стадо.

ко 1½ коровы. Но съ другой стороны берется во вниманіе, что рабочая лошадь болѣе ⅓ пастбищнаго періода живетъ на хозяйскомъ уходѣ и корму, и слѣдовательно, на ⅓ времени не требуетъ ухода пастуха и не потребляетъ постушнаго корма, и такимъ образомъ норма череда возстановляется. Особь подъ матерью также предполагается безъ ухода со стороны пастуха и потребленія корма. Предполагаемый средній доходъ отъ разнороднаго скота нужно принимать не только какъ балансъ—разность между приходомъ и расходомъ, но и какъ удовлетвореніе потребностей крестьянской семьи. Если, напримѣръ, для удовлетворенія извѣстной крестьянской семьи нужно двѣ коровы, то для удовлетворенія другихъ потребностей этой семьи нужно непремѣнно 12 овецъ. Стригуны-жеребята и полуторники-телята считаются въ с. Краковѣ не за получередъ, а за цѣлый чередъ. Это отступленіе крестьяне мотивируютъ тѣмъ, что телята полуторники пасутся здѣсь не въ обычномъ стадѣ, а въ отгонномъ. Слѣдовательно, полуторникъ и день и ночь пребывая въ стадѣ, потребляетъ корму столько же, сколько и корова, которая въ ночное время бываетъ на дворѣ хозяина. Стригунъ считается за чередъ въ параллель полуторнику, чтобъ уравновѣсить арендную плату. Норма череда въ шесть овецъ въ с. Краковѣ постоянная. Чѣмъ она обусловливается — разъяснено выше. Отступленіе отъ указанной нормы можетъ случиться смотря по обстоятельствамъ. Въ с. Краковѣ, каждый поросенокъ, вышедшій изъ подъ матери, считается за чередъ [1]). Отступленіе это обусловливается именно малымъ свиноводствомъ; оно облегчаетъ плату пастуху рядной суммы и содержаніе его. Равнымъ образомъ содержаніе пастуха въ телячьемъ стадѣ обусловливается количествомъ телятъ извѣстнаго года и усмотрѣніемъ домохозяевъ, то-есть, они полагаютъ содержаніе съ одной, двухъ и трехъ головъ, какъ прійдется. Такимъ образомъ видимъ, что телячье стадо и свиное въ общую норму чередовъ остальнаго скота не входятъ и не должны входить по той простой причинѣ, что эти стада не могутъ составлять единичнаго стада ни между собою, ни съ другими стадами, и у нихъ своя безотносительная къ другимъ

---

[1]) Въ другихъ селеніяхъ гдѣ развито свиноводство, за чередъ принимаются три поросенка. *Прим. ред.*

норма. Всѣ прочія стада могутъ входить въ одно стадо, а особенно овечье и коровье.

Кромѣ указанныхъ выше случаевъ, употребленіе чередовъ, какъ особой нормы или единицы, бываетъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Въ с. Бережькѣ, Самарскаго уѣзда, крестьяне, напявъ подъ пастьбище у частнаго землевладѣльца уголъ земли (безъ опредѣленія мѣры) за 85 руб. 74 коп., плату за него произвели извозомъ хлѣба въ г. Самару въ количествѣ 1429 пудъ (6 коп. съ пуда). Извозъ произведенъ по чередамъ лошадей и рогатаго скота, такъ какъ только эти животныя паслись на участкѣ. На чередъ извоза падало 3 пуда 23 фунта. Въ Данпловскомъ уѣздѣ Ярославской губ. за арендуемый крестьянами выгонъ случается расплачиваться обязательною работой, напримѣръ, выжать 4 (болѣе или менѣе) десятины ржи или яроваго хлѣба, или вывезти удобреніе или взорать опредѣленное число десятинъ въ пользу владѣльца земли. Тогда крестьяне, собравшись въ назначенный день на поле къ владѣльцу, раздѣлятъ землю позагонно, а потомъ разведутъ по числу чередовъ у каждаго, кому сколько причтется выжать загоновъ или взорать. Сколько бы ни было клиновъ въ полѣ, крестьяне разчитаютъ, разбивши землю на загоны, кому сколько причтется въ каждомъ клину обработать. Зачинный выгонъ выбирается по жеребью между двумя крайними домохозяевами деревни; прочіе разстанавливаются по тому порядку, въ какомъ слѣдуютъ въ деревни домъ за домомъ. Обыкновенно при этихъ разчетахъ, кому сколько загоновъ приходится отработать, возникаютъ самые горячіе споры, такъ какъ число скота мѣняется въ теченіе всего лѣта у большей части изъ крестьянъ. Кромѣ того, у нихъ встрѣчаются дроби, напримѣръ, полъ-череда, $1^{3}/_{4}$ череда; всѣмъ надо уравняться въ работѣ, — удивительно ли, что наиболѣе справедливое рѣшеніе практической задачи, кому какую часть слѣдуетъ отработать изъ общей, на всю деревню доставшейся работы, сопровождается постоянно спорами, а иногда и бранью. Но тотчасъ, какъ рѣшили разговоры и вынули жребій, съ какого конца зачинать которому краю, всѣ становятся по своимъ мѣстамъ, и работа закипаетъ. Въ спорахъ участвуютъ только тѣ, кто держитъ въ домѣ *большину*; изъ остальныхъ членовъ семейства никто не вступаетъ въ эти пренія. Каждый домохозяинъ знаетъ, возлѣ кого ему работать; домашніе же его всѣ

становятся вмѣстѣ съ нимъ, и работы промежъ собою, то-есть, своимъ домомъ, никогда не дѣлятъ, а отбываютъ ее сообща цѣлымъ семействомъ. Случается, что у извѣстнаго семейства скотины много, а рабочихъ рукъ въ домѣ мало; *десятокъ* въ это дѣло не входитъ; самъ домохозяинъ прихватываетъ съ собою наемщицъ или наемщиковъ, чтобъ отъ сосѣдей не отстать въ работѣ. При разчетахъ между собою во время такого отбыванія обязательной работы за пользованіе выгонами у сосѣдняго владѣльца, крестьяне верстаются половинною работой, если скотина продана у кого до Петрова дня, и наваливаютъ работу, какъ за цѣлую скотину, тому, кто продалъ ее послѣ Петрова дня. Тотъ же точно разчетъ и при денежномъ сборѣ за выгонъ, взятый цѣлою деревней въ кортому за извѣстную плату. Причины этого обычая будутъ разъяснены ниже, при изложеніи обычая, по которому хозяинъ, хотя нѣсколько дней пускавшій свой скотъ въ стадо, обязанъ уплатить пастуху плату за одну или за обѣ половины пастушнаго періода.

Въ с. Сопелкахъ, Ярославской губ., быкъ для мірскаго стада нанимается, и кто его содержитъ, тому платятъ по ровну, съ каждаго череда, по съ однихъ только коровъ. Въ той же губерніи, какъ было сказано ранѣе, очередная пастьба лошадей по ночамъ отбывается крестьянами по конскимъ чередамъ.

Сверхъ платы за пастьбу скота и содержанія, пастухи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пользуются еще такими выгодами. Въ с. Новопавловкѣ, Самарской губ., пастухъ выговариваетъ у общества, чтобъ ему было позволено принять нѣсколько штукъ скота (овецъ десять, двадцать, или лошадей десять, пятнадцать) со стороны, изъ другихъ селъ. Плата за пастьбу этого скота идетъ въ его пользу. Въ с. Сопелкахъ пастухъ также получаетъ право брать жеребятъ отъ посторонниихъ лицъ для пастьбы въ мірскомъ стадѣ.

Въ Даниловскомъ уѣздѣ пастухъ условливается при рядѣ со своими хозяевами на счетъ принятія сторонняго скота. Дозволяется это пастуху съ цѣлью сбавить ему рядной цѣны, но всегда опредѣляютъ число скотинъ, болѣе которыхъ пастухъ не можетъ принять, еслибъ ему и предлагали потомъ на самыхъ выгодныхъ для него условіяхъ. Очевидно, дѣлается такое ограниченіе числа чужихъ скотинъ съ цѣлью сберечь кормъ въ ложняхъ, гдѣ гуляетъ скотина, исключительно для своей собственной. За жеребенка, взя-

таго въ пастушню на цѣлое лѣто, пастухъ получаетъ отъ 1 руб. 50 коп. до 2 руб., за корову—75 коп., за подтелку—50 коп. Въ Данпловскомъ уѣздѣ, также какъ и въ Сопелкахъ пастуху не дозволяется брать изъ стада лошадей. Тамъ и понятія не имѣютъ, какъ можно дозволить пастуху ѣздить на хозяйскихъ лошадяхъ. Это, вопервыхъ, потому, что лошадей немного: изъ деревни дворовъ въ 20 и лошадей-то гуляетъ въ полѣ не болѣе 20 головъ; рѣдкіе изъ тамошнихъ крестьянъ держатъ болѣе одной лошади, а есть и такіе, у которыхъ нѣтъ ни одной; вовторыхъ, лошади, въ лѣтнюю пору, за исключеніемъ сѣнокоса, все рабочія и усталыя; кто позволитъ пастуху ѣздить на своей лошади, когда ей нуженъ отдыхъ; да, втретьихъ, куда пастуху ѣздить? Тамъ нѣтъ степей, а большею частью огороженныя поля или пустоши, гдѣ имѣется выгонъ, пространствомъ весьма ограниченный, такъ какъ наибольшій крестьянскій надѣлъ на 1 душу всего 4 десятины.

Но въ другихъ мѣстахъ, пастухъ получаетъ право ѣздить на мірскихъ лошадяхъ, если выговоритъ его себѣ. Такъ въ с. Краковѣ въ отгонномъ стадѣ пастухъ большею частію нанимается на условіи пользованія общественными лошадьми для верховой ѣзды. Чередъ для этого пользованія заведенъ такой: на котораго домохозяина падаетъ дневное содержаніе пастуха, того лошади и употребляются пастухомъ для ѣзды. Въ с. Константиновскомъ подъ табунщикомъ всегда ходитъ лошадь. Въ видахъ уравненія верховая ѣзда табунщика, какъ и прокормленіе его, раскладывается между дворами по числу владѣемыхъ ими лошадей. Прежде было такъ: четыре лошади давали одну подъ табунщика на день, теперь даютъ одну на сто лошадей. Крестьяне говорятъ, что это сдѣлано для облегченія лошадей. Но возможность такого облегченія произошла отъ того, что число крестьянскихъ лошадей значительно увеличилось. Излишки или недостатки къ шести сосчитываются особо и отслуживаютъ свои конные дни табунщику, точно также, какъ чередовыя дроби скота сосчитываются при раскладкѣ кормленыхъ дней [1]). Въ с. Новопавловкѣ пастухи ѣздятъ въ село за провизіей, для розысковъ пропавшей лошади и. т. д.

---

[1]) *Моск. Вѣд.* 1860 г., № 194: Письма изъ деревни *Кавелина*. См. также Тр. Ком. о волост. суд., VI, 248: Самарск. губ.

на своей собственной лошади. Брать изъ табуна лошадей онъ можетъ не иначе, какъ условившись объ этомъ съ обществомъ, при чемъ пользуется лошадьми по очереди. Для того же, чтобы завернуть табунъ, каждый пастухъ имѣетъ право вскочить на первую попавшуюся лошадь изъ табуна.

Теперь переходимъ къ раскладкѣ пастушнаго, способамъ и срокамъ его уплаты. Въ Владимірской губерніи къ числу денежныхъ повинностей крестьянъ, отбываемыхъ въ лѣтнее время, относится сборъ съ нихъ пастушни, которую разверстываютъ между собою крестьяне пропорціонально числу имѣющихся у каждаго домохозяина животовъ (скотины). Для этой обязанности выбираютъ изъ среды односельчанъ особаго сборщика пастушни, который приводитъ въ наличность всю домашнюю скотину въ деревнѣ: коровъ, овецъ, лошадей и т. д., и по безграмотству своему ведетъ счетъ на *подогѣ* (палкѣ), по каждому двору отдѣльно Эта своеобразная запись дѣлается такъ: на длинной, обтесанной брускомъ, палкѣ начинаютъ *мытить* скобля ножомъ поперечныя зарубки, означающія череда. На смежной сторонѣ подога, повернувъ зарубки къ низу, концомъ ножа навертываютъ точки—части череда. По окончаніи счета скотины одного двора ставится крестъ, который служитъ раздѣломъ чередовъ слѣдующаго двора и т. д. до послѣдняго. Начало чередовъ, какъ и всякій рядъ въ деревнѣ, считается съ крайняго дома—отъ солнечнаго восхода, если селеніе улицею расположено отъ востока на западъ, когда же онъ стоитъ по другому направленію, начинаютъ то съ полуденнаго конца деревни, продолжая считать дворы по ходу солнышка. Денежный разчетъ съ пастухомъ ведется сборщикомъ, сельскій же староста до этого не касается, какъ и десятникъ [1]). Въ Московской губерніи деньги за всю скотину также получаетъ выборный отъ всего міра сборщикъ, который разчитывается съ пастухомъ и наблюдаетъ за его постоемъ [2]). Въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, гдѣ бываютъ отдѣльные пастухи для лошадей, коровъ, овецъ и т. д., для сбора денегъ за пастьбу назначаются и различные

---

[1]) *Ежегодникъ Владим. Губ. Ст. Ком.* 1876 г, т. 1-й, вып. 1-й: Жизнь, нравы и обыч. крест. Меленковскаго уѣзда *Добрынкина*, стр. 102.

[2]) *Моск. Губ. Вѣд.* 1854 г., № 26: Лѣтн. празд. у поселянъ.

выборные сборщики—конскій, коровій и овечій. Въ Самарской губерніи въ с. Краковѣ, порядившись съ пастухомъ въ общей суммѣ, которую долженъ получить онъ за пастьбу скота, міръ дѣлаетъ раскладку пастушнаго по головамъ скота за первую половину пастушнаго періода. Эта первая половина времени пастьбы продолжается съ выгона скота до 29-го іюня. Самая раскладка дѣлается въ мартѣ мѣсяцѣ. Рядную плату обязаны по мірской мѣтѣ съ каждаго домохозяина собрать сами пастухи. Плата собирается съ головы. За первую половину плата собирается до выгона скота въ стадо. За вторую половину по окончаніи пастьбы. Передъ наступленіемъ второй половины, съ 29-го іюня до конца пастьбы, міръ дѣлаетъ новую *мѣту* скота и раскладку пастушнаго. Напримѣръ, пастухъ порядился пасти стадо за 50 руб.; по первой раскладкѣ разложено было въ сборъ 30 руб.; слѣдовательно, во вторую раскладку пойдутъ 20 руб. Особи подъ матерями и вообще особи, родившіяся по окончаніи пастьбы предыдущаго года, какъ сообщено ранѣе, въ мѣту не входятъ и оплатѣ пастушнаго не подлежатъ. Въ другихъ же мѣстахъ эти особи не входятъ въ мѣту только за первую половину года. Отсюда понятно, что какая особь попала въ какую мѣту, та и оплачивается пастушнымъ сполна, хотя бы проходила въ стадѣ одинъ день: иначе обычная предварительная раскладка пастушнаго потеряла бы всякій смыслъ и должна была бъ измѣниться въ другой порядокъ.

Въ мірское стадо гоняютъ скотъ всѣ домохозяева селенія. Если же кто не пожелаетъ гнать свой скотъ въ это стадо, а заводитъ свой *особнякъ*, то ему не препятствуютъ; по мірскому пастуху онъ обязанъ заплатить вмѣстѣ съ другими. Міръ нанимаетъ пастуха за извѣстную плату, слѣдовательно, каждый особнякъ, если бы за него не платили, увеличиваетъ плату съ каждой головы скота мірскаго стада. Положимъ міромъ нанятъ пастухъ для 100 головъ рогатаго скота за 40 руб.; съ головы падаетъ пастушнаго 40 коп. Предположимъ, что 50 головъ отошло отъ мірскаго стада въ особняки; ясно, что въ такомъ случаѣ за каждую голову, оставшуюся въ стадѣ, нужно увеличить плату вдвое. Такимъ образомъ норма платы, которая имѣлась въ виду при наймѣ пастуха, была бы сильно нарушена. „Міръ долженъ мѣтить всю скотину, какая есть въ селеніи“, и весь скотъ, какой попадетъ въ мѣту, гдѣ бы не пасся, долженъ быть опла-

ченъ „мірскимъ пастушнымъ“. Хозяинъ особняка освобождается только отъ содержанія мірскаго пастуха. Бывали случаи, что спльная разноголосица на сельскомъ сходѣ при наймѣ пастуховъ препятствовала сложиться мірскому стаду, и весь скотъ должепъ былъ пастись особняками. Особняки на пастьбѣ перемѣшивались, и дѣло выходило изъ рукъ вонъ плохо. Жители с. Константиновскаго производятъ наемъ пастуха и табунщика около новаго года, и если съ этого времени произойдетъ какая-либо перемѣна въ числѣ скота или лошадей къ тому времени, когда они выгоняются въ степь на траву, то раскладка сообразно съ тѣмъ измѣняется: у кого уменьшилось количество скота или лошадей, тому излишне полученныя съ него деньги возвращаются, а у кого количество скота увеличилось, съ того, по разчету, довзимается.

Сборъ наемной платы табунщику или пастуху поручается обществомъ одному изъ стариковъ, который и ходитъ по дворамъ, когда слѣдуетъ, и ведетъ съ крестьянами, пастухомъ и табунщикомъ разчеты. Въ с. Новопавловкѣ плата пастуху назначается не оптомъ, а съ головы скота, такъ что общая сумма не бываетъ въ точности извѣстна пастуху при договорѣ, потому что онъ не знаетъ, сколько будетъ головъ въ стадѣ. Въ этомъ случаѣ онъ самъ ходитъ послѣ договора по дворамъ переписываетъ скотину или мѣтитъ на палкѣ, самъ и собираетъ плату. Согласно съ договоромъ, пастухъ собираетъ половину платы съ хозяевъ весной, потому что ему деньги нужны на подати, на наемъ подпасковъ и пр., а другую половину получаетъ по окончаніи пастьбы. Бываетъ и такъ: если стадо—полужимъ, табунъ лошадей,—на все село одно, тогда пастуху даютъ въ счетъ платы извѣстную сумму изъ общественныхъ денегъ, а потомъ собираютъ съ хозяевъ и пополняютъ общественную сумму. Въ Новопавловкѣ, какъ и въ сосѣднихъ селеніяхъ, напримѣръ въ Большой Глушицѣ, соблюдаютъ такое правило: если скотина проходила за пастухомъ половину лѣта, то есть, до Троицы или до Петрова дня, то хозяинъ, продавшій ее въ эти праздники, долженъ во всякомъ случаѣ отдать пастуху половину платы; а если она ходила большую половину лѣта, напримѣръ, до Ильина дня или до Успѣнія, то хозяинъ платитъ сполна, въ случаѣ продажи скотины.

Въ Новопавловкѣ рабочія лошади во время полевыхъ работъ

пасутся не въ общемъ табунѣ, а особо, близь селенія, и только на Троицу отпускаютъ всѣхъ лошадей въ табунъ, потому что тогда всю недѣлю не работаютъ. Осенью молотятъ лошадьми, такъ что ихъ мало остается въ табунѣ. Тѣмъ не менѣе существуетъ правило: ходила ли, не ходила ли въ табунѣ лошадь—заплати пастуху, пастухъ въ томъ не виноватъ, что лошадей берутъ изъ табуна. Въ с. Богдановкѣ, Николаевскаго уѣзда, пастуху платится первая половина жалованья передъ выгономъ скота въ поле, а вторая—среди лѣта. Изъ рѣшенія одного волостнаго суда видно, что два пастуха, нанятые для пастьбы коннаго и рогатаго скота цѣною за 73 руб., въ число платы получили съ общества въ задатокъ 25 руб. и послѣ, по ихъ же просьбѣ, имъ дано еще по 6 руб. [1]). Въ другомъ случаѣ пастухъ, нанятый пасти свиней за 48 р., по договору долженъ былъ получить отъ общества 10 руб. задатка и за выпитые съ обществомъ давасы 2 руб. [2]). Въ третьемъ случаѣ пастухъ, обязавшійся у общества пасти рогатый скотъ и лошадей за 60 р., договорился деньги получать такимъ образомъ: при вручении ему условія 20 р., на Петровъ день 10 р., а остальные 30 р. по истеченіи срока [3]). Въ г. Самарѣ пастухъ всю плату беретъ весной, для чего недѣли черезъ двѣ-три послѣ начала пастьбы, загоняетъ скотъ въ чей-либо дворъ и объявляетъ объ этомъ хозяевамъ, чтобы несли плату. Послѣдній способъ полученія платы примѣняется и въ нѣкоторыхъ селахъ Самарской губерніи, напримѣръ, въ Горѣломъ Гаѣ, Николаевскаго уѣзда.

Въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, въ видахъ по возможности сократить цифру вычета при окончательномъ разчетѣ за всѣ свои прегрѣшенія въ теченіе лѣта, какъ-то: своевольныя отлучки отъ стада, загулы въ праздничное время, потравы хозяйскихъ полей и луговъ, потравы у сосѣдей, увѣчье или пропажу скота и т. п., пастухи всѣми правдами-неправдами стараются забрать свое жалованье впередъ, такъ чтобы при разчетѣ пришлось получить имъ сущую бездѣлицу, на которую, ради ея малости, не кинется, пожалуй, самый скупой изъ хозяевъ. Зарабочая плата при первона-

---

[1]) Тр. Ком. о вол. суд., VI, 248: Самарск. г., Бугурусл. у.
[2]) Тамъ же, VI, 118: Самарск. г., Бузулукск. у.
[3]) Тамъ же, VI, 222: Бугурусл. у.

чальной рядѣ распредѣляется по срокамъ въ теченіе лѣта, что̀, конечно, бываетъ различно въ разныхъ деревняхъ; общаго тутъ только одинъ срокъ—къ Петрову дню, къ которому пастухи всюду собираютъ съ крестьянъ извѣстную договоренную часть изъ своего жалованья.

Населеніемъ Кременчугскаго уѣзда, Полтавской губерніи, плата пастуху за рогатый скотъ отдается обыкновенно по окончаніи лѣта. Но за овецъ и свиней, какъ за товаръ, который подвергается болѣе частнымъ переходамъ отъ хозяина къ хозяину въ теченіе весны, лѣта и осени, въ нѣкоторыхъ селахъ есть обыкновеніе брать одну половину весною, когда животное поступаетъ на пастьбу. Въ другихъ селахъ этого не дѣлаютъ, но держатся правила собирать плату среди лѣта, для чего пастухъ, оповѣстивъ предварительно хозяевъ, загоняетъ овецъ или свиней въ загонъ и держитъ ихъ тамъ, пока хозяева принесутъ деньги. Въ томъ же уѣздѣ принято, что какъ бы скоро по поступленіи на пастьбу скотина ни была взята хозяиномъ для продажи, пастуху во всякомъ случаѣ дается половина наемной платы за нее [1]).

Въ случаѣ какихъ-либо затрудненій въ сборѣ платы за пастьбу скота или просто отказа отъ уплаты этихъ денегъ, пастухъ обращается или къ представителю общины, сельскому старостѣ, или къ сельскому сходу, а не то и къ волостному суду. Староста самъ ходитъ иногда по дворамъ для сбора причитающейся пастуху платы [2]), или производитъ въ волостномъ судѣ искъ денегъ съ крестьянина, не уплатившаго пастушни [3]). Иногда бываетъ и такъ, что сельскій сходъ, въ случаѣ неуплаты пастуху нѣкоторыми хозяевами пастушнаго сбора, разрѣшаетъ сельскому старостѣ взять силою какую-либо вещь у неплательщика, продать ее и уплатить пастуху слѣдующую ему сумму. Въ одномъ случаѣ хозяинъ, у котораго былъ проданъ хомутъ для уплаты пастбищнаго сбора, обратился съ жалобой на дѣйствія старосты въ волостной судъ. Но и судъ,

---

[1]) *Основа* 1862 г., № 2: Наблюд. миров. посредника о нѣкоторыхъ юрид. обычаяхъ у крестьянъ Кременч. уѣзда.

[2]) Труд. Ком. о вол. суд. II, 252: Моск. губ., Можайск. у.; VI, 398: Сарат. губ.

[3]) Тамъ же, II, 202: Моск. губ., Серпух. у.

послѣ того, какъ староста объяснилъ при дознаніи, что хомутъ взятъ у просителя согласно сельскому приговору, и тогда же были взяты и у другихъ крестьянъ вещи за неплатежъ денегъ пастуху, признавъ дѣйствія общества относительно отобранія хомута правильными, потому что, по мѣстному обычаю, такъ въ подобныхъ случаяхъ и прочія общества поступаютъ [1]).

Въ Архангельской губерніи въ случаѣ отказа хозяина отъ платежа денегъ пастуху, на томъ основаніи, что его скотъ не ходилъ на пастьбу, обиженный обращается къ содѣйствію волостнаго суда. Судъ сначала справляется о томъ, былъ ли скотъ отвѣтчика въ счету скота, назначеннаго къ пастьбѣ, и если окажется, что былъ, принуждаетъ хозяина къ уплатѣ удерживаемыхъ имъ пастушныхъ денегъ, хотя бы скотъ вовсе не ходилъ въ стадѣ.

Приводимыя ниже рѣшенія лучше уясняютъ указанный обычай. Всѣ эти рѣшенія принадлежатъ Великониколаевскому волостному суду, Шенкурскаго уѣзда, и заимствованы нами изъ подлинныхъ книгъ суда.

I. 1868 года 27-го декабря. Крестьянинъ Никольскаго сельскаго общества Андрей Кузьминъ Будиловъ заявилъ 27-го сего декабря въ Великониколаевскомъ волостномъ судѣ словесную просьбу о взысканіи съ проживающаго въ деревнѣ Щипуновской, Никольскаго общества, солдата Дмитрія Николаева Семакова, не уплаченныхъ ему за пасеніе лѣтомъ сего года скота денегъ 45 коп. Вызванный на 27-е декабря въ волостной судъ, солдатъ Дмитрій Семаковъ объяснилъ, что у него лѣтомъ сего года за пастухомъ принадлежащій ему скотъ нѣсколько времени не ходилъ, при чемъ сознался, что пастухъ у него жилъ на квартирѣ (то-есть, въ домѣ) и продовольствовался до двухъ разъ, наконецъ и отъ сего объясненія началъ отзываться, заявивъ, что платить взыскиваемыхъ съ него Будиловымъ денегъ 45 коп. онъ обязаннымъ себя не считаетъ. Сосѣдственные крестьяне деревни Щипуновской на спросъ ихъ въ волостномъ судѣ показали, что при наймѣ ими пастуха весь скотъ солдата Дмитрія Семакова 3 штуки были въ счету скота, назначеннаго къ пастьбѣ, и что солдатъ Дмитрій Семаковъ содержалъ пастуха на своей квартирѣ и содержаніи до двухъ разъ,

---

[1]) Тамъ же, II, 252: Моск. губ., Можайск. у.

разъяснивъ притомъ, что ряжено было по 15 к. за скотину, въ количествѣ около 60 головъ. Волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи, признавая отзывъ солдата Дмитрія Семакова неуважительнымъ, опредѣлилъ взыскать съ него, Семакова, выше означенныя деньги 45 коп., копми удовлетворить крестьянина Андрея Будилова, съ объясненіемъ, что недовольная симъ рѣшеніемъ сторона можетъ подать жалобу въ мировой съѣздъ въ тридцатидневный срокъ.

II. 1867 года 6-го марта. Крестьянинъ Ѳедоровскаго сельскаго общества Иванъ Тихановъ Козминъ заявилъ словесную просьбу въ Великониколаевскомъ волостномъ судѣ о взысканіи съ крестьянина Никольскаго общества Егора Николаева Семакова не доплоченныхъ ему за пасеніе лѣтомъ 1866 года скота денегъ 76½ коп. Вызванный въ волостной судъ крестьянинъ Егоръ Семаковъ объяснилъ, что у него лѣтомъ 1866 года ходило за пастухомъ только двѣ скотины, за которыхъ онъ заплатилъ деньги; остальныхъ же трехъ скотинъ упомянутый крестьянинъ Иванъ Козминъ въ поскотину не гонялъ, почему и платить за нихъ денегъ онъ, Семаковъ, обязаннымъ себя не считаетъ. Сосѣдственные крестьяне деревни Щипуновской на спросъ ихъ въ волостномъ судѣ показали, что при наймѣ имп пастуха весь скотъ крестьянина Егора Семакова 5 штукъ былъ въ счету скота, назначеннаго къ пастьбѣ, почему и плата условлена была гуртомъ за весь скотъ, а не особо за каждую скотину. Вслѣдствіе того волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи, признавая отзывъ крестьянина Егора Семакова неуважительнымъ, приговорилъ взыскать съ него помянутыя деньги 76½ к., копми и удовлетворить крестьянина Ивана Козмина.

III. 1866 года 6-го ноября. Крестьянинъ Никольскаго сельскаго общества Семенъ Осиповъ Емельяновъ подалъ въ Великониколаевское волостное правленіе прошеніе о взысканіи съ крестьянъ Володиміровскаго общества, деревень: Сюмины, Лихошерстовы и у Витковыхъ слѣдующихъ ему за пастьбу у нихъ лѣтомъ 1866 г. скота 85 штукъ, денегъ, по 25 коп. за каждую скотину, такъ какъ нѣкоторые крестьяне съ половины лѣта спустили своего скота за другихъ пастуховъ и отъ платежа ему денегъ отказываются. Вслѣдъ затѣмъ крестьянинъ Семенъ Емельяновъ заявилъ лично въ волостномъ судѣ, что онъ проситъ произвести взыска-

ніе въ пользу его денегъ только съ трехъ человѣкъ, а именно: Ивана Чеусова, Никиты Ѳедурина и Ѳедора Глазачева за 7 скотинъ по 25 коп. за каждую, всего 1 руб. 75 к., и что съ остальныхъ крестьянъ деньги онъ надѣется получить самъ лично безъ суда. Вызванные въ волостной судъ крестьяне Чеусовъ, Ѳедуринъ и Глазачевъ отозвались, что они въ наймѣ пастуха Емельянова не участвовали и скотъ ихъ большую часть лѣта пасся за другими пастухами, а потому и платить взыскиваемыхъ съ нихъ денегъ они не желаютъ. Волостной старшина Ѳедуринъ и сельскій староста Владиміровскаго общества Кривопкинъ, какъ мѣстные обыватели деревни Сюмины и Лихошерстова, объяснили, что въ ихъ селеніяхъ существуетъ установившійся съ давняго времени порядокъ, по коему въ наймѣ пастуха участвуютъ обыкновенно какъ бы уполномоченные отъ селеній, два или три человѣка, которые дѣлаютъ съ нанятымъ пастухомъ условіе, и оное условіе распространяется на всѣхъ домохозяевъ упомянутыхъ трехъ селеній и на весь безъ исключенія въ тѣхъ селеніяхъ скотъ. Вслѣдствіе того волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи, находя крестьянъ Ивана Чеусова, Никиту Ѳедурина и Ѳедора Глазачева нарушителями мѣстнаго обычая, а потому признавая отзывъ ихъ неуважительнымъ, приговорилъ: взыскать съ нихъ Глазачева, Ѳедурина и Глазачева помянутыя деньги 1 руб. 75 коп. въ пользу пастуха крестьянина Семена Емельянова.

IV. 1866 года 21-го декабря. Крестьянинъ Едемскаго сельскаго общества Алексѣй Никифоровъ Филимоновъ объявилъ въ Великониколаевскомъ волостномъ судѣ словесную просьбу о взысканіи съ крестьянъ Володимірскаго сельскаго общества деревень Ивановской, Фофановской и печища Толчейнаго за пастьбу имъ сего лѣта рогатаго скота 17 штукъ по 30 коп. за каждую, всего 5 руб. 10 к. Вызванные въ волостной судъ крестьяне Василій Пельтихинъ, Александръ, Константинъ, Семенъ и Яковъ Ежевы признались, что дѣйствительно у нихъ сего лѣта находился пастухомъ крестьянинъ Алексѣй Филимоновъ, и притомъ объяснили, что они удерживаютъ деньги слѣдующія пастуху Филимонову по нижеслѣдующимъ причинамъ: 1-й, Василій Пельтихинъ — что пастухъ Филимоновъ не пасъ у него скота 4 штукъ во все лѣто, отъ которыхъ Филимоновъ отказался пасти, почему онъ, Пельтихинъ, и перевелъ

этотъ скотъ въ другую паству; 2-й, Александръ Ежевъ—что пастухъ Филимоновъ потерялъ бычка и не указалъ костья, за что̀ самое и удерживаетъ за пасеніе трехъ скотинъ 90 коп.; 3-и, Константинъ, Яковъ и Семенъ Ежевы отозвались, что пастухъ Филимоновъ во все лѣто не насъ ихъ скота, за что̀ они и удержали деньги. По сдѣланному же дознанію у сосѣдей тѣхъ крестьянъ, оказалось, что пастухъ Филимоновъ былъ поряженъ пасти скотъ сколько есть въ тѣхъ деревняхъ, за что̀ и рядимъ кругомъ по 30 к. съ каждой скотины, и что у нихъ условія никакого сдѣлано не было, чтобы за потерянную скотину взыскивать съ пастуха деньги, а только не отдавать ему Филимонову жалованья за ту скотину, которую онъ потеряетъ, и что крестьяне Ежевы понапрасну отзываются отъ платежа собственно по упрямству ихъ, Ежевыхъ. Напротивъ же крестьяне Ежевы не кормили все лѣто пастуха хлѣбомъ по неимѣнію онаго, тогда какъ Филимоновъ насъ у нихъ, Ежевыхъ, скотъ до половины лѣта. Вслѣдствіе того волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи приговорилъ: взыскать съ крестьянъ по 30 коп. за скотину, а именно: Василія Пельтихина за 4 быка за половину лѣта пасенія 60 коп., Александра Ежева за 3 скотины 90 коп. и Константина, Якова и Семена Ежевыхъ за 9 скотинъ 2 р. 70 коп., а всего 4 руб. 20 коп., коими удовлетворить крестьянина Алексѣя Филимонова.

Въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи коренной обычай, что до Петрова дня сколько бы не пропаслась скотина, хотя бы два или три дня, полагается плата пастуху за цѣлую половину всей пастушни. То же самое и послѣ Петрова дня: если скотина будетъ продана хозяевами хотя бы черезъ два дня, а въ эти два дня она гонялась со двора въ пастьбу, плата пастуху идетъ какъ бы за цѣлую пастушню въ теченіе всего лѣтняго времени отъ сгона со двора до загона

Указанный обычай проявляется и въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ другихъ мѣстностей Россіи. Хозяинъ, гонявшій свой скотъ (свиней и овецъ) въ стадо пастуха, по его показанію—лишь два дня, а по словамъ пастуха—двѣ недѣли, пересталъ отпускать его въ общее стадо, а отдалъ стеречь своему мальчику, и потому противъ жалобы пастуха о неуплатѣ пастушни заявилъ, что не считаетъ себя обязаннымъ платить пастуху. Судъ однако при-

говорилъ къ уплатѣ слѣдуемаго пастуху пастушнаго сбора [1]). Въ двухъ случаяхъ, вслѣдствіе жалобы пастуховъ въ неуплатѣ имъ нѣкоторыми крестьянами пастушни (по показанію самихъ хозяевъ на томъ основаніи, что они никогда не пускали своихъ лошадей въ табунъ), судомъ приговорено взыскать пастушныя деньги съ виновныхъ, въ первомъ случаѣ, „потому что, по мѣстнымъ крестьянскимъ обычаямъ, за всѣхъ лошадей, попавшихъ въ списокъ при наймѣ конюха, должны заплатить слѣдующую плату, хотя пущали или не пущали лошадей“,—во второмъ случаѣ „потому что въ деревнѣ приговорено, если будетъ хозяинъ дома и не пускать скотину въ стадо, а будетъ выгонять въ улицу, то и съ того брать наравнѣ съ прочими пастушныя деньги“ [2]).

Иногда пастухъ обращается къ волостному суду съ искомъ объ уплатѣ жалованья не противъ отдѣльнаго домохозяина, а цѣлаго общества. Пастухъ жалуется, что онъ, нанявшись пасти скотъ за 81 р. 40 к., не получилъ отъ старосты и крестьянъ слѣдуемыхъ ему въ жалованье остальныхъ 16 р. 56 к. Судъ, по случаю неявки довѣреннаго отъ общества, постановилъ заочное рѣшеніе, которымъ онъ приговорилъ удовлетворить пастуха просимымъ [3]).

Мать пастуха просила судъ понудить общество къ уплатѣ сыну ея не доплаченныхъ пастушныхъ 2 р. 40 к. за пастьбу мелкаго скота. Когда жь изъ показаній деревенскаго десятскаго и четырехъ домохозяевъ выяснилось, что пастушныя деньги собралъ мелочному пастуху 12 р. сполна выборный сборщикъ, а сборщикъ передъ судомъ настоящаго отчета въ уплатѣ пастуху дать не могъ,—то судъ, „видя неаккуратность сельскаго схода—допущать къ сбору такого сборщика, который не можетъ дать отчета“, обратилъ взысканіе денегъ 2 р. 40 к. на міръ [4]).

Прежде нежели перейдти къ изложенію обязанностей пастуха по отношенію къ нанимателямъ, сообщимъ о наймѣ подпасковъ и объ отношеніи пастуховъ къ послѣднимъ, на сколько эти отношенія выясняются рѣшеніями волостныхъ судовъ. Подпаска нанп-

---

[1]) Тр. Ком. о вол. с., I, 703: Тамб. губ., Липецк. у.
[2]) Тр. Ком. о вол. с., II, 172 и 203: Моск. губ., Мож. у.
[3]) Тамъ же, II, 97: Моск. у.
[4]) Тамъ же, II, 261: Моск. г., Можайск. у.

маетъ пастухъ, а не общество [1]). Въ одномъ случаѣ ему назначены, сверхъ денежной платы, сапоги въ три рубля и шесть фунтовъ шерсти [2]). Пастухъ скота нанимаетъ другое лицо исправлять его должность, и крестьяне даютъ ему для пошенія во время пастьбы одежду, какъ бы пастуху [3]). Подпаска кормятъ хлѣбомъ крестьяне по очереди [4]). Между пастухами и подпасками и между пастухами и обществомъ по поводу подпасковъ происходятъ разнаго рода пскп. Напримѣръ, въ одномъ случаѣ подпасокъ жаловался, что нанявшій его за 13 руб. 50 к. пастухъ не выдалъ ему изъ числа зажитаго жалованья 5 рублей. Судъ приговорилъ пастуха къ уплатѣ 3 руб., „псключивъ то (2 руб.), что̀ пронаймовано за подпаска по случаю его болѣзни“ [5]).—Въ другомъ случаѣ пастухъ, нанявъ двухъ подпасковъ, по 12 р. 85 к. каждому въ лѣто, не выдавалъ имъ денегъ на уплату разныхъ слѣдуемыхъ съ нихъ денежныхъ повинностей пзъ числа уже зажитаго жалованія, отзываясь неимѣніемъ денегъ и тѣмъ, что на розысканіе пропавшей лошади употреблено имъ 15 руб. Судъ нашелъ, что пастухъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по совершенному и явному своему упорству, а потому принудилъ его къ выдачѣ подпаскамъ на уплату повинностей по 5 руб. каждому, а если онъ этой суммы не выдастъ, въ такомъ случаѣ предоставилъ подпаскамъ учинить съ нимъ разчетъ за все лѣто, съ вычетомъ пзъ всего жалованья забранныхъ каждымъ денегъ, и за не дослуженное имп время по 5 руб. съ каждаго, а равно и денегъ на расходы за поиски пропавшей лошади по 3 р. 75 к. [6]).—Судъ приговорилъ съ пастуха, который „не раздѣлываетъ подпаска за пастушню“ взыскать въ пользу послѣдняго 1 руб. 30 коп., и сверхъ того, наказать его десятью ударами розогъ, со внушеніемъ, что ежели онъ и впредь гдѣлибо будетъ поряженъ въ пастухи, то своевременно раздѣлывалъ бы подпасковъ и никогда не утруждалъ волостное начальство [7]).—

---

[1]) Тамъ же, III, 383: Костромск. губ., Кинешемск. у.
[2]) Тамъ же, I, 399: Тамбовск. губ., Борисоглѣбск. у.
[3]) Тамъ же, II, 339: Московск. губ., Волокол. у.
[4]) Тамъ же, II, 520: Моск. губ., Дмитровск. у.
[5]) Тамъ же, III, 383: Костр. губ., Кинеш. у.
[6]) Тамъ же, II, 422: Моск. губ., Бронницк. у.
[7]) Тамъ же, III, 379: Костр. губ., Кинеш. у.

Пастухъ жаловался на крестьянъ всей деревни въ томъ, что они не кормятъ его подпаска хлѣбомъ, потому что онъ сдѣлался болѣнъ. Крестьяне же объяснили, что они рядили пастуху пасти послѣ 15-го сентября лошадей, но какъ онъ не сталъ, то они и приказали ему развесть и подпаска и съ тѣхъ поръ перестали его кормить хлѣбомъ. Судомъ постановлено: съ пастуха удержать изъ слѣдующей ему за пастьбу суммы 2 рубля за то, что онъ взялся пасти лошадей послѣ 15-го сентября, но отказался, а подпаска приказать обществу кормить [1]).—Нанятый пастухомъ, для исправленія его должности, безсрочно отпускной рядовой ушелъ изъ селенія и унесъ данную ему разными крестьянами, для пошенія во время пастьбы, одежду, на сумму 4 р. 50 к. Крестьяне удержали эту сумму изъ жалованья пастуха, и судъ нашелъ ихъ дѣйствія правильными [2]).

Основываясь на вышеизложенномъ укажемъ на существенныя черты крестьянскихъ обычаевъ и обыкновеній собственно по найму пастуховъ:

Пастуховъ нанимаетъ или цѣлая крестьянская община, или отдѣльныя улицы, или какія-либо иныя части села. Это обусловливается числомъ стадъ однороднаго скота. На отдаленномъ сѣверѣ гдѣ села состоятъ изъ отдѣльныхъ деревень, пастухъ часто нанимается сообща нѣсколькими деревнями. Весьма характернымъ для тѣхъ краевъ явленіемъ, хотя и не часто повторяющимся, служитъ обыкновеніе нанимать пастуха или караульщика для скота, принадлежащаго жителямъ разныхъ селъ и даже волостей. Для каждаго отдѣльнаго рода скота бываетъ особый пастухъ; иногда же всѣ домашнія животныя или нѣкоторые роды ихъ, напримѣръ, весь мелкій скотъ, имѣютъ одного общаго пастуха. Это зависитъ отъ количества скота и обусловливаетъ собою тотъ или иной способъ раскладки пастушной платы.

У крестьянъ при наймѣ всякаго рода рабочихъ вознагражденіе обыкновенно состоитъ не въ однихъ деньгахъ, но и въ другихъ выгодахъ, предоставляемыхъ нанимателями рабочимъ, напримѣръ, въ помѣщеніи, пищѣ, одеждѣ, нерѣдко въ разнаго рода

---

[1]) Тамъ же, II, 520: Моск. губ., Дмитр. у.

[2]) Тамъ же, II, 339: Моск. губ., Волокол. у.

приплатахъ и подаркахъ, какъ денежныхъ, такъ и вещественныхъ. Точно также и пастухъ, по общераспространенному обычаю, имѣетъ право на полученіе, сверхъ денежной платы, помѣщенія, пищи, одежды, обычныхъ приплатъ и подарковъ. Но такъ какъ онъ поступаетъ въ услуженіе не къ отдѣльному лицу, а къ цѣлому обществу, то плата и всѣ указанныя вещественныя выгоды должны даваться ему всѣмъ обществомъ. Отсюда возникновеніе особыхъ обычаевъ, по которымъ распредѣляется сборъ платы между домохозяевами, прокормленіе, одежда, помѣщеніе пастуха и т. д.

Крестьянамп строго соблюдается принципъ уравненія между собою всѣхъ возлагаемыхъ па нихъ общихъ работъ, повинностей, всякаго рода общественныхъ тягостей, равно какъ и разнородныхъ правъ и интересовъ. Этотъ принципъ требуетъ, для болѣе справедливаго уравновѣшенія правъ и обязанностей между членами общины, правилъ, точно опредѣленныхъ и касающихся даже мелочей. Нѣкоторыя изъ правилъ, которыми руководствуются крестьяне при распредѣленіи содержанія и пр. пастуху, въ глазахъ нашихъ могутъ показаться доходящими до щепетильности, но они прямо вытекаютъ изъ экономическаго положенія крестьянъ и того уваженія къ труду, которое питаетъ крестьянство.

Плата за пастьбу пастуху въ однихъ мѣстностяхъ назначается оптомъ, гуртомъ, безъ предварительнаго приведенія въ извѣстность общаго количества скота, и потомъ уже раскладывается по числу скота, принадлежащаго каждому домохозяину; въ другихъ же мѣстахъ она опредѣляется числомъ скота, который долженъ ходить за пастухомъ. То количество скота, съ котораго берется плата пастуху, называется чередомъ, иногда—днемъ, кое-гдѣ—кучей. Иногда плата берется не съ череда, а прямо съ головы скота. Этотъ послѣдній способъ бываетъ въ употребленіи тогда, когда отдѣльное стадо, ходящее за особымъ пастухомъ, состоитъ изъ совершенно однороднаго скота, и притомъ, когда въ стадѣ нѣтъ даже животныхъ разныхъ возрастовъ, или такія животныя совершенно уравнены между собою относительно платы пастушнаго сбора, такъ что въ этомъ случаѣ нѣтъ разницы между поголовнымъ и почереднымъ сборомъ. Плата же съ чередовъ практикуется тогда, когда разнородный скотъ или даже разныхъ возрастовъ ходитъ въ одномъ и томъ же стадѣ или нанимается для разнородныхъ стадъ

общій пастухъ. Очевидно, что въ послѣднихъ случаяхъ является необходимость въ какой-либо общей нормѣ для назначенія платы, а распредѣлять плату со штуки было бы затруднительно. Такая порма и есть чередъ.

Для опредѣленія чередовъ за единицу всегда принимается крупное животное—лошадь, корова, быкъ. Къ этимъ единицамъ приравниваются мелкія животныя, въ разныхъ мѣстахъ въ различномъ количествѣ. Такъ овецъ въ чередъ полагается въ различныхъ мѣстностяхъ отъ 2 до 10, свиней и жеребятъ до двухлѣтняго возраста—отъ 1 до 2, телятъ разныхъ возрастовъ—отъ 1 до 4. Впрочемъ, самыя молодыя особи животныхъ часто въ составъ чередовъ не вводятся, а плата съ нихъ взимается съ головы поштучно.

Чтобъ опредѣлить число особей того или иного рода животныхъ, которыя должны войдти въ составъ чередовъ, принимаются въ соображеніе, главнымъ образомъ, количество корма, потребляемаго этими животными, доходность отъ нихъ, численность скота этого рода въ стадѣ и другія обстоятельства, которыя могутъ быть болѣе или менѣе случайны. Отъ различія упомянутыхъ условій и отъ различнаго ихъ пониманія крестьянами въ разныхъ мѣстахъ зависитъ то, что въ одномъ мѣстѣ въ составъ череда вводится одно количество извѣстнаго скота, въ другомъ—другое и т. д.

По чередамъ распредѣляется не одна плата пастуху, но также содержаніе его, дача ему одежды, пользованіе лошадьми для ѣзды, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—арендная плата за земли, нанимаемыя обществомъ подъ пастбища, и т. п.

Обычай распредѣленія платы и содержанія пастуховъ по чередамъ нужно отнести къ глубокой старинѣ. Доказательствомъ того служитъ самое названіе череда. Съ одной стороны, слова *чередъ*, или древне-славянское *чреда*, также провинціальныя *чередь*, *чередица*, *чередуха*, *чередовка* (Псковская и Тверская губерніи) означаютъ очередь, очередной порядокъ, *чередиться*—приводить въ порядокъ Оренбурская); съ другой, *чередъ*, въ малороссійскомъ нарѣчіи и провинціальномъ великорусскомъ, также какъ древнее *чреда*, означаетъ стадо, *чередить*—наблюдать, имѣть уходъ за скотомъ, въ пору накормить (Владимірская губ.). Изъ сопоставленія этихъ двухъ значеній слова *чередъ* дѣлается очевиднымъ, что съ древ-

нѣйшихъ временъ въ дѣлѣ пастьбы употреблялись какія-то очереди. Быть можетъ, наши предки первоначально обходились безъ пастуховъ, и тогда пастьба стадъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ животныхъ, производилась ими по очереди, потомъ уже стали пастуховъ приглашать съ вознагражденіемъ ихъ натурой и съ распредѣленіемъ этого вознагражденія по извѣстному порядку, то-есть, по чередамъ.

Относительно платы пастуху слѣдуетъ сказать, что она по большей части различается въ разныхъ мѣстностяхъ только своимъ количествомъ, качественное же различіе замѣчается въ немногихъ мѣстностяхъ. Обыкновенно жалованье пастуху назначается денежное; только тамъ, гдѣ ведется въ полномъ смыслѣ натуральное хозяйство, какъ напримѣръ, въ Малороссіи, тамъ пастуху, какъ и другимъ рабочимъ, плата дается не одними деньгами, но и извѣстнымъ количествомъ зернового хлѣба. Только въ одной мѣстности Великороссіи изслѣдователями народнаго быта замѣченъ тотъ же обычай, именно въ Лугскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи. Въ Новороссіи кое-гдѣ сохранился еще болѣе первобытный способъ уплаты вознагражденія пастуху натурой, именно назначеніе овечьему пастуху опредѣленнаго количества овецъ. Что это явленіе не случайное, можно подтвердить существованіемъ подобнаго же обычая и у Болгаръ. Въ Болгаріи богатые крестьяне, имѣющіе по 5 или 6 тысячъ овецъ, нанимаютъ двухъ или трехъ главныхъ пастуховъ, которымъ, вмѣсто платы, опредѣляютъ извѣстное количество овецъ, напримѣръ, сто. Эти овцы, пока пастухи находятся на службѣ, считаются какъ бы хозяйскими, но барышъ и приплодъ съ нихъ идетъ тѣмъ пастухамъ. Остальные пастухи, второстепенные, получаютъ лишь денежное жалованье [1]). Остатки древняго обычая, вознаграждать пастуха натурой сохранились въ Великороссіи въ видѣ разнаго рода приплатъ или подарковъ, даваемыхъ при началѣ и концѣ найма и въ праздники пастухамъ зерновымъ хлѣбомъ, масломъ и т. п.

Относительно содержанія пастуха почти повсемѣстно удержался древній обычай давать его натурой, по извѣстной очереди, также какъ относительно помѣщенія и одежды; только въ боль-

---

[1]) Pravni obicaji u Slovena. Zagreb, 1867, стр. 187.

шихъ промышленныхъ селахъ и въ городахъ онъ утратился. Въ торговыхъ селеніяхъ общества нанимаютъ пастуху помѣщеніе со столомъ и бѣльемъ, а въ городахъ просто прибавляютъ плату пастуху. Въ степныхъ губерніяхъ очередное прокормленіе пастуха нерѣдко замѣняется выдачею разнаго рода провизіи въ опредѣленномъ количествѣ. Какъ мѣстный обычай, относящійся до прокормленія пастуха, слѣдуетъ отмѣтить обычай, извѣстный въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ, пользоваться молокомъ овецъ или козъ. Пастухъ можетъ употреблять въ пищу молоко этихъ животныхъ не иначе какъ по условію съ крестьянами, и притомъ право его доить овецъ въ извѣстной степени ограничено. Можно полагать, что упомянутый обычай въ древности былъ распространенъ по всей Россіи. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключать изъ того, что о немъ упоминается въ Уставѣ о земскихъ дѣлахъ, приписываемомъ Ярославу I [1]). Одною изъ статей Устава воспрещается нанятому пастуху доить коровъ или овецъ тайно отъ хозяина и продавать на сторону молоко. Значитъ съ согласія хозяина и притомъ для собственнаго употребленія пастухъ могъ пользоваться молокомъ. Вотъ текстъ упомянутой статьи: „Аще обрящется пастырь нанятый, и доя коровъ или овецъ въ той (слѣдуетъ читать: втай, то-есть, тайно) осподаря своего и продая, біенъ будетъ и найма своего лишенъ будетъ“. Какому наказанію подвергается въ настоящее время пастухъ, который доитъ коровъ или овецъ безъ вѣдома хозяевъ и продаетъ молоко, намъ не извѣстно.

Раскладка и сборъ пастушной платы производится двумя способами. Число череловъ и головъ скота отмѣчаетъ или самъ пастухъ, или особый выборный сборщикъ; точно также и плату собираетъ пастухъ или сборщикъ. Въ первомъ случаѣ пастуху приходится имѣть дѣло съ каждымъ домохозяиномъ и лично вѣдаться съ нимъ въ

---

[1]) Почтенный авторъ ошибочно полагаетъ, что уставъ этотъ, напечатанный въ I-мъ томѣ Указателя Россійскихъ Законовъ, *Максимовича* (М. 1803), былъ выраженіемъ дѣйствовавшаго въ древней Руси народнаго обычнаго права; этотъ уставъ, невѣрно приписываемый Ярославу I, не самостоятельный законодательный памятникъ, а лишь извлеченіе изъ грекоримскихъ leges colonariae. Притомъ, судя по языку, извлеченіе это сдѣлано не при Ярославѣ, а гораздо позднѣе. См. П. Собр. Соч. *К. А. Неволина*, II, 464. *Прим. ред.*

случаѣ не уплаты пастушнаго. Во второмъ случаѣ онъ входитъ въ сношенія лишь со сборщикомъ, какъ представителемъ общества.

Раскладка пастушной платы по числу чередовъ и головъ скота въ иныхъ мѣстахъ производится только одинъ разъ, передъ выгономъ стадъ на пастбище, въ другихъ два раза, при началѣ пастьбы и въ половинѣ ея, то-есть, въ концѣ іюня. Замѣчателенъ обычай, что всякая особь, попавшая въ мѣту, хотя и не ходила въ стадѣ, подлежитъ оплатѣ пастушнаго. Этотъ обычай косвеннымъ образомъ побуждаетъ крестьянъ заботиться о составленіи общихъ мірскихъ стадъ и удерживаетъ ихъ отъ образованія такъ называемыхъ особняковъ, хотя прямаго запрещенія заводить особняки вовсе не существуетъ. Нѣчто подобное было и въ Германіи въ эпоху господства обычнаго права. Памятники стариннаго германскаго обычнаго права указываютъ на то, что общественный наемъ пастуха былъ не только въ употребленіи, но даже обязателенъ въ видахъ охраненія пастбищъ отъ неравномѣрнаго и неумѣреннаго пользованія; отдѣльные хозяева не имѣли права держать своихъ пастуховъ, но должны были отдавать свой скотъ въ общественное стадо подъ надзоръ общаго пастуха [1]).

Относительно періодовъ взноса платы пастухамъ нѣтъ общихъ правилъ; въ разныхъ мѣстахъ на этотъ счетъ свои обыкновенія: плату отдаютъ или всю цѣликомъ при выгонѣ скота, или среди лѣта, или же въ концѣ пастьбы, или по частямъ въ два и три срока. Въ случаѣ же неуплаты пастухъ обращается къ сельскому старостѣ, сельскому сходу или къ волостному суду, которые и взыскиваютъ съ неплательщиковъ. Достойно вниманія то обстоятельство, что какъ общество, такъ и пастухъ, имѣютъ право самовольнаго задержанія чужаго имущества (послѣдній задерживаетъ скотъ) до взноса платы. Впрочемъ это не самостоятельный обычай, то-есть, не такой, который примѣнялся бы лишь въ дѣлѣ пастьбы; это есть лишь частное примѣненіе общаго права задержанія имущества должника, какъ обычной между крестьянами мѣры обезпеченія долга и понужденія къ платежу.

Обязанности пастуха въ Архангельской губерніи состоятъ въ

---

[1]) *Журн. Гражд. и Уголовн. Права* 1875 г., кн. 4; Народн. судъ и право, *Оршанскаго*, стр. 202.

слѣдующемъ: Пастухъ долженъ обходить по утрамъ всѣ улицы въ деревнѣ и дѣлать пастушьимъ рогомъ или берестянною трубою кличь о выпускѣ скота со двора; въ иныхъ селахъ хозяйки выпускаютъ скотъ просто по крику пастуха подъ окнами дома. Не тратя времени на ожиданіе запоздавшихъ коровъ, тотчасъ какъ скотъ всей деревни сберется въ извѣстномъ мѣстѣ, пастухъ долженъ проводить стадо на лугъ или въ лѣсъ, отгоняя его весною попозже, нежели лѣтомъ, чтобы весной скотина съ ранняго утра не прозябла отъ холода, а лѣтомъ пораньше, чтобъ успѣла наѣсться сочной травы до наступленія дневнаго жара и появленія оводовъ. Пастухъ также обязанъ: находиться при скотинѣ безотлучно весь день, не обращаться со скотомъ жестоко, не морить его на одномъ мѣстѣ, а переводить его съ одного пункта на другой (эти пункты указываются хозяевами при началѣ пастьбы), наблюдать, чтобы скотъ не разобрелся по сторонамъ, чтобы не уходилъ въ лѣсъ, если долженъ пастись въ лугахъ, чтобы не завязъ въ тинѣ и не объѣдался вредными растеніями, чтобы не утонулъ, напримѣръ, стараясь напиться съ приглубыхъ береговъ озера или рѣки, и чтобы вообще не изувѣчилъ себя какимъ-либо образомъ. Кромѣ того, онъ долженъ обращать скотъ въ обратный путь не спѣша, а соображая время, когда должно прійдти къ водопою, въ извѣстное время пригонять скотъ въ деревню къ самымъ воротамъ хозяевъ, при наступленіи большой грозы стараться возвратиться со скотомъ домой.

Большая часть перечисленныхъ обязанностей естественнымъ образомъ сопряжена съ занятіемъ пастуха, такъ что даже не входитъ въ число условій договора о наймѣ; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ обязательную силу, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи. Впрочемъ, въ иныхъ мѣстностяхъ нельзя не замѣтить въ этомъ отношеніи значительныхъ измѣненій въ обычаяхъ. Такъ напримѣръ, въ с. Сопелкахъ, Ярославской губерніи, пастухъ обязанъ дожидаться съ остальнымъ скотомъ, чтобы всѣ хозяева выгнали къ нему скотъ. Вечеромъ скотъ встрѣчаютъ сами хозяева. Въ Даниловскомъ уѣздѣ пастухъ всегда дожидается въ деревнѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ хозяева не сгонятъ со двора своей скотины; онъ обыкновенно живетъ въ томъ концѣ деревни, откуда ему не приходится выгонять скотъ въ поле. По дорогѣ съ этого конца

на другой конецъ деревни онъ собираетъ все стадо. Обыкновенно сами хозяйки стараются во время доить и не задержать пастуха, а если бы чья скотина прогнаннаго уже стада осталась сзади, то хозяева доставляютъ опоздавшую скотину къ пастуху сами. Вечеромъ пастухъ обязанъ только пригнать все стадо въ цѣлости въ деревню; здѣсь же сами хозяева, каждый въ отдѣльности, загоняютъ свою скотину по своимъ дворамъ. Пастухъ, конечно, пособляетъ кому приведется изъ деревенскихъ. День его кончился благополучно, если скотина каждаго на дворѣ, и никто жалобъ не произноситъ. Вечеромъ каждый изъ хозяевъ повѣряетъ число головъ своего скота. Въ случаѣ недостачи немедленно заявляютъ пастуху о пропажѣ, и тогда пастухъ обязанъ или отправляться отыскивать отставшую отъ стада скотину (обыкновенно не дожидаясь хозяина, пастухъ самъ заявляетъ, что такая-то скотина отстала, и что ее надо идти поискать народомъ), или объявить причину пропажи.

Въ с. Краковѣ, Самарскаго уѣзда, никакихъ сроковъ для поджиданія скота, выгоняемаго утромъ со дворовъ, нѣтъ; пастухъ поджидаетъ только тотъ скотъ, который движется уже по улицѣ. Запоздалый на дворѣ скотъ обязанъ проводить въ стадо хозяинъ. Пастухъ не имѣетъ права задерживать согнанный на площади скотъ для поджиданія того скота, котораго хозяинъ не выгналъ со двора вмѣстѣ съ другими; пригонъ скота на площадь составляетъ обязанность хозяина. Пастухъ не обязанъ собирать скотъ по улицамъ. Вечеромъ пастухъ обязанъ догнать скотъ до села, а встрѣча скота на обязанности хозяина. Сколько бы не оставалось на улицѣ пригнаннаго скота, пастуху до этого никакого нѣтъ дѣла. Въ случаѣ пропажи скотины, хозяинъ долженъ доказать, что она пропала изъ стада. Когда дѣло сомнительно, то-есть, нельзя узнать—пропала ли скотина изъ стада, или послѣ вечерняго пригона, когда призрѣніе скотины всецѣло лежитъ на обязанности хозяина, то грѣхъ у хозяина съ пастухомъ пополамъ; то же подтверждается и рѣшеніями волостныхъ судовъ.

Въ одномъ случаѣ пастухи, по показанію истца, не пригнали коровы вечеромъ съ поля, а на другой день она пришла сама домой, поврежденная звѣремъ. Отвѣтчики объяснили, что они корову пригнали съ поля вмѣстѣ съ прочими коровами, но въ оправ-

даніе свое никакихъ доказательствъ не представили. Вслѣдствіе того судъ рѣшилъ: за оставленіе въ полѣ коровы, стоющей 20 р., взыскать съ обоихъ пастуховъ 10 р., такъ какъ истецъ продалъ корову за 10 р. [1]).—Въ другомъ случаѣ относительно съѣденной волкомъ коровы пастухъ оправдывался, „что корову, какъ съѣли ее звѣри, къ нему въ стадо хозяинъ не гонялъ“ (то-есть, она была съѣдена звѣрями не въ то время, когда хозяинъ гонялъ ее въ стадо), и судъ взыскалъ половину стоимости коровы.—Въ третьемъ случаѣ судъ рѣшилъ дѣло иначе, но тутъ были сторонніе мотивы. Пастухъ обвинялся хозяиномъ въ тратѣ свиней; но обвиняемый отозвался, что свиньи въ цѣлости были пригнаны въ село на закатѣ солнца, а куда онѣ пропали изъ села или изъ его двора, не знаетъ. Судомъ въ искѣ хозяину отказано, на томъ основаніи, что, по удостовѣренію старосты, пастухъ за пропавшихъ свиней отвѣчать не обязывался и самъ истецъ въ продажѣ или убійствѣ оныхъ на него подозрѣнія не имѣетъ, а кромѣ того пастухъ во все время производства пастбища скота никогда не загоняетъ на дворъ каждому домохозяину, а самъ домохозяинъ долженъ встрѣчать свой скотъ и загонять на дворъ [2]).

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ не всѣ животныя пригоняются на ночь въ село для загона по дворамъ, а нѣкоторыя изъ нихъ, обыкновенно лошади, загоняются въ сдѣланную на полѣ общественную загородку, называемую *варомъ* (Рязанск. г.), *калдой* (Самарск. г.) и *пригономъ* (Тамб. и Иркутск. гг.). По большей части такія загородки устраиваются въ случаяхъ отдаленности пастбищъ отъ дворовъ. Но иногда варушки загораживаются не въ полѣ, а близъ села, для мелкаго скота, именно для овецъ (Новопавловка, Николаевск. у. Самарск. г.). Калды и варушки устраиваетъ или само общество, или пастухъ изъ даннаго ему матеріала. Въ с. Новопавловкѣ хозяева приносятъ по доскѣ или по двѣ и загородятъ варушку. Въ с. Краковѣ загородь для отгоннаго стада дѣлаетъ самъ пастухъ. Матеріалы для загороди (колья, жерди и мочала) онъ собираетъ съ домохозяевъ. Даютъ эти матеріалы „повольно“, и пока еще не встрѣчалось нужды установлять для этого какой-либо порядокъ. Въ случаѣ

---

[1]) Тр. к. о вол. суд., I, 150, 374: Тамбовск. губ., Шацк. и Козловск. уу.

[2]) Тамъ же, I, 89: Тамбовск. губ., Моршанск. у.

же необходимости въ этомъ, матеріалы для загороди должны расчислиться „позвенно“, по чередамъ скота.

Калда, или стойло, должно быть сдѣлана прочно, чтобы скотина ночью не прошла изъ нея и не сдѣлала потравы [1]). Если калда устраивается обществомъ, то пастухи, въ случаѣ ночнаго ухода скота изъ нея и пропажи его или сдѣланной имъ потравы, не признавая себя виновными, оправдываются передъ волостнымъ судомъ тѣмъ, что „стойло было ветхое отъ неустройства его обществомъ“, или была „плохая городьба калды“ [2]).

Въ Архангельской губерніи отвѣтственность пастуха за утрату скота принимаетъ преимущественно характеръ нравственный, а не юридическій. Объ изъятіи себя отъ матеріальной отвѣтственности пастухъ уговаривается съ деревней при самомъ наймѣ. Въ с. Лямицѣ, Онежскаго уѣзда, пастухъ за скотину вовсе не отвѣчаетъ. Въ Пингишахъ, Холмогорскаго уѣзда, пастухъ не отвѣтственъ даже и въ такомъ случаѣ, если бы скотина утонула отъ его неосторожности при переправѣ черезъ рѣку. Въ Товрѣ также съ пастуха не взыскиваютъ за пропажу скота, относя ее къ волѣ Божьей; если пастухъ найдетъ кости утраченной скотины—хорошо, но это не непремѣнно обязательно, какъ въ другихъ мѣстностяхъ. Въ Быстрокурьи въ случаѣ, если пастухъ не пригонитъ домой чьей-либо скотины, то тотчасъ обращается въ лугъ и отыскиваетъ. Если что случится со скотиной, пастухъ немедленно долженъ объявить о случившемся. За непригонку дѣлаются ему выговоры, какъ лѣнивому и безпечному, а иногда посѣкутъ и розгами. Но какъ самые бѣдные люди, притомъ ребята или старики, пастухи не отвѣчаютъ имущественно ни за потерю скота, ни за увѣчье, ни за потраву. Въ Зимней Золотицѣ, Архангельскаго уѣзда, пастухъ не отвѣчаетъ за скотину, съѣденную медвѣдемъ, или за потраву, только развѣ хозяинъ побранитъ пастуха и не отдастъ ему денегъ за пастьбу. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ, если какая скотина останется въ лѣсу, то пастухъ обязанъ найдти ее же того дня, а въ случаѣ, если съѣстъ звѣрь, отыскать и показать хозяину кости ея,—въ противномъ случаѣ уплатить ему половину стоимости пропавшаго животнаго. Въ

---

[1]) Тр. к. о вол. суд., VI, 67: Самарск. у.

[2]) Тамъ же, VI, 113: Самарск. г., Бузул. у.

другихъ же мѣстахъ этого уѣзда, пастухъ вовсе не отвѣтственъ за пропажу: „такъ какъ пастухъ, кромѣ платы, получаетъ пищу подворно, то поэтому до всѣхъ коровъ, кромѣ очереднаго хозяина. ему нѣтъ дѣла; но если онъ не пригонитъ всѣхъ коровъ очереднаго, то не получаетъ ужина“ [1]). Въ Пинежскомъ уѣздѣ пастухъ ни въ какомъ случаѣ не отвѣтственъ за смерть скотины, послѣдовавшую при переправѣ черезъ рѣку или отъ медвѣдя; въ этомъ случаѣ его обязанность только доказать несомнѣнность пропажи. Въ другихъ случаяхъ онъ отвѣчаетъ за увѣчье скотины, побѣгъ ея внѣ пастьбы и заболѣваніе скота по его винѣ. Впрочемъ, на дѣлѣ бываетъ чаще такъ, что если скотина завязнетъ въ топкомъ мѣстѣ, и пастухъ самъ вытащить ее не въ силахъ, то онъ обязанъ немедленно дать знать въ деревню о высылкѣ помочи. За изувѣченіе скотины неосторожнымъ съ нею обращеніемъ, напримѣръ, сильными побоями, пастухъ лишь теряетъ плату за нее. При пропажѣ скота, пастухъ непремѣнно долженъ розыскать ее и представить, если скотина цѣла—живою, а если растерзана звѣремъ—ея кости, хотя бы на отысканіе и требовалась недѣля и болѣе того времени. Если насомый скотъ сдѣлаетъ, по недосмотру пастуха, потраву полей и луговъ, и обиженные не найдутъ, на складкѣ деревенцевъ, полнаго себѣ удовлетворенія, то общество просто прогоняетъ отъ себя пастуха. Такимъ образомъ выходитъ, что скотъ въ большинствѣ случаевъ ввѣряется пастухамъ на одну ихъ совѣсть; поэтому домохозяева преимущественно стараются ублажить пастуха хорошимъ продовольствіемъ и одѣлить его въ праздникъ вкусными колобами и сдобными шаньгами.

Дѣйствительно, въ Архангельской губерніи пастухи менѣе отвѣчаютъ за утрату скота и прочее, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ. Пересмотрѣвъ рѣшенія волостныхъ судовъ этой губерніи за нѣсколько лѣтъ, я не встрѣтилъ ни одного дѣла объ отвѣтственности пастуха за истребленіе скота звѣрями, утонутіе скота въ топяхъ и всякую другую пропажу, а нашелъ лишь одно рѣшеніе объ отвѣтственности пастуха за недосмотръ скотины, которая была кѣмъ-то искалѣчена, и три дѣла объ отвѣтственности пастуха за потраву.

---

[1]) *Сельск. хоз. и лѣсов. Жур. М. Г. И.* 1865 г., № 9: Охота за медвѣдями въ Шенкурскомъ уѣздѣ, *Воропая*.

Правда, дѣлъ о потравахъ вообще велось въ волостныхъ судахъ немало, но по всѣмъ имъ отвѣтственность за потраву возлагается или на хозяевъ плохихъ огородей, чрезъ которыя прошелъ скотъ на поля и луга, или, если изгороди крѣпкія, на хозяевъ скота, но ни какъ не на пастуховъ.

Причины малой отвѣтственности пастуховъ въ Архангельской губерніи можно полагать слѣдующія: первая—та, что тамъ, при господствѣ лѣсовъ и болотъ, для пастуховъ часто становится полною невозможностію избѣжать несчастій со скотомъ; вторая—та, что пастухи тамъ, по большей части, люди самые бѣдные, иногда малолѣтніе или дряхлые старики, съ которыхъ взыскивать нечего; третья: очень вѣроятно, что на понятіи народа о малой отвѣтственности пастуха, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и полной невмѣняемости его, отразились суевѣрныя воззрѣнія сѣверныхъ крестьянъ на отношенія пастуха къ лѣсному божеству; утративъ нечаянно или умышленно изведя скотину, пастухъ могъ объяснять пропажу ея жертвоприношеніемъ лѣшему, для умилостивленія этого бога, какъ главнаго покровителя и пастыря стадъ; четвертая причина—та, что поля и луга охраняются изгородями. Объ этомъ подробнѣе будетъ объяснено ниже.

Приводимъ упомянутое выше рѣшеніе волостнаго суда Шенкурскаго уѣзда объ отвѣтственности пастуха за недосмотръ скотины, которая была искалѣчена:

„1864 года сентября 20-го дня Устьважскій волостной судъ слушали просьбу крестьянской вдовы Ростовскаго общества Соломониды Туфановой, слѣдующаго содержанія: Въ 26-е число прошедшаго августа, спустя она за пастуха свою корову въ лугъ на подножный кормъ, извѣстилась вечеромъ отъ своего пастуха, что корова ея лежитъ обсѣченною у остожья, принадлежащаго Клоновскому священнику, а у означеннаго остожья въ тотъ же самый день работали нанятые отъ священника Конецгорскіе крестьяне Оспинъ и Матвѣй Поповы съ дѣтьми своими, и причинено убытка въ посѣченіи коровы 10 рублей. Вслѣдствіе чего волостной судъ вызвавъ сего числа для разбирательства просителницу и отвѣтчиковъ пастуха Мезенцева и Поповыхъ и приглашалъ ихъ, на основаніи 107 ст. Общаго Положенія, на мировую сдѣлку, которые сошлись на слѣдующее: принять убытки на три части вмѣстѣ

съ просительницей. Крестьянинъ Степанъ Мезенцевъ, какъ пасшій коровъ и не усмотрѣвшій—кто обсѣкъ корову, обязался заплатить нынѣ же въ пользу просительницы третью часть, 3 руб. 33½ коп.; крестьяне Осипъ и Матвѣй Поповы, работавшіе въ тотъ самый день въ остожьѣ, у котораго обрѣзана корова, обязались уплатить просительницѣ на 1-е число ноября сего года тоже третью часть, 3 р. 33½ к., а остальной убытокъ противу заявки, 3 р. 33 к., просительница Туфанова приняла на себя, какъ никого въ обсѣкѣ коровы не обличившая, и на все это, по добровольному своему согласію, осталась довольною. Волостной судъ опредѣлилъ настоящее дѣло, по согласію ихъ, считать рѣшеннымъ".

Въ другихъ губерніяхъ пастухи болѣе отвѣтственны, нежели въ Архангельской. Тамъ, гдѣ заведенъ ночной караулъ рабочаго скота по очереди самихъ хозяевъ, ежели во время ночпины пропадетъ лошадь или будетъ потрава, то отвѣчаетъ тотъ, кто былъ въ ночнинѣ. По утру караульщики обязаны сдавать пастуху лошадей съ рукъ на руки. Если лошадь не сдана такимъ порядкомъ пастуху послѣ почной пастьбы, то пастухъ не отвѣчаетъ, если таковая потеряется въ тотъ же день изъ стада. Тамъ, гдѣ скотъ пасутъ не очередные караульщики, а пастухи, отвѣтственность падаетъ на нихъ. Впрочемъ, степень отвѣтственности видоизмѣняется, смотря по роду утраты. Въ иныхъ случаяхъ они вовсе не вознаграждаютъ нанимателей.

Если волкъ зарѣжетъ скотину, то пастухъ за это не отвѣчаетъ, но на обязанности пастуха лежитъ своевременно дать знать о случившемся, то-есть, заявить хозяину скота о пропажѣ въ тотъ же день; сверхъ того, онъ долженъ отыскать и показать трупъ или кости скотины. Въ противномъ случаѣ, хотя бы дѣйствительно волкъ похитилъ скотину, пастуха считаютъ виноватымъ и при разчетѣ его, осенью, хозяинъ можетъ удержать всю плату, какая слѣдуетъ съ него пастуху за всю пастьбу. Такъ по крайней мѣрѣ дѣлается въ Даниловскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи. Волостные суды различныхъ губерній въ этомъ случаѣ разрѣшаютъ иски хозяевъ различно.

Пастухъ не отвѣчаетъ, если только докажетъ фактически, что скотина зарѣзана волкомъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, когда хозяинъ удержалъ изъ жалованья пастуха 2 р. 50 к. за потерянпаго ба-

рана, судъ призналъ его неправымъ въ самовольномъ удержаніи за пастьбу денегъ, такъ какъ пастухъ и его товарищъ доказали, что тотъ самый баранъ, за котораго удержаны деньги, былъ верченый, въ стадо ходить не могъ, почему и оставленъ на пастьбищѣ, а впослѣдствіи оказался съѣденнымъ волками, и пастухъ, въ доказательство смерти барана, отрѣзалъ у него уши и представилъ хозяину [1]).

При непредставленіи обычныхъ доказательствъ, пастухъ подвергается денежному или имущественному взысканію въ различной степени. Хозяинъ пропавшей овцы удержалъ изъ жалованья пастуха 1 р. 40 к. По жалобѣ пастуха, судъ постановилъ взыскать 1 р. собственно за то, что пастухъ о пропажѣ овцы никому не заявилъ: „если бы похитилъ волкъ, то долженъ бы заявить старостѣ“ [2]). Изъ стада, пасомаго двумя пастухами, пропалъ баранъ, о которомъ хотя пастухи показали, что онъ съѣденъ волкомъ, но въ доказательство ничего не представили. Судъ взыскалъ въ пользу истца съ каждаго изъ пастуховъ по одной молодой овцѣ [3]).

Но иногда и не доказавъ пропажи овцы отъ волковъ, пастухъ освобождается отъ вознагражденія хозяина. Это именно тогда, когда отвѣтственность не была обусловлена при самомъ договорѣ, подобные случаи относятся, кажется, исключительно къ пропажѣ овецъ. Пастухъ не заявилъ никому о съѣденной волкомъ овцѣ и освобожденъ судомъ отъ отвѣтственности, „потому что онъ не усматривался отвѣчать за каждую пропавшую овцу“ [4]).

Въ случаѣ обнаруженнаго недосмотра пастуха, неисполненія имъ своихъ обязанностей, отлучки отъ стада, на пастуха возлагается отвѣтственность по мѣрѣ его вины. Въ одномъ случаѣ волкъ на подножномъ кормѣ съѣлъ овцу. Судъ призналъ пастуха виновнымъ въ недосмотрѣ и позволилъ хозяину удержать изъ жалованья его 75 к., а не 2 р., какъ желалъ хозяинъ Въ другомъ [5]). —случаѣ, по словамъ истца, пастухъ не принялъ его коровы въ стадо, а оставилъ ее ночевать на чужомъ дворѣ, откуда она ушла

---

[1]) Тр. комм. о вол. судахъ, VI, 70: Самарск. у.
[2]) Тамъ же, II, 311: Моск. губ., Можайск. у.
[3]) Тр. в. к., I, 356: Тамб. губ., Козл. у.
[4]) Тамъ же, II, 312: Моск. губ., Можайск. у.
[5]) Тамъ же, II, 305: Моск. губ., Можайск. у.

и съѣдена волками; поэтому просилъ взыскать 20 р. По словамъ же пастуха, корова пала по болѣзни, а потомъ уже была съѣдена волками. Вслѣдствіе такого разнорѣчія судъ предложилъ прекратить дѣло миролюбиво, и истецъ согласился взять съ отвѣтчика лишь три рубля, но послѣдній на это согласія не изъявилъ. Тогда судъ, „видя оправданіе отвѣтчика не заслуживающимъ никакого уваженія, такъ какъ о падежѣ коровы въ свое время онъ просителю не заявилъ, то трудно заключить, что корова та пала по своей болѣзни", опредѣлилъ взыскиваемый просителемъ убытокъ 3 руб., такъ какъ оный ищетъ совершенно человѣколюбиво, взыскать съ отвѣтчика " [1]). Двѣ коровы были загрызены волками въ то время, когда пастухъ, отлучившись отъ стада, оставилъ стадо подъ присмотромъ женщины. Пастухъ объяснялъ, что онъ брался у общества пасти скотъ съ тѣмъ только, чтобы въ отсутствіе его пасла и женщина; но свидѣтели не подтвердили этого условія. Взыскано съ пастуха за отлучку, — въ которое время случилось похищеніе коровы,—8 руб. [2]).

Обычай не подвергать отвѣтственности пастуха предъ хозяиномъ въ случаѣ, если скотина будетъ зарѣзана волкомъ, идетъ отъ отдаленной древности. Онъ встрѣчается уже въ Уставѣ о земскихъ дѣлахъ, приписываемомъ Ярославу [3]). На пастухѣ однако въ то время, какъ и теперь, лежала обязанность доказать фактъ съѣденія волкомъ скотины. Въ доказательство этого онъ долженъ былъ показать хозяину трупъ или кости съѣденнаго животнаго, для чего, конечно, нужно было предварительно заявить хозяину объ потерѣ скотины: „Аще пастырь чредный по обычаю вола прiиметъ въ чреду, и прiложитъ его къ чредѣ, и прилучится волкови его съѣсти, да покажетъ стерво пастырь осподареви его, и не повиненъ будетъ". Въ случаѣ непредставленія требуемаго доказательства, пастухъ отвѣтствовалъ отдачей хозяину собственной скотины. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключать изъ послѣдующихъ статей, которые будутъ приведены ниже.

---

[1]) Тамъ же, VI, 152: Самарск. г., Бузул. уѣзда.

[2]) Тамъ же, II, 309: Моск. г., Можайск. у.

[3]) Въ примѣчаніи на стр. 107 ужь указано, въ какой мѣрѣ основательно мнѣніе о принадлежности устава о земскихъ дѣлахъ ко времени Ярослава I. *Прим. ред.*

Въ с. Новопавловкѣ, Николаевскаго уѣзда Самарской губерніи. пастухъ не отвѣчаетъ передъ хозяиномъ въ случаѣ, если скотина падетъ отъ болѣзни, только бы своевременно далъ знать о случившемся. Въ случаѣ паденія скотины отъ болѣзни, пастухъ обязанъ снять съ нея кожу и представить хозяину, а если ему нѣкогда это сдѣлать, то заявить хозяину, который уже самъ сниметъ ее. При нуждѣ, когда пастуху почему-либо не удастся снять кожи, въ особенности съ мелкаго скота, онъ обрѣзываетъ уши, на которыхъ обыкновенно находятся мѣтки, и представляетъ хозяину. За непринятіе указанныхъ мѣръ пастухъ платитъ половину стоимости животнаго. Въ с. Краковѣ, Самарскаго уѣзда, пастухъ не отвѣчаетъ за павшую отъ болѣзни скотину, если принесетъ уши хозяину или если въ тотъ же вечеръ скажетъ хозяину о смерти скотины и укажетъ мѣсто, гдѣ лежитъ трупъ. По словамъ г. Якушкина, ежели скотина падетъ (издохнетъ отъ болѣзни) не по винѣ пастуха, онъ за нея не отвѣчаетъ, разумѣется, если заявитъ въ тотъ же день хозяину и отыщетъ трупъ или кости. Ежели же скотина падетъ отъ недосмотра пастуха, хотя безъ всякаго злаго умысла съ его стороны, или онъ вообще не можетъ доказать, что невиновенъ въ ея смерти, то платитъ половину цѣны павшей скотины. Нижеслѣдующія же рѣшенія волостныхъ судовъ показываютъ, что размѣры денежнаго взысканія съ пастуха въ этомъ случаѣ бываютъ больше или меньше, смотря по винѣ пастуха.

Пастухъ не пригналъ съ поля коровы, а сказалъ хозяйкѣ ея, что корова пала, а потомъ объяснилъ, что ее зарѣзалъ волкъ, и она лежитъ въ полѣ, а когда хозяйка требовала отъ него, чтобъ онъ указалъ мѣсто, гдѣ лежитъ корова, то онъ отъ этого отказался. Пастухъ же объяснилъ, что корова осталась на мѣстѣ пастьбы въ лѣсу, потому что она не въ состояніи была идти съ прочими коровами, по болѣзненному состоянію или по чему другому, а когда онъ нашелъ ее уже палою, то на слѣдующій же третій день утромъ сказалъ объ этомъ мужу хозяйки коровы. Судъ, не вмѣняя потери коровы въ умышленный поступокъ и не освобождая его отъ отвѣтственности за несвоевременное объявленіе о ней хозяину, приговорилъ взыскать, по требованію хозяина, 5 руб. вмѣсто первоначально просимыхъ имъ 20 руб. [1]).—О пропавшей телушкѣ, на-

[1]) Тамъ же, I, 401: Тамб. губ., Борисогл. у.

стухи заявили на судѣ, что она пала о время ненастной погоды и представили отъ нея уши: лѣвое ухо сверху косой срѣзъ. По первоначальному показанію истицы старшинѣ, дѣйствительно мѣта на ея телушкѣ была такая. Но когда она увидѣла предъявленныя ей уши, то объяснила, что ея мѣта—на лѣвомъ ухѣ срѣзъ косой снизу, и утверждала, что такая же мѣта на ея коровѣ. По свидѣтельству же ея коровы черезъ старосту, у коровы ея мѣта оказалась: лѣвое ухо сверху и снизу по косому нарѣзу. „Это дѣло рѣшено по обычаю: грѣхъ пополамъ [1]. —Крестьянинъ заявилъ суду, что лошадь его, стоющая ему 50 руб., пропала изъ табуна и послѣ розысковъ, сдѣланныхъ имъ, не нашлась. Пастухъ, при разбирательствѣ дѣла объяснилъ, что лошадь пала, шкуру же съ нея работники его, то-есть, подпаски, продали безъ его вѣдома, крестьянину занимающемуся закупкою шкурья, отрѣзавъ отъ нея уши; на другой день онъ привезъ тѣ уши сельскому старостѣ и просилъ, чтобы тотъ взялъ шкуру отъ покупщика подъ сохраненіе впредь до отысканія ей хозяина (чего староста не исполнилъ); хозяевъ этой шкуры не отыскалось, слѣдовательно, онъ вполнѣ убѣжденъ, что шкура должна быть съ лошади истца, но ту или подмѣненную доставилъ покупщикъ на судъ, онъ не ручается. Дѣйствительность того, что представленная шкура куплена у подпасковъ, подтвердили сельскій староста и два свидѣтеля. Однако истецъ отозвался, что доставленная шкура не съ его лошади, такъ какъ его была каряя и мѣченая, а это буро-гнѣдая и безъ ушей. Судъ также нашелъ, что пастухъ не доказалъ того, что шкура дѣйствительно снята съ лошади, принадлежащей истцу и не отысканной имъ, а истецъ не представилъ доказательствъ дѣйствительной стоимости лошади, поэтому приговорилъ пастуха къ уплатѣ 30 руб. [2]).

Въ случаѣ, если скотина утонетъ въ трясинѣ, пастухъ, въ с. Новопавловкѣ, за это не отвѣчаетъ, при условіи своевременнаго заявленія. Также и въ Даниловскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи. Но въ послѣдней мѣстности пастухъ отвѣчаетъ половиной стоимости, если скотина свалится въ оврагъ и издохнетъ. Но сло-

---

[1]) Тамъ же, I, 426: Тамбовск. г., Борисогл. у.

[2]) Тамъ же, IV, 105: Самарск. губ., Бузул. у.

вамъ священника с. Кракова, если какая-либо скотина будетъ до смерти замята въ тину при водопоѣ, то грѣхъ пополамъ между пастухомъ и хозяиномъ, потому что въ этихъ случаяхъ трудно порѣшить виноватъ онъ или нѣтъ въ гибели скотины. Но если хозяинъ докажетъ, что замятую скотину въ тинѣ пастухъ оставилъ живою, и она издохла уже по отгонѣ стада отъ водопоя, то пастухъ долженъ заплатить цѣну всей скотины, потому что по выпутіи она могла остаться живою и „не было бы грѣха“. Что касается до взысканія по суду, то отвѣтственность или безотвѣтственность пастуха обусловливается, вопервыхъ, договоромъ, заключеннымъ имъ съ обществомъ, вовторыхъ, степенью вины пастуха въ гибели скотины, и втретьихъ, степенью убѣдительности его доказательствъ.

Хозяинъ утопувшей коровы просилъ взыскать съ пастуха стоимость ея, 25 руб., такъ какъ корова утонула въ рѣкѣ по недосмотру пастуха. При допросѣ отвѣтчикъ оправдывался, что въ тотъ день, когда утонула корова, его не было при пастьбѣ, а вмѣсто его находились два человѣка подпасковъ, и корова утонула не отъ него собственно, а одна другую столкнула въ воду, а какъ берега довольно круты, поэтому корова и не могла вылезти; при этомъ онъ добавилъ, что условіемъ онъ не обязывался за подобную убыль скота платить. Поэтому иску съ пастуха ничего не взыскано, на томъ основаніи, что въ письменномъ договорѣ общества съ пастухомъ „о томъ не ничего не упомянуто, что если по какому бы то ни было случаю произойдетъ убыль скота изъ табуна платить по стоимости“, а также изъ дѣла выяснилось, „что корова утонула отъ независимыхъ отъ пастуха причинъ“ [1]). — Утонула въ болотѣ корова, за которую хозяинъ просилъ взыскать съ пастуха 35 руб. Но пастухъ „признанъ въ отношеніи охраненія коровы правъ“, потому что онъ увидалъ во время обѣда утопувшую корову въ болотѣ, и приступивъ къ освобожденію ея, сталъ ее тащить, но не могъ вытащить, почему и позвалъ живущихъ не подалеку отъ того мѣста крестьянъ, которые также подтвердили, что они вытащили на закатѣ солнца корову еще живою, но не могущею идти до двора, и приговоръ общества съ пастухомъ былъ такого рода: „Если про-

---

[1]) Тамъ же, VI, 227: Самарск. губ., Бугурусл. уѣздъ.

падетъ скотина изъ табуна, то пастухъ обязанъ платить за опую по оцѣнкѣ посторонних лицъ, а если гдѣ-либо утонетъ въ водѣ или болотѣ, то онъ не обязанъ отвѣчать“ [1]).—Хозяинъ жалуется, что пастухъ, выпустивъ по утру пасомый имъ табунъ изъ стойла въ лугъ, отправился по своей надобности въ деревню; во время же его отсутствія лошадь завязла въ трясину, гдѣ и пала; поэтому хозяинъ и просилъ взыскать съ пастуха по стоимости ея 35 руб. Отвѣтчикъ на судѣ объяснилъ, что лошадь завязла въ грязь по утру, и въ обѣдъ на этотъ же день онъ заявилъ хозяину, который явился къ вечеру, въ какое время лошадь вскорѣ пала. По разборѣ дѣла найдено, что лошадь пала собственно отъ нерадѣнія пастуха, который обязанъ былъ освободить ее изъ грязи тотчасъ же, если уже не своею силою, то съ помощью своихъ сотоварищей, то-есть, другихъ пастуховъ, но онъ хозяину заявилъ къ вечеру того же дня, въ который лошадь пала, а самъ лично съ своимъ подпаскомъ вовсе не принималъ никакихъ по этому предмету мѣръ. Судъ взыскалъ половину показанной истцомъ цѣны, 17 руб. 50 коп. [2]).—За утопленную пастухами корову также взыскана половина ея стоимости, потому что истецъ въ свое время иска не объяснилъ [3]).—Хозяинъ коровы жаловался на двухъ пастуховъ своего села, что они, по неосторожности своей, загнали въ оврагъ корову, которая упала и убилась до смерти. Въ оправданіе свое отвѣтчики заявили, что самый прогонъ для скота очень тѣсенъ: съ одной стороны—оврагъ, съ другой—земля, засѣянная хлѣбомъ; поэтому въ столь тѣсномъ мѣстѣ за всею скотиной усмотрѣть нельзя; притомъ самый оврагъ долженъ быть огороженъ, а такъ какъ попеченіе въ огороженіи оврага лежитъ на обществѣ, то и отвѣчать должно общество. При всемъ томъ одинъ изъ пастуховъ объявилъ, что онъ добровольно платитъ хозяину съ своей стороны 3 р., а другой добровольно не согласился заплатить. Судъ приговорилъ обоихъ ко взносу по 3 руб. „за неосторожность и плохой присмотръ за скотомъ“, предоставивъ имъ вѣдаться съ обществомъ, какъ знаютъ [4]).

---

[1]) Тамъ же, VI, 372: Саратовскій уѣздъ.
[2]) Тамъ же, VI, 9: Самарск. у.
[3]) Тамъ же, I, 432: Тамбовск. губ., Борисогл. у.
[4]) Тамъ же, I, 99: Тамб. губ., Морш. у.

За „безвѣстную пропажу скота, то-есть, если скотина неизвѣстно куда дѣвалась изъ стада, напримѣръ, ушла или гдѣ-либо погибла, за такую процажу пастухи всегда отвѣчаютъ имущественно. Самый обыкновенный видъ такой отвѣтственности—уплата хозяину половины стоимости пропавшаго животнаго. Обычай платить половину оказывается, по нашимъ свѣдѣніямъ, въ губерніяхъ Нижегородской (Макарьевскій уѣздъ), и Ярославской (повсемѣстно), у Донскихъ казаковъ, и въ Самарской губерніи, даже въ г. Самарѣ. Волостные суды разныхъ губерній обыкновенно взыскиваютъ также половину цѣны пропавшей лошади. Но это бываетъ не всегда; иногда пастухъ приговаривается къ уплатѣ полной стоимости, хотя рѣдко, иногда—меньшей половины, а случается, что и вовсе освобождается отъ уплаты. Все зависитъ отъ присутствія въ дѣлѣ тѣхъ мотивовъ, которые приведены раньше. Священникъ с. Кракова, Самарскаго уѣзда, встрѣтилъ въ книгѣ рѣшеній волостнаго суда Тростянской волости нѣсколько дѣлъ о пропажѣ лошадей изъ табуна. Въ однихъ рѣшеніяхъ признанъ „грѣхъ пополамъ“ между истцомъ хозяиномъ и отвѣтчикомъ-пастухомъ, а въ другихъ рѣшеніяхъ истцу присуждалась вся стоимость пропавшей лошади. Мѣстные крестьяне, сообщаетъ священникъ,—мотивы такихъ рѣшеній выясняютъ такъ: въ первомъ случаѣ судьи жалѣли пастуховъ, не усматривая въ этой пропажѣ ихъ злонамѣренности, а въ послѣднемъ случаѣ предполагали эту злонамѣренность (присутствіе въ гражданскомъ дѣлѣ мотивовъ уголовнаго характера).

Въ трудахъ коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ мнѣ встрѣтилось только два примѣра полной отвѣтственности пастуховъ за потерянныхъ лошадей. Два „конные пастуха“ потеряли изъ табуна лошадь, стоющую 25 руб. Эту сумму хозяинъ лошади просилъ взыскать съ виновныхъ. Не смотря на то, что лошадь пропала въ іюлѣ мѣсяцѣ, и она не была отыскана еще въ половинѣ августа, когда разбиралось дѣло, пастухи просили отсрочки на отысканіе до 6-го декабря. Судъ согласился на это, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неотысканія взыскать съ пастуховъ 25 руб. въ пользу просителя, по равной части съ каждаго пастуха, а если лошадь отыщется спустя недѣлю послѣ 6-го декабря, то лошадь должна остаться у пастуховъ, а взысканныя деньги у истца [1]).—

[1]) Тамъ же, VI, 78: Самарск. у.

Пастухъ, у котораго неоднократно пропадали изъ стада овцы, и кромѣ того найдено въ полѣ двѣ овцы, одна неизвѣстно кѣмъ связанная и положенная, а другая зарѣзанная волкомъ, приговоренъ судомъ „за несмотрѣніе“ къ отдачѣ двухъ собственныхъ овецъ хозяину утраченныхъ [1]).

По одному рѣшенію, пастухъ, изъ-подъ присмотра котораго пропала лошадь, приговоренъ къ уплатѣ двухъ третей заявленной хозяиномъ стоимости оной, и сверхъ того, такъ какъ онъ поведенія нехорошаго и изъ-подъ его присмотра пропадаетъ много скота, наказанъ розгами [2]).

За неизвѣстно куда пропавшее изъ стада животное пастухъ отвѣтствуетъ уплатой половины его стоимости, на томъ основаніи, что, какъ подтвердили свидѣтели,—при наймѣ конюха идетъ порядокъ уговариваться, чтобы за каждую пропавшую лошадь взыскивать половинную часть“. Деньги эти удержаны изъ суммы слѣдующей съ крестьянъ пастуху за сторожку лошадей [3]).—Два пастуха были наняты обществомъ съ тѣмъ обязательствомъ, чтобы „за каждую пропавшую лошадь отвѣчать чего она стоитъ“. Однако волостной судъ приговорилъ пастуховъ лишь къ уплатѣ половины стоимости за потерянныхъ ими двухъ лошадей,—не смотря на то, что ссылка пастуховъ на то, что лошади ушли вслѣдствіе плохой городьбы калды, была признана несправедливой [4]).—Лошадь ушла во время караула ночныхъ очередныхъ сторожей (что было подтверждено свидѣтельскими показаніями), которые заявили суду, что они считаютъ себя невиновными, потому что пропажа не объявлена сторожамъ въ теченіи сутокъ. При разбирательствѣ дѣла, крестьяне всѣмъ сельскимъ сходомъ два раза подтверждали волостному суду, что мѣстный обычай у нихъ ведется такъ, что сторожа, какъ денные, такъ и ночные, за кражу не отвѣчаютъ. Не смотря на это судъ постановилъ: „Такъ какъ вообще по всей волости мѣстный обычай въ крестьянскомъ быту такой, что въ случаѣ пропажи отъ слабаго караула вознаграждать потерпѣвшаго за убытки

---

[1]) Тамъ же, I, 231: Тамб. губ., Спасск. у.
[2]) Тамъ же, VI, 42: Самарск. у.
[3]) Тамъ же, II, 173: Моск. губ., Серпух. у.
[4]) Тамъ же, VI, 113: Самарск. губ., Бузул. у.

въ половинномъ количествѣ той суммы, какая будетъ доказана по оцѣнкѣ (цѣна пропавшей лошади 40 руб.), то взыскать на удовлетвореніе истца съ очередныхъ караульщиковъ двадцать рублей, по равной части“ [1]).

Иногда за пропавшую скотину самъ истецъ, „на основаніи существующаго обычая“, проситъ взыскать съ караульщика, или удержать съ пастуха, изъ слѣдующихъ ему за пастьбу скота денегъ отъ общества, только половину цѣны животнаго [2]).

Часто виновные приговариваются къ уплатѣ убытковъ меньше половины. Сельскій сходъ приговорилъ взыскать съ двухъ очередныхъ караульщиковъ за три пропавшія лошади 30 руб. Но они этой суммы не уплатили. Поэтому истцы обратились въ судъ, который нашелъ, что караулъ общества былъ учрежденъ по очереди, но приговора, равно какъ и словеснаго договора относительно отвѣтственности за пропажу лошадей сдѣлано не было, самыя лошади по существующимъ цѣнамъ стоятъ не болѣе 35 руб., а потому опредѣлилъ: „Дабы впредь не могъ ослабѣть болѣе таковой караулъ и происходить въ оном̀ъ какое либо зло, въ примѣръ прочимъ взыскать съ находившихся въ караулѣ крестьянъ по пяти рублей съ каждаго“ [3]).—Изъ-подъ очереднаго караула пропала лошадь, стоющая 100 руб. (которая по тщательному розыску не нашлась). Судьи положили, чтобы сторожъ „за слабый и безпечный ночной караулъ уплатилъ истцу, по бѣдному своему состоянію, по крайней мѣрѣ, третью часть стоимости лошади. На это истецъ было не соглашался, но, по убѣжденію судей, уступилъ [4]).

Два пастуха были напяты обществомъ съ условіемъ, „если пропадетъ изъ стада какія-либо лошадь днемъ, то пастухамъ отвѣтствовать за нее всею суммою ея стоимости, а если ночью, то половинною частью оной. Однако судъ съ этихъ пастуховъ, потерявшихъ „по причинѣ слабаго надзора“ лошадей изъ стада, днемъ, приговорилъ взыскать вмѣсто 80 руб., какъ бы слѣдовало по договору, лишь четвертую часть, по 10 руб. съ каждаго, „по совер-

---

[1]) Тамъ же, II, 468: Моск. губ., Колом. у.
[2]) Тамъ же, VI, 557: Сарат. губ., Петровск. у.
[3]) Тамъ же, VI, 451: Сарат. губ., Аткарск. у.
[4]) Тамъ же, VI, 423: Сарат. губ., Аткарск. у.

шенной ихъ бѣдности и несостоятельности, да къ тому же и съ согласія истца [1]).

Иногда съ пастуховъ судъ вовсе не взыскиваетъ ничего. Хозяинъ лошади заявилъ въ судѣ, что пущенная имъ лошадь-меринъ, вмѣстѣ съ другими въ табунъ, пропала изъ-подъ присмотра очередныхъ караульщиковъ, о чемъ онъ имъ заявилъ уже вечеромъ, а не поутру, когда они смѣнялись и когда онъ приходилъ брать двухъ лошадей изъ табуна, хотя онъ и хватился ея поутру, по этому просилъ взыскать съ виновныхъ половину стоимости лошади. Судъ освободилъ караульщиковъ отъ отвѣтственности „по недостаточному доказательству хозяина лошади“, именно, потому что онъ не предъявилъ смѣнившимся пастухамъ о пропавшей лошади и не доказалъ сколько имъ было пущено въ табунъ лошадей [2]). Въ другомъ случаѣ очередные караульщики были освобождены отъ отвѣтственности за пропажу лошадей, такъ какъ хозяинъ не сдалъ своихъ лошадей въ руки пастухамъ, а просто, приведши къ табуну, бросилъ ихъ тамъ [3]).

Розысканіе пропавшей изъ стада скотины производится пастухомъ на собственный счетъ, либо хозяиномъ. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ расходы по розыску падаютъ на пастуха и его товарищей [4]). Судъ, впрочемъ, уменьшаетъ сумму взыскиваемую хозяиномъ за розыски, если находитъ ее слишкомъ высокою, какъ видно изъ слѣдующаго рѣшенія. Изъ-подъ присмотра коннаго пастуха и его товарища пропалъ жеребчикъ, стоющій 20 руб., поэтому хозяинъ просилъ взыскать эти деньги съ пастуховъ. Судъ, принявъ во вниманіе отзывъ пастуховъ, что упомянутый жеребчикъ палъ и что уши его хранятся у нихъ, которые могутъ служить вѣрнымъ доказательствомъ справедливаго отзыва, опредѣлилъ взыскать съ пастуховъ въ пользу истца только пять руб. Между тѣмъ оказалось, что „жеребчикъ ожилъ“ и оказался въ сосѣднихъ выселкахъ пригульнымъ, откуда и получилъ его хозяинъ. Вслѣдствіе этого, хозяинъ просилъ вторично судъ взыскать съ пастуховъ, за поѣздки и

---

[1]) Тамъ же, II, 327: Моск. губ., Волокол. у.
[2]) Тамъ же, VI, 243: Самар. губ., Бугурусл. у.
[3]) Тамъ же, VI, 572: Сарат. губ., Петровск. у.
[4]) Тамъ же, II, 422: Моск. губ., Бронницк. у.

потрату времени при розыскахъ жеребчика, 10 руб. На этотъ разъ судомъ постановлено взыскать съ пастуха и его товарища въ пользу просителя лишь два рубля, отданныхъ имъ за прокормъ жеребенка, и одинъ рубль за хлопоты при розыскѣ его, а опредѣленныхъ первымъ рѣшеніемъ пяти рублей не взыскивать [1]).

Въ старину пастухъ не отвѣчалъ за утрату животнаго изъ стада, если только, также какъ и теперь, въ день утраты его заявлялъ о томъ хозяину. Въ случаѣ же незаявленія, онъ отвѣчалъ отдачей собственной скотины, то-есть, полнымъ вознагражденіемъ истца. Въ Уставѣ о земскихъ дѣлахъ это выражено такъ: „Ащель пастырь вола пріемъ, погубитъ и въ тотъ день, въ вонь же волъ погубитъ, не повѣдаетъ осподареви вола въ томъ мѣстѣ, и въ томъ видѣлъ есмь его, чтожъ бысть не вѣмъ, да отдастъ его; ащели же повѣдаетъ, не повиненъ будетъ". Въ случаѣ намѣренной утраты пастухъ подвергался отвѣтственности; но ему предоставлялась возможность снять съ себя подозрѣніе въ этомъ, стоило только принять клятву въ своей невинности: „Аще пастырь чреды пріиметъ волъ отъ земледѣльца, и безъ вѣсти погибнетъ волъ, да клянется именемъ Господнимъ, яко не ухитрилъ есть, ниже причастенъ есть пагубы вола того, и не повиненъ будетъ." За ложную клятву подвергался онъ тяжелому наказанію, какъ будетъ сказано ниже.

Относительно искалѣченія или убіенія пастухомъ скотины въ Ярославской губерніи существуетъ такое обыкновеніе. Если доказано будетъ свидѣтелями, что скотина искалѣчена пастухомъ или убита имъ по неосторожности, хозяева имѣютъ право съ него взыскивать половину ея стоимости; въ Даниловскомъ же уѣздѣ за ушибъ скотины хозяинъ удерживаетъ только плату, слѣдуемую пастуху за пастьбу. Если же пастухъ намѣренно извелъ ее или продалъ, то наказывается судомъ и сверхъ того, съ него, взыскивается полная цѣна скотины. Въ с. Краковѣ, Самарскаго уѣзда, за увѣчье скотины и ушибъ ея, хотя бы до смерти, пастухъ не отвѣчаетъ по той простой причинѣ, что этого доказать нельзя: ушибъ всегда возможно пастуху „свалить" на скотину. Въ случаѣ же большаго подозрѣнія, хозяинъ ушибленной скотины можетъ позвать пастуха

---

[1]) Тамъ же, VI, 57: Самарск. у.

на сходъ и здѣсь заставить его побожиться въ своей невинности. Это право хозяина не отъемлемо. По рѣшеніямъ волостныхъ судовъ въ указанныхъ выше случаяхъ пастухи отвѣчаютъ уплатой половины или полной стоимости пропавшихъ животныхъ.

Два пастуха пробили коровѣ лобъ и вышибли глазъ, отчего она пала. Свидѣтель показалъ, что онъ, находясь на полѣ, видѣлъ когда корова упала, подойдя же къ ней, замѣтилъ пробитый лобъ и выбитый глазъ. Отвѣтчики же запирались, что они корову никогда не били, у ней не былъ пробитъ лобъ и выбитъ глазъ. Судъ, соображая просьбу просительницы съ показаніями свидѣтеля и отвѣтчиковъ, и руководствуясь мѣстными обычаями, рѣшилъ: „такъ какъ кромѣ пастуховъ убить коровы было некому, поэтому взыскать съ нихъ половину стоимости оной [1]).—Пастухи перевязали двумъ коровамъ, которыя уходили изъ стада, заднія ноги, и до того скрутили, что у коровъ жилы перервались и они не могли встать. Отвѣтчики оправдывались тѣмъ, что самъ хозяинъ велѣлъ коровамъ вязать ноги. Но хозяинъ отрицалъ это, сознавшись однако, въ томъ, что онъ видѣлъ дѣйствія пастуховъ. Судьи, находя виноватыми обѣ стороны, потому что когда пастухи вязали коровъ, хозяинъ ихъ видѣлъ самъ и не отвлекъ отъ этого, а потому рѣшеніемъ спмъ положили грѣхъ пополамъ, съ тѣмъ, чтобы отвѣтчики уплатили половинную часть стоимости коровъ [2]).

Тотъ же способъ отвѣтственности примѣненъ и къ слѣдующему случаю. Лошадь во время ночной сторожки очереднаго караульщика оказалась избитою, и именно около задняго прохода мѣсто изранено, и какъ нужно полагать, какимъ нибудь острымъ орудіемъ, такъ что лошадь не могла не только работать, но даже и ѣсть кормъ. При этомъ сынъ караульщика, пасшій вмѣсто отца, показывалъ, что онъ съ лошадью ничего не дѣлалъ и даже не видалъ лягалась ли она съ другими лошадьми, какъ пускалъ хозяинъ въ стадо лошадь онъ не видалъ и можетъ быть она была пущена больною [3]).

Вслѣдствіе жалобы хозяина на пастуха, что тотъ потеръ у его

---

[1]) Тамъ же, I, 151: Тамб. губ., Шацк. у.
[2]) Тамъ же, I, 163: Тамб. губ., Шацк. у.
[3]) Тамъ же, II, 518: Моск. губ., Дмитр. у.

лошади ноги до костей, судъ приговорилъ „за неосмотръ и нерадѣніе пастуха“ взять у него вмѣсто нездоровой здоровую лошадь до излѣченія потертыхъ у нея ногъ, такъ, чтобы когда онъ излѣчитъ, могъ взять обратно свою собственную лошадь [1]).

За продажу овецъ въ постороннія руки пастухъ подвергся тѣлесному наказанію съ оплатой полной стоимости проданныхъ овецъ [2]).

Въ старину, въ случаѣ, если въ стадѣ оказалась скотина искалѣченною, пастухъ не подвергался за это отвѣтственности, если онъ не былъ виновенъ въ умышленномъ причиненіи увѣчья. Для доказательства своей невинности, онъ, какъ сказано въ Уставѣ о земскихъ дѣлахъ, долженъ былъ поклясться именемъ Господнимъ: „Аще пастырь чредный по обычаю пріемъ вола не храма, но здорова, и пригодится ему охрамѣти или ослѣпнути, да клянется пастырь, яко не хитрилъ есть ни что же нань, и не повиненъ есть. Аще пастырь чредный о погибленіи воловъ, или о храмотѣ, или ослѣпленіи клянется, послѣ же будетъ обличенъ двумя или тремя свидѣтелями, и достойно вѣрными, яко сотворилъ будетъ, языкъ ему да урѣжется, осподареви же воловому да отплатитъ“.

И теперь, какъ уже сказано было ранѣе, пастухи въ подобныхъ случаяхъ, для доказательства своей невинности, прибѣгаютъ къ клятвѣ или даже принуждаютъ ихъ къ тому сами хозяева пстцы. Но не вездѣ клятва имѣетъ теперь юридическую силу. Такъ, въ Даниловскомъ уѣздѣ, хотя пастухи постоянно клянутся въ своей невиновности, но божбѣ и клятвамъ крестьяне мало вѣрятъ, зная по себѣ, что при порубкѣ лѣса въ чужихъ дачахъ они тоже клянутся въ своей невинности до тѣхъ поръ, пока ихъ не уличитъ поличное; да и во всемъ постоянно, если только „концы въ воду“, а дѣло „шито и крыто“, крестьяне обоего пола одинаково станутъ божиться, сколько угодно въ доказательство своей невинности, помня характерную пословицу: „Москва запоромъ крѣпка“.

По Уставу о земскихъ дѣлахъ, въ случаѣ виновности пастуха въ изувѣченіи пасомаго имъ животнаго, его обязывали уплатить стоимость изувѣченной скотины. Но если изувѣчило скотину по-

---

[1]) Тамъ же, VI, 500: Сарат. губ., Сердобск. у.

[2]) Тамъ же, VI, 565: Сарат. губ., Петровск. у.

стороннее лице, пользовавшееся ею на какихъ-либо условіяхъ, то для него было обязательно отдать свою скотину: „Сей пасяй пасьбу, но убіетъ, или охромитъ, даетъ волъ за волъ, или оселъ за оселъ, или овца за овцу, или конь за конь". Въ томъ же памятникѣ заключается интересное правило относительно отвѣтственности пастуха за искалѣченіе животнаго, смотря по тому, какимъ орудіемъ оно искалѣчено: „Аще пастырь чредый палицею, юже въ рукахъ держитъ, расшибетъ животину, или ослѣпитъ, повиненъ есть и заплатить; аще ли же камнемъ верже, или древомъ, не повиненъ есть". Очевидно, что здѣсь различается намѣренное изувѣченіе животнаго отъ неосторожнаго. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, сохранилось ли теперь у крестьянъ или нѣтъ что-нибудь подобное приведенному старому обычаю. Но мы знаемъ, что въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуютъ у пастуховъ обязательныя орудія пастьбы. Такъ, въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, у череднаго пастуха обязательно долженъ быть кнутъ для управленія всѣмъ стадомъ. Но и кнутомъ пастухи злоупотребляютъ, производя увѣчья, за что̀ подвергаются денежнымъ вычетамъ отъ хозяевъ скота. Но дѣло въ томъ, что если бы съ пастуховъ вычитать изъ жалованья за всѣ ихъ провинности, то можно не преувеличивая сказать, что ни одному изъ нихъ не пришлось бы отъ хозяевъ своихъ получить ни копѣйки.

Выше было разъяснено, что въ случаѣ злоумышленнаго истребленія, продажи или присвоенія скота пастухъ подвергается какъ взысканію полной стоимости скотины, такъ и тѣлесному наказанію. Въ древности въ этихъ случаяхъ онъ наказывался болѣе строго. По всей вѣроятности, его приговаривали къ такому же наказанію, какъ и всякое другое лице. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключать по отсутствію въ Уставѣ о земскихъ дѣлахъ спеціальной статьи для наказанія пастуха въ данномъ случаѣ. По Уставу же, „аще кто украдетъ волъ или оселъ, и обличенъ будетъ, да біенъ будетъ, *сугубою* цѣною отдастъ той и дѣланіе ихъ все". И теперь бьютъ всякаго вора, въ томъ числѣ и пастуха за воровство, но такое битье скорѣе имѣетъ видъ мести или самоуправства, а не наказанія по приговору; двойному же взысканію убытковъ виновный не подвергается.

Въ упомянутомъ уже Уставѣ встрѣчается еще особый видъ во-

ровства, именно кража звонка, навѣшеннаго на животное, и указывается отвѣтственность за это: „аще кто отрѣжетъ колоколъ отъ вола, или отъ овцы, или отъ коня, яко тать бьенъ будетъ, аще ли-жъ погибнетъ животина, онъ да заплатитъ, иже татьбу колоколу сотворивый“. Эта статья показываетъ, что въ старые годы, при изобиліи лѣсовъ и трудности сохраненія стадъ, колокольчики на животныхъ имѣли важное значеніе. И теперь еще звонки въ употребленіи въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, но только намъ не извѣстно, какой отвѣтственности подвергаются лица виновныя въ похищеніи ихъ.

Для того, чтобы легче отыскать, въ случаѣ надобности, корову или лошадь, пасущуюся въ лѣсу безъ пастуха, крестьяне западныхъ и южныхъ уѣздовъ Архангельской губерніи привязываютъ на шею этихъ животныхъ бо́тало или подзвонокъ, родъ колокольчика, согнутаго изъ желѣзнаго или мѣднаго листа. Ботало также въ употребленіи въ другихъ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи и Сибири: Пермской, Иркутской, Якутской и пр. [1]); въ Вологодской оно замѣняется довольно порядочнаго объема звонками. Колокольчики на животныхъ въ употребленіи и у нѣкоторыхъ финскихъ племенъ, напримѣръ, у Финновъ, и Кореловъ. Кромѣ указанной практической пользы отъ колокольчиковъ, ихъ навязываютъ животнымъ еще въ увѣренности, что всякій нечаянный звукъ въ состояніи испугать и удалить медвѣдя или волка. Въ Ярославской губерніи цѣль, съ которою на скотину навязываютъ колокольчики,—это разыскать ее въ лѣсу, въ случаѣ, если она отставъ отъ стада, заблудится и домой не прійдетъ на ночь. Но ихъ теперь употребляютъ очень рѣдко, даже въ Даниловскомъ уѣздѣ, относительно говоря, не бѣдномъ лѣсами. Главная причина та, что крестьяне, съ отмѣной крѣпостнаго права, получивъ четырехдесятинный надѣлъ на душу, владѣютъ всего на все только тремя полями; остатокъ земли если и остается отъ пашни подъ лѣсомъ, то небольшой и достаточно вырубленный, въ которомъ трудно заблудиться. Притомъ же поля у крестьянъ огорожены. При этихъ условіяхъ почти вся скотина на виду у пастуха; если и перейдетъ она въ лѣсъ, то тоже будетъ ходить въ огороженномъ про-

---

[1]) Опытъ област. великор. слов., изд. Ак. Н.

странствѣ, окруженномъ полями сосѣднихъ деревень. Поэтому старинный обычай навязывать на скотину колокольчики, деревянныя колотушки и бубенцы изчезаетъ самъ собою. Съ колокольчиками на шеѣ иногда еще попадаются лошади, потому что въ августовскую или сентябрскую ночи бываетъ полезно при ночной пастушнѣ сторожамъ слышать, что лошадь гуляетъ не далеко отъ нихъ. Въ с. Краковѣ, Самарскаго уѣзда звонковъ въ мірскихъ стадахъ не бываетъ. Но въ стадахъ рабочихъ воловъ, которые всегда пасутся „особняками“, на передовомъ быкѣ всегда звонокъ. И онъ необходимъ: волы имѣютъ обыкновеніе ночью, замѣтя оплошность соннаго пастуха, прятаться отъ него, и стоитъ труда отыскать ихъ. Колоколъ—предохранительное средство противъ такого укрывательства рабочихъ воловъ въ степномъ бурьянѣ, укрывательства, которое иногда отнимаетъ у хозяина одинъ или два уповода дневной пашни. Но случается что и колоколъ мало помогаетъ. Передовой волъ умѣетъ его такъ прижать или вытянуть шею и ступаетъ такъ осторожно, что не слыхать почти никакого звука отъ колокольчика. Въ степяхъ Новороссійскаго края также можно иногда слышать, при приближеніи къ стаду овецъ, звукъ колокольчика, но тамъ звонки эти употребляются (ихъ привязываютъ на шею козламъ), кажется, больше для развлеченія пастуховъ, чѣмъ по необходимости.

Въ случаѣ явной неисправности пастухи подвергаются побоямъ со стороны хозяевъ или тѣлесному наказанію по постановленію волостнаго суда. Но эти случаи довольно рѣдки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вовсе неизвѣстны. Такъ, напримѣръ въ Данловскомъ уѣздѣ, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права и отмѣны тѣлеснаго наказанія по рѣшеніямъ общихъ судебныхъ мѣстъ, въ народѣ произошла радикальная перемѣна во взглядахъ на кулачную расправу, какъ на наказаніе. Виноватый, хотя бы онъ былъ пастухъ, также не дозволитъ себя прибить, какъ и провинившійся передъ обществомъ староста. Пастуха боятся обидѣть еще и потому, чтобъ онъ чего *не досмотрѣлъ* надъ скотиной своего обидчика или надъ всею деревней. Извѣстны случаи, когда прибитый за какую-нибудь неисправность подпасокъ (напримѣръ за то, что не остановится передъ домомъ и не возьметъ въ стадо скотины) ищетъ съ обидчика удовлетворенія

чрезъ волостной судъ или чрезъ мирового судью. „Бить попче запрещено“, говорятъ всѣ безъ исключенія, и крестьяне это очень хорошо помнятъ. Что̀ сказано о побояхъ, то примѣнимо и къ розгамъ. Но объ этомъ будетъ подробнѣе сказано дальше.

Слѣдующія рѣшенія волостныхъ судовъ указываютъ на отвѣтственность пастуховъ за всякую утрату скота въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ обязанности исполняютъ родственники или сторонія лица, на отвѣтственность товарищей пастуховъ, отвѣтственность лицъ, принимающихъ къ себѣ для пастьбы чужой скотъ, и наконецъ, такихъ лицъ, которыя собственно въ пастьбѣ не участвовали, но все-таки оказались виновными въ утратѣ пасшагося скота: Сынъ пастуха, пасшій стадо, убилъ по какому то случаю корову, что̀ подтверждено свидѣтелями. Судъ взыскалъ полную ея стоимость съ отца виновнаго, такъ какъ напимался пасти стадо самъ отецъ [1]).—Лошадь, стоившая 25 руб., утонула въ типномъ мѣстѣ. Судъ опредѣлилъ: „съ пастуха по глупости его въ допускѣ распоряжаться табуномъ частному лицу и за слабый надзоръ взыскать 3 руб. 20 коп., а съ крестьянина, какъ не въ свое дѣло вмѣшавшагося, и за самовольный прогонъ скота чрезъ типистую рѣку, взыскать 9 руб. 25 коп., что̀ составитъ половину стоимости утраченной лошади [2]).—Пастухъ заявилъ жалобу на другаго въ томъ, что когда они вдвоемъ пасли конный и свиной табунъ, то истецъ уплатилъ хозяевамъ 30 руб. за потерю кобылицы, одногодки и свиней и за потраву хлѣба, тогда какъ они заключили условіе съ обществомъ,—потерю и потраву платить пополамъ. Судъ приговорилъ: такъ какъ они пасли обоюдно, то взыскать съ отвѣтчика половинную часть, то-есть, 15 руб. на основаніи существующихъ правилъ изъ движимаго его имущества, хлѣба и скота [3]).—Крестьянинъ К., отправившись въ стадо за своими лошадьми, увидѣлъ въ мелкомъ стадѣ нѣсколько лошадей, по просьбѣ подпаска взялъ двухъ лошадей для отвода въ общее конское стадо и пустилъ ихъ на лѣсномъ урочищѣ Оселкѣ Ляпинѣ, гдѣ ходила часть ихъ коровъ; кромѣ того, третья лошадь пришла сама за нимъ къ

---

[1]) Тр. Вол. Ком., I, 151: Тамб. губ., Шанк. у.
[2]) Тамъ же, VI, 264: Самарск. губ., Бугур. у.
[3]) Тамъ же, VI, 609: Сарат. губ., Балаш. у.

тому мѣсту, гдѣ онъ пустилъ первыхъ; но когда именно пропали одна изъ первыхъ двухъ (другая найдена) и третья лошадь, ему не извѣстно. Пастухъ показалъ, что, узнавъ отъ подпаска о взятіи крестьяниномъ лошадей, тотчасъ же отправился искать ихъ, встрѣтилъ Ж., который сказалъ, гдѣ имъ пущены лошади, но тамъ ихъ не нашелъ, и куда онѣ пропали, ему не извѣстно. По предложенію мировой, истецъ пожелалъ раздѣлить убытки на три части: на себя самаго, крестьянина Ж. и пастуха. Судъ, признавая крестьянина Ж. виновнымъ въ несохраненіи взятой лошади, стоющей 43 руб., а пастуха въ несохраненіи двухъ лошадей, постановилъ: взыскать съ Ж. третью часть стоимости лошади то-есть, 15 руб., съ пастуха же за эту же лошадь 15 руб., а за другую лошадь половину стоимости, по существующему обычаю, то-есть, 8 руб. [1]). По поводу настоящаго рѣшенія считаемъ необходимымъ добавить, что, по свѣдѣніямъ изъ с. Кракова, когда кто-либо изъ хозяевъ беретъ своихъ лошадей изъ табуна, и за ними „утямятся и отпшбутся“ одна или двѣ чужія лошади, то онъ долженъ по пріѣздѣ въ село этихъ лошадей или замапить къ себѣ на дворъ для отвода къ хозяину, или если это не удастся, сказать о томъ послѣднему. Это всѣ крестьяне считаютъ для себя почти обязательнымъ. Подобный обычай существовалъ и прежде, какъ это видно изъ Устава о Земскихъ дѣлахъ [2]).—Истецъ искалъ за утраченную пастухомъ лошадь 60 руб. По дознанію оказалось, что лошадь отъ неизвѣстной причины пала. Съ палой лошади снялъ шкуру односелецъ истца, крестьянинъ П., будто бы по ошибкѣ, такъ какъ онъ П. полагалъ, что это лошадь принадлежащая купцу М., за которою еще при живѣ онъ имѣлъ неослабное наблюденіе. Судьи признали: „Въ крестьянскомъ быту существуетъ порядокъ такой, что въ случаѣ падежа какой-либо скотины, если уже не шкура, то уши представляются для доказательства хозяину; но этого ни пастухъ, ни снимавшій шкуру не сдѣлали, чѣмъ и навлекаютъ на себя отвѣтственность. Впрочемъ тотъ, кто продавалъ, не виновенъ, потому что у пастуха никто не

---

[1]) Тамъ же, II, 496: Моск. губ., Дмитр. у.

[2]) Указатель *Максимовича*, стр. 7.

Прим. ред.

долженъ покупать ни шкуру, ни лошадей. Виновенъ И., въ томъ что онъ съ чужой лошади ни въ какомъ случаѣ не долженъ снимать безъ всякаго уполномочія шкуру, хотя она въ дѣйствительности и снята съ палой лошади". Вслѣдствіе этого постановлено взыскать со снявшаго шкуру на удовлетвореніе истца за лошадь 10 рублей (вмѣсто просимыхъ истцомъ 60 руб.), пастуха же отъ взысканія освободить [1]).

„1873 года іюня 23-го дня. Еланскій волостной судъ [2]), въ составѣ своемъ четырехъ очередныхъ судей, разбиралъ дѣло по прошенію поселка Спиявскаго государственнаго крестьянина Романа Иванова Максимова о взысканіи имъ съ односельца своего крестьянина Михайла Кузьмина Милованова 40 рублей за павшую его корову въ гурту, набранномъ Миловановымъ для пастьбы, отъ окормленія таковой.

„Обстоятельства дѣла слѣдующія: Романъ Ивановъ Максимовъ, въ поданномъ въ сей судъ 25-го октября 1870 года прошеніи объяснилъ, что 1870 года въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отдалъ онъ своихъ двухъ коровъ Милованову, для пастьбы таковыхъ на снимаемомъ Миловановымъ степномъ расходѣ, но никакъ не на хлѣбномъ пару, за что̀ имъ, Миловановымъ, положено было брать за каждую голову по 3 руб. 50 коп. Но Милованов̀ъ, вмѣсто того, чтобы пасти скотину на снимаемомъ у липецкаго купца Ефрема Алимова расходѣ, погналъ скотину на полевой паръ, чрезъ что̀ его Максимова корова объѣлась подсвекольника и пала, что̀ могутъ подтвердить односельцы Аверьянъ Губановъ и Михайла Копыловъ; вслѣдствіе чего онъ просилъ волостной судъ взыскать съ Милованова за павшую его корову 40 руб., которыми его Максимова удовлетворить. По вызову волостнаго правленія, на настоящее число явились къ разбору этого дѣла истецъ Романъ Максимовъ и отвѣтчикъ Михайло Милованов̀ъ, а свидѣтели Аверьянъ Губановъ и Михайла Копыловъ не явились, первый—по непзвѣстной причинѣ, а послѣдній—за смертію. По выслушаніи прошенія Максимова, отвѣтчикъ

---

[1]) Тр. Вол. Ком., VI, 5: Самарск. у.

[2]) Настоящее рѣшеніе волостнаго суда, помѣщаемое цѣликомъ, извлечено мною изъ дѣлъ мироваго съѣзда посредниковъ Новохоперскаго уѣзда Воронежской губерніи.

Милованов, не отрицая того, что имъ въ 1870 году было набираемо стадо коровъ, для пастьбы на степи, снятой у купца Алимова, по цѣнѣ 3 р. 50 к. за каждую голову, и что въ этомъ стадѣ были двѣ коровы, принадлежащія просителю Максимову, возразилъ, что коровъ, по недостаточности корма на степи, онъ согналъ, съ дозволенія общества, и пасъ одинъ день по общественному пару, на что̀ былъ согласенъ и Максимовъ, и что корова Максимова пала неизвѣстно отъ чего, и онъ, какъ не обязывавшійся отвѣчать за смерть скотины не считаетъ себя обязаннымъ платить Максимову взыскиваемые имъ 40 руб. за корову, которая этой суммы не стоитъ. Противъ этого объясненія истецъ Максимовъ возразилъ, что онъ отдавалъ къ Милованову своихъ двухъ коровъ пасти на степи, а не на пару и согласія на пастьбу таковыхъ по пару не изъявлялъ. За пастьбу коровъ этихъ причиталось заплатить Милованову 7 р., но такъ какъ корова пала отъ нарушенія имъ Миловановымъ условія, то-есть, пастьбою не въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы слѣдовало, а потому онъ эти деньги ему не заплатилъ, за исключеніемъ коихъ изъ 40 рублей проситъ взыскать 33 рубли. Въ доказательство же того, что корова пала отъ обкормленія подсвекольникомъ на пару и стоитъ 40 руб., просилъ спросить сосѣдей Василія Романова Парпнова и Семена Суслина. При склоненіи сторонъ къ окончанію этого дѣла миромъ, согласія между ними на это не послѣдовало. Спрошенные сосѣди Максимова Василій Паринов и Степанъ Суслинъ показали, что корова Максимова, пасшаяся въ стадѣ Милованова, пала отъ окормленія ея подсвекольникомъ на пару; въ это время въ общественномъ стадѣ пало много коровъ отъ той же причины, но въ стадѣ Милованова пала одна корова, принадлежащая Максимову, которая по совѣсти стоитъ 35 руб., такъ какъ она была хорошей породы и большаго роста.

„По обстоятельствамъ дѣла, объясненіямъ истца и отвѣтчика и показаніямъ сосѣдей перваго, волостной судъ находитъ, что крестьянинъ Миловановъ не имѣлъ права по договору пасти коровъ, принадлежащихъ Максимову, по паровой землѣ, такъ какъ Максимовъ на это не изъявлялъ своего согласія, а Миловановъ ничѣмъ условія этого не доказалъ, а потому онъ обязанъ заплатить Максимову причиненный имъ убытокъ за палую корову по стоимости ея, 35 руб.; но принимая во вниманіе, что Максимовъ

за пастьбу двухъ коровъ не отдалъ Милованову и удержалъ 7 рублей, и что онъ же воспользовался кожею съ этой коровы, судъ полагалъ бы взыскать съ отвѣтчика Милованова въ пользу просителя Максимова половинную часть причиненнаго убытка по стоимости палой коровы 35 руб., 17 руб. 50 коп.“ (Миловановъ остался рѣшеніемъ недоволенъ).

Въ Малороссіи пастухъ за истребленіе овцы волкомъ не отвѣчаетъ, но за свою небрежность, напримѣръ, если овца пропала отъ крови, которую слѣдовало *сбить* (пустить), онъ долженъ заплатить хозяину. Относительно мѣры отвѣтственности пастуха въ Малороссіи можно сказать, что она, какъ и въ Великороссіи, въ разныхъ случаяхъ и въ разныхъ мѣстностяхъ бываетъ различна, то-есть, иногда онъ отвѣчаетъ за врученныхъ ему животныхъ полною стоимостью ихъ, въ другихъ—половиной и меньшею частью; но только тамъ денежное взысканіе часто замѣняется взысканіемъ имущественнымъ. Въ одномъ рѣшеніи судомъ изъяснено: „На основаніи мѣстнаго обычая, принятаго въ крестьянскомъ быту, принятыя овцы для пастьбы должны быть возвращаемы пастухомъ хозяину въ такомъ видѣ, въ какомъ и приняты; въ случаѣ же утери, падежа, а также и поврежденія здоровья овецъ отъ недосмотра пастуха, за все отвѣчаетъ пастухъ“. Это правило было приведено судомъ по слѣдующему случаю: Изъ десяти овецъ одного хозяина, взятыхъ пастухомъ на пастьбу, по словамъ его, одну ударила рогатая скотина, отчего она сильно похудѣла и не была имъ принята отъ пастуха; пастухъ же заявилъ, что онъ овцу вылѣчилъ и не желаетъ за нее платить. Судъ однако нашелъ, что пастухъ долженъ отдать истцу изъ своихъ одну овцу средняго состоянія или же подвергнуться денежному взысканію по стоимости той овцы [1]).—Въ другомъ случаѣ пастухъ, потерявшій овцу и ягненка одного хозяина и трехъ телятъ другого, долженъ былъ, по рѣшенію, отдать первому одну старую хорошую овцу, деньгами 2 рубля и за пастьбу другихъ овецъ не брать съ него денегъ, второму—двухъ ягнятъ, одну овчину и тоже не брать денегъ за пастьбу другихъ овецъ [2]). За потерю вола пастухъ обязывается выдать истцу одну десятину

---

[1]) Тамъ же IV, 373: Полт. губ., Кобел. у.

[2]) Тамъ же, V, 520: Екатерин. губ., Алекс. у.

принадлежащей ему земли и засѣять оную своимъ зерномъ ржи [1]). —За испорченіе коровы пастухомъ во время пастьбы, „такъ что та корова чрезъ испорченіе ея совершенно никакой пользы не можетъ приносить“, приговорено взыскать съ отвѣтчика стоимость ея, а корову вручить ему [2]).

Кажется, что въ Малороссіи обыкновеннѣе всего взысканіе съ пастуха полной суммы убытковъ, причиненныхъ имъ. Но что и тамъ извѣстно примѣненіе правила грѣхъ пополамъ къ отвѣтственности пастуха, подтвержденіемъ служатъ слѣдующіе случаи: Сельскій староста жаловался на пастуховъ, въ томъ, что они худо смотрѣли за общественнымъ скотомъ вообще и его, старосты, въ особенности, по невниманію и лѣности, слѣдствіемъ чего было то, что, по ихъ недосмотру, пропало изъ череды двое большихъ свиней, стоющихъ не менѣе 15 руб., къ розыску коихъ они не приняли никакихъ мѣръ, и даже своевременно не объявили о пропажѣ тѣхъ свиней, что̀ доказываетъ крайнюю ихъ безпечность и небрежность въ отношеніи своей обязанности, за которую они отъ общества получаютъ порядочное вознагражденіе. Отвѣтчики объяснили, что они не въ состояніи смотрѣть за всѣми животными во время пастьбы. Судъ же, не смотря на то, что призналъ объясненіе ихъ неосновательнымъ и нашелъ виновными въ небрежномъ исполненіи своей обязанности, приговорилъ ихъ къ уплатѣ старостѣ лишь семи рублей [3]).—Взятая на зимовню крестьяниномъ телица пропала изъ стада; поэтому онъ просилъ взыскать съ чередниковъ 25 руб., такъ какъ сумму эту присуждено мировымъ судьей взыскать съ него въ пользу хозяина телицы. Два чередника, пасшіе скотъ, утверждали, что телицу вмѣстѣ съ стадомъ они пригнали въ хутора, но не знаютъ того, пришла ли она домой. Судъ нашелъ виновными обѣ стороны: вина со стороны крестьянина состоитъ въ томъ, что ни онъ по оплошности, ни за отлучкой его никто изъ его домашнихъ не заявили чередникамъ тотчасъ же или на другой день, что телица не приходила изъ череды и не ночевала дома, каковое заявленіе дало бы возмож-

---

[1]) Тамъ же, V, 520: Екатерин. губ., Алекс. у.
[2]) Тамъ же, IV, 596: Полт. губ., Хоролск. у.
[3]) Тамъ же, V, 146: Кіевск. губ., Бердич. у.

ность чередникамъ приступить къ немедленному розыску оной; а на чередниковъ падаетъ вина за ихъ безпечность, потому что, не видя на другой день въ стадѣ телицы, они обязаны были освѣдомиться о ней у крестьянина или его домашнихъ о причинахъ, почему она не выгонялась въ череду, а они этого не сдѣлали ни на другой, ни въ слѣдующіе затѣмъ дни, а потому, признавая въ пропажѣ телицы, находившейся на прокормленіи, виновными обѣ стороны, потому что пропажа произошла вслѣдствіе ихъ общей неосмотрительности и упущеній, судъ постановилъ: такъ какъ телица стоитъ не 25, а только 12 руб., то распредѣлить убытокъ пополамъ, то-есть, 6 руб. на крестьянина и 6 руб. на чередниковъ, по 3 руб. съ каждаго, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе уплатили истцу присужденные съ нихъ 6 руб. [1]). Съ пастуха, по недосмотру котораго волъ загрызенъ волкомъ, взыскивана половинная часть его стоимости [2]).

На югѣ существуетъ еще такой обычай, по которому при наймѣ пастуха (кажется, только овчара) опредѣляется сумма, какою онъ долженъ отвѣчать въ случаѣ пропажи животнаго, напримѣръ, за потерю овцы уплачивать 1 руб., а за ягненка 50 коп. При разбирательствѣ дѣла судъ спрашиваетъ у сторонъ или у свидѣтелей договора: во что былъ оцѣненъ згубъ (утрата) при поступленіи пастуха. Узнавъ оцѣнку, онъ и приговариваетъ ко взысканію ея, хотя бы утраченное животное значительно превышало своей стоимостью эту сумму; напримѣръ, взыскивается 1 руб. за овцу, стоющую 3 или 5 рублей [3]).

Разсматривая въ совокупности всѣ факты, касающіеся нанесенія пастухомъ убытковъ хозяевамъ скота, мы видимъ прежде всего, что не всякаго рода дѣйствія пастуха, причинившія убытокъ, влекутъ за собою вознагражденіе со стороны пастуха. Если при несохраненіи стада и нанесеніи чрезъ то ущерба не было замѣчено неосторожности, недосмотра и вообще какой-либо небрежности со стороны пастуха, то онъ вовсе не отвѣчаетъ за утрату скота. Нанесеніе же убытковъ по небрежности пасущаго стадо

---

[1]) Тамъ же, V, 535: Екатер. у.

[2]) Тамъ же, V, 4: Кіевск. у.

[3]) Тамъ же V, 422 и 443: Екатерин. губ., Верхнеднѣпр. у.

вознаграждается обыкновенно уплатой половины стоимости утраченнаго, часто даже меньшею долей, напримѣръ, удержаніемъ одного жалованья, и въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, взысканіемъ полной стоимости того, что̀ утрачено. Точно также пастухъ отвѣчаетъ въ случаяхъ непредставленія требуемыхъ обычаемъ доказательствъ въ своей невинности относительно нанесеннаго ущерба хозяину. Только при намѣренной утратѣ или изведеніи животнаго, пастуха подвергаютъ полному взысканію убытковъ и уголовному наказанію. Послѣднее, впрочемъ, примѣняется иногда и при явно небрежномъ исполненіи пастухомъ своихъ обязанностей, имѣвшемъ послѣдствіемъ нанесеніе ущерба. Но во всякомъ случаѣ господствующее правило, по крайней мѣрѣ, въ великороссійскихъ губерніяхъ, то, что пастухи, если подвергаются отвѣтственности, причиненные ими убытки оплачиваютъ въ половину, нерѣдко и въ меньшей долѣ. Очевидно, что такіе обычаи о безотвѣтственности или малой отвѣтственности пастуховъ за нанесенные ими убытки хозяевамъ вовсе не соотвѣтствуютъ нашимъ гражданскимъ законамъ, по смыслу которыхъ всякій ущербъ, нанесенный чѣмъ-либо чужому имуществу, долженъ быть, во всякомъ случаѣ, вполнѣ вознагражденъ. Является вопросъ: почему же существуютъ такіе обычаи, по которымъ пастухи не покрываютъ всѣхъ причиненныхъ ими убытковъ. На этотъ вопросъ отвѣтимъ сообщеніями трехъ лицъ:

Священникъ с. Кракова, Самарскаго уѣзда, пишетъ: „Общій характеръ отношеній между пастухами и здѣшнимъ обществомъ тотъ, что къ дѣятельности пастуховъ общество не привередливо и не только не взыскательно, а напротивъ снисходительно, даже въ ущербъ справедливости. Дѣло въ томъ, что контингентъ пастуховъ здѣсь очень малъ, такъ какъ этимъ занятіемъ брезгаютъ; это—разъ, а второе—то, что пастухи бываютъ изъ такихъ бобылей и бездомовниковъ, съ которыхъ, въ случаѣ ущерба, даже злонамѣреннаго, нечего взять, „кромѣ горсти волосовъ“. Впрочемъ, такъ какъ пастухи большею частью изъ года въ годъ бываютъ одни и тѣ же, то они заботятся поддержать свою репутацію и вести дѣло болѣе или менѣе добросовѣстно“.

По словамъ г. Ушакова, сообщившаго свѣдѣнія изъ Даниловскаго уѣзда Ярославской „губерніи, разрѣшить вопросъ, почему

установился обычай, по которому пастухъ отвѣчаетъ за пропажу животнаго только половиной стоимости его, также трудно съ несомнѣнною достовѣрностью, какъ трудно вообще отвѣчать основательно на подобные вопросы о причинахъ существованія въ крестьянствѣ тѣхъ или другихъ юридическихъ обычаевъ. Въ этихъ случаяхъ всегда открывается широкое поле для догадокъ и предположеній, имѣющихъ чисто субъективный характеръ того лица, которое занимается разрѣшеніемъ подобнаго вопроса. Какъ догадку, предположеніе, можно выставить слѣдующій отвѣтъ: Было бы практически неудобно вычитать съ виновнаго пастуха полную стоимость пропавшей скотины. Положимъ, изъ стада пропала корова; цѣна ей самая невысокая—20 руб. Но большая часть пастуховъ все лѣто пасутъ рублей за 30, за 35, а то и за 20, и даже за 15 попадаются. Какъ вычитать съ него 20 руб. (положимъ среди лѣта, около Петрова дня, случилось несчастье), когда вычетъ этотъ составляетъ бо̀льшую часть, а можетъ быть, и все оставшееся пастухово жалованье? Кто же согласится изъ нихъ цѣлые три мѣсяца, послѣ такого вычета, добросовѣстно пасти деревенскую скотину. Это очень хорошо понимаетъ каждый хозяинъ; не хуже разумѣютъ то же самое и всѣ крестьяне. Вотъ почему практически мудрое правило нерѣдко слышится въ народѣ: „и праваго не очень оправдай, и виноватаго не очень обвини“. Если поглубже вникнуть въ смыслъ этихъ словъ, то въ нихъ окажется много практическаго такта, которымъ замѣчательно отличаются наши крестьяне въ большинствѣ своемъ. „Живи середка на половинѣ“ — изрѣченіе, имѣющее однородный смыслъ съ предыдущимъ. Вотъ этими-то практическими соображеніями и устанавливается всѣми раздѣляемый у насъ обычай взыскивать съ виновнаго пастуха не полную стоимость погибшей скотины, а половинную только. Впрочемъ, надо добавить, что случаи подобныхъ взысканій съ пастуховъ, то-есть, вычета половины стоимости скотины, на столько рѣдки, что въ теченіе семь лѣтъ въ той мѣстности Даниловскаго уѣзда, о которой идетъ здѣсь рѣчь, не было слышно ни одного раза, тогда какъ о пропажѣ коровъ и вообще скотины изъ пастушни, а также объ удержаніи части договорной платы напримѣръ, за одну, за двѣ скотины, доводилось слышать неоднократно“.

По поводу того же вопроса Е. И. Якушкинъ пишетъ: „Почему за вредъ, нанесенный по неосторожности, безъ злаго умысла, взыскивается половинная цѣна убытковъ, крестьяне, разумѣется, объяснить не могутъ, какъ они не могутъ объяснить основанія многихъ обычаевъ, въ справедливости которыхъ нисколько не сомнѣваются. Грѣхъ пополамъ—одинъ изъ самыхъ живыхъ обычаевъ въ великорусскихъ губерніяхъ; въ Ярославской губерніи онъ примѣняется съ такою послѣдовательностію ко всѣмъ дѣламъ объ убыткахъ, вслѣдствіе неосторожности, съ какою едва ли примѣняется какой бы то ни было писанный законъ. По мнѣнію моему, основанія его чисто экономическія. Убытки распредѣляются на обѣ стороны, потому что каждой сторонѣ вынести всю тяжесть ихъ безраздѣльно—очень тяжело, а при бѣдности народа взысканіе полной цѣны убытковъ равнялось бы часто совершенному разоренію того, кто подвергся бы этому взысканію. При зломъ умыслѣ дѣло другое: тутъ человѣкъ знаетъ послѣдствія своихъ дѣйствій, можетъ оцѣнить напередъ тѣ убытки, которые отъ нихъ произойдутъ, и конечно, долженъ вознаградить ихъ вполнѣ“.

Этими разъясненіями вполнѣ изчерпывается вопросъ о причинахъ малой отвѣтственности пастуховъ въ случаѣ утраты скота. Слѣдуетъ только замѣтить, что кругъ и степень отвѣтственности пастуха значительно уменьшаются въ сравненіи съ отвѣтственностію другихъ лицъ. Со всякаго другаго отвѣтчика истцу присуждается половина иска какъ вслѣдствіе непредставленія тою или другою стороной полныхъ доказательствъ по иску, такъ и тогда, когда кто-либо нанесетъ убытокъ чужому имуществу безъ злаго умысла или особенной небрежности со своей стороны, но болѣе по несчастному случаю. Между тѣмъ пастухъ отвѣтствуетъ за нанесенные убытки уплатой половины ихъ или же значительно меньшей доли, даже и въ случаѣ явной небрежности въ исполненіи своихъ обязанностей. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ онъ вовсе не подвергается имущественной отвѣтственности. Словомъ сказать, пастуху больше снисхожденія, нежели всякому другому гражданскому отвѣтчику въ случаѣ нанесенія ущерба чужому имуществу. Интересно было бы прослѣдить исторію развитія нашей народной системы отвѣтственности пастуха. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ для этого всѣхъ необходимыхъ данныхъ. Свѣдѣнія, заключающіяся въ Уставѣ

о земскихъ дѣлахъ и приведенныя выше, указываютъ только на давнее происхожденіе обычая вовсе освобождать пастуха отъ отвѣтственности въ случаѣ нанесенія имъ убытковъ ненамѣренно или даже по небрежности, но они не даютъ ничего для уясненія вопроса о томъ, когда собственно возникъ обычай уменьшать гражданскую отвѣтственность пастуха до уплаты половинной или гораздо меньшей части убытковъ, нанесенныхъ чужому имуществу. Другіе законодательные памятники также не заключаютъ въ себѣ нужныхъ указаній на этотъ счетъ.

Теперь обращаемся къ правоотношеніямъ, вытекающимъ изъ потравъ. Въ Архангельской губерніи, какъ мы уже знаемъ изъ приведенныхъ ранѣе сообщеній разныхъ лицъ, пастухъ или вовсе не отвѣчаетъ за потраву, или у него только удерживается жалованье, слѣдуемое ему съ хозяина, у котораго сдѣлана потрава, а не то—общество просто прогонятъ пастуха отъ себя. Пересмотрѣвъ рѣшенія волостныхъ судовъ Архангельской губерніи за нѣсколько лѣтъ, мы нашли всего три дѣла о привлеченіи пастуховъ къ отвѣтственности за потраву. Приводимъ ихъ здѣсь:

I. 1867 года 24-го ноября. Слушали прошеніе крестьянина Володимірскаго сельскаго общества, Ивана Никитина Хромцова, поданное въ Великониколаевское волостное правленіе, ходатайствующаго о взысканіи въ пользу его должнаго удовлетворенія съ пастуха, крестьянина Тарнянскаго сельскаго общества Федота Михѣева Тучина за вымятіе насомымъ имъ скотомъ, въ полянкѣ Хромцова, ржи на корнѣ на 3 четверика и помятіе травы порядочной части. Вызванные въ волостной судъ крестьяне Федоръ Тучинъ и Иванъ Хромцовъ миролюбиво между собою согласились, и Тучинъ уплатилъ Хромцову за сказанную потраву лично въ семъ судѣ деньгами 1 руб. 56 коп., каковымъ удовлетвореніемъ Хромцовъ остался доволенъ и просилъ считать сіе дѣло конченнымъ. Вслѣдствіе того волостной судъ опредѣлилъ: по случаю миролюбиваго соглашенія крестьянъ Ивана Хромцова и Федора Тучина считать сіе дѣло конченнымъ.

II. 1868 года 7-го октября. Сельскій староста Груздовскаго общества отъ 22-го августа сего года донесъ Великониколаевскому волостному правленію, что въ 21-е число того августа мѣсяца вѣдомства его крестьяне села Спасскаго заявили ему, что захваченъ

ими скотъ на скошенномъ сѣнѣ у зородовъ и часть онаго на озимѣ на ихъ владѣніи, куда пришли пастухи того скота крестьяне Семенъ Осиповъ Емельяновъ и Андрей Будиловъ и сказали крестьянамъ Варламу Шишкину и Андрею Кувакину, что будто бы онъ староста Бобровъ велѣлъ имъ отдать скота, и крестьяне, повѣря такимъ словамъ, скота имъ отдали, но онъ староста пастуховъ не видалъ и приказанія отъ него объ отдачѣ скота не было, почему просятъ сдѣлать по сему дѣлу должное разбирательство. Вызванные на 7-е число сего октября въ волостной судъ пастухи, крестьяне Семенъ Емельяновъ и Андрей Будиловъ, объяснили, что захваченный на потравѣ скотъ, изъ числа 31 скотины, принадлежалъ крестьянамъ деревень Полыгинской, Симаповской и села Селивановскаго, при чемъ Емельяновъ объяснилъ, что отвѣтственность за учиненную скотомъ потраву онъ принимаетъ на себя, такъ какъ на оной былъ скотъ, только состоящій подъ его завѣдываніемъ. Затѣмъ онъ Емельяновъ, съ вызванными въ волостной судъ крестьянами села Спасскаго учинилъ мировое соглашеніе въ томъ, что обязался заплатить имъ за учиненную потраву деньгами 5 руб. Волостной судъ опредѣлилъ: взыскать съ крестьянина Семена Емельянова вышеозначенныя деньги 5 рублей, копии и удовлетворить крестьянъ села Спасскаго.

III. 1865 года 25-го октября. Крестьянинъ Володимировскаго сельскаго общества, села Русановскаго, Ѳедоръ Даниловъ Табанинъ подалъ въ Великониколаевское волостное правленіе прошеніе о взысканіи съ крестьянина Усть-Тарнянскаго общества, деревни Павлушевской, Андріана Иванова Дубинина, слѣдующихъ за пастьбу скота лѣтомъ сего года малолѣтнимъ сыномъ его Иваномъ Табанинымъ не уплаченныхъ Дубининымъ денегъ 2 руб. 40 коп. Вызванный въ волостной судъ, крестьянинъ Андріянъ Дубининъ, признавая справедливость сего иска, отъ платежа денегъ отказывается тѣмъ, что когда пастухъ Иванъ Табанинъ отлучался на два дня къ празднику Прокопья Праведнаго и оставлялъ на мѣсто себя человѣка, въ то время яко бы скотомъ его Дубинина стравлена сѣнокосная чищепина, принадлежащая ему же Дубинину. Но была ли въ дѣйствительности таковая потрава, на какую сумму и по каковому случаю оная послѣдовала, Дубининъ не могъ представить ясныхъ доказательствъ, и къ тому же своевременнаго освидѣтельствованія

сей потравы никѣмъ произведено не было. Вслѣдствіе сего волостной судъ, по обсужденіи своемъ, признавая просьбу крестьянина Федора Табанина справедливою и находя отзывъ крестьянина Дубинина неуважительнымъ, приговорилъ взыскать съ крестьянина Андріяна Иванова Дубинина помянутыя деньги 2 руб. 40 коп. и по взысканіи удовлетворить оными пастуха, крестьянскаго сына Ивана Ѳедорова Табанина.

Дѣлъ о потравахъ въ волостныхъ судахъ Архангельской губерніи велось немало, но по всѣмъ имъ, за исключеніемъ приведенныхъ, отвѣтственность за потраву возлагается или на хозяевъ плохихъ полевыхъ изгородей, черезъ которыя прошелъ скотъ на поля и луга, или если изгороди крѣпкія, на хозяина скота, а не на пастуховъ.

Изъ числа причинъ, обусловливающихъ малочисленность псковъ съ пастуховъ въ Архангельской губерніи главная та, что тамъ вообще немного пастуховъ, а малочисленность ихъ, зависитъ между прочимъ, отъ большаго числа полевыхъ изгородей. Послѣднее обстоятельство отражается и на малой отвѣтственности пастуховъ за потравы: отвѣтственность эта, по причинѣ изобилія лѣсовъ, переходитъ на хозяевъ. Зависимость обыкновенія не держать пастуховъ отъ изобилія изгородей подтверждается, между прочимъ, Ручной книжкой для грамотнаго поселянина (С.Пб. 1867 г., стр. 107), въ которой сказано: „Въ мѣстахъ лѣсныхъ и особенно въ сѣверной Россіи огораживаютъ поля и луга отъ потравы скотомъ, для котораго и не держатъ особаго пастуха. Такія изгороди, конечно, приносятъ пользу, но такъ какъ дѣлаются онѣ на скорую руку, то и не всегда охраняютъ поля отъ потравы: скотъ безъ пастуха привыкаетъ блудить и скакать черезъ огорожу, пролѣзать сквозь нее, ломать ее и даже оттворять ворота. Отъ этого нигдѣ нѣтъ больше потравъ, какъ тамъ, гдѣ есть изгороди да нѣтъ пастуховъ, а спорамъ и жалобамъ конца нѣтъ. Если къ этому еще прибавить лѣсъ и всѣ дни, которые употребляются въ рабочее лѣтнее время на починку изгородей, да разчетъ сколько истрачивается крестьянами на поиски заблудившихся въ лѣсу лошадей, коровъ и другого скота, который иногда пропадаетъ и вовсе, то и выйдетъ на повѣрку, что гораздо для міра выгоднѣе нанимать пастуха“.

Вообще чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ пастухъ менѣе отвѣтственъ за

причиненный потравой ущербъ. Это обстоятельство замѣчается и въ Ярославской губерніи, въ Даниловскомъ уѣздѣ, откуда получены на счетъ потравъ обстоятельныя свѣдѣнія. Тамъ обыкновенно за потраву взыскиваютъ тогда, когда скотину загоняютъ къ себѣ въ хлѣвъ или на дворъ тѣ, кому принадлежитъ потравленный лугъ или поле. Хозяева забратой скотины, провѣдавъ, что она попалась туда-то такимъ-то сосѣдямъ, идутъ къ нимъ съ просьбой отпустить скотину, жалуясь на пастуха своего, что онъ *не дозрилъ*, худо пасетъ, обѣщаютъ, что это случилось съ нимъ въ послѣдній разъ и болѣе не повторится и т. п. Потерпѣвшая отъ потравы сторона выставляетъ свои резоны, увѣряя, что все поле испортили, что всѣ труды ихъ пропали, или что множество разъ видѣли у себя эту скотину да все недосугъ загнать было, что они сами не рады этому случаю, да неволя заставляетъ ходить за вашею скотиной, коли сами не пасете и т. д. Разговоры эти продолжаются до тѣхъ поръ, пока рѣшительно не покончатъ это дѣло выкупомъ, то-есть, виновная сторона до тѣхъ поръ не получаетъ скотины, пока не заплатитъ установленнаго таксой денежнаго штрафа, или уговариваются рѣшить дѣло такъ: отработать въ жнитво или въ другое рабочее время столько-то дней съ каждой взятой скотины. Чаще всего на этомъ бываетъ покладка, или принимаютъ во вниманіе, что сосѣди люди хорошіе, что и къ нимъ попадется ихняя скотина, что не поручиться и за своего пастуха, что не упуститъ изъ рукъ скотину и т. д. Соображенія примирительнаго свойства успокоиваютъ огорченныхъ хозяевъ, и дѣло кончается безъ всякихъ штрафовъ—прощеньемъ. Случается, что если сосѣди постоянно загоняютъ у себя въ хлѣвъ за потраву скотину другой деревни и каждый разъ берутъ съ крестьянъ этой деревни положенный денежный штрафъ, то крестьяне этой деревни въ отместку своимъ сосѣдямъ силкомъ (силой) загонятъ ихъ стадо къ себѣ въ хлѣбное поле или въ свои луга, не обращая даже вниманія на сопротивленіе пастуха, и вытребуютъ себѣ точно также плату за потраву. Дѣлается это для того, „чтобъ заключить потомъ между собою договоръ обоюдно не брать за потраву“ на сусѣдномъ дѣлѣ,“ что̀ и встрѣчается теперь весьма часто, то-есть, сосѣди другъ другу прощаютъ взаимно убытки. Съ быковъ тоже рѣдко берутъ за потраву, такъ какъ быки порознь очень часто при-

стаютъ къ коровамъ чужаго стада и отлучаются изъ своей пастушни за нѣсколько верстъ, при чемъ не то что хлѣбное поле, но и огороды самые крѣпкіе ихъ не удерживаютъ. Въ такихъ случаяхъ чужой быкъ сохраняется на томъ дворѣ, куда зайдетъ за коровою; хозяинъ же дома даетъ знать хозяину быка и безъ всякаго выкупа обратно отпускаетъ его домой; пастухъ обязанъ только разказать хозяину быка, въ какое время и въ какую сторону ушелъ отъ него быкъ. Если отлучки быка изъ стада повторяются ужь слишкомъ часто, пастухъ положительно отказывается его принимать къ себѣ въ пастушню, и тогда быка ставятъ въ хлѣвъ, если хозяинъ не хочетъ рисковать потерять его совершенно. Если попадется въ потравѣ большое стадо, то для полученія, по суду, штрафа, всю скотину не загоняютъ въ хлѣвъ, а собираютъ свидѣтелей на потраву и пересчитываютъ число головъ попавшейся скотины. За потраву съ пастуховъ не получаютъ, а расплачиваются сами хозяева. Въ наказаніе пастуху, если онъ худо пасъ цѣлое лѣто, иногда удерживаютъ часть изъ договореннаго жалованья при разчетѣ съ нимъ осенью, но всѣхъ штрафовъ, какіе примѣрно крестьяне заплатили за лѣто, никогда изъ жалованья пастуха не вычитаютъ. Каждый разъ, какъ случится потрава у сосѣдей, пастуха, конечно, бранятъ, но онъ оправдываетъ себя разными болѣе или менѣе вѣскими отговорками. Любимое оправданіе у нихъ—это: „огороды плохи, никуда не годятся, надо загородить“, а это деревнѣ хуже, чѣмъ заплатить штрафъ за потраву, особенно въ жаркую рабочую пору; оправдываются также своею отлучкой пообѣдать: „вѣдь не цѣлый день не ѣмши пасти“ и т. п. Крестьяне безусловно обвинить пастуха никогда не могутъ; если пастухъ уже крайне плохо пасетъ, и не только у сосѣдей, но и у своей деревни стравитъ поля, единственное средство справиться съ нимъ, это—разчитать его совсѣмъ и взять другаго пастуха. Но недостатокъ порядочныхъ пастуховъ у насъ такъ ощутителенъ, что и послѣ неоднократной ссоры съ ними изъ-за потравъ, все-таки его оставляютъ пасти скотъ, если не замѣчаютъ за нимъ пьянства или воровства, которые менѣе всего извиняютъ въ пастухахъ. Случаевъ такихъ, чтобы за потраву заплатилъ пастухъ почти никогда не бываетъ: штрафъ, какой бы ни былъ за это, падаетъ исключительно на самихъ хозяевъ скотины, попавшейся въ потравѣ.

Въ Самарской губерніи потравы бываютъ часто ночью, именно тамъ, гдѣ не заведено обыкновенія стеречь ночью рабочихъ лошадей. Озимь съ самой ранней осени и раннею весной сильно потравляется рабочими лошадьми. Притомъ и вообще всякій хлѣбъ, особенно во время уборки и до своза въ гумна, сильно и часто ночью потравляется рабочими же лошадьми: можно положительно утверждать, что 7 или 8% урожая идутъ на потраву. Такъ какъ крестьянину несподручно на каждую ночь отгонять рабочихъ лошадей въ таборъ, а присматривать за ними въ полѣ во время ночи не хочется, то потравы не отвратимы. Въ с. Краковѣ за потраву, произведенную отгоннымъ стадомъ, долженъ отвѣчать пастухъ, но не безусловно, а смотря по тому, на сколько было его вины, и часть потравы можетъ падать на мірскія деньги.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ сохранилось обыкновеніе захваченную на хлѣбѣ или на лугу скотину уродовать и калѣчить тѣмъ или инымъ способомъ, въ особенности, если она еще не сдѣлала потравы или нельзя доказать потравы. Въ Архангельской губерніи иногда захваченную скотину лишь обмазываютъ вонючимъ веществомъ, а не то калѣчатъ ее обрѣзываніемъ хвоста и т. п.; иногда же просто подсѣкаютъ топоромъ. Въ этихъ случаяхъ виновные въ искалѣченіи подвергаются или денежному взысканію, или же, кромѣ возмещенія убытковъ,—наказанію розгами. Въ с. Краковѣ калѣчатъ скотину только на гумнахъ; у коровъ большею частью топоромъ дѣлаютъ раны на ляжкахъ заднихъ ногъ выше колѣна, а иногда „сбрушиваютъ“ желѣзными вилами.

Въ Ярославской губерніи, по словамъ г. Якушкина, бываютъ также случаи, что при потравѣ скотину калѣчатъ, но безъ умысла по неосторожности, и ежели скотина падетъ, то уплачивается виновнымъ половина ея цѣны. Тѣ случаи, которые мнѣ извѣстны, происходили днемъ или во время уборки хлѣба въ полѣ или на огуменникѣ. Потерпѣвшіе били лошадей кольями и искалѣчили ихъ такъ, что онѣ стали негодны къ работѣ, за что̀ калѣчившія и заплатили половину ихъ стоимости. Въ Даниловскомъ уѣздѣ не слыхать объ умышленномъ калѣченьи, но само собою разумѣется, когда загоняютъ чужую скотину въ хлѣвъ къ себѣ, съ нею обращаются безъ церемоніи: загоняютъ и бьютъ хворостиной, палкой, коломъ,

чѣмъ прійдется. Загнавши къ себѣ во дворъ, наблюдаютъ напротивъ, чтобы не перекололась рогатая скотина въ тѣснотѣ, или если попались лошади, чтобы не перебились. Бывали примѣры, что хозяева, взыскивающіе за потраву по закону, сами платили стоимость испорченной у нихъ на дворѣ коровы владѣльцу ея.

Въ настоящее время, какъ мы видѣли, искалѣченіе животнаго, пойманнаго на потравѣ, признается самоуправствомъ и преслѣдуется судомъ. Въ старину же это правило въ нѣкоторыхъ случаяхъ получало санкцію закона. По Уставу о земскихъ дѣлахъ, въ случаѣ перваго захвата скотины на потравѣ хозяинъ могъ лишь задержать скотину до взысканія убытковъ, но не имѣлъ права калѣчить ее, иначе хозяинъ могъ не принять скотины и тотъ долженъ былъ отдать ему свое животное: „Аще кто обрящетъ вола пакость творяща, и не предастъ его осподарю его, яко пакости своей хотя искати на немъ, но уши обрѣжетъ, [1]) и не приметъ его осподарь его, но инъ вмѣсто того“. Въ случаѣ вторичной потравы хозяинъ потравленнаго могъ искать лишь вознагражденія, но въ третій разъ поймавшій скотину имѣлъ право обрѣзать уши или хвостъ и даже застрѣлить ее, неподвергаясь за это наказанію: „Аще кто обрящетъ свинія пакость творяща, или овцу, или песъ предастъ осподарю ихъ паки, иже нашедъ, извѣчаетъ, предастъ осподарю ихъ, въ третій же нашедъ уши урѣжетъ, или хвостъ, или застрѣлитъ, неповиненъ есть“.

Изъ приведенныхъ статей Устава о земскихъ дѣлахъ видно, что за потраву отвѣтствовалъ хозяинъ скота. То же подтверждается и другими статьями Устава, именно слѣдующими: „Аще кто пожнетъ свою долю, ближнихъ же его доль не пожатныхъ сущихъ, и вверженъ свою животину, и пакость нѣкую учинитъ ближнимъ, біенъ будетъ кулаковъ 30, и потерянное заплатитъ“. Или. . . . . „пасущіи овецъ на чужой землѣ неправедно, сугубо отдадятъ“. Но въ другихъ случаяхъ возниканіе убытковъ за потраву возлагалось и на пастуха: „Аще пастырь чреды вола пріемъ, индѣ отступитъ, и волъ отлучится отъ множества воловъ, и отшедъ внидетъ въ ниву,

---

[1]) Лишеніе скотины ушей равнялось отнятію въ будущемъ доказательства на ея принадлежность, такъ какъ на ушахъ нарѣзывались знаки собственности.

или виноградъ, и истраву доспѣетъ, наемъ свой возметъ, а истравужъ заплатитъ всю“. По Судебникамъ 1497 и 1550 годовъ потраву платилъ хозяинъ ветхой полевой изгороди, черезъ которую прошелъ скотъ: „а чьею огородою учинится потрава, ино тому платити, чья огорода“.

Степень соотвѣтствія приведенныхъ узаконеній настоящимъ обычаямъ можетъ быть замѣчена при сравненіи ихъ съ рѣшеніями теперешнихъ волостныхъ судовъ разныхъ губерній о потравахъ. Приводимъ болѣе интересные случаи изъ этихъ рѣшеній:

За потраву, причиненную въ ночное время табуномъ лошадей, отвѣчаетъ, по стоимости потравленнаго, тотъ изъ двухъ ночныхъ сторожей, въ очередь котораго (съ полуночи до разсвѣта) случилась потрава [1]). Крестьяне одной деревни сдѣлали между собою такой договоръ о пастьбѣ скота: если кто изъ нихъ не усмотритъ скота во время очереднаго караула и дастъ поводъ сдѣлать потраву, то тотъ и отвѣчаетъ самъ за всю скотину, не привлекая къ отвѣтственности прочихъ домохозяевъ. На этомъ основаніи, хотя потрава сдѣлана почти всѣмъ скотомъ деревни, и истцы подали искъ на всѣхъ домохозяевъ той деревни, но взысканіе обращено судомъ лишь на двухъ изъ нихъ, наблюдавшихъ за скотомъ во время потравы; изъ нихъ у перваго была сдѣлана одна потрава, а у втораго двѣ, поэтому съ перваго взыскана одна треть, съ послѣдняго двѣ трети стоимости потравленнаго [2]).—Пять жителей истца, взыскивающаго за потраву сѣна рогатымъ скотомъ, производили паству скота по очереди, а самая потрава сдѣлана во время караула одного изъ нихъ, поэтому четыре изъ нихъ заявляли на судѣ, что не считаютъ себя обязанными участвовать въ платежѣ за потраву, судъ приговорилъ виновнаго къ уплатѣ половины стоимости потравы, съ тѣмъ что „если участвующіе съ нимъ вмѣстѣ въ пастьбѣ крестьяне изъ сожалѣнія его пожелаютъ сдѣлать ему вспомоществованіе, то онъ ихъ можетъ просить особо“ [3]).

Конный пастухъ отвѣчаетъ за потраву по полной оцѣнкѣ:

---

[1]) Тр. к. о Вол. Суд., I, 219: Тамбовск. у.
[2]) Тамъ же, III, 132: Ярославская губ., Мологск. у.
[3]) Тамъ же, VI, 251: Самарская губ., Бугурусл. у.

хотя онъ и заявлялъ на судѣ, что потравилъ хлѣбъ истцовъ: Во время ночи, когда была сильная гроза, отъ которой табунъ испугавшись выбился изъ стойла, и онъ не могъ его собрать; стойло же (калда), въ которомъ находился табунъ, было ветхое отъ неустройства его обществомъ, почему онъ и не считаетъ себя виновнымъ въ упускѣ табуна и не обязывается уплачивать за потраву хлѣба. Судъ однако призналъ пастуха виновнымъ въ упускѣ табуна, тѣмъ болѣе, что въ числѣ лошадей, бывшихъ на потравѣ, оказались и спутанныя [3]). Бываютъ случаи, что судъ приговариваетъ пастуха къ уплатѣ нѣсколько меньшей суммы противъ стоимости потравы, или половины, или даже менѣе, при чемъ деньги эти вычитаются изъ жалованья пастуха. Въ одномъ изъ такихъ дѣлъ находится заявленіе пастуха, что крестьяне неправильно вычитаютъ у него за потраву яроваго хлѣба распутанными лошадьми, тогда какъ онъ обязался отвѣчать за потраву хлѣба спутанными лошадьми, какъ это было по уговору. Тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ удержать изъ его жалованья сумму, соотвѣтствующую половинѣ стоимости потравы [1]). Въ другомъ случаѣ съ пастуха удержана только половина штрафа, за непредставленіемъ обществомъ точныхъ доказательствъ потравы [2]). Въ одномъ случаѣ убытки за потраву, сдѣланную на земляхъ сосѣдняго селенія, по приговору суда, взысканы съ общества, съ предоставленіемъ послѣднему права вычесть изъ положеннаго пастуху жалованья [3]). Случается, что часть убытковъ взыскивается съ пастуха, а часть, съ общества. Вотъ примѣръ: Пастухъ жаловался суду, что онъ, пася общественный рогатый скотъ и отлучившись по крайней своей надобности ко двору, оставилъ при табунѣ одного своего подпаска, и вдругъ нашла сильная буря съ вихремъ и дождемъ, разогнала скотину въ разныя стороны, и изъ числа скотины часть попала на поля крестьянъ сосѣднихъ деревень, а часть на расходъ одного крестьянина, за что̀ сынъ этого крестьянина взялъ у подпаска верховую лошадь и лишилъ его возможности собрать скотину. Не смотря на это, общество удержало изъ условленной за пастьбу

---

[1]) Тамъ же, VI, 67: Самарск. у.; III, 391: Костромск. губ., Кинешмск. у.
[2]) Тамъ же, II, 571: Московск. губ., Клинск. у.
[3]) Тамъ же, II, 399: Московск. губ., Бронницк. у.

платы 15 р. 50 к. на пополненіе уплаченныхъ за потраву вышесказанныхъ полей, изъ мірскихъ суммъ 10 руб., и кромѣ того, для уплаты за то же по выданной отъ общества роспискѣ крестьянину, владѣльцу расхода, 5 р. 50 к. Судъ же, по разсмотрѣніи дѣла, постановилъ у пастуха удержать изъ жалованья 3 рубля за то, что онъ безъ дозволенія сельскаго старосты и общества отлучился отъ табуна, а владѣльцу расхода за отнятіе лошади въ уплатѣ по роспискѣ и за потраву 5 р. 50 к. отказать, на что̀ онъ объявилъ добровольное согласіе, а остальные 7 руб. принять на счетъ общества [1]).

Иногда взысканіе за потраву возлагается лишь на общество. Обвиняемый въ потравѣ сѣна, принадлежащаго священнику и причетникамъ, пастухъ сознался въ ней, объяснивъ при этомъ, что, кромѣ его скота, особо паслась еще скотина двухъ крестьянъ, до 200 коровъ. Два судьи рѣшили дѣло такъ: „хотя и слѣдовало бы взыскать за потраву сѣнокоса съ пастуха въ пользу священно-и церковнослужителей, но какъ онъ отказался отъ платежа этого иска по несостоятельности, и имѣнія на удовлетвореніе этого иска у него никакого нѣтъ, и какъ онъ обществомъ нанятъ безъ условія, изъ котораго можно было бы видѣть, кто долженъ удовлетворять подобные иски, а тѣмъ болѣе пастухъ отозвался, что ему предоставлено мѣстнымъ начальствомъ пасти скотъ вольно и прекратить стойло, а потому взыскать съ общества по стоимости потравы“. Третій же судья заявилъ, что, по его мнѣнію, рѣшеніе дѣла слѣдовало бъ оставить впредь до собранія схода, который сумму эту можетъ наложить на тѣхъ крестьянъ, которые пасли скотъ особо, безъ позволенія схода [2]). Не мало есть такихъ рѣшеній, по которымъ взысканія за потраву налагаются судомъ не на пастуховъ, а на хозяевъ скота, захваченнаго на потравѣ [3]). Изъ этихъ рѣшеній однако нельзя заключать, переносятъ ли хозяева взысканіе на пастуховъ, или нѣтъ. Тамъ, гдѣ существуютъ полевыя изгороди, всегда почти отвѣтственность за потравы падаетъ на тѣхъ хозяевъ, у которыхъ плохая изгородь, или которые изломали общую

---

[1]) Тамъ же, VI, 451: Саратовск. губ., Аткарск. у.

[2]) Тамъ же, VI, 388: Саратовск. у.

[3]) Тамъ же, I, 356, 373, 443; II, 267; III, 149, 173, 207, 359; VI, 80, 136, 245.

изгородь [1]). Изъ рѣшеній также видно, что хозяинъ потравленнаго иногда удовлетворяется лишь тѣмъ, что побьетъ пастуха [2]).

Въ Малороссіи, если хозяинъ застанетъ чужой скотъ на своемъ пастбищѣ или полѣ, то онъ вмѣсто всякой жалобы гонитъ скотъ къ себѣ на дворъ и не отдаетъ его, пока не получитъ удовлетворенія, большею частью назначаемаго по взаимному соглашенію, а при значительномъ убыткѣ—по приговору посредниковъ или общества. Въ другихъ мѣстахъ пойманный на потравѣ скотъ рѣдко загоняютъ, а по большей части лишь отнимаютъ у пастуха одежду и держатъ ее пока пастухъ или его хозяинъ не прійдутъ за нею. За потраву тамъ отвѣчаетъ или пастухъ вычетомъ изъ жалованья, если, пася скотъ, не досмотритъ, и волы попадутся въ шкодѣ, или хозяинъ скота [3]). Судя по многочисленнымъ рѣшеніямъ южныхъ волостныхъ судовъ, въ Малороссіи отвѣтственность чаще всего падаетъ на хозяевъ, и гораздо рѣже на пастуха [4]).

Изложенные нами народные обычаи, касающіеся отвѣтственности за потраву существенно расходятся съ оффиціальнымъ закономъ. Передъ закономъ за всякую потраву отвѣтственнымъ лицемъ является лишь владѣлецъ скота, и по толкованію кассаціоннаго департамента сената, отвѣтственность эта не можетъ падать на пастуха. Между тѣмъ крестьяне во многихъ мѣстахъ, передавъ въ полное владѣніе пастуха свой скотъ, естественно считаютъ отвѣтственнымъ лицемъ за потраву не собственника скота, а пастуха, имѣющаго надзоръ за скотомъ, и только по тому частью или вполнѣ принимаютъ на себя уплату убытковъ за потраву, что не хотятъ обижать бѣдняковъ-пастуховъ взысканіемъ съ нихъ штрафовъ. Полная отвѣтственность на хозяевъ возлагается лишь тамъ, гдѣ поля и луга охраняются отъ потравъ главнѣйшимъ образомъ изгородями, устраиваемыми хозяевами.

---

[1]) Тамъ же, III, 136, 173: Ярославск. губ., Мологск. и Углицк. уѣзды.

[2]) Тамъ же, VI, 67: Самарск. у.

[3]) *Юрид. Записки Рыдкина* т. 2, 1842: Юрид. бытъ Малорос. *Тарновскаго*, стр. 40; *Основа* 1862 г., № 2: Наблюд. мировъ. посредн. надъ обыч. въ Кременч. у. стр. 33; Труды эксп. въ юго-запад. край, т. VI. стр. 76; *Записки Руск. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.*, т. 2, стр. 134—142, 713.

[4]) Тр. ком. о вол. суд., IV, 103, 115, 123, 133, 193, 275, 283, 289, 307, 385, 461, 467, 473, 517, 553, 561, 575, 589; V, 520.

Обращаясь къ случаямъ нарушенія и прекращенія договора найма пастуховъ, какъ со стороны нанимаемыхъ, такъ и со стороны общества, мы должны отвѣчать на вопросы: въ правѣ ли общество прогнать до срока пастуха, или пастухъ оставить нанимателей и по какимъ причинамъ; какія причины считаются недостаточными для этого, и какой отвѣтственности подвергается общество или пастухи (не наказываются ли послѣдніе тѣлесно) въ случаѣ прекращенія договора по неуважительнымъ причинамъ?

По свѣдѣніямъ изъ с. Кракова, общество не станетъ насильно держать пастуха, опасаясь не вознаградимаго вреда отъ него, а потому нарушеніе договора со стороны пастуха можетъ совершиться безнаказанно, что̀ и бываетъ. При отсутствіи конкурентовъ пастушнаго дѣла о наказаніи пастуха розгами не можетъ быть и рѣчи. По словамъ Е. П. Якушкина, общество имѣетъ право прогнать пастуха и раньше срока, ежели онъ поступитъ нечестно, напримѣръ, будетъ продавать скотъ, пьянствовать и совсѣмъ не заниматься своею обязанностію и т. п.; но пастухъ уйдти до срока не въ правѣ. Болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія на счетъ нарушенія и прекращенія договора заключаются въ отвѣтахъ г. Ушакова изъ Данпловскаго уѣзда. „До сихъ поръ у насъ договоръ личнаго найма“, сообщаетъ г. Ушаковъ,—„прекращается во всѣхъ случаяхъ совершенно свободно, по желанію одной изъ сторонъ—это вошло у насъ въ коренной обычай. Если наниматель-хозяинъ, будь это отдѣльное лице, будь это крестьянское общество, окажется недовольнымъ своимъ работникомъ, онъ разчитываетъ его немедленно, даже срока на пріисканіе другаго мѣста рабочему человѣку никакого не полагается: сегодня хорошъ,—пастухъ ли, работникъ ли вообще, хозяинъ его держитъ; завтра онъ оказался дуренъ, непадобенъ, ему отказываютъ отъ мѣста, и никакихъ претензій, никакихъ жалобъ на несвоевременность расчета уволеннымъ рабочимъ у насъ не производится. Совершенно такое же право отказаться отъ работы, когда угодно, у насъ имѣетъ и работникъ вообще, а въ частности пастухъ. Случается, изъ-за пустяковъ, мелкихъ дрязгъ какихъ-нибудь работникъ, побранившись съ своимъ хозяиномъ, уходитъ даже съ работы и требуетъ себѣ немедленнаго разчета: „вотъ тебѣ, хозяинъ, хомутъ и дуга, а я тебѣ болѣе не слуга“, и никто такого работника, а тѣмъ болѣе пастуха,

не захочетъ у насъ приневолить остаться жить до окончанія срока по первоначальной рядѣ. Отдѣльному ли хозяину, или цѣлой деревнѣ разчета нѣтъ довѣрять цѣлость своего стада недовольному своимъ мѣстомъ пастуху, такъ какъ онъ, пастухъ, рѣшившись разъ отойдти съ мѣста, всегда поставитъ на своемъ; онъ можетъ прежде всего сказаться нездоровымъ и потомъ станетъ шляться, гдѣ ему угодно, а не пасти, ну, и дѣлу конецъ, его уволятъ. Тутъ играетъ большую роль паспортъ, если пастухъ захожій человѣкъ. Видъ на жительство всегда отдается при рядѣ рабочимъ человѣкомъ своему хозяину въ обезпеченіе, что онъ, работникъ, поступилъ на мѣсто. Получить обратно видъ, не доживя до срока, не такъ легко, какъ отказаться отъ мѣста. Но и это препятствіе опытные, бывалые рабочіе мастерски умѣютъ устранить. Обыкновенная уловка у нихъ это—отговорка своимъ нездоровьемъ: „пожалуй, коли хотите“, скажетъ такой работникъ,—„держите меня больнаго, кормите, а работать у меня силъ нѣтъ“. Что̀ съ нимъ прикажете дѣлать? Всякій хозяинъ радъ сбыть его съ рукъ: „уходи на всѣ четыре стороны, вотъ тебѣ и видъ твой“. Другая манера бывалаго, опытнаго работника, искусившагося въ искусствѣ надувать своего хозяина,—это напустить на хозяина страху; одна фраза въ родѣ нижеслѣдующей, сказанная рабочимъ на сторону мимоходомъ, заставитъ призадуматься хозяина или даже всю деревню не лучше ли по добру по здорову разчитать пастуха и выдать ему не только видъ, но и все, что̀ причитается за прожитое время, жалованье: „Ладно“, говоритъ рабочій,—„поломните меня“. Въ деревнѣ хорошо извѣстно чѣмъ отзывается эта короткая фраза. Нажить вòрога, лихого человѣка наши умные, степенные люди изъ мужиковъ никому не пожелаютъ, не то, что своей деревнѣ: „Плюньте, ребята, развяжитесь съ нимъ, говорятъ вамъ, ну его въ пустое мѣсто, охота связываться съ непутящимъ пастушенкомъ“,—и всѣ послушаютъ этого совѣта. Шляться по судамъ въ рабочую пору, имѣя въ перспективѣ угрозу обиженнаго разчетомъ пастуха, нашимъ крестьянамъ рѣшительно не съ руки; отъ этого сойдти съ мѣста у насъ гораздо легче всякому, чѣмъ порядиться. И этимъ правомъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто въ нашей сторонѣ особенно злоупотребляютъ пришлые рабочіе изъ Архангельской и Вологодской губерній, то-есть, именно

тѣ люди, которые свой паспортъ отдаютъ въ руки своимъ хозяевамъ, какъ залогъ, ручательство принятой на себя обязанности. Гораздо менѣе слышно несвоевременныхъ отходовъ съ мѣста рабочихъ изъ тутошнихъ крестьянъ, живущихъ у своихъ хозяевъ безъ всякаго письменнаго вида, по одному словесному уговору; „хоть вѣкъ пиши, а видно въ комъ нѣтъ души, ничего съ тѣмъ не подѣлаешь“, весьма основательно замѣчаютъ наши доморощенные скептики при наймѣ рабочихъ. Съ другой стороны такая нестѣсненность перехода съ мѣста на мѣсто нашихъ лѣтнихъ рабочихъ, а въ частности пастуховъ, имѣетъ и свою выгодную сторону. Хозяинъ дорожитъ хорошимъ работникомъ; условія жизни рабочаго человѣка въ нашей сторонѣ этимъ самымъ смягчены до наивозможной степени. Самъ то ты хоть не ѣшь, не пей, да чтобъ у тебя рабочій былъ сытъ,—вотъ чего требуетъ практика отъ любаго нашего хозяина, иначе онъ наспдится лѣтомъ безъ работниковъ, что̀ и подтверждается у насъ ежегодно многими примѣрами. Случаи удержанія жалованья у пастуховъ, когда они уйдутъ съ мѣста, не доживши до срока, вообще говоря, у насъ рѣдки, встрѣчаются какъ исключеніе. Это позволяютъ себѣ дѣлать хозяева или крестьяне извѣстной деревни лишь тогда, когда попадется къ нимъ пастухъ мямля, дураковатый, котораго и курица не побоится обидѣть. Вообще если можно кого безнаказанно обидѣть, то наши крестьяне, также какъ и отдѣльные хозяева-землевладѣльцы, почти безъ исключеній, не побрезгаютъ рабочаго ли простаго, пастуха ли, попрекать при разчетѣ. Филантропіи въ экономическихъ отношеніяхъ и въ нашей мѣстности, должно быть, какъ и на всемъ бѣломъ свѣтѣ, пока не замѣтно. Разумныя, можно сказать, премудрыя сужденія о томъ, какъ туго пришло у насъ хозяину, какъ плохъ нынѣ сталъ работникъ, какъ тебя разлижутъ, если сталъ ты больно сладокъ, и какъ тебя расплюютъ, если сдѣлаешься очень ты горекъ, какъ съ работникомъ необходимъ лисій хвостъ и волчьи зубы, — всѣ эти и имъ подобныя изрѣченія нашихъ деревенскихъ Соломоновъ-мудрецовъ представляются окончательными формулами, выводами изъ дѣйствительности деревенской практики. Крестьянинъ-хозяинъ, также какъ и работникъ-крестьянинъ, по преимуществу практическіе философы; и тотъ, и другой очень хорошо понимаютъ другъ друга и не премнутъ воспользо-

ваться другъ другомъ, если который-нибудь изъ нихъ развѣситъ уши, оплошаетъ—при договорѣ ли, во время ли житья, или при разчетѣ. Изъ вышесказаннаго видно, что самыя гуманныя рѣшенія крестьянъ, какъ напримѣръ, отпустить, хотя бы и провинившагося передъ ними пастуха, по добру по здорову съ полнымъ слѣдующимъ ему разчетомъ жалованья, имѣютъ подъ собою, такъ сказать, подкладку чисто практическую, утилитарное соображеніе: не тронь, не завопяетъ, дальше моря меньше горя. И съ этимъ, думается, нельзя не согласиться каждому, желающему прожить свой вѣкъ по крестьянски—„середка на половинѣ“. Относительно того не наказываетъ ли общество иногда пастуха своего розгами и въ какихъ случаяхъ, послѣ всего предыдущаго, можно думать, понятенъ будетъ до очевидности отрицательный отвѣтъ. И дѣйствительно, реформы послѣднихъ 20 лѣтъ въ совокупности развили въ крестьянствѣ нашемъ здѣсь говорится только объ опредѣленной здѣшней мѣстности, 1)—чувство пониманія человѣческаго достоинства на столько, что самая мысль самовольно выпороть, кому бы то ни было, провинившагося пастуха не можетъ серьезно прійдти въ голову. О рѣшеніяхъ же мѣстныхъ волостныхъ судовъ на этотъ счетъ то же можно сказать, что̀ и о крестьянскомъ мнѣніи вообще. Дѣлъ подобныхъ, сколько извѣстно, до суда не доходило, а еслибъ и дошло, то съ большою вѣроятностью можно сказать, что волостные судьи не приговорятъ провинившагося пастуха къ наказанію розгами, понимая отлично невозможность силою принудить человѣка служить добросовѣстно у своихъ хозяевъ.“

Что касается поводовъ къ нарушенію договора со стороны пастуха, то обыкновенными считаются плохое содержаніе пастуха, ограниченность жалованья при сравнительной дороговизнѣ наемной цѣны сосѣднихъ пастуховъ, отказъ въ снабженіи пастуха одеждой, если выговорено было при рядѣ давать пастуху во все время пастьбы хозяйское платье, сапоги или лапти. Остальные поводы къ нарушенію договора и отношеніе къ нему обычнаго права видны изъ приводимыхъ ниже рѣшеній волостныхъ судовъ разныхъ губерній. Такъ, эти рѣшенія показываютъ, что въ случаѣ оставленія пастухомъ своихъ обязанностей по уважительнымъ при-

---

1) То-есть, о Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи.

чинамъ, онъ не только не принуждается къ исполненію договора, но вознаграждается жалованьемъ до дня оставленія службы: Пастухъ нанялся у общества пасти свиней за 48 руб., изъ коихъ долженъ былъ, по уговору, при выгонѣ стада получить, въ видѣ задатка, 10 руб. и за выпитые съ обществомъ давасы 2 рубля. Но послѣ того, какъ онъ пропасъ свиней двѣ недѣли, задатка по нѣсколькимъ требованіямъ общество не отдавало, отзываясь неимѣніемъ денегъ; онъ же, по своей надобности и необходимой крайности въ деньгахъ, свиней пасти бросилъ, а потому просилъ взыскать съ общества за пропасенныя имъ двѣ недѣли по разчету деньги. Судъ приговорилъ удовлетворить пастуха пятью рублями и уплатить цѣловальнику за вино, выпитое при рядѣ, 2 рубля, а за неисполненіе обществомъ условнаго договора сдѣлать ему выговоръ [1]). Пастухъ, нанятый пасти скотъ съ 23-го апрѣля до покрытія земли снѣгомъ за 39 рублей, допасти до 4-го сентября отказался, по его показанію, собственно изъ-за того, что неправильно вычитаютъ у него за потраву яроваго хлѣба распутанными лошадьми, тогда какъ онъ по уговору обязался отвѣчать за потраву спутанными лошадьми; по его разчету слѣдуетъ ему дополучить съ общества 19 руб. 50 коп. Староста и довѣренные крестьяне показали на судѣ, что они вычли изъ жалованья пастуха 2 руб. 50 коп. за сдѣланную имъ потраву, да за утренники, которые, по уговору, онъ обязанъ пасти, 4 руб.; слѣдовательно, за ними остается 13 рублей, которые они обязались ему уплатить. Судъ постановилъ 13 руб. взыскать съ общества и удовлетворить ими пастуха. [2])—Если пастухъ, прекратившій договоръ забралъ деньги впередъ, то ему засчитывается жалованье лишь до дня оставленія службы, а остальное вычитается, а равно вычитаются и деньги, употребленныя обществомъ на наемъ другаго пастуха. По случаю отказа пастуха отъ своихъ обязательствъ, судъ взыскиваетъ съ пастуха, перебранные имъ во время его стережбы деньги 8 руб. 65 коп. и 6 руб. 35 коп., истраченныя обществомъ на наемъ другаго лица для стережки скота съ 23-го іюля по 3-е августа, такъ какъ общество, согласно обязательства пастуха въ отношеніи сте-

---

[1]) Тр. Ком. о вол. суд., VI, 118: Самарск. губ., Бузулукск. у.

[2]) Тамъ же, II, 571: Московск. губ., Клинск. у.

режбы, въ правѣ было нанять другое лицо [1]).—Если судъ приговариваетъ пастуха, бросившаго пастьбу скота, къ исполненію договора, то не безусловно, а съ оговоркой: буде онъ не пожелаетъ исполнить договоръ, то долженъ сдѣлать разчетъ съ нанимателями. Хозяинъ-крестьянинъ нанялъ пастуха для пастьбы мелкаго скота за 43 р.; пастухъ, получивши 15 руб., приступилъ къ пастьбѣ съ 5-го апрѣля, а въ маѣ объявилъ хозяину, что онъ далѣе продолжать пастьбу скота и жить у него не желаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не дѣлаетъ никакого разчета въ забранныхъ впередъ деньгахъ и вещахъ; поэтому хозяинъ просилъ или заставить его, согласно сдѣланному между ними договору, пасти скотъ, или же сдѣлать вѣрнѣйшій разчетъ въ забранныхъ деньгахъ. Судъ опредѣлилъ: сколько слѣдуетъ зачесть пастуху за пастьбу изъ числа забранныхъ имъ впередъ денегъ, а оставшіеся за нимъ заставить его заработать пастьбою скота, въ противномъ же случаѣ взыскать ихъ съ него и удовлетворить истца [2]).—Повѣренные крестьянскаго общества заявили суду жалобу на пастуха и конюха въ томъ, что они нанялись у общества стеречь, первый—рогатый скотъ, второй—лошадей, пастухъ—за 76 руб., въ число коихъ забралъ 45 руб., конюхъ—за 77 руб., въ число которыхъ забралъ 35 руб., но затѣмъ отказались отъ пастьбы, первый 23-го іюля, второй 20-го іюля; условіе перваго пастуха было—имѣть при себѣ еще двухъ лицъ; второй нанятъ съ условіемъ, чтобы въ августѣ мѣсяцѣ въ ночное время двадцать ночей отстеречь; поэтому повѣренные просили судъ понудить ихъ стеречь скотъ, а иначе чтобы конюхъ отдалъ за 20 ночей на наемъ сторонняго лица 10 руб. Отвѣтчики приводили въ свое оправданіе, что отказались пасти скотъ, первый—потому, что нѣтъ при немъ помоги двухъ лицъ при стадѣ, которыхъ онъ не пріискалъ по неимѣнію средствъ, второй—по причинѣ отказа общества въ дачѣ ему впередъ денегъ на хлѣбъ: онъ-де желаетъ отстеречь десять ночей, но денегъ платить не соглашается по неимѣнію. Судъ постановилъ относительно пастуха, чтобъ онъ стерегъ скотину до опредѣленнаго времени; въ противномъ случаѣ предоставляется обществу нанять другаго пастуха, и какіе отъ сего найма послѣдуютъ для общества убытки противъ

---

[1]) Тамъ же, II, 187: Московск. губ., Серпуховск. у.

[2]) Тамъ же, VI, 61: Самарск. у.

цѣны 76 руб., предоставить имъ взыскивать съ отвѣтчика судебнымъ порядкомъ; относительно конюха, такъ какъ повѣренные заявили, что они наняли уже пастуха для стережбы лошадей и не желаютъ, чтобъ онъ стерегъ, судъ опредѣлилъ взыскать съ него половину проспмой суммы, 5 руб. [1]).—Слѣдующія два рѣшенія весьма строги и весьма рѣдко повторяются. Удержаніе заслуженнаго жалованья и розги—наказанія не обычныя. Два пастуха—конный и рогатаго скота, нанятые цѣною за 73 руб. и забравшіе денегъ 31 руб., ушли 1-го іюля домой, оставивъ стадо безъ всякаго присмотра и не объяснивъ причинъ. Между тѣмъ просители были вынуждены для пастьбы скота нанимать другихъ пастуховъ и чрезъ это понесли значительные убытки. На судѣ пастухи объяснили: первый—что онъ паство бросилъ будто бы отъ дѣлаемыхъ ему угрозъ жителями за ѣзду на лошадяхъ, а послѣдній—по случаю болѣзни. Волостной судъ, находя, что первый пастухъ объ угрозахъ на причиненіе побоевъ обязанъ былъ заявить мѣстному старостѣ или волостному начальству, и что причины болѣзни послѣдняго, хотя и были уважительны, но онъ и по выздоровленіи своемъ не явился къ своей обязанности, —а съ тѣмъ вмѣстѣ принимая во вниманіе понесенные жителями убытки черезъ вторичный наемъ пастуховъ, опредѣлилъ: за нарушеніе условія и вовлеченіе въ убытки жителей, не назначая имъ за трудъ никакого воэнагражденія, взыскать съ пастуховъ полученныя ими деньги 31 руб., которыми и удовлетворить просителей, и кромѣ того, коннаго пастуха, какъ онъ первый подалъ поводъ къ оставленію табуна, наказать розгами, 19 ударами [2]). По заявленіи сельскаго старосты, что коровій пастухъ не радѣетъ нисколько къ своей обязанности и сталъ уклоняться отъ оной, оставивъ пастьбу,—судъ, найдя это заявленіе справедливымъ, приговорилъ пастуха за лѣность и нерадѣніе къ принятой обязанности наказать розгами съ тѣмъ, чтобъ онъ свою обязанность исполнялъ до истеченія срока пастьбы.

Пастухъ вознаграждается жалованьемъ даже въ такомъ случаѣ, когда ему отказано обществомъ по его винѣ [3]): По

---

[1]) Тамъ же, II, 186: Московск. губ., Серпуховск. у.
[2]) Тамъ же, VI, 248: Самарск. губ., Бугурусл. у.
[3]) Тамъ же, VI, 552: Саратовск. губ., Камышинск. у.

случаю порчи быка волкомъ общество отказало пастуху, заплативъ за пастьбу 85 руб. по день его службы. Но пастухъ, оставшись разчетомъ общества недоволенъ, просплъ за осеннюю пастьбу прибавки. Судъ приговорплъ довзыскать въ пользу пастуха еще пять рублей, такъ какъ осеннія ночи для пастьбы скота болѣе затруднпительны, чѣмъ обыкновенное лѣтнее время [1]).

Изъ изложенныхъ фактовъ видно, что обычаи относительно нарушенія и прекращенія договора между нанимателями и пастухами расходятся съ гражданскимъ закономъ, по которому всякій договоръ и обязательство пропзводятъ обязанность исполненія, и что въ случаѣ нарушенія договора противная сторона можетъ требовать понужденія къ исполненію. По обычаю, каждая изъ сторонъ можетъ отказаться отъ договора, въ особенностп по сколько-нибудь уважптельнымъ причинамъ. Отказавшаяся сторона только вознаграждаетъ убытки противной стороны. Пастухъ, прекратившій договоръ до срока, разчитывается за прожитое время, а если общество наняло другаго пастуха, то разница въ цѣнѣ найма взыскивается съ перваго. Только въ псключительныхъ случаяхъ пастуха побуждаютъ къ псполненію договора, то-есть, заставляютъ его дожпть до срока, а еще рѣже приговариваютъ къ уголовному наказанію.

П. Ефименко.

---

[1]) Тамъ же, II, 423: Московск. губ., Бронницк. у.

КЪ ВОПРОСУ О ЦЕНЗУРѢ НРАВОВЪ У НАРОДА.

Чѣмъ ближе мы вникаемъ въ жизнь народа, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ томъ, что бытъ его до сихъ поръ сохранилъ многія архаическія черты. Нѣкоторыя изъ этихъ чертъ, уцѣлѣвшія еще въ значительной свѣжести, по своей хронологіи, несомнѣнно, гораздо старѣе происхожденія Русскаго государства. И если сравнить черты быта народнаго въ данной мѣстности съ соотвѣтствующими чертами такъ-называемаго образованнаго класса въ той же мѣстности быта, то различіе окажется крайне рѣзкимъ. Если бы цивилизація народа была предоставлена сама себѣ, то для уничтоженія этого различія потребовались бы многія столѣтія.

Мысли эти вызваны нѣкоторыми явленіями жизни народа, относящимися къ вопросу о цензурѣ нравовъ. Мы говоримъ *къ вопросу* потому, что намѣрены коснуться только той цензуры нравовъ, которую народъ проявляетъ во время совершенія браковъ. О другихъ однородныхъ явленіяхъ этого рода мы говорить не будемъ.

Наше такъ-называемое образованное общество, подобно и всякому европейскому этого рода, держится полнѣйшаго невмѣшательства въ отношенія жениха къ невѣстѣ. Заключеніе брака и сопровождающія его событія болѣе и болѣе становятся дѣломъ исключительно индивидуальной жизни. Постепенно выходятъ изъ употребленія публичныя торжества брака. Человѣкъ образованный не любитъ и старается не допускать, чтобы чужой глазъ проникалъ въ его чисто индивидуальную жизнь и хотя, съ одной сто-

роны, бракъ въ европейскихъ обществахъ болѣе и болѣе теряетъ характеръ церковнаго таинства и принимаетъ черты гражданскаго института, но съ другой—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ характеръ тайны въ томъ отношеніи, что чужой глазъ болѣе и болѣе устраняется отъ непосредственнаго наблюденія надъ этимъ событіемъ.

Не то мы находимъ у народа. До сихъ поръ событія брачнаго торжества составляютъ у него дѣло общественное. Брачное торжество сопровождается въ народѣ обрядами, которые совершаются съ извѣстною пунктуальностью и являются чѣмъ-то необходимымъ и важнымъ, безъ чего бракъ не въ бракъ: малороссійское *весілле* — это цѣлая драма, непремѣнно имѣющая своего дирижёра въ лицѣ ветхой, но опытной старухи, сидящей *на печи* и напоминающей что̀ за чѣмъ должно слѣдовать, и слѣдящей за тѣмъ, чтобы что-нибудь важное не было опущено. Отсюда выраженіе: играть весілле, играть сватьбу. При исполненіи этихъ обрядовъ каждое лицо, приглашенное для извѣстнаго назначенія, играетъ свою роль, а всѣ лица, играющія эту драму, составляютъ то общество, которое заинтересовано въ исполненіи этихъ обрядовъ. Къ числу этихъ обрядовъ принадлежатъ и тѣ, которыми, вопервыхъ, сопровождается удостовѣреніе, сохранила ли невѣста до брака цѣломудріе, или нѣтъ, а вовторыхъ, тѣ, которыми проявляется выраженіе, въ первомъ случаѣ—одобренія, похвалы, радости, а во второмъ случаѣ—порицанія, позора и неудовольствія.

Обряды удостовѣренія въ цѣломудріи невѣсты составляютъ отдѣльный и самостоятельный актъ брачнаго торжества, въ совершеніи котораго принимаютъ участіе главнѣйшіе его дѣятели, а въ исходѣ заинтересованы всѣ свадебные гости.

Этотъ обрядъ у Малороссійской вѣтви Русскаго народа совершается съ воскресенья на понедѣльникъ. По стародавнему, онъ имѣетъ мѣсто поздно вечеромъ въ воскресенье. По новѣйшему, въ видахъ сокращенія времени брачныхъ торжествъ, а слѣдовательно, и расходовъ, этотъ актъ удостовѣренія совершается иногда вскорѣ послѣ обѣда. Но во всякомъ случаѣ, женихъ и невѣста уходятъ *въ комору*, но не для того, чтобы провести тамъ цѣлую ночь, а только для совершенія извѣстнаго акта, направленнаго между прочимъ къ разрѣшенію вопроса о цѣломудріи невѣсты. Для этого,

послѣ увода жениха и невѣсты на брачное ложе, боярин, дружко или свахи сторожатъ и освѣдомляются тѣмъ или другимъ образомъ, окончен ли этотъ актъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свахи внушаютъ новобрачной, чтобъ она тотчасъ оттолкнула молодаго, какъ только онъ лишитъ ее дѣвства. И какъ только удостовѣрятся въ окончаніи перваго акта сожительства тотчасъ стараются приступить къ изслѣдованію, и если можно такъ выразиться, къ обнародованію результатовъ этого акта. Послѣ первыхъ дѣйствій изслѣдованія и обнародованія, нерѣдко женихъ и невѣста возвращаются на брачную постель, гдѣ остаются до утра. А этотъ-то перерывъ прямо указываетъ на то, что первые моменты пребыванія въ коморѣ имѣютъ единственную цѣль разрѣшать вопросъ о цѣломудріи.

Такъ какъ уводъ жениха и невѣсты на брачное ложе имѣетъ цѣлью разрѣшеніе указаннаго вопроса, въ которомъ заинтересованъ отнюдь не женихъ только, но и общество, то самый уводъ сопровождается извѣстными дѣйствіями, имѣющими значеніе обряда. Въ исполненіи этихъ дѣйствій принимаютъ участіе играющіе свадебную драму.

Брачная постель приготовляется *въ коморѣ*, то-есть, въ амбарѣ, не взирая на то, совершается ли свадьба весной, лѣтомъ, осенью или зимой, хотя нормальнымъ временемъ совершенія браковъ служатъ осенній и зимній мясоѣды. Постель приготовляютъ свахи, причемъ обращается вниманіе на предупрежденіе подлога. Новобрачныхъ вводятъ въ комору свахи, нерѣдко съ дружками и приданками. Невѣсту сначала раздѣваютъ вплоть до рубашки, при чемъ иногда обыскиваютъ, чтобъ она не спрятала такихъ предметовъ, которые могли бы послужить къ поддѣлкѣ признаковъ цѣломудрія. Когда невѣста останется въ рубашкѣ, съ нея снимаютъ и этотъ послѣдній покровъ и надѣваютъ на нее свѣжую рубашку, взятую у матери невѣсты. Этою перемѣною рубашки еще чистой на совершенно свѣжую, не ношенную послѣ мытья, очевидно, имѣютъ цѣлью устранить всякія сомнѣнія, случайности и подлогъ. Эта перемѣна требуется строгостью совершаемой, если прилично такъ выразиться, экспертизы для рѣшенія вопроса о цѣломудріи. Раздѣваніе невѣсты и перемѣна рубашки совершаются не только свахами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ присутствіи дружковъ.

*

Когда данъ знакъ изъ коморы новобрачными о томъ, что актъ конченъ, и они готовы выйдти,—въ комору входятъ свахи или даже вся свадебная компанія и первое свое вниманіе обращаютъ на рубашку невѣсты, изслѣдуютъ присутствіе или отсутствіе кровяныхъ пятенъ, какъ свидѣтельство непорочности, или потери оной. И смотря по тому, что̀ эти эксперты найдутъ, свадебный обрядъ получаетъ то или другое направленіе и продолженіе.

Если сваха и другія лица удостовѣрятся, что новобрачная непорочна, тотчасъ снимаютъ съ нея рубашку, которая должна послужить молчаливымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ непорочности. „Сваха снимаетъ съ молодой рубашку, въ которой она почивала“, говоритъ одинъ наблюдатель народныхъ обычаевъ;—„эту рубашку разсматриваютъ всѣ, находящіеся въ коморѣ. Сваха послѣ того кладетъ эту рубашку въ по́лу старшему дружку, который несетъ ее въ хату. Вошедши въ хату, дружко танцуетъ, держа въ полѣ рубашку; протанцовавъ и выпивъ двѣ-три рюмки водки, онъ кладетъ на столъ рубашку, перевязанную красною лентою“. „Въ хатѣ выбираютъ самое видное мѣсто“, говоритъ другой наблюдатель, —„и на немъ вѣшаютъ рубашку, и притомъ такъ, чтобы кровяное пятно на рубашкѣ, свидѣтельствующее о цѣломудренности молодой, прежде всего бросалось въ глаза всѣмъ и каждому, и всѣ, старъ и младъ, спѣшатъ собственными глазами удостовѣриться въ цѣломудренности невѣсты: каждый подходитъ и подвергаетъ внимательному осмотру кровяное пятно“. Такъ какъ брачная постель бываетъ въ домѣ родителей молодаго, то нерѣдко старшій дружко рубашку эту несетъ къ родителямъ молодой, какъ свидѣтельство непорочности ихъ дочери. Шествіе это сопровождается музыкою, танцами и вообще публичностью.

Удостовѣреніе въ непорочности невѣсты производитъ, съ одной стороны, неистовую радость всѣхъ брачныхъ гостей; оргія и разгулъ достигаютъ высшей степени; съ другой стороны—онъ служитъ поводомъ и основаніемъ къ чествованію невѣсты, ея родителей, умѣвшихъ хорошо воспитать дочь, а также цѣлаго рода.

Чтобы было вѣдомо всѣмъ, даже не присутствующимъ на свадьбѣ, что новобрачная оказалась непорочною, во свидѣтельство сего выставляется или на воротахъ двора или на крышѣ дома *красный флагъ*, состоящій изъ *запаски*, *плахты* или *ленты*.

Красный цвѣтъ у народа есть эмблема цѣломудрія. А такъ какъ ягоды калины особенно отличаются ярко-краснымъ цвѣтомъ, и такъ какъ калина вообще въ быту народа является излюбленнымъ растеніемъ, воспѣваемымъ въ пѣсняхъ, то она и избрана символомъ цѣломудрія:

Бодай тебе да морозеньку!
Изморозивъ пашу да калиноньку,
Засмутивъ ты нашу родиноньку.

—

Темного лугу калина,
Честного батька дітина.

Такъ поетъ народъ на свадьбахъ въ минуту удостовѣренія цѣломудрія молодой. Калиною украшаютъ вильца коровая. Калиной украшаютъ жареную курицу и бутылку водки, которую посылаютъ матери молодой, если непорочность послѣдней удостовѣрена. Тоже символическое значеніе имѣетъ и раздача невѣстою *красныхъ лентъ* своимъ дружкамъ, которыя ими украшаются, опоясываніе *краснымъ поясомъ* старшаго дружка, перевязываніе красною лентою рубашки и „намітки“ новобрачной.

Удостовѣреніе непорочности молодой даетъ поводъ къ пѣнію цѣлаго ряда пѣсень. Въ этихъ пѣсняхъ народъ воздаетъ честь новобрачной, ея матери и отцу, умѣвшимъ хорошо воспитать дочь. Въ этихъ пѣсняхъ воспѣвается также честь, хвала и радость цѣлаго рода:

Честь наша, хвала наша,
Наша Маруся честна,
Честною вышла,
Честь дорога.

Такъ поетъ народъ, когда удостовѣрится въ непорочности *честнаго батька дітины*, которая своимъ поведеніемъ *звеселила всю родиноньку*.

Какъ только сдѣлается извѣстнымъ, что новобрачная оказалась непорочною, тотчасъ спѣшатъ сначала неоффиціально, если можно такъ выразиться, а потомъ и оффиціально дать знать объ этомъ радостномъ событіи отцу и матери молодой, которые въ это время

остаются у себя дома. При этомъ выражаютъ имъ и знаками, и символами, и словами благодарность и уваженіе за то, что они умѣли сохранить въ непорочности свою дочь. Нерѣдко мать съ своей стороны выражаетъ дочери по этому случаю свою радость и благодарность такими словами: „Спасибо тобі, доню, що збавила мене и весь родъ нашъ одъ сорому; гляды, якъ дождешъ своихъ дочекъ, дивись за ними такъ, якъ я за тобою дивилась“.

Такъ выражаетъ народъ одобреніе добрымъ семейнымъ правамъ и непорочности женщины.

Иной характеръ принимаютъ обряды и символы, если свадебное общество удостовѣрится, что новобрачная потеряла свою невинность до брака. Въ этомъ случаѣ совершается рядъ такихъ дѣйствій, которыя выражаютъ общественное посрамленіе и позоръ. И брачный пиръ, который народомъ характерно названъ *весіллємъ*, превращается нерѣдко въ сцены самой тяжкой общественной кары. По словамъ одного наблюдателя, на свадьбѣ невѣсты, оказавшейся нецѣломудренною, *смутно-невесело*.

Взрывъ пѣнія самыхъ срамныхъ пѣсень служитъ знакомъ удостовѣренія, что новобрачная оказалась потерявшею дѣвство до брака. Въ этихъ пѣсняхъ все разчитано на то, чтобъ осмѣять легкость ея поведенія, нестойкость ея въ сохраненіи женской чести. Эти пѣсни содержатъ въ себѣ самыя язвительныя насмѣшки надъ невѣстою, самое глубокое презрѣніе къ женщинѣ, оказавшейся порочною. Онѣ полны самаго необузданнаго цинизма, послѣдней грубости и безстыдства. Во время свадьбы народъ вообще не отличается воздержностью отъ циническихъ выходокъ, въ особенности въ тѣ минуты, когда винные пары заволакиваютъ ясность ума. Свадебные гости иногда поютъ и безотносительно къ нецѣломудрію молодой цинническія пѣсни. Но эти пѣсни не содержатъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для невѣсты, онѣ чужды намековъ на ея счетъ, онѣ далеки отъ того презрѣнія, которыми дышатъ пѣсни спеціально созданныя народомъ для осрамленія нецѣломудрія невѣсты.

Если новобрачная окажется нецѣломудренною, молодой, по стародавнимъ обычаямъ, пользуется неотъемлемымъ правомъ непосредственной расправы. „Молодой, запершись въ коморѣ“, говоритъ одинъ наблюдатель народныхъ обычаевъ,—„убѣдившись въ не-

честности своей молодой жены, начинаетъ бить ее самымъ жестокимъ образомъ. Разсказываютъ, что иногда приходится разламывать двери коморы, чтобы только защитить молодую отъ ея разъяреннаго мужа. Впрочемъ, большая или меньшая степень наказанія въ этомъ случаѣ устанавливается не народнымъ правомъ, а есть слѣдствіе темперамента и характера мужа. Мужъ съ мягкимъ характеромъ ограничивается нѣсколькими ударами. Строгій мужъ исколачиваетъ свою молодую жену до полусмерти; иногда даже отливаютъ ее водою". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ несчастную женщину постигаетъ, или по крайней мѣрѣ, постигала и церковная кара. „Когда молодые приходятъ на другой день въ церковь на *выводины*, священникъ", по словамъ того же наблюдателя,—„освѣдомляется о честности невѣсты; если она оказалась нецѣломудренною, подвергаетъ ее извѣстному наказанію,—*большею частью, заставляетъ ползать три раза вокругъ церкви на колѣняхъ*. Это наказаніе", прибавляетъ онъ же,—„не вездѣ практикуется; вмѣсто него часто священникъ обязываетъ молодую поработать у него дней нѣсколько". Этотъ обычай не встрѣчается на лѣвомъ берегу Днѣпра, да и на правомъ онъ, вѣроятно, принадлежитъ къ обычаямъ, нынѣ изчезнувшимъ. „Если мужъ", говоритъ другой наблюдатель,—„предъ старостами и дружками беретъ преступленіе своей невѣсты на себя, то свадьба играется, какъ будто невѣста оказалась цѣломудренною. Если же мужъ не беретъ на себя преступленія молодой, то по выходѣ изъ *коморы* онъ беретъ казацкую нагайку, съ которою ѣздитъ просить своихъ родственниковъ на свадьбу, бьетъ *молодую* до тѣхъ поръ, *пока*, какъ выражается очевидецъ, *тіло її не зробиця чорне якъ земля*".

Сколько намъ извѣстно изъ собранныхъ наблюденій, описанныя сцены варварской расправы принадлежатъ къ числу обычаевъ, нынѣ выходящихъ изъ употребленія. Самъ новобрачный нерѣдко беретъ грѣхъ на себя. Новобрачная можетъ предотвратить сцены расправы и осрамленія. Расправы и никакихъ позорящихъ обрядовъ не бываетъ, если она прежде увода въ комору сознается, что потеряла дѣвство до свадьбы. Сознаніе это бываетъ всенародное. Новобрачная, сознаваясь въ своей винѣ, проситъ, кланяясь въ ноги, прощенія у отца, матери, свекра и свекрухи и у всѣхъ почетныхъ лицъ, принимающихъ участіе въ свадьбѣ.

Въ противномъ случаѣ совершеніе позорныхъ обрядовъ идетъ своимъ чередомъ. Они разчитаны на то, чтобы опозорить мать, отца и даже всю родню невѣсты. На мать надѣваютъ или настоящій *хомутъ* безъ щоновъ, или сдѣланный изъ соломы или баранковъ—изобрѣтеніе новѣйшаго времени, знаменующее смягченіе нравовъ. Иногда этотъ позорный обрядъ совершается надъ отцомъ, а если новобрачная—круглая сирота, то надъ тѣмъ родственникомъ или родственницею, въ домѣ которыхъ воспиталась невѣста. Тогда какъ мать молодой, оказавшейся цѣломудренною, получаетъ жареную курицу, мать новобрачной, которая не оказалась дѣвственницею, должна принять въ иныхъ мѣстахъ *селедку* или *тарань*. Такой же подарокъ получаютъ отецъ и братья. Одинъ наблюдатель сообщаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ новобрачный бьетъ не только жену, но и тещу и тестя, *за те, що не вміли дочки своєї вчити.* Кажется, есть основаніе думать, что вся родня молодаго считаетъ себя оскорбленною и готова съ своей стороны оскорблять родныхъ невѣсты. „Когда окажется, что невѣста нецѣломудренна, то гости ея“, говоритъ одинъ наблюдатель,—„стараются какъ можно скорѣе убраться восвояси, такъ такъ гости могутъ дѣлать имъ всякаго рода гадости, въ родѣ того, что вымазываютъ дегтемъ возы и т. п.“ „Когда невѣста со своимъ женихомъ отправляется къ нему“, сообщаетъ другой наблюдатель,—„то вслѣдъ за ними отправляется нѣсколько верховыхъ людей, близкихъ невѣстѣ, стараются быть пока не замѣченными и наблюдаютъ за всѣмъ происходящимъ, изъ чего было бы можно заключить, цѣломудренна ли невѣста, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ ихъ приглашаютъ, такъ какъ всѣ знаютъ, что они должны быть недалеко, и что они наблюдаютъ; тогда оказываютъ имъ самый дружескій привѣтъ и даже почетъ. Во второмъ случаѣ они должны удирать: иначе будутъ биты“. Доказательствомъ того, что тутъ не одна новобрачная и ея родители подвергаются позору, но и ея родичи, служитъ то, что хомутъ иногда надѣваютъ и на свахъ. Словомъ, какъ честь невѣсты отражается на прославленіи рода, къ которому она принадлежитъ, такъ ея безславіе падаетъ позоромъ на цѣлый ея родъ. Эти черты прямо указываютъ на происхожденіе обрядовъ въ самыя отдаленныя времена, въ періодъ чистоты родоваго быта.

Совершеніемъ въ четырехъ стѣнахъ обрядовъ этого рода не

ограничиваются. Какъ цѣломудріе новобрачной публично удостовѣряется извѣстнымъ символомъ, такъ о нецѣломудріи возвѣщаютъ обществу выставленіемъ позорныхъ знаковъ. Въ иныхъ мѣстахъ на воротахъ или на крышѣ дома вывѣшиваютъ хомутъ, въ другихъ мазницу, въ иныхъ рогожу или заткало, которымъ закрываютъ трубу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обмазываютъ нечистотами стѣны дома; въ иныхъ кто нибудь изъ бояръ лѣзетъ на крышу хаты съ ведромъ воды и оттуда раздаетъ воду, символическій знакъ невоздержности новобрачной; въ иныхъ наконецъ мѣстахъ втаскиваютъ на крышу дома старыя сани, или разъѣзженное колесо.

Мы уже сказали, что актъ удостовѣренія въ цѣломудріи или нецѣломудріи новобрачной представляетъ рядъ самостоятельныхъ обрядовъ, совершаемыхъ для достиженія указанной цѣли. Можно положительно сказать, что новобрачные вступаютъ на этотъ разъ въ плотское сношеніе не для чего другого, какъ только, чтобы представить доказательства цѣломудрія или нецѣломудрія новобрачной. Послѣдняя вполнѣ является предметомъ наблюденія сколько для своего мужа, столько и для всего свадебнаго общества. Указываемый нами характеръ этихъ обрядовъ яснѣе всего видѣнъ изъ того, что̀ совершается, когда, въ моментъ увода новобрачныхъ въ комору, женихъ окажется по какимъ-нибудь причинамъ импотентомъ. Безъ этого рѣшающаго акта свадебное торжество не можетъ продолжаться. Но общество ждать не можетъ. Какъ изъ пѣсни слова̀ не выкинешь, такъ изъ обряда нельзя опустить какую-нибудь важную особенность. А такою особенностью и являются обряды удостовѣреній цѣломудрія. Слѣдовательно, какъ-нибудь и кому-нибудь необходимо совершить актъ разрыва дѣвственной плевы. Для этого употребляютъ два способа: или сваха производитъ операцію разрыва дѣвственной плевы перстами, или же поручаютъ старшему дружку, или почетному боярину, человѣку солидныхъ нравовъ и поведенія, совершить разрывъ дѣвственной плевы посредствомъ акта совокупленія. Одинъ почтенный священникъ, отличный знатокъ народнаго быта, разказывалъ мнѣ, что въ одномъ случаѣ операція разрыва дѣвственной плевы, совершенная свахою, повлекла за собою продолжительную болѣзнь молодой женщины; пока докторъ не оказалъ помощи, думали даже, что молодая женщина страдаетъ ракомъ. Какъ ни

невѣроятенъ съ перваго раза кажется второй способъ, къ которому народъ прибѣгаетъ въ случаѣ хотя бы временной неспособности молодаго для разрѣшенія вопроса о цѣломудріи новобрачной, но употребленіе его выше всякаго сомнѣнія. Одинъ изъ мировыхъ судей съ университетскимъ образованіемъ, происходящій изъ стараго казацкаго рода (а быть малороссійскихъ казаковъ есть быть народа), передавалъ мнѣ, что на его роднаго брата, оставшагося казакомъ, разъ возложено было исполненіе этой обязанности. По народнымъ обычаямъ, замѣняющій мужа обязанъ только совершить разрывъ дѣвственной плевы, но не больше. Эти обычаи, можно думать, выходятъ нынѣ изъ употребленія, хотя существованіе ихъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Тотъ же почтенный отецъ разказывалъ, что люди бывалые, ходившіе на заработки въ города и заводы, иногда обнаруживаютъ рѣшительное противодѣйствіе и не допускаютъ ихъ примѣненія.

Авторъ настоящей статьи не разъ высказывалъ мысль, что изученіе юридическихъ обычаевъ народа должно пролить свѣтъ на многіе темные пункты исторіи законодательствъ.

До сихъ поръ въ исторіи уголовнаго права остается далеко неразъясненнымъ вопросъ, какимъ образомъ могъ совершиться процессъ обложенія тягчайшими карами, въ томъ числѣ и смертною казнью, такъ называемыхъ преступленій противъ нравственности. Еще болѣе непонятнымъ представляется вопросъ, какими путями власть могла вторгнуться въ интересы семейной жизни, и какимъ образомъ могло развиться правительственное преслѣдованіе такихъ преступленій, какъ незаконное сожительство, прелюбодѣяніе и тому подобныя нарушенія нравственныхъ обязанностей, которыя нынѣ болѣе и болѣе переходятъ въ область частныхъ отношеній. А между тѣмъ эти явленія повсемѣстно существовали, чему свидѣтельница исторія законодательствъ.

Объясненіе—будто и тяжкія кары, поражавшія виновныхъ въ этихъ нарушеніяхъ, и преслѣдованіе ихъ начальствомъ обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію христіанской церкви, не выдерживаетъ даже легкаго прикосновенія критики. Стоитъ только вспомнить, что отвѣчалъ Основатель Христіанской церкви тѣмъ, которые привели къ нему *женщину, въ прелюбодѣяніи явную*, чтобы признать неосновательность вышеупомянутаго объясненія. Не церковь

христіанская своимъ вліяніемъ вызвала упомянутыя явленія, а напротивъ, сама она, подвергшись вліянію посторонпихъ силъ, одобрительно отнеслась къ разсматриваемымъ явленіямъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы стали изучать міровоззрѣніе народа вообще и его взглядъ на нарушенія правилъ нравственности, а также его отношенія къ нарушителямъ ихъ, для насъ сталъ выясняться вопросъ, откуда шло это вліяніе. Для насъ представляется нынѣ очевиднымъ, что оно шло изъ народныхъ обычаевъ. Прежде чѣмъ законодатель установилъ тяжкія кары за разсматриваемыя преступленія и сталъ ихъ преслѣдовать по должности, само общество давно уже примѣняло и то, и другое. Такимъ образомъ, сложившіеся юридическіе обычаи народовъ приготовили для законодателей готовое рѣшеніе этого вопроса.

Пока правовѣдѣніе будетъ только практическою наукою, чѣмъ до сихъ поръ оно есть,—римское и церковное право будутъ оставаться альфой и омегой всѣхъ юридическихъ изслѣдованій. Но съ того момента, какъ оно поставитъ себѣ другія задачи, оно должно признать величайшую важность изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ, не входившихъ и не вошедшихъ въ кодексы. Тогда-то обратимся мы къ народнымъ вѣрованіямъ и легендамъ, къ народной пѣснѣ и сказкѣ, къ существовавшимъ прежде и уцѣлѣвшимъ донынѣ обрядамъ, какъ къ обильному источнику, для черпанія и изученія матеріаловъ по разнымъ юридическимъ вопросамъ. Тогда-то появятся ученые юристы, которые, подобно нѣкоторымъ изъ нынѣшнихъ филологовъ, станутъ изслѣдовать происхожденіе извѣстнаго юридическаго института въ его настоящемъ источникѣ, въ первобытныхъ народныхъ вѣрованіяхъ, станутъ стремиться къ открытію первобытнаго пути, по которому шло развитіе его, начнутъ изыскивать ближайшее сходство юридическихъ вѣрованій, обычаевъ и обрядовъ у разныхъ народовъ. Тогда можетъ быть не Римъ, а какая-нибудь Индія станетъ начальнымъ пунктомъ изученія.

Мы не сомнѣваемся, что пріемы цензуры нравовъ, подобные тѣмъ, которые мы избрали предметомъ нашей статьи, легко отыскать въ юридическомъ бытѣ и обычаяхъ другихъ европейскихъ народовъ, если не въ ихъ настоящемъ, то непремѣнно въ ихъ прошедшемъ.

Ниже мы помѣщаемъ въ приложеніи документы, оправдывающіе то, что̀ мы говоримъ по вопросу о цензурѣ нравовъ у народа.

Приложенія.

№ 1.

Терещенко. Бытъ Русскаго народа, т. II: Свадьбы.

Свадьба въ Литвѣ и Малороссіи. „Въ Литвѣ и въ Малороссіи былъ обычай наказывать дѣвицъ, нарушившихъ цѣломудріе: ихъ сажали при дверяхъ церкви на желѣзной цѣпи. Эти цѣпи въ Литвѣ назывались *купицами* или *купами*, а въ Малороссіи кандалами, но и этотъ обрядъ со значеніемъ куничнымъ не имѣетъ никакого сходства“ (стр. 111).

По утру приходили свахи, тысяцкая и дружка, чтобы разбудить молодыхъ и поднимали одѣяло *стрьлою*. Въ случаѣ нецѣломудрія невѣсты, подносили ея матери стаканъ со скважиною, наполненный пивомъ или медомъ. Когда мать брала стаканъ въ руки, тогда питье текло чрезъ скважину, которую сваха, прижавъ пальцемъ, скрывала отъ всѣхъ“ (стр. 115).

Свадьба Малороссійская. Спустя нѣсколько времени молодой зоветъ дружку и объявляетъ о благополучіи своей молодой. Дружка входитъ въ подклѣти съ родственниками невѣсты и свахи и удостовѣряются въ дѣйствительности. Потомъ отправляются къ родителямъ жениха съ радостнымъ извѣстіемъ: поздравляютъ родителей со счастливымъ бракомъ молодыхъ, поютъ, веселятся и пляшутъ. Послѣ отправляются въ домъ родителей невѣсты и въ знакъ радости бьютъ окошки, печи, ломаютъ столъ, стулья, лавки, колотятъ посуду и все, что̀ попадается имъ подъ руки. Иногда все переломаютъ и перебьютъ въ домѣ, но родители не только за то не сердятся, но еще благодарятъ ихъ, дарятъ рушниками и платками“ (стр. 533).

Свадьба у Донскихъ казаковъ. Въ старое время: „Угостивъ молодыхъ, отводили ихъ на брачное ложе.... Предъ жаркімъ поднимали молодыхъ. *Все общество требовало*, чтобы имъ показали *честь новобрачныхъ*. Въ знакъ радости о добромъ имени молодой,навязывали дружкѣ платки на обѣ руки, а свахъ окутывали матеріями крестообразно чрезъ плечо; всѣ гости прикалывали къ головному своему убору или къ груди кисточки свѣжей калины, какъ символъ невинности. Дружко и сваха просили гостей кушать и пить, и тогда раздавались пѣсни въ честь молодой. Дружко и сваха отправлялись въ перевязяхъ къ родителямъ съ возвѣщеніемъ о дочерней чести и съ приглашеніемъ ихъ на веселіе. Ихъ также перевязывали здѣсь. Былъ обычай, что когда приглашали родителей молодой прямо къ столу, тогда въ ихъ присутствіи поднимали молодаго князя съ княгинею“ (стр. 614).

Въ новое время: „По утру поздравляютъ новобрачныхъ родные и всѣ ихъ знакомые. Прежде выставляли *красное знамя* у воротъ въ ознаменованіе благополучія

невѣсты. Въ старинные годы былъ еще обычай, что если кто разводился съ женою, тотъ выводилъ ее на торговое мѣсто и продавалъ; послѣ этого онъ могъ жениться на другой“ (стр. 618).

№ 2.

Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Юго-Западный край. Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, т. IV.

Въ то время когда родители жениха принимаютъ новобрачныхъ за столомъ, на *пасаді*, въ коморѣ приготовляется для нихъ постель, на которой они должны провести первую ночь. Дружко приноситъ кулъ соломы въ комору, куда приходятъ свахи, и всѣ вмѣстѣ приготовляютъ постель, а свахи поютъ:

Цвіть калиноньку ломить,
Сонъ головоньку клонить.

Ідіте постеліте,
Спатоньки положіте.
(Плотница, Пинск. у.) (стр. 434).

Приготовивъ постель, кладутъ *кожухъ*, которымъ бы новобрачные могли укрыться. Въ головахъ постели ставятъ икону и кладутъ хлѣбъ и соль; когда въ *коморі* все приготовлено, *дружко* является въ хату, гдѣ молодые сидятъ за столомъ, и говоритъ: „Старости, пани підстарости! благославіть молодихъ на упокой повести!“

„Богъ благословіть.“

„Въ друге и въ трете!“

„Трети разомъ!“

Тогда *дружко* ведетъ *молодихъ* въ *комору*; ихъ сопровождаютъ: *свашки* и *піддружій*; въ это время поютъ:

Не хочу я істоньки да питоньки,
Бо вже моє тіло спатоньки схтіло.
(Млиновъ, Дубенск. у.) (стр. 436).

Въ *коморі молоду* раздѣваютъ—сбрасываютъ съ нея парядъ, не исключая даже сережекъ и намиста. Расчесываютъ ей волосы и ищутъ, нѣтъ-ли въ нихъ проторга, шпильки или-же чего либо въ этомъ родѣ. Надѣваютъ на нее бѣлую, свѣжую рубаху и заставляютъ ее сбрасывать молодому сапоги, въ которыхъ обыкновенно на этотъ случай женихъ прячетъ подъ *устілками* нѣсколько серебряныхъ монетъ. Невѣста сбрасываетъ сапоги и ищетъ въ нихъ денегъ, которыя и беретъ себѣ.

Въ это время поютъ:

„Дівчино моя,
Розуй мене на“
„Розуватиму

Кого знатиму;
Ледачого обійду,
Незайматиму“.

Вслѣдъ затѣмъ *молодихъ* укладываютъ въ *коморі* въ постель, укрываютъ ихъ сверху кожухомъ и всѣ уходятъ изъ коморы въ избу, за исключеніемъ свахи и дружка, которые остаются при *молодихъ*. Въ другихъ-же мѣстностяхъ молодыхъ самихъ оставляютъ въ коморѣ, всѣ уходятъ и возлѣ дверей оставляютъ сторожа-дружка, для того, чтобы дверь сейчасъ-же была отперта, когда женихъ постучитъ въ нее. Свахи и дружки, уходя изъ коморы, говорятъ молодымъ: „не лінуйтесь

же тутъ, людей не воловодьте". Въ это время родственницы жениха сидятъ за столомъ, пьютъ водку (стр. 438).

Новобрачныхъ оставляютъ въ покоѣ на весьма непродолжительное время. Черезъ часъ, не болѣе, къ нимъ является сваха, освѣдомляется относительно перваго вступленія въ сожительство, которое новобрачные должны совершить тотчасъ послѣ того, какъ ихъ оставятъ въ постели. Свахи, получивъ на предложенный жениху вопросъ благопріятный отвѣтъ, зажигаютъ свѣчу и идутъ къ новобрачнымъ въ комору. Физіологическій процессъ новобрачные совершаютъ въ другое время, а теперь невѣста, по наущенію свахъ, сейчасъ жъ отталкиваетъ жениха, какъ только онъ лишитъ ее дѣвства. Иногда злые люди, а иногда и сама невѣста дѣлаютъ жениху такъ, что онъ оказывается несостоятельнымъ къ лишенію невинности. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ разорвать рубаху на своей невѣстѣ и чары потеряютъ свою силу. Если-же неопытный женихъ этого не сдѣлаетъ, то его долженъ замѣнить старшій дружко или бояринъ; это, впрочемъ, никогда не соблюдается. Невѣста въ подобномъ случаѣ устраняетъ бѣду при помощи собственныхъ рукъ. Нецѣломудренныя дѣвушки иногда обманываютъ своихъ неопытныхъ женіховъ, для чего употребляютъ кровь, которою наполнены концы перьевъ молодыхъ птицъ; ложась въ постель, перья прячутъ подъ руку, за косу и проч. Но по установившемуся народному обычаю, она должна первая пропѣть: „А въ лузі калина". (Если она, будучи нецѣломудренною, пропоетъ эту пѣсню, то это не пройдетъ ей даромъ).

Съ невѣсты снимаютъ ту рубаху, которая была нѣсколько времени тому назадъ ими же надѣта на невѣсту, даютъ ей ту рубаху, которую она сбросила, и, надѣвъ на ея голову шапку, заставляютъ пѣть:

1. Темного лугу калина,
2. Доброго батька дітина;
3. Така вона дренька,
4. Якъ рожа повненька;
5. Нічого дивувати:
6. Така була ії мати!
7. Записать ії въ листи,
8. Щобъ ії були такі и сестри;
9. Записать ії въ квіти,
10. Щобъ були ії такі й діти (стр. 443 и 444.)

(Нар. южно-русск. пѣсни *Метлинскаго*, стр. 234—235).

Послѣ невѣсты ту же самую пѣсню нѣсколько разъ поютъ свахи, примачивая ей голову водкою и надѣвая *очіпокъ*, поверхъ котораго обыкновенно повязываютъ серпанокъ или намітку, хотя иногда, если невѣсту оставляютъ въ коморѣ съ молодымъ, намітку надѣваютъ на другой день утромъ. Потомъ молодая садится возлѣ молодаго на постели, куда свахи несутъ хорошую настойку, хлѣбъ и непремѣнно печеную (жареную) курицу— это ужинъ молодымъ супругамъ. Они ужинаютъ, ложатся спать и уже до самаго утра ихъ больше не безпокоятъ. Свадебная дружина, которая по большей части не ложится спать до самаго бѣлаго дня, поетъ:

Чи сміла ти, мати,
Таке дитя дати,
Такеє молодесеньке,
Якъ ягодка чирвонесеньке.

(Дубище, Староконстантиновск. у.).

Прокрутивъ павукъ стелю
Да й впавъ на постелю;
Де Марися спала,
Тамъ калинонька стала.

(Млиновъ, Дубенск. у.).

Годувала мати добра,
Що ії дочка добра;
Що ії дочка гожа,
Якъ повная рожа.

(Плотница, Пинск. у.).

1. Ой казали, говорили люде,
2. Що наша Маръюхна не добрая буде,
3. Ажъ вона добра,
4. Поймала въ житі бобра;
5. Вона така добресенька,
6. Якъ рожа повнесенька.

(Полонное, Новоградволынскаго у.) (стр. 444).

Ой у полі да овесъ рясенъ
Хвалить Бога, що нашъ рідъ красенъ,
А дітоньки, якъ квітоньки,
Господния, якъ калина.

(Плотница, Пинск. у.).

А у насъ овесъ рясенъ,
А у насъ увесь рідъ красенъ:
Якъ мати, така дочка,
Якъ красна калиночка.

(Нар. Южно-Русск. пѣсни *Метлинскаго*, стр. 235).

Йде Маруся зъ ложа,
За нею Матеръ Божа,
Наложила коронечку
На еі головочку.

(Дубище, Староконстан. у.).

По двору, по двору
Да пороша упала,
А на тій пороші
Слідки хороші,
Да свекрухна каже,
Що куна ходила,
А свекорко каже:
—Да не есть то купа,
То невістка моя (стр. 446).

(Нар. Южно-Русск. пѣсни *Метлинскаго*, стр. 232).

Розливайтеся, береги,
Не втішайтесь вороги!
Заробила Маруся пироги,
Хочъ не пшеничні, да яшні,
Своему родові подячні.
Первий рідъ—свекорківъ,
А другой рідъ—батенькивъ.

(Нар. Южно-Русск. пѣсни *Метлинскаго*, стр. 233)

Да пішовъ дожчикъ краплистий,
Да уродивъ черчикъ черчистий.
Да не вміла Маруся носити,
Да мусила Иванка просити:
„Ой окрасн, Иванку, сей черчикъ мій,
Да звеселимо увесь рідъ свій!
Що первий рідъ—свекорківъ,
А другий—батенькивъ (стр. 447).

(Нар. Южно-Русск. пѣсни *Метлинскаго*, стр. 233.

Свахи въ коморѣ отыскиваютъ на той рубахѣ, которую невѣста только что сбросила, красное пятно, и нашедши его, приходятъ въ неописанный восторгъ; окровавленную рубаху несутъ въ избу и по дорогѣ показываютъ красное кровяное пятно рубахи выбѣжавшимъ на встрѣчу любопытнымъ бабамъ, которыя тоже не менѣе свахъ радуются, и съ ними вмѣстѣ возвращаются въ избу, гдѣ рубаха показывается сначала родителямъ жениха, а потомъ старшему свату.

Старшій сватъ, или какъ его называютъ въ другихъ мѣстностяхъ, дружко, а вмѣстѣ съ нимъ и свахи, становятся на лавку, закрываютъ рядномъ или-же утиральникомъ иконы и показываютъ всѣмъ присутствующимъ рубаху молодой, говоря: „Дивиться, пани родичі, отъ на цю кошулю... Дай, Боже, щобъ и вони за своіми дітьми дождали такоі!“ Убѣдившись по окровавленной рубахѣ, что невѣста благодаря хорошему воспитанію своихъ родителей, сохранила свою дѣвственность всѣ приходятъ въ неистовый восторгъ; восторгъ выражается пляскою по лавкамъ, по полу, по столамъ, битьемъ горшковъ и пр. Родители жениха въ это время наливаютъ бутылку хорошей настойки, къ шейкѣ бутылки привязываютъ калиновую кисть и съ братомъ невѣсты, сопровождаемымъ музыкой, отсылаютъ родителямъ невѣ-

сты, въ знакъ признательности за то, что ихъ дочь, благодаря ихъ заботливости, сохранила цѣломудріе до вступленія въ бракъ.

Въ Липецкой слободѣ, Харьковской губерніи, всѣ гости подъ предводительствомъ дружка отправляются къ родителямъ невѣсты, чтобъ увѣдомить ихъ о поведеніи ихъ дочери, при чемъ дружко беретъ съ собою рубаху невѣсты. На дорогу имъ даютъ водки, которую они распиваютъ, усѣвшись на пути гдѣ-нибудь въ удобномъ мѣстѣ; выпивку эту сопровождаютъ пѣніемъ:

1 Не бійся, матінко, не бійся,
2 Въ червони чоботки обуйся;
3 Топчи вороги підъ ноги:
4 Заробила Маруся пироги;
5 Хочъ не пшеничні, то ячні,
6 Нашому роду подячні.
7 Нашь овесъ таки рясенъ,
8 Нашъ весь ролъ таки красенъ.
9 Тутъ намъ заробили и пити, и істи,
10 И на покуті сісти.

(*Новицкій*, стр. 449 и 450).

1 Спасибі тобі, таточку,
2 За кудрявую мъяточку,
3 За запашний василёкъ,
4 За твою учтиву дитину,
5 Що вона по ночамъ не ходила,
6 При собі снотокъ носила.
7 Прохали хлопці—вона не дала,
8 Куповали купці—не продала;
9 Шовкомъ нупженьки звязала,
10 За всіхъ тому Іванку держала.

(Борисполь, Переяславскаго у., стр. 451).

Та добри-день, матінко, добри-день,
Лучча була ничeнка, якъ сей день.
Спасибі тобі, сваточку,
За твою кудряву мъяточку,
За хрещатий барвіночокъ,
За запашненький васильчокъ,
За червону калину,
За твою добрую дитину.

(Изъ рук. сб. *Кулиша*, стр. 452).

И а зъ калиночки дві квіточки . . (bis)
Дякуемъ тобі, сваточку,
За твою добрую дочку.

(С. Колюсники, Ушицк. у., стр. 452).

На другой день утромъ новобрачные встаютъ съ постели и идутъ въ избу. Переступивъ *хатній порогъ* молода говоритъ: „Добри-день вамъ, будьте здорові зъ понеділкомъ!“ Потомъ она умывается, и утершись рушникомъ, кланяется родителямъ и родственникамъ.

Въ понедѣльникъ, точно также, какъ и въ воскресенье, невѣсту одѣваютъ въ праздничный нарядъ, и кромѣ того, на голову надѣваютъ ей намітку. Намітку кругомъ обвязываютъ *красною лентою* — символъ дѣвичьяго цѣломудрія. Спереди, щадя цѣломудренную скромность молодой, напускаютъ на глаза ей намітку. Старшій боярин на крышѣ ставитъ длинный шестъ, къ верхней части котораго прикрѣпляетъ *красный шерстяный поясъ или платокъ*; на воротахъ вывѣшиваютъ *красную запаску* новобрачной; перевязываютъ бутылки, изъ которыхъ потомъ пьютъ водку, *красною шерстью* или *такого-жс цвѣта ленточками*; старшій боярин получаетъ отъ невѣсты *красную ленту*, которую перевязываетъ чрезъ правое плечо; дружки опоясываются *красными поясами*, а иногда ихъ перевязываютъ чрезъ плечо; приданки обвязываютъ себѣ *красными лентами* головы поверхъ платка или намітки, однимъ словомъ—въ это время на свадьбѣ красный цвѣтъ бросается въ глаза отовсюду (стр. 445).

Не то бываетъ, когда дѣвушка выходитъ замужъ, „загубивши свій віночокъ“. Тогда веселое настроеніе свадебной дружины превращается въ недовольство изло-

бу, благодаря которой, родители невѣсты, точно также какъ и самая невѣста, претерпѣваютъ отъ свадебной дружины самыя непріятныя оскорбленія и насмѣшки, выражающіяся циническими пѣснями. Иногда одна и та же пѣсня самаго пасквильнаго содержанія повторяется по нѣскольку разъ; пропоютъ пѣсню, а въ концѣ прибавивъ:

А після цієї,
Да впъять за еі,

начинаютъ пѣть сначала ту же самую пѣсню.

Нѣсколько раньше было сказано, что передъ тѣмъ какъ отправляться въ комору, молодые сидятъ за столомъ. Если невѣста, „дівуючі загубила вінокъ“, и желаетъ избѣжать тѣхъ многочисленныхъ насмѣшекъ, которыя переноситъ потерявшая преждевременно свою дѣвственность, то она встаетъ изъ-за стола, *сознается публично въ своемъ проступкѣ и у всѣхъ присутствующихъ на свадьбѣ проситъ прощенія:* „Простіть, люде добрі, я грішна передъ Богомъ и передъ вами—простить, люде добрі“. Она подходитъ къ каждому изъ пожилыхъ мужчинъ и женщинъ, цѣлуетъ у нихъ руки и кланяется на всѣ четыре стороны. Ей отвѣчаютъ: „Нехай тобі Бунгъ прощае, не ти одна въ світі.... по цёму люде будутъ“.

Иногда бываетъ такъ, что невѣста, потерявшая свою дѣвственность до брака, не сознается прежде чѣмъ идти въ комору, и если послѣ обнаружится, ее спрашиваютъ: „Що же це такъ?“ „Не знаю, я не знаю“, отвѣчаетъ она, не находя оправданія;—„я не виновата“. Если при этомъ молодой раньше брака посѣщалъ ее, и она не допускала его до очень близкихъ отношеній, желая замаскировать свою невинность, тогда женихъ беретъ нагайку (которую во многихъ мѣстностяхъ онъ носитъ при себѣ отъ самаго начала свадьбы), бьетъ ее, приговаривая: „Тибъ зъ разу призналась и людей не воловодила—иди, халявище, и проси людей!“ Невѣста идетъ въ избу и проситъ прощенія точно также, какъ и та, которая созналась прежде чѣмъ идти въ комору. Но теперь не спѣшатъ отправлять посольства къ ея родителямъ которые, послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ присылаютъ въ домъ жениха по большей части брата невѣсты — если у нея есть братья. Братъ, узнавъ о случившемся, начинаетъ бить свою сестру, присутствующіе разнимаютъ ихъ и приговариваютъ: „Годі, годі!... цёго вже не вернешъ.... Годі тобі биться! Що зъ воза впало, те пропало. Цёго вже не можна завернути“. Потомъ молодую ведутъ въ комору, запираютъ ее на цѣлую ночь и не даютъ ей ужинать. А въ избѣ поютъ:

1 Говорили Оленковскі люде,
2 Що Маруся добра буде;
3 Вона така добра,
4 Якъ дирява торба.

(Изъ рук. сб. *Кулиша*).

Хочъ ідь, матінко, хочъ не ідь,
Бо вже донечці роздеръ медвідь,
Да ходімо до плота,
Да роздеремо кота;
Занесемо підъ перину,
Та зробимо калину.

(Млиновъ, Дубенскаго у.).

1 Підъ сосною спала
2 Шишка въ..... впала
3 Долотомъ довбавъ, невидовбавъ—
4 Свердломъ вертівъ—не вивертівъ;
5 Всадивъ кишку—выйнявъ шишку.

(М. Полонное, Новоградволынск. у., стр. 456 и 457).

Свадебная дружина, прійдя въ домъ родителей невѣсты, начинаетъ издѣваться надъ ея отцемъ и матерью: отцу на шею надѣваютъ соломенный хомутъ и подгоняютъ его сзади кнутомъ, если онъ сопротивляется и не хочетъ идти туда, куда бы

желательно было свадебной дружинѣ повести его; потомъ *заставляютъ его втаскивать сани на крышу, а равно и старое разъѣзженное колесо, вынимаютъ изъ пятки ворота, набрасываютъ въ мазницю сажи и, размѣшавъ ее съ водою и смолою, вымазываютъ стѣны избы съ внѣшней стороны.* При этомъ поютъ:

Ой знати, знати,
Де взяли халяву,
Обмазали дёгтемъ хату,
И стіни, и лаві....

Матери надѣваютъ также на голову рѣшето, сбрасываютъ ей очіпокъ и прочее. Отецъ невѣсты, претерпѣвая различнаго рода насмѣшки, выражающіяся не только въ словѣ, но и въ дѣйствіи, проситъ у дружины прощенія: „Годі вже, люде добрі, кплузувати. Простить мене, коли не вмівъ дочки научати. Сідайте лучче за ступль, я васъ пошаную“. Натѣшившись надъ ними, дружина оставляетъ ихъ въ покоѣ, за что родители невѣсты просятъ ее за столъ и угощаютъ водкою. Само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ на свадебной дружинѣ нѣтъ ни поясовъ красныхъ, ни лентъ, ни запаски на воротахъ, ни „покраси“ на крышѣ, даже, если кто пришолъ изъ дома въ красномъ поясѣ, то и тотъ пьяные сбрасываютъ, говоря: „Наша молода не принесла намъ калины, ій покраси не треба“.

Если невѣста потеряла до свадьбы свою дѣвственность, и именно съ тѣмъ, съ кѣмъ она вступила въ законный бракъ, и ея признаніе подтвердитъ женихъ, то ей прощаютъ.

Въ настоящее время всѣ эти обычаи существуютъ въ Малороссіи только какъ преданіе (стр. 459 и 460).

№ 3.

Обряды, совершаемые въ Черниговской губерніи для удостовѣренія въ цѣломудріи невѣсты и для прославленія цѣломудрія, или для осрамленія нецѣломудрія.

Дружки и свахи берутъ новобрачныхъ за руки и ведутъ въ „комору“. При этомъ поютъ:

Прилетила ластовка,
Сіла на хату.
Че, че, че, че, че....
„Ой, чи тобі исты?“
„Не хочу“.
„Ой, чи тобі питы?“
„Не хочу“.
„Одчиныте коморочку“,
„Спать полечу“.

Мать молодой, когда она отправляется къ свекру съ женихомъ, даетъ одной изъ свахъ чистую рубашку. Теперь эта сваха, приведши молодую въ „комору“, снимаетъ съ нея всѣ дѣвичіе уборы, раздѣваетъ ее до гола, надѣваетъ на нее чистую рубашку, которую дала мать молодой. Дружки въ это время стелютъ постель молодымъ. Когда все уже готово, то дружки берутъ за руки молодаго и молодую, сводятъ ихъ въ одинъ уголъ „коморы“, они ложатся спать, ихъ укрываютъ и уходятъ всѣ изъ „коморы“. Въ это время во всемъ домѣ воцаряется тишина. Свадебные или уходятъ домой, или же, сидя тихо, ожидаютъ молодыхъ изъ „коморы“. Чрезъ часъ, или два, мать молодаго, узнавъ, что новобрачные встаютъ, беретъ водку и спѣшитъ въ „комору“. Здѣсь она угощаетъ водкою дружковъ, при-

данокъ и свахъ. Свахи снимаютъ съ молодой рубашку, въ которой она почивала. *Эту рубашку разсматриваютъ всѣ, находящіеся въ „коморѣ“.* Сваха, послѣ этого, *кладетъ эту рубашку въ полу старшему дружку, который несетъ ее сейчасъ въ хату.* При этомъ поютъ свахи и придàнки:

Честь наша, хвала наша,
Наша (имя рекъ молодой) честна!
Честною вышла,
Честь дорога!

Молодая, одѣвшись, даритъ въ „коморѣ“ придàнокъ лентами, а придàнки, получивъ подарки, поютъ:

Чортъ не приданки,
Не вломылы лавки,
Не зробылы славки!

Между тѣмъ старшій дружокъ танцуетъ въ хатѣ, *держа въ полѣ рубашку.* Протанцовавъ, выпивъ двѣ-три рюмки водки, дружокъ *кладетъ на столъ рубашку перевязанную красною лентою.* Въ это время въ хату входятъ новобрачные, при чемъ свахи поютъ:

1) Темного лугу калiна,
Чесного роду дiтина,
При собi смушки носила!
Прохали хлопцi —
Вона не дала.
Куповали купцi —
Вона не продала,
Крiпка на удачу була!
Шовкомъ ниженьки звязала
Да держала (имя рекъ молодой).

2) Дорогiй каменю (имя рекъ молодой).
Чирвонее да намысто (имя рекъ молодой)
Положу я да на рученьки,
Да пригорну я до серденька близенько!
— Серденько мыленько,
Да присунься близенько,
Да будемо розмовляты,
Якъ у свiти проживаты!

Во время пѣнія этихъ пѣсень *дружки водружаютъ на воротахъ молодого красный флагъ.* Старшій дружокъ приноситъ „коровай изъ коморы у хату“, гдѣ всѣ его ожидаютъ, сидя за столомъ. Во время раздачи подарковъ, или какъ у насъ выражаются, „отдарковъ“ со стороны родственниковъ молодаго, поютъ:

Ой, гуляйте, братцы, гуляйте,
За моею родною сестрицею,
Да за ii русою косою!
Золотая шкаруночка у ii на головi,
Чирвоная калiнонька у ii на имепi
Да не славная тая,
Що на головi;
А славная—
Що на пелені.

Послѣ всего этого, новобрачные отправляются пѣшкомъ въ домъ молодой; имъ сопутствуетъ старшій дружокъ, *который несетъ рубашку молодой, чтобы показать ее матери молодой.* Молодой и молодая низко кланяются отцу и матери молодой, при чемъ отецъ получаетъ „курицы жареной куприкъ“, мать „головку“, братья „крыльца“. При этомъ каждому подносятъ „по пирожку“.

Послѣ всего этого, родители угощаютъ пришедшихъ водкою. Послѣ этого старшій дружокъ, взявши рубашку у матери молодой, ведетъ молодыхъ къ молодому, гдѣ ихъ угощаютъ, а молодую „подманиваютъ калачемъ“. При этомъ одинъ изъ сватовъ подноситъ молодой на деревянной „тарелкѣ“ медъ и бѣлый хлѣбъ;

молодая отказывается, не смотря на просьбы окружающихъ. Только послѣ многократныхъ просьбъ она соглашается „отвѣдать меду и бѣлаго хлѣба“.

Цѣломудренность и нецѣломудренность обнаруживается рано въ понедѣльникъ, или же ночью съ воскресенія на понедѣльникъ. Нецѣломудренность невѣсты —хотя ни кѣмъ изъ толпы не одобряется, однакожъ никто не имѣетъ права (даже родители молодой) ее наказывать: теперь господинъ ея —мужъ, который будетъ казнить ее и миловать.

Если мужъ предъ старостами и дружками береть преступленіе своей невѣсты на себя, то свадьба будетъ „играться“ вся за нею, какъ и зацѣломудренною (честною). Если мужъ не береть на себя преступленія молодой, то, по выходѣ изъ „коморы“, онъ береть казацкую нагайку, съ которою ѣздилъ просить своихъ родственниковъ на свадьбу, бьетъ молодую до тѣхъ поръ, какъ выражается очевидецъ, пока „тѣло на ней не сдѣлается чернымъ, какъ земля“. При этомъ всѣ свадебные расходятся, *а на воротахъ дружки водружаютъ рогожу или же вѣшаютъ „мазницю“*. Вотъ и все наказаніе не цѣломудренной за ея преступленіе.

Если родственники и вообще всѣ свадебные не уйдутъ при наказаніи молодой, то сватьба продолжается, только уже поютъ не тѣ пѣсни, какія поются за цѣломудренною. Такъ, въ „коморѣ“ поютъ:

1) За ступою була,
Застукана була,
Застукалы ii
Сукіны сыны!
2) Дала мене маты замужъ молодою,
Дала мині корову рябую,
Дала мині дойницю новую.
Якъ пойду я коровы доиты—
А корова избісылась
А пелена задубилась.
Треба мині шаповалыка,
Треба мині коновалыка,
Щобъ на струну ударивъ,
Да и тую поправивъ.

Послѣ наказанія молодой свахи поютъ:

1) Ілы кашу крупяную,
Взялы дівку подрапую.
Ілы кашу не впрілую,
Взялы дівку не цілую.
Загонялы кулики у вершу,
Ой кто тебе починавъ спершу?
2) Бодай тебе, да морозоньку,
Зморозивъ мою ноженьку,
Ще й чирвопую да каліноньку,
Запечалывъ всю родыноньку!

Пропѣвъ эти пѣсни, дѣлятъ „коровай“, при чемъ поютъ:

1) Загонялы кулики у вершу,
Ой хто тебе починавъ спершу?
— Старці въ хівці.
2) Ище сонце не заходыть
Деръ, сухо-деръ!
Вышла маты, вышла я,
Заганяты бугая.
Деръ сухо-деръ!
Я кажу: біцю, біцю....
А вінъ мене підъ спідныцю.
Деръ, сухо-деръ!
Я кажу: бугай....
А вінъ каже: лягай.
Деръ, сухо-деръ!
Да и пытае маты у дочки
— Чи давала хлопцямъ трошечки?
Деръ, сухо-деръ!
Тобі мамо не пытаты—
А хорошъ хлопець—
Дакъ треба даты.
Деръ, сухо-деръ!
— Я тебе не пытала,
Якъ ты батьку давала:
Деръ, сухо-деръ!

Послѣ этого, молодая со своимъ мужемъ идетъ къ своимъ родителямъ, ихъ сопровождаетъ дружокъ, который показываетъ матери молодой рубашку. Женихъ и невѣста низко кланяются отцу и подносятъ ему „сельдь“ или „таранку“, матери тоже „сельдь“ или „таранку“, братьямъ „по сельдю“ или „по таранкѣ“. Послѣ этого матери сваты надѣваютъ на шею за столомъ „хомутъ“ безъ „гужовъ“. Если отецъ молодой не уйдетъ изъ хаты, получивъ „сельдя“ или „таранку“, то „сваты“ надѣваютъ на шею ему „хомутъ“ безъ „гужовъ“. Если отца нѣтъ въ живыхъ, то матери молодой надѣваютъ „хомутъ“. Если отца и матери молодой нѣтъ въ живыхъ, то „хомутъ“ надѣваютъ одному изъ родственниковъ или одной изъ родственницъ молодой. Этимъ и оканчивается свадьба нецѣломудренной невѣсты: нѣтъ ни „перезвоновъ“, какъ у насъ выражаются, не бываютъ молодые ни у дружковъ, ни у сватовъ, словомъ нигдѣ.

По словамъ очевидца, на свадьбѣ у нецѣломудренной невѣсты „смутно, невесело“. „Сама молода“ сидитъ за столомъ, „якъ кутъ на глыні, вылупивши очі“, замѣчаетъ очевидецъ. (Наблюденія, сдѣланныя и записанныя въ Черниговской губерніи, Кролевецкаго уѣзда, въ селѣ Онтовѣ, бывшимъ студентомъ Новороссійскаго университета *М. М. Журавченкомъ*).

№ 4.

Нужно замѣтить, что къ жениху гости собираются уже значительно выпивши и поѣвши, а потому на закуски и выпивку, которыя стоятъ передъ ихъ носами, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, все же вниманіе обращено исключительно на приготовленіе невѣсты къ брачному ложу и на сопровождающіе это приготовленіе тосты. Уже полночь или даже больше, значитъ наступило время, когда люди чувствуютъ позывъ ко сну; невѣста то и дѣло, что плющитъ глазами; замѣтивъ это, свахи поютъ пѣсню:

Ой знати, знати,
Хто хоче спати!
Очеськи плющить,
П рученьки опустить.
Що Наталочка Ванечку просить:
Ванечко, серденько, да вели постель слать.
Да веди мене спать,
А якъ не поведешъ,
Я до батька утечу.
Наталочка, серденько!
Дамъ тоби зімлячка,
Къ щирому сердечку.
Якъ покоштуешъ,
Такъ и заночуешъ,
А якъ разсмакуешъ,
Такъ и моя будешъ.

Когда свахи стелютъ постель, поется слѣдующая пѣсня:

Мы постель слали,
Въ середину рожки клали,
А сіи рожки
Да Наталочки міжъ ножки.
Цвітами постеленька шита,
Чи не будешъ ты, Наталочко, бита.
Кажется не боялась,
Да на рожу сподівалась.

Потомъ вся компанія, а въ иныхъ мѣстахъ только избранные ведутъ молодыхъ спать. Введя въ амбаръ, раздѣваютъ молодую до нага, одѣваютъ ее въ чистую рубашку, вспихиваютъ на постель и уходятъ. Когда молодые спятъ, въ это время въ хатѣ пляшутъ и поютъ пѣсни, преимущественно слѣдующія:

1) Ракъ по бережку лазить,
Щуку, рыбочку разить:
Моя щучечка, моя рыбочка!
Разставь ножки,
Якъ коза рожки,
Дай мині полазити,
Весь родъ изкуражити.
Да маленькій раче,
По бочечки скаче,
Зазирає въ воропочку,
Щобъ умочить головочку.

2) Да накачивайтесь тележки,
Наостритесь желѣзки,
Да будемо орати ціліну,
Да будемо сіяті ярину.
Нехай наша Яриночка зеленіє,
Нехай наша родиночка веселіє,
Нехай наша Яриночка побуяє (растетъ)
А наша родиночка погуляє.

Въ то время, когда молодые улягутся спать, кто-нибудь стоитъ подлѣ дверей амбара, ожидая окончанія супружескаго акта и слѣдующаго затѣмъ сигнала отъ молодаго, чтобы входили. Когда сигналъ поданъ, *вся пирующая компанія идетъ въ амбаръ и первое свое вниманіе обращаютъ на рубашку молодой*, если она окажется въ крови, радость общая. Эту рубашку снимаютъ, а невѣстѣ даютъ другую; въ то же время поютъ пѣсню:

Спасибі жъ тобі да морозенько,
Що не заморозівъ да калиноньки,
Не засмутивъ нашей родиноньки.

Потомъ слѣдуетъ торжественное шествіе молодыхъ въ хату, сопровождаемое всею компаніей съ музыкою и пѣніемъ. *Въ хатѣ выбираютъ самое видное мѣсто и на немъ вѣшаютъ рубашку, притомъ, чтобы кровяное пятно на рубашкѣ, свидѣтельствующее о цѣломудренности молодой, прежде всего бросалось въ глаза всѣмъ и каждому. И всѣ, старъ и младъ, спѣшатъ собственными глазами удостовѣриться въ цѣломудренности невѣсты, каждый подходитъ и подвергаетъ внимательному осмотру кровяное пятно.* Потомъ начинаются самыя безобразныя оргіи, подхватываютъ рубашку на руки и бѣгаютъ съ нею по лавкамъ и столамъ, сопровождая это бѣганье пѣніемъ:

1) Да спасибі жъ Богу да за тее,
Що любились діточки да обоє,
Да въ садъ виноградъ ходили,
Вишни черешни ломали,
Да на тихій Дунай пускали.
Ой тихій Дунай, Ванечко
Червоная калиночка, Наталко!
Ой казали люде,
Що вона не добра буде,
Ажъ вона добресенька,
Якъ рожа повненька
Всёму роду веселехонько.
2) Що брехали брехуночки,
Якъ нашу Наталочку спать клали,
А теперъ же воны понѣмѣли,
Якъ на червону калиночку поглядѣли.
3) Темного лугу калина,
Честного батька дітина.

Вона поздненько ходила,
Да при собі смушокъ носила;
Казали люде, що вона не добра буде,
Ажъ вона добресенька:
Куновали купці;
Не продала,
Просили хлопці,
Не дала.
Да въ садочку лежала,
Шовкомъ ноженьки звязала,
Да звязала ноженьки въ недѣльку,
Да держала Ванечки къ понедѣлку.
4) Молодецъ Ванечка королевъ сынъ,
Червону калиноньку потрусивъ,
Богъ ему помогъ изъ неба,
Якъ ему треба.
Молодецъ Ванечка гнувъ калину не нагнувъ,
Излізъ на вершокъ, разчахнувъ.
Оцежъ тобі Наталочка калинонька,
Щобъ була весела наша родинонька;
Щобъ наша родиночка погуляла.

Когда-же невѣста окажется обезчещенною раньше, поютъ эти пѣсни:

1) Бодай тобі да морозенько,
Изморозивъ нашу да калиноньку,
Засмутивъ ты нашу родиноньку.
2) „Да не дивомъ дивовати,
Да такажъ ії мати,
Да внеситъ-же ій клестры,
Да такижъ ії сестры,
Да пустить-же ії на воду
Да такого-жъ вона роду.“
3) Підъ сосною спала
Шишка въ ..... впала
Ты матынько хоть ідь, хоть постой
У твоей донечки якъ постолъ,
Хоть ідь, хоть не ідь,
У твоей донечки якъ медвідь.

Всѣ эти пѣсни поютъ по нѣскольку разъ сряду. При этомъ случается такъ, что одна партія поетъ одну пѣсню, а другая—другую, такъ что врядъ-ли кто нибудь изъ слушающихъ можетъ понять хоть одно слово.

(Записано по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ с. Городищѣ, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губерніи *г. Максимовичемъ*.)

№ 5.

Молодыхъ выводятъ изъ-за стола на дворъ, на проходъ, какъ говорятъ, молодаго — старшіе дружки, а молодую — старшія приданки. Побывши нѣкоторое время на дворѣ, молодые входятъ въ хату, кланяются отцу и матери. Молодая опять уходитъ изъ хаты, говоря: „На добро-нічь вамъ добрые люде!“ За невѣстою, которая отправляется въ комору спать, идутъ всѣ гости съ музыкой, раздѣваютъ молодую, снимаютъ рубаху, расплетаютъ косу, вынимаютъ сережки, снимаютъ намисто и осматриваютъ въ заключеніе, чтобы у молодой положительно ничего не

было, потомъ надѣваютъ ей другую чистую рубаху; это дѣлается въ присутствіи всѣхъ гостей. Молодой садится на постель, а молодая сбрасываетъ его сапоги, въ одинъ сапогъ бросаютъ жито, а въ другой деньги. Раздѣвается наконецъ и самъ женихъ, беретъ молодую въ поперекъ и кладетъ ее въ постель. Приданки накрываютъ ихъ и затѣмъ всѣ уходятъ изъ коморы. Когда молодые уже спятъ, въ это время въ хатѣ поютъ слѣдующія пѣсни:

Що въ полі грушка нетрушеная,
А наша Марисечка нерушеная.
Да хто-жъ нашу грушку потрусить,
Та й нашу Марычку порушить.
Теперь нашъ не сякъ, не такъ (то-есть, не знаемъ—дѣвственна-
ли невѣста, или нѣтъ).
Внесить мотокъ нитокъ.
Будемо нитки мотаты,
Думки гадати;
Будемо ниточки вити,
Да горілочку пити.

Когда молодые улягутся спать, то старшій дружко остается на дворѣ подлѣ дверей коморы, ожидая окончанія операціи лишенія невинности. Послѣ того какъ женихъ кончитъ ее, даетъ сигналъ. Старшій дружко входитъ одинъ, осматриваетъ невѣсту и, найдя ее честною, зоветъ отца и мать жениха. Когда они явятся, невѣста встаетъ съ постели и кланяется имъ, а также и всѣмъ гостямъ, которые являются спустя нѣкоторое время. Когда присутствующіе удостовѣрятся въ цѣломудренности невѣсты, приданки поютъ эти пѣсни:

1) Ходили гусочки по новині,
Брехали брехуночки объ мині,
Годи брехуночки брехати.
2) Темного куста калина,
Доброго батька дітина:
Хоть вона по ночи ходила,
При соби смушокъ носила
Проспли хлопці,
Вона не дала,
Куповали купці,
Не продала.
Шелкомъ ніженьки звязала.
Звязала ніженьки въ недѣльку,
Держала Ванечкѣ къ понедѣлку.

Послѣ того снимаютъ съ молодой рубашку, въ которой она спала, и надѣваютъ чистую, а эту старшая приданка несетъ въ хату, кладетъ на приготовленный среди хаты столъ, кругомъ котораго начинаютъ ходить и пѣть:

1) Забурхала пташечка
Корогода водить,
Свату лавки ломать,
И лавочки при лаводи
Червоної китаички.
2) Мы відтіль да не пійдемо,
Корогода не водивши,
Свату лавокъ не ломавши,
Оболономъ да не бивши,
Горілки не пивши.

Послѣ этого *выбираютъ видное мѣсто въ хатѣ, вѣшаютъ на немъ рубашку невѣсты*, а сами садятся за столъ. Сидя за столомъ, поютъ:

Горілки, свату, горілки!
Да було не брати у насъ дівки,
Да було не вертити дирки,
Хто хотівъ, той вертівъ,
Кому впрчено, той терпівъ.
Горілки, свату, горілки!
Загорівся хвартухъ у дівки.
Нехай горитъ до пупа,
Шобъ наша сваночка да не скупа.

Потомъ молодые ужинаютъ и идутъ опять спать; гости также разъѣзжаются по домамъ.

Когда окажется, что невѣста нецѣломудренна, то гости ея стараются какъ можно скорѣе убраться во свояси, *такъ какъ гости молодаго дѣлаютъ имъ всякаго рода гадости, въ родѣ того, что вымазываютъ дегтемъ возы* и т. п. Гости молодой же пріѣхавъ къ ея матери, дѣлаютъ тамъ то же самое, то-есть, *надѣваютъ ей или ея мужу хомуты, мажутъ видныя мѣста дегтемъ* и т. п.

Когда гости молодой уѣзжаютъ со двора жениха, его мать кричитъ вслѣдъ имъ,

Куре гуси и всяка пашня!
Не чуйте, що до мене въ двiрь
Шельма пришла.

Когда женихъ чувствуетъ себя неспособнымъ для перваго супружескаго акта, тогда говорятъ объ этомъ боярину, который зоветъ старшихъ приданокъ и вмѣстѣ съ ними поднимаетъ молодую; въ то же время одна изъ присутствующихъ здѣсь женщинъ вкладываетъ два пальца и разрѣшаетъ дѣвственную плеву. Кромѣ тѣхъ пѣсень, которыя поются, когда невѣста окажется цѣломудренною, поются въ такомъ случаѣ нѣкоторыя и еще другія весьма непристойнаго содержанія.

(Записано по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ с. Симоновахъ, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губерніи, г. *Максимовичемъ*.)

№ 6.

Обряды, совершаемые въ Полтавской губерніи для удостовѣренія въ цѣломудріи невѣсты и для прославленія цѣломудрія, или для осрамленія нецѣломудрія.

Предъ отправленіемъ въ камору новобрачные кланяются отцу, который отбираетъ у нихъ икону и хлѣбъ, съ которыми они шли къ свекру, а также кланяются матери. Дружокъ, давъ имъ платокъ въ руки, ведетъ въ комору. Введя ихъ туда дружокъ выходитъ, остаются женихъ, невѣста, двѣ или одна свахи. Свахи снимаютъ съ невѣсты всю одежду и надѣваютъ рубаху, принесенную отъ матери невѣсты. Затѣмъ выходятъ и гуляютъ въ домѣ свекрови. Въ это время поютъ:

Марушко ягода!
Часъ тоби, ягода, впасты,
Батькови звiсточку прынесты,
А въ тебе батинко старенькiй
Винъ твоiй звiстоньки раденькiй.

Другая:

Посыдiте, сусидонькi, посыдiте,
Вы мого гостинця подождiте,
Якъ пшеничный, той—вамъ дамъ,
А якъ яшный, нехай тамъ.

Третья:

Цвiтами постиль шита,
Марусенько, чи не будешь бита?
Надiюся, не боюся,
Изъ сорома выкуплюся.

Четвертая:

Бреды, Марьечку, бреды,
Не бійся холоднои воды,
Высоко подымайся,
Изъ сорому выкупайся.
Кажется не боюся
Изъ сорому выкуплюся.

Черезъ нѣсколько времени свахи или дружокъ подходятъ къ коморѣ и спрашиваютъ новобрачныхъ, можно ли войдти; получивъ согласіе, входятъ, и свахи снимаютъ съ невѣсты рубаху (при чемъ дружокъ не присутствуетъ). Когда невѣста окажется цѣломудренною, то *перевязываютъ красной лентой рубаху*, которую невѣста беретъ въ руки, становится на порогѣ коморы или хаты и поетъ:

Не бійся, матинко, не бійся,
Въ червони чобитки вбуйся,
Топчи вороги підъ ноги,
Щобъ твои піженьки булы здоровы,
Щобъ підковы брязгалы
Щобъ вороги мовчалы.

Потомъ *дружокъ беретъ рубаху въ полу и обводитъ новобрачныхъ вокругъ стола три раза* съ тою же пѣснею, какую пѣли новобрачные, затѣмъ садятся, пьютъ водку и идутъ къ родителямъ невѣсты. Прежде чѣмъ идти къ родителямъ невѣсты, старшему боярину даютъ хусточку на тарелку, калачикъ, калину, ленту и посылаютъ къ отцу невѣсты съ извѣстіемъ, что невѣста хороша. По дорогѣ поютъ ту же пѣсню или же слѣдующія:

Годі вамъ вороги брехаты,
Та йдитъ калыны ломаты,
А въ насъ калына съ квитками,
Брешеты, вороги, съ дітками.

Другая:

Ой піду я въ лугъ по каліну,
Та вырву я съ каліны вітку
Та застромлю білу намитку.
Потыхесеньку, помалесеньку,
Щобъ тихъ ягідокъ не подавыты
Щобъ того роду не разпівыты,
А въ мене весь рідъ рідный,
А въ мене свекоръ корыспый,
А въ мене чужа маты,
Щобъ не выгнала съ хаты.

Приходятъ къ отцу невѣсты ихъ батько встрѣчаетъ съ хлѣбомъ-солью; входятъ всѣ въ хату; дружокъ обводитъ ихъ во кругъ стола три раза, здѣсь они садятся, послѣ чего раздаютъ подарки. Подарки состоятъ изъ платковъ, которыми перевязываютъ руки какъ дружковъ, такъ и дружекъ. Во время раздачи подарковъ, *дружокъ отдастъ матери рубаху*, затѣмъ ужинаютъ. Послѣ ужина отправляются къ свекру съ пѣснями съ такими, какія пѣли, когда шли къ отцу невѣсты, Тутъ преимущественно поютъ вышеприведенную пѣсню: „Ой піду я въ лугъ по калыну“. По приходѣ къ свекру ужинаютъ (а иногда и поютъ) и затѣмъ расходятся.

Въ понедѣльникъ собираются утромъ у свекра и поютъ разныя пѣсни, *а боярин берет красную запаску и вышает на деревъ или на какомъ либо видномъ мѣстѣ, какъ вывѣску цѣломудрія.* Послѣ веселья, утромъ же въ понедѣльникъ, если невѣста цѣломудренна, отправляются новобрачные въ церковь; здѣсь священникъ накрываетъ невѣсту платкомъ.

Остается сказать объ обрядахъ и пѣсняхъ, употребляющихся тогда, когда откроется нецѣломудренность невѣсты.

Когда невѣста окажется нецѣломудренною, рубахи не снимаютъ, а надѣваютъ очіпокъ; при чемъ иногда женихъ, свекоръ или кто либо изъ родственниковъ побьетъ, а иногда только осрамитъ. Невѣста входитъ въ хату свекра, кланяется и *проситъ прощенія.* Затѣмъ уходитъ съ женихомъ въ комору и тамъ спитъ, если тепло, а если холодно, то идутъ къ сосѣдямъ, а у свекра кто останется, пьютъ и поютъ пѣсни слѣдующія:

Загоняй квочку въ бочку,
А курчата въ вершу,
Признайся, кому давала спершу?
Давала старцямъ,
Голымъ сліпцямъ,
Савці на лавці,
А молодому на останці.

Другая:

Кажутъ люды, попы.
А дежъ тіі діточкі берутця,
Чи съ соломочки, чи съ поповочки
Чи съ яшнаго куля, чи съ поповаго.

Третья:

Ой баране, баране,
Та прінде до мене заране,
А я тобі заплачу,
Ше й ковбасу прытычу.

Четвертая:

Ой староста, староста,
Та не дай курци заросты,
Та съ заду, та съ переду.
Дасть тобі курка меду.

Пятая:

Тю-тю-тю курочка, тю-тю-тю,
Четыре ноги въ купу,
А пята корочча
Одъ всіхъ солодча.

Шестая:

Бодай тобі та морозенько,
Поморозывъ та калыпочку,
Та розгнівывъ всю родыноньку,
И близьку, и далеку,
И матинку рідненьку.

Седьмая:

Ой у мене чоловікъ ревнывый,
Береже поцьки гірше нывы,
Ныва проса народыть,
Поцька дитей наплодыть.

Отъ свекра женихъ и невѣста, возвратившись изъ коморы или отъ сосѣдей, идутъ въ домъ невѣсты. Когда идутъ, то поютъ разнаго рода соблазнительныя пѣсни. Придя въ хату, невѣста кланяется, при чемъ отецъ или бьетъ невѣсту, или же только срамитъ, когда женихъ не дастъ бить. Потомъ они садятся возлѣ стола и пьютъ съ пѣснями; поужинавъ, расходятся по домамъ, а потомъ вечеромъ въ понедѣльникъ собираются къ свекру, и тутъ, въ иныхъ мѣстахъ, *надѣваютъ на шею матери невѣсты хомутъ, состоящій изъ связки бубликовъ* (это въ настоящее время, а прежде надѣвалась просто головка хомута). Затѣмъ, когда напьются, бьютъ горшки, наносятъ въ хату соломы, расколупываютъ припечокъ до самаго дерева, колупаютъ также и потолокъ. Все это дѣлаютъ въ обоихъ случаяхъ когда цѣломудренна, и когда нѣтъ. Въ первомъ случаѣ—на радостяхъ, во второмъ—во гнѣвѣ. Точно также боярина посылаютъ къ отцу невѣсты въ обоихъ случаяхъ, когда хороша, и когда нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, ему въ руки ничего не даютъ. Въ сосѣднемъ съ м. Камышнымъ, с. Остановкѣ практикуются нѣсколько иные обычаи.

(Записано стипендіатомъ университета св. Владиміра *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ*, по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ м. Камышинѣ, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи).

№ 7.

Когда невѣста со своимъ женихомъ отправляется къ нему, то вслѣдъ за ними ѣдутъ нѣсколько верховыхъ, людей близкихъ невѣстѣ, стараются пока быть никѣмъ незамѣченными, и тамъ наблюдаютъ за всѣмъ происходящимъ, изъ чего можно было бы заключить—цѣломудренна ли невѣста, или нѣтъ; если первое, то ихъ приглашаютъ, такъ какъ всѣ знаютъ, что они должны быть не далеко и наблюдаютъ, и оказываютъ имъ самый дружескій привѣтъ и даже почётъ; если же второе, то они должны удирать, иначе будутъ биты; старики же сидятъ у себя и не ѣдутъ къ зятю, пока не узнаютъ благополучно, или нѣтъ; если первое, то за ними присылаютъ лошадей, если же второе, то *всѣ гости зятя, отецъ его и мать идутъ къ старикамъ невѣсты и дѣлаютъ разныя безчинства: пробиваютъ въ печи дыру, обмазываютъ стѣны грязью, бьютъ окна, кто нибудь изъ бояръ лѣзетъ на крышу хаты съ ведромъ воды и оттуда каждому раздаетъ воду, что означаетъ продажность ихъ дочери.*

(Записано однимъ студентомъ юридическаго факультета университета св. Владиміра по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ Лохвицкомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи).

№ 8.

Обряды, совершаемые въ Кіевской губерніи для удостовѣренія въ цѣломудріи невѣсты и для прославленія цѣломудрія, или для осрамленія нецѣломудрія.

Съ наступленіемъ вечера совершаютъ обрядъ отвода молодыхъ въ комору [1]). Обрядъ этотъ начинаетъ старшій бояринъ, говоря: „Господы, благословы, и ты, свате и свахо, благословить молодыхъ въ комору заводнiть“. Послѣ чего надѣваютъ на молодыхъ чистое бѣлье и ведутъ ихъ въ комору, двери которой со внутренней стороны женихъ крѣпко запираетъ. Подгулявшая толпа, особенно *хлопци*, подходятъ въ это время къ дверямъ, окпамъ и проч., чтобы подслушать, издастъ ли молодая крикъ, или же нѣтъ?... Когда женихъ отворитъ дверь, свахи входятъ въ комору и разсматриваютъ рубаху невѣсты. Въ случаѣ признаковъ честности, *рубашку кладутъ на тарелку и показываютъ ее „батькови“, матери, сватамъ и проч. Въ это время въ честь невѣсты свахи поютъ пѣсни, въ которыхъ выхваляютъ стойкость и цѣломудренность ея; въ это же время украшаются сваты, свахи, дружки и проч. красными лентами, какъ символомъ честности невѣсты; вывѣшиваютъ даже на крышѣ дома красную ленту*. Во время этой церемоніи молодая, перевязанная красною лентою и завязанная уже платкомъ, какъ женщина замужняя (завязываютъ молодую платкомъ въ коморѣ), садится за столъ между мужемъ и своею матерью. Мать цѣлуя ее три раза въ голову, говоритъ: „Спасыбi тобi, доню, що збавила мене отъ сорому; гляды якъ дождешь своихъ дочокъ, дывысь за ними такъ, якъ я за тобою дывылась“. Послѣ этого гуляютъ, пьютъ, веселятся (въ полномъ смыслѣ этого слова до самаго утра).

Совершенно иной характеръ *весiлья* — въ случаѣ нечестности невѣсты. Запершійся въ коморѣ мужъ, когда убѣдится въ нечестности своей невѣсты, начинаетъ бить ее самымъ жестокимъ образомъ; разказываютъ, что нерѣдко приходится разламывать двери коморы, чтобы только защитить молодую отъ ея разъяреннаго мужа. Впрочемъ, большая или меньшая степень наказанія въ этомъ случаѣ не есть требованіе народнаго права, а слѣдствіе темперамента и характера мужа; мужъ съ болѣе мягкимъ характеромъ ограничивается нѣсколькими ударами; болѣе же строгій мужъ избиваетъ свою жену до полусмерти (иногда даже отливаютъ ее водою). Мало того: не только жену, но тещу и тестя бьетъ, за то, *„що не вмiлы дочки своей вчиты“*. Во время этой расправы свахи поютъ срамныя пѣсни, а паробки, приготовляютъ нѣсколько соломенныхъ *„хомутовъ“, намазанныхъ смолой и разными гадостями, набрасываютъ ихъ на голови тестя, тещи, свахъ и т. п.; такой-же хомутъ вывѣшиваютъ и на домъ, или же „мазницю“ вмѣсто хомута*. Послѣ этихъ церемоній, также какъ и въ случаѣ честности невѣсты, веселье продолжается цѣлую ночь.

На другой день, часовъ въ 9, молодые вмѣстѣ съ сватами и боярами идутъ на *„выводины“* въ церковь. *Священникъ* освѣдомляется о честности невѣсты

---

[1]) Предъ отводомъ въ комору, всѣ дѣвушки расходятся по своимъ домамъ; остаются только мужчины, паробки, женщины замужнія, бабы и проч.

если она оказалась нечестною, *подвергать ее извѣстному наказанію, большею частію—заставлять ползать три раза вокруг церкви на колѣнях.*

Это ползаніе, впрочемъ, не вездѣ практикуется; вмѣсто него священникъ часто обязываетъ молодую поработать у него дней нѣсколько, какъ бы въ наказаніе за нечестность. Словомъ, наказаніе, налагаемое священникомъ, вопервыхъ, зависитъ отъ его усмотрѣнія, вовторыхъ, есть больше слѣдствіе вліянія религіи, а не народно-бытоваго права. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ священники меньшіе спекуляторы, совершенно иногда не опредѣляется наказанія при *выводинах* [1]). Въ нѣкоторыхъ селахъ есть обычай идти на выводины въ сивыхъ шапкахъ, при чемъ эти шапки надѣваютъ не только мужчины, но и женщины. Изъ церкви вся компанія отправляется въ корчму; погулявши здѣсь нѣсколько времени, возвращается въ домъ невѣсты и продолжаетъ веселиться до вечера. Вечеромъ перевозятъ молодую съ ея приданымъ къ жениху; *если она оказалась нечестною, на дорогѣ, гдѣ они имѣютъ проѣзжать, ставятъ нѣсколько кулей и зажигаютъ ихъ; по народному обычаю, нечестная молодая должна пройти чрезъ горящіе кули.* По пріѣздѣ въ домъ мужа также соблюдаются нѣкоторые обряды: въ случаѣ молодая вышла честною, она, войдя въ домъ, садится за столъ между мужемъ и своею матерью. Мать, ласково обращаясь къ ней и цѣлуя ее три раза, благодаритъ за то, что избавила ее и весь свой родъ отъ „сорому“; съ такою же благодарностію обращается къ ней отецъ, сваты и проч...

Если же молодая нецѣломудренна, то она, войдя въ домъ, не идетъ къ столу, а подползаетъ на колѣняхъ подъ столъ, изъ-подъ котораго должна показывать свое лицо. Мать всякій разъ, когда молодая выдвигаетъ голову, бьетъ ее по лицу, это продолжается до тѣхъ поръ, пока мужъ не запретитъ бить.—Бываетъ, говорятъ, и такъ, что мужъ не позволяетъ бить свою жену, говоря при этомъ: „Було, мамо, въ себе вчиты и биты, а въ моей хатѣ я никому не дамъ своей жинки биты“. Послѣ чего молодая выходитъ изъ подъ стола и садится около своего мужа. Этою церемоніею и заканчивается собственно *весілье*; продолжаютъ еще пьянствовать долго, дня три, а иногда четыре, но это не сопровождается уже такими обрядностями.

(Наблюденія записаны кандидатомъ правъ *С. В. Карчинскимъ* въ Черкасскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи).

№ 9.

Узнать цѣломудріе невѣсты считается столь великою необходимостью, что если женихъ почему либо окажется неспособнымъ совокупляться съ невѣстою (неспособность объясняютъ заговоромъ со стороны врага), то долженъ совокупиться старшій бояринъ, который бываетъ всегда пожилой мужчина, женатый и почетный человѣкъ въ обществѣ. Такому человѣку нужно явно нарушать свою вѣрность женѣ и совокупляться съ невѣстою. Такой поступокъ не считается грѣхомъ.

---

[1]) Говорятъ, что во время существованія крѣпостнаго права болѣе строгіе священники, въ случаѣ нечестности невѣсты, отправляли молодыхъ со сватами и свахами къ пану или же къ его эконому; послѣдній наказывалъ розгами молодую, отца и мать ея за оказавшуюся нечестность.

Домѣ нецѣломудренной невѣсты и жениха, лишаются права вывѣски красныхъ поясовъ при дымовыхъ трубахъ на другой день *весілья*, и вообще ношенія красныхъ лентъ невѣстою и дружками. И самъ женихъ и его бояре не имѣютъ права носить красные пояси. Даже не возлагается на коровай калина, и курица не украшается калиною. Все имѣетъ сумрачный видъ. Распѣваются только пѣсни, цѣль и содержаніе которыхъ пристыдить матерь за неприсмотръ за дочерью. Невѣста тоже, стоя у печи, должна пѣть пѣсню, въ которой она проситъ извиненія у матери, и вмѣстѣ съ тѣхъ, утѣшаетъ мать обѣщаніемъ быть доброю хозяйкою. Отцу же не цѣломудренной невѣсты не вмѣняется въ вину, хотя онъ самъ и чувствуетъ срамъ.

Но все это выводится теперь. По причинѣ дороговизны водки, разчетливые родители не дѣлаютъ никакого весілья, а еще передъ вѣнчаніемъ объявляютъ молодымъ, что весілья справлять не будутъ. Зажиточные крестьяне еще держатся стариннаго обычая. Иногда весілье бываетъ черезъ двѣ недѣли по вѣнчаніи, а до тѣхъ поръ новобрачные не имѣютъ права вмѣстѣ спать.

(Записано учителемъ *М. Криминскимъ* по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ с. Думынцахъ, Черкасскаго уѣзда, Кіевской губерніи.)

А. Кистяковскій.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

НАРОДНЫЕ

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ

ИНОРОДЦЕВЪ.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ

Лопарей, Кореловъ и Самоѣдовъ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Предисловіе.

Въ 1869 г. въ г. Архангельскѣ издана мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ 1-я книга Сборника юридическихъ обычаевъ Русскаго населенія Архангельской губерніи. Составитель этого сборника, П. С. Ефименко, обѣщалъ изложить впослѣдствіи и юридическіе обычаи инородцевъ, обитающихъ на крайнемъ Сѣверѣ: Лопарей, Кореловъ, Зырянъ и Самоѣдовъ. Необходимость сосредоточить весь свой трудъ на юридическихъ обычаяхъ Русскаго населенія губерніи, для которыхъ получены были богатые матеріалы въ видѣ рѣшеній волостныхъ судовъ, сдѣлокъ и договоровъ, записанныхъ въ книги волостныхъ правленій, и т. п., побудила его передать трудъ обработки матеріаловъ по обычному праву инородцевъ мнѣ.

Я приняла на себя обязанность только привести юридическіе обычаи инородцевъ въ порядокъ по имѣющимся подъ рукою матеріаламъ и изложить ихъ систематически, предоставивъ дѣло научной разработки спеціалистамъ.

Обычное право всѣхъ почти инородцевъ, обитающихъ въ Россіи, также мало изслѣдовано, какъ и право Русскаго населенія, или лучше сказать, почти вовсе не изслѣдовано. По мнѣнію нѣкоторыхъ, и вовсе не слѣдуетъ обращать на него

вниманія, по крайней мѣрѣ—до времени, пока не будетъ изучено русское народное право. Я не могу раздѣлять этого мнѣнія, а полагаю, что изученіе юридическихъ возрѣній и обычаевъ инородческаго и Русскаго населенія должно совершаться одновременно. И это, вопервыхъ, потому, что для науки одинаковый интересъ представляетъ обычное право, какъ болѣе цивилизованнаго народа, такъ и стоящаго на низшей ступени развитія, а вовторыхъ, потому, что безъ ознакомленія съ юридическими обычаями инородцевъ не возможно вполнѣ постигнуть смысла русскаго обычнаго права.

Русское обычное право, если возвести его къ единству, къ общимъ началамъ, не представляетъ собою чего-либо совершенно однороднаго; различныя эпохи, которыя переживалъ Русскій народъ, наложили свой неизгладимый отпечатокъ на русское обычное право, такъ что оно естественно должно было сложиться изъ наслоеній различныхъ началъ. Двѣ главныя формы жизни, которыя въ разное время воспринималъ Русскій народъ: родовая и общинно-семейная, особенно рельефно отразились на воззрѣніяхъ и обычаяхъ обитателей нашего отечества. Отсюда необходимость для изслѣдователя строго опредѣлить, что̀ въ русскомъ обычномъ правѣ составляетъ явленіе болѣе новое, и что̀ относится къ отдаленной древности, разграничить начало кровное, родовое отъ экономическаго или трудоваго. Но какъ же достигнуть этого, когда у насъ не составилось еще сколько-нибудь удовлетворительнаго понятія о томъ, что̀ такое—родовое начало, и что̀ такое—начало трудовое, такъ что данный фактъ изъ сферы правовыхъ отношеній одинъ ученый относитъ къ явленіямъ быта родового, другой ученый тотъ же фактъ признаетъ за признакъ общинно-семейнаго быта. Такое разномысліе ученыхъ проходитъ чрезъ всѣ явленія юридической и исторической жизни народа и породило даже двѣ непримиримыя школы историковъ и юристовъ—такъ называемыхъ родовиковъ и общинниковъ. Ясно, что намъ необходимо предварительно изучить патріархальный бытъ и патріархальные обычаи, по возмож-

ности, въ ихъ чистѣйшемъ видѣ, или по крайней мѣрѣ, въ возможно близкихъ къ нему формахъ, а потомъ уже, узнавъ, что̀ такое—родовое начало, въ какихъ обычаяхъ оно проявляется, приступать къ анализу явленій отечественной жизни. Здѣсь-то именно изученіе юридическихъ обычаевъ инородцевъ и могло бъ оказать существенную услугу наукѣ, такъ какъ всѣ почти инородцы наши, по крайней мѣрѣ туранскаго корня, находятся на низшихъ ступеняхъ развитія относительно Русскаго племени, а иные изъ нихъ еще вовсе не отрѣшились отъ формъ патріархальной жизни. Мы твердо убѣждены, что недалеко то время, когда изслѣдователи русскихъ народныхъ началъ и правовыхъ воззрѣній и обычаевъ оставятъ прежній путь сравненій нашего быта и юридическихъ понятій съ явленіями жизни цивилизованныхъ народовъ, съ правами германскимъ и греко-римскимъ и обратятся къ изученію юридическихъ и иныхъ воззрѣній, какъ своего народа, такъ и другихъ расъ, стоящихъ на болѣе низкихъ ступеняхъ развитія, и прежде всего къ инородцамъ, обитающимъ въ Россіи, какъ къ ближайшему предмету изслѣдованій: на востокѣ, у полудикихъ народовъ, будутъ они искать разгадки многихъ явленій русской жизни, а не на западѣ, среди цивилизованныхъ націй. На этомъ плодородномъ полѣ, лежащемъ нынѣ пустыремъ, ожидаетъ нашихъ ученыхъ обильная жатва.

Такъ какъ почти всѣ инородцы, обитающіе въ Россіи, съ давнихъ временъ состояли въ непосредственныхъ и частыхъ сношеніяхъ съ господствующимъ надъ нимъ Русскимъ племенемъ, то они, конечно, не могли не утратить кое-чего изъ своеобразныхъ юридическихъ понятій и обычаевъ и не усвоить русскихъ; съ другой стороны и Русскіе должны были кое-что принять отъ этихъ племенъ. Наука обязана опредѣлить, что̀ заимствовано тою и другою стороной. Но теперь еще нельзя сдѣлать этого, такъ какъ дѣло пока идетъ о сборѣ самихъ матеріаловъ. Вотъ и еще причина, почему мы должны изучать обычное право инородцевъ.

Кромѣ того, изученіе инородческихъ юридическихъ обычаевъ представляетъ и живой, практическій интересъ, такъ какъ у многихъ инородцевъ дѣйствуютъ волостные суды, которые, какъ извѣстно, большую часть дѣлъ рѣшаютъ на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, а у иныхъ изъ инородцевъ управленіе и судъ совершаются по исконнымъ обычаямъ, давно получившимъ силу закона.

Я сказала, что по обычному праву инородцевъ сдѣлано очень мало. Дѣйствительно литература наша представляетъ только нѣсколько небольшихъ собраній инородческихъ обычаевъ, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ. Разумѣется, въ разнаго рода описательныхъ статьяхъ, касающихся быта инородцевъ, есть случайныя, отрывочныя свѣдѣнія о ихъ правовыхъ воззрѣніяхъ и обычаяхъ; но все это такія мелкія крупицы, что для собранія ихъ потребуется еще не мало кропотливаго труда.

Что касается до юридическихъ обычаевъ инородцевъ Архангельской губерніи, то они, не смотря на представляемый ими большой интересъ, въ особенности обычаями Лопарей и Самоѣдовъ, также до сихъ поръ не привлекали къ себѣ исключительнаго вниманія ученыхъ; все, что̀ было по этой части сдѣлано, суть мимолетныя замѣтки объ инородческихъ обычаяхъ, разбросанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ статьяхъ собственно этнографическаго содержанія и въ путешествіяхъ различныхъ спеціалистовъ по сѣверу.

Прежде, нежели начнется тщательное изученіе на мѣстѣ этихъ инородцевъ съ указанной стороны, людьми, вполнѣ подготовленными къ дѣлу и готовыми принять на себя всѣ трудности подобнаго предпріятія, мы сочли полезнымъ собрать въ одно мѣсто все то, что̀ было гдѣ-либо, хотя мимоходомъ, сказано о юридическихъ обычаяхъ здѣшнихъ инородцевъ. Затѣмъ мы воспользовались нѣкоторыми рукописными источниками, состоящими въ короткихъ замѣткахъ и собраніяхъ юридическихъ обычаевъ нѣкоторыхъ изъ инородцевъ, а также рѣше-

ніями волостныхъ судовъ и сдѣлками и договорами тѣхъ волостныхъ правленій, которымъ подвѣдомственны эти обитатели. Говоря въ частности, только обычаямъ Лопарей посчастливилось найдти трудолюбиваго собирателя въ лицѣ одного мѣстнаго священника, да самоѣдскіе обычаи записаны тщательнѣе другихъ. Обычаи же Кореловъ и Зырянъ сравнительно гораздо бѣднѣе матеріалами, и если бы не рѣшенія волостныхъ судовъ, которыми я располагала, то пришлось бы отказаться отъ ихъ изложенія [1]). Болѣе подробное указаніе источниковъ читатель встрѣтитъ при изложеніи самыхъ обычаевъ.

Такъ какъ юридическіе воззрѣнія и обычаи каждаго племени обусловливаются его историческими судьбами и бытомъ и безъ знакомства съ послѣдними не могутъ быть правильно поняты, то изложенію обычаевъ каждаго изъ племенъ Архангельской губерніи я предпослала введеніе, въ которомъ коротко излагаются нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ историческія, этнографическія и экономическія.

---

[1]) Отдѣлъ юридическихъ обычаевъ Зырянъ, къ сожалѣнію, не можетъ быть помѣщенъ въ настоящемъ изданіи, такъ какъ рукопись его затеряна бывшимъ редакторомъ газеты Судебный Вѣстникъ г. Думашевскимъ, которому настоящій сборникъ г-жи Ефименко былъ первоначально, въ 1872 году, переданъ для печати. *Ред.*

I.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ ЛОПАРЕЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

Лопари принадлежатъ къ обширной семьѣ народовъ Финскаго племени. Хотя извѣстный филологъ Максъ Мюллеръ, раздѣляющій финскій классъ языковъ и народовъ на четыре вѣтви, относитъ ихъ къ чудской [1]), но Д. П. Европеусъ, спеціально занимающійся финско-венгерскими языками, въ своей таблицѣ: Die Stammverwandschaft der meisten Sprachen der alten und australischen Welt, изданной въ 1870 г., отводитъ имъ по языку мѣсто въ финско-черемисскомъ развѣтвленіи, между Мордвой и Черемисами. Въ своей семьѣ, семьѣ Финскихъ народовъ, Лопари занимаютъ въ соціальномъ отношеніи послѣднее мѣсто. Изъ всѣхъ Финскихъ племенъ это самое забитое, загнанное въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ Европы, до сихъ поръ сохранившее еще полукочевой бытъ. Блага гражданственности, участниками которыхъ сдѣлались нѣкоторые изъ родственныхъ имъ Финскихъ племенъ, не коснулись ихъ. Соприкосновеніе съ Русскими едва ли не увеличило ихъ бѣдности и не содѣйствовало ихъ вымиранію.

Было время, когда Лопари распространялись на югъ до Петербургской губерніи, но другіе народы, особенно родственное имъ племя Корелювъ, а отчасти Чудь и Русскіе, все тѣснили и тѣснили ихъ на сѣверъ, пока не загнали на берега Бѣлаго моря и Ледовитаго океана [2]). Ихъ настоящее мѣстопребываніе есть Лапландскій полуостровъ, который отъ нихъ и получилъ свое названіе. Впрочемъ, распространеніе этого племени не ограничивается Архан-

[1]) Лекціи по наукѣ о языкѣ, С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 240.

[2]) Заволоцкая Чудь, сост. *П. Ефименко*, Архангельскъ, 1869 г., стр. 87.

гельскою губерніей: Лопари живутъ еще въ той части Норвегіи, которая называется Финнмаркеномъ, и въ сѣверномъ углу Финляндіи. Лопари Архангельской губерніи раздѣляются на Мурманскихъ, живущихъ по Мурманскому берегу Ледовитаго океана отъ границъ Норвегіи до Святаго Носа, и на Терскихъ, живущихъ по Терскому берегу Бѣлаго моря отъ Святаго Носа до р. Пялицы.

Лопари, какъ мы сказали выше, народъ полукочевой: отъ Мурманскаго и Терскаго береговъ они откочевываютъ внутрь полуострова верстъ на 150 и болѣе; остается на одномъ мѣстѣ только часть Терскихъ Лопарей, ведущихъ осѣдлую жизнь при русскихъ деревняхъ. Въ сѣверо-западной части Лапландіи, у границъ Финляндіи и Норвегіи, кочуетъ отдѣльное племя Лопарей—Фильманы, говорящее особымъ нарѣчіемъ и принадлежащее къ лютеранскому вѣроисповѣданію. Фильманы—это испорченное Финнманы; родина ихъ—Финляндія и Норвегія: послѣ размежеванія съ этими странами они остались въ Архангельской губерніи. Кочевья ихъ—тундры Пазрѣцкая, Мотовская и Печенгская [1]). Это тѣ самые Лопари, которые назывались прежде *двоеданными* и *троеданными*, потому что платили дань двумъ и тремъ государствамъ: Россіи, Даніи и Швеціи.

Собственно Лопари раздѣляются по языку на три главныя нарѣчія: первое—въ Печенгѣ, Моткѣ, Пазрѣкѣ, Сонгелѣ, Нотозерѣ, Экостровѣ и Бабьѣ; второе—въ Семиостровѣ, Ловозерѣ, Воронежскомъ погостѣ, Кильдинѣ и Массельскомъ погостѣ; третье—на Терскомъ берегу. Различія эти образовались отъ вліянія внѣшнихъ элементовъ, съ одной стороны—норвежскаго, съ другой—русскаго и корельскаго [2]).

Лопарское племя очень невелико: всѣхъ Лопарей, живущихъ въ Архангельской губерніи, числится немного свыше 2000 душъ обоего пола, въ томъ числѣ 175 душъ Фильмановъ. Вообще, это одно изъ тѣхъ племенъ, которыя идутъ къ полному изчезновенію посредствомъ медленнаго вымиранія и поглощенія другими народностями.

Лопари Архангельскіе потеряли свою независимость еще въ XI в., когда были покорены Новгородцами, а потомъ, съ паденіемъ Нов-

---

[1]) *Архан. губ. вѣд.* 1869 г., № 82.

[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1853 г., № 20.

города, перешли подъ власть Московскаго государства. Покоривъ Лопарей, Русскіе озаботились также сдѣлать ихъ участниками своей цивилизаціи черезъ передачу имъ христіанской религіи. Распространялось христіанство между Лопарями довольно медленно, и только съ XVI вѣка можно считать его вполнѣ утвердившимся, именно съ того времени, когда были посланы отъ Лопарей старѣйшины къ великому князю, съ просьбою дать имъ учителей христіанства. Распространенію и утвержденію христіанства между Лопарями много содѣйствовало вліяніе Соловецкаго монастыря, а также инициатива частныхъ лицъ, особенно иноковъ, которые жертвовали своею жизнью, посвящая ее трудамъ миссіонерской дѣятельности между дикарями. Лопари не забыли этихъ людей, ставившихъ цѣлью своей жизни ихъ благо: память св. Трифона, самаго ревностнаго изъ просвѣтителей, жившаго и дѣйствовавшаго около половины XVI столѣтія, пользуется до сихъ поръ ихъ благоговѣйнымъ уваженіемъ. Но вѣроятно, св. Трифонъ сознавалъ, что недостаточно окрестить Лопарей, чтобы сдѣлать ихъ христіанами. Христіанская идея не могла найдти достаточной подготовки къ ея воспріятію въ этихъ дикаряхъ, и потому, чтобы сдѣлать ихъ дѣйствительно христіанами, необходимо было имѣть возможность дѣйствовать на нихъ постоянно въ духѣ христіанской религіи и нравственности, и не только словомъ, но и дѣломъ, такъ какъ для дикаря фактъ всегда краснорѣчивѣе всякихъ поясненій и разсужденій. Поэтому-то св. Трифонъ основалъ въ странѣ Лопарей, на рѣкѣ Печенгѣ, монастырь, очень извѣстный въ исторіи края подъ именемъ Печенгскаго. Но оправдались ли разчеты основателя? Что̀ сдѣлалъ монастырь для блага тѣхъ, кому онъ долженъ былъ служить? Помогъ ли онъ имъ въ развитіи ихъ понятій и въ вытекающемъ оттуда улучшеніи ихъ быта, научилъ ли вносить больше правды въ ихъ отношенія къ людямъ? Къ сожалѣнію, исторія не даетъ благопріятныхъ отвѣтовъ на эти вопросы. Печенгскій монастырь имѣлъ на Лопарей вліяніе прямо противоположное тому, какого ожидалъ отъ него его основатель. Прежде всего монастырь ввелъ въ жизнь Лопарей новый, неизвѣстный еще имъ элементъ, идущій прямо въ разрѣзъ христіанскому ученію любви и братства, именно—крѣпостное право. По просьбѣ монаховъ два лопарскіе погоста—Печенгскій и Мотовскій были закрѣплены за монастыремъ

жалованною грамотой царя Ивана Васильевича отъ 22-го ноября 1556 года. По этой грамотѣ монастырю предоставляется право на владѣніе морскими губами: „Мотовскою, Лицкою, Урскою, Лазренскою и Нанденскою и рыбными ловлями и *морскими выметами, коли изъ моря выкинетъ кита, или моржа, или иного какого звѣря, и морскимъ берегомъ, землею, островами, рѣками, малыми ручейкими, и съ верхотинами и тонями, и горовными мѣстами, и пожнями, и лѣсами, и лѣсными озерки, и звѣриными логовища, и Лопарями, которые Лопари наши данные въ той Мотовской и Печенгской губѣ нынѣ есть и впредь будутъ*“. Но монастырь не довольствовался своими правами на Мотовскихъ и Печенгскихъ Лопарей, которые были за нимъ закрѣпощены. Онъ простиралъ еще дальше свои притязанія: старался захватить въ свои руки также и угодья другихъ Лопарей, именно Нотозерскихъ и Сонгельскихъ. Частью онъ бралъ ихъ угодья на оброкъ, частью старался обратить въ свою собственность, какъ то видно изъ разныхъ мѣстъ грамоты, данной въ 1697 г. Нотозерскимъ и Сонгельскимъ Лопарямъ на рыбныя ловли [1]).

Обращеніе Печенгскаго монастыря съ своими вотчинниками, останавливало на себѣ вниманіе даже епархіальнаго начальства, какъ это видно изъ письма архіепископа Аѳанасія къ этимъ кабальнымъ Лопарямъ, гдѣ онъ успокоиваетъ ихъ, предлагая свою защиту: „Васъ, послушниковъ нашихъ, въ милости всегда имѣть будемъ и строителемъ и священникомъ и служебникомъ тоея нашея пустыни и всѣмъ кольскимъ жителямъ никакою обидою обидить васъ не дадимъ, а буде кто отъ сего времени не бояся Бога будетъ на васъ какою обидою нападывать или похищать имѣніе ваше, и мы преосвященнѣйшій архіепископъ, указали вамъ на тѣхъ обидящихъ людей присылать къ намъ заручные ваши челобитные съ нарочными посыльщики“ [2]).

Монастырь все утрачивалъ свое первоначальное значеніе, религіозное и просвѣтительное; въ замѣнъ того, онъ пріобрѣталъ новое значеніе — важнаго торговаго и промышленнаго центра. Въ силу своего новаго положенія онъ не могъ сохранять тѣ отношенія къ

---

[1]) См. ниже приложеніе 3-е.

[2]) *Труды Арх. Губ. Стат. Ком.* за 1865 г., кн. 1, стр. 42.

Лопарямъ, какія должны были установиться между просвѣтителями и просвѣщаемыми. Конечно, для Лопаря не могла быть вполнѣ дѣйствительна проповѣдь братской любви и отрѣченія отъ благъ міра, произносимая лицами, пользующимися доходами съ ихъ угодій, особенно съ ихъ богатыхъ рыбныхъ ловлей, которыя исконн привыкли Лопарп считать своею собственностью, и отъ которыхъ получали свое пропитаніе. Этихъ рыбныхъ угодій было у монастыря такъ много, что онъ могъ управляться только съ богатѣйшими, а остальныя долженъ былъ отдавать въ аренду [1]). Лопарп же служили монастырю и какъ рабочіе, и какъ покрученики изъ половины дохода. Монастырь, ведя большую торговлю, бралъ у Лопарей ихъ промыслы, снабжая въ обмѣнъ, какъ теперь дѣлаютъ русскіе торговцы - поморы, хлѣбомъ и другими необходимыми предметами. Служили ли эти сдѣлки средствомъ къ эксплуатаціи Лопарей, какъ они служатъ теперь, или нѣтъ,—не извѣстно. Знаемъ только, что хотя съ одной стороны, монастырь не особенно церемонился съ своими вотчинниками Лопарями, за то, съ другой—сохраняя еще свои традиціи, помогалъ имъ во время голода, давая пропитаніе. Но положительно можно сказать, что примѣромъ нравственности монастырь не служилъ; монахи вели образъ жизни далеко не безукоризненный, какъ свидѣтельствуютъ изданные и не изданные документы [2]). Если есть основаніе обвинять Лопарей въ излишнемъ пристрастіи къ спиртнымъ напиткамъ, то этимъ же порокомъ погрѣшали печенгскіе монахи; соблазнъ былъ одинаковъ для тѣхъ и другихъ: близость норвежскаго рому и ликеровъ. Наконецъ, въ 1764 году монастырь былъ упраздненъ; каковы были результаты его существованія—вытекаетъ изъ всего вышесказаннаго.

Впрочемъ, не одинъ только Печенгскій монастырь пользовался собственностью Лопарей; угодья ихъ отдавались великими князьями и царями въ пользованіе различнымъ монастырямъ, даже очень отдаленнымъ; такъ напримѣръ, рѣка Еколга была дана Крестному монастырю въ Каргопольскомъ уѣздѣ и Воскресенья въ Москов-

---

[1]) См. приложеніе 4.

[2]) *Записки Русск. Отдѣл. Археологич. Общества*, II. 1861 г., стр. 646 и др.; *Труды Арх. Губ. Стат. Ком.* за 1865 г., ч. 1 стр. 39 и 40; см. также приложеніе 2-е.

скомъ [1]). Что же касается до притѣсненій Лопарей, то и тутъ монахи Печенгскаго монастыря не составляли исключенія. Разныя лица, приставленныя къ управленію краемъ, да и всѣ вообще, кто могъ, позволялп себѣ въ отношеніп Лопарей всякія пропзвольныя дѣйствія и несправедливости, въ надеждѣ на ихъ слабость и беззащитность. Какъ поступали Русскіе съ Лопарями—видно изъ челобитной патріарха Никона царю Алексѣю Михайловичу. Никонъ передаетъ царю жалобы Лопарей на посадскаго человѣка Василія Звягина, который насильно захватилъ нѣсколько принадлежащихъ имъ рѣкъ и ручьевъ, билъ и увѣчилъ Лопарей, потомъ привезъ изъ Кольскаго острога пятидесятника стрѣлецкаго съ шестью вооруженными людьми и началъ грабить у Лопарей песцовъ и оленьи кожи и сало, а потомъ вымучилъ у нихъ на тѣ рыбные промыслы запись, которую и написалъ самъ, и сталъ промышлять въ тѣхъ рѣкахъ. При этомъ еще Лопари жаловались, что ихъ сильно обижаютъ государевы людп, ходящіе на промыселъ кречетовъ, берутъ съ нихъ кормы вдвое и втрое противъ положеннаго, лучшихъ оленей и все, что̀ увидятъ, такъ что Лопари хотѣли уже разбрестись въ разныя стороны, не будучп въ состояніп выносить такое насильство. Такъ какъ въ этомъ погостѣ находились монастырскія рыбныя ловли, то Никонъ и вступился, чтобы Лопари, въ самомъ дѣлѣ, не разбрелись и не учинили монастырскому рыбному промыслу „порухи и безпромыслицы, а монастырю и промышленнымъ людямъ убытки и проѣсти и волокиты“.

Видно, притѣсненія Лопарей со стороны Русскихъ были велики, когда постоянно являлась необходимость ограждать ихъ царскими грамотами. Такъ напримѣръ, въ грамотѣ царей Іоанна и Петра 1686 г., вслѣдствіе челобитья семи лоцскихъ погостовъ мирскихъ челобитчиковъ, „съ Олонецкаго и съ иныхъ кружечныхъ дворовъ въ лоцскія погосты съ виномъ и съ пивомъ и съ медомъ цеповальникомъ ѣздить и тѣмъ убытковъ и разоренья лоцскихъ погостовъ крестьянамъ чинить не велено“ [2]). Это было повтореніемъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ 1614 и 1648 гг., которыми, между прочимъ,

---

[1]) См. приложеніе 5-е.

[2]) *Записки Археолог. Общ.*, II, 1861 г., стр. 679. То же повторялось и послѣ, какъ видно изъ Приложеній за №№ 5 и 6.

предписывалось мѣстнымъ властямъ „лопскихъ погостовъ крестьянъ“ Лопарей оберегать и налоги имъ не чинить, чтобъ имъ жить въ покоѣ“, и грамоты 1606 г., по которой также воспрещаемо было привозить на продажу въ погосты вино и медъ [1]).

Время все шло: отняты вотчины у монастырей, измѣнилось управленіе; стали они свободны, но только съ виду: изъ рукъ Печенгскаго монастыря Лопари попали въ руки поморовъ-торговцевъ, у которыхъ состоятъ въ такой же кабалѣ, какъ и прежде у монаховъ [2]).

Что соприкосновеніе съ Русскими не было благопріятно для Лопарей въ экономическомъ отношеніи, свидѣтельствуетъ введеніе рабства; что оно было мало благопріятно и для духовнаго развитія Лопарей, можно заключить изъ множества фактовъ, свидѣтельствующихъ объ упадкѣ между ними нравственности. Та честность и правдивость Лопарей по отношенію къ Русскимъ, о которой писали фонъ-Поппманъ и др., существуетъ нынѣ почти только въ разсказахъ; Русскіе, сталкивающіеся нынѣ съ Лопарями, считаютъ ихъ людьми крайне лживыми, каждую минуту готовыми на обманъ, людьми, которымъ ни въ чемъ нельзя вѣрить. Умственное развитіе ихъ, если взять его мѣриломъ грамотность, также не подвинулось впередъ: грамотныхъ между ними вовсе нѣтъ. Да никакой сколько-нибудь значительный шагъ въ умственномъ развитіи и невозможенъ для народа, пока онъ не перейдетъ къ осѣдлому быту, а сами Лопари, между тѣмъ, мало расположены измѣнить свой образъ жизни. Впрочемъ, уже 200 человѣкъ Лопарей, на запросъ администраціи, еще въ 1868 г. заявили о своемъ желаніи перейдти къ осѣдлости [3]). Можетъ быть, и остальные убѣдятся въ преимуществахъ осѣдлой жизни передъ кочевою, хотя разумѣется, только очень осязательныя выгоды, съ одной стороны, или крайняя нужда, съ другой, могутъ поколебать ихъ вѣковую привычку къ бродячей жизни.

Каждый Лопарь три-четыре раза въ годъ и болѣе мѣняетъ мѣсто жительства. Зиму Лопари проводятъ въ зимнихъ погостахъ внутри страны, гдѣ у нихъ есть болѣе удобныя жилища, назы-

---

[1]) Акты Истор., изд. Археограф. Коммисс., V, стр. 241.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1861 г., № 46 и самые обычаи.

[3]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1868 г., № 26.

ваемыя *тупа*, которыя дѣлаются изъ сосноваго лѣса, въ родѣ избы, только гораздо меньше. Въ лѣтнихъ и осенних погостахъ Лопари устраиваютъ на скорую руку родъ шалаша изъ жердей, крытыхъ дерномъ. Когда наступаетъ весна, въ апрѣлѣ Лопари ѣдутъ изъ зимнихъ погостовъ на свое весеннее мѣсто или къ озерамъ, гдѣ удобнѣе промышлять свѣжую рыбу, или къ морю промышлять треску и палтусину. Иные проводятъ лѣто на морскихъ берегахъ, иные—у большихъ озеръ и рѣкъ. Къ 1-му числу мѣсяца августа всѣ ѣдутъ на осеннія мѣста, гдѣ, кромѣ рыбы, промышляютъ при наступленіи зимы оленей и разныхъ пушныхъ звѣрей: куницу, лисицу, выдру, россомаху и медвѣдей. На Рождество или Крещеніе почти всѣ собираются въ зимніе погосты. Лопари принуждены такъ бродить потому, что всѣ ихъ рѣки, озера, рѣчки, ручьи, лѣсныя ухожья, то есть, мѣста ловли птицъ и звѣрей, издавна подѣлены между Лопарями, съ правомъ владѣть наслѣдственно каждымъ изъ этихъ угодій: они и должны переходить съ мѣста на мѣсто, чтобы посѣтить каждый изъ принадлежащихъ имъ участковъ. Какъ Лопари владѣли своими землями и угодьями въ старину, это видно изъ жалованныхъ имъ въ разное время царскихъ и великокняжескихъ грамотъ и выписокъ изъ писцовыхъ книгъ, находившихся въ этихъ грамотахъ [1]).

Въ административномъ отношеніи Лопари раздѣляются на двѣ волости: къ одной принадлежатъ Лопари Терскіе, имѣющіе управленіе въ с. Поноѣ, а къ другой—Мурманскіе, коихъ волостное правленіе въ г. Колѣ. Эти волости заключаютъ въ себѣ лопарскія селенія, называемыя погостами, изъ которыхъ одни обитаемы только лѣтомъ, другіе только зимой, и которые потому дѣлятся на зимніе и лѣтніе. Къ Понойской волости принадлежатъ погосты: Сосновскій, Каменскій, Эконьскій, Лумбовскій. Къ Кольско-Лопарской: Кицкій, Вороньеручьевскій, Масельскій, Разноволоцкій, Вороньеозерскій, Экостровскій, Рикотайбольскій, Кильдинскій, Бабенскій, Мотовскій, Пазрѣцкій, Печенскій, Ловозерскій, Воронежскій, Семиостровскій, Нотозерскій, Сонгельскій. При своей полукочевой жизни и препятствіяхъ, представляемыхъ климатомъ, Лопари не могутъ заниматься земледѣліемъ и даже изъ своихъ сѣнокосовъ не

---

[1]) См. приложеніе 3-е

извлекаютъ никакой выгоды, такъ какъ не заготовляютъ сѣна на зиму. Только Воронежскіе Лопари отдаютъ свои луга за ничтожную плату въ аренду Русскимъ. Скотоводство находится у нихъ въ самомъ плохомъ состояніи: изъ домашняго скота Лопари держатъ только ничтожное количество овецъ да оленей, но и тѣхъ не много.

Одни Фильманы обращаютъ на разведеніе оленей серьёзное вниманіе и держатъ ихъ по нѣскольку тысячъ; остальные Лопари часто имѣютъ только по нѣскольку штукъ оленей. Олени эти лѣтомъ и зимою остаются безъ всякаго присмотра. Лопарь беретъ на себя только обязанность заклеймить ихъ и затѣмъ пускаетъ въ тундру, иные хозяева свозятъ на лѣто свои стада на острова, чтобы предохранить ихъ отъ волковъ. Оленеводство въ прежнее время играло очень видную роль въ хозяйствѣ Лопаря, но мало по малу оно теряетъ свое значеніе, вытѣсняясь другими отраслями промышленности, именно рыболовствомъ и звѣроловствомъ. Звѣринымъ промысломъ Лопари занимаются зимой, съ декабря до весны; но онъ не всегда бываетъ удаченъ, такъ какъ звѣрь появляется въ значительномъ количествѣ не каждый годъ. Самые важные промыслы—на дикихъ оленей, лисицъ, куницъ и бѣлокъ. Впрочемъ, дикіе олени становятся рѣже и рѣже въ тундрахъ; количество куницъ и лисицъ также уменьшается съ каждымъ годомъ вслѣдствіе неразумнаго производства промысловъ; бобры, которыми прежде Лопари платили дань, теперь почти вовсе вывелись. Еще Лопари занимаются птицеловствомъ: ловятъ преимущественно куропатокъ, гагъ и гусей.

По самую главную отрасль лопарскаго хозяйства составляетъ рыболовство. Лопари ловятъ рыбу въ Сѣверномъ океанѣ, въ Бѣломъ морѣ, въ рѣкахъ и озерахъ, которыми изобилуетъ Лапландскій полуостровъ. Рыбы вылавливается ими огромное количество. Самая доходная статья изъ рыбныхъ промысловъ—ловля семги въ рѣкахъ; за невозможностью имѣть выгодный сбытъ своему товару, Лопари, по большей части, отдаютъ свои семужьи тони въ аренду. Лопари промышляютъ еще морскихъ звѣрей, но этотъ промыселъ незначителенъ; киты, которыхъ выкидываетъ на берега моря, также составляютъ ихъ собственность. Еще Лопари нѣкоторыхъ погостовъ имѣютъ доходы отъ извозничества, т. е. пере-

возки товаровъ и людей на Мурманскій берегъ и содержанія обывательскихъ станцій, также отъ караула промышленныхъ становъ, судостроенія, выдѣлки оленьихъ шкуръ, рубки лѣса и дровъ. Вотъ и всѣ статьи дохода Лопарей. Рыба, главный продуктъ ихъ промысловъ, идетъ почти вся на собственное пропитаніе. Хотя Лопари и сильно заразились отъ русскихъ торговымъ духомъ, по свидѣтельству Кастрена, но не научились отъ нихъ разчетливости. Лѣтомъ, когда у нихъ много рыбы, они потребляютъ ее въ огромномъ количествѣ; въ продолженіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ семья Лопарей, по словамъ священника Терентьева, съѣдаетъ до 156 пудъ лучшей рыбы, оставляя къ зимѣ только мелочь, сушеную на солнцѣ. Зимой они чувствуютъ недостатокъ даже въ рыбѣ и сами должны покупать пикшуй и сухія тресковыя головы. Между тѣмъ, хлѣбъ, къ которому они очень привыкли, соль и все прочее, необходимое въ хозяйствѣ, они должны обмѣнивать у торговцевъ на свои промыслы, а этотъ обмѣнъ для нихъ всегда крайне невыгоденъ: кулаки-торговцы ставятъ Лопарямъ, не имѣющимъ возможности иначе сбыть свои продукты, произвольно высокую цѣну на свои товары и сильно понижаютъ цѣну лопарскихъ товаровъ. Въ результатѣ оказывается, что, не смотря на свои богатые промыслы, Лопарь питается похлебкой изъ сосновой коры, хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ тою же корой, считая чистый хлѣбъ, безъ примѣси, лакомствомъ.

Характеръ Лопаря, по словамъ Кастрена, вообще тихій, мирный, уступчивый: миръ—его счастіе, его блаженство. Преданіе говоритъ, что въ Лопарской землѣ хотя снаружи все бѣдно и грязно, за то въ нѣдрахъ ея скрывается чистое золото: это чистое золото—„миръ“, обожаемый Лопарями. Они переносятъ всѣ лишенія, чтобы хотя короткое время наслаждаться „миромъ“; это—первое слово ихъ привѣтствія и конечная цѣль ихъ бытія; мирно прожить—больше Лопарь ничего не желаетъ. Въ этомъ мирномъ характерѣ Лопарей много общаго съ народнымъ характеромъ Финновъ, которые столь же неподвижны и уступчивы, когда дѣло идетъ о предметахъ, которымъ они не придаютъ важности; но коснись только важныхъ, по ихъ понятіямъ, вещей, они являются упрямыми, несговорчивыми, часто фанатиками и даже героями. Унылость также составляетъ общую черту Лопаря и Финна. На Мурманскомъ бе-

регу замѣтно уже весьма измѣненіе народнаго характера Лопарей и вліяніе русское: тамъ уже вы можете встрѣтить Лопарей иногда шумныхъ, иногда веселыхъ, разчетливыхъ не по лопарски. Въ кругу поморовъ вы тотчасъ отличите Лопаря (не говоря о наружности) по его молчаливости, но среди другихъ Лопарей Мурманскій Лопарь покажется настоящимъ Русскимъ по характеру. Священникъ Терентьевъ прибавляетъ къ этой характеристикѣ Мурманскихъ Лопарей слѣдующее: „Характеръ Лопарей вообще смирный, даже раболѣпный, но довольно упрямый; на видъ простодушны, но всегда готовы на обманъ. Ссорятся межь собою,—дракъ и жалобъ не слышно; воровства довольно, убійствъ нѣтъ, вино любятъ до страсти, на обманъ ловки, въ вѣрѣ тверды, часовни и храмы посѣщаютъ, бѣднымъ подаютъ милостыню, въ несчастіи помогаютъ, старшихъ чтутъ; женъ любятъ, гостепріимны безъ разбору“.

Русскій языкъ знаютъ Мурманскіе Лопари, по свидѣтельству Кастрена, какъ свой природный. Даже въ домашнемъ быту стараются они болѣе и болѣе походить на Русскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно они ничѣмъ не будутъ отличаться отъ своихъ русскихъ сосѣдей и сольются съ русскимъ народомъ, подобно многимъ другимъ инородцамъ, и совершится это исподволь, незамѣтно, при незначительномъ числѣ Русскихъ Лопарей. Но все-таки до-сихъ-поръ, какъ у Мурманскихъ Лопарей, такъ въ особенности, у тѣхъ, которые живутъ въ глубинѣ полуострова и на границѣ съ Финляндіей, сохранилось во всемъ много самобытности; особенно, ихъ юридическія понятія и обыкновенія представляютъ не мало оригинальнаго, даже если судить по тѣмъ свѣдѣніямъ о ихъ обычаяхъ, которыя мы имѣемъ въ рукахъ.

По обычному праву Лопарей, мы располагаемъ матеріалами болѣе удовлетворительными, нежели по обычному праву другихъ Архангельскихъ инородцевъ. Главнымъ источникомъ при составленіи нашего собранія юридическихъ обычаевъ Лопарей послужилъ сборникъ, доставленный священникомъ Георгіемъ Терентьевымъ. Сборникъ этотъ отличается тѣмъ, что онъ составленъ по подробной программѣ и отвѣчаетъ почти на всѣ вопросы, предлагаемые программой по обычному праву, но отвѣты, къ сожалѣнію, часто очень кратки и сухи. Дополнительными матеріалами послужили два письма отъ свящ.

Терентьева къ дѣйствительному члену Архангельскаго статистическаго комитета П. С. Ефименко, также многія статьи и корреспонденція помѣщенныя въ разное время въ *Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* того же свящ. Терентьева и другихъ лицъ. Еще немного свѣдѣній заимствовано изъ книгъ: „Новыя и достовѣрныя извѣстія о Лапландцахъ въ Финмархіи, переводъ съ датскаго“ (Москва, 1792 г.), Максимова—„Годъ на Сѣверѣ“, Михайлова — „Очерки природы и быта Бѣломорскаго края Россіи“, Верещагина—„Очерки Архангельской губерніи“ и статьи, помѣщенной въ *Современникъ* за 1843 г., № 2: „Кастренъ и Ленротъ въ Русской Лапландіи“. Гдѣ свѣдѣнія заимствованы нами изъ этихъ дополнительныхъ матеріаловъ, тамъ мы дѣлаемъ ссылку, въ которой указываемъ источникъ; гдѣ же нѣтъ ссылокъ, значитъ свѣдѣнія заимствованы изъ сборника свящ. Терентьева [1]).

I.

Гражданское право.

1. Право семейственное.

Въ старину, когда у Лопарей еще былъ крѣпокъ родовой бытъ, запрещалось вступать въ бракъ съ членомъ своего рода: это обычай общій у Лопарей, по свидѣтельству Тайлора, съ многими другими народами, находящимися на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи [2]). Введеніе христіанства и ослабленіе основъ родоваго быта не могли остаться безъ вліянія на этотъ обычай, но не уничтожили его, и теперь Лопари стараются по возможности выбирать себѣ невѣстъ изъ другаго рода. Впрочемъ, въ настоящее время Лопари женятся не рѣдко и на Русскихъ, такъ какъ многіе изъ нихъ при ихъ малочисленности, переродились черезъ браки и кумовства.

---

[1]) Приведенный г-жей Ефименко перечень литературы по юридическимъ обычаямъ слѣдуетъ дополнить статьей свящ. Терентьева «Лопская Свадьба», помѣщенною въ *Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1874 г., № 21, ср. подробный библіографическій указатель *Е. К. Якушкина* въ его книгѣ Обычнаго Права, выпускъ первый, Ярославль, 1875 г. *Ред.*

[2]) Доисторическій бытъ человѣка, стр. 380, 388.

*

Кровное родство считается препятствіемъ для брака до третьяго колѣна включительно, въ четвертомъ же позволяется вступать въ бракъ, иное родство мало наблюдается. Степени родства однокровнаго и двукровнаго разбираются старикамп и старухами.

Кумовство считается также большимъ родствомъ и служитъ препятствіемъ къ браку, браки въ кумовствѣ считаются несчастными. Кромѣ кумовства, есть еще одинъ видъ духовнаго родства, очень уважаемый Лопарями, хотя и не служащій препятствіемъ къ браку, это—побратимство, называемое здѣсь *крестованье*. Названіе этого обычая произошло отъ того, что заключающіе между собою братскій союзъ мѣняются крестами, „крестоваются“. Послѣ обмѣна крестовъ, союзъ закрѣпляется еще обмѣномъ подарковъ. Лопарь даритъ тому, съ кѣмъ онъ заключилъ такой союзъ, что̀ у него есть лучшаго: оленя, лучшій оленій мѣхъ, бобра, чернобурую лисицу и проч. Лопари любятъ этотъ обычай крестованья и заключаютъ такой союзъ не только между собою, но и съ Русскими. Русскіе часто пользуются этимъ обычаемъ для корыстныхъ цѣлей: приглашаютъ Лопаря побогаче къ себѣ на лодью, угощаютъ его, заявляютъ ему свое дружеское расположеніе: „А ну покрестоваемся братъ?“ кричитъ восхищенный Лопарь. „Покрестоваемся! “отвѣчаетъ ему хозяинъ и тотчасъ надѣляетъ гостя какимъ-нибудь подаркомъ, двумя-тремя фунтами пшена, гороха и еще чѣмъ-нибудь подобнымъ. Черезъ нѣсколько времени признательный Лопарь уже несетъ своему крестовому или прекрасную оленью шкуру или дорогой лисій мѣхъ. Вотъ примѣръ такого крестованья: „Одинъ Русскій промышленникъ на Мурманскомъ берегу, близъ норвежской границы, встрѣтилъ неизвѣстнаго ему Лопаря, богатство котораго состояло въ оленьихъ стадахъ. Промышленникъ пригласилъ къ себѣ на лодью Лопаря. Лопарю понравился новый его знакомый такъ, что онъ ему предложилъпокрестоваться, и Лопарь, по обычаю, получилъ подарокъ, потомъ пригласилъ къ себѣ своего крестоваго брата. Они съѣхали на берегъ, и пройдя нѣсколько шаговъ, очутились на небольшой равнинѣ, окруженной скалами. Лопарь громко свиснулъ, и на этотъ свистъ послышался лай собакъ: Лопарь повелъ своего крестоваго на холмъ, съ котораго видно было, какъ сбѣгались на равнину стада оленей, ловко загоняемыя собаками. „Вотъ всѣ мои олени“, сказалъ Лопарь;—„выбирай себѣ

любаго". Крестовый смутился и не хотѣлъ брать, сравнивая ничтожность своего подарка съ предлагаемымъ Лопаремъ. Лопарь сошелъ съ горы и, выбравъ самаго лучшаго оленя, ловко набросилъ на рога его петлю: олень былъ убитъ, и промышленникъ разстался съ крестовымъ, неся съ собою прекрасную шкуру и мясо оленя" [1])

Другой видъ духовнаго родства *кумовство*, обусловливаетъ существованіе понятій: крестныхъ отца, матери, сына, дочери. Лопари также имѣютъ названія для различныхъ отношеній какъ кровнаго родства, такъ и свойства. Кромѣ отца, матери, дочери, сына, мужа, жены, у нихъ есть еще названія для тестя, зятя, невѣстки, деверя, золовки, дяди, тетки, шурина, свата, сватьи. Пріемыши не считаются за родню, такъ что могутъ вступать въ браки не только съ дѣтьми тѣхъ, кто ихъ принялъ, но и съ самыми принявшими лицами.

Самый обыкновенный возрастъ для вступленія въ бракъ—это послѣ 20 лѣтъ; ранѣе узаконеннаго возраста браковъ не бываетъ. Кромѣ условій возраста, требуется обычаемъ отъ Лопаря, для вступленія въ бракъ, еще соблюденіе одного условія: онъ долженъ убить дикаго оленя и умѣть его *освѣжевать* [2]), снять шкуру и пр.

У Лопарей нѣтъ обычая соблюдать какое-либо соотвѣтствіе между лѣтами жениха и невѣсты, такъ какъ у нихъ браки заключаются главнымъ образомъ по разчету. Часто можно видѣть 18—20-лѣтнихъ юношей, женатыхъ на 60-лѣтнихъ старухахъ, потому только, что тѣ богаты, и на оборотъ—полуживыхъ стариковъ, женатыхъ на 16-лѣтнихъ женщинахъ. Одинъ путешественникъ разказываетъ по этому поводу слѣдующее: „Я зашелъ въ *кувасъ* (жилище Фильмановъ) и засталъ тамъ цѣлое семейство: молодаго парня лѣтъ 20-ти, который лѣниво одѣвался, женщину лѣтъ 50-ти, которая подкладывала сырые березовые прутья въ огонь и что-то сердито ворчала себѣ подъ носъ, вѣроятно, выражая свое неудовольствіе, что мы такъ невѣжливо прервали ея сладкій сонъ, и молодую дѣвушку, которая при моемъ входѣ зарылась въ кучу оленьихъ шкуръ; двѣ дѣтскія головы съ боязливымъ любопытствомъ выглядывали изъ-подъ *ровды* (одѣяло изъ оленьихъ

---

[1]) Очерки Арх. губ. *Верещагина.*

[2]) *Арх. губ. вѣд.*, 1845 г., стр. 421.

шкуръ). „Это вѣрно твоя мать?“ спросилъ я Фильмана, указывая на старуху.—„Нѣтъ, жена“, отвѣчалъ тотъ. „Какъ же ты рѣшился жениться на такой красавицѣ?“—„Богата, денегъ много и оленей много“. „А эта дѣвка?“—„Дочь жены отъ перваго мужа“. „А ребята?“. „Тоже женины дѣти“ [1]).

Лопари очень уважаютъ власть родителей, которые обыкновенно сами выбираютъ невѣстъ своимъ дѣтямъ, имѣя въ виду исключительно матеріальный разчетъ [2]). Въ особенности у Фильмановъ вовсе не бываетъ браковъ по любви или взаимному влеченію.

Когда нѣтъ въ живыхъ родителей, то ихъ мѣсто на свадьбѣ заступаютъ вотчимъ и мачиха или крестные отецъ и мать, или наконецъ тѣ, кто помогаетъ играть свадьбу. Согласія на бракъ опекуновъ, воспитателей и хозяевъ не требуется.

Случаи вступленія въ бракъ безъ согласія родителей бываютъ, хотя и рѣдко. Если бракъ совершается по общему согласію, то бываютъ свадебныя пиршества съ обѣихъ сторонъ, т. е. со стороны родителей какъ женихa, такъ и невѣсты, и невѣста получаетъ приданое (надо замѣтить, что хотя у Лопарей покупаютъ невѣстъ, но тѣмъ не менѣе дается и приданое), если же бракъ бываетъ тайный, самовольный, то пиршествъ свадебныхъ не бываетъ, и невѣста не получаетъ приданаго, кромѣ того, что̀ можетъ взять съ собою при самовольномъ уходѣ. Празднованіе свадьбы не считается обязательнымъ; бываютъ нерѣдко случаи, особенно у бѣдныхъ, что вѣнчаются, не празднуя свадьбы.

Брачующіеся вопреки воли родителей лишаются приданаго и отдѣляются отъ семьи; хотя родители въ такихъ случаяхъ не жалуются и не требуютъ наказанія ослушниковъ, а также не лишаютъ ихъ наслѣдства, но такіе браки пользуются общимъ презрѣніемъ.

Во время сватовства всегда бываютъ семейные и даже родственные совѣты, гдѣ первенствующее значеніе имѣетъ голосъ матери, который часто и рѣшаетъ дѣло.

Хотя родители берутъ на себя заботы объ устройствѣ брачныхъ союзовъ для своихъ дѣтей, но принимаютъ вообще въ раз-

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 39.

[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 81.

четъ и согласіе этихъ послѣднихъ. Изрѣдка случается и такъ, что родители женятъ дѣтей противъ ихъ воли; такіе браки бываютъ несчастны, по отсутствію согласія между супругами.

Бракъ у Лопарей сопровождается нѣкоторыми обрядами, выражающими взглядъ ихъ на брачный союзъ [1]). Когда невѣста выбрана, женихъ съ отцемъ отправляются въ тотъ погостъ, гдѣ она живетъ и идутъ въ ея тупу. Прежде чѣмъ войдти, отецъ жениха творитъ молитву, и получивъ въ отвѣтъ аминь, входитъ вмѣстѣ съ сыномъ. Остановясь тамъ впереди сына, онъ вынимаетъ сосудъ съ виномъ, наполняетъ стаканы и подаетъ отцу невѣсты, или если нѣтъ отца, старшему въ семействѣ. Тотъ, видя, что ему поднесли вино, не отказывается отъ подносимаго, а спрашиваетъ: „А что̀, первая рюмка не завяжетъ?“ на что̀ и получаетъ увѣреніе, что рюмка не обяжетъ исполнить просьбу гостя. Выпивъ рюмку, хозяинъ отдаетъ ее обратно. Послѣ этого слѣдуетъ другая—хозяйкѣ; та, посмотрѣвъ на мужа и получивъ отъ него разрѣшеніе, выпиваетъ также. Принявъ отъ гостя и другую рюмку, хозяинъ приглашаетъ его и сына садиться, и тогда-то между выпившими родителями жениха и невѣсты начинается сватовство. Женихъ не принимаетъ въ немъ никакого участія. Осушивъ привезенное, гости уѣзжаютъ, получивъ въ отвѣтъ обѣщаніе подумать. Вообще, вино играетъ видную роль при свадьбахъ: женихъ до самаго заключенія брачнаго союза обязанъ поить отца невѣсты при всякомъ удобномъ случаѣ: иначе дѣло расходится [2]). Когда отецъ будетъ согласенъ отдать свою дочь замужъ, то присылаетъ своего сына съ утвердительнымъ отвѣтомъ къ отцу жениха. Тотъ, получивъ отвѣтъ, пріѣзжаетъ съ родными въ домъ невѣсты. Прежде всего заключается договоръ о платѣ, которую женихъ долженъ дать за невѣсту; условія этого договора никогда не бываютъ пись-

---

[1]) Такъ какъ свадебные обряды у Лопарей и другихъ инородцевъ составляютъ не болѣе какъ обычную сдѣлку, и самъ законъ признаетъ за такими обрядами юридическую силу (въ 90 ст. X т., ч. 1 говорится, что каждому племени и народу, не выключая и язычниковъ, дозволяется вступать въ бракъ по правиламъ ихъ закона или по *принятымъ обычаямъ*), то мы излагаемъ обряды, сопровождающіе заключеніе брака, въ ихъ существенныхъ чертахъ.

[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1868 г., № 2: Этнографія Лопарей.

менныя, такъ какъ между Лопарями не распространена грамотность. Договоръ о платѣ ведется такъ безцеремонно, какъ бы дѣло шло о всякомъ другомъ предметѣ продажи и купли, при этомъ дѣлаются обыкновенно съ невѣстиной стороны непомѣрные запросы. Плата за невѣсту состоитъ въ извѣстномъ количествѣ оленей, мягкой рухляди, или наконецъ, въ службѣ тестю въ продолженіе извѣстнаго срока. По заключеніи договора бываетъ рукобитье: отцы жениха и невѣсты подаютъ другъ другу руки, которыя разнимаетъ посторонній свидѣтель, затѣмъ слѣдуетъ богомолье—зажигаютъ свѣчи передъ иконами и молятся Богу вмѣстѣ. Послѣ этихъ обрядовъ брачный договоръ считается заключеннымъ. На рукобитьи и богомольи условій о приданомъ не бываетъ. Женихъ и невѣста обмѣниваются подарками: невѣста даритъ чашку съ моропкой, *пяккуи* (обувь изъ кожи оленьихъ ногъ) или оборы къ *кенгамъ* (тоже видъ обуви), вязаный колпакъ, поясъ свекрови, а получаетъ въ обмѣнъ кольцо, прялку, платокъ.

Расходы жениха на свадьбу не ограничиваются платой за невѣсту, подарками ей и угощеніемъ будущаго тестя. Наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда въ церковь, всѣ родные и знакомые невѣсты сбираются въ ея тупѣ. Пріѣзжаетъ женихъ, но его не пускаютъ туда: дверь заперта на задвижку. Онъ останавливается съ своими родными въ сѣняхъ и начинаетъ стучать въ дверь, приговаривая до трехъ разъ молитву: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!“ Послѣ послѣдняго удара изъ-за дверей сердито окликаютъ пришедшихъ заспаннымъ, хриплымъ голосомъ: „Кто это тамъ по ночамъ бродитъ, безпокоитъ?“ И просунувъ голову въ полуотворенную дверь, Лопарь, родственникъ невѣсты, жмуритъ глаза и приговариваетъ: „Не вижу, не вижу, что тамъ за люди пришли!“ Отецъ жениха даетъ ему полтинникъ, тотъ третъ монетой одинъ глазъ и щуритъ другой. Хотя онъ опять получаетъ отъ жениха какую-нибудь монету, но все не отстаетъ, говоритъ, что у него болитъ горло, что онъ озябъ, и получаетъ подарки—платокъ и т. д. То же самое повторяетъ и другой привратникъ. Обдаривъ этого послѣдняго, сказываютъ ему, что пришли де отъ заморскаго купца, у котораго улетѣла птичка и спряталась въ этой вѣжѣ. Ихъ тотчасъ пускаютъ посмотрѣть, поискать. Въ то время какъ гости входятъ въ избу, вся родня невѣ-

сты сидитъ на скамьяхъ, но самой невѣсты здѣсь нѣтъ, отецъ ея сидитъ, опустивъ голову, дѣлая видъ, будто спитъ. Гости подходятъ къ нему и будятъ, ударяя въ голову концами пальцевъ. Очнувшійся отецъ протираетъ глаза и проситъ на очки, на починку головы. То же самое дѣлаетъ и вся остальная невѣстина родня, которую женихъ обязанъ также обдаривать. Когда эта церемонія кончится, выводятъ невѣсту, закрытую покрываломъ, и сажаютъ на постель. Родные указываютъ на нее пришедшимъ и спрашиваютъ: „Не та ли это птица, что̀ ищете?“ Но сваха даромъ не показываетъ птицы, проситъ подарка и получивъ его, поднимаетъ покрывало. „Она!“ говорятъ пришедшіе. Послѣ того шаферъ невѣсты подводитъ ее къ жениху, говоря: „Хороши ли у вашего сокола когти, попробуемъ“, затѣмъ соединяетъ ихъ руки, положивъ пальцы невѣсты въ руку жениха и начинаетъ ударять рука объ руку. Потомъ, будто бы испытавъ крѣпость когтей сокола, т. е. жениха, говоритъ: „Охъ, у вашего сокола когти хороши“. Женихъ даритъ невѣстѣ платокъ, который она тутъ же одѣваетъ на голову, и уѣзжаетъ домой, а его родные остаются у невѣсты пировать.

На другой день женихъ отправляется за невѣстой, чтобъ ѣхать вѣнчаться. Передъ отъѣздомъ онъ кланяется отцу и матери въ ноги, прося благословенія; родители гладятъ его крестообразно по спинѣ три раза. Затѣмъ садятся на оленей и ѣдутъ къ невѣстѣ, гдѣ встрѣчаютъ ихъ поклонами. Войдя въ тупу и помолясь Богу, женихъ садится къ невѣстѣ, которая, наряженная и покрытая платкомъ, сидитъ противъ камелька; родные жениха садятся въ большой уголъ. Невѣста начинаетъ причитать родителямъ: „Какъ я жила у васъ, не знала ни заботы, ни печали, а теперь всю печаль кладете на мою бѣдную голову“. Въ это время готовятъ столъ для пиршества, за столъ садится женихъ рядомъ съ невѣстой и вся родня. По окончаніи пиршества, женихъ и невѣста кланяются до трехъ разъ въ ноги своимъ родителямъ и крестнымъ отцамъ и получаютъ отъ нихъ благословеніе. Затѣмъ невѣста начинаетъ снова причитать, между тѣмъ какъ готовятъ оленей для отъѣзда въ церковь. Послѣ вѣнчанья родные невѣсты пируютъ у жениха, по окончаніи стола, молодые ходятъ съ чаркою, въ которую каждый кладетъ сколько можетъ. Затѣмъ гости расходятся, а молодые, отправляясь спать, кланяются отцу и матери

въ ноги. По утру молодая снова кланяется въ ноги свекрови, прося у нея дѣла; та даетъ ей сначала вязать сѣтку [1]). Иногда случается, если въ погостѣ или по близости его нѣтъ церкви, надо ѣхать вѣнчаться верстъ за 300—въ Колу. Въ продолженіе всей дороги женихъ и невѣста ѣдутъ рядомъ, кережа подлѣ кережи. У невѣсты голова и лицо бываютъ закрыты большимъ платкомъ. Обвѣнчавшись, новобрачные нанимаютъ квартиру въ Колѣ для празднованія свадьбы. Молодая въ этотъ день бываетъ съ непокрытою головою противъ обыкновенія. Свадебное угощеніе бываетъ иногда ничто иное, какъ общественный пиръ, на который каждый несетъ съ собою и съѣстное, и напитки. Такъ какъ иногда женихъ платитъ за невѣсту службой тестю, то въ такомъ случаѣ послѣ свадебнаго пира молодые ѣдутъ къ отцу невѣсты и остаются у него на годъ. Проживъ годъ, они отправляются въ погостъ, къ которому принадлежитъ мужъ, получивъ отъ тестя и тещи награжденіе, состоящее изъ оленей, платьевъ и домашней утвари, и устраиваютъ свою отдѣльную вѣжу.

На свадьбѣ со стороны невѣсты дѣлаются жениху и его роднымъ слѣдующіе подарки: жениху—рубаха, свекру и свекрови тоже по рубахѣ, деверьямъ—вареги (рукавицы), золовкамъ—повязки (родъ головнаго убора).

Та сторона, которая откажется послѣ богомолья отъ сдѣланнаго обязательства на счетъ свадьбы, платитъ противной сторонѣ за обиду и убытки вдвое противъ сдѣланныхъ расходовъ на приготовленіе къ свадьбѣ, иногда же расплачивается виномъ. Въ запискахъ Марнье приводится одинъ случай разрыва обручальнаго договора у Фильмановъ. „Это было въ Гвальзундѣ, куда приходятъ Лопари изъ Россіи. Между молодыми обрученными произошло какое-то неудовольствіе. Молодой человѣкъ, искупаемый 700 оленей своей невѣсты, согласился бъ охотно забыть неудовольствіе, но дѣвушка твердо рѣшилась исполнить свое намѣреніе. Обѣ стороны, сопровождаемыя свидѣтелями, явились передъ насторомъ и невѣста объявила, что желаетъ остаться по прежнему свободною. Тогда женихъ потребовалъ назадъ подарки, сдѣланные имъ невѣстѣ. Дѣвушка взяла ключъ, спрятанный подъ платьемъ, откры-

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1868 г., № 2.

ла имъ старый деревянный ящикъ и вынула оттуда серебряный перстень, кожаный поясъ, украшенный серебряными бляхами и три ситцевые платка. Молодой человѣкъ взялъ все это, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, не попорчено ли что-нибудь, и потомъ заявилъ пастору, что обрученье стоило ему много денегъ, что его невѣста выпила 18 кувшиновъ водки, и что поэтому онъ проситъ 10 талеровъ вознагражденія за понесенные убытки. При такомъ неожиданномъ заявленіи, Лапландка гордо взглянула на него и потомъ обратилась къ свидѣтелямъ; оказалось, что дѣвушка выпила только три кувшина. Пасторъ велѣлъ ей выдать талеръ ея жениху, который принялъ его съ такою радостію, какъ будто онъ не смѣлъ надѣяться на плату. Потомъ, по требованію пастора, тяжущіеся подали другъ другу руки въ знакъ забвенія обиды и разстались“ [1]).

По обычаямъ Лопарей, приданое дается невѣстѣ послѣ брака, оно состоитъ изъ слѣдующихъ вещей: *гопа* (женская верхняя одежда); каньги, тюкъ сѣна въ нихъ, вареги, сушеная сосна, оленная постель, *ровва*, половина невода, пять сѣтокъ, олень.

Приданое накопляется и отцемъ, и матерью; по выходѣ дѣвушки замужъ, оно поступаетъ въ распоряженіе какъ жены, такъ и мужа, даже послѣдняго болѣе, а прочимъ роднымъ до него дѣла нѣтъ. По смерти жены, до истеченія трехъ лѣтъ, а въ другихъ мѣстахъ шести лѣтъ брачной жизни, приданое возвращается въ ту семью, откуда взята жена, а послѣ трехъ или шести лѣтъ, хотя бы дѣтей и не было, приданое не возвращается и поступаетъ въ нераздѣльную собственность всей семьи. Кромѣ того, по словамъ фопъ-Поштмана, Лопари въ приданое даютъ оленей, и эти олени называются *безсмертными*: это означаетъ что число оленей должно быть всегда цѣло и неизмѣнно 2).

Въ домашнемъ хозяйствѣ жена Лопаря можетъ распоряжаться рыбою, мужъ—птицею и оленьимъ мясомъ. Вообще нѣтъ обычая, чтобы доходы съ разныхъ хозяйственныхъ произведеній поступали въ исключительную собственность жены.

Занятія между мужчинами и женщинами у Лопарей распредѣляются слѣдующимъ образомъ: осенью рыбною ловлею по озерамъ

---

[1]) *Сынъ Отечества* 1839 г., т. VII, стр. 19.

2) *Арх. губ. вѣд.* 1870 г., № 27.

занимаются Лопарки, а мужчины промышляютъ по лѣсамъ дикихъ оленей, медвѣдей, лисицъ и пр. и въ этомъ промыслѣ проводятъ зиму. Между тѣмъ женщины съ помощью ребятъ исправляютъ всѣ домашнія дѣла: прядутъ ленъ и пеньку, изъ пряжи дѣлаютъ невода и сѣти, изъ сосноваго корня вьютъ веревки, которыя употребляютъ на тетивы къ неводамъ и сѣтямъ, вяжутъ вареги и колпаки изъ овечьей шерсти, плетутъ тесьмы, пояса и кушаки, а изъ оленьихъ кожъ шьютъ платье; также заготовляютъ дрова [1]).

Очень рѣдко случается, чтобы супруги расходились вслѣдствіе семейныхъ ссоръ; въ такомъ случаѣ приданое остается при женѣ. При расходѣ дѣти раздѣляются родителями: сыновья берутся отцемъ, дочери—матерью.

2. Юридическія отношенія членовъ семьи вообще.

Въ лопарскомъ быту значеніе семьи преимущественно *кровное*. Отецъ, какъ глава, имѣетъ полную власть надъ своею семьей и всѣмъ имѣніемъ. Отъ отца, по существующему обычаю, власть переходитъ къ старшему сыну, которому и подчиняется вся семья, со всѣмъ имуществомъ и заработками.

Отецъ совершенно властенъ распоряжаться и дѣдовскимъ имуществомъ, за исключеніемъ тѣхъ вещей, которыя дѣдъ оставилъ внуку или внучкѣ. Родители имѣютъ полное право лишить непослушныхъ дѣтей наслѣдства: если сынъ отдѣлится противъ воли отца, тогда не получаетъ никакой доли изъ имѣнья, кромѣ ружья и приданаго жены.

Гдѣ семья состоитъ изъ нѣсколькихъ братьевъ или дядей съ племянниками, тамъ хозяйство у каждаго свое, а имѣютъ они только общій столъ; иногда жь имѣютъ все общее до тѣхъ поръ, пока не замѣтятъ за кѣмъ-нибудь утайки изъ заработка, лишь замѣтятъ утайку, то тотчасъ начинается дѣлежъ. Пока живутъ вмѣстѣ, то набольшимъ считается старшій братъ, а хозяйкой—его жена.

Вообще, женщина у Лопарей не пользуется большимъ уваженіемъ, что̀ можно видѣть и изъ ихъ свадебныхъ обрядовъ, гдѣ

---

[1]) *Озерецковскій,* Путешествіе въ Колу.

она является просто какъ предметъ торговли. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она считается поганою, какъ напримѣръ, во время беременности. У Лопарей-язычниковъ беременныя женщины не могли переступать, подъ страхомъ смерти, границы тѣхъ мѣстъ, гдѣ стояли ихъ идолы—сейды. Женщины даже не могли смотрѣть на эти мѣста во время проѣзда, а обязаны были закрывать глаза руками; даже мужчины не могли ходить тамъ въ той обуви, которая лежала въ одномъ сундукѣ съ женскими башмаками [1]). Но женщина, какъ мать, является съ нѣкоторымъ значеніемъ въ семьѣ; по понятіямъ Лопарей, ея власть надъ дѣтьми даже выше власти отца. Однако мужъ можетъ распоряжаться ея имѣніемъ, и полною хозяйкой является она только по смерти мужа до совершеннолѣтія дѣтей, хотя и тутъ власть ея надъ отцовскимъ и дѣдовскимъ имуществомъ ограничена: она не можетъ изъ него ничего продать, кромѣ одного оленя.

Послѣ смерти отца дѣти не могутъ раздѣлиться безъ согласія матери. Когда мать умираетъ, ея приданое наслѣдуютъ дѣти обоего пола, сыновья и дочери.

По смерти обоихъ родителей, братья, при семейномъ несогласіи, дѣлятся; въ дѣлежѣ не участвуютъ братья, прежде отдѣленные. При раздѣлѣ тупа всегда предоставляется младшему брату. Незаконнорожденные не имѣютъ доли въ наслѣдствѣ. Если старшій братъ, оставшійся по смерти родителей съ несовершеннолѣтними братьями, сдѣлаетъ приращеніе къ имуществу, то оно идетъ въ общій раздѣлъ.

Заложенное отцемъ и выкупленное сыномъ имущество, дѣлается собственностію выкупившаго.

Лопари не несутъ натуральной рекрутской повинности, а потому у нихъ нѣтъ отставныхъ солдатъ.

Чужихъ дѣтей Лопари усыновляютъ только въ такомъ случаѣ, если нѣтъ собственныхъ ни дѣтей, ни братьевъ. Тогда имущество предоставляется усыновленному.

Зять не считается усыновленнымъ, хотя бъ онъ былъ принятъ въ домъ къ дочери. Въ послѣднемъ случаѣ, по смерти жены, онъ

---

[1]) Новыя и достовѣрныя извѣстія о Лапландцахъ, стр. 135.

остается въ домѣ ея родителей и долженъ кормить дѣтей до возраста, а материнскимъ имѣніемъ пользуются дѣти обоего пола по обычнымъ частямъ. Если жъ онъ овдовѣетъ бездѣтнымъ, то долженъ выйдти вонъ изъ дома жены.

3. Опека и попечительство.

Опека у Лопарей не существуетъ. По смерти матери попеченіе о дѣтяхъ лежитъ на отцѣ, а по смерти отца—на матери. За смертью родителей, обязанность призрѣнія дѣтей лежитъ на старшемъ братѣ. Имущество остается общимъ до тѣхъ поръ, пока младшіе прійдутъ въ возрастъ. При раздѣлѣ оно идетъ по обычнымъ частямъ. Сироты, оставшіеся по смерти родителей безъ пріюта, содержатся міромъ, который за нихъ вноситъ и подати. Но чаще бываетъ такъ, что сиротъ воспитываютъ крестные отецъ или мать, предоставляя міру вносить за нихъ подати; иногда ихъ воспитываетъ тотъ, кто пользуется выгодами отъ ихъ имущества, которое выдается имъ, по вступленіи ихъ въ бракъ.

4. Способы пріобрѣтенія собственности.

a) вообще.

Способы пріобрѣтенія разнаго рода движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ у Лопарей слѣдующіе: завладѣніе, купля, даръ, заработки, приданое. Все пріобрѣтенное трудомъ составляетъ общую собственность семьи; приданое составляетъ собственность той, съ кѣмъ оно пришло, и ея мужа.

Для охраненія собственности Лопари имѣютъ особые знаки, такъ называемыя клейма: каждый Лопарь имѣетъ свое особое клеймо. Оно дается ему на крестинахъ, когда дарится младенцу самка оленя, помѣченная этимъ клеймомъ; онъ помѣчаетъ имъ своихъ оленей всю жизнь, что̀ даетъ каждому хозяину возможность распознавать своихъ оленей, когда стада пасутся вмѣстѣ, напримѣръ, лѣтомъ, когда ихъ отвозятъ на острова, чтобъ уберечь отъ волковъ. Эти клейма иногда изображаются на деревянной дощечкѣ — *кейкалъ*, которую привѣшиваютъ къ шеѣ оленя, иногда вырѣзываются на

его шерсти. Клейма на оленяхъ также помогаютъ хозяевамъ охранять ихъ отъ покушеній постороннихъ, которые иначе могли бъ убивать оленей, принимая ихъ за дикихъ. Однако все-таки случается, что не знающіе этого обычая, убиваютъ оленей, за что должны бываютъ обыкновенно раздѣлываться съ хозяевами. Озерецковскій разказываетъ по этому поводу слѣдующее: „Проѣзжая такъ называемые Семь острововъ, гребцы мои, гарнизонные солдаты изъ г. Архангельска, застрѣлили оленя. Я радовался, что голоднымъ людямъ попалась такая богатая добыча, которую они и ѣли около двухъ недѣль съ большимъ удовольствіемъ, не смотря на то, что олень былъ очень старъ, и мясо было черное и сухое. Олень съѣденъ и позабытъ; но когда стало неудобно разъѣзжать по океану за осенними бурями, то я пріѣхалъ въ Колу. Тутъ я нашелъ Лопаря, хозяина убитаго оленя. Права свои на оленя онъ доказалъ съ простодушною, сродною Лопарямъ, правотою. Видя его бѣдность, я съ удовольствіемъ удовлетворилъ его вознагражденіемъ въ 2 рубля, въ чемъ и состояло его требованіе“. Лопари также ставятъ свои клейма на подстрѣленномъ дикомъ оленѣ, положенномъ на сохраненіе въ воду, пока не пріѣдутъ за нимъ, чтобъ его отвезти. Клейма во многихъ случаяхъ замѣняютъ письменные знаки; ихъ прикладываютъ къ приговорамъ и разнаго рода бумагамъ, и въ такомъ случаѣ они называются заручными знаками. Клейма у Лопарей произвольно выдуманныя, а изрѣдка состоятъ изъ первоначальныхъ буквъ имени и фамиліи.

в) въ частности.

Завладѣніе. Случаются у Лопарей захваты различныхъ угодій, какъ-то: озерныхъ, рѣчныхъ рыбныхъ угодій, звѣриныхъ. Эти захваты разбираются въ томъ мірѣ-погостѣ, въ которомъ находится виновникъ захвата, по заявленію законнаго владѣльца.

Кладъ и находка. О кладахъ Лопари мало имѣютъ понятія и никогда ихъ не ищутъ. Но у Фильмановъ очень распространенъ обычай зарывать клады. Они любятъ серебряную монету, которую стараются копить и тайно отъ домашнихъ зарываютъ гдѣ-нибудь въ землю, въ котелкѣ или горшкѣ. Часто Фильманъ при смерти не объявляетъ мѣста, гдѣ у него зарыты деньги, а часто и самъ забываетъ это мѣсто. Случается, что какой-нибудь поморъ или Лопарь

найдетъ подобный кладъ, и разумѣется, присвоитъ. Такъ напримѣръ, былъ случай, что одинъ Фильманъ, накопивъ порядочную сумму серебряной монеты, зашилъ ее въ мѣшокъ изъ невыдѣланной тюленьей шкуры и спряталъ въ землю. Россомаха, привлеченная запахомъ тюленя, отрыла мѣшокъ и съѣла его. Черезъ нѣсколько времени поморы нашли на томъ мѣстѣ разсыпанное серебро и взяли себѣ. Фильманъ долго горевалъ о потерѣ своего богатства. Сочинитель книги „Новыя и достовѣрныя извѣстія о Лапландцахъ“ нѣсколько болѣе разъясняетъ указанное обыкновеніе. Онъ говоритъ, что Лопари зарываютъ не одни деньги, но и иныя дорогія вещи, и притомъ такъ старательно, что наслѣдники не могутъ отыскать. Это, прибавляетъ онъ,—не удивительно, что они такъ далеко прячутъ свои вещи, потому что не имѣютъ ни ключей, ни замковъ у своихъ сундуковъ; но удивительно то, что они, будучи на смертномъ одрѣ, не открываютъ мѣста наслѣдникамъ, которые могли бы воспользоваться вещами. Говорятъ, что одинъ Лапландецъ, находясь при смерти и спрошенный, почему онъ не отдаетъ спрятаннаго наслѣдникамъ, отвѣчалъ, что онъ по смерти своей боится претерпѣть недостатокъ и скудость. Слѣдовательно, это обыкновеніе находится въ связи съ вѣрованіемъ о загробной жизни [1]).

При находкѣ чужой вещи выдается въ вознагражденіе нашедшему третья часть ея стоимости. Когда вещь найдена многими, то эта третья часть дѣлится на всѣхъ нашедшихъ поровну. За находку оленя, принадлежащаго чужому погосту, платится отъ 50 к. до 1 р., а изъ своего погоста, за оленя, принадлежащаго сосѣду, не платится ничего. Утаенная вещь-находка возвращается законному владѣльцу безъ вознагражденія нашедшаго.

На разныхъ мѣстахъ Мурманскаго берега нерѣдко выкидываетъ на берегъ мертвыхъ китовъ, замученныхъ касатками. Выброшенные киты принадлежатъ тѣмъ лопарскимъ обществамъ, въ урочищахъ которыхъ они найдены. Общества продаютъ ихъ кольскимъ купцамъ рублей за 80—100 и два или три анкера рому, что гораздо ниже ихъ настоящей стоимости. Но и тутъ купцы не упускаютъ случая обмануть Лопарей. Такъ одинъ купецъ, взявъ у Лопарей

---

[1]) Новыя и достовѣрныя свѣдѣнія о Лапландцахъ, стр. 120.

кита, обѣщалъ имъ за то сдѣлать серебряную позолоченную ризу на икону Николая Чудотворца; онъ ее и сдѣлалъ, но пожертвовалъ отъ своего имени въ Кольскій соборъ, не заплативъ Лопарямъ ни копѣйки [1]).

Дареніе. Всѣ торжественные случаи въ жизни Лопаря, какъ-то: родины, крестины, свадьбы, крестованье, все это сопровождается обмѣномъ подарковъ. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ подарки какъбы закрѣпляютъ заключающійся союзъ. При крестованьи между Лопарями обыкновенно дарится олень безъ всякихъ условій и формальностей. Этотъ олень поступаетъ въ собственность всей семьи и обратно не возвращается. При свадьбахъ также, какъ было выше сказано, немалую роль играютъ подарки. При заключеніи свадебнаго договора женихъ и невѣста обмѣниваются подарками; женихъ даритъ родныхъ невѣсты, а невѣста—родныхъ жениха. Еще есть обычай дарить молодыхъ, „класть въ чарку“ оленя, платокъ, деньги. Эти подарки дѣлаются собственностью мужа и жены. При крестинахъ кумъ и кума обмѣниваются подарками: онъ даритъ ситцу на нарукавники, она—шерстяныя вареги. Иногда кумъ даритъ кумѣ оленя, который дѣлается ея собственностью и идетъ съ нею въ приданое [2]). Младенцу дарятъ на крестинахъ самку оленя, приплодъ которой также считается его собственностью. На родинахъ свекровп дарится платокъ или повойникъ; бабкѣ же за трудъ не платятъ и подарковъ не даютъ, а только черезъ шесть недѣль для нея бываетъ обѣдъ [3]).

Особенное пристрастіе къ подаркамъ имѣютъ Фильманы. Получивъ подарокъ, они считаютъ своею обязанностью непремѣнно отдарить. Этимъ ихъ обычаемъ пользуются поморы. Въ свободное время нерѣдко ходятъ они въ гости къ Фильманамъ, если тѣ живутъ неподалеку, и носятъ имъ подарки: лоскутъ краснаго сукна, галуна, бумажный платокъ или какую-нибудь другую дешевую вещь, а чаще всего печеный хлѣбъ и немного коровьяго масла, которое считается лакомствомъ у Фильмановъ. За этотъ подарокъ они обыкновенно получаютъ оленя. Если къ Фильману пріѣдетъ какой

---

[1]) Письмо священника Терентьева.

[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1863 г., № 2

[3]) Тамъ же.

нибудь гость почетный, то, угостивъ его по возможности лучше, онъ даритъ его самымъ лучшимъ оленемъ изъ своего стада. Одинъ чиновникъ разказываетъ, что на пути своемъ, въ *тундрѣ*, встрѣтился онъ съ незнакомымъ ему богатымъ Фильманомъ. Послѣ обычныхъ первыхъ привѣтствій Фильманъ вытаскиваетъ норвежскую серебряную монету и подаетъ ему. Тотъ не счелъ возможнымъ отказаться, такъ какъ былъ знакомъ съ этимъ обычаемъ Фильмановъ, и предложилъ въ обмѣнъ стаканъ рому [1]). Отказаться отъ подарка, предлагаемаго Фильманомъ, значитъ—нанести этому послѣднему сильное оскорбленіе.

Авторъ „Достовѣрныхъ Извѣстій о Лапландцахъ“ говоритъ, что обыкновеніе, которое имѣютъ восточные народы, дарить своихъ начальниковъ, есть и у Лапландцевъ, и что послѣдніе, приходя къ проповѣднику или къ главному надъ портомъ, приносятъ съ собою зайцевъ, рыбъ, оленьяго мяса, горшокъ масла и горсть пуху, за что̀ ихъ иногда дарятъ табакомъ, патакой, перцемъ и нибиремъ. Этого же обыкновенія придерживались и русскіе Лапландцы, которые, когда приходили въ то мѣсто, гдѣ находился ихъ старшина, приносили ему хлѣбъ на деревянномъ блюдѣ, а иногда куриныя яйца, соленую семгу, кусокъ холстины и пр. [2]).

Право наслѣдованія. По смерти отца право распоряженія имуществомъ переходитъ къ старшему сыну. Если братья не пожелаютъ жить вмѣстѣ, матери выдѣляется равная часть съ сыновьями, а дочерямъ половина противъ сыновей, такъ какъ, по понятіямъ Лопарей, женское колѣно вдвое ниже мужскаго, отчего дѣвушки и зовутся у нихъ *половинками*. Пріемыши и незаконнорожденныя, при прямыхъ наслѣдникахъ, не пользуются правомъ наслѣдства. Ранѣе отдѣленныя дѣти также не имѣютъ права на участіе въ дѣлежѣ наслѣдства покойныхъ родителей. Изъ имущества, идущаго въ наслѣдство, исключается олень, на которомъ везли хоронить покойника; этотъ олень продается, и одна часть вырученныхъ денегъ поступаетъ за отпѣвъ причту, а другая раздается бѣднымъ на поминъ души покойника.

Если умретъ отдѣленный сынъ, то отъ жены его, не прожив-

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 39.

[2]) Достовѣрныя извѣстія о Лапландцахъ, стр. 118.

шей съ нимъ трехъ лѣтъ, имѣніе отбирается свекромъ; но если мужъ умретъ послѣ трехъ лѣтъ, а въ иныхъ мѣстахъ послѣ шести лѣтъ брачной жизни, то имѣніе остается за вдовой, хотя бы она и не имѣла дѣтей.

Если умретъ отецъ, послѣ котораго останется бездѣтная мачиха, то она отсылается прочь безъ всякаго надѣла, ей дается только ея приданое. Когда же второбрачная жена останется съ дѣтьми, то отцовское имущество дѣлится поровну между дѣтьми какъ отъ перваго, такъ и отъ втораго брака; мачиха ничего не получаетъ, но пасынки обязаны ее кормить. Когда нѣтъ сыновей, то при дѣлежѣ имѣнія, мать получаетъ полную часть, а каждая изъ дочерей по половинѣ. Если у матери одна дочь, то имѣніе дѣлится на три части, изъ которыхъ двѣ идутъ матери, а третья—дочери и поступаетъ съ нею въ приданое. Когда нѣтъ матери, а однѣ дочери, то онѣ дѣлятъ имущество поровну.

Если нѣтъ наслѣдниковъ, то имущество покойнаго, за уплатой долговъ, дѣлится на двѣ части: одна въ часовню—Богу, а другая раздается въ милостыню старухамъ, на поминъ души покойнаго.

Послѣ смерти матери, приданое дѣлится поровну между дочерьми, а если ихъ нѣтъ, то—между сыновьями.

Для предупрежденія ссоръ и несогласій между братьями на счетъ раздѣла имущества престарѣлые родители дѣлаютъ словесныя завѣщанія при трехъ посторонникъ свидѣтеляхъ: они указываютъ, что́ изъ имѣнія долженъ получить каждый наслѣдникъ, и согласно указаніямъ дѣлается послѣ ихъ смерти дѣлежъ имѣнія. Письменныхъ завѣщаній не бываетъ, по неграмотности Лопарей.

5) *Договоры и сдѣлки.* Такъ какъ Лопари имѣютъ сильное пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, то никакое заключеніе договора или сдѣлки не обходится у нихъ безъ вина; оно играетъ видную роль при всякихъ подрядахъ, продажахъ, покупкахъ. О его важномъ значеніи при заключеніи свадебнаго договора было говорено выше; тутъ обязанность пить лежитъ на сторонѣ покупателя, т. е., жениха. Въ другихъ случаяхъ, когда заключается какой нибудь договоръ, литки покупаетъ та или другая сторона, смотря по условію; иногда обѣ стороны справляютъ литки, по туземному *харяки*, по ровну. Этимъ пристрастіемъ Лопарей къ завершенію дѣлъ виномъ пользуются русскіе промышленники для своихъ вы-

годъ; лишняя чарка водки часто рѣшаетъ дѣло въ ущербъ Лопаря [1]).

Есть у Лопарей также обычай давать задатокъ тому, кто беретъ на себя какой-нибудь подрядъ или нанимается въ работу; этотъ обычай не всегда удобенъ для нанимателя при неустойкѣ подрядившагося, но безъ него нельзя обойтись. Задатокъ почти всегда равняется половинѣ условленной платы, и дается онъ какъ деньгами, такъ и вещами:—мукой, съѣстными припасами, холстомъ, сукномъ и пр.

При заключеніи договоровъ также въ ходу поручительство; поручители, при неисполненіи договора, отвѣчаютъ своимъ имуществомъ.

При заключеніи сдѣлокъ, а особенно при разбирательствѣ спорныхъ дѣлъ, приглашаются свидѣтели, обыкновенно старики. Свидѣтели бываютъ при устныхъ завѣщаніяхъ, дѣлаемыхъ родителями дѣтямъ на счетъ раздѣла наслѣдства; въ этомъ случаѣ ихъ требуется обычаемъ трое, какъ было выше сказано.

При покупкахъ, продажахъ, наймахъ, подрядахъ, а также и при свадебномъ договорѣ обѣ стороны подаютъ другъ другу руки, которыя разнимаетъ посторонній свидѣтель, потомъ молятся Богу и пьютъ вино—литки. Послѣ того договоръ считается оконченнымъ, и никоторая сторона не въ правѣ отъ него отказаться; отказъ влечетъ за собою потерю задатка или вознагражденія.

Если продается олень, то съ нимъ идетъ, какъ его принадлежность, *паняга* и *вожъ*, т. е., узда и возжи.

Если заложатъ какую-нибудь вещь, то давшій деньги подъ залогъ не можетъ пользоваться этою вещью, пока не пройдетъ срокъ, назначенный для ея выкупа. Послѣ этого срока она дѣлается собственностью того, кому была заложена. Если вещь была заложена отцемъ, то сынъ можетъ ее выкупить, и она дѣлается, въ такомъ случаѣ, его собственностью.

Общихъ помочей не бываетъ у Лопарей. При постройкѣ тупы или въ другомъ какомъ-нибудь случаѣ, когда требуется постороннее содѣйствіе, они помогаютъ другъ другу безденежно или за одно угощеніе. Впрочемъ, есть случай, когда примѣняется об-

---

[1]) *Максимовъ*, Годъ на Сѣверѣ, стр. 212.

щій трудъ: это—перевозка часовни при перемѣщеніи погоста на другое мѣсто. Работа эта исполняется общими силами всего міра, т. е., погоста.

Родители имѣютъ полное право отдавать своихъ не отдѣленныхъ дѣтей въ работу, но отдѣленныхъ не могутъ.

Такую же власть, какъ родители надъ не отдѣленными дѣтьми, имѣютъ хозяева надъ своими работниками и работницами. При ихъ наймѣ всегда дается нанимателемъ задатокъ, который равняется третьей части условленной платы. Работники или работницы могутъ оставить хозяина только въ такомъ случаѣ, если хозяинъ худо содержитъ ихъ или даетъ работу, выходящую за предѣлы сдѣланнаго условія, или наконецъ, не дѣлаетъ уплаты въ условленный срокъ. Работникъ, безъ достаточныхъ основаній оставившій хозяина, лишается платы, прослужившій же честно по условію свой срокъ получаетъ въ награду платокъ, хлѣбъ и съѣстные припасы на дорогу. Иногда Лопари нанимаются къ промышленникамъ на лѣто въ покрученники и тутъ пользуются, какъ и другіе покрученники, опредѣленною частью добычи.

Церковные сторожа служатъ по найму отъ прихожанъ.

Найма въ рекруты не бываетъ; за рекрутство вносятся деньги съ душъ.

Касательно условій, подъ какими даются вещи на подержаніе, на время, можно сказать слѣдующее: если дается не обученный олень на зиму, то условіемъ вознагражденія дѣлается его пріученіе къ ѣздѣ; если дается обученный, то за него платится 1 руб. Если берутъ на короткое время деньги взаймы, то не платятъ никакихъ процентовъ, за годовой же срокъ платится 1 руб на 100, т. е., одинъ процентъ.

На хлѣбъ, говядину, рыбу, соль и пр., взятые взаймы, никакихъ надбавокъ не дѣлается.

Занимая огромное пространство земли, Лопари являются обладателями многихъ земляныхъ, рыбныхъ и звѣриныхъ угодій. Изъ своихъ земляныхъ угодій, которыя состоятъ въ сѣнокосахъ, они не извлекаютъ почти никакой выгоды. Лопари Бабенскаго погоста, пограничнаго съ Финляндіей, не только сами не косятъ сѣна, но и не хотятъ позволить этого Финляндцамъ, которые охотно взяли

бъ ихъ сѣнокосы въ аренду [1]). Только Лопари Воронежскаго общества извлекаютъ нѣкоторую пользу изъ своихъ сѣнокосовъ, которые отдаютъ ежегодно за незначительную цѣну въ оброчное содержаніе кемскимъ мѣщанамъ, въ 1866 г. они отдавали 95 десятинъ 1975 кв. саж. за 99 р. 23 к. Свои рыбныя угодья, а именно семужьи тони, Лопари также отдаютъ въ аренду. Эти тони искони раздѣлены между погостами, составляя, по мѣстному обычаю, собственность каждаго погоста. Общество отдаетъ отъ себя право ловить въ своихъ тоняхъ семгу какому-нибудь лицу, обыкновенно изъ Русскихъ, на три года. Доходъ съ этихъ топей предназначается спеціально на уплату податей и мірскихъ сборовъ. Отдача топей въ аренду производится слѣдующимъ образомъ: въ назначенный день собирается сходка, по туземному *тома*, и производятся торги. Сперва опредѣляется, за сколько ревизскихъ душъ долженъ уплачивать ежегодно окладныхъ мірскихъ сборовъ желающій взять тони на три года для ловли рыбы; послѣ того вызываются желающіе возвысить число душъ на каждую тоню, и за надбавившимъ высшее число остается тоня. За самыя доходныя тони, въ одномъ погостѣ вносились всѣ казенные и мірскіе сборы, за 40 ревизскихъ душъ—250 руб. [2]). Одна изъ доходнѣйшихъ тонь, Туломскій падунъ, находилась болѣе 20-ти лѣтъ во власти одного кольскаго купца, онъ такъ опуталъ Лопарей, что, будучи его постоянными должниками, они обязаны были отдавать ему всю вылавливаемую семгу за произвольно назначаемую плату, всегда очень низкую. Семга обходилась ему не дороже 50 коп. за пудъ, хотя, по условію, онъ обязывался платить за нее Лопарямъ 1 р. 50 к. Это велось такъ: Лопари должны были брать соль у своего хозяина въ Колѣ, доставлять на падунъ на свой счетъ, солить семгу, чтобы доставить хозяину уже соленою, утечку также должны были принимать на себя. Они платили за соль по 70 к. съ пуда, забирая ее у своего хозяина, который завозилъ ее въ Колу безпошлинно подъ ихъ именемъ; сверхъ того, почти половина семги забраковывалась за дурно осоленную. Эта богатая топя давала Лопарямъ такъ мало, что доходовъ не хватало на уплату

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 40.
[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 20.

податей и мірскихъ сборовъ, да еще должны были хозяину сотни рублей. Въ 1866 году, по настоянію окружнаго начальника Козьмина, предложено было отдать ловъ семги на р. Туломѣ въ трехгодичное арендное содержаніе съ торговъ, на которые тотчасъ явились желающіе, и поморскій крестьянинъ Савинъ предложилъ самую высшую плату—1 р. 70 к. съ пуда выловленной семги [1]). Теперь эта тоня отдается въ аренду на слѣдующихъ условіяхъ: за пудъ крупной свѣжей семги платится 1 р. 80 к., за мелкую 1 р., за осеннюю 3 р. пудъ. Вырученныя отъ арендаторовъ деньги прямо поступаютъ въ уплату податей. Въ настоящее время Туломскіе Лопари не только избавлены отъ заботы объ уплатѣ своихъ повинностей, но еще получаютъ часть денегъ на руки.

Лопари имѣютъ обычай брать все нужное въ долгъ, даже если есть деньги, а при заработкѣ или продажѣ получать плату товаромъ [2]). Этотъ обычай крайне вредно вліяетъ на благосостояніе ихъ, но находитъ сильную поддержку въ русскихъ торговцахъ, которые пользуются имъ, чтобы закрѣпить Лопарей за собою и держать ихъ въ вѣчной кабалѣ. Каждый Лопарь, какъ бы онъ ни былъ зажиточенъ, имѣетъ кредитора, котораго онъ называетъ своимъ хозяиномъ и благодѣтелемъ, у котораго состоитъ всегда въ долгу и потому въ полной зависимости. Такъ напримѣръ, Лопари всей сѣверо-западной части Кольскаго полуострова, т. е. погостовъ: Сонгельскаго, Нотозерскаго, Кильдинскаго, Мотовскаго и Печенгскаго, находились издавна въ кабалѣ у двухъ кольскихъ купцовъ, у которыхъ забирали и деньги для уплаты повинностей и все необходимое, отдавая имъ за то всѣ свои промыслы по цѣнамъ, произвольно назначаемымъ этими купцами. Послѣдніе такъ безцеремонно относятся къ Лопарямъ, что подѣлили между собою ихъ погосты, чтобы не мѣшать другъ другу въ эксплоатаціи Лопарей. Попавъ разъ въ руки эксплуататоровъ, Лопари уже не могутъ болѣе отъ нихъ освободиться, если на выручку не явится какой-нибудь счастливый случай или административное вмѣшательство. Такимъ счастливымъ случаемъ, освободившимъ Печенгскихъ Лопарей, было разореніе ихъ хозяина, купца Шабунина, *подъ которымъ они состояли*, по ихъ соб-

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 93; письмо священника *Терентьева*.

[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1868 г., № 26.

ственному выраженію. Они находились у него постоянно въ долгу, за который должны были отдавать ему всѣ свои промыслы; вслѣдствіе того сами находились въ крайней бѣдности, едва имѣя пропитаніе за всѣ свои огромные труды. Торговыя дѣла Шабунина поразстроились, и онъ не могъ, при наступленіи промысловъ весною, дать Лопарямъ количество хлѣба, необходимое при производствѣ ловли рыбы, которая должна была поступить въ его собственность. Этимъ случаемъ воспользовались Лопари, чтобы сбыть промыслы по выгодной цѣнѣ постороннимъ покупателямъ, и такимъ образомъ, обезпечивъ себя на зиму, сдѣлаться независимыми отъ хозяина [1]). Мы имѣемъ свѣдѣнія о другомъ торговомъ аферистѣ, кольскомъ купцѣ, захватившемъ въ свои руки Лопарей нѣсколькихъ погостовъ. Этотъ купецъ, служа въ Поноѣ кабацкимъ повѣреннымъ во времена откупной системы, развозилъ по тундрѣ мерзлое вино на продажу Лопарямъ и очень хорошо познакомился съ ихъ полудикими нравами и богатыми промыслами. Послѣ какихъ-то неудачныхъ предпріятій удалился онъ въ Колу на постоянное жительство. Здѣсь онъ въ короткое время успѣлъ забрать половину Колы въ свои кабальные задатчики и закрѣпостилъ пять погостовъ лопарскихъ. Его господство довело Лопарей самаго богатаго изъ погостовъ—Нотозерскаго до крайней бѣдности. Наконецъ, Нотозерскіе Лопари высвобождены были изъ его рукъ административнымъ порядкомъ, но другіе погосты и до сихъ поръ несутъ его иго. Онъ-то владѣлъ Туломскимъ падуномъ съ крайнимъ отягощеніемъ для Лопарей, не смотря на то, что они служили ему и зиму, и лѣто своимъ трудомъ. Изъ морскаго промысла онъ принимаетъ рыбу отъ задатчиковъ по 20 и 25 коп., а когда отправитъ ее въ Петербургъ, то разчитываетъ ихъ уже по 15 коп. за пудъ. Такъ поступаетъ онъ при всякихъ подрядахъ по поставкѣ къ нему матеріаловъ и въ прочихъ торговыхъ сдѣлкахъ. Всякій, попавшійся къ нему въ руки по нуждѣ, отходитъ отъ него уже совершенно нищимъ [2]). Въ подтвержденіе того, что подобнаго рода факты эксплуатаціи Лопарей дѣйствительно часто повторяются, ссы-

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 93.

[2]) Письмо священника Терентьева.

лаемся на статью: „Нынѣшнее состояніе инородцевъ“ (*Арх. губ. вѣд.* 1867 г., № 28), заимствованную изъ оффиціальнаго источника, именно изъ дѣлъ канцеляріи губернатора. „Главное достояніе лопарскихъ обществъ“, сказано въ этой статьѣ,—„составляютъ обильныя рыбныя ловли, преимущественно семги, въ устьяхъ многочисленныхъ рѣкъ Мурманскаго берега. Но никакъ нельзя сказать, чтобъ этими ловлями пользовались Лопари, или же чтобъ извлекали ту пользу, которая естественно и законно принадлежитъ обладателю вещи. Рыбныя ловли, принадлежащія лопарскимъ обществамъ, эксплуатируются двоякимъ способомъ: или онѣ сдаются ими въ аренду кольскимъ и поморскимъ капиталистамъ, или сами они занимаются ловлею рыбы и затѣмъ весь уловъ продаютъ тѣмъ же капиталистамъ. Такого рода отношенія представляются сами по себѣ весьма естественными и могли бы повести къ обоюдной выгодѣ, еслибы на практикѣ отношенія эти не сложились въ безвыходную для Лопарей кабальную зависимость отъ кольскихъ и поморскихъ торговцевъ. Пользуясь обстоятельствами, они захватили въ свои руки снабженіе Лопарей предметами продовольствія, а также орудіями рыбной ловли, солью, порохомъ и вообще всѣмъ, что̀ требуется въ неприхотливомъ быту инородца. Самый взносъ государственныхъ податей и повинностей съ лопарскихъ обществъ торговцы благосклонно приняли на себя, такимъ образомъ милостиво избавляя инородцевъ отъ всякихъ хлопотъ по уплатѣ казенныхъ и общественныхъ сборовъ. Вслѣдствіе такого порядка, мало по малу Лопари превратились въ неоплатныхъ должниковъ кольскимъ и поморскимъ торговцамъ, а потому и все достояніе Лопарей и весь трудъ ихъ поступили въ полное распоряженіе этихъ торговцевъ. Лучшія рыбныя ловли Лопарей они могли заарендовывать за самую ничтожную цѣну, и также за безцѣнокъ пріобрѣтаютъ отъ нихъ весь ихъ уловъ и добычу отъ пушнаго промысла. Какъ образчикъ тѣхъ экономическихъ отношеній, въ какія поставлены Лопари, достаточно привести слѣдующій фактъ: Кольскій купецъ Б. въ 1865 году, за розданныя имъ прежде деньги и хлѣбъ, отбиралъ у Лопарей семгу съ рѣки Туломы по 50 коп. за пудъ, между тѣмъ какъ по распоряженію мѣстнаго окружнаго начальника, остатки этой же семги были проданы съ торговъ по 2 рубля, а въ Архангельскѣ перепроданы по 6—8 рублей за пудъ“.

Лопарь забираетъ все необходимое для себя въ долгъ въ счетъ будущихъ промысловъ, никогда не спрашивая цѣны покупаемаго товара, платою за который и служитъ весь промыслъ. Не получивъ денегъ на руки, онъ долженъ на слѣдующій годъ, чтобы не умереть съ голоду, опять забрать въ долгъ и т. д. Самые хитрые изъ купцовъ-эксплуататоровъ дѣлаютъ съ своими кабальными каждый годъ разчетъ, чтобы придать дѣлу видъ законности, но такъ какъ Лопари не знаютъ счета своего долга, то все-таки выходитъ въ результатѣ, что какъ бы ни былъ удаченъ промыселъ, Лопарь не можетъ расплатиться начисто. Если Лопарь заговоритъ, что хозяинъ мало скинулъ долгу, что промыселъ стоитъ дороже, то торговецъ припомнитъ ему долгъ его отца, дѣда и прадѣда [1]). Сельскіе начальники даже за податями не обращаются къ Лопарямъ, а прямо къ ихъ хозяевамъ. Да и Лопари сами такъ привыкли къ такому порядку вещей, что потеряли сознаніе всей бѣдственности своего положенія и даже считаютъ хозяевъ своими благодѣтелями; при томъ они такъ строго соблюдаютъ свои обязательства въ отношеніи хозяевъ, что не рѣшатся продать на сторону какую-нибудь часть своего промысла, хотя бы имъ предлагали очень выгодную цѣну.

Тѣ Лопари, которые самостоятельно промышляютъ треску на Мурманскомъ берегу, находятся въ положеніи также очень невыгодномъ. За недостаткомъ средствъ они не могутъ завести ни снастей, ни крючковъ, которыхъ они часто выпрашиваютъ у промышленниковъ Христа ради [2]). Когда у промышленниковъ полны амбары рыбы, или когда нѣтъ ея лова, то они даютъ Лопарямъ ту или другую нужную тѣмъ вещь; когда же подарятъ негодную снасть, то это для Лопарей праздникъ [3]). Бральщики (скупщики) еще берутъ у нихъ свѣжую треску, но солить ее Лопари не могутъ за недостаткомъ соли, и потому принуждены складывать рыбу не посоленную въ ямы, гдѣ она гніетъ и дѣлается негодна для продажи. Даже въ тѣхъ обществахъ, гдѣ есть рыболовные снаряды, Лопари все-таки находятся въ полной зависимости отъ бральщи-

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 93.
[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 90.
[3]) *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 45.

ковъ, которые вымѣниваютъ промыслы Лопарей и продаютъ ихъ въ Архангельскѣ. Цѣну промыслу бральщики назначаютъ сами, такъ какъ Лопарямъ некуда сбыть свой товаръ: большихъ мореходныхъ судовъ у нихъ нѣтъ, а потому они и не могутъ ѣздить съ нимъ сами въ Архангельскъ. Къ тому же Лопари плату получаютъ обыкновенно товаромъ, которому купцы ставятъ также очень высокія цѣны. Такъ напримѣръ, за лисицу даютъ лопарямъ пудъ муки, цѣною въ 80 коп.; между тѣмъ, самая низкая цѣна лисицы 3 рубля [1]).

Вообще, Лопари всегда предпочитаютъ мѣновую торговлю, какъ съ русскими торговцами, такъ и между собою [2]). Что добывается ими на звѣриныхъ промыслахъ, какъ-то мѣха: лисьи, медвѣжьи. горностаевые, волчьи, олепьи шкуры,—все это они промѣниваютъ у русскихъ торговцевъ на муку, соль, порохъ, свинецъ, хлѣбъ и другіе необходимые имъ предметы. Эти предметы доставляются на Мурманскій и Терскій берега поморами, которые пріѣзжаютъ сюда на своихъ шкунахъ и лодьяхъ; пріѣздъ ихъ есть настоящій праздникъ для Лопарей, не имѣющихъ возможности какимъ-либо другимъ образомъ сбыть свой товаръ, хотя всѣ выгоды мѣны, разумѣется, находятся на сторонѣ Русскихъ. Такое же обширное примѣненіе имѣетъ мѣновая торговля и у Фильмановъ. Фильманы мѣняютъ главный свой продуктъ оленей и ихъ шкуры, въ Колѣ и у мурманскихъ промышленниковъ на муку, порохъ, сукно, посуду и т. д. Но главная ихъ торговля производится въ январѣ на берегу озера Эйнаре, куда съѣзжаются съ своими оленями и пушнымъ товаромъ; туда же пріѣзжаютъ финляндскіе и норвежскіе торговцы. Такъ какъ у Фильмана всегда гораздо больше товару, чѣмъ нужно для промѣна на необходимые ему предметы, то остатокъ онъ продаетъ на наличныя деньги [3]).

Всѣ земли Лопарей, также какъ рѣки, рѣчки, озера, ручьи, лѣсныя угодья,—все это раздѣлено Лопарями по родамъ и передается въ наслѣдственное пользованіе [3]). Рѣки, принадлежащія

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 93.
[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 47.
[3] *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 39.

одному погосту или двумъ, отдаются въ аренду на лѣто изъ платы, какую могутъ вырядить, съ условіемъ, чтобы взявшій рѣку въ аренду заготовлялъ самъ лѣсъ для закола и промышлялъ рыбу своими людьми. Иногда погостъ самъ береть на себя обязанность заготовить лѣсъ, сдѣлать заколъ, промышлять рыбу, солить ее, и такимъ образомъ готовую сдавать хозяину за опредѣленную плату съ пуда. Семужьи тони составляютъ также общую собственность Лопарей цѣлаго погоста. Способъ пользованія семужьими тонями основывается на томъ, что доходы съ этихъ тонь, какъ съ самыхъ выгодныхъ статей, предназначаются собственно на уплату податей и мірскихъ сборовъ, какъ сказано выше. Каждому погосту принадлежитъ не одинаковое число тоней, такъ какъ число ихъ зависитъ отъ условій мѣстности; но къ каждой тонѣ одного и того же погоста приписывается одинаковое число ревизскихъ душъ. Объ устройствѣ забора общими средствами Лопарей всего общества и о пользованіи сказано подробно въ Сборникѣ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи, *П. Ефименко*, кн. 1-я, стр. 140. Озерныя тони составляютъ неотъемлемую собственность лопарскихъ семействъ. Владѣніе ими переходитъ изъ рода въ родъ на правахъ частной собственности, которую каждое семейство можетъ отдавать въ арендное содержаніе, безъ согласія общества, или даже продать. Такихъ тоней 172 [1]).

Для ловли на морѣ трески Лопари составляютъ товарищества, которыя, впрочемъ, не могутъ быть самостоятельны по недостатку средствъ, а зависятъ отъ помора-хозяина. Хозяинъ заготовляетъ судно, промысловыя снасти и хлѣбъ, такъ что Лопари пользуются всѣмъ хозяйскимъ; кромѣ платья и обуви, они за свой трудъ получаютъ отъ хозяина половину всего промысла, скупаемую тѣмъ же хозяиномъ [2]). Аренды за станъ, судно, снасти, котлы не платятъ, плата идетъ только за неводъ, что причтется на все судно. За обронъ въ море промысловой снасти они платятъ хозяину половину ея стоимости.

Артелей для содержанія станцій нѣтъ, но были въ прежнее время. Фонъ-Ошманъ сообщаетъ, что въ началѣ нынѣшняго сто-

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 90.

[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 40; подробнѣе см. въ Сборн. Юридич. Обыч. Арханг. губ., *П. Ефименко*, кн. I, стр. 181.

лѣтія, ловъ семги въ рѣкѣ Іокангѣ былъ предоставленъ въ пользованіе 12 человѣкъ, которые отправляли почту и содержали для этого особенную большую лодку, а зимою жили въ разныхъ мѣстахъ по почтовому тракту.

Когда русскіе промышленники уѣзжаютъ осенью съ Мурманскаго берега, окончивъ ловъ трески, то они оставляютъ въ становищѣ снаряды, употребляемые при ловли рыбы, хлѣбъ, соль и другіе съѣстные припасы, заготовленные къ будущему году и сложенные въ амбарахъ, а также и шняки Все это они отдаютъ подъ надзоръ Лопарей, которые и живутъ тутъ до тѣхъ поръ, пока воды не покроются льдомъ. Когда уже никто не можетъ войдти въ становище, они уѣзжаютъ домой въ тундры, иногда верстъ за 200. Зимою пріѣзжаютъ по очереди смотрѣть порученное имъ имущество. Въ теченіи зимы за каждый станъ платится отъ 3 р. до 3 р. 50 к., такъ что Лопари Воронежской и Печенгской волостей, берущіе на себя караулъ становъ, выручаютъ до 700 руб. [1]). Лопари честно исполняютъ принятыя обязательства. Если нужда заставитъ иногда воспользоваться частью припасовъ, то по пріѣздѣ промышленниковъ, они объявляютъ о томъ и расплачиваются за взятое [2]).

Приводимъ образчикъ сдѣлки, хорошо обрисовывающей экономическое положеніе Лопарей:

„1869 г., Декабря 1-го дня. Мы, нижеподписавшіеся, Архангельской губерніи, Кемскаго уѣзда, третьяго мироваго участка Поной-ской волости, сельскаго общества и селенія, государственные крестьяне какъ мѣстные жители (т. е., обрусѣвшіе Лопари), такъ и прожпвающіе Лопари, заключили сіе условіе съ г. смотрителемъ Святоносскаго маяка Романомъ Алексѣевымъ, по добровольному нашему согласію. Какъ нами, крестьянами, была отдана въ оброчное содержаніе рѣка Поной на трехлѣтіе крестьянину Кузонемской волости и селенія Кузомени Алексѣю Петрову Заборщикову, т. е., съ 1867 по 1870 г., цѣною осенней семги по 3 р. за пудъ, а межень по 1 р. 50 к., почему Заборщковъ окончательно былъ бы обязанъ за насъ за всѣхъ заплатить государственныя подати и мірскіе

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 92.
[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 45.

сборы за вторую половину сего 1869 г. за тѣхъ, которые участвуютъ въ Поноѣ рѣкѣ, онъ, Заборщиковъ, пользовался трехлѣтіе этою цѣной, а между тѣмъ отъ платежа государственныхъ податей и мірскихъ сборовъ второй половины сего 1869 г. вовсе отказался. А какъ должностныя лица, сельскій староста Долгихъ и волостной старшина Матрехинъ, не дали намъ отсрочки, то по недарованью Божьему промысловъ въ настоящее время, какъ сальнаго, равно и семужьяго, мы поэтому вынуждены нашли себя обратиться къ г. смотрителю Святоноснаго маяка Роману Алексѣеву, чтобъ онъ заплатилъ за насъ государственныя подати и мірскіе сборы за вторую половину сего 1869 года; такъ какъ, по милосердію человѣческому, смотритель Алексѣевъ на нашу просьбу убѣдился и согласился заплатить государственныя повинности за насъ за всѣхъ за вторую половину сего 1869 г., то его человѣческимъ милосердіемъ мы остались въ настоящее бѣдственное время весьма довольными, почему согласились, по добровольному нашему согласію, поблагодарить г. Алексѣева, т. е. сдѣлать ему уваженіе, ежели Богъ благоволитъ, сальнаго промысла у каждой кожи дешевле прочихъ покупателей рублемъ, а въ противномъ случаѣ недарованія Божія сальнаго промысла сдѣлать отсрочку до семужьихъ промысловъ межени или осени; платежъ долга сдѣлать, во всякомъ случаѣ, не позже 15-го сентября 1870 г. и заплатить заложенный имъ, Алексѣевымъ, капиталъ 135 р. 58¼ коп. сер. Еще считаемъ нужнымъ присовокупить, что въ случаѣ недарованья Божія промысловъ, какъ сальнаго, такъ и семужьяго, мы препоручаемъ волостному правленію полное право опродать насъ изъ движимаго нашего имущества и тѣмъ удовлетворить нашего благодѣтеля г. Алексѣева полнымъ количествомъ, безъ ущерба ему, съ благодарностью, въ чемъ и заключили между собою условіе“ [1]).

II.

Уголовное право.

Кроткій и миролюбивый характеръ Лопарей объясняетъ слабое развитіе между ними преступленій, на которыя они вооб-

[1]) Изъ книги сдѣлокъ и договоровъ Понойскаго волостнаго правленія за 1869 годъ.

ще смотрятъ строго. Какъ можно заключить изъ различныхъ свѣдѣній о Лопаряхъ, они смотрятъ строже на преступленія, совершаемыя въ своей средѣ и вредящія интересамъ другъ друга, чѣмъ на такія, жертвою которыхъ дѣлается посторонній человѣкъ, обыкновенно русскій. Причина этому сами Русскіе: они не только не внесли къ Лопарямъ цивилизующаго нравственнаго начала, но и развили въ нихъ склонность къ обману, лживость и т. п. качества. Въ этомъ читатель убѣдится прочтя наши приложенія къ обычаямъ Лопарей. Не мудрено, что Лопари, обманываемые и разоряемые Русскими, стали наконецъ обнаруживать въ сношеніяхъ съ ними коварство и ложь—эти естественныя орудія слабыхъ и угнетаемыхъ людей; но разъ освоившись съ этою тактикой, Лопари не могли уберечься отъ ея вліянія и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Мелкія кражи, утайки, обманы, обчеты, недодачи теперь очень нерѣдки, а если направлены противъ Русскихъ, то почти и не считаются за преступленія. Между тѣмъ по словамъ автора новыхъ и достовѣрныхъ извѣстій о Лапландцахъ въ Финмаркіи, 1792 г., у нихъ не было ни воровства, ни драки (стр. 14). Фонъ-Ошманъ, писавшій о Лопаряхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, сообщаетъ слѣдующее: „Къ чести Лопарей можно сказать то, что у нихъ воровства совсѣмъ нѣтъ; никто не имѣетъ амбаровъ и даже сундуковъ, куда бы могъ положить свой багажъ. Но Лопари, ничего не опасаясь, оленьи кожи кладутъ въ лѣсу, домашнія вещи всѣ бываютъ разбросаны и поставлены подлѣ жилья; возвращаясь домой почти черезъ полгода, Лопарь находитъ, что все у него въ цѣлости. Если понадобится Лопарю что̀ ни есть безъ хозяина, то онъ, взявъ, оставляетъ свое клеймо“ [1]). Что Лопари и теперь часто не имѣютъ основаній бояться воровства между своими, видно изъ самаго способа сбереженія ими промысловъ. Они хранятся въ маленькихъ конуркахъ, около жилища Лопаря. Дверцы этихъ конурокъ затворяются, правда, посредствомъ деревянной задвижки, но эта предосторожность направляется только противъ хищныхъ звѣрей, а не противъ злыхъ людей, которымъ ничего не стоило бы не только отворить дверь, но и разрушить весь амбарчикъ, разобравъ его по доскамъ. Отправляясь собирать

[1]) *Арх губ. вѣд.* 1870 г., № 27.

добычу, пойманную *гангасами* (особый снарядъ для ловли птицъ и небольшихъ звѣрей), Лопарь тутъ же въ лѣсу снимаетъ шкуру со звѣря, растягиваетъ ее между палками, и оставивъ на мѣстѣ для просушки, возвращается домой, вполнѣ увѣренный, что опять найдетъ ее на томъ же мѣстѣ [1]).

Впрочемъ, нравственныя качества Лопарей не одинаковы: тѣ изъ нихъ, которые находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Русскими, болѣе удалились отъ первоначальной простоты и чистоты нравовъ, чѣмъ тѣ, которые имѣли меньше случаевъ для такихъ сношеній. Лопари внутри Лапландскаго полуострова кротки и тихи; у нихъ нѣтъ ни убійствъ, ни кражъ, ни какихъ-либо другихъ уголовныхъ преступленій. Между тѣмъ Мурманскіе Лопари имѣютъ другія нравственныя свойства: они грабятъ иногда суда, выбрасываемыя бурей на берегъ океана, за что̀, случается, присуждаютъ ихъ и въ каторжную работу [2]). У этихъ послѣднихъ Лопарей воровство такъ вошло въ привычку, что они, не смотря на свою религіозность, не пренебрегаютъ даже случаемъ обокрасть и часовню; какъ то видно изъ слѣдующаго случая, свидѣтельствующаго между прочимъ о простотѣ Лопарей и ихъ суевѣріи. Однажды Лопарю удалось стащить цѣлый ящикъ церковнаго сбора. Желая спрятать его подальше, онъ вышелъ на тундру, высмотрѣлъ дерево, закопалъ подъ нимъ свою кражу, и отойдя, долго оглядывался потомъ назадъ, съ цѣлью хорошенько запомнить мѣсто. Къ несчастію Лопаря, все это высмотрѣли ребята-зуйки [3]), ходившіе изъ становища за морошкой. Зуйки разказали обо всемъ этомъ кормщику; тотъ пришелъ вырылъ деньги, ящикъ расколотилъ и бросилъ. Лопарь всплакался, цѣлые дни ходилъ, повѣся носъ, и наконецъ, не выдержалъ и расказалъ русскимъ промышленникамъ свое горе. „От-

---

1) Очерки Арх. губ. *Верещагина.*

2) Очерки природы и быта Бѣломорскаго края Россіи, *Михайловъ*, стр. 223, 251.

3) *Зуйками* называются у поморовъ мальчики-подростки, состоящіе при морскихъ промысловыхъ артеляхъ, занимающіеся приготовленіемъ пищи, чисткой рыбы и промываніемъ бочекъ и другою мелкою черною работой; они не имѣютъ доли въ общемъ уловѣ и пользуются лишь тою частью, которую имъ бросаетъ большакъ артели; поэтому народная рѣчь и уподобила ихъ морской птичкѣ-зуйку (изъ породы чаекъ), хватающей всѣ выкидыши, непужные потроха изъ распластанныхъ рыбъ и т. д. *Ред.*

чего же ты по дурацки пряталъ?“ спрашивали тѣ. „Лъзя видѣть, лъзя не видѣть“, оправдывался Лопарь и приписалъ все это злымъ духамъ [1]).

Не смотря на вредныя вліянія, такъ измѣнившія нравственную природу Лопарей, они во многихъ случаяхъ высказываютъ довольно высокую степень честности. Промышленники нанимаютъ иногда Лопарей для ловли семги, которую и забираютъ у нихъ за ранѣе условленную цѣну; послѣдняя часто бываетъ гораздо ниже той, какую Лопари могли бы взять, продавъ свой товаръ другимъ промышленникамъ, но Лопари никогда не рѣшатся этого сдѣлать. Также замѣчательна честность, съ которою они охраняютъ становища поморовъ, какъ было сказано выше, хотя бъ имъ легко было овладѣть всѣмъ, что̀ есть въ становищѣ, и скрывать похищенное въ своихъ тундрахъ, такъ что не возможно было бы ни отыскать виновнаго, ни возвратить похищенное. Однакожь до сихъ поръ не случалось такого примѣра [2]).

Кража, совершенная ночью, изъ-подъ замка, изъ-подъ караула, судится строже и считается преступленіемъ болѣе важнымъ, чѣмъ кража днемъ и въ открытомъ мѣстѣ.

На убійство Лопари смотрятъ очень строго, и такое преступленіе у нихъ если и случается, то какъ рѣдкое исключеніе. Лѣтъ 50 тому назадъ было два случая убійства; оба эти убійства были совершены изъ мести. Извѣстенъ только одинъ случай убійства съ цѣлью грабежа: это убійство кемскаго мѣщанина Норкина двумя Лопарями Воронежскаго погоста. Но надо обратить вниманіе на то обстоятельство, что злой умыселъ направленъ былъ противъ одного изъ представителей той категоріи людей, къ которой Лопари не могли питать добрыхъ чувствъ.

Самоубійствъ у Лопарей вовсе не бываетъ. Также не бываетъ дѣтоубійствъ и изгнаній плода. Ничего также не слышно объ изнасилованіяхъ, растлѣніяхъ, противоестественныхъ преступленіяхъ и т. д.

Изъ проступковъ противъ общественной нравственности господствующій пьянство и развратъ—любодѣянія. Пьянство у Лопарей

---

[1]) Годъ на Сѣверѣ, *Максимова*, стр. 214.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 76; Очерки Арх. губ. *Верещагина.*

не считается порокомъ: пьютъ всѣ мужчины и женщины, взрослые и дѣти, пьютъ во всякое время, лишь былъ бы случай. На развитіе этого порока большое вліяніе оказываютъ Русскіе, которые извлекаютъ выгоды изъ склонности Лопарей къ пьянству [1]).

При торговлѣ извѣстенъ слѣдующій способъ обмана: Снятыя весною съ оленей шкуры бываютъ покрыты небольшими дырочками происходящими отъ червей (gourmak). Чтобы продать такую испорченную шкуру наравнѣ съ хорошею, снимаемою лѣтомъ и осенью, лопари задѣлываютъ проѣденныя мѣста тонкою кожицей, и въ такомъ видѣ сбываютъ товаръ неопытному покупателю [2]).

Обходъ звѣря въ чужомъ ухожьѣ и обловъ чужого озера считается у Лопарей большимъ преступленіемъ.

Нынѣ сильно распространилось между Лопарями слѣдующее преступленіе: это убійство ручныхъ оленей другъ у друга; случается оно обыкновенно осенью, когда Лопари идутъ промышлять дикаго оленя, попадающагося нынѣ рѣдко: причина этого преступленія крайняя нужда въ средствахъ къ пропитанію. Это олене-убійство самымъ вреднымъ образомъ дѣйствуетъ на ихъ благосостояніе, такъ какъ, лишаясь ручныхъ оленей, они доходятъ до нищенства. Рѣдкій Лопарь избѣгаетъ такого преступленія. Между ними есть повѣрье, что нѣтъ грѣха убить до десяти оленей финьманскихъ или шведскихъ.

Изъ преступленій противъ народнаго здоровья случается продажа Русскимъ мяса больнаго оленя или больной овцы за здоровое.

Пристанодержательствъ и укрывательствъ бѣглыхъ нѣтъ.

Колдуны и знахари пользуются у Лопарей большимъ уваженіемъ: Лопари съ давнихъ поръ славятся искусствомъ колдовства, такъ что царь Іоаннъ Грозный вызывалъ волшебниковъ изъ Лапландіи, чтобъ тѣ объяснили причину появленія кометы. И теперь Лопари еще извѣстны этимъ искусствомъ, и къ нимъ обращаются за совѣтами даже изъ Финляндіи [3]). Во время гаданья колдунъ приходитъ въ восторженное состояніе, когда душа его, по мнѣнію Лопарей, блуждаетъ повсюду и развѣдываетъ, что̀ надо. Это вос-

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 75.

[2]) Новыя и достовѣрныя извѣстія о Лапландцахъ, стр. 15.

[3]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 80.

торженное состояніе Кастренъ признаетъ шарлатанствомъ, хотя происхожденіе его несомнѣнно естественное и заключается въ склонности Лопарей и другихъ шаманскихъ народовъ къ нервнымъ припадкамъ. При совершеніи гаданій колдуны не употребляютъ причитаній и заговоровъ, но ограничиваются механическими пріемами. Иногда они употребляютъ волшебный барабанъ, продолговато-круглый ящикъ особаго устройства. Знахари у Лопарей лѣчатъ всякія болѣзни, преимущественно вѣтряную, т. е., напущенную, какъ думаютъ Лопари, по вѣтру; выгоняютъ эту болѣзнь натираніемъ солью и отплевываніемъ.

Суевѣріе Лопарей не имѣетъ никакого вліянія на совершеніе преступленій, особенно важныхъ.

Изъ преступленій—убійство домашнихъ оленей, какъ было выше сказано, получило нынѣ большіе размѣры; развитію этого преступленія способствуетъ надежда на безнаказанность, потому что преступника трудно и опасно преслѣдовать въ обширныхъ тундрахъ и лѣсахъ. Особенно легко убивать оленей, принадлежащихъ Фильманамъ, такъ какъ Фильманы живутъ всегда одиночно, и обладая большими стадами, обыкновенно довольно равнодушно относятся къ своимъ потерямъ. Развитіе этого преступленія очень вредно вліяетъ на благосостояніе и нравственность Лопарей. Но еще болѣе вреднымъ образомъ дѣйствуетъ пьянство. Лопарь такъ къ нему пристрастенъ, что готовъ пропить свою послѣднюю одежду и послѣдняго оленя; между тѣмъ тѣ Русскіе, съ которыми Лопари имѣютъ сношенія, съ своей стороны стараются о развитіи между ними пьянства. Гдѣ только собираются Лопари, торговцы тотчасъ устраиваютъ подвижные кабачки и выставки. Пьянство тѣмъ болѣе разорительно для Лопарей, что они пьютъ вино всегда сообща, всею семьей, отъ стараго до малаго, такъ что послѣ каждой изъ своихъ попоекъ обыкновенно не досчитываются или десятка рублей, или нѣсколькихъ пушныхъ звѣрей. По серьезному характеру Лопарей у нихъ трудно купить безъ вина что-нибудь выгодно, но за то для покупателя съ водкой нѣтъ у нихъ ничего завѣтнаго. Въ началѣ зимы, когда Лопари бываютъ обыкновенно довольно богаты при своихъ промысловыхъ занятіяхъ, пушнымъ товаромъ и рыбою, тѣ изъ нихъ, которые живутъ на границахъ Норвегіи, запасаются, особенно для свадебъ, ромомъ анкерка по три и болѣе

на богатую семью. Во внутренніе погосты подвозятъ вино Русскіе. Одинъ изъ главныхъ виноторговцевъ г. Колы, русскій кулакъ, зная вполнѣ слабость и страсть Лопарей, съ 15-го декабря посылаетъ своего повѣреннаго съ боченкомъ вина по погостамъ и въ сборный пунктъ Лопарей Ловозеро на праздникъ Крещенья. Съ появленіемъ водки начинается у Лопарей круговое пьянство, истощающее ихъ средства. По разказамъ очевидцевъ, Лопари, съѣхавшіеся съ разныхъ мѣстъ въ Ловозеро, цѣлую недѣлю ходятъ какъ угорѣлые, не зная, что̀ день, что̀ ночь, и разъѣзжаются, когда пропьются на чисто. Хорошая водка продается только въ началѣ, а потомъ идетъ имѣющая только запахъ спирту. Тотъ же виноторговецъ посылаетъ въ мартѣ своего повѣреннаго на Растъ-Наволоцкую пустынную станцію, съ которой разъѣзжаются поморы, одни въ Колу, другіе прямо въ свои становища; туда собираются для извоза Лопари и пропиваютъ большую часть своего заработка [1]). Вотъ что̀ разсказываетъ одинъ путешественникъ о жителяхъ деревни Поной, которые состоятъ частью изъ Русскихъ, частью изъ осѣдлыхъ Лопарей: „Вошелъ *опасъ* (проводникъ), одинъ изъ поной скихъ Лопарей. „Не хочешь ли выпить на дорогу?“ спросилъ я его. „Если поднесете, выпью“. Я поднесъ ему чарку водки. „Я водки не пью“, сказалъ онъ съ какимъ-то пренебреженіемъ. „Давно ли не пьешь?“ спросилъ присутствовавшій при этомъ священникъ. „Съ осени, съ промысловъ“. „А что̀ же ты пьешь?“ „Ромъ“, отвѣчалъ опасъ, поглядывая искоса на стоящую на столѣ бутылку. „Такъ вотъ какъ“, сказалъ священникъ;—„а не хочешь ли шампанскаго?“ Лопарь по видимому обидѣлся этимъ замѣчаніемъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства отвѣчалъ: „Можетъ быть ты, батюшка, не пилъ шампанскаго, а я пивалъ и ромъ, и ликеры, и шампанское“. Слова эти показались мнѣ странными; но священникъ, знавшій своихъ прихожанъ, тотчасъ объяснилъ ихъ: „Поноляне“, сказалъ онъ,—„всѣ страшные пьяницы. Промыслы у нихъ почти всегда изобильны и даютъ хорошій доходъ; осенью приходятъ въ Попой поморы, навезутъ изъ Норвегіи рому, разныхъ ликеровъ и винъ, вымѣняютъ ихъ на промыселъ, а Поноляне и пойдутъ пьянствовать, и не только мужчины, но и женщины, и даже

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 9.

ребята; пьютъ, словомъ, всѣ поголовно. Простой водки никто и знать не хочетъ, а подавай ликеру или шампанскаго; а спросите у нихъ, много ли они знаютъ толку въ шампанскомъ и виноградныхъ винахъ! Здѣсь всѣ держатся пословицы: „хоть на часъ, да вскачь“, пьянствуютъ на пропалую и нисколько не заботятся о будущемъ. Поморы пользуются этою слабостью и берутъ съ нихъ тройную цѣну за всѣ напитки и лакомства. Вотъ посмотрите: всѣ мужчины въ синихъ кафтанахъ, бабы и дѣвки разряжены, какъ на свадьбѣ, а прійдетъ дѣло къ веснѣ, будетъ здѣсь чистый голодъ. А пить все-таки надо: и понесутъ они всѣ эти обновы и все, что̀ имѣютъ, въ кабакъ, и будутъ всѣ ходить въ лохмотьяхъ. Повѣренному по питейной части здѣсь житье: у него и водку берутъ въ счетъ будущихъ промысловъ, и хлѣбъ, и другіе припасы въ долгъ. При мнѣ смѣнилось нѣсколько такихъ повѣренныхъ; пріѣдетъ какая-нибудь голь, весь въ лохмотьяхъ, ѣсть нечего, глядишь, онъ имѣетъ ужь ладью и въ купцы записался. Большое зло—здѣшній кабакъ“. Впослѣдствіи я убѣдился совершенно въ справедливости этихъ словъ священника“. Что распространеніе пьянства между Лопарями происходитъ подъ вліяніемъ Русскихъ, это свидѣтельствуетъ г. Михайловъ въ книгѣ: „Очерки природы и быта Бѣломорскаго края Россіи“ [1]). По его словамъ, сильное пристрастіе къ пьянству имѣютъ Лопари, живущіе по близости русскихъ селеній. Дальніе Лопари, говоритъ онъ,—водки не пьютъ и не будутъ пить, даже если имъ прикажешь. Лопарь, у котораго онъ остановился въ Массельскомъ погостѣ, отказался отъ предлагаемой водки, и оказалось, что онъ никогда не пивалъ ни вина, ни водки.

III.

Общественный бытъ, судъ и расправа.

Государство, по понятіямъ Лопарей, есть большое семейство, гдѣ старшій хозяинъ—Царь, который имѣетъ власть надъ всѣми, и котораго каждый обязанъ слушаться. Чиновники—исполнители воли Царя, и ихъ также всѣ обязаны слушаться. На сколько развиты

[1]) Стр. 226.

понятія Лопарей объ этомъ предметѣ, можно заключить изъ вопросовъ, съ какими они обыкновенно обращаются къ пріѣзжимъ, напр.: „Все ли въ краю миръ? Здоровъ ли Государь? Живъ ли губернаторъ?“ [1]) Приводимъ интересный разговоръ, веденный Лопарями съ однимъ, пріѣхавшимъ къ нимъ лѣснымъ чиновникомъ: „Ты, ваше благородіе, какой начальникъ?“ спросилъ меня Лопарь. Я объяснилъ имъ мое административное назначеніе. „А ты больше ли нашего писаря?“ „Гораздо больше“. Лопари стали просить меня, чтобъ я ихъ не обижалъ и позволилъ имъ рубить березки для дровъ и жерди для вежъ. Я, конечно, позволилъ и успокоилъ, сказавъ, что не стану обижать. „А ты, ваше благородіе, деришься ли?“ спросилъ неожиданно другой Лопарь. Этотъ вопросъ удивилъ меня. Я отвѣчалъ, что никода не дерусь, и что большой и хорошій чиновникъ никогда никого не бьетъ, а если кто не послушается его или провинится, то онъ приказываетъ старшинѣ, чтобы тотъ наказалъ виновнаго. Лопарь съ удивленіемъ покачалъ головой и промолвилъ: „Какъ такой большой чиновникъ не дерется“. Я спросилъ Лопаря: по какой причинѣ онъ далъ мнѣ этотъ вопросъ. „А такъ“, отвѣчалъ онъ, — „здѣсь одинъ разъ былъ какой-то начальникъ, такой сердитый, онъ четырехъ Лопарей прибилъ, мы всѣ его боялись“. „За что жь онъ васъ билъ?“ „А не знаемъ, вѣрно за то, что оленей не скоро привели, а у насъ кегоры далеко“. „А ты знаешь ли, ваше благородіе, Царя?“ „Знаю“, отвѣчалъ я, — „а на что тебѣ?“ „Да вотъ писарь нашъ больно обижаетъ Лопарей, пріѣдетъ за податями, такой сердитый, всѣхъ прибьетъ, и бабъ прибьетъ, спрашиваетъ водки, а у насъ водки нѣтъ — такъ мы хотимъ жаловаться“. Я объяснилъ, кому они должны жаловаться на писаря. Послѣ этого мнѣ дѣлали вопросы, какой у насъ Царь, какъ онъ живетъ, какіе еще есть начальники, нѣтъ ли опять войны“ [2]).

Какъ простодушенъ взглядъ Лопаря на начальство и его значеніе, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій разказъ: Разъ одинъ чиновникъ, объѣзжавшій лопарскіе погосты по дѣламъ службы, въ досадѣ на одного Лопаря за то, что тотъ нечаянно опрокинулъ чайникъ, потаскалъ его за волосы. Лопарь ударился въ

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1861 г., № 46.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1861 г., № 47.

слезы, а за нимъ и вся его семья. Перепуганный бѣднякъ долго не могъ успокоиться, воображая, что онъ совершилъ страшное преступленіе, и уже наказанный не въ мѣру за свою неловкость, спрашивалъ сквозь слезы, что̀ ему за то будетъ [1]). Своихъ ближайшихъ властей Лопари боятся чуть ли не болѣе высшихъ. Они сами говорятъ, что для нихъ разсыльный—богъ, писарь—тоже богъ. О волостномъ писарѣ разказываютъ, что у него правая рука приговоры пишетъ, а лѣвая кресты (т. е., клейма) ставитъ, намекая этимъ на полное самовольство писарей при составленіи приговоровъ и проч.

По словамъ священника Терентьева, у Лопарей сохранились еще слѣды родоваго быта, главнымъ образомъ въ ихъ пользованіи рыбными и звѣриными угодьями. Всѣ ихъ рѣки, озера, лѣсныя угодья и т. п., все это раздѣлено искони между родами съ правомъ каждому роду по наслѣдству владѣть извѣстными участками, такъ что каждому роду досталось по нѣскольку участковъ въ различныхъ мѣстностяхъ: этимъ обстоятельствомъ, по его мнѣнію, обусловливается кочевая жизнь Лопаря.

Въ административномъ отношеніи Лопари дѣлятся на волости, а волости на погосты. Каждый погостъ ихъ составляетъ особое общество, которое они называютъ міромъ, и которое имѣетъ самостоятельное управленіе. Важное значеніе міра видно изъ поговорки, которую нерѣдко можно слышать отъ Лопаря: „Община—міръ, не одинъ-бо человѣкъ,—слово его крѣпко“. Каждый членъ міра обязанъ ему подчиняться на мірскомъ сходѣ и исполнять безпрекословно, что постановятъ старшіе.

Мірская сходка, по туземному *суйма* или *локкуять*, заправляетъ въ своемъ погостѣ всѣми его дѣлами, какъ частными, именно семейными, судебными, тяжебными, кромѣ уголовныхъ, такъ и общественными, завѣдываніемъ доходовъ и расходовъ общества Такъ какъ въ глазахъ Лопарей преимущество людямъ дается лѣтами и богатствомъ [2]), то и на сходкахъ главными распорядителями являются старики и люди позажиточнѣе; молодые присут-

---

[1]) Очерки природы и быта Бѣломорскаго края Россіи, *Михайлова*, стр. 224.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1845 г., стр. 451; 1856 г., № 43.

ствуютъ только для того, чтобы знать, о чемъ шло дѣло. Въ собраніе допускается каждый Лопарь, имѣющій вежу или тупу. Разсужденія на сходахъ ведутся скромно, прилично, безъ шуму и брани; голосъ каждаго, говорящаго въ свою очередь, выслушивается. Сходки у нихъ бываютъ во всякое время въ тупѣ у десятскаго. Каждый Лопарь имѣетъ право собрать сходку, если имѣетъ въ ней какую-либо нужду. Въ сходкахъ не участвуютъ женщины-хозяйки, даже въ случаѣ смерти или отсутствія домохозяина.

Больше уважается на сходѣ голосъ того, кто считается позажиточнѣе другихъ, или того, кто помогаетъ міру въ общихъ нуждахъ, напримѣръ, внося повинности за отлучившихся и т. п.

Дѣла рѣшаются не всегда единогласно и не по большинству голосовъ, а беретъ перевѣсъ та сторона, на которой люди позначительнѣе, хотя бы голосовъ и было меньше.

Для выбора должностныхъ лицъ собирается сельскій сходъ. Передъ этимъ каждый погостъ дѣлаетъ заранѣе свои сходки для обсужденія, кого назначить къ выборамъ. Обыкновенно выбираютъ людей болѣе толковыхъ и заслужившихъ честностью довѣріе общества. По другимъ свѣдѣніямъ, также выбираютъ такихъ, которые надоѣдаютъ міру своею сварливостью, задоромъ, выбираютъ за тѣмъ, чтобы потерли себѣ шею и были бы впередъ поумнѣе, не спорили бы со стариками. Отъ выборовъ освобождаются только малосемейные и потерпѣвшіе какое-либо несчастіе, также тѣ, кто служитъ міру своимъ состояніемъ, закладывая за него деньги на разныя нужды. Въ важныя службы выбираютъ людей по состоятельнѣе, по значительнѣе. Если такая служба не вознаграждается жалованьемъ, тогда міръ даетъ избранному въ подмогу рѣку для промысла семги, на все время службы, или деньгами отъ 25 до 40 р.

Бѣдные выбираются въ домашнія должности: десятскіе, лѣсные сторожа и пр. Женщинъ не допускаютъ даже къ исправленію должности десятскихъ вмѣсто мужей.

При волостныхъ выборахъ бываютъ злоупотребленія—избраніе въ должность отсутствующаго, не подлежащаго выбору посредствомъ взятки писарю.

Подати и повинности Лопари уплачиваютъ съобща цѣлымъ обществомъ, т. е., собственно не сами уплачиваютъ, а тѣ лица, которыя берутъ въ аренду ихъ оброчныя статьи, т. е., семужьи ловли.

Иногда Лопари забираютъ деньги впередъ, и все общество такимъ образомъ оказывается должникомъ.

Дорожная повинность отбывается натурою каждымъ міромъ. Міръ нанимаетъ на свой участокъ, чтобъ очистить дорогу и сдѣлать на ней мосты, примѣрно съ 108 дворовъ до 8 человѣкъ съ платою на каждаго по 5 рублей.

Обывательская повинность отбывается и деньгами, и натурою. Когда случится подвода, то міръ нанимаетъ того, кто возьмется дешевле везти. Иногда же весь міръ отбываетъ повинность поочередно, въ порядкѣ, опредѣляемомъ на сходкахъ. Лопари Экостровскаго общества отправляютъ гоньбу на обывательскихъ станціяхъ по всему пространству отъ Колы до Кандалакши, за что и получаютъ въ годъ 810 р. [1]).

Отъ натуральныхъ повинностей освобождаются только крайніе бѣдняки. Распредѣленіе ихъ дѣлается одинаково на бѣдныхъ и богатыхъ, сиротъ, вдовъ.

Лопари, какъ и русскіе крестьяне, имѣютъ волостные суды при волостныхъ правленіяхъ; но такъ какъ волостныя правленія находятся далеко, то Лопари каждаго погоста рѣшаютъ свои судебныя дѣла *на мірскихъ сходкахъ*: Лопари предпочитаютъ, вообще, судиться у себя, чѣмъ обращаться въ волостной судъ. Одинъ наблюдатель говоритъ о жителяхъ деревни Поноя, отчасти Лопарей, отчасти Русскихъ, гдѣ сильно отзывается лопарскій элементъ: „Въ случаяхъ ссоръ, обидъ, воровства и пр. поноляне не любятъ прибѣгать къ установленнымъ властямъ, а всѣ дѣла стараются рѣшать дома, своимъ третейскимъ судомъ“. Не мудрено, что Лопари предпочитаютъ свой судъ; у нихъ сохранились еще воспоминанія о томъ времени, когда они могли рѣшать сами и рѣшали дѣла даже по уголовнымъ преступленіямъ. Кастренъ приводитъ разсказъ о такомъ рѣшеніи: Одинъ Лопарь въ Кусамо тайно умертвилъ свою жену, но это злодѣяніе вскорѣ было открыто его десятилѣтнимъ сыномъ. Лопари созвали старшинъ на слѣдствіе. Судьи, по обычаю, собрались въ домѣ обвиняемаго и устроили такъ-называемую судную избу. Уличенный былъ приговоренъ къ висѣлицѣ, и судьи же привели свой приговоръ въ дѣйствіе [2]).

---

1) *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 96.

2) *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 46.

Мы имѣемъ рѣшенія понойскаго волостнаго суда за 1867 г., гдѣ только одно дѣло касается Лопаря, да и то начато по иску мѣстнаго священника, который жалуется на Лопаря, что тотъ взялъ у него въ займы 1 р. денегъ и не платитъ долга. Судъ приговорилъ Лопаря къ уплатѣ требуемыхъ денегъ и къ суточному аресту.

Другой волостной судъ кольско-лопарскій, рѣшенія котораго мы также имѣемъ, за весь 1867 г., представляетъ три рѣшенія, и только одно изъ нихъ заключаетъ дѣло Лопаря. Это дѣло заключается въ жалобѣ волостнаго старшины на то, что одинъ молодой Лопарь, въ пьяномъ видѣ, выбранилъ его; за это онъ былъ приговоренъ къ наказанію розгами, хотя и просилъ прощенія у обиженнаго. Другія два дѣла касаются Русскихъ, именно мурманскихъ промышленниковъ. Значитъ, въ 1867 г. въ обоихъ судахъ рѣшалось только два лопарскихъ дѣла, и то одно изъ нихъ было поднято не Лопаремъ, между тѣмъ какъ кольско-лопарскій волостной судъ предназначается спеціально для Лопарей, такъ какъ на Мурманскомъ берегу нѣтъ русскихъ деревень, и тамъ Русскіе бываютъ только лѣтомъ. Очевидно, что Лопари не любятъ обращаться въ волостной судъ, а рѣшаютъ свои дѣла на сходкахъ.

Мірская сходка судитъ проступки членовъ своего міра: споры, обманы, воровства, обловъ рыбнаго угодья или обходъ лѣснаго участка. За послѣднее преступленіе виновный уплачиваетъ вдвое противъ украденнаго. Потерпѣвшій обиду объявляетъ о ней на сходкѣ; чѣмъ рѣшитъ міръ, тѣмъ должны быть довольны обѣ стороны. Если причиненъ какой нибудь убытокъ, то міръ дѣлаетъ ему оцѣнку и потомъ приговариваетъ виновнаго къ вознагражденію убытка деньгами, по оцѣнкѣ. Если Лопарь застрѣлитъ чужаго оленя, то долженъ за него отдать своего лучшаго. За покражу взыскивается вдвое противъ стоимости украденнаго. Брани, ссоры, драки кончаются обыкновенно мировыми, иногда съ водкой. Если кто разстраиваетъ пьянствомъ свое хозяйство, то погостъ наказываетъ виновнаго выговоромъ; пьяницамъ, которые не могутъ платить податей, дѣлается выговоръ, а если онъ не подѣйствуетъ, то передаютъ таковыхъ въ руки волостнаго правленія.

Когда обида нанесена лицомъ изъ другаго міра, тогда обиженный долженъ объявить объ обидѣ тому міру, въ которомъ живетъ обидчикъ; послѣдній и судится своимъ міромъ. Поморы не-

рѣдко крадутъ у Фильмановъ оленей, что̀ имъ большею частью и сходитъ съ рукъ. Но когда поморъ попадется Фильманамъ съ поличнымъ, то ужь не долженъ ждать отъ нихъ пощады. Они жестоко наказываютъ его палками, такъ что вору послѣ такого наказанія никогда уже не поправить своего здоровья [1]).

Фильманы очень цѣломудренны, такъ что между ними не бываетъ незаконныхъ связей [2]); но у Лопарей нѣтъ этой чистоты нравовъ. Дѣвицу, вышедшую замужъ не цѣломудренною, наказываютъ только насмѣшками; соблазнившій, большею частью, беретъ ее замужъ.

Также не бываетъ никакихъ особыхъ наказаній и за прелюбодѣяніе.

Если дѣвушка родитъ ребенка, то ее преслѣдуютъ насмѣшками, иногда родители прогоняютъ ее прочь, ребенка долженъ взять на воспитаніе отецъ, но его матери онъ ничего не даетъ.

Приложенія.

I [3]).

Списокъ съ записи между крещеными Лопарями и приходскимъ священникомъ о ругѣ.

Колскаго уѣзду живоначальныя Троицы Печенскаго монастыря крестьяне крещеные лопари Моговскаго да Печенскаго погостовъ мирскіе старосты, да Назрецкаго, да Нявдевскаго погостовъ старосты и всѣхъ тѣхъ погостовъ крещеные Лопари. по указу великого Господина и Государя Преосвященнаго Аѳанасія Архіепископа Холмогорскаго и Важескаго, каковъ присланъ въ нынѣшнемъ въ 7202 (1694) году Печенскаго монастыря къ игумену Іосифу съ братею, по челобитю Борисоглѣбской церкви священника Симеона Борисова, велѣно ему игумену, противъ челобитья сво священника Симеона, руга предѣлъ учинить неотложно, окромѣ того, что отъ крещенія младенцевъ, и отъ вѣнчанія браковъ, и отъ погребенія умершихъ и мы крещеные Лопари всѣхъ четырехъ погостовъ, старосты и крестьяне обложили ему священнику Симеону ругою промежъ собою всѣ крестьяне полюбовнѣ рядили ему руги со всякой души по алтыну на годъ, сверхъ того отъ исповѣди по алтыну ему свя-

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1861 г., № 39.

[2]) Тамъ же.

[3]) Изъ архива Холмогорскаго Спасо-Преображенскаго собора.

щеннику Симеону съ человѣка, а отъ крещенія младенцевъ имать ему священнику Симеону и отъ родилничныя и отъ четыредесятной молитвы со всѣмъ по четыре алтына по двѣ денги, а отъ вѣнчанія браковъ имать ему священнику Симеону по два евпмка, окромѣ архіерейскихъ пошлинъ, а отъ погребенія умершихъ имать ему священнику Симеону по шти алтынъ по четыре денги, да отъ молитвы, что къ Рождеству Христову съ вежи имать по четыре денги, да намъ же Лопарямъ давать ему священнику Симеону со всѣхъ четырехъ погостовъ на всякой годъ сала тросковаго давать ему священнику Симеону по пуду съ погоста, да по двѣ кережи со всякого погоста ему священнику Симеону дать намъ мяса и рыбы на всякій годъ, а подводы ему священнику и діачку и подъ кладь ево священника наши подводы крестьянскіе все, а та поголовная руга и сало и рыба и мясо збирать намъ крестьянамъ старостамъ нашимъ и относить ему священнику Симеону въ Колу вдругъ безпереводно и діачка ему Симеону своего держать, въ томъ мы Лопари крещеные всѣхъ четырехъ погостовъ полюбовную промежъ собя и запись дали. Алексѣй Васильевъ сынъ Поповъ Нименга подлинную запись писалъ по ихъ всѣхъ четырехъ погостовъ старостъ, что вышеписанныя со всѣми крестьяны тѣхъ погостовъ. По ихъ веленію, церковный дьячекъ монастырской Никитка Казанецъ руку приложилъ. Лѣта 7202 (1694) Февраля въ 3 день. Къ сему списку колскаго острога попъ Симеонъ руку приложилъ.

7204 (1696) годъ мая въ 6 день. Преосвященный архіепископъ, слушавъ сего списка съ записи, указалъ ему священнику Симеону всякая руга съ приходскихъ ево Лопарей збирать и Лопарямъ ту ругу ему давать по вся годы неотложно, а тоя руги ему, что отъ исповѣди по шти денегъ съ человѣка, отнюдь не давать, для того, что по правиламъ святымъ отъ исповѣди и причащенія священникомъ имать ничего не велѣно, и то есть подъ отлученіемъ и подъ смертнымъ грѣхомъ, о томъ послать въ Печенской монастырь указъ къ строителю, и велѣть ему прочитать всѣмъ Лопарямъ для вѣдома неединожды.

Государю Преосвященному Аоанасію Архіепископу Холмогорскому и Важескому бьетъ челомъ богомолецъ твой Колскаго острога Борисоглѣбской церкви священникъ Симеонъ: въ прошломъ Государь 7202 (1694) году присланъ твой архіерейской указъ Печенского монастыря къ игумену Іосифу съ братьею велено ему игумену, по тому твоему архіерейскому указу, той Борисоглѣбской церкви приходцкимъ Лопарямъ учинить мнѣ богомольцу твоему полюбовному договору руга въ годъ, чемъ бы мнѣ богомольцу при той церкви питатца, и по той записи они Лопари писанную ругу ко мнѣ въ прекормленіе исправляли; и въ той же записи написано: буде которой изъ нихъ Лопарей въ духовенствѣ мнѣ богомолцу твоему исповедаетца и отъ исповѣди опредѣлили мнѣ доходу давать по шти денегъ съ человѣка; толко я богомолецъ твой сказывалъ имъ, что отъ исповѣди руга священникамъ не водитца и они Лопари люди дикіе, въ томъ меня богомолца твоего не послушали и сказали: это де исповѣдаетца, тотъ де по шти денегъ руги ему и дастъ, а это де не исповѣдаетца, тотъ де мнѣ тою ругу и не дастъ. И нынѣ ты Государь съ тое записки благоволилъ взять въ Казенной Приказъ списокъ, и впредь ты Государь противъ той записки отъ исповѣди по шти денегъ съ человѣка мнѣ богомольцу не повелѣлъ имать. А вѣчно они государь Лопари къ той церкви приходятъ, а родителей своихъ не поминаютъ, и общаго синодика у нихъ и особыхъ поминаній нѣтъ и до днесь. Милостивый Государь Преосвященный архіепископъ Аоанасій Холмогорскій и Важескій! пожалуй меня богомолца своего повели мнѣ богомольцу твоему учинить синодикъ при той церкви и имъ Лопаремъ родителей своихъ въ тотъ синодикъ за-

писывать и особые помяновенія имъ давать и я богомолецъ твой тѣхъ родителей ихъ поминать буду, а исповѣдную ругу по шти денегъ съ Лопаря вели Государь вмѣнить мнѣ за помяновеніе родителей ихъ, чтобъ мнѣ тоя руги не отбыть. потому что при той церкви живу я въ самой скудости, и о томъ Государь вели дать мнѣ богомольцу свой архіерейской указъ. Государь Преосвященный архіепископъ смилуйся. Попъ Симеонъ руку приложилъ.

7204 (1696) года мая въ 18 день. Преосвященный архіепископъ, слушавъ сей челобитной, указалъ ему Симеону ту руги збирать съ приходцкихъ ево Лопарей по алтыну съ человѣка повсягожды, а родителемъ имъ Лопарскимъ написать синодикъ и поминать души ихъ по чину святыя Христовы церкви и быть тому синодику въ той церкви вѣчно неотемлемо, о томъ дать священнику указъ, а болше того числа руги отъ помяновенія родителей ему не имать.

II [1]).

Въ мартѣ 1696 года монахи Кольскаго острога Троицкого Печенского монастыря, въ числѣ 11 человѣкъ и вкладчики монастыря, кольскіе жители и стрѣльцы, въ числѣ 12 человѣкъ. послали Преосвященному Аѳанасію, архіепископу Холмогорскому и Важескому, челобитную, въ которой, между прочимъ, писали, что игуменъ ихняго монастыря Іосифъ, находится въ Москвѣ, гдѣ онъ бьетъ челомъ Государю о монастырскихъ многихъ нуждахъ, а при отъѣздѣ своемъ въ Москву, игуменъ поручилъ надзоръ за монастыремъ монаху Павлу; „нынѣ же Государь, къ намъ въ монастырь пришли къ промыслу съ многія покрутныя люди и къ церковному строенію пришло 12 человѣкъ плотниковъ, по игуменскимъ и по ево Павловымъ писмамъ, и на тѣ наши промыслы тѣхъ покрутныхъ людей послать и у церковнаго строенія плотниковъ наряжать и надсматривать надъ ними некому и въ монастырѣ же Государь у насъ убогихъ монаховъ нынѣ велика хлѣбная и денежная нужда. и никто насъ убогихъ безъ игумена не ссужаетъ, кромѣ его Павла, и ни въ чемъ не вѣрятъ, а его монаха Павла многіе люди вѣдаютъ и его ссужаютъ и вѣрятъ и отъ начальныхъ людей и отъ сторонніхъ нападковъ святую обитель онъ монахъ Павелъ остерегаетъ, и окромѣ его изъ насъ монаховъ никто церковнаго обыкновенія и монастырскаго строенія и работнимъ людемъ наряду никто не знаетъ, потому что мы всѣ безграмотныя и просцы“. Поэтому они просятъ оставить у нихъ, для заботъ о монастырскихъ нуждахъ, монаха Павла, котораго потребовалъ къ себѣ, въ Холмогоры архіепископъ Аѳанасій. Эту челобитную отвезъ по прошенію монаховъ, монастырскій священникъ Симеонъ Борисовъ. Выслушавъ челобитную, архіепископъ велѣлъ допросить посыльщика священника Симеона о томъ, сколько человѣкъ въ Печенскомъ монастырѣ монаховъ, кто откуда родомъ, какого званія былъ въ мірѣ, давноль постриженъ въ монашество, каково кто проводитъ житье въ иночествѣ, тоже самое и о вкладчикахъ; какое у нихъ церковное строеніе заводится, и какими морскими промыслами занимаются, и сколько судовъ на промыслы отпускаютъ, и съ иноземцами какіе и о чемъ у нихъ бываютъ сдѣлки.

А въ допросѣ сказалъ онъ, Симеонъ, по священству истинную правду: въ томъ-де вышеписанномъ Печенскомъ монастырѣ братьи монаховъ четырнадцать человѣкъ, да вкладчиковъ двѣнадцать человѣкъ и въ томъ-де числѣ: монахъ Тихонъ прозва-

---

[1]) Изъ архива Холмогорскаго собора.

ніемъ Кабакукшинъ, породою Керечанинъ, Соловецкаго монастыря бобыль, лѣтъ совершенно престарѣлъ и очми мало видитъ, грамотѣ не ученъ, постриженикъ того-жъ Печенскаго монастыря, а колко лѣтъ монашествуетъ, того-де онъ, Симеонъ, не знаетъ; а свойственниковъ де у него въ Колѣ и въ Печенскомъ монастырѣ нѣтъ, а живетъ де онъ въ томъ монастырѣ келаремъ года съ четыре, хмельное питье пьетъ въ пьянство, только не всегда, а въ росправѣ мірской за старость и за недоумѣніе не искусенъ и во правѣ мало постояненъ.

Монахъ Алимпій, породою и прозваніемъ Лопинъ, того жъ Печенскаго монастыря крестьянинъ Мотовскихъ погостовъ, лѣты старъ же и зрѣніемъ велми скуденъ, грамотѣ не ученъ, постриженикъ того-жъ Печенскаго монастыря, а колко лѣтъ онъ монашествуетъ, того де онъ, Симеонъ, не знаетъ, а свойственниковъ де у него въ томъ монастырѣ и въ Колѣ никого нѣтъ, а есть де у него свойственники въ лопарскихъ погостахъ, толко въ далномъ разстояніи отъ монастыря, и живетъ де онъ въ томъ монастырѣ казначемъ года съ четыре, хмелнаго питя держитца не вмалѣ, а похищеніе монастырской казны онъ чинитъ или не чинитъ, того де онъ, Симеонъ, не знаетъ, а житьемъ де онъ смиренъ и межъ братіи любовенъ, а въ росправѣ монастырской ничего не знаетъ.

Монахъ Силвестръ, прозваніемъ Молвистой, живетъ въ рядовомъ братствѣ, породою Коланинъ, и въ мірѣ былъ въ Колѣ-жъ въ стрѣльцахъ, лѣты не молодъ, толко еще въ силѣ, постриженикъ того жъ Печенскаго монастыря, а монашествуетъ года съ три; у него жъ въ Колѣ есть посестріе и сыновья женатые и внучата и многіе родственники, и тотъ де монахъ житье живетъ своеволное, съ братію малосогласное и пьянственнаго питья держитца не вмалѣ; да слыхалъ де тоя обители отъ братіи, что де за нимъ есть и монастырской казны въ похищеніи не мало, какъ онъ былъ посланъ къ Москвѣ за монастырскими дѣлы; и съ братьею живетъ де онъ, Силвестръ, болше ропотно, нежели согласно.

Монахъ Илья Кузнецъ, прозваніемъ Пульчакъ, въ мірѣ былъ житель колского-жъ острога, грамотѣ не ученъ, и есть де у него въ Колѣ посестріе и дѣти, лѣти де совершенъ къ старости, постриженикъ того-жъ Печенскаго монастыря, а колко тому лѣтъ какъ монашествуетъ, того де онъ, Симеонъ, не знаетъ, толко де онъ живетъ житье совершенно пьянственное и монастырскіе избытки, гдѣ что можно, похищаетъ воровски, да и постригся де онъ въ иночество отъ бѣды, которая приключилась ему отъ воровства.

Монахъ Серафимъ, житель былъ колского-жъ острога, а посадской человѣкъ или стрѣлецъ, того де онъ, Симеонъ, не знаетъ; грамотѣ не ученъ, и есть де у него въ кольскомъ острогѣ посестріе и дѣти—сыновья женатые и дочери замужнія и зятья и внучата, а постриженикъ онъ того-жъ Печенскаго монастыря, а монашествуетъ года съ четыре, лѣты престарѣлъ, житье живетъ къ воздержанію посредственно и въ трудахъ де послушенъ, толко де къ посестрію и къ дѣтямъ его имъ дачею монастырскаго избытку желаніе имѣетъ.

Монахъ Арсеній, прозваніемъ Сусловъ, житель колского-жъ острога, былъ посадскаго человѣка сынъ, а отъ рожденія де ему лѣтъ 30 или и меньше, женатъ не бывалъ, постриженикъ того жъ Печенскаго монастыря, грамотѣ не ученъ, а монашествуетъ лѣтъ пять или шесть, житье живетъ къ пьянству желателное и на кабакъ для напитку бываетъ нерѣдко, и на ту потребу, слыхалъ онъ, что чинитъ изъ монастырскихъ избытковъ похищеніе, а свойственники есть де у него въ Колѣ: мать и братья, и дядя и иные сродники. И по отписки де съ Москвы того жъ Печенскаго монастыря игумена Іосиоа велѣю послать къ нему изъ монастыря къ Мо-

сквѣ въ помощь за монастырскими дѣлы монаха, для того, что де онъ тамо живетъ одинъ, и того де Арсенья послали къ нему, игумену, изъ монастыря къ Москвѣ съ нимъ священникомъ Симеономъ вмѣстѣ, какъ онъ поѣхалъ на Холмогоры марта въ 31 день, и доѣхалъ де онъ съ нимъ до Сумскаго острога, и тутъ похотѣлъ забавитися напиткомъ и остался отъ него, и сказалъ ему, священнику, что де онъ къ Москвѣ не ѣдетъ, а поѣдетъ де въ Соловецкой монастырь, а на проѣздъ до Москвы дано де ему было изъ Печенскаго монастыря четыре рубли денегъ.

Монахъ Іаковъ, пришлой человѣкъ, по вѣдомостямъ заонежанинъ, Корелянинъ породою, отъ рожденія лѣтъ двадцати, грамотѣ не ученъ, свойственниковъ у него въ Колѣ и въ монастырѣ никого нѣтъ, а монашествуетъ де онъ года съ три, а пьянства держитца съ желаніемъ, толко живучи въ братствѣ послушенъ.

Монахъ Калистъ въ мірѣ былъ Кольскаго острога стрѣлецъ, лѣты средовѣченъ, постриженикъ того-жъ Печенскаго монастыря, а монашествуетъ года съ два, у него-жъ де въ Колѣ есть посестріе и сынъ и братья и иные сродники, а житіе де живетъ онъ совершенно пьянственное, мало и съ кабака сходитъ, а грамотѣ онъ не ученъ, а монастырскаго ничего ввѣрить ему невозможно; а того и назираетъ, чтобъ монастырское уволочи тайно.

Монахъ Гурей, Мезенскаго уѣзда, а которой волости былъ онъ житель, того онъ, Симеонъ, сказать не знаетъ, монашествуетъ года съ два, а живучи въ братствѣ послушенъ, толко человѣкъ онъ пьянственной же; а лѣтъ де онъ нынѣ въ полчетвертацать, грамотѣ не умѣетъ.

Монахъ Ефремъ, вышеописанному старцу Калисту братъ родной, а въ мірѣ былъ стрѣлецъ Колской, а монашествуетъ онъ года полтора, а житіе преходитъ онъ пьянственное и непотребное, во всемъ подобно вышеписанному брату его, монаху Калисту; у него-жъ есть посестріе и братья и иные сродники, а лѣтъ онъ въ тридцать и менше, а постригся онъ отъ многихъ своихъ долговъ, грамотѣ не ученъ.

Монахъ Исаія былъ стрѣлецъ Колскаго-жъ острога, постриженикъ того-жъ Печенскаго монастыря, а монашествуетъ онъ года съ три или менше; и въ Кольскомъ острогѣ есть у него дѣти и внучата и иные сродники, и къ тѣмъ своимъ сродникамъ онъ прибѣгаетъ и человѣкъ онъ упивчивый, а лѣты онъ совершенно престарѣлъ.

Іеромонахъ Геронтій, что сія зимы посвященъ преосвященнымъ архіепископомъ въ тотъ же Печенской монастырь въ іеромонахи, въ мірѣ былъ житель Кольскаго острога посадской молодчой человѣкъ, а постригся онъ въ прошломъ 203 году въ осень по нуждѣ отъ начетнаго на него хлѣба, какъ онъ въ прошлыхъ годѣхъ у пріему и раздачи государева хлѣба на жалованье служилымъ людемъ былъ цѣловальникомъ; а въ мірѣ де онъ жилъ житіе пьянственное-жъ, а нынѣ онъ іеромонахъ остался отъ него, Симеона, въ монастырѣ лежитъ ногами велми скорбенъ; а въ Кольскомъ острогѣ есть у него, Геронтія, посестріе и дѣти и братья и иные сродники.

Монахъ Павелъ, о которомъ вышеписанное челобитье настоитъ, былъ въ мірѣ того-жъ Кольскаго острога Воскресенской церкви священникъ Петръ, постригся онъ въ монашество въ прошломъ году объ одно время съ вышеписаннымъ іеромонахомъ Геронтіемъ, а житіе онъ въ монашествѣ нынѣ преходитъ доброе, а сродниковъ де у него въ Колскомъ острогѣ есть мать, лѣты престарѣла, и зятья и племянницы.

Монахъ Ириархъ, прозваніемъ Чистикъ, которой прежъ сего жилъ въ Кандалажскомъ монастырѣ и учинилъ онъ отъ пожару разореніе, а въ Печенской мона-

стырь пришелъ онъ, Иринархъ, нынѣшняго 204 года зимою, а житіе живетъ межъ братствомъ ропотливое и изъ монастыря въ мірскіе домы ходитъ ночасту, невѣдомо для какого случаю. А у которыхъ вышеписанныхъ монаховъ есть въ Колскомъ острогѣ посестрія и дѣти и сродники, и они де къ нимъ въ домъ ходятъ, а для чего ходятъ, того де онъ не знаетъ.

А вкладчики де того-жъ монастыря бѣлцы, рожденіемъ всѣ Колского острога, а живутъ они внѣ монастыря, въ Колскомъ острогѣ; и питаются они отъ своихъ трудовъ, а вклады у нихъ въ монастырь дѣланы самые малые, и изъ монастыря ничего имъ не идетъ; толко де приходятъ они вкладчики въ монастырь о праздникахъ и ихъ тогда на монастырѣ кормятъ, а нарочитыхъ де въ тѣхъ вкладчикахъ и прочныхъ людей по услугѣ нѣтъ, все де люди престарѣлые, а нині есть и упьянчивые. Далѣе священникъ Симеонъ показалъ о постройкѣ двухъ новыхъ церквей въ монастырѣ вмѣсто сгорѣвшихъ, и о монастырскихъ морскихъ и рѣчныхъ рыбныхъ промыслахъ; между прочимъ онъ сказалъ: „да въ ихъ же монастырское згодье въ Мотовскую губу заганиваютъ морскіе волки звѣрей китовъ на сушу, толко не по вся годы, и отъ тѣхъ де китовъ бываетъ въ монастырь прибытокъ не малой, для того, что де китовое сало емлютъ и продаютъ иноземцамъ цѣною противъ тресковаго же сала, толко де и въ томъ бываетъ у нихъ отъ безлюдства и отъ похищенія посланныхъ истеря не малая“. По выслушаніи допросныхъ рѣчей, архіепископъ Аѳанасій приказалъ вмѣсто келаря быть строителемъ Печенскаго монастыря монаху Павлу, а въ казначеи въ тотъ монастырь прінскать монаха доброжителного изъ другого монастыря, сдѣлать точный учетъ въ приходѣ и расходѣ монастырскихъ суммъ и имущества „а черицовъ, которые въ томъ монастырѣ живутъ пьянственно и зазорно и къ свойственнымъ ихъ людемъ въ Колской острогъ для пьянства ходятъ и монастырскому иждивенью чинятъ похищенье, и тѣхъ черицовъ смирить имъ строителю и сыну боярскому, при братьи, плетми безъ пощады, чтобъ такъ дѣлать имъ и нимъ впредь не повадно было, а черица Арсенья, которой посланъ былъ къ игумену того монастыря къ Москвѣ и остался въ Сумѣ, велѣть, сыскавъ, выслать на Холмогоры.

Для полноты характеристики иноковъ Печенскаго монастыря, слѣдуетъ еще прибавить, что самъ строитель Павелъ, который, по словамъ священника Симеона *„преходилъ доброе“*, черезъ нѣсколько лѣтъ былъ заподозрѣнъ въ житіи болѣе безнравственномъ, нежели остальные его сподвижники. Въ памяти архіепископа Аѳанасія іеромонаху Лаврентію да подъячему Ѳедору Печаеву 1701 г. ноября 13-го написано: „Да вѣдомо преосвященному Аѳанасію учинилось, что къ бывшему той (Печенской) пустыни строителю Павлу Холмогору приходятъ въ келью робята невозрастные и ночуютъ, и онъ съ ними пьянствуетъ, и вамъ тѣхъ робятъ распросить вправду накрѣпко, кто имянно и чьи робята къ нему Павлу къ келью ходятъ и ночуютъ, и буде они не учнутъ правду сказывать и ихъ бить плетми нещадно и спрашивать у нихъ съ нимъ Павломъ о познати прямой правды, и буде скажутъ они случай и познать свою съ нимъ Павломъ какую непотребную и богомерскую и его Павла противъ ихъ распросныхъ рѣчей распросить же накрѣпко, и буде онъ учнетъ въ тѣхъ съ ними случьяхъ запиратца и ему дать очную ставку со всякимъ порознь и съ очной ставки, въ чемъ доведетца, розыскать, и тотъ розыскъ за руками привезть тебѣ Ѳедору въ казенный приказъ, а его Павла до указу Преосвященнаго архіепископа держать въ той пустыни скована за карауломъ ...а по тѣхъ робятахъ, которые съ нимъ въ непотребной познати явятца, что ихъ къ Преосвященному архіепископу поставить, буде онъ ихъ укажетъ, взять поручные“. Впо-

слѣдствіи этотъ Павелъ былъ сосланъ, вѣроятно по настоящему дѣлу, въ Соловецкій монастырь на покаяніе.

III [1]).

Выписки изъ жалованной грамоты 1697 г.

Въ купчей 7128 (1620) году написано: Никита Васильевъ Нотозерскій Лопарь продалъ Печенскаго монастыря игумену зъ братьею на Туломѣ рѣкѣ подъ падуномъ свой участокъ одинъ красную рыбу семгу въ нижнихъ тоняхъ котелные моста: опрочь Каменя и Лахты, впрокъ безъ выкупу, денегъ взялъ сорокъ алтынъ. Въ данной 7128 году Нотозерскій лопарь Харитонъ Юрьевъ зъ женою Марьицею дали вкладомъ въ Печенской монастырь угодье свое, что у него на Туломѣ рѣкѣ межъ Лопарями, опричь монастырскія половины подъ падуномъ во всѣхъ своихъ рыбныхъ ловляхъ красные рыбы семги и въ гребныхъ озеркахъ и въ звѣриныхъ угодьяхъ и въ бобровыхъ юнѣхъ, чѣмъ онъ Харитонко владѣлъ и въ заборѣ выше падуна, и Шовну рѣчку, а что буде доведетца въ городовую подѣлку и въ подводы и во всякіе лопскіе расходы по разчету съ тово угодья и то тянуть Печенскимъ старцамъ. Въ данои 7129 году Никитка Васильевъ Нотозерскій Лопарь зъ женою Аѳросиньицею да съ сыномъ Васкою дали въ Печенской монастырь за двадцать за пять рублевъ вкладомъ впрокъ во вѣки свое владенье на Туломѣ рѣкѣ подъ падуномъ красные рыбы ловли подъ Каменемъ и въ Лахтѣ двѣ четверти со сминою; да въ тѣхъ же тоняхъ и въ котелныхъ мѣстахъ и въ Замейкѣ въ заборѣ десять участковъ промежъ Нотозерскими и Сенгелскими Лопари, а игумену зъ братіею за тотъ вкладъ его Никитку въ монастырь покоить, какъ и прочихъ вкладчиковъ и братью, до его смерти, а женѣ его и сыну давать изъ монастыря по три мѣры муки ржаной на годъ со 129 году впредь до ихъ смерти; да съ того жъ его угодья игумену зъ братіею платить расходъ съ Нотозерскими Лопарями вмѣстѣ. Въ данои же 129 году Нотозерской Лопарь Кипріянко Романовъ съ сестрою Ульянкою дали вкладомъ въ Печенской монастырь впрокъ свое угодье, что далъ въ тотъ монастырь дѣдъ ихъ Денисko Яковлевъ за себя и за жену свою и за нихъ внучатъ на Туломѣ рѣкѣ подъ падуномъ въ рыбныхъ ловляхъ, вотчинное свое и прикупного и наемного полосма участка кореныхъ, да семь участковъ за хребетныхъ, да полняты четверти носныхъ въ лахтѣ и подъ каменемъ и котельныя мѣста и съ нижними тонями и въ верхнемъ заборѣ противъ участковъ кореныхъ, чѣмъ дѣдъ ихъ Денисko владѣлъ изстари.

Въ отписи 127 году Нотозерскіе Лопари староста Агѣйко Прокофьевъ да Еѳремко Ѳедоровъ участники подпадунскіе во всѣхъ своихъ товарищевъ мѣсто, которые промышляютъ отъ падуна, дали отпись Печенскаго монастыря игумену зъ братіею за ихъ промыслъ за старца Досифея по его розвыткѣ, что межъ ими была его Досифѣева розвытка въ промыслу, а взяли рубль пять алтынъ три деньги за 127 годъ. Въ купчей 142 года Маринка Яковлева дочь Нотозерка Клементьевская жена зъ дѣтьми съ Ивашкомъ да съ Исачкомъ, продали Печенскаго монастыря игумену зъ братіею участокъ свой по Туломѣ рѣкѣ подъ падуномъ ловли красной рыбы, что ей Маринкѣ зъ дѣтми межъ ими Печенского монастыря въ ловляхъ въ однѣхъ жеребьяхъ доведетца, 142 году впрокъ безъ выкупу, а взяли за все денегъ пять рублевъ. Въ

---

[1]) Грамота доставлена свящ. Нотозерскаго прихода Г. Терентьевымъ.

кабалѣ 145 году Нотозерскій Лопарь Ивашко Никитинъ занялъ у Колянъ у Антипки да у Ѳетки Сусловыхъ пять рублевъ двадцать три алтына двѣ денги, а заложилъ въ тѣхъ денгахъ свое падунское угодье, чѣмъ онъ владѣлъ и промышлялъ до сроку до Петрова дни 146 году безъ росту, а по сроцѣ имъ Антипкѣ и Ѳеткѣ та кабала купчая и отводная впроки безъ выкупу. Въ даной 154 году Нотозерскій Лопарь Никитка Михайловъ далъ въ Печенской монастырь вкладомъ владѣнья своего угодья рыбные ловли на Туломѣ рѣкѣ подъ падуномъ въ лопской четверти подъ Каменемъ и въ Лахтѣ и въ падунскомъ заборѣ и зарѣчныхъ неводныхъ ловляхъ во всей лопской чети пятнадцатая рыба за девять рублевъ.

Въ писцовой книгѣ Василья Агалина 1574 г. написано: погостъ Сонгела стоитъ надъ лѣшимъ озеркомъ, а въ немъ живутъ Лопари крещеные въ вежахъ, всего восмь вежъ, людей въ нихъ двадцать одинъ человѣкъ, а угодья у нихъ лѣшіе рѣчки и озера, Шуло-озеро, рѣчка Павія, Черво-озеро, рѣчка Черья, Мавно-озеро, Ворнакъ-озеро, рѣчка Керія, Мочасцо-озеро, рѣчка Мочасцо, Ловно-озеро, рѣчка Ловно, Енгосъ-озеро, рѣчка Енгосъ, Куной озеро, рѣчка Куня; а ловятъ они на тѣхъ на всѣхъ рѣчкахъ бобры, а въ озерахъ ловятъ бѣлую рыбу, да они жъ владѣютъ съ Нотозерскими Лопари на рѣкѣ на Туломѣ, а ловятъ красную рыбу семгу во всѣхъ промыслахъ опричь верхняго забору, да и Нотозеро, да съ ними жъ за одинъ вѣдаютъ, а вѣдаютъ они тѣ рыбные ловли, угодья, рѣчки и озера, лѣшіе и рѣку Тулому и Нотозеро, бобровые ловли и всякіе ухожьи промежъ себя сами изстари, а межа имъ съ монастырскими угодьи Печенского монастыря по Бабъ-озеро, по Кардовараку, а по другую сторону отъ Нотозерскихъ Лопарей, Нотозеро по Глубокой ручей.

Погостъ Нотозеро стоитъ надъ рѣкою надъ Конею, а въ немъ Лопари живутъ крещеные тяглые, а не пашенные, въ вежахъ, всего девятнадцать вежъ, а людей въ нихъ двадцать восемь человѣкъ, а угодья у нихъ Совно-озеро, Керсо-озеро, Чесмонно-озеро, рѣчка Улита, Печь-озеро, рѣчка Печь, да Космо-озеро, Косморучеекъ, рѣчка Руднавъ, рѣчка Писта, рѣчка Водонга, Мела-озеро, Пара-озеро, рѣчка Вуя и съ ручейки, Суда-озеро, Гирвасъ-озеро, рѣчка Гирвасъ и съ ручейки, Товадь-озеро, рѣчка Товадь и съ ручейки, Кочкомо-озеро, рѣчка Кочмога, рѣчка Рявья и всего двенадцать озеръ да десять рѣчекъ, да два ручейка, и по тѣмъ озерамъ ловятъ бѣлую рыбу, а въ рѣчкахъ и въ ручейкахъ бобры бьютъ и красную рыбу семгу ловятъ, да того жъ погоста Нотозерскаго Лопарей на рѣкѣ на Туломѣ по выше падуна заборъ, а ловятъ въ немъ красную рыбу семгу сѣтми отъ коньскія межи отъ Кальи. Буки вверхъ по рѣкѣ по Туломѣ до верхняго падуна да ихъ же угодье Нотозеро, а ловятъ на немъ бѣлую рыбу, а тѣ они свои угодья рѣчки и озера и ручейки вѣдаютъ промежъ себя изстари по своимъ крѣпостямъ, а въ рѣкѣ Туломѣ опричь верхняго забора и въ Нотозерѣ Сонгельскаго погоста жильцы вѣдаютъ съ ними вмѣстѣ изстари по своему Лумвому угодью.

IV [1]).

1734 года, Генваря 26 дня, Колского Печенского монастыря строитель іеромонахъ Инокентій съ братіею отдали своего монастырского владѣнія ловъ красной рыбы семги рѣку Болшую Лицу того-жъ Печенского монастыря Мотовского пого-

[1]) Изъ архива Холмогорскаго собора.

ста крестьяномъ Ѳилину Харлову и всѣмъ того погоста крестьяномъ же на сей 734 годъ изъ оброку, а оброку ряжено денегъ пятнатцать рублевъ да дватцать рыбъ семги, а на соленіе тои рыбы соль дать имъ Лопарямъ монастырскую.

Въ томъ имъ Лопарямъ и писмо дано. Вышеписанные Лопари писмо для владѣнья реки Болшей Лицы взяли; въ томъ по ихъ прошенію капралъ Алексѣй Воноготкинъ руку приложилъ.

Мая 12 дня вышеписаннымъ Мотовского погоста Лопарямъ Михайлу Харлову съ товарищы велено выдать отъ Нотобарта въ промыселъ денегъ десять рублевъ.

—

Генваря 26 дня Колского Печенского монастыря строитель іеромонахъ Иннокентій отдалъ своего монастырского владѣнія того-жъ Печенского монастыря крестьяномъ своимъ Лопаремъ Печенскимъ рѣку Печенгу и Ворему, а кортомы ряжено на сей 734 годъ съ Воремы семь рублевъ дватцать копѣекъ, а Печенга рѣка отдана имъ же Лопарямъ Петру Стѳѳанову и со всѣми того погоста Лопарями, а что Богъ дастъ въ уловѣ рыбы семги, и съ того промысла привесть всю рыбу по монастырскому прежнему контракту торговому иноземцу Нотобарту, а по пріѣздѣ съ рыбою явитца въ Печенскомъ монастырѣ и всъ того рыбного промысла, что надлежитъ по договору, денги отъ иноземца за насъ Лопарей брать въ монастырскую казну, изъ половины рѣки Суховой и за старые монастырскіе долги они Лопари повинны платить во оной монастырь повсегда безпрекословно.

Мая дня вышеписаннымъ Печенского погоста Лопаремъ Петру Степанову съ товарищы велено выдать въ промыселъ отъ Нотобарта дватцать рублевъ.

У вышеписанныхъ Лопарей взято въ платежъ десять мѣръ ржы, цена восемь рублевъ.

V [1]).

По грамотѣ 1658 г., марта 27, царь Алексѣй Михайловичъ одну половину рѣки Поноя да половину Лахты съ рыбными ловлями да половину оброчнаго погоста Поноя, чѣмъ владѣлъ боярин Никита Ивановичъ Романовъ, да половину Екопги, что была за Сійскимъ монастыремъ, съ обитающими въ тѣхъ мѣстахъ Лопарями, пожаловалъ Крестному монастырю, на островѣ Кіѣ, въ нынѣшнемъ Онежскомъ уѣздѣ, а другую половину тѣхъ же рѣкъ и погостовъ Воскресенскому монастырю Новаго Іерусалима, въ Московскомъ уѣздѣ. Этими мѣстами и обитающими тамъ Лопарями Воскресенскій и Крестный монастыри владѣли до 1704 г.; а съ 1704 до 1728 г. они отдавались изъ оброка откупщикамъ торговымъ людямъ. Въ 1729 г., по царской жалованной грамотѣ, ихъ снова возвратили Воскресенскому и Крестному монастырямъ. 18 февраля 1746 года жалованныя грамоты упомянутымъ монастырямъ вновь были подтверждены. Между тѣмъ въ 1746 г. открылось, что на значительную часть этихъ самыхъ мѣстъ, еще въ 1736 году, откупщикъ посадскій человѣкъ Яковлевъ написалъ и совершилъ у крѣпостныхъ дѣлъ въ Архангельскѣ запись съ Лопарями, будто бы онъ взялъ ихъ у Лопарей на оброкъ съ 1733 г. впредь на 19 лѣтъ за сумму 3,420 руб., которую будто бы выдалъ впередъ Лопарямъ. Вслѣдствіе ходатайства игумена Крестнаго монастыря, по указу Правительствующаго Сената отъ 25 февраля 1846 года, наряжено было изслѣдованіе дѣйствій Яковлева.

---

[1]) Изъ архива Холмогорскаго собора.

Приводимыя при этомъ показанія Лопарей и самая запись дають ясное понятіе о настоящемъ дѣлѣ.

Мірской староста Антонъ Ивановъ, сынъ Телвашевъ, Тулванскаго погоста, показалъ: въ прошломъ 1736 году въ Архангелогородской губерніи у крѣпостныхъ дѣлъ крѣпости холмогорцу Михаилу Яковлеву на откупъ рекъ Поноя, Еконги и Лахты отъ 733 году впредь на девятнатцать лѣтъ не отдавывали и денегъ у него напередъ трехъ тысячъ четырехъ сотъ дватцати рублевъ не получивали и у города Архангельскаго оная крѣпость кѣмъ ему совершена и отдана, того онъ, Телвашевъ, не знаетъ, токмо по пріѣздѣ онаго Яковлева въ село Поной лѣтнымъ временемъ, а въ которомъ году и мѣсяцѣ, того онъ, Телвашевъ, не памятуетъ, по прозбѣ его въ ономъ селѣ Поноѣ, напоивъ его, Телвашева, пьяна, и въ томъ его, Телвашева, пьянствѣ, съ принужденія онаго Яковлева, ко оной крѣпости или записи, того онъ Телвашевъ не памятуетъ, простотою своею клеймо приложилъ; къ тому-жъ онъ, Телвашевъ, не токмо грамотѣ умѣетъ едва и руской языкъ знаетъ, и о томъ онъ, Телвашевъ, показалъ самую сущую правду, подъ опасеніемъ за неправое показаніе нанжесточайшаго истязанія, отъ роду ему пятьдесятъ два года. Къ сему допросу прошеніемъ Антона Телвашева Понаяхимъ Сидоръ Русиновъ руку приложилъ. При томъ же допросѣ онаго Телвашева клеймо приложено своеручно.

Тоже самое, относительно крѣпости, показалъ Лопарь Еконскаго погоста Осипъ Яковлевъ Даниловъ.

Лопари Еконскаго погоста: Аника Матвѣевъ Матвѣевъ, Евстратъ Васильевъ Даниловъ, Спиридонъ Васильевъ Софьинъ, Лундайскаго погоста Василій Осиповъ Бородинъ, Пурнацкаго погоста Леонтій Васильевъ Старуновской и Каменскаго погоста Даніилъ Макаровъ Матрехинъ показали, что они никакой записи Яковлеву не давали, денегъ отъ него не брали и клеймъ своихъ къ записи не прикладывали.

1749 году, Сентября 30 дня, въ Крестовскомъ Духовномъ Правленіи вѣдомства того Правленія Архангелогородцкой губерніи, Колскаго уѣзду, вотчины Крестнаго монастыря, Понойскаго изъ лопскихъ Лундайскаго погоста, изъ лутчихъ крещеной Лопарь Василій Осиповъ, сынъ Бородинъ, присланнымъ въ тотъ Крестной монастырь на препитаніе сержантомъ Потаномъ Андреевымъ привезенъ и допрашиванъ, а въ допросѣ показалъ: какъ де Понойского погоста крестьяне и онѣ лопскихъ погостовъ Лопари пожалованной въ 7166 году марта 27 дня блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаловича грамотѣ отданы за Крестной и Воскресенской монастыри со всѣми доходы и съ рыбными ловли во крестьянство, и что онѣ крестьяне и Лопари имѣлись во владѣніи по 1704 годъ, онъ Бородинъ вѣдалъ, а какъ де въ томъ 704 году рыбные ловли, по силѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великаго государя императора Петра перваго указу, отошли за откупщиковъ и были по 728 годъ, а за кѣмъ имянно, того онъ сказать не памятуетъ, и въ 727 году состоялся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ о владѣніи рыбными ловлями самимъ помѣщикомъ, а объ отказѣ откупщиковъ указъ, а потомъ въ 729 году въ Верховномъ же Тайномъ Совѣтѣ о бытіи имъ Понойскимъ крестьяномъ и Лопарямъ съ рыбными ловлями за тѣми монастырями вышеименованная жалованная грамота ихъ императорскаго величества императора Петра втораго подтвержденіемъ подписана, и когда въ томъ 729 году посланъ былъ отъ Крестнаго монастыря промышленникъ іеромонахъ Захарія Остриковъ съ той грамоты о послушаніи и о рыбныхъ ловляхъ понойскимъ крестьяномъ и имъ Лопарямъ копію, а Крестнаго монастыря отъ властей съ братіею наказъ объявилъ, то они въ послушаніи тѣмъ монастырямъ быть и въ ловлѣ

рыбныхъ промысловъ никакой противности чинить не будутъ обязались подписками; а потомъ Архангелогородской губерніи изъ холмогоровъ сыскали Михайло Яковлевъ, онъ же и Панфиловъ, желая себя обогатить, подговорилъ ихъ простяковъ Лопарей и привелъ въ соблазнъ съ тѣми монастырями въ рыбныхъ ловляхъ быть противными, подозвалъ ихъ понойскихъ крестьянъ наилучшаго коварника, грамотѣ читать писать художнаго, Сидора Русинова, да его простяка Бородина, въ такой надеждѣ, чтобъ отъ тѣхъ монастырей и исповѣданія отрѣшится, а быть во владѣніи за онымъ Панфиловымъ, и тотъ Панфиловъ сволокъ ихъ Русинова и Бородина за такимъ противнымъ челобитьемъ въ Москву, гдѣ онѣ шатались съ ходбою и пробытіемъ въ Москвѣ—онъ, Бородинъ, съ Покрова до великаго поста первыя недѣли, и ничего не получа, отпущенъ онымъ Панфиловымъ и Русиновымъ въ домъ его, а онъ де Панфиловъ и Русиновъ за тѣмъ же устремилися въ Санктпитербургъ и тамо проволочились згодишное время, однако же и тамъ ничего не получили-жъ. а по прибытіи отъ С.-Питербурга еще оной же Панфиловъ, ухитряся, минувъ понойскихъ крестьянъ, которые ко владѣнію рыбныхъ ловель и къ содержанію всякой вѣрности найкрѣпчайшіе по близости быть могли хрестьянъ въ 1733 году, бывши въ Поноѣ, ихъ бѣдныхъ простяковъ и невѣдующихъ силы закопа Божія Лопарей прелстилъ и оболгалъ, составилъ черновое письмо, будто бы де они Лопари за поноЙскіе и протчіе рыбные промыслы отъ того 1733 году впредъ на девятнатцать лѣтъ у его Панфилова оброку напередъ взяли три тысячи четыреста двадцать рублевъ денегъ; а потомъ въ 736 году въ Архангелогородской губерніи у крѣпостныхъ дѣлъ на то черновое писмо своимъ лукавствомъ составилъ и взялъ крѣпость, а кто при томъ были писцы и свидѣтели, ни про что про то они не вѣдаютъ, и такой крѣпости не давывали и денегъ де подъ такіе рыбные промыслы оброку напередъ у него Панфилова ни одной копѣйки не имывали, какъ о томъ по слѣдствію отъ Кольской Воеводской Канцеляріи лопскихъ разныхъ погостовъ изъ лутчихъ Лопарей, которые во лжесоставной онаго Панфилова крѣпости именуются, допросами показано, а что де въ крѣпости его Панфилова якобы повѣреннымъ написанъ Лопскихъ Луданскаго погоста Лопарь Клементій Ѳедоровъ сынъ Кокоринъ, которому отъ нихъ Лопарей никакого вѣрчего писма въ дачѣ не бывало, а скитался онъ будучи у Архангельского города, яко единъ отъ нищихъ, а они де какъ онъ Бородинъ, такъ и прочіе Лопари отъ поноЙскихъ и другихъ семожнихъ промысловъ находятся въ лѣсныхъ жилищахъ и ближніе за пятьдесятъ верстъ, а далніе кои живутъ въ тундрахъ развѣ за триста верстъ отъ Поною и всѣ де они Лопари всѣхъ погостовъ питаются отъ озерскихъ рыбныхъ и лѣсныхъ оленьихъ промысловъ, и симъ допросомъ онъ Василій Бородинъ, памятуя уже и приближающійся себѣ смертный часъ и воздаянія комуждо по дѣламъ, сказалъ сущую правду, въ чемъ вѣрить подписаться отцу своему духовному Крестновскаго Духовнаго Правленія вѣдомства Устьенской волости Успенскому попу Петру Григорьеву.

Лѣта 1736 іюля 24 дня Колского уѣзда терскихъ и поноЙскихъ и сконскихъ Лопарей Тулванского погоста мирской староста Антонъ Ивановъ сынъ Телвашевъ и мирскіе люди Лопари сконского погоста Осипъ Акимовъ сынъ Даниловъ, Лука Ѳедоровъ сынъ Алексѣевыхъ, Аника Матвѣевъ сынъ Матѳѣевыхъ, Спиридонъ Васильевъ сынъ Даниловъ, Никифоръ Федоровъ сынъ Жеребцовъ, Каменского погоста Денисъ Матрехинъ, Федоръ Михайловъ сынъ Евстратъ Гавриловъ сынъ Матрехинъ же, Василей Осиповъ сынъ Бородинъ, Леонтій Старуновскій. Климъ Федоровъ сынъ Федоръ Макаровъ сынъ Кокоринъ и протчіе означенныхъ всѣхъ погостовъ Лопари съ общаго между собою согласія и произволенія дали сію договорную за-

пись Холмогорцу посадскому человѣку Михайлу Иванову сыну Яковлеву въ слѣдующемъ основаніе: понеже въ прошломъ 1733 годѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ отдали мы мірской староста и вышеписанныхъ погостовъ всѣ мірскіе люди, не выключая ни одного изъ насъ, ему Михайлу Яковлеву, по полюбовному между нами договору, владѣнія своего, чѣмъ изъ древнихъ лѣтъ, по высокожалованнымъ грамотамъ имянныхъ Ихъ Императорскихъ Величествъ указовъ, прадѣды и дѣды и отцы наши, а потомъ и мы владѣли, а имянно рыбныя ловли Попон рѣку съ принадлежащими къ ней угодьи половина рѣки Пялицы и по тому Терскому берегу отъ Пялицы въ Мурманской конецъ до рѣки Эконги, рѣки и тони и отъ моря въ гору пять верстъ все безъ вывѣту, окромѣ рѣки Эконги, и по ней Лахты и Красного носу, на оброкъ отъ вышеписаннаго іюня мѣсяца 733 году до предбудущаго 752 году до октября мѣсяца и того на девятнадцать лѣтъ, а оброку за тѣ рыбныя ловли и угодьи рядили мы Лопари и приняли у него Яковлева при сей договорной записи по сту по восмидесяти рублевъ на годъ, и того три тысячи четыреста дватцать рублевъ все сполна, и по сей нашей договорной записи до показанного урочнаго времяни, какъ ему Яковлеву, такъ и женѣ и дѣтямъ и наслѣдникомъ его или кому отъ него приказано будетъ помянутыми рыбными ловлями и угодьи владѣть безъ всякого отъ насъ препятствія и для того присылаемымъ отъ него Яковлева на тѣ рыбныя ловли, какъ для ловли рыбы, такъ и для протчаго неисправленія никакихъ намъ въ томъ исправленіи помѣшательствъ не чинить и въ тѣ рыбныя ловли и въ угодья какъ намъ и женамъ и дѣтямъ нашимъ, такъ и никому, ни которыми дѣлы не вступать, также никому тѣхъ рыбныхъ ловель и нималаго чего принадлежащаго до тѣхъ рыбныхъ ловель въ тѣ вышеписанные годы другимъ въ оброкъ намъ никому не отдавать, и въ томъ во всемъ ему Яковлеву и женѣ его и дѣтямъ убытка никакова не учинить, а ежели въ тѣхъ рыбныхъ ловляхъ при промыслахъ и протчихъ его Яковлева исправленіяхъ станемъ мы чинить какое препятствіе или посмѣшательство и во что нибудь принадлежащее къ тѣмъ рыбнымъ ловлямъ вступатся и оттого произойдутъ ему убытки и другіе какіе несчастливые упатки, и тѣ убытки и за оные упатки по объявленію его Яковлева съ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, что какія препятствія или помѣшательства отъ насъ чинены были, повинны заплатить деньгами безотрицательно, а буде кто въ тѣ рыбныя ловли станетъ по какимъ указамъ или крѣпостямъ вступатся, и намъ его Яковлева отъ того во всемъ очищать и убытка ему въ томъ никакова не привесть, а ежели, паче чаянія, отъ неочистки нашей тѣ рыбные ловли отъ него Яковлева какимъ чрезвычайнымъ случаемъ до оного срочнаго времени отъидутъ или взяты будутъ, то намъ старостѣ и мирскимъ людемъ и дѣтемъ нашимъ на тѣ досталные годы отдать вышеписанные взятыя деньги по сту по восмидесятъ рублевъ на годъ и съ его убытками, какіе могутъ ему притомъ чрезвычайномъ тѣхъ рыбныхъ ловель взятьѣ приключатся по его жъ объявленію безъ всякой отговорки; такожѣ ежели мы староста и мирскіе люди до вышеписаннаго сроку покажемъ неустойку и тѣ рыбныя ловли или часть изъ нихъ кому отдадимъ другимъ на оброкъ или какимъ другимъ случаемъ, то повинны мы и жены и дѣти наши заплатить ему Яковлеву за неустойку нашу за всякой годъ что будетъ въ уловѣ рыбы въ тѣхъ означенныхъ годѣхъ противъ большихъ промысловъ вдвое и съ его убытки безотговорочно и безспорно, а буде онъ Яковлевъ при тѣхъ рыбныхъ ловляхъ въ вышеозначенные урочные годы какое вновь пристроитъ хоромное и протчее строеніе или какіе заведетъ езы и протчіе заводы, чтобъ ни было, то по оныхъ срочныхъ годахъ такое строеніе и все что его пристройки вновь заведено явится у него Яковлева намъ или дѣтямъ нашимъ принять,

а за то по объявленію его Яковлева деньги намъ и дѣтямъ нашимъ ему Яковлеву отдать безспорно и никакихъ убытковъ въ томъ ему Яковлеву не учинить, а ежели паче чаянія за какою законною нуждою или за отлученіемъ въ другіе городы ему Яковлеву до срочнаго времени вышепоказанными рыбными ловлями и съ угодьи владѣть будетъ невозможно, то волно ему Яковлеву тѣ рыбныя ловли и съ угодьи до показаннаго сроку отдать въ оброкъ кому онъ похочетъ на такомъ же основаніе, какъ и сія договорная запись слѣдуетъ или какъ онъ похочетъ, токмо чтобъ болше сего не прибавливать, а что похочетъ изъ сего убавить то оставляемъ въ его волю, такожъ ежели паче чаянія (отчего Боже сохрани) ему Яковлеву учинитца смертной часъ, то по немъ оставшей жены и по ней оставшимъ же отъ нихъ кому по завѣщательнымъ ихъ писмамъ повелѣно будетъ тѣми промыслами владѣть до помянутаго срочного году, а требуемыя съ тѣхъ рыбныхъ промысловъ какъ за прошлые годы, такъ ежели и впредь спрошены будутъ оброчныя деньги или другіе какіе зборы и подати, то всѣ платить намъ Лопарямъ за вышеписанныя взятыя нами у него Яковлева деньги, а его Яковлева ни до какова-жъ убытка не довести, и во всемъ какъ ему такъ и намъ поступать противъ сей договорной записи безъ всякой отмѣны, въ томъ и сію договорную запись ему Яковлеву дали, а прежде данное ему Яковлеву отъ насъ въ прошломъ 733 году, въ которомъ договоръ объ отдачѣ тѣхъ рыбныхъ ловель состоялся, договорное писмо взяли мы у него Яковлева обратно, а для принятія сей договорной записи отъ крѣпостныхъ дѣлъ и отдачи ему Яковлеву послали мы съ общаго согласія тѣхъ же людей, которые сію запись съ нашего повѣреннаго писма и согласія писали, а имянно изъ тѣхъ же лопскихъ погостовъ изъ Лунданскаго Лопина жъ Клементья Федорова сына Кокоршна, которому въ томъ вѣримъ и въ томъ во всемъ себя своими руками и клеймами утверждаемъ. Слѣдуютъ подписи совершившихъ договорную запись и свидѣтелей. Договорную запись писалъ Архангелогородскихъ крѣпостныхъ дѣлъ копеистъ Степанъ Дмитріевъ. 1736 г. декабря 4 дня запись сія въ книгахъ у крѣпостныхъ дѣлъ записана и узаконенныя пошлины взяты.

VI.

Изъ дѣла Холмогорскаго уѣзднаго суда „о рѣкѣ Вороньей, которая въ Кольскомъ уѣздѣ, отданной Лопарями крестьянину Холмогорской округи Степану Негодяеву на владѣніе ею по договору“; началось въ 1821 г., кончено въ 1825 г. [1]).

Изъ Архангельскаго губернскаго правленія въ Архангельскую палату уголовнаго суда.

Кольскій Земскій Судъ, въ рапортѣ отъ 3 минувшаго іюля, сему Правленію доноситъ, что хотя члены онаго Суда, по предписаніямъ Губернскаго Правленія, какъ прежде употребляли всевозможное стараніе къ склоненію Воронежскихъ Лопарей на исполненіе договора съ крестьяниномъ Негодяевымъ о рѣкѣ Вороньей, равно и въ нынѣшній объѣздъ по Мурманскому россійскому берегу Земскій Исправникъ сильнѣйшимъ образомъ внушалъ имъ о томъ же, но за всѣмъ тѣмъ желаемаго Губернскимъ Правленіемъ успѣху не получили, и какъ у нихъ въ означенную рѣку съ начала лову рыбы допущенъ другой промышленникъ, и ловъ рыбы приходитъ къ окончанію, то Земскій Исправникъ вынудился изъ числа ослушныхъ Воронежскихъ Лопарей, за болѣзнію десятскаго и за разъѣздомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на промыслы

---

[1]) По архивной описи дѣло это значится подъ № 1138.

взять въ городъ Колу отъ разныхъ семействъ 4-хъ человѣкъ, для преданія суду, которые Земскимъ Судомъ, согласно сказаннымъ предписаніямъ онаго Правленія, съ приложеніемъ въ копіяхъ всей по сему предмету переписки, отосланы 1-го числа истекшаго мѣсяца въ Кольскій Уѣздный Судъ, для поступленія по законамъ.

По справкѣ оказалось: 1-е, 22 числа Генваря прошлаго 1818 года отъ Кольскаго Земскаго Суда поступило въ сіе Правленіе представленіе, въ коемъ изъяснялось прошеніе воронежскаго погоста десятскаго съ крестьяны, что они, отданную ими по договору въ 1815 году для лова рыбы Холмогорской округи крестьянину Степану Негодяеву рѣку Воронью изъ оброку, по недоплатѣ тѣмъ Негодяевымъ слѣдуемыхъ имъ за прошлые годы 675 рублей оброчныхъ денегъ, черезъ что претерпѣваютъ разореніе и въ несостояніи оплачивать государственныхъ податей, впредь съ 1819 года, отдали для промыслу Кольскому мѣщанину Василью Голодному, который обязался платить за весь погостъ въ казну, за обѣ половины года, подушныя деньги и на земскія повинности, коихъ болѣе 400 руб. въ годъ, и что Земскій Судъ, усматривая для сихъ Лопарей ощутительную пользу въ передачѣ рѣки Вороньей другому владѣльцу, договоръ съ ними засвидѣтельствовалъ и выдалъ мѣщанину Голодному, а для объявленія о семъ крестьянину Негодяеву и о томъ, что онъ въ написанномъ съ тѣми Лопарями въ 1815 году договорѣ противъ условія прибавилъ время владѣнія рѣкою, представлялъ сему Правленію, съ тѣмъ, что упомянутому Негодяеву 19 марта прошлаго 1817 года договоръ на владѣніе рѣкою Вороньею чрезъ пять лѣтъ въ томъ судѣ свидѣтельствованъ, потому что со стороны Лопарей не было оглашаемо въ семъ никакой фальши; при чемъ представилъ и копію съ договора, данную того Негодяева прикащикомъ Холмогорскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерюхинымъ означеннымъ Лопарямъ, имъ самимъ писанную и подписанную, а Лопарями въ Земскій Судъ представленную. 2) По объявленіи сего чрезъ Холмогорскій Земскій Судъ крестьянину Негодяеву, объяснился онъ письменно, что жалоба сихъ Лопарей есть вовсе несправедлива, сіе доказывается: первое контрактомъ августа 4 дня 1815 года на владѣніе ему Негодяеву рѣкою Вороньею пять лѣтъ, съ платежемъ ежегодно 175 рублей, къ которому Лопари приложили своеручно обыкновенныя свои клейма, и совершаемъ контрактъ сей былъ не лично имъ, такъ какъ онъ самъ съ 1804 года тамъ не бывалъ, а повѣреннымъ его Холмогорскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерюхинымъ, по добровольному согласію, который, яко человѣкъ постороннiй, не имѣлъ надобности ихъ обманывать для пріобрѣтенія чрезъ то ему Негодяеву интереса, и при томъ при совершеніи контракта были свидѣтели: таможенный 3 дистанціи надзиратель Викторовъ и пять человѣкъ крестьянъ, за коихъ подписался объѣздчикъ Мироновъ; второе, поелику договоръ сей заключенъ 1815 года, свидѣтельствованъ въ Кольскомъ Земскомъ Судѣ 1817 года марта 19, и между таковымъ свидѣтельствомъ Лопари получили отъ повѣреннаго за тотъ годъ условную по договору плату 175 руб. и получивъ, нигдѣ о томъ, что плата сія не такова, о каковой они уговорились и дали контрактъ, не жаловались, ибо Земскій Исправникъ и члены Земскаго Суда бываютъ почасту въ ихъ погостѣ, да и къ нему не писали, на чемъ основываясь и спустя послѣ полученія въ 1816 году ими денегъ еще чрезъ полгода, былъ контрактъ сей утвержденъ свидѣтельствомъ Земскаго Суда, который въ свидѣтельствѣ семъ именно прописываетъ, что точно данъ ими Воронежскими Лопарями съ общаго мірскаго согласія; третье, контрактъ сей онъ со своей стороны понынѣ соблюдалъ и соблюдаетъ свято и нерушимо, платя исправно оброкъ не только въ условное время, имѣя отъ сихъ Лопарей представляемыя по возвращеніи съ промысла повѣреннымъ его росписки,

но еще за 1818 годъ заплатилъ впередъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1817 года, въ чемъ данную тѣми Лопарями росписку представилъ и сверхъ той платы ежегодно посылать въ прибавокъ по 10 руб. деньгами и по кулю ржаной муки; далѣе писалъ, что изъ сихъ обстоятельствъ и изъ прилагаемыхъ при семъ подлинныхъ договора и росписки въ полученіи денегъ Лопарями усмотрѣть можетъ несправедливость жалобы, которая происходитъ или изъ неустойчивости ихъ Лопарей въ договорѣ, или по наученію ихъ кѣмъ либо изъ зависти и недоброжелательству къ сему Негодяеву, дабы вредить его промыслу и заведеніямъ, такъ какъ рѣка Воронья скупается имъ единственно для лову мелкой семги, употребляемой на наживку при ловлѣ трески, безъ чего и промыслу оной производить не можно; между тѣмъ, какъ на заведеніе и на наемъ на сей годъ 22-хъ человѣкъ работниковъ уже и даны въ задатки значительныя суммы, отчего можетъ потерпѣть разстройство и убытку до пяти тыс. рублей, въ разсужденіе чего и просилъ начальство защитить справедливость контракта его съ Лопарями противу несправедливой ихъ жалобы и чрезъ что не привесть промыселъ его въ разстройство. Представленный контрактъ писанъ Августа 4-го 1815 года такъ: да будетъ извѣстно, кому знать надлежитъ, что мы нижеподписавшіеся Кольской округи Воронежского погоста Лопари съ общаго мірскаго согласія учинили сей договоръ съ крестьяниномъ Холмогорской округи Ровдогорской волости Стефаномъ Негодяевымъ въ томъ, что отдали своего владѣнія, лежащую по русскому Мурманскому берегу, рѣку Воронью и съ песками, въ которой онъ производить долженъ рыбные семужій и всякой промыселъ съ вышеписаннаго числа впредь на пять лѣтъ, за что рядили мы Лопари получать каждый годъ съ него Негодяева по сту по семидесяти по пяти рублей, по окончаніи бываемаго промысла, съ тѣмъ, чтобы изъ насъ никому въ означенные годы той рѣки другимъ не отдавать и самимъ въ оной рыбы не промышлять и убытка никакого ему Негодяеву ни въ чемъ не наводить; оные же деньги получать намъ съ его, Негодяева или отъ его повѣреннаго въ каждый годъ въ Августѣ мѣсяцѣ; въ пріемѣ же денегъ давать намъ росписки. Сверхъ сего, если онъ Негодяевъ, по прошествіи срока, и впредь за собой ту рѣку содержать пожелаетъ за вышеозначенную сумму, то намъ оныя згодья никому иному не отдавать, кромѣ сего Негодяева, а ежели онъ Негодяевъ въ теченіи пятилѣтняго срока самъ кому отдать пожелаетъ вышеозначенныя наши згодья другимъ прочимъ постороннимъ людямъ, то и въ томъ намъ не препятствовать и содержать сей договоръ съ обоихъ сторонъ свято и ненарушимо; въ случаѣ же неустойки насъ Лопарей противъ сего договора, повинны мы Лопари все имущество его Негодяева, находящееся при рѣкѣ Вороньѣ перенесть безъ всякой утраты своимъ коштомъ, куда онъ Негодяевъ заблагоразсудитъ. Сей договоръ ему Негодяеву законно засвидѣтельствовать гдѣ слѣдуетъ, въ чемъ оный и дали мы добровольно и непринужденно на мѣстѣ при рѣкѣ Рындѣ, при нижеподписавшихся свидѣтеляхъ. За неумѣніемъ грамоты прилагаемъ свои обыкновенныя клейма Августа 4 дня 1815 года. Договоръ сей къ свидѣтельству явленъ въ Кольскомъ Земскомъ Судѣ 19 марта 1817 года, и надписаніемъ на ономъ учиненнымъ, подписаніемъ Земскаго Исправника Хлопова и скрѣпой секретаря Епончина, свидѣтельствуется въ томъ, что точно данъ тѣми Лопарями съ общаго мірскаго согласія. Поелику-же изъ объясненія Негодяева усмотрѣно, что данъ договоръ Лопарямъ прикащикомъ Негодяева Холмогородскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерюхинымъ, съ коего и представлена отъ Земскаго Суда копія отъ 3 Генваря сего года, то Правленіе съ приложеніемъ той копіи, имъ писанной и подписанной, предписывало Холмогорскому Городничему отъ 1-го Марта допросить его Ерюхина онъ ли ее писалъ

и подписалъ, и признаетъ ли ее за настоящую копію съ договора съ Лопарями, которой онъ составлялъ о владѣніи рѣкою Вороньею, буде же утверждать ее не будетъ, то для чего давалъ таковую невѣрную копію, а если признаетъ ее за подлинную, то почему написана цѣна оброку 400 рублей, а въ подлинномъ 175 руб.; каковое объясненіе и прислалъ бы въ Правленіе. 4-е. По донесенію Городничаго, что мѣщанинъ тотъ отлучился въ февралѣ мѣсяцѣ на неизвѣстное время въ С.-Петербургъ, Губернское Правленіе, приводя на видъ указъ 1766 года Апрѣля 18, въ которомъ изображено: въ случаяхъ прошеній, если отъ кого и представлены будутъ учиненные контракты оные особо, что до разборовъ принадлежитъ за твердое основаніе къ положенію резолюцій всегда почитаемы быть должны. А какъ по сему таковыхъ разборовъ болѣе всѣхъ бываетъ въ полиціи, то въ сохраненіи оной въ народѣ нужнаго кредита и надлежитъ стараться въ такихъ случаяхъ утверждать свои рѣшенія на точномъ разумѣ контрактовъ, не уважая побочныхъ обстоятельствъ и не взирая ни на какія персоны,—резолюціею того 1818 года заключило: поелику въ дѣлѣ семъ заключенъ договоръ съ Лопарями въ узаконенной формѣ на гербовой бумагѣ съ приложеніемъ клеймъ тѣхъ Лопарей, при свидѣтельствѣ подписавшихся на оном посторонних людей и объѣзднаго надзирателя Викторова, въ становищѣ Рындѣ и чрезъ полтора отъ написаннаго его года времени засвидѣтельствованъ въ Кольскомъ Земскомъ Судѣ о дѣйствительности его, противо котораго во все прошедшее время по нынѣ не было предъявлено спору, и въ минувшее лѣто приняли тѣ Лопари отъ прикащика Негодяева мѣщанина Ерюхина оброку за рѣку сію за 1818 годъ 175 руб. давъ въ томъ и росписку, представленную нынѣ крестьяниномъ Негодяевымъ, то и по всѣмъ симъ обстоятельствамъ договоръ сей иначе не можетъ быть признанъ какъ за настоящій, дѣйствительный, а въ разсужденіи данной мѣщаниномъ Ерюхинымъ бумаги тѣмъ Лопарямъ, въ видѣ копіи съ сего договора спросить его о томъ въ прежней силѣ велѣть Холмогорскому Городничему, когда онъ Ерюхинъ въ Холмогоры изъ отлучки возвратится, о чемъ Кольскому Земскому Суду дать знать, съ тѣмъ, чтобы со стороны Лопарей договоръ сей сохраненъ былъ во всей точности до истеченія означеннаго срока, по силѣ вышеприведеннаго узаконенія, повелѣвающаго судебнымъ и полицейскимъ мѣстамъ сохранять права заключенныхъ договоровъ въ сохраненіе нужнаго въ народѣ кредита, что и возлагается въ непремѣнное наблюденіе сему суду, а почему оный, имѣя въ виду сей договоръ, самимъ имъ свидѣтельствованный и утвержденный въ дѣйствительности его, дозволилъ себѣ свидѣтельствовать другой договоръ тою же вещію, прежде истеченія срока по первому договору, изъ чего замѣчается большая неосмотрительность, иначе неосновательность въ таковомъ дѣйствіи къ запутанности дѣлъ, съ вовлеченіемъ и людей въ разстройство, чтобъ прислалъ отвѣтъ оный судъ на разсмотрѣніе Губернскому Правленію. 5-е. Послѣ сего Его Высокопревосходительство г. Управляющій Губерніею и кавалеръ Алексѣй Ѳедотовичъ, при предложеніи отъ 6 Декабря, препровождая на разсмотрѣніе сего Правленія отъ Лопарей Воронежскаго погоста прошеніе относительно владѣнія крестьяниномъ Негодяевымъ рыбными ихъ ловлями, якобы по несправедливому договору предлагать изволилъ о послѣдующемъ Его Высокопревосходительство увѣдомить съ возвращеніемъ прошенія, а просителямъ объявить чрезъ Кольскій Земскій Судъ по надлежащему. Въ прошеніи томъ Лопари писали, что по договору въ 1803 году отдана была ими ихъ владѣнія рѣка Воронья для лову рыбы крестьянину Негодяеву на пять лѣтъ по 175 руб.; въ 1815 же году Кольскій мѣщанинъ Немчиновъ выдалъ имъ за ту рѣку оброку 400 рублей въ годъ; случившійся же въ то время тамъ Негодяева прика-

щикъ Ерюхинъ уговорилъ ихъ оставить означенную рѣку за Негодяевымъ за 400 рублей, но плативъ только за 1816, 1817 и 1818 годы по 175 р., отозвался, что болѣе сего они требовать не имѣютъ права, каковое притѣсненіе къ нимъ Негодяева, объяснивъ они Кольскому Земскому Суду, просили, что буде Негодяевъ не пришлетъ по послѣднему договору къ Марту мѣсяцу того 1818 года недоплаченныхъ имъ по 225 руб. за каждый годъ, а всего за три 675 руб., то они оной рѣчки Негодяеву отдать ни за что не согласны, которую съ будущаго 1819 года и отдали Кольскому мѣщанину Василью Голодному, обязавшемуся за весь ихъ погостъ оплачивать подушныя и на земскія повинности деньги, каковыхъ сходитъ болѣе 400 р., почему и просили взыскать чрезъ кого слѣдуетъ съ Негодяева слѣдуемыя имъ означенныя 675 руб. деньги и дать имъ свободу въ передачи рѣки по вновь сдѣланному договору. Губернское Правленіе, видя изъ вышеписаннаго, что просители Воронежскіе Лопари, по учиненному съ кр. Негодяевымъ договору сами отдали ему рѣку Воронью изъ платежа въ годъ по 175 руб., слѣдственно и не вправѣ требовать болѣе сего съ Негодяева, также и учиненнаго условія нарушить не могутъ, не входя ни въ какое по сей просьбѣ сужденіе, послало отъ 17 Января сего года въ Кольскій Земскій Судъ указъ съ подтвержденіемъ, чтобы договоръ непремѣнно былъ Лопарями сохраненъ до истеченія назначеннаго въ ономъ срока, и чтобъ прислалъ оный Судъ требуемый симъ Правленіемъ отъ 21 марта къ разсмотрѣнію отвѣтъ, приказавъ о томъ донести, объявлено-ли просителямъ вышесказанное Губернскаго Правленія предписаніе, ибо если бы было объявлено, не могли бы они входить вновь съ просьбою въ томъ же, въ чемъ имъ было отказано. 6-е. Крестьянинъ Негодяевъ, въ поданной въ сіе Правленіе въ томъ Генварѣ мѣсяцѣ просьбѣ, въ дополненіе прежде даннаго ихъ объясненія, описывая, что въ минувшее 1818 года лѣто, владѣя онъ рѣкою Вороньею, по предписанію сего Правленія, хотя въ бытность тамъ посланныхъ отъ него промышленниковъ и отдаваемы были Воронежскимъ Лопарямъ оброчныя деньги 175 руб. впредь за сей 1819 годъ, какъ обыкновенно онъ всегда платилъ имъ, но они тѣхъ денегъ не приняли, дѣлая отзывательство, что они ту рѣку передали въ содержаніе въ другія руки, что самое почитаетъ онъ въ противность договора съ нимъ въ 1815 году сдѣланнаго, коему срокъ кончится еще въ будущемъ 1820 году; поелику же въ Февралѣ мѣсяцѣ сего 1819 года наступитъ удобное время къ отправленію на имѣющійся у него промыселъ въ Кольской округи трески рабочихъ людей въ значительномъ числѣ, рѣка же Воронья взята имъ изъ оброка единственно для лова мелкой рыбы, употребляемой для наживки при ловлѣ трески, то дабы не могъ онъ по заведенному имъ издавна рыбному промыслу потерпѣть разстройства и остановки отъ отзывательства и воспрещенія Воронежскихъ Лопарей отъ содержанія ему рѣки Вороньей, и чрезъ то не лишился бы значительной суммы денегъ, могущій причинить ему напрасный убытокъ, просилъ чрезъ кого слѣдуетъ Воронежскимъ Лопарямъ повелѣть по договору за рѣку принять отъ его Негодяева деньги на сей 1819 годъ 175 руб. и не воспрещать ему содержать ту рѣку до истеченія срока въ августѣ мѣсяцѣ 1820 года. Губернское Правленіе и по сей Негодяева просьбѣ предписало Кольскому Земскому Суду отъ 6 Февраля, чтобъ онъ удержалъ Лопарей тѣхъ отъ воспрещенія владѣть Негодяеву по силѣ договора до срочнаго времени рѣкою Вороньею, велѣлъ имъ принять слѣдующія отъ Негодяева за то по договору деньги и внушилъ, что буде и за симъ они, въ противность своего договора, будутъ дѣйствовать, то подвергнуть себя, какъ нарушители онаго законному взысканію, подтвердивъ Земскому Суду прислать требуемый предписаніями сего Правленія отъ 15 Генваря и 21 Марта

отъ онаго отвѣтъ, съ тѣмъ, что за дальнѣйшее неисполненіе сего Губернское Правленіе поступитъ съ онымъ Судомъ, какъ ослушнымъ, по силѣ 26 статьи Высочайшаго о губерніяхъ учрежденія. 7-е. Кольскій Земскій Судъ въ рапортѣ отъ 1 Февраля на указъ сего Правленія отъ 17 Генваря объяснилъ объявленіе исправника Хлопова, что когда по опредѣленіи его къ сей должности первый разъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1816 года проѣзжалъ онъ по округѣ чрезъ Воронежскій погостъ, то Лопари онаго, на спросъ его, отвѣтствовали, что рѣка Воронья отдана ими по договору крестьянину Негодяеву, о количествѣ же оброка и о времени владѣнія онъ не спрашивалъ, полагая, что конечно и договоръ уже свидѣтельствованъ, а когда въ Мартѣ мѣсяцѣ 1817 года явился въ присутствіе Земскаго Суда повѣренный отъ Негодяева для засвидѣтельствованія того документа, то онъ въ общемъ присутствіи найдя оный подписанный многими свидѣтелями и вѣдая, что Лопари сами клейма къ нему прикладывали, засвидѣтельствовалъ въ томъ, по лѣту прошлаго 1818 года, объѣзжая Мурманскій берегъ, указъ Губернскаго Правленія отъ 22 Марта Лопарямъ Воронежскимъ дѣйствительно объявилъ, и они ему на то отвѣтствовали, что будутъ непремѣнно просить о сдѣланномъ имъ обманѣ г. Начальника Губерніи; у крестьянина Негодяева въ становищѣ Рындѣ, гдѣ онъ повсегда промыслы производитъ, было въ прошломъ году промышленниковъ на 3 шнякахъ только 12 человѣкъ и въ самомъ томъ мѣстѣ состоитъ рѣка Рында, изъ коей и наживкою довольствуются его промышленники, а рѣка Воронья отстоитъ отъ сего заведенія верстахъ въ 80-ти и уловляемая у ней семга вывозится въ Архангельскъ. При томъ доносилъ тотъ Судъ со своей стороны, что хотя и имѣлъ въ виду прежде засвидѣтельствованный крестьянина Негодяева договоръ на владѣнье рѣкою Вороньею, но когда Лопари въ поданномъ прошеніи, обнаруживая фальшу въ немъ сдѣланную, представили въ доказательство тому и копію прикащикомъ, внукомъ его Негодяева, Холмогорскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерюхинымъ имъ данную, то, въ общемъ разсужденіи, находя справедливости на сторонѣ Лопарей потому, во первыхъ, коль скоро мѣщанинъ Немчиновъ выдавалъ имъ за упоминаемую рѣку 400 рублей, то не было-бы имъ никакой надобности къ собственному значительному убытку дѣлать уступку Негодяеву, отъ котораго и на предъ того получили они съ уменьшеніемъ оброкъ противъ другихъ охотниковъ, по домогательствамъ его, подъ разными видами, а во вторыхъ, что ежели бы Негодяевъ, желая удержать за собою во владѣніи рѣку Воронью, не обѣщалъ чрезъ внука своего Ерюхина платить въ годъ по 400 руб., то конечно и онъ Ерюхинъ не имѣлъ бы надобности не только давать имъ на письмѣ, но даже и словесно увѣрять ихъ о томъ, на что только были бъ они согласны; по симъ самымъ обстоятельствамъ, приступилъ Судъ къ засвидѣтельствованію другого договора на передачу рѣки, полагая, что ежели начальство найдетъ достаточными всѣ причины выставленныя Лопарями къ отдаленію Негодяева отъ владѣнія, то и подтвердитъ сдѣланное симъ Судомъ утвержденіе новой передачи рѣки, буде же напротивъ, послѣдуетъ отказъ, то самъ по себѣ вторичный договоръ не будетъ имѣть надлежащей силы, не взирая на сдѣланное симъ Судомъ свидѣтельство на немъ, удостовѣряющее только въ томъ, что онъ по доброй волѣ составленъ, на каковой конецъ тогда же не упущено было донести сему Правленію на вышнее разсмотрѣніе, при чемъ приложилъ и отобранную отъ Лопарей въ слышаніи указа подписку, изъ которой значитъ, что какъ Негодяевъ со стороны своей составилъ ложный договоръ и обманулъ ихъ общество чрезъ прикащика Ерюхина въ приложеніи клеймъ противъ условія изъясненнаго въ копіи, тѣмъ Ерюхинымъ данной и отосланной въ Губернское Правленіе, то и они уже не могутъ сохранять того до-

говора впредь къ вящшему своему стѣсненію и раззоренію, каковое чрезъ обманъ отъ Негодяева терпятъ по ихъ скудости, которая столь ощутительна, что ежели бы мѣщанинъ Голодной не снабдилъ ихъ деньгами нынѣ для взносу податей на первую сего года половину, то сами собой не могли бы оныхъ заплатить, такъ какъ промыслы едва поддерживаютъ только пропитаніе, а оплачиваніе податей обеспечивается кортомой съ рѣки Вороньей, которая и составляетъ единственное ихъ згодье изъ оброка отдаваемое, а потому его Негодяева къ промыслу сего мѣста допустить не согласны ни за что, буде же онъ насильственно будетъ опромысливать, то вынудитъ просить и далѣе. Посему Губернское Правленіе резолюціею въ 21 день Февраля заключило: за всѣмъ тѣмъ, что Кольскому Земскому Суду предписано и потомъ и подтверждаемо было отъ Губернскаго Правленія о наблюденіи съ его стороны, чтобы Воронежскими Лопарями учиненный съ кр. Негодяевымъ договоръ на владѣніе рѣкою Вороньею, какъ въ узаконенной формѣ произведенный, въ храненіе права закономъ о крѣпкомъ храненіи договоровъ подтвержденнаго, непремѣнно былъ выполняемъ до истеченія назначеннаго въ оном срока, оный Судъ продолжаетъ принимать отъ тѣхъ Лопарей недѣльные отзывы, означающіе сопротивленіе тому договору явнымъ произвольнымъ онаго нарушеніемъ, та за таковое неисполненіе начальственныхъ предписаній, къ исполненію которыхъ одолжается употребить власть ему закономъ предоставленную, учинить ему строжайшій выговоръ, сказавъ при томъ, что его объясненіе начальство признаетъ весьма неосновательнымъ, ибо засвидѣтельствованъ такими словами, что договоръ тотъ точно данъ Воронежскими Лопарями съ общаго мірскаго согласія, въ чемъ Судъ и удостовѣряетъ, можно ли послѣ того членомъ Земскаго Суда отзываться безъ предосужденія себѣ невѣденіемъ о правильности его, и почему смѣлъ Земскій Судъ свидѣтельствомъ своимъ удостовѣрять, не извѣдавъ, какъ должно, спросомъ сдѣлавшимъ сіе условіе о личномъ ихъ онаго подтвержденія? изъ чего открывается такой поступокъ, который, означая нарушеніе должности, подвергаетъ отвѣту и сужденію по законамъ дѣйствовавшихъ въ томъ безразсудно, сказавъ напослѣдокъ, что ежели и за симъ будетъ Земскій Судъ противуборствовать точному выполненію предписаннаго ему, и за примѣчаемое способствованіе Лопарямъ быть ослушными въ семъ дѣлѣ, то преданы будутъ суду Палаты Уголовной, паче же поставленъ будетъ подъ отвѣтъ первозасѣдающій въ Земскомъ Судѣ, о исполненіи чего и будетъ ожидать Губернское Правленіе неукоснительнаго донесенія. 8-е На сіе предписаніе Земскій Судъ изъяснялъ предложеніе Земскаго Исправника, что хотя и внушаемо было Лопарямъ о допущеніи Негодяева къ безпрепятственному владѣнію рѣкою тою, но они, несмотря на сіе, долѣе упорствуютъ въ своемъ настояніи и какъ уже время сближается къ промысламъ, то чтобъ Негодяевъ чрезъ случиться могущее еще упорство тѣхъ Лопарей не потерпѣлъ убытковъ отправкою промышленниковъ въ рѣку Воронью, члены же Суда не подвергнулись бы взысканію начальства, предлагалъ отправить на мѣсто къ Воронежскимъ Лопарямъ нарочнаго члена внушить имъ въ послѣдніе въ непремѣнномъ исполненіи предписываемаго, вслѣдствіе чего и послань къ нимъ Сельскій Засѣдатель Солодягинъ, при томъ испрашивалъ разрѣшенія, ежели Воронежскіе Лопари и за симъ будутъ поступать какъ прежде, то, къ безостановочному производству Негодяевымъ промысла сужденію ли благоволитъ предать всѣхъ тѣхъ Воронежскихъ Лопарей за ослушаніе во исполненіи предписаній его или сдѣлать нарядъ къ нимъ военнослужителей изъ здѣшней Инвалидной Команды для приведенія въ послушаніе, самъ же собою оный Судъ ни на то, ни на другое изъ представляемыхъ разрѣшенію обстоятельствъ рѣшиться не осмѣливается по

дѣлу сему, чтобъ иногда не преступить мѣры власти, предоставленной ему закономъ. По таковому рапорту, Губерское Правленіе въ резолюціи своей постановило: что уже многократно отъ него подтверждаемо было тому Суду, что договоръ учиненный Воронежскими Лопарями съ кр. Негодяевымъ на владѣніе сему рѣкою Вороньею удостовѣренный въ подлинности его засвидѣтельствованіемъ Земскимъ Исправникомъ, долженъ быть до истеченія назначеннаго въ ономъ срока сохраняемъ въ точности, что и возлагаемо было въ непремѣнное оному Суду наблюденіе, съ тѣмъ въ послѣдній разъ отъ 28 Февраля, что если и за симъ Земскій Судъ, принимая отъ тѣхъ Лопарей недѣльные въ семъ случаѣ отзывы, будетъ противоборствовать въ исполненіи предписаннаго ему, члены онаго будутъ преданы суду Уголовной Палаты, то послѣ сего не было нужды оному Суду возобновлять представленія свои къ одному затрудненію начальства, ибо какимъ образомъ должно земскому суду поступить въ случаѣ отъ кого либо ослушанія предписаны ему и лично Земскому Исправнику въ руководство правила Высочайшихъ о губерніи учрежденій, и такъ, ежели что и произойдетъ въ противность предписаннаго ему отъ начальства по сему предмету, то все останется на отвѣтственности членовъ земскаго суда, паче же Исправника, и непремѣнно взыщется строгимъ образомъ, какъ съ свидѣтельствовавшихъ договоръ въ семъ дѣлѣ по обязанности должности своей, а потомъ объясняющихъ о подлогахъ якобы въ составленіи онаго, что означаетъ злоупотребленіе со стороны ихъ въ дѣлѣ службы, ко вреду другихъ произведенное, о чемъ 25 Апрѣля и посланъ въ оный Судъ указъ съ сильнѣйшимъ подтвержденіемъ о непремѣнномъ исполненіи предписаннаго ему. 9-е Послѣ предписанія сего Кольскій Земскій Судъ въ рапортѣ отъ 3 Апрѣля, объясняя донесеніе Сельскаго Засѣдателя Солодягина объ упорствѣ Лопарей въ допущеніи кр. Негодяева ко владенію рѣкою Вороньею, испрашивалъ разрѣшенія какимъ образомъ съ оными Лопарями поступить, на что правленіе сіе дало знать въ указѣ 23 Мая, что за предписаніемъ, какое дано напослѣдокъ по сему предмету Кольскому Земскому Суду отъ Губерискаго Правленія 25 Апрѣля остается сказать, что его есть обязанность охранять законъ въ уѣздѣ, слѣдственно, и право пріобрѣтенія чего либо во временное обладаніе порядкомъ, закономъ установленнымъ, равномѣрно онъ защищать и охранять долженъ, то если онъ не отвратитъ самовластія Лопарей, котораго впрочемъ и ожидать отъ нихъ нельзя, ибо не бывало между ими примѣровъ сему, то члены Земскаго Суда будутъ преданы Суду Палаты Уголовной, почему Губериское Правленіе и будетъ ожидать донесенія онаго Суда о исполненіи со стороны его предписаннаго ему начальствомъ по сему дѣлу. 10-е. На послѣднія предписанія сіи Кольскій Земскій Судъ, въ двухъ рапортахъ своихъ, пропысывалъ отзывы онаго Суда Дворянскаго Засѣдателя Медвѣдева, въ 1-мъ, отъ 14 Іюня, что, какъ за отлучкою прочихъ членовъ въ округу по разнымъ порученіямъ, онъ одинъ только при Судѣ находится, а Губериское Правленіе на представленіе онаго Суда отъ 14 Марта, какимъ образомъ поступить съ Воронежскими Лопарями, разрѣшить не изволило, а потому одинъ сдѣлать никакого положенія не знаетъ, до прибытія прочихъ членовъ изъ отлучки, тѣмъ болѣе, что и дѣло сіе есть частное; во 2-мъ отъ 27 Іюня, какъ Губериское Правленіе настоитъ чтобъ непремѣнно принудить Воронежскихъ Лопарей допустить Негодяева къ промыслу рыбы въ рѣку Воронью, до истеченія въ договорѣ назначеннаго срока, который какъ Лопари, равно и онъ со своей стороны, по копіи, данной первымъ Негодяева прикащикомъ Ерюхинымъ, признаетъ несправедливымъ, а потому, дабы не преступить закона, по нахожденіи прочихъ членовъ въ округѣ, онъ до прибытія ихъ, никакого положенія не отважнвается сдѣлать, тѣмъ болѣе, что уже нынѣ и

ловъ рыбы въ той рѣкѣ приходитъ къ окончанію, да и кто оный производилъ свѣдѣнія не имѣетъ. Губериское Правленіе резолюцію по симъ рапортамъ въ 23 день истекшаго Іюля постановило такову: поелику многократныя послѣдовали отъ Губернскаго Правленія предписанія, дабы не былъ кр. Негодяевъ отстраняемъ отъ владѣнія рѣкою Вороньею, по договору съ Лопарями заключенному, до истеченія назначеннаго на то срока, но со стороны Кольскаго Земскаго Суда совершенно оставлена безъ исполненія, и онъ не знаетъ кто нынѣ ловъ рыбы въ рѣкѣ той производилъ, тогда когдабъ одолжался бы, для приведенія во исполненіе указовъ Правленія, командировать благонадежнаго члена отъ себя на мѣсто, или самому Исправнику отправиться бы для сего надлежало, то, за пренебреженіе обязанности своея и за видимо оказанное ослушаніе къ начальственному мѣсту, подвергнуть его взысканію, на основаніи Высочайшаго о губерніяхъ учрежденія 96 статьи, наложивъ пеню 20 рублей, о удержаніи которой изъ жалованья членовъ того Суда и объ отсылкѣ въ Приказъ общественаго призрѣнія сообщить Казенной Палатѣ, а Приказъ тотъ предъувѣдомить, Кольскому Земскому Суду, давъ знать объ ономъ, предписать донести Правленію немедленно, кто производилъ ловлю въ нынѣшнее лѣто въ рѣкѣ сей, и ежели не былъ допущенъ кр. Негодяевъ, то кѣмъ, и для чего Земскій Судъ не отвратилъ сего самоуправства, обязанъ будучи къ тому многократными предписаніями Губернскаго Правленія?—которою резолюціею въ 8-е число Августа сего года заключили; почему Кольскій Земскій Судъ съ Генваря мѣсяца сего года, имѣя многократныя отъ сего Правленія предписанія, обязанъ былъ по силѣ оныхъ непремѣнно охранить договоръ съ кр. Негодяевымъ Лопарями заключенный, не допущая ни кого иного къ владѣнію рѣкою Вороньею, но онъ не исполнилъ ихъ, очевидно обнаруживается напротивъ въ понаровкѣ Лопарямъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кому они промыслъ тотъ передали, ибо при договорѣ съ Негодяевымъ, который самимъ Земскимъ Судомъ засвидѣтельствованъ, не возбранилъ онъ Лопарямъ въ то же время другой сдѣлать договоръ на владѣніе тѣмъ же мѣстомъ иному, ибо засвидѣтельствовалъ и оный, чѣмъ преступилъ явно законъ о правахъ договоровъ въ указѣ 1766 г. постановленный и многократныя Правленія предписанія оставилъ въ небреженіи, ибо не употреблялъ никакихъ средствъ къ отвращенію препятствій кр. Негодяеву въ производствѣ ловли и къ воспрещенію производить другому оную, въ чемъ сего можноб обязать подпискою, за таковое онаго Суда, а паче Исправника противудѣйствіе закону и предписаніямъ начальства подлежатъ они сужденію по законамъ; о чемъ, по силѣ 81 статьи Высочайшаго о губерніяхъ учрежденія, и представляло г. Управляющему Губерніею и Кавалеру Алексѣю Федотовичу, а кр. Негодяеву объявило, чтобъ о понесенныхъ убыткахъ предъявить начальству, а получивъ отъ Его Высокопревосходительства на сіе согласіе опредѣлило: о сужденіи членовъ Кольскаго Земскаго Суда, за изъясненное въ постановленіи сего Правленія въ 8-е число минувшаго Августа мѣсяца, съ прописаніемъ онаго, сообщить Архангельской Палатѣ Уголовнаго Суда, препроводивъ въ оную и всю переписку по оному дѣлу въ Правленіи имѣемую. Октября 31 дня 1819 года.

Изъ Архангельскаго Губернскаго Правленія въ Архангельскую Палату Уголовнаго суда.

Холмогорской округи Ровдогорской волости крестьянинъ Степанъ Матвѣевъ сынъ Негодяевъ въ поданомъ въ сіе Правленіе прошеніи прописываетъ, что послѣ того какъ заключилъ онъ договоръ чрезъ своего прикащика Холмогорскаго мѣщанина Ерюхина и при сторонниихъ свидѣтеляхъ Кольской округи съ Воронежскими Лопарями, то есть съ 4 Августа 1815 года, чтобъ владѣть ему принадлежащею имъ

рѣкою Вороньею пять лѣтъ, съ платежемъ за ее 175 руб. въ каждый годъ, которая и напередъ сего за нимъ находилась около 25 лѣтъ, выстроена имъ при той рѣкѣ изба, заведено при оной все нужное для лова рыбы и содержится то на его отчетѣ, сверхъ того, чтобъ ему убытковъ не наводить въ теченіи срочнаго времени и даже по прошествіи срока, они Лопари не могутъ той рѣки другимъ владѣльцамъ отдать, ежели только онъ впредь намѣренъ содержать ее за собою за согласившуюся цѣну, въ случаѣ неустойки ихъ Лопарей, обязаны они тѣмъ же договоромъ перенесть безъ всякой траты своимъ коштомъ, куда онъ похочетъ, каковой договоръ и свидѣтельствованъ имъ въ Кольскомъ земскомъ судѣ, такимъ образомъ владѣлъ помянутою рѣкою чрезъ три года безъ всякаго со стороны Лопарей тѣхъ препятствія; послѣ сего оные Лопари, не знаетъ почему, сочли договоръ съ нимъ заключенный несправедливымъ и входили въ сіе Правленіе чрезъ Кольскій Земскій Судъ съ прошеніемъ объ объявленіи ему, что они его отстранивъ отъ владѣнія тою рѣкою, передали уже другому владѣльцу съ начала 1819 года, каковую неустойку, сочтя онъ при нарушеніи договора въ явную себѣ обиду и крайнее раззореніе и представивъ въ сіе Губернское Правленіе подлинный договоръ, просилъ защитить о справедливости онаго. Губернское Правленіе, усмотрѣвъ, что договоръ сей учиненъ на гербовой бумагѣ съ приложеніемъ клеймъ тѣхъ Лопарей, при свидѣтельствѣ подписавшихся на ономъ посторонихъ людей, признало, что онъ есть настоящій, дѣйствительный, почему и предписывало Кольскому Земскому Суду, чтобы оный со стороны Лопарей сохраненъ былъ во всей точности, до исполненія назначеннаго въ оном срока, по силѣ узаконеній, повелѣвающихъ судебнымъ и полицейскимъ мѣстамъ охранять права заключенныхъ договоровъ въ сохраненіе нужнаго въ народѣ кредита, но при всемъ таковомъ огражденіи его со стороны правительства, при наступленіи удобнаго къ улову времени, не рѣшился онъ отпустить на промыслъ рабочихъ людей, опасаясь, чтобъ при упорствѣ Лопарей недопускомъ къ оному не понести ему чувствительныхъ убытковъ, тѣмъ болѣе, что оные не приняли отъ прикащика его по осени тамъ бывшаго, какъ прежде бывало, слѣдуемыхъ за рѣку денегъ, а просилъ паки Губернское Правленіе, въ силу заключеннаго договора, принудить Лопарей, принявъ отъ его прикащика слѣдуемыя имъ деньги, допустить и рабочихъ его людей къ ловленію, на что и объявлено ему, что подтверждено оными Кольскому Земскому Суду удержать Лопарей отъ воспрещенія производить ему въ рѣкѣ ловъ рыбы и велѣно имъ принять слѣдуемыя имъ деньги. Сими начальства повелѣніями, будучи онъ увѣренъ, что неотмѣнно рѣка та въ силу договора останется до срока за нимъ, отправилъ съ мѣста жительства своего всего до 16 человѣкъ, снабдилъ ихъ на время для промысловъ употребляемыми всѣми жизненными припасами и прочими потребностями, съ таковымъ при томъ условіемъ, чтобы каждому изъ нихъ получить изъ улова, какъ обыкновенно бываетъ между промышленниками, третію часть, но, по прибытіи туда, сверхъ его чаянія, отстранены они были Лопарями, какъ письменно объяснились по возвращеніи, при присутствіи даже Исправника, имѣющаго отъ начальства о удержаніи ихъ ясныя предписанія, отъ промысла, и возвратились бы обратно безъ всякой какъ ему, такъ и себѣ выгоды, если бы не удалось имъ купить у посторонихъ мелкихъ рыбъ, каковыя въ той рѣкѣ ловятъ на наживу для лова трески, съ каковою и добыли малую часть. Между тѣмъ какъ упущенный Лопарями новый владѣлецъ при промыслѣ пользовался его заведеніями, проживая во время то въ собственно имъ построенной и ему единственно принадлежащей избѣ, и такъ сверхъ того, что онъ лишился по таковой неустойкѣ Лопарей всѣхъ чаямыхъ имъ выгодъ, рабочіе, имъ посылае-

мые, видя для себя также немалозначущіе убытки и выставляя на видъ получаемыя ихъ товарищами отъ другихъ на промыслы посылаемыхъ пользы, ропщутъ на него, что остались безъ удовлетворенія въ желаемой имъ мѣрѣ и даже ищутъ съ него за всѣми съ ними расчетами каждый по 96 руб. 25 коп., каковою суммою опъ, по силѣ условія, и удовлетворить ихъ долженъ, тѣмъ паче, что они злоупотребили на сіе самое драгоцѣнное для поселянина время, время страдное, въ которое всякой бы изъ нихъ, не подвергаясь тѣмъ опасностямъ, каковыя случаются въ морѣ, могъ бы получить гораздо лучшую для себя прибыль. По всѣмъ вышеописаннымъ обстоятельствамъ, почитая себя совершенно изобиженнымъ, и прилагая показанія рабочихъ, проситъ какъ за допущеніе воронежскими Лопарями въ его станъ другого, въ противность сказаннаго договора, владѣльца для лова рыбы, равно и понесенные имъ отъ наряда людей убытки до 5352 руб., съ нихъ взыскать и его удовлетворить, и тѣмъ оказать ему слѣдуемую по закону защиту, приказавъ при томъ, по силѣ того же договора съ Лопарями, допустить его пользоваться вышеупомянутою рѣкою Вороньей въ лѣто сего 1820 года, а ежели они не заплатятъ причиненныхъ ему убытковъ, понесенныхъ имъ въ лѣто 1819 года, то повелѣно бъ было ему, по крайней мѣрѣ, вмѣсто сего провладѣть оною еще слѣдующее 1821 г. лѣто. Губернское правленіе опредѣлило: какъ сила договора всегда и во всякомъ случаѣ должна быть ненарушима, то никто другой на владѣніе рѣкою Вороньей не имѣетъ права, кромѣ кр. Негодяева, до истеченія назначеннаго на сіе въ договорѣ времени, и поелику Негодяевъ, по договору его, имѣетъ право, владѣть оною рѣкою и въ 1820 году, то предписать Кольскому земскому суду, чтобы никто иной ко владѣнію сею рѣкою въ лѣто сіе допущенъ не былъ, а пользовался бы ловлей на оной безпрепятственно кр. Негодяевъ, сказавъ при томъ оному суду, что ежели оный не исполнитъ и теперь предписываемаго ему, подобно тому, какъ явно доказалъ ослушаніе въ семъ дѣлѣ начальству въ минувшее лѣто, то члены суда, какъ ослушники и противудѣйствующіе начальству, отрѣшены будутъ отъ настоящей должности, ибо ежели земскій судъ думаетъ слагать вину въ семъ дѣлѣ на ослушаніе Лопарей, то онъ обязанъ должностію ослушныхъ приводить въ послушаніе, прибѣгая, въ случаѣ необходимости и дѣйствительной въ томъ нужды, къ благоразумному содѣйствію со стороны внутренней стражи, въ положеніи о учрежденіи которой есть ея на сей случай обязанность. Чтожъ касается до убытковъ, то поелику въ дѣлѣ семъ преданъ земскій судъ Кольскій на судъ палаты уголовной, то и о претерпѣнномъ отъ сего дѣйствія кр. Негодяевымъ убыткѣ, для разсмотрѣнія совокупно съ тѣмъ дѣломъ, сообщить оной же палатѣ, съ прописаніемъ прошенія и съ приложеніемъ представленнаго отъ крестьянъ показанія. Февраля 17 дня 1820 г.

Архангельской палатѣ уголовнаго суда членовъ Кольскаго земскаго суда объясненіе.

Послику указомъ архангельское губернское правленіе отъ 17 декабря минувшаго 1819 г., на имя земскаго суда, въ 31-й день того же мѣсяца полученномъ, дало знать, что по дѣлу о рѣкѣ Вороньей преданы мы на судъ оной палаты за какія то явныя со стороны нашей въ семъ дѣлѣ вины, постановленныя со стороны того правленія на видъ палатѣ, но какъ объ оныхъ обвиненіяхъ не объясняется въ указѣ, въ чемъ онѣ именно заключаются; мы же, не почитая себя ни мало виновными по означенному дѣлу, полагаемъ не иначе, что какъ развѣ губернское правленіе, по неоднократнымъ его прежде предписаніямъ и угроженіямъ за неисполненія оныхъ преданіемъ суду, не видя успѣховъ въ пользу кр. Негодяева, сочло то за неисполненіе, а то, что допущены Лопари Воронежскіе сдѣлать другой договоръ

въ отмѣну Негодяева, и оный судомъ и засвидѣтельствованъ, за противодѣйствіе закону, и за то только предало насъ суду; сверхъ денежнаго оштрафованія, ибо кромѣ сихъ не предвидится изъ переписки никакихъ другихъ причинъ сознать насъ губернскому правленію подлежащими сужденію по описуемому дѣлу, почему необходимость заставляетъ теперь предъ лицемъ палаты, не выжидая требованія ея открыть всю справедливость существа того дѣла, порядокъ его теченія и направленія въ дальнѣйшемъ онаго производствѣ, и потому имѣемъ честь объяснить слѣдующее. Договоръ крестьянином Негодяевымъ съ Воронежскими Лопарями постановленный 4 августа 1815 г. заключается въ томъ, что отдали Лопари во владѣніе его Негодяева рѣки Воронью впредь на пять лѣтъ изъ платы по 175 руб. въ годъ и чтобъ въ оные годы той рѣки никому другому не отдавать и убытку никакого ни въ чемъ ему Негодяеву не наводить; въ случаѣ же неустойки ихъ Лопарей противу сего договора повинны они все имущество его Негодяева, находящееся при рѣкѣ Вороньей перенесть безъ всякой утраты своимъ коштомъ, куда Негодяевъ заблагоразсудитъ; противу котораго, когда Лопари, наводя отъ себя доказательства о сдѣланной якобы фальши, въ увеличеніи срока и убавкѣ цѣны, просили на передачу ими рѣки Вороньей изъ Негодяевыхъ въ другія руки, учиненный ими другой договоръ засвидѣтельствовать, но видя съ одной стороны ощутительную для ихъ изъ того выгоду, съ другой же по вмѣщенному въ Негодяевскомъ договорѣ условію на случай неустойки Лопарей, что они даже и безъ обнаруживанія будто бы сдѣланной фальши, имѣли полную свободу на передачу рѣки съ отвѣтственностію ихъ только въ перевозкѣ Негодяевскаго имущества, земскій судъ не имѣлъ ни малаго сумнѣнія засвидѣтельствовать представленным ими лично присутствію новый договоръ и не почиталъ, да и нынѣ не почитаетъ, чтобы сіе было въ противность указу 1766 г. апрѣля 18 дня о контрактахъ изданному, а напротивъ полагаемъ мы по своему разумѣнію, что поступлено во всемъ согласно тому закону, ибо именно предписывается въ немъ полиціямъ для сохраненія въ народѣ нужнаго кредита, утверждаться на точномъ разумѣ контрактовъ, не уважая побочныхъ обстоятельствъ и не взирая ни на какія персоны. Засвидѣтельствованный такимъ образомъ Воронежскимъ Лопарямъ договоръ выданъ новому владѣльцу кольскому мѣщанину Голодному, и Лопари снабжены копіею съ него за скрѣпою члена, а губернскому правленію обо всемъ оному на случай изысканія о выставляемыхъ Лопарями поступкахъ Негодяева съ прописаніемъ ихъ прошенія и съ приложеніемъ данной имъ отъ Негодяевскаго внука, прикащика его, холмогорскаго мѣщанина, Семена Ерюхина, копія съ договора, якобы дѣйствительнаго, въ тоже время, донесено, съ объясненіемъ, по какой причинѣ опровергаемый Лопарями договоръ Негодяева, будто бы имъ вновь переписанный, былъ засвидѣтельствованъ судомъ, и хотя оное правленіе, истребованный имъ отъ упоминаемаго Негодяева договоръ, изволило у себя разсматривать и даже прописывать въ указѣ земскому суду отъ 23 марта 1818 года подъ № 2274, именно въ такомъ видѣ, какъ выше объяснено, равно и выводя и законъ о контрактахъ 1766 года, опредѣленіемъ своимъ утверждало оный за настоящій дѣйствительный, но напротивъ того, не взирая на вмѣщенное имъ и нимало не отрицаемое самимъ Негодяевымъ, изъятіе, что ежели нарушатъ Лопари свое условіе, то повинны за то только имущество его Негодяева вывезти съ рѣки своимъ коштомъ, предписало въ непремѣнное наблюденіе суду, вмѣсто принужденія тѣхъ Лопарей перевезть Негодяевское имущество, куда онъ велитъ, то, чтобы со стороны ихъ договоръ сей былъ сохраняемъ до истеченія срока, т. е. пять лѣтъ, какъ видно изъ его опредѣленія, въ томъ указѣ вмѣщеннаго, по уваженію къ вышеписанным со

стороны Негодяева въ его объясненіи совсѣмъ противъ силы договора побочнымъ обстоятельствамъ, якобы онъ чрезъ сіе отступленіе Лопарей потерпѣтъ можетъ въ промыслу разстройство и убытку до пяти тысячъ руб., чему, ежели бы и справедливо, кромѣ самаго его Негодяева добровольно допустившаго свободу Лопарямъ къ отступленію никто другой не виновенъ быть не можетъ, затѣмъ далѣе, когда означенное и послѣдующія предписанія, согласно волѣ губернскаго правленія, объявляемы были Лопарямъ, то какъ они не взирая ни на что отъ допущенія впредь Негодяева къ промыслу въ рѣку Воронью отзывались, почему на неоднократныя объ ономъ донесенія и даже съ испрашиваніемъ резолюціи къ сужденію ли ихъ предать за ослушаніе тѣхъ предписаній или для приведенія въ послушаніе нарядить команду оное правленіе никакихъ ясныхъ къ тому наставленій, согласно Высочайшей волѣ, сообщенной г-ну архангельскому гражданскому губернатору с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, въ предписаніи отъ 25 іюля 1818 года, не преподало, но только, указывая на правила въ должности исправника и земскаго суда Высочайшимъ утвержденіемъ о ослушаніяхъ предписанныя, еще болѣе устрашивало насъ строгимъ взысканіемъ за неисполненіе имъ повелѣннаго удовлетворенія Негодяева, и такъ за упорствомъ Лопарей и за строгими побужденіями правленія, не оставалось ничего болѣе со стороны нашей сдѣлать, какъ Лопарей и послать въ уѣздный судъ, для оправданія въ ослушаніи предписаніямъ губернскаго начальства, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, по желанію ихъ и для доказыванія Негодяева, якобы въ сдѣланной имъ въ договорѣ фальши; о чемъ со стороны правленія по жалобамъ тѣхъ Лопарей, за отлучкою якобы въ С.-Петербургъ мѣщанина Ерюхина, не разыскивано и имъ Лопарямъ предоставлено не было. Коль скоро сіе исполнено, и по донесенію губернскому правленію, полагали мы, что оно конечно изволитъ принять въ уваженіе невозможность нашу далѣе поступить съ Лопарями, на ограниченной закономъ власти, и будетъ ожидать чѣмъ кончится судебный ихъ процессъ и на чьей сторонѣ по законамъ останется справедливость, то, вмѣсто чаяннаго облегченія, наложено на насъ пени 20 руб., а сверхъ сего и преданы сужденію за то, что мы всѣми мѣрами содѣйствовавъ волѣ губернскаго правленія, яко непосредственнаго надъ нами начальства, не могли успѣть къ склоненію Лопарей допустить Негодяева къ ищемому ихъ угодью, и чтобъ они, при всѣхъ выказываемыхъ ими на видъ правительству на него обидахъ, отступили отъ своей свободы въ договорѣ самимъ тѣмъ Негодяевымъ дозволенной. Но всѣмъ описуемымъ здѣсь доказательствамъ нашей невинности, палату уголовнаго суда покорнѣйше просимъ, за сдѣланнымъ губернскимъ правленіемъ безвиннымъ оштрафованіемъ, отъ дальнѣйшаго взысканія насъ освободить, и надѣемся твердо, что ежели благоизволитъ опая къ сличенію нашего оправданія потребовать вышеобъясненный отъ Негодяева договоръ, доказывающій, что мы въ допущеніи Лопарей сдѣлать другой на владѣніе рѣкою иному и въ засвидѣтельствованіи онаго нимало не приступили законъ о правахъ договоровъ постановленный, то конечно откроется самое настояніе Негодяева противъ собственнаго его условія неосновательнымъ, и чрезъ что самое ясно видно будетъ, что мы въ противность Высочайшаго указа 4 октября 1803 года Правительствующему Сенату даннаго оштрафованы и преданы суду, за чужую, а отнюдь не за свою собственную вину. При семъ объясняемъ, что оправданіе сіе не подписано дворянскимъ засѣдателемъ Медвѣдевымъ за нахожденіемъ его въ отпуску, изъ коего по неявкѣ къ должности на срокъ, неизвѣстно гдѣ онъ и находится.

Его сіятельству, г-ну министру внутреннихъ дѣлъ, управляющему министер-

ствомъ полиціи и кавалеру графу Виктору Павловичу Кочубею, Архангельской губ. Кольскаго уѣзда, Воронежскаго погоста Лопарей прошеніе.

Изъ прежде отправленнаго нами въ минувшемъ февралѣ мѣсяцѣ чрезъ почту прошеніе не безъизвѣстно вашему графскому сіятельству, какое мы потерпѣли стѣсненіе и обиду отъ крестьянина Холмогорской округи Степана Негодяева по насильному, такъ сказать, владѣнію нашею рѣкою Вороньею, и что далѣе непремѣнно отыщетъ онъ случай завладѣть ею вовсе, нынѣ же при приказѣ изъ земскаго суда къ непремѣнному исполненію получили копію съ указа Архангельскаго губернскаго правленія, по которому уже ясно повелѣно, чтобы никто другой кромѣ того Негодяева, въ оную рѣку промышлять не въѣзжалъ и чтобъ въ случаѣ, на понужденіе наше къ безмолвію, употреблена была военная команда, не смотря ни на обнаруживаемую нами лживость сего договора, ни на то, что мы даже и по самому тому договору имѣемъ свободу нарушить оный, только съ тѣмъ, чтобъ за сіе отступленіе все вести намъ своимъ коштомъ его имущество, по сему прилагая подлинную ту копію съ указа, дерзаемъ нынѣ прибѣгнуть къ вашему сіятельству со всенокорнѣйшею слезною нашею просьбою отъ таковаго утѣсненія насъ защитить и доставить способъ къ платежу податей, которыхъ нынѣ, по случаю отказа губернскимъ правленіемъ отъ владѣнія рѣкою за насъ, кольскій мѣщанинъ Голодный въ казну не взнесъ, а мы также денегъ не имѣемъ, а земскій судъ во взысканіе употребляетъ всю строгость закона, отъ чего мы должны придти въ крайнюю бѣдность, а другіе и лишатся своего имѣнія; при чемъ осмѣливаемся объявить, что крестьянинъ Негодяевъ не только насъ бѣдныхъ обманулъ, но даже и начальство явно обманываетъ, увеличивая свои заведенія въ рѣкѣ Вороньей, которыхъ у него кромѣ одного образа нисколько тамъ не имѣется, такъ какъ изба при рѣкѣ, хотя имъ и построена, но на мѣсто сожженной его людьми нашей, и потому намъ принадлежитъ, рыболовныя же сѣти никогда имъ тамъ не оставлялись, но вывозились вонъ, равнымъ образомъ большіе убытки выказываетъ ложно, потому что промыселъ въ рѣкѣ не шестнадцать человѣкъ, а только четыре человѣка всегда производятъ, но и тѣ у него прошлаго лѣта заняты были ловлею въ морѣ трески и палтасины, получая семгу на наживку изъ другой рѣки, Рынды, а что будто бы не имѣлъ онъ на наживу изъ Воронья рѣки и оттого потерпѣлъ убытокъ, то и сіе несправедливо, потому что и славнѣйшіе промышленники и всѣ поморскіе жители и камскіе граждане, не имѣя за собою никакихъ рѣкъ, производятъ безъ убытковъ всегда промыслы, да и онъ Негодяевъ изъ Вороньей всегда всю семгу увозилъ въ Архангельскъ, употребляя иногда только самую малую часть на наживку (слѣдуютъ клейма Лопарей).

Генералъ-губернатора архангельскаго, вологодскаго и олонецкаго архангельскому губернскому правленію.

Въ отвѣтъ на меморію губернскаго правленія отъ 17 числа апрѣля, я изъясняючто по силѣ 96 ст. учрежденія о губерніяхъ, въ которой сказано: намѣстническое правленіе вносятся и отправляются во ономъ всѣ дѣла исполнительныя и скораго отправленія или приказанія требующія, такъ и тѣ, о которыхъ противурѣчія или спора быть не можетъ, какъ напримѣръ: подписанные должникомъ счеты или векселя или контракты ясные и явные, по которымъ въ срокъ платежъ не воспослѣдовалъ, по такимъ дѣламъ жалобы вносятся въ губернское правленіе и отъ онаго дѣлается понужденіе, буде же какое дѣло окажется не безспорно и нѣкоторому сомнѣнію подлежащее, тогда отсылается для разбиранія спорящихъ въ тѣ мѣста, куда надлежитъ, и дѣло по спору воронежскими Лопарями съ крестьяниномъ Не-

годяевымъ о контрактѣ подлежитъ судебному разбирательству, тѣмъ паче, что 1-е, безграмотные Лопари прямо оспариваютъ содержаніе контракта и представили копію, данную повѣреннымъ Негодяева Ерюхинымъ, который, а не Негодяевъ, заключилъ съ ними сей контрактъ, писанную имъ самимъ тѣмъ Ерюхинымъ и имъ подписанную, въ коей плата оброка означена не 175 рублей, а по 400 рублей, противу чего самъ Негодяевъ отозвался, что онъ съ Лопарями контракта не дѣлавъ, а Ерюхинъ донынѣ, какъ видно, не спрошенъ, и такъ столь важное по сему дѣлу обстоятельства оставлено безъ законнаго изслѣдованія. 2-е, явка земскимъ судомъ учинена не въ свое время какъ контрактъ сдѣланъ, а послѣ, почти чрезъ два года уже, о которой земскій же судъ правленію и отозвался, что онъ потому только оную явку учинилъ, что не было отъ Лопарей еще оглашаемо о фальшѣ въ контрактѣ. Сверхъ всего того, контрактъ сей не могъ быть губернскимъ правленіемъ приводимъ въ исполненія за силою указа іюля 30 дня 1808 года, яко невыгодный для Лопарей и не утвержденный казенною палатою, въ коемъ указѣ по прочемъ сказано: что какъ обязанностію ея, казенной палаты есть предостерегать и оборонять крестьянъ казеннаго вѣдомства отъ ущерба и разоренія и соблюдать ихъ выгоды; слѣдовательно, всѣ заключенные ими на оброчныя ихъ статьи договоры не могутъ приведены быть въ исполненіе дотолѣ, пока не разсмотрѣны будутъ казенною палатою въ кондиціяхъ пользы ихъ, и она вправѣ признанные по ея разсмотрѣнію законными и выгодными утверждать, въ противномъ же случаѣ не допускать и наставлять ихъ къ составленію пользъ, предписанными въ экономическихъ правилахъ мѣрами. По симъ обстоятельствамъ губернскому правленію и предлагаю, ни мало не медля, предоставить воронежскимъ Лопарямъ полное право распорядить ихъ рыбными ловлями. Дѣло же о фальшѣ въ контрактѣ предписать кольскому уѣздному суду, при уѣздномъ стряпчемъ, обслѣдовать, для чего не токмо подлинный контрактъ, но и копію, писанную Ерюхинымъ туда препроводить, и по изслѣдованіи съ виновными, чтобъ поступлено было по законамъ; между же тѣмъ претензію Лопарей на Негодяева въ недоплатѣ оброка до рѣшенія сего дѣла нынѣ же обезпечить законнымъ образомъ, и меня обо всемъ по сему распоряженію увѣдомить, доставя изъ дѣла выписку по содержанію принесенной отъ Лопарей г. управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ просьбы, т. е. чтобы съ самаго начала объяснень былъ ходъ сего дѣла обстоятельства, подлинный контрактъ при семъ посылается, 1820 года 19 апрѣля.

1820 года мая 28 дня, во исполненіе указа Архангельскаго губернскаго правленія отъ 27 прошедшаго мая подъ № 4812, на мѣстѣ въ воронежскомъ погостѣ Вольскаго нижняго земскаго суда правящимъ должность земскаго исправника дворянскимъ засѣдателемъ Уваровымъ, при уѣздномъ стряпчемъ Кичерилѣ, нижеписанные того погоста крестьяне спрашиваны и показали: въ прошломъ 1815 году въ августѣ мѣсяцѣ, 4 числа дѣйствительно учинили мы съ общаго нашего согласія съ таковымъ же Холмогорской округи Ровдогорской волости Степаномъ Негодяевымъ договоръ, въ томъ, что отдали своего владѣнія, лежащую по Русскому Мурманскому берегу рѣку Воропью и съ песками, въ которой онъ производить долженъ рыбные семужьи и всякій промыселъ, съ вышеписаннаго числа впредь на три года, за что и рядили получать въ каждый годъ съ того Негодяева оброка, по окончаніи обыкновеннаго промысла, по четыреста руб., а не по сту семидесяти пяти руб., равно и не на пять лѣтъ, какъ значится въ подлинномъ контрактѣ, а удостовѣряемъ данную намъ Холмогорскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерюхинымъ копію, а съ чего написано въ упоминаемомъ подлинномъ контрактѣ не сходственно съ тою копіею, и кѣмъ

таковой учинень именно и представленъ былъ къ свидѣтельству подлинный договоръ въ земскій судъ, по неграмотству своему знать того не можемъ, что и показываемъ какъ сущую правду, въ чемъ прилагаемъ собственныя свои клейма.

Въ дополнительномъ показаніи, отобранномъ 21 генваря 1821 года, воронежскіе Лопари пояснили, что договоръ съ ними былъ писанъ на простой бумагѣ, а не на гербовой, а съ чего былъ написанъ и кѣмъ и кто вмѣсто насъ приложилъ нѣсколько сходственныя клейма къ упоминаемому на гербовой бумагѣ договору, вовсе знать не можемъ; объѣздчика же Миронова, чтобъ приложилъ за насъ руку къ договору никогда мы не просили, а что касается до свидѣтельства договора на простой бумагѣ, то дѣйствительно просили объѣзднаго надзирателя Викторова, и онъ обѣщался исполнить, а съ чего засвидѣтельствовалъ онъ Викторовъ вмѣсто таковаго на гербовой бумагѣ, того вовсе знать не можемъ, равно кѣмъ былъ представленъ въ земскій судъ договоръ, тоже знать не можемъ.

Таможенной стражи 4-й дистанціи надзиратель Викторовъ далъ объясненіе земскому суду, что въ 1815 году въ августѣ мѣсяцѣ, по близости его на Мурманскомъ россійскомъ берегу, въ становищѣ Рындѣ, былъ учиненъ договоръ между воронежскими Лопарями и кр. Негодяевымъ, на владѣніе ему рѣкою Вороньею на три года а съ какого оброку, теперь, по давнопрошедшему времени, не упомнитъ, а во свидѣтельствѣ подписался; договоръ же тотъ писанъ былъ на простой бумагѣ, а не на гербовой; а на приложенномъ при указѣ губернскаго правленія договорѣ рука приложена вмѣсто его поддѣльно.

Изъ остальныхъ лицъ, фамиліи которыхъ выставлены въ контрактѣ, крестьяне Холмогорской округи Воронихинъ и Песниковъ, что они хотя и бывали въ работникахъ отъ Негодяева на рыбныхъ морскихъ промыслахъ, но ни о какомъ договорѣ Негодяева съ Лопарями не знаютъ и никогда ни подъ какими его дѣлами ни кого не просили прикладывать за себя руки. Объѣздчикъ же Мироновъ не былъ спрошенъ за смертью.

1822 года генваря 24 дня, въ присутствіи Холмогорскаго уѣзднаго суда общее съ членами городоваго магистрата, во исполненіе указа Архангельскаго губернскаго правленія, присланный при сообщеніи отъ Холмогорскаго городничаго здѣшній мѣщанинъ Семенъ Алексѣевъ сынъ Ерюхинъ, по дѣлу о фальшѣ. объясняемой Кольской округи Воронежскими Лопарями, въ договорѣ, заключенномъ здѣшняго уѣзда крестьяниномъ Негодяевымъ съ сими Лопарями, на владѣніе первому рѣкою Вороньею, принадлежащею послѣднимъ, спрашивань и показалъ: зовутъ его тѣмъ же именемъ и прозваніемъ, отъ роду ему 21 годъ, на исповѣди и у св. причастіи былъ назадъ тому одинъ годъ, холостъ, грамоты умѣетъ, въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ. Здѣшней округи отъ кр. Негодяева прикащикомъ онъ Ерюхинъ не бывалъ, а хотя и былъ онъ Ерюхинъ отъ него въ Кольской округѣ въ 1815 г. на суднѣ, но только для обученія по малолѣтству, который имѣлъ тогда 13 или 14 лѣтъ, такъ какъ Негодяевъ ему Ерюхину по матери родной дѣдъ. Показанную ему въ присутствіи уѣзднаго суда копію съ договора, данную въ 1815 году августа 4 дня Кольской округи Воронежскими Лопарями дѣду его Негодяеву на владѣніе рѣкою Вороньею, онъ не писалъ и не подписывалъ, а кто таковую писалъ и вмѣсто его Ерюхина подписалъ, онъ не знаетъ; а показанный же ему на гербовой бумагѣ договоръ есть подлинный; точно дѣдъ его кр. Негодяевъ отправилъ его Ерюхина въ 1815 году по лѣту изъ Архангельска на суднѣ своемъ съ тѣмъ самымъ договоромъ, отъ подписанія онымъ Лопарямъ, который и былъ при рѣкѣ Рындѣ означеннымъ Лопярямъ чигана объѣздчикомъ Мироновымъ, при кормщикахъ и работникахъ

которыхъ откуда они были, какъ зовутъ и прозываются, за долгопрошедшимъ временемъ и молодымъ его лѣтамъ не упомнитъ, который договоръ Воронежскіе Лопари, по прочтеніи имъ, утвердили своими клеймами; сей же договоръ того 1815 года; когда обратно на судѣ пришли въ Архангельскъ, обратили его дѣду Негодяеву, а кѣмъ оный засвидѣтельствованъ въ Кольскомъ земскомъ судѣ, того Ерюхинъ вовсе не знаетъ и не отъ кого о томъ не слыхалъ; Воронежскими же Лопарями отъ Ерюхина оброчныхъ 400 рублей никогда требованы не были; и онъ Лопарямъ не похвалялся, что Негодяевъ якобы съ давняго времени имѣетъ ближайшаго хлѣбосола и друга въ губернскомъ правленіи прежде бывшаго много лѣтъ секретаремъ, нынѣшняго совѣтника Варзугина, могущественнаго въ дѣлахъ, который будетъ состоять противъ Лопарей, во всемъ и всѣхъ будетъ судить. И съ чего сіе Лопари на Ерюхина затѣяли, онъ не извѣстенъ, да и господина Варзугина вовсе и по нынѣ не знаетъ; проживалъ онъ Ерюхинъ въ С.-Петербургѣ четыре года по паспортамъ, даннымъ отъ Холмогорскаго городоваго магистрата, въ разныхъ работахъ, а послѣднему паспорту срокъ минулъ прошлаго 1821 года въ Маѣ мѣсяцѣ, который и остался въ С.-Петербургѣ въ земской управѣ морскаго вѣдомства, отъ которой данъ ему былъ видъ на проходъ въ свой домъ, съ которымъ и прибылъ въ Холмогоры.

Въ дополнительномъ показаніи, данномъ 1823 г. февраля 1, Ерюхинъ объяснилъ, что онъ подлинный договоръ отдалъ въ руки объѣздчику Миронову, для отдачи Лопарямъ, грамотѣ тогда писать умѣлъ и нынѣ пишетъ съ перемѣнного почерка,

1822 года февраля 28 дня въ присутствіи Холмогорскаго уѣзднаго суда вмѣстѣ съ членами магистрата Холмогорской округи Ровдогорской волости крестьянинъ Степанъ Матвѣевъ сынъ Негодяевъ, по дѣлу о фальшѣ объявленной Кольской округи Воронежскими Лопарями въ договорѣ, заключенномъ на владѣніе имъ рѣкою Вороньею, принадлежащую тѣмъ Лопарямъ, спрашиванъ и показалъ: зовутъ его точно тѣмъ именемъ и прозваніемъ, отъ роду ему 82 года, на исповѣди и у св. причастія каждогодно бывалъ, вдовъ и дѣтей имѣетъ, въ штрафахъ, подъ судомъ не бывалъ прочитанное ему въ присутствіи уѣзднаго суда объясненіе, его Негодяева, поданное въ Холмогорскій земскій судъ въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго 1818 года утверждаетъ во всей силѣ, только что хотя въ оном внукъ его холмогорскій мѣщанинъ Семенъ Ерюхинъ написанъ повѣреннымъ его, то случилось сіе отъ ошибки писца да и отъ его недосмотру, а болѣе и старости лѣтъ, дѣйствительно что онъ Ерюхинъ неоднократно посылалъ имъ былъ не на одинъ годъ, на собственныхъ его морскихъ судахъ, въ Кольскую округу и то только для обученія по малолѣтству и чтобы привыкалъ къ морскому пути, а не прикащикомъ, да и прикащиковъ никакихъ никогда не имѣлъ; показанный же ему Негодяеву въ присутствіи договоръ учиненный имъ съ вышеписанными Лопарями на указанной бумагѣ, писанный 1815 г. августа 4 дня, и посылалъ съ тѣмъ внукомъ Семеномъ, имѣвшимъ отъ роду 13 лѣтъ въ Кольскую округу, для подписанія Лопарямъ, и послѣ тотъ же самый договоръ онъ внукъ, по приходѣ въ Архангельскъ, обратилъ ему; кто же вышеписанный договоръ писалъ, за долгопрошедшимъ временемъ, не упомнитъ, равно и кто оный отъ его свидѣтельствовалъ въ Кольскомъ земскомъ судѣ, а показанная же съ таковаго копія, писанная на полулистѣ тогожъ 1815 года мѣсяца и члена кѣмъ писана, не знаетъ, да и внуку своему писать таковой не приказывалъ; рѣкой же Вороньей онъ Негодяевъ владѣть уже по таковымъ же договорамъ началъ около 30 лѣтъ, въ теченіи сего времени съ Лопарями никакой ссоры и фальши ни въ чемъ не бывало; изъ чего нынѣ они таковую фальшу затѣяли, онъ не знаетъ.

1823 года іюня 30 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Холмогорскій уѣздный судъ вообще съ членами городоваго магистрата, слушавъ выписку учиненную изъ дѣла якобы о фальшивомъ писаніи холмогорскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерюхинымъ договора на отдачу во владѣніе Кольской округи Воронежскими Лопарями крестьянину Холмогорской округи Степану Негодяеву рыбныхъ ловель по рѣкѣ Вороньѣ, и соображая обстоятельства онаго съ приличными узаконеніями, мнѣніемъ полагаетъ учинить слѣдующее: 1-е, Какъ изъ подлиннаго договора, писаннаго 4 августа 1815 года отъ Воронежскихъ Лопарей на узаконенной гербовой бумагѣ усматривается, что они крестьянину Негодяеву отдали своего владѣнія, лежащую по русскому Мурманскому берегу, рѣку Воронью и съ песками, для произведенія рыбныхъ семужныхъ и всякихъ промысловъ, съ вышеозначеннаго числа, впредь на 5 лѣтъ, съ платежемъ имъ поряженной цѣны за время владѣнія въ каждый годъ по 175 руб., что напротивъ Лопари отрицаютъ, показывая, что, когда въ 1815 году, по истеченіи сроковъ прежнему Негодяевскому владѣнію рѣкою, мѣщанинъ Нѣмчиновъ давалъ имъ по 400 руб. въ годъ, то бывшій въ то время на Мурманскомъ берегу прикащикъ Негодяева, внукъ его Семенъ Ерюхинъ, уговорилъ ихъ, что и они даютъ тотъ же оброкъ и, опасаясь Негодяева, что ежели добромъ не отдаютъ, то будутъ къ тому по прежнему принуждены и съ уменьшеніемъ оброка, дали Ерюхину согласіе и написавъ договоръ на три года, получили отъ него въ удостовѣреніе себѣ съ онаго копію, имъ писанную и подписанную, справедливость каковаго показанія Лопарей, что они дѣйствительно отдали Негодяеву рѣку Воронью, во владѣніе не на пять, какъ въ договорѣ, на гербовой бумагѣ написанномъ, сказано, а только на три года, и оброкомъ получать имъ не по 175 р., а по 400 руб. въ годъ, доказывается и самою копіею, писанною и подписанною 4 августа 1815 года Семеномъ Ерюхинымъ; и хотя онъ въ отобранномъ отъ него показаніи отъ сего отрицается, показывая, что онъ таковой копіи не писалъ и не подписывалъ, и кто таковую писалъ и вмѣсто его подписалъ—онъ не знаетъ; но сіе его показаніе нимало въ отрицаніи его не оправдываетъ, ибо при сношеніи 31 генваря сего года въ общемъ присутствіи въ почеркѣ письма его руки съ упоминаемымъ въ копіи договоромъ съ рукою подписанною имъ же подъ векселемъ, даннымъ 1818 года февраля 27 дня суммою на 182 руб. мѣщанину Ивану Ерюхину и подписью, писанной 1822 года въ іюлѣ мѣсяцѣ въ магистратѣ, оказалось, что рукоприкладство подъ векселемъ имъ Ерюхинымъ подписано мелкою рукою, нѣсколько похожею въ почеркѣ съ договоромъ, а подписью крупною рукою, похожею съ тою рукою, какою подъ отобранными отъ него въ семъ судѣ показаніями подписано, и хотя онъ при таковомъ сличеніи объявилъ присутствію, что онъ будучи въ малолѣтствѣ учился писать мелко, а нынѣ пишетъ крупно; но и сему вѣрить никакъ не можно, ибо, судя по здравомыслію, молодыхъ людей, когда они при достиженіи лѣтъ отдаются къ обученію грамотѣ, и писать всегда пріучаютъ ихъ первоначально писать прописи крупною рукою, а не мелкою, и потомъ уже постепенно, время отъ времени, когда утвердятся они въ твердости руки, начинаютъ писать мелкою рукою, а не такъ, какъ Ерюхинъ, вопреки сему, говорятъ, показывая при всемъ томъ въ отобранномъ отъ него послѣ показаніи, что пишетъ онъ съ перемѣною почерка, сіе ясно обнаруживаетъ его Ерюхина въ фальшивомъ писаніи имъ упоминаемаго на простой бумагѣ договора, за каковой поступокъ, слѣдуя 22 главѣ 201 воинскаго артикула, наказать его плетьми, давъ 30 ударовъ. 2-е, Что касается до исчемыхъ Лопарями съ крестьянина Негодяева неподписанныхъ имъ по договору, каковъ имъ данъ былъ на простой бумагѣ, денегъ, то до утвержденія 1-го пункта

сего рѣшенія высшимъ правительствомъ положенія о семъ сдѣлать никакого не можетъ; на каковомъ основаніи и учинить съ мнѣніемъ рѣшительный протоколъ, который съ подлиннымъ дѣломъ и выпискою представить при рапортѣ на начальственное благоусмотрѣніе въ Архангельскую палату уголовнаго суда, съ донесеніемъ, что подсудимый съ 4 генваря 1822 года находится на поручительствѣ холмогорскихъ мѣщанъ Алексѣя и Ивана Серюхиныхъ, тѣлосложенія крѣпкаго, отъ роду 21 годъ.

Архангельская уголовная палата приговоръ этотъ утвердила.

II.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ КОРЕЛОВЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Корелы — Финское племя, наиболѣе приближающееся къ собственно Финнамъ. Языкъ ихъ не составляетъ самостоятельнаго нарѣчія, а есть только діалектическое измѣненіе финскаго [1]).

Корелы, также какъ и Лопари, которыхъ они оттѣснили на сѣверъ, занимали прежде гораздо большее пространство, чѣмъ въ настоящее время. Они жили около Ладожскаго и Онежскаго озеръ, а на сѣверѣ заселяли берега Бѣлаго моря до самой рѣки Онеги. Русскіе, оттѣснивъ ихъ съ юга, заставили отступить и отъ морскихъ береговъ, гдѣ находили выгоднымъ селиться самимъ. Корелы, оставшіеся въ своихъ поселеніяхъ по берегамъ Бѣлаго моря, были совершенно поглощены русскою народностью.

Первыя историческія извѣстія о Корелахъ мы имѣемъ въ лѣтописяхъ отъ половины XII вѣка, гдѣ о нихъ упоминается, какъ о союзникахъ Новгородцевъ, помогавшихъ послѣднимъ отбивать нападенія другаго финскаго племени Еми и Шведовъ. Корелы были данниками Новгородцевъ и съ покореніемъ Новгорода перешли, какъ и Лопари, въ подданство Московскаго государя.

Въ соціальномъ отношеніи Корелы стоятъ выше Лопарей, такъ какъ ведутъ жизнь осѣдлую. Они живутъ въ маленькихъ деревняхъ, разбросанныхъ по всему пространству собственно Кемскаго уѣзда,

---

[1]) Лекціи по наукѣ о языкѣ, *Макса Мюллера*, стр. 240.

за исключеніемъ узкой полосы земли по южному берегу Бѣлаго моря, Поморья.

Всѣхъ Кореловъ, живущихъ въ предѣлахъ Архангельской губерніи, по свѣдѣніямъ 1865 г. числится 16,700 душъ обоего пола. Они составляютъ одиннадцать волостей: Тунгудскую, Вокнаволоцкую, Кестенскую, Ухтинскую, Маслозерскую, Юшкозерскую, Олангскую (бывшее Кундозерское общество), Костомужскую, Погосскую, Вычетайбольскую, Тихтозерскую; также часть ихъ живетъ въ деревняхъ Керетской и Поньгамской волостей, а одно поселеніе ихъ, деревня Вялозеро, находится даже на Терскомъ берегу и считается обыкновенно лопарскимъ.

Корельское племя, находясь долгое время подъ вліяніемъ Русскихъ, нѣсколько утратило изъ своихъ національныхъ особенностей, и разумѣется, степень утраты пропорціональна силѣ вліянія русскаго элемента. Чувствительнѣе всего этотъ послѣдній отразился на Корелахъ волостей, ближайшихъ къ русскимъ селеніямъ, гдѣ Корелы, даже отчасти и ихъ женщины, знаютъ русскій языкъ. Въ волостяхъ, лежащихъ въ отдаленіи отъ русскихъ селеній, близъ Финляндіи, огромное большинство не только не говоритъ, но даже и не понимаетъ по русски. А это обстоятельство ставитъ преграду распространенію русскаго вліянія. Вліяніе это, конечно, не ограничивалось ознакомленіемъ Кореловъ съ русскимъ языкомъ; оно отразилось частью на ихъ обычаяхъ и обрядахъ. Интересно наблюдать степени развитія этого вліянія, напримѣръ, въ корельскихъ свадебныхъ обрядахъ, описанія которыхъ, составленныя въ двухъ различныхъ мѣстностяхъ Корельской области—Юшкозерѣ и Ухтѣ, приводитъ г. Чубинскій [1]). Изъ обоихъ этихъ описаній видно, что нынѣшніе корельскіе свадебные обряды представляютъ уже уклоненіе отъ своего первоначальнаго типа, уклоненіе, образовавшееся именно подъ вліяніемъ русскихъ свадебныхъ обрядовъ. Но между тѣмъ какъ въ Юшкозерѣ они представляютъ только небольшую разницу съ обрядами поморовъ, въ Ухтѣ они сохраняютъ нѣкоторыя существенныя черты своего кореннаго типа.

Немного, вѣроятно, есть мѣстностей въ Русскомъ государствѣ,

---

[1]) Труды Арх. Статист. Комитета за 1865 г., книга 2-я: Статистическо-этнографическій очеркъ Корелы.

жители которыхъ находились бы въ болѣе тяжеломъ экономическомъ положеніи, чѣмъ Корелы. Чтобы дать ясное понятіе о томъ, до чего бѣдственно это положеніе, приведемъ выписки изъ приговора одного корельскаго волостнаго схода по поводу предписанія Архангельскаго губернатора о прекращеніи ссуды хлѣба изъ казны. Придерживаемся точно выраженій подлинника, позволивъ себѣ только небольшія синтаксическія измѣненія: „Неурожай хлѣба въ 1867 и въ предшествующемъ 1868 гг. привелъ въ волости всѣхъ крестьянъ въ безвыходное положеніе, такъ что не малая часть ихъ, лишившись скота и необходимыхъ принадлежностей сельской осѣдлости, бросила свои дома и отправилась съ самой осени скитаться постыднымъ нищенствомъ въ приморскія селенія Кемскаго уѣзда, а часть въ Повѣнецкій и Каргопольскій уѣзды; отлучившіеся въ 1867 г. и понынѣ еще не возвращались. Другіе, не имѣя никакихъ средствъ къ выѣзду, будучи обременены малолѣтними дѣтьми, оставшись дома, питаются постоянно щами, сваренными изъ соломы, вытолченной въ муку, и хлѣбомъ, изготовленнымъ изъ сосновой коры; нѣкоторые примѣшиваютъ къ тому самую ничтожную часть ржаной муки, покупаемой изъ торговаго магазина на деньги, вырученныя за послѣдніе свои пожитки и вещи, проданныя и отданныя въ залогъ за безцѣнокъ. Пища эта, грубая и отвратительная, особенно вредна для здоровья малолѣтковъ. Взрослые же, употребляющіе такую пищу, съ трудомъ могутъ ходить отъ слабости въ ногахъ. Что касается до пріобрѣтенія сѣмянъ на посѣвъ полей за деньги, то такихъ семействъ находится въ нашей волости только 12, заключающихъ въ себѣ 62 души, кои могутъ купить себѣ сѣмянъ за деньги, а остальныя 846 душъ обоего пола, состоящія въ волости, вовсе не имѣютъ никакихъ средствъ купить таковыхъ, а равно и хлѣба на продовольствіе до новаго урожая“ (Приговоръ Юшкозерскаго волостнаго схода отъ 23-го марта 1869 г.).

Эта выписка можетъ замѣнить самое краснорѣчивое описаніе положенія Кореловъ; замѣтимъ притомъ, что Юшкозерская волость далеко не самая бѣдная изъ корельскихъ волостей, если принять во вниманіе таблицу г. Чубинскаго [1]), гдѣ эта волость занимаетъ

[1]) Труды Арх. Стат. Ком. за 1865 г., стр. 95: Статистическо-этнографическій очеркъ Корелы.

четвертое мѣсто по величинѣ остатка, причитающагося на дворъ, за уплатою податей и мірскихъ сборовъ. Причины такого положенія Кореловъ—скудные урожаи хлѣба, недостатокъ заработковъ и разнаго рода стѣсненія, о которыхъ будетъ сказано ниже. Если бы не ссуды, дѣлаемыя Кореламъ правительствомъ, то они должны были бы перемереть съ голоду въ неурожайные годы, которые у нихъ случаются часто. Ссуды эти, а также и продажа хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ, необходимы, такъ какъ въ Корелѣ нѣтъ вольной продажи хлѣба, за которымъ Корелы должны обращаться къ поморамъ-монополистамъ, при чемъ цѣна хлѣба, и безъ того высокая, еще увеличивается стоимостью его провоза изъ Поморья. Покупать хлѣбъ Корелы должны не только въ неурожайные годы, но и при обыкновенномъ урожаѣ. И въ такомъ случаѣ у нихъ недостаетъ хлѣба, по разчету г. Чубинскаго, до 110,000 пудъ, а на покупку его далеко не хватаетъ всѣхъ ихъ остатковъ отъ промысловъ и заработковъ.

Какъ же существуютъ Корелы до сихъ поръ при такомъ безвыходномъ экономическомъ положеніи? Дѣло въ томъ, что Корелы попали въ него не такъ давно, вслѣдствіе стѣсненій, которымъ подвергся ихъ прежній порядокъ хлѣбопашества и нѣкоторыя отрасли ихъ промышленности. Правда, главное занятіе Кореловъ—хлѣбопашество, всегда велось не искусно отъ ихъ неумѣнья, но существовавшая до конца пятидесятыхъ годовъ система подсѣчнаго хозяйства давала достаточныя средства къ существованію. Для каждаго посѣва они вырубали лѣсъ, сѣяли на очищенномъ мѣстѣ разъ, и снявъ хлѣбъ, бросали поле, такъ какъ въ другой разъ хлѣбъ на немъ не родился. Урожаи на этихъ нивахъ были чрезвычайно богаты, но такой порядокъ хозяйства признанъ былъ вреднымъ по причинѣ лѣсопстребленія, и потому противъ него возбуждено было сильное преслѣдованіе со стороны администраціи. Но правильный образъ веденія сельскаго хозяйства никакъ не могъ привиться къ Кореламъ. Этому препятствовали и вѣковыя привычки, и суровый климатъ, и неблагодарная почва, а также малое развитіе скотоводства, лишавшее ихъ такимъ образомъ возможности возстановлять силы истощенной земли. Держать же скотъ въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ Корелы не могутъ, такъ какъ сѣнокосовъ у нихъ почти нѣтъ. Всего скота приходится у нихъ на дворъ $^3/_4$

лошади, 2 крупныхъ рогатыхъ скотины, $2^7/_8$ овцы и $2^1/_2$ оленя, въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ ихъ держатъ.

Между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстностяхъ развитіе промышленности увеличиваетъ спросъ на трудъ и его стоимость, у Корелъ уничтожились было и тѣ зачатки промышленности, какіе существовали. Въ прежнее время въ Корелѣ выдѣлывалось желѣзо въ Юшкозерской, Вокнаволоцкой, Погосской, частью въ Костомушской, а особенно въ Маслозерской волостяхъ. Все Поморье снабжалось винтовками, пищалями и ружьями корельской работы. Теперь кузнечнымъ мастерствомъ занимается только Маслозерская волость, а выдѣлываніе желѣза изъ желѣзной руды, доставаемой изъ болотъ, вовсе оставлено, такъ какъ производство сдѣлалось невыгоднымъ, когда наложена была пошлина на дрова. По той же причинѣ, осложненной еще трудностью имѣть выгодный сбытъ продукта, прекратилось и смолокуреніе.

Прежде Корелы имѣли еще немалый доходъ отъ мелочной разносной торговли съ Финляндіей. Почти вся молодежь уходила туда съ половины августа и тамъ, бродя по селамъ и деревнямъ, производила торгъ. Каждый изъ этихъ торговцевъ имѣлъ при себѣ кожаную сумку, въ которой заключался его товаръ, на сумму отъ 30 до 200 рублей. Торгъ этотъ значительно сократился теперь. Главная причина та, что Корелы преслѣдуются въ Финляндіи таможнимъ начальствомъ, такъ какъ они торгуютъ въ подрывъ мѣстнымъ торговцамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ. Если Корелякъ будетъ пойманъ, то товаръ его конфискуется, а самъ онъ предается суду. Другія причины упадка этой торговли—общее обѣдненіе Кореловъ, какъ слѣдствіе неурожаевъ и уменьшенія промысловъ, и паденіе капиталистовъ, дававшихъ многимъ средства для торговли; такъ напримѣръ, одинъ богатый крестьянинъ Вокнаволоцкой волости Митрофановъ давалъ ссуды и посылалъ отъ себя до 200 человѣкъ.

Такимъ образомъ Корелы лишились самыхъ выгодныхъ изъ своихъ заработковъ. Остальныя статьи дохода не даютъ имъ достаточнаго обезпеченія. Изъ нихъ наиболѣе важную роль играютъ рыбные, звѣриные и птичьи промыслы.

Въ рѣкахъ и многочисленныхъ озерахъ Корелы довольно рыбы, которая служитъ Кореламъ существенно важнымъ подспорьемъ въ

ихъ хозяйствѣ. Развитію рыболовства мѣшаетъ недостатокъ снастей, особенно неводовъ, которые довольно дороги. Но еще большее препятствіе для развитія этого промысла представляетъ недостатокъ соли, необходимой для посола рыбы. Правительство разрѣшило безпошлинный ввозъ соли изъ-за границы, именно въ видахъ развитія рыболовства, но на Корелу назначается незначительное ея количество, да и то часто не доходитъ по назначенію. Чтобы воспользоваться данною привилегіей, Корелы должны найти подрядчика изъ богатыхъ поморовъ, торгующихъ съ Норвегіею, который закупилъ бы для нихъ соль и привезъ въ Поморье. Корелы составляютъ приговоръ, по которому обязываются выкупить соль къ извѣстному сроку, но вслѣдствіе своей бѣдности не имѣютъ, большею частью, возможности выполнить свое обязательство. Тогда подрядчикъ, пользуясь этимъ, продаетъ соль другимъ лицамъ, чаще въ Олонецкую губернію, а Корелы остаются ни причемъ и бываютъ принуждены покупать соль у вольныхъ торговцевъ по высокимъ цѣнамъ. И въ этомъ отношеніи положеніе Корелова ухудшилось. Прежде, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, Корелы могли доставать соль изъ поморскихъ соляныхъ варницъ по невысокой цѣнѣ. Эти варницы закрылись, когда, съ одной стороны, наложена была пошлина на лѣсъ и увеличенъ акцизъ на вывариваемую соль, а съ другой—дозволено было вывозить соль изъ-за границы безпошлинно.

Звѣриные промыслы Кореловъ состоятъ въ ловлѣ медвѣдей, куницъ, россомахъ, горностаевъ, бѣлокъ, зайцевъ, выдръ и оленей; изъ птицъ ловятъ рябчиковъ, глухарей, тетеревовъ и куропатокъ. Корелы принимаютъ также нѣкоторое участіе и въ Мурманскихъ промыслахъ, отчасти какъ покрученики, отчасти какъ простые рабочіе поморовъ. Но Кореловъ, занимающихся морскими промыслами, очень незначительное число, потому что они боятся моря; по ихъ собственному выраженію, „Корела море бьетъ“. Отвращеніе Кореловъ отъ моря видно еще и изъ того, что они не селятся по берегамъ, удаляются въ тундру, даже въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ ихъ территорія примыкаетъ къ морю. Есть еще одинъ видъ промышленности, доставляющій сравнительно очень хорошій доходъ, именно—судостроеніе; но имъ занимается только незначительное число Кореловъ Маслозерской и Тунгудской волостей. Особенно

извѣстны своимъ искусствомъ въ судо-строеніи жители деревни Подужемье, въ 15 верстахъ отъ г. Кеми. Вотъ и всѣ промыслы Кореловъ, если прибавить еще выдѣлку кожъ и овчинъ, также суконъ и холста, идущихъ почти исключительно для собственнаго употребленія.

Продукты своихъ промысловъ Корелы сбываютъ на ярмаркахъ Финляндіи и на Шунгской ярмаркѣ въ Олонецкой губерніи. На финляндскія ярмарки, въ Каянь, Куопіо и Торнео, Корелы возятъ ремни изъ моржовыхъ шкуръ, рыбу, масло, птицу, а также товары, покупаемые на Шунгской ярмаркѣ: пеньку, веревки, лепъ. мыло и пр. Часть этихъ предметовъ промѣнивается, но большая часть продается на деньги.

Большая часть доходовъ отъ промысловъ идетъ у Кореловъ на уплату государственныхъ податей и разныхъ мірскихъ сборовъ. Остатки такъ незначительны, что трудно себѣ представить, какъ можно ими удовлетворить самымъ первымъ потребностямъ крестьянской семьи, даже если есть собственный хлѣбъ. Что случается когда хлѣба нѣтъ, это ясно показываютъ тѣ выписки изъ приговора волостнаго суда. которыя мы привели выше. Неравномѣрное распредѣленіе незначительныхъ заработковъ производитъ то, что множество Кореловъ не имѣютъ вовсе средствъ къ существованію и должны нищенствовать въ Поморьѣ, Финляндіи и Олонецкой губерніи. Теперь правительство предлагаетъ имъ выселяться на Мурманскій берегъ, при чемъ на каждую семью дается изъ казны 150 рублей на переселеніе.

Въ умственномъ отношеніи Корелы стоятъ также довольно низко; грамотныхъ между ними очень мало. особенно въ волостяхъ. отдаленныхъ отъ Поморья, да и невозможенъ никакой шагъ впередъ въ умственномъ развитіи, пока не измѣнятся къ лучшему обстоятельства, обусловливающія ихъ настоящее экономическое положеніе. Авторъ книги „Годъ на Сѣверѣ“ г. Максимовъ пророчитъ Корелямъ лучшую будущность сравнительно съ другими, родственными имъ племенами. Но едва ли основателенъ въ отношеніи ихъ такой оптимизмъ. Вотъ какъ обрисовываютъ положеніе Кореловъ слова одного оффиціальнаго источника: „Въ настоящее время платежныя средства Кореловъ совершенно изсякли: обращать взысканіе на ихъ имущество невозможно уже, такъ какъ у огромнаго

большинства Кореловъ нѣтъ ни скота, никакого другаго имущества, кромѣ самыхъ немногочисленныхъ и необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ. Такимъ образомъ надо опасаться, что сборъ податей и повинностей въ скоромъ времени долженъ будетъ остановиться за полною невозможностью для нихъ производить уплату“ [1]).

Доведенные до самой крайней бѣдности, принужденные питаться соломой и корой вмѣсто хлѣба, какъ то свидѣтельствуетъ тотъ же источникъ и даже самъ г. Максимовъ, Корелы не могутъ собственными силами выйдти изъ своего бѣдственнаго положенія, если правительство не придетъ къ нимъ на помощь съ радикальными мѣрами, направленными къ освобожденію ихъ промысловъ отъ стѣсненій, доставленію имъ средствъ къ сбыту ихъ продуктовъ, облегченію ихъ повинностей. Нѣсколько шаговъ въ такомъ направленіи уже сдѣлано, и Кореламъ даны льготы, освобождающія отъ нѣкоторыхъ стѣсненій ихъ земледѣліе и промышленность, а также облегчающія имъ уплату податей [2]). Льготы эти не остаются безъ вліянія на улучшеніе ихъ быта, какъ можно судить по немногочисленнымъ и скуднымъ извѣстіямъ, доходящимъ до насъ путемъ печати. Но трудно надѣяться, чтобъ Корелы успѣли совершенно оправиться и занять прочное экономическое положеніе въ этотъ льготный срокъ.

Приводимъ отзывъ г. Чубинскаго о характерѣ Кореловъ: „Корелы характера спокойнаго, нѣсколько даже апатичны, но ихъ нельзя упрекнуть въ лѣни. Они точно также трудятся, какъ и Русскіе, если не больше, и бѣдность ихъ ничуть не доказываетъ ихъ лѣни“.

Выше мы говорили о вліяніи, какое оказываетъ на Корелъ русскій элементъ, но это вліяніе не на столько сильно, чтобы могло уничтожить всѣ оригинальныя черты ихъ обычаевъ, какъ то иногда принимается пишущими о Корелахъ. Что касается юридическихъ обычаевъ Корелъ, то они, вѣроятно, представляютъ также много оригинальныхъ особенностей. Но скудость матеріаловъ, какими мы располагали, а еще болѣе самое свойство главнаго изъ нихъ, не

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣдомости* 1867 г., № 30: ст. Нынѣшнее состояніе инородцевъ. (Изъ дѣлъ канцеляріи губернатора).

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1868 г., № 48.

позволили намъ выставить это съ достаточною рѣзкостью. Главнымъ матеріаломъ послужили намъ, какъ будетъ видно ниже, рѣшенія корельскихъ волостныхъ судовъ. Такъ какъ эти рѣшенія составляются писарями изъ Русскихъ, то отъ ихъ вліянія рѣшенія необходимо утрачиваютъ многое изъ того, что̀ составляетъ въ нихъ наиболѣе характеристическаго. Намъ часто приходилось преодолѣвать много трудностей, чтобы добраться ихъ настоящаго смысла, сильно затемняемаго изложеніемъ. Многія изъ этихъ рѣшеній, наиболѣе интересныхъ, мы приводили цѣлкомъ, сдѣлавъ, впрочемъ нѣкоторыя измѣненія, чтобы упростить ихъ пониманіе. Кромѣ того, мы пользовались рукописными замѣтками о юридическихъ обычаяхъ Кореловъ, доставленными воспитанникомъ Архангельской духовной семинаріи г. Камкинымъ. Къ сожалѣнію, эти замѣтки относятся только къ семейственному праву и сдѣлкамъ Кореловъ. Нѣсколько юридическихъ обычаевъ заимствовано также изъ статьи г. Чубинскаго: „Историко-этнографическій очеркъ Корелы“ и изъ книги гг. Максимова: „Годъ на Сѣверѣ“, Верещагина: „Очерки Архангельской губерніи“, г. Михайлова: „Очерки природы и быта Бѣломорскаго края Россіи“.

I.

Гражданское право.

1. Право семейственное.

Когда мужчина и женщина вступаютъ въ бракъ, то чтобъ опредѣлить степень ихъ родства и свойства, руководятся большею частью личными соображеніями, а также голосомъ семьи, и только въ затруднительныхъ случаяхъ, именно при желаніи вступить въ бракъ близкихъ родственниковъ, какъ напримѣръ, кумовей, троюродниковъ и т. под., обращаются за совѣтомъ къ священнику и даже къ волостному писарю и вообще ко всякому болѣе или менѣе компетентному лицу въ этомъ дѣлѣ, напримѣръ, къ грамотнымъ раскольникамъ и пр. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ являются попытки вступленія въ бракъ при указанныхъ степеняхъ родства и подобнымъ имъ, безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ кѣмъ бы то ни было, что̀, конечно, на сколько возможно,

устраняется причтомъ. Это именно бываетъ въ томъ случаѣ, когда бракъ затѣвается по какимъ-нибудь внѣшнимъ расчетамъ, напримѣръ, по причинѣ особеннаго богатства невѣсты или жениха.

Браки у Кореловъ, какъ и вездѣ въ простонародьи, совершаются большею частью въ силу экономической необходимости Этою экономическою необходимостью обусловливается и возрастъ, въ который бываютъ брачные союзы. Если семья нуждается въ рабочихъ рукахъ, то она побуждаетъ жениться сына или брата какъ можно раньше, желая избѣгнуть необходимости нанимать работницъ на сторонѣ. При этомъ, въ случаѣ недостатка у жениха или невѣсты опредѣленныхъ церковью лѣтъ, недостатокъ ихъ сглаживается прибавкой недостающихъ лѣтъ или мѣсяцевъ, что вовсе не считается за грѣхъ. Въ силу того же экономическаго закона вступаютъ въ бракъ и вдовцы лѣтъ въ 45 и 50, при чемъ убавить жениху или невѣстѣ нѣсколько лѣтъ тоже не считается преступленіемъ. Если же въ семьѣ довольно работниковъ и работницъ, то старшій холостой мужчина женится обыкновенно не ранѣе 22—23 лѣтъ, а иногда лѣтъ въ 25 и 26; точно также вступаютъ въ бракъ и младшіе холостяки. При этомъ заслуживаетъ вниманія то, что женихъ выбираетъ себѣ по возможности болѣе близкую по годамъ невѣсту. Отсюда чрезвычайная рѣдкость неправильныхъ по годамъ браковъ, т. е., браковъ между слишкомъ молодыми мужчинами и старыми женщинами, и на оборотъ.

Что касается до различій въ религіозныхъ убѣжденіяхъ Кореловъ. то въ этомъ отношеніи вступающія въ бракъ лица не затрудняются: мужчина-раскольникъ [1]) свободно женится на женщинѣ православной, равно какъ и женщина-раскольница безпрепятственно выходитъ въ замужество за православнаго жениха.

Бываютъ, хотя очень рѣдко, случаи вступленія Кореловъ въ брачный союзъ съ женщинами Финляндками, но съ Русскими и Норвежцами они не вступаютъ въ бракъ.

Большая часть браковъ у Кореловъ, у которыхъ родительская власть пользуется большимъ уваженіемъ, совершается съ согласія и по волѣ родителей брачущихся. Ихъ участіе въ этомъ выражается обыкновенно въ благословеніи иконой съ хлѣбомъ и солью, въ

---

[1]) Часть Кореловъ принадлежитъ къ раскольническимъ сектамъ.

приготовленіи къ свадьбѣ необходимыхъ принадлежностей, какъ напримѣръ, лучшихъ яствъ и одежды и въ пожеланіяхъ, чтобы женихъ и невѣста были трудолюбивы и покорны. При всемъ томъ, родительская власть въ дѣлѣ заключенія брачныхъ союзовъ эдѣсь не имѣетъ такого безусловно-важнаго значенія, какъ у Лопарей. Здѣсь дается гораздо больше мѣста свободному выбору.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ между женихомъ и невѣстой совершается безъ согласія родителей и противъ ихъ воли, онъ отличается отсутствіемъ всякой обрядности, кромѣ того, что женихъ и невѣста взаимно обмѣниваются подарками; подарокъ жениха бываетъ всегда болѣе цѣнный, чѣмъ подарокъ невѣсты; онъ служитъ какъ бы залогомъ вѣрности со стороны перваго. Родители при этого рода бракахъ сначала, какъ вездѣ водится, нападаютъ на своихъ дѣтей съ сильными упреками и угрозой донести на нихъ высшему начальству, но въ концѣ концовъ они примиряются съ ними и вступаютъ въ такой тѣсный родственный союзъ, какъ будто бы дѣти ихъ вступали въ бракъ съ полнаго ихъ согласія. Впрочемъ, это бываетъ только тогда, когда невѣста или женихъ оправдываютъ болѣе или менѣе желанія родителей, именно оказываются трудолюбивы и послушны; въ противномъ же случаѣ, родители живутъ съ ними въ отчужденіи и лишаютъ ихъ даже наслѣдства, хотя безъ вмѣшательства власти. Молодые въ этомъ случаѣ изгоняются изъ дома и принуждены бываютъ жить отдѣльно.

Случаи, когда бы бракъ заключался противъ воли жениха и невѣсты, по наслѣдственному принужденію родителей, очень рѣдки. Въ этихъ случаяхъ какъ бываетъ вездѣ, брачущіеся, боясь навлечь на себя гнѣвъ и нерасположеніе родителей, скрываютъ такое принужденіе отъ священника. Такіе браки обыкновенно бываютъ несчастливы и ведутъ за собою разореніе семейства, такъ какъ порождаютъ небрежное исполненіе хозяйственныхъ обязанностей мотовство и волокитство, а также частыя ссоры, брань и даже драки. Вслѣдствіе всего этого вся семья, терпитъ матеріальные убытки и бываетъ театромъ многихъ скандальныхъ сценъ. Развязкой такихъ браковъ бываетъ обыкновенно разводъ, совершающійся по обоюдному согласію супруговъ и по приговору, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, родителей или родственниковъ; совершающіе разводъ су-

пруги расходятся въ разныя стороны въ качествѣ искателей работы. Таковы въ большинствѣ случаевъ послѣдствія принужденнаго брака. Что же касается меньшинства случаевъ, меньшинства самаго незначительнаго, именно когда соединяются другъ съ другомъ особенно мягкія и добродушныя натуры, которыя наконецъ свыкаются и живутъ мирно и согласно, то это—счастливыя исключенія.

Если починъ въ дѣлѣ вступленія въ бракъ принадлежитъ молодому человѣку, то онъ, прежде всего, обращается къ той дѣвицѣ, на которую палъ его выборъ, и самъ лично или черезъ довѣренное лицо подговариваетъ ее сдѣлаться его женою. Если получитъ рѣшительный отказъ, то обращается съ предложеніемъ къ другой. Когда же дѣвица изъявитъ согласіе на его предложеніе, то иногда онъ беретъ отъ нея, какъ залогъ, платокъ или какую-нибудь другую вещь, и тогда только сообщаетъ своимъ родителямъ, что онъ намѣренъ жениться. Избравъ для этого удобный случай, онъ падаетъ имъ въ ноги и проситъ благословенія, приговаривая: „Благослови, батюшка, благослови, матушка, жениться“. Но недостаточно еще испросить согласія у родителей; необходимо также обратиться за нимъ и къ другимъ членамъ семьи, какъ-то: братьямъ, сестрамъ, и ко всѣмъ, живущимъ въ домѣ. Форма обращенія та же самая: кланяется въ ноги, приговаривая: „Благослови (такой-то) жениться“. Такимъ же образомъ женихъ испрашиваетъ благословенія священника, къ которому является тогда, когда получитъ согласіе и благословеніе всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ, и непремѣнно съ какимъ-нибудь подаркомъ.

Свадебъ безъ согласія и благословенія родителей нынѣ совершается меньше; прежде, какъ помнятъ старики, часто воровали и увозили невѣстъ. Причиной убѣга и увоза невѣстъ служитъ чаще всего неравенство состояній жениха и невѣсты. Если молодые люди нравятся другъ другу, но невѣста богата, а женихъ бѣденъ, то родители ея обыкновенно противятся браку, и тогда невѣста уходитъ тайно къ жениху. Черезъ нѣсколько времени они вмѣстѣ являются къ родителямъ, которымъ заявляютъ, что ихъ теперь уже поздно разлучать, просятъ прощенія. Иногда родители прощаютъ; въ такомъ случаѣ, послѣ примиренія, празднуется свадьба, и невѣстѣ отдается ея приданое. Но иногда родители не отдаютъ

приданого, говоря: „Съ чѣмъ ушла, съ тѣмъ и живи“. Случается, что родители сами устраиваютъ такіе убѣги своихъ дочерей. Если отецъ скупъ, то для избѣжанія свадебныхъ расходовъ, нарочно не отдаетъ свою дочь, когда женихъ сильно ея домогается, затѣмъ, чтобы тотъ увезъ невѣсту.

Изъ вышеописаннаго обряда выпрашиванія женихомъ благословенія, можно видѣть, что родственники у Кореловъ имѣютъ довольно важное значеніе. Они принимаютъ также дѣятельное участіе во всемъ дальнѣйшемъ ходѣ свадьбы. Получивъ согласіе на женидьбу, женихъ выбираетъ изъ своихъ ближайшихъ родственниковъ сватовъ, которыхъ бываетъ отъ трехъ до пяти и болѣе. Въ тѣхъ мѣстахъ Корелiи, гдѣ обычаи еще мало измѣнились отъ вліянія русскаго элемента, сваты, идя въ домъ невѣсты, заряжаютъ пистолетъ или винтовку однимъ порохомъ, и подойдя къ дому, стрѣляютъ, чтобы дать знать о своемъ прибытіи. Зашедъ въ избу, они останавливаются по срединѣ, не переходя за черту воронца. Когда хозяева предложатъ имъ садиться, они отвѣчаютъ: „Мы пришли не для того, чтобы сидѣть, а за невѣстой, которая нужна нашему жениху“. На это родители невѣсты отвѣчаютъ: „Наша дочь не богата и приданаго не запасла“, на что̀ сваты возражаютъ, что имъ нужно не богатство, а человѣкъ.

Если родители не желаютъ отдать свою дочь замужъ, то предлагаютъ сватамъ закусить: подаютъ обыкновенно хлѣбъ и масло, а въ поморской Корелiи варятъ кашу. Если же родителямъ нравится женихъ и они склоняются на его сторону, то просятъ сватовъ дать имъ нѣсколько времени, чтобы посовѣтоваться объ этомъ дѣлѣ съ родственниками.

Затѣмъ созываются родственники на совѣтъ; на этомъ родственномъ совѣтѣ рѣшается вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли выдать дѣвушку за извѣстнаго жениха. Родственные и семейные совѣты здѣсь вообще имѣютъ большое значеніе, сдѣлать что-нибудь важное безъ вѣдома близкихъ родственниковъ, а тѣмъ болѣе своей семьи, считается противообычнымъ, и такіе случаи сопровождаются большими непріятностями. Тутъ же спрашивается согласіе у невѣсты: согласіе свое невѣста выражаетъ тѣмъ, что отдается въ волю родителей, несогласіе же—тѣмъ, что падаетъ имъ въ ноги, прося подержать ее еще и покормить своимъ хлѣбомъ, какъ кор-

мили раньше (Юшкозеро). Въ отдаленныхъ отъ Поморья мѣстахъ невѣста изъявляетъ свое согласіе тѣмъ, что падаетъ родителямъ въ ноги и говоритъ: „Однажды счастье испытать“ (Ухта).

Спустя нѣсколько времени, сваты являются за окончательнымъ отвѣтомъ къ родителямъ и спрашиваютъ ихъ, какъ они обдумали свое дѣло.

Такъ какъ совѣтъ рѣшаетъ большею частію въ пользу жениха, то отвѣтъ бываетъ чаще благопріятный. Въ такомъ случаѣ, на вопросъ сватовъ родители отвѣчаютъ: „Садитесь, тогда и потолкуемъ“. Сваты садятся въ передній уголъ, а отецъ невѣсты ставитъ къ иконѣ зажженную восковую свѣчу и приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ садиться по мѣстамъ.

Когда посидятъ такимъ образомъ, безмолвно, съ минуту, отецъ невѣсты со словами: „благослови, Господи“ встаетъ на ноги, а за нимъ встаютъ всѣ присутствующіе и молятся Богу. Помолившись, отецъ невѣсты захватываетъ рукою полу своего кафтана и подаетъ ее отцу жениха со словами: „Господи благослови, въ добрый часъ“. Отецъ жениха подаетъ ему руку такимъ же образомъ и съ такими словами. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ національные обычаи сохранились въ большей чистотѣ, приговариваютъ при рукобитьѣ: „Если кто нарушитъ это наше дѣло, съ того взыскать сто рублей штрафу“ (Ухта). Изъ этихъ словъ видно, что рукобитьемъ окончательно закрѣпляется свадебный договоръ, такъ какъ нарушеніе его съ этихъ поръ влечетъ уже наказаніе. Затѣмъ слѣдуетъ угощеніе сватовъ, а невѣста причитаетъ родителямъ, упрекая ихъ за то, что рано выдаютъ ее, и сватамъ, прося ихъ быть къ ней хорошо расположенными и учить ее уму-разуму.

Когда сваты напьются чаю или закусятъ чего-нибудь, то отправляются къ жениху, приглашая къ нему и родственниковъ невѣсты, а сама невѣста идетъ въ гости къ кому-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ.

Спустя часъ по уходѣ сватовъ, родственники невѣсты (разумѣется, если дѣло идетъ о богатой свадьбѣ) отправляются къ жениху на *винопитье*. На этомъ винопитьѣ женихъ знакомится съ роднею невѣсты и угощаетъ ее чаемъ, водкою и закускою; тутъ же назначается и время смотрѣнія. (Юшкозеро).

Обычай винопитья, очевидно, образовался подъ вліяніемъ анало-

гичнаго съ нимъ русскаго обряда пропоя невѣсты; онъ не повсемѣстный въ Корелiи. Тамъ, гдѣ его нѣтъ, на другой день заключенiя свадебнаго договора мать или сестра жениха идетъ къ невѣстѣ съ подарками, обыкновенно пряниками (Ухта).

Послѣ винопитья невѣста ходитъ съ плачеей и подругами по домамъ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ. Подойдя къ дому, плачея начинаетъ причитать на-распѣвъ: „Вы примите меня въ послѣдній разъ, вы примите меня по-прежнему; не прогнѣвайтесь на меня за то, что пришла не одна, а съ подругами“. Подруги и невѣста вторятъ ей; послѣдняя, подперевъ щеку рукой, кланяется при этомъ до земли. На встрѣчу невѣстѣ выходитъ кто-либо изъ старшихъ членовъ семьи.

Если выходитъ мужчина, то беретъ невѣсту за руку и приглашаетъ все общество зайдти въ избу; если же выходитъ женщина, то начинаетъ, въ голосъ плачеи, причитать: „Ты зайди къ намъ по прежнему, ты веди къ намъ подружекъ своихъ“. Потомъ беретъ невѣсту за руку и ведетъ въ избу, а за невѣстою слѣдуютъ всѣ ея спутницы. Зайдя въ избу, невѣста молится Богу и затѣмъ падаетъ въ ноги старшему члену семейства и обнимаетъ его, благодаря за прежнюю ласку и упрашивая быть къ ней ласковымъ и впередъ. Также обращается невѣста и къ прочимъ членамъ семейства, а тѣ уговариваютъ ее быть къ нимъ привѣтливою и на будущее время и навѣщать ихъ попрежнему. Когда вся эта церемонiя кончится, то невѣсту и все ея общество угощаютъ или чаемъ или какою-нибудь закускою и даютъ ей, кто что̀ можетъ: кусочекъ холста, ситцу или штофной матерiи, полотенце, рубашку, повойникъ или нѣсколько денегъ (Юшкозеро).

На винопитьѣ, какъ было выше сказано, назначается день смотринъ. Въ этотъ день родственникамъ жениха дается знать выстрѣлами изъ пистолета или винтовки, что время собираться къ жениху. Каждый изъ родственниковъ приноситъ хлѣбъ. Когда всѣ соберутся, женихъ падаетъ въ ноги родителямъ и старшимъ изъ родственниковъ и проситъ ихъ благословенiя „идти искать счастья“. Тотъ кому женихъ кланяется, поднимаетъ его съ полу со словами: „Богъ благословитъ“, а отецъ и мать благословляютъ его иконою и хлѣбомъ. Затѣмъ всѣ, исключая мать жениха, отправляются къ невѣстѣ на смотрѣнье (Юшкозеро). Всѣ сопровождающiе жениха

составляетъ свадебную артель. У невѣсты собираются также ея родственницы. Если артель жениха состоитъ изъ 10-ти человѣкъ, то артель невѣсты вдвое болѣе. Прійдя въ домъ, тысяцкій спрашиваетъ: „Готовы ли вы на смотрѣнье?“ Со стороны невѣсты отвѣчаютъ: „Мы готовы“ (Ухта). Невѣста въ это время сидитъ за занавѣской въ печномъ углу, а бабка, которая принимала невѣсту при рожденіи, подходитъ къ занавѣскѣ и держится за нее или колотитъ въ стѣну ключемъ, приговаривая, что невѣсту нельзя открыть безъ выкупа. *Подвашка* (знахарь, безъ котораго не обходится свадьба), или тысяцкій, замѣняющій его, подаетъ бабкѣ нѣсколько денегъ, послѣ чего та и открываетъ занавѣсъ. Присутствующія женщины кланяются мужчинамъ и получаютъ отъ нихъ по копѣйкѣ, а тѣ четверо, которыя держатъ косу невѣсты, по четыре копѣйки (Ухта). Сватья подводитъ невѣсту къ столу. Тутъ невѣста начинаетъ потчивать гостей виномъ, а въ заключеніе подаетъ одну рюмку жениху, другую беретъ сама, но вина они не пьютъ, а выливаютъ подъ столъ (Юшкозеро).

Затѣмъ, дѣлается съ обѣихъ сторонъ обмѣнъ подарковъ. Женихъ даритъ невѣстѣ кусокъ кумачу или ситцу, штофа на сарафанъ, башмаки, пряники, зеркало, гребень и кусокъ мыла. Невѣста даритъ жениху въ обмѣнъ рубашку. Послѣ того невѣста, съ причитаніями, опять отправляется въ печной уголъ. Здѣсь она съ матерью и родственницами разбираетъ подарки, приготовленные роднымъ жениха, назначая, кому что слѣдуетъ, и отсылаетъ ихъ со сватьей къ столамъ, гдѣ сидятъ гости. Подвашка беретъ каждый подарокъ на свой хлыстикъ (орудіе подвашки, которымъ онъ отгоняетъ порчу и впослѣдствіи ударяетъ нѣсколько разъ невѣсту, чтобъ она была покорна своему будущему мужу) и передаетъ, кому слѣдуетъ. Когда всѣхъ обдарятъ, невѣста обходитъ вокругъ столовъ и обнимаетъ съ причитаніями каждаго изъ сидящихъ, кромѣ жениха. Въ это время женихъ кладетъ на поднось деньги и приглашаетъ отца невѣсты получить плату за то, что поилъ и кормилъ свою дочь. Лишь только отецъ начнетъ считать деньги, какъ невѣста подходитъ къ нему, обхватываетъ его за шею и причитаетъ: „Ты немного бери, батюшка, ты оставь намъ чѣмъ бы отсюда выѣхать, ты оставь намъ на разживу, либо въ голодный годъ хлѣба купить, либо въ Финляндію торговать идти“. Пла-

та за невѣсту соображается со стоимостью подарковъ, требуемыхъ родней жениха, но всегда бываетъ значительно ниже; такъ напримѣръ, если подарковъ женихової родиѣ дѣлается на 50 руб. (разумѣется, у богатыхъ), то отъ жениха берутъ 15 или 20 р. Когда отецъ невѣсты возьметъ деньги, подвашка выводитъ жениха и невѣсту въ клѣть, гдѣ, поставивъ рядомъ, очерчиваетъ ихъ топоромъ или косой съ заговоромъ, чтобы не пристала къ нимъ порча и чтобы жили между собою въ согласіи, а затѣмъ приводитъ опять въ избу. Потомъ слѣдуетъ угощеніе родственниковъ жениха и тѣмъ заканчивается смотрѣнье (Юшкозеро). Впрочемъ, не вездѣ обряды, сопровождающіе смотрѣнье, одинаковы. Въ другихъ мѣстахъ Корелін, послѣ обмѣна подарковъ, когда невѣста идетъ въ печной уголъ, женихъ съ артелью, посидѣвъ немного, выходятъ въ сѣни, гдѣ тысяцкій спрашиваетъ у жениха: „Берешь ли ты ее?“ Тотъ отвѣчаетъ: „Я беру ее“. Тогда тысяцкій идетъ въ избу и говоритъ: „Наше дѣло какъ бѣлка по дереву, вверхъ подымается“. На это отецъ невѣсты отвѣчаетъ: „Также и у насъ, какъ бѣлка, подымается“. Тогда всѣ снова возвращаются въ избу. Тысяцкій требуетъ столъ, скатерть, ложки, хлѣбъ и соль, застилаетъ столъ, кладетъ хлѣбъ невѣсты, а на него хлѣбъ жениха. Артель жениха садится за столъ, а невѣста начинаетъ причитать передъ каждою изъ присутствующихъ женщинъ, и ей даютъ денегъ, такъ что она набираетъ отъ 10 до 15 рублей. Закусивши, артель жениха уходитъ домой. Въ тотъ же день приходятъ звать въ гости къ жениху невѣстину сторону и тамъ ее ждетъ угощеніе. Уходя изъ дома жениха, невѣстина сторона говоритъ: „Приходите взять невѣсту; мы за тѣмъ и были у васъ“. Женихъ съ артелью идетъ къ невѣстѣ и тамъ ихъ опять угощаютъ. Для невѣсты приносятъ ящикъ въ печной (такъ назыв. *бабій*) уголъ, садятъ ее на ящикъ и надѣваютъ повойникъ. Въ то время артель жениха выходитъ на улицу и тамъ ожидаетъ невѣсту, которую и выводитъ къ жениху крестный отецъ или дядя. Невѣста держится за одинъ конецъ платка, а другой тысяцкій подаетъ жениху со словами: „Мы отдаемъ дочь нашу (такую-то) за (такого-то)“. Сторона невѣсты приговариваетъ: „Птичка ваша, а перья (приданое) наши“. Тысяцкій съ водою, огнемъ и топоромъ обходитъ съ артелью вокругъ жениха и невѣсты, потомъ огонь погаситъ, воду выльетъ, а топоръ

перебросить чрезъ артель къ востоку. Затѣмъ уводятъ невѣсту въ домъ жениха, и они считаются уже супругами, хотя бы и не вѣнчались (Ухта).

У Кореловъ вѣнчанье не считается безусловно необходимымъ для заключенія брачнаго союза; достаточно соблюденія другихъ свадебныхъ обрядовъ. Часто вѣнчаются спустя нѣсколько времени послѣ свадьбы; такъ напримѣръ, женятся на Масляной, а вѣнчаются послѣ Пасхи. Иногда промежутокъ времени со дня вступленія жениха и невѣсты въ бракъ до обвѣнчанія ихъ равняется году, двумъ и тремъ. Раскольники, которыхъ много между Корелами, не вѣнчаются и вовсе, тѣмъ не менѣе, ихъ считаютъ заключившими брачный союзъ и дѣтей ихъ законными. Иногда случается и такъ, что дѣвушка живетъ съ однимъ нѣсколько лѣтъ, какъ съ мужемъ, а потомъ вѣнчается съ другимъ. Прежде чаще заключались браки такимъ образомъ; нынѣ они выводятся изъ обычая, такъ какъ преслѣдуются полиціей, которая заставляетъ вѣнчаться. Если церковный обрядъ совершается позже, то онъ не сопровождается никакими церемоніями. Находящіеся въ сожительствѣ вдвоемъ прикатываются къ священнику на лыжахъ (такъ какъ это самый употребительный способъ передвиженья) и просятъ ихъ повѣнчать. На мѣстѣ найдутъ какихъ-нибудь свидѣтелей, которые удостовѣряютъ, что они не состоятъ въ родствѣ, затѣмъ вѣнчаются и такимъ же образомъ отправляются обратно.

Если свадьба сопровождается церковнымъ обрядомъ, то въ назначенный для брака день бываютъ еще обыкновенія, называемыя *выводно* и *приводно*. *Выводно* состоитъ въ слѣдующемъ: женихъ отправляется за невѣстой такимъ же порядкомъ, какъ и на смотрѣнье. Родственники невѣсты выходятъ на встрѣчу и просятъ пожаловать въ избу; а невѣста сидитъ у открытаго окна и причитаетъ. Когда женихъ и его спутники зайдутъ въ избу, то останавливаются у столовъ, за которые ихъ не пускаютъ сѣсть, пока не выкупятъ мѣстъ. Выкупаютъ мѣста такъ: подвашка даетъ нѣсколько денегъ плачеѣ, которыя та относитъ невѣстѣ, и приказываетъ всѣмъ садиться по мѣстамъ. Когда родственники жениха начнутъ угощаться, невѣста съ подругами выходитъ на улицу „попрощаться съ улицей“. Дѣвицы, схватившись одна съ другою платками и окруживъ невѣсту, поютъ ей послѣднюю пѣсню; потомъ

невѣста захватывается за платокъ послѣдней дѣвушки, и всѣ идутъ такимъ образомъ въ избу, гдѣ обходятъ до трехъ разъ столы. При послѣднемъ обходѣ женихъ захватываетъ невѣсту, и посадивъ ее къ себѣ на колѣни, гладитъ сначала по головѣ, а потомъ пощипываетъ слегка за виски, что̀ служитъ символомъ его господства надъ нею и ея повиновенія. Послѣ этого невѣста сходитъ съ колѣнъ жениха и обращается съ причитаніемъ къ матери, жалуясь на то, что женихъ ее пристыдилъ, и прося ея защиты. Потомъ ее уводятъ, чтобъ одѣть къ вѣнчанью.

При вѣнчаньи около жениха стоитъ тысяцкій, крестный отецъ жениха, иначе *подвѣнечный* отецъ (вѣнци туато), а подлѣ невѣсты подвѣнечная мать (вѣнци муамо), иначе брюдга, которою бываетъ крестная мать или сестра.

По совершеніи таинства молодую наряжаютъ въ трапезѣ, т. е. заплетаютъ ей волосы въ двѣ косы, надѣваютъ повойникъ и закрываютъ лицо платкомъ. Затѣмъ слѣдуетъ такъ называемое *приводно̀*, т. е. обряды, сопровождающіе приведеніе новобрачной въ домъ ея мужа. Туда идутъ съ нею и ея родственники, для которыхъ приготовляется угощеніе. Новобрачныхъ встрѣчаютъ родители съ иконою, которою ихъ благословляютъ; потомъ новобрачный садится, а она все еще закрытая, должна нѣсколько времени стоять и кланяться. Когда кончится угощеніе, подвашка беретъ на ложку каши и подноситъ ее до трехъ разъ къ губамъ четы, а затѣмъ, помахавъ надъ ихъ головами хлыстомъ, снимаетъ имъ платокъ съ новобрачной и спрашиваетъ у присутствующихъ: „какова молодая“, на что̀ всѣ отвѣчаютъ одобрительными восклицаніями (Юшкозеро). Далѣе, тысяцкій или подвашка ведетъ новобрачныхъ въ клѣть спать. Тутъ новобрачная должна разстегивать своему супругу пуговицы, снимать поясъ и вообще раздѣвать его; снимая каждую вещь, она ему кланяется. Послѣ всего стаскиваются сапоги, которые она, по его приказанію, вытрясаетъ: изъ сапогъ падаютъ деньги, поступающія въ ея собственность.

Въ три первые дня послѣ брака родственники молодой приносятъ блины, за которые молодой даетъ въ два первые раза деньги, но въ третій уже не даетъ (Ухта).

Черезъ недѣлю послѣ свадьбы зовутъ молодыхъ къ тестю за полученіемъ приданаго. Приданое состоитъ въ коровѣ, чашкѣ,

ложкѣ, тарелкѣ, солонкѣ, женскихъ сорочкахъ, которыхъ у богатыхъ невѣстъ бываетъ до 100, сарафанахъ, платкахъ, шубахъ, кафтанахъ, разной обуви и рукавицахъ (Юшкозеро). Родственники молодаго, присутствующіе тутъ же, цѣнятъ приданое и молодой подаетъ на блюдѣ деньги тестю и тещѣ. Въ приморской Кореліи молодой за приданое платитъ по копѣйкѣ на каждый рубль оцѣночной суммы. Тесть и теща угощаютъ прибывшихъ обѣдомъ и поѣздъ, получивъ приданое, возвращается домой. Когда пріѣзжаютъ домой, то молодая раскладываетъ для показа на столъ свое приданое и кланяясь въ ноги свекрови, проситъ, чтобъ та выбрала для себя любую сорочку. Когда свекровь пересмотритъ приданое и выберетъ сорочку, молодая складываетъ его въ сундукъ, чѣмъ заканчивается свадьба (Юшкозеро).

Надо замѣтить, что свадебные обряды далеко не у всѣхъ Кореловъ примѣняются во всей ихъ полнотѣ. Такъ справлять свадьбу, какъ мы описали, могутъ только люди достаточные, которыхъ между Корелами очень мало. Большинство исполняетъ только то, что позволяютъ имъ ихъ скудныя средства. Разумѣется, людямъ, для которыхъ ржаной хлѣбъ безъ примѣси всякой дряни, есть непривычное лакомство, и которые на цѣлое семейство имѣютъ одинъ полушубокъ и одну шапку, нѣтъ возможности соблюдать всѣ вышеописанные обряды и устраивать свадебныя пиршества и угощенія.

Приданое, какъ было выше сказано, состоитъ изъ разныхъ необходимыхъ вещей, какъ-то: платья, обуви и т. п., въ иныхъ мѣстахъ, какъ въ Юшкозерѣ, прибавляютъ къ этому корову, а иногда деньги, какъ это будетъ видно изъ одного рѣшенія волостнаго суда, само собою разумѣется, что̀, при бѣдности Кореловъ, такое приданое могутъ давать только немногіе болѣе зажиточные.

Приданое, по смерти жены, остается у мужа только въ такомъ случаѣ, если остались дочери; если же жена умретъ бездѣтною, или у нее останутся только сыновья, то приданое возвращается ея роднымъ—матери и сестрамъ. Впрочемъ, иногда оставляютъ мужу какую-нибудь вещь изъ имущества жены. Такъ, по одному рѣшенію Юшкозерскаго волостнаго суда, приданое, по смерти жены, возвращается ея матери, и мужу оставленъ только одинъ шелковый платокъ.

Если въ приданое даны деньги, то и они возвращаются тому, кто ихъ далъ, обыкновенно отцу жены. Вотъ рѣшеніе Ухтинскаго волостнаго суда о приданомъ. Крестьянинъ деревни Ухты Евсей Ѳедоровъ Аѳанасьевъ жалуется на то, что дочь его, бывшая замужемъ, отдала принадлежавшія ему деньги 17 р. мужу, крестьянину той же деревни Тихонову, на необходимыя надобности. Тихоновъ признался, что онъ дѣйствительно взялъ 14 р., на которые купилъ женѣ серебряную цѣпочку за 4 р. и двои серьги за 3 р., а остальные 7 р. роздалъ на поминъ души покойной. Серьги и цѣпь Евсей уже отобралъ, чему и представляется свидѣтель. Волостной судъ рѣшилъ освободить Тиханова отъ взысканія.

Корелы живутъ обыкновенно большими семьями, которыя состоятъ не только изъ родителей и дѣтей, но часто также и изъ дядей и племянниковъ. Женщина у Кореловъ, вступая въ брачный союзъ съ мужчиною, становится лицомъ, вполнѣ зависящимъ отъ воли своего мужа. Мужъ по отношенію къ ней имѣетъ всегда болѣе вліянія, нежели его родители. Онъ надъ своею женой полный хозяинъ. Когда онъ умираетъ, главное вліяніе надъ нею остается по праву на сторонѣ родителей мужа.

2. Юридическія отношенія членовъ семьи вообще.

Отецъ въ корельскомъ семействѣ тотъ же полновластный распорядитель всего, тотъ же неограниченно самодержавный правитель всѣмъ, какъ и въ семьяхъ русскихъ крестьянъ. Отецъ, будучи главой семейства, можетъ распоряжаться, какъ общимъ семейнымъ имуществомъ, такъ и заработками своихъ не отдѣленныхъ дѣтей; напримѣръ, если тѣ отходятъ на морскіе промыслы, то деньги по возвращеніи отдаютъ родителямъ.

У Кореловъ бываютъ случаи, что отцы, при отдѣленіи сыновей, лишаютъ ихъ части въ имуществѣ. Если сыновья обращаются къ волостному суду, то судъ возстановляетъ ихъ права, когда найдетъ, что отецъ лишилъ сына доли несправедливо.

Власть и права отца, послѣ его смерти, переходятъ къ старшему его сыну, или если онъ имѣетъ братьевъ въ одномъ хозяйствѣ, то къ старшему послѣ него брату, т. е. къ дядѣ его сыновей. Этотъ большакъ дѣлается главою семейства и распорядителемъ общаго семейнаго имущества. Но немъ лежитъ обязанность

платежа семейныхъ долговъ (рѣшеніе Тунгудскаго вол. суда 30-го іюля 1867 г.), онъ также подвергается большей отвѣтственности за проступки, совершенные всей семьей (рѣшеніе того же суда 19-го февраля 1868 г.).

Впрочемъ, преимущество возраста не всегда даетъ право на старшинство; если младшій членъ семьи (напримѣръ, младшій братъ) окажется расторопнѣе и наживаетъ болѣе, то онъ дѣлается хозяиномъ въ домѣ.

Покуда братья живутъ вмѣстѣ, всѣ ихъ заработки поступаютъ въ общую собственность, какъ то ясно видно изъ одного рѣшенія, которое мы приведемъ ниже.

Мать семейства послѣ отца второе лице въ цѣлой семьѣ, но только по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Другіе члены семьи, какъ напримѣръ, братья главы семьи, считаются равными ей. А когда умираетъ отецъ семейства, то мать по отношенію къ своимъ дѣтямъ заступаетъ его мѣсто; она дѣлается полною распорядительницей всего. Иногда, являясь главою семейства, мать даже подвергается отвѣтственности за проступки семейныхъ; такъ по рѣшенію Тунгудскаго волостнаго суда 19-го февраля 1868 года, за проступокъ сына мать наказывается вмѣстѣ съ нимъ.

Если дяди живутъ съ племянниками, то имѣютъ не только общій съ ними столъ, но и все хозяйство: общій скотъ, вмѣстѣ обработываютъ землю и т. п. (рѣшеніе Юшкозерскаго волости. суда 28-го августа 1867 г.).

Престарѣлые родители, которые не могутъ доставать себѣ пропитаніе, имѣютъ право требовать отъ дѣтей хлѣба и одежды. Но такъ какъ Корелы часто нуждаются въ хлѣбѣ, вслѣдствіе постоянныхъ его неурожаевъ, и вообще очень бѣдны, то эта обязанность часто становится въ тягость сыновьямъ. Оттого волостнымъ судамъ приводится нерѣдко разбирать жалобы родителей на сыновей, отказывающихъ имъ въ содержаніи. Волостные суды всегда рѣшаютъ такія дѣла въ пользу родителей. Иногда сыновья выдаютъ содержаніе деньгами, иногда хлѣбомъ и одеждой.

Если есть нѣсколько братьевъ, то обязанность содержать родителей распредѣляется между ними; случается, кормитъ и одинъ, но за то беретъ бо́льшую часть при раздѣлѣ. Владѣя отцовскимъ имуществомъ, сыновья обязываются также вносить за отца подати.

Размѣры средствъ, предоставляемыхъ сыновьями отцамъ, а также отчасти взаимныя отношенія между родителями и дѣтьми видны изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Такъ, по рѣшенію Устинской волости 26-го марта 1867 г., крестьянинъ жалуется на отца, что тотъ „отдѣлилъ его отъ общаго жительства съ братомъ его и лишилъ наслѣдства, какъ недвижимаго, такъ и движимаго имущества". Судъ рѣшилъ удовлетворить просителя надлежащею частью съ тѣмъ, чтобы прокармливать отца половинною частью и взносить за него подати.

Когда родители требуютъ отъ дѣтей содержанія, то размѣры его опредѣляются рѣшеніями волостныхъ судовъ различно. Такъ, по рѣшенію Тунгудскаго волостнаго суда 30-го апрѣля 1867 г., сынъ просто обязывается давать родителямъ необходимое имъ прокормленіе, бѣлье и одежду. По рѣшенію Юшкозерскаго волостнаго суда 11-го октября 1866 г. сынъ долженъ выдавать содержаніе родителямъ деньгами, въ размѣрѣ 16 руб. въ годъ. Тотъ же судъ, рѣшеніемъ 27-го марта 1869 г., опредѣлилъ, что два сына должны раздѣлить между собою заботы о содержаніи отца слѣдующимъ образомъ: старшій долженъ кормить отца четыре мѣсяца, обувать и одѣвать, младшій обязанъ давать отцу ежегодно по 8 пудъ хлѣба. Тунгудскій волостной судъ 19-го февраля 1868 г. рѣшилъ: такъ какъ дѣйствительная и законная обязанность дѣтей продовольствовать родителей хлѣбомъ и одеждою, то взыскать съ сына въ пользу отца 5 пудъ хлѣба до новаго урожая. Тотъ же судъ рѣшеніемъ 2-го апрѣля постановилъ, что сынъ долженъ выдавать матери по пуду хлѣба въ мѣсяцъ, а рѣшеніемъ 13-го октября опредѣлилъ взыскивать съ пяти братьевъ по десяти пудъ въ пользу отца и матери.

Мужъ обязанъ содержать свою жену, и кажется, между Корелами, не смотря на ихъ крайнюю бѣдность, очень рѣдки нарушенія этой обязанности. Во всѣхъ рѣшеніяхъ за два-три года, какія у насъ находятся, есть только одна жалоба жены на мужа, поданная въ Тунгудскій волостной судъ 2-го апрѣля 1868 года. Да и изъ самаго рѣшенія видно, что, за рѣдкостью такихъ случаевъ, не выработалось у суда никакой нормы для удовлетворенія просителя, отчего судъ и ограничился въ рѣшеніи общими выраженіями. Вотъ это рѣшеніе: Крестьянская женка Марковой горы

Матрена Иванова Аѳанасьева жалуется на своего мужа не въ дачѣ ей съ малолѣтними дѣтьми хлѣба и одежды и проситъ понудить къ дачѣ ей продовольствія и одежды съ дѣтьми. Тунгудскій волостный судъ постановилъ: По его недоброжелательству и явнымъ доказательствамъ сосѣдей, отдать, какъ жену, такъ и дѣтей, со строгимъ внушеніемъ, подъ его надзоръ, а за его нерадѣніе арестовать на двои сутки для его образованія, чтобъ впредь не осмѣливался этого допускать.

Такъ какъ корельскія женщины вообще извѣстны цѣломудріемъ, то незаконнорожденныхъ дѣтей у нихъ мало. Однакожь у насъ есть одно рѣшеніе волостнаго суда по жалобѣ крестьянской дѣвицы на крестьянина, который прижилъ съ нею ребенка и потомъ прогналъ ее. Судъ опредѣлилъ, что отецъ долженъ выдавать матери вспомоществованіе на пропитаніе сына въ теченіи трехъ лѣтъ, въ размѣрѣ 12 руб. въ годъ (рѣшеніе Тунгудскаго суда 17-го августа 1868 г.).

У Кореловъ бываютъ также усыновленія. Право усыновленія принадлежитъ какъ лицамъ мужескаго пола, такъ и лицамъ женскаго пола. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, т. е. при усыновленіи и мужчиной и женщиной, отношенія между усыновителемъ и усыновленнымъ установляются обыкновенно точно такія же, какія бываютъ между родителями и родными дѣтьми.

Случается и такъ, что усыновленный дѣлаетъ съ усыновителемъ условіе, по которому обязуется давать тому содержаніе, самъ за то беретъ въ свое распоряженіе его хозяйство. Впрочемъ, усыновитель не теряетъ вполнѣ своихъ правъ настоящаго хозяина; такъ, если они сдѣлаютъ вмѣстѣ какое-нибудь приращеніе къ имуществу, то усыновитель не отстраняется отъ участія въ немъ (рѣшеніе Вокнаволоцкаго вол. суда 17-го ноября 1868 г.). Зять, принимаемый въ домъ, подходитъ подъ эти же правила.

При отцѣ отдѣленіе сыновей бываетъ рѣдко, и если сынъ отдѣляется, то отецъ надѣляетъ его по своимъ средствамъ, безобидно для другихъ. Иногда отецъ самъ производитъ раздѣлъ между своими сыновьями; въ такомъ случаѣ, онъ удерживаетъ часть имущества за собою и остается обыкновенно въ домѣ съ младшимъ сыномъ. При матери дѣти раздѣляются чаще. Причиной раздѣловъ служитъ часто тѣснота помѣщенія, а также семейныя

неудовольствія. Если братья, послѣ смерти родителей, не дѣлятся, а живутъ вмѣстѣ, то все, нажитое каждымъ изъ нихъ, поступаетъ въ общую семейную собственность и идетъ безразлично въ раздѣлъ. Приводимъ въ примѣръ рѣшеніе Тунгудскаго волостного суда 21-го января 1868 г. Крестьянинъ Тунгудской волости и деревни Кондратъ Прокофьевъ Турибаринъ объявляетъ жалобу на роднаго своего брата Ефима Турибарина въ самовольномъ раздѣлѣ и въ не дачѣ половины изъ добытаго имъ на морѣ въ лѣто 1867 года, а также въ захватѣ разнаго имѣнія, которое должно принадлежать въ общій раздѣлъ. По распросѣ Ефима оказалось, что сей послѣдній добытый имъ промыселъ на морѣ употребилъ въ общую пользу и на покупку разнаго платья, которое и представляетъ въ раздѣлъ. Вслѣдствіе того волостные судьи постановили: всѣ добычи, приносимыя просителемъ и отвѣтчикомъ, раздѣлить по равной части, такъ какъ тогда они жили еще вмѣстѣ, а нераздѣльному имуществу составить опись и раздѣлить пополамъ.

Само собою разумѣется, что раздѣлившіеся не имѣютъ права на то, что̀ пріобрѣтено послѣ раздѣла, хотя иногда и заявляются такого рода претензіи, какъ видно изъ слѣдующаго рѣшенія Тунгудскаго волостнаго суда 21-го апрѣля 1868 г. Крестьянинъ Тунгудской волости деревни Березпаволока, Филиппъ Сергѣевъ Сидоровъ жалуется на роднаго своего брата Леонтья Сидорова по раздѣлу, происшедшему ранѣе, въ не дачѣ на его часть *мѣстеннаго* (общаго) дома и части имущества и проситъ взыскать и тѣмъ его удовлетворить. На спросъ крестьянина Леонтья Сидорова оказалось, что при мѣстенной жизни изъ дома была выстроена только изба, и то еще не въ обдѣлкѣ, а другія строенія, какъ-то: связь, сарай и дворъ, выстроены послѣ раздѣла собственными трудами Леонтья, на что̀ проситель никакихъ справедливыхъ объясненій привесть не могъ. Вслѣдствіе того рѣшеніемъ волостнаго суда постановлено: какъ изъ разговоровъ подсудимыхъ лицъ видно, что произведенъ ими раздѣлъ добровольно, и обнаруживается, что по состоянію проситель оказывается въ видимости со̀стоятельнѣе и богатѣе отвѣтчика, то и не слѣдуетъ удѣлять ему части мѣстеннаго имущества, а оставить, какъ домъ, а равно и имущество прежнему владѣльцу Леонтью Сидорову, а Филиппу, проживающему въ особомъ домѣ четыре года по самовольному отходу, отказать.

Хотя бы братья и не раздѣлились, но тотъ изъ нихъ, кто не живетъ при домѣ и находится долгое время въ отлучкѣ, теряетъ право на участіе въ имуществѣ. Такъ брату, бывшему въ отсутствіи 20 лѣтъ, рѣшеніемъ Тунгудскаго волостнаго суда отъ 29-го Сентября 1868 г., было отказано въ его требованіи части изъ имущества на томъ основаніи, что хозяйство было устроено его братомъ во время его отлучки, и слѣдовательно безъ его содѣйствія.

Такъ какъ у Кореловъ часто живутъ вмѣстѣ не только братья, но и дяди съ племянниками, то разумѣется, бываютъ и случаи раздѣла этихъ послѣднихъ между собою. На рѣшеніе Юшкозерскаго волостнаго суда (28-го августа 1867 г.) былъ представленъ споръ, возникшій при такомъ раздѣлѣ. Выписываемъ это рѣшеніе: Крестьянинъ Салосалмской деревни Василій Степановъ Фокинъ проситъ понудить дядю его роднаго Петра Михайлова Фокина къ выдачѣ ему остальной части движимаго имущества, неправильно захваченнаго имъ при учиненіи между ними раздѣла, а именно: 3 коровъ, 2 телятъ, 1 быка, 24 руб. за лошадь, 1 тулупа, овчиннаго одѣяла, 1 постели и изъ поставленнаго ими, по общему жительству, сѣна 2 частей, оставляя дядѣ 3 части, на сумму всего до 95 руб. Судъ нашелъ просьбу Василья Фокина уважительною, почему и постановилъ, что дядя его Петръ Фокинъ долженъ всѣ просимыя имъ вещи, деньги, скотъ и сѣно отдать просителю безпрекословно.

3. Опека и попечительство.

На счетъ опекъ и попечительствъ у Кореловъ мы можемъ сказать только слѣдующее: Если умираетъ отецъ семейства, то дѣти остаются большею частію подъ опекою матери и только въ рѣдкихъ случаяхъ, именно когда дѣти остаются очень малыми и безпомощными, переходятъ подъ опеку ближайшаго къ нимъ родственника, который въ такомъ случаѣ становится попечителемъ и для самой матери. Если остаются малолѣтнія дѣти круглыя сироты, то общество береть на себя уплату податей, а дѣтей отдаетъ на воспитаніе какому-нибудь родственнику, передавая ему право на пользованіе принадлежавшими ихъ родителямъ пахатными и сѣнокосными участками, для прокормленія малолѣтнихъ (приговоръ Погосскаго волостного схода 31-го декабря 1869 г.). Совершенно без-

пріютныя дѣти передаются въ домъ какого-либо болѣе или менѣе зажиточнаго домохозяина, гдѣ они должны бываютъ работать до зрѣлаго возраста безплатно, а потомъ имъ дается полная воля идти куда угодно; многіе безпріютные при этомъ усыновляются. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда никто изъ членовъ извѣстной общины не соглашается опріютить оставшихся послѣ родителей безъ всякаго призрѣнія дѣтей, дѣти эти присуждаются міромъ на неремѣнное жительство у всѣхъ болѣе или менѣе зажиточныхъ домохозяевъ.

4. Способы пріобрѣтенія собственности.

Каждый Корелъ имѣетъ свое собственное клеймо, которымъ помѣчаетъ свое имущество, преимущественно скотъ—оленей и овецъ. Посредствомъ клеймъ отличаютъ ручныхъ оленей отъ дикихъ и узнаютъ о захватѣ домашнихъ оленей. Иногда по клеймамъ на шкурахъ, какъ видно изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, хозяинъ открываетъ убійцу своего оленя. За неграмотностью Корелы употребляютъ свои клейма вмѣсто подписей подъ всѣми рѣшеніями, приговорами, сдѣлками и договорами. Эти клейма имѣютъ иногда очертаніе начальныхъ буквъ имени и фамиліи, но чаще совершенно произвольны. При раздѣленіи семьи члены ея усвоиваютъ себѣ клейма, имѣющія въ основаніи общее семейное клеймо, съ какимъ-нибудь незначительнымъ измѣненіемъ,

Завладѣніе. Предметами завладѣнія у Кореловъ бываютъ чаще всего сѣнокосные участки, потомъ пахатныя земли, рѣпища (земля, на которой сѣется рѣпа), рыболовныя мѣста въ рѣкахъ, сѣно и т. п. Завладѣніе происходитъ, вонервыхъ, вслѣдствіе задолжанія одного лица другому: тотъ, которому кто-либо оказывается должнымъ, завладѣваетъ собственностью послѣдняго, коль скоро тотъ не исполняетъ даннаго условія, заплатить взятое въ срокъ или оказывается несостоятельнымъ; вовторыхъ, при раздѣлѣ земель и вообще такихъ предметовъ, которыми пользовалось все общество. Какъ тутъ, такъ и тамъ, очевидно дѣйствуетъ право сильнаго, то-есть, кулаковъ и міроѣдовъ. При этомъ, конечно, возникаетъ со стороны обиженныхъ неудовольствіе, а вслѣдствіе того и споры. Дѣла рѣшаются иногда втихомолку, только между заинтере-

*

сованными въ нихъ лицами; но большею частью такая частная слѣлка оказывается несостоятельною и безсильною для того, чтобы рѣшить дѣло для обѣихъ сторонъ болѣе или менѣе выгодно; поэтому, въ большинствѣ случаевъ споры, возникающіе вслѣдствіе завладѣнія, рѣшаются міромъ или волостнымъ судомъ, и тутъ они, конечно, рѣшаются чаще въ пользу міроѣдовъ и кулаковъ, чѣмъ въ пользу бѣдняковъ, по той простой причинѣ, что первые имѣютъ сильное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ.

Дареніе. Дарепія у Кореловъ бываютъ рѣдки и незначительны. Дарятъ, вопервыхъ, во время гостьбы, вовторыхъ, во время вечеринокъ, втретьихъ, въ случаѣ отъѣзда кого-нибудь на дальнее разстояніе и на долгое время, какъ напримѣръ, при отправкѣ въ рекруты, вчетвертыхъ, при неожиданныхъ встрѣчахъ и вообще при встрѣчахъ послѣ значительной разлуки, впятыхъ, при свадьбахъ. Дареніе во всѣхъ этихъ случаяхъ происходитъ почти всегда безъ всякихъ формальностей и церемоній (кромѣ свадебныхъ даровъ). Даръ, полученный какимъ бы то ни было лицомъ, дѣлается его неключительнымъ достояніемъ, кромѣ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда онъ бываетъ значительно крупенъ: тогда онъ поступаетъ въ общее пользованіе той семьи, къ которой принадлежитъ получающее его лицо.

Кладъ и находка. Кладъ въ глазахъ Кореловъ представляется тѣмъ же, чѣмъ онъ бываетъ обыкновенно въ глазахъ всякаго русскаго крестьянина, то-есть, онъ для нихъ—чудесное явленіе, представляющееся въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и доступное очень немногимъ людямъ, именно только людямъ знающимъ какъ подойти къ нему, то-есть, знахарямъ и колдунамъ, да еще невиннымъ дѣтямъ. Необходимѣйшимъ условіемъ для успѣшнаго открытія клада и завладѣнія имъ считается еще то обстоятельство, чтобъ онъ отыскивался однимъ лицомъ и былъ извѣстенъ только одному ему. Онъ можетъ объявить его и дѣлиться имъ съ кѣмъ захочетъ только въ послѣдствіи.

Находки въ большинствѣ случаевъ объявляются, хотя вознагражденіе получаютъ только лица, объявляющія какія-нибудь особенно важныя находки, и размѣръ его вообще не значителенъ: : него много-десятая часть найденнаго. Если при находкѣ случаются другія лица, то изъ находки часть дается имъ, но всегда

весьма незначительная. Что же касается случаевъ, когда находка не объявляется, а утаивается тѣмъ лицомъ, которое ее находитъ, то это строго осуждается обычаемъ. Если находка значительная, то хозяинъ жалуется на нашедшаго и требуетъ возвращенія вещи. На то лицо, которое удерживаетъ найденную вещь, какова бы ни была ея цѣнность, начинаютъ смотрѣть, какъ на малонадежнаго члена общества и причисляютъ его нерѣдко къ разряду воровъ. Мы приведемъ одно интересное рѣшеніе волостнаго суда, въ которомъ судьи руководились мѣстными обычаями при опредѣленіи правъ участниковъ въ дѣлежѣ добычи: случай, который даетъ содержаніе этому рѣшенію, по формѣ не совсѣмъ подходитъ подъ понятіе находки, но по сущности своей можетъ быть совершенно подведенъ подъ него.

Крестьянинъ Лехтинской деревни Прокопій Ильинъ жаловался на односельца своего Наума Гридина за неотдѣленіе имъ половинной части оленя, промышленнаго ими вмѣстѣ на пути для отысканія лошадей, и просилъ приказать Науму Гридину выдать ему половину туши оленя или причитающееся количество денегъ, и чрезъ то сдѣлать ему удовлетвореніе. На спросъ крестьянинъ Наумъ Гридинъ объявилъ, что онъ дѣйствительно подстрѣлилъ оленя, будучи въ пути съ Ильинымъ; но Ильинъ, не участвовалъ въ добычѣ, не имѣя никакого оружія, и между ними не было сдѣлано никакого условія, кромѣ того, что Ильинъ, при отправкѣ Гридина для стрѣлянія, держалъ его лошадь; потому Гридинъ и не считалъ Ильина участникомъ въ подстрѣленномъ оленѣ. Крестьянинъ Ильинъ подтвердилъ, что у него дѣйствительно ружья не было, и онъ держалъ лошадь Гридина, которая люта пугать замѣченнаго оленя, а потому, на основаніи существующихъ обычаевъ, считаетъ себя въ пріобрѣтенномъ оленѣ участникомъ; условія же предварительнаго не было, такъ какъ никто не зналъ объ этой добычѣ. Руководствуясь данными показаніями крестьянъ Гридина и Ильина, волостной судъ постановилъ: на основаніи существующихъ у насъ на сей счетъ обычаевъ, Гридинъ долженъ отдать третью часть промышленнаго оленя Ильину, а самъ пользоваться, какъ стрѣлецъ, первыми двумя; а какъ Гридинъ присовокупилъ, что въ оленѣ была туша не болѣе 2½ пудъ, и что она уже употреблена, то приказать Гридину, въ замѣнъ удовлетворенія Ильина

мясомъ, удовлетворить деньгами, по произведенной судомъ оцѣнкѣ— 1 р. 80 к.—шестьюдесятью коп.) (рѣшеніе Тунгудскаго вол. суда 26-го августа 1867 г.).

Право наслѣдованія. Власть и право распоряженія всѣмъ послѣ смерти старшаго въ родѣ переходитъ къ старшему его брату. Если же семья состоитъ изъ отца и сыновей, и когда отецъ умираетъ, то право распоряженія имуществомъ переходитъ къ старшему сыну. если нѣтъ въ семьѣ такого члена, хотя бъ и изъ младшихъ, который выдавался бы своимъ умѣньемъ вести дѣла и наживалъ бы болѣе прочихъ. Часто случается также, что дѣти послѣ отца раздѣляются, и мать не мѣшаетъ раздѣлу, а тоже принимаетъ въ немъ участіе: она получаетъ на свою часть корову, одѣяло и нѣкоторыя вещи, также двѣ или три мѣры хлѣба.

Все имущество, оставшееся послѣ отца, дѣлится между сыновьями поровну. Если жь одинъ изъ нихъ беретъ на себя обязанность кормить мать, то получаетъ большую часть, какъ видно изъ рѣшенія Вычетайбольскаго волостнаго суда 26-го іюля 1868 г., по коему одинъ братъ получилъ, при раздѣлѣ дома и службъ, сѣни, скотный хлѣвъ и *ригачу* (гумно), а другой — только одну баню: первый взялъ на себя попеченіе о матери. Домъ иногда не дѣлятъ, а бросаютъ жребій, кому имъ владѣть; а иногда бываетъ и такъ, что не дѣля дома, отдаютъ его которому либо изъ братьевъ, большею частью старшему, съ тѣмъ, чтобъ онъ выплатилъ остальнымъ сумму, причитающуюся на ихъ долю. Случается, что при раздѣлѣ одинъ сынъ захватываетъ бо́льшую часть и оттого возникаютъ частыя жалобы, съ которыми обращаются въ волостной судъ; послѣдній и возстановляетъ права обиженныхъ. Вотъ образецъ такого дѣлежа между братьями (по рѣш. Тунгудскаго волост. суда 3-го марта 1868 г.): Крестьянинъ Тунгудской волости, деревни Маслозера, Діанъ Петровъ Егоровъ жаловался на родного своего брата Моисея Егорова въ самовольномъ раздѣлѣ и въ недачѣ на его часть причитающагося общаго имущества и просилъ по представленной, за подписомъ общества, описи взыскать выказанную въ описи часть, простирающуюся на сумму 76 р. 80 к. и по взысканіи удовлетворить его. Вслѣдствіе убѣжденія волостного суда братья Егоровы добровольно помирились на слѣдующихъ условіяхъ: Моисей вознаграждаетъ Діана нынѣ же наличными день-

гами 6-ю рублями, а изъ причитающейся части имущества—сельдяныя ловушки и половину невода, одно ружье, одинъ нанковый кафтанъ и еще одинъ озерной неводъ пополамъ.

Изъ этого рѣшенія видно, что до раздѣла дѣлается опись имущества, составляемая въ присутствіи общества и закрѣпляемая его подписью. Эта опись и представляется въ судъ, какъ главное доказательство противъ несправедливости дѣлежа.

Сыновья, отдѣленные отъ семьи при жизни отца, не получаютъ участія въ наслѣдствѣ послѣ смерти его; имущество остается въ рукахъ однихъ не отдѣленныхъ. Сестра, при братьяхъ, имѣетъ право на нѣкоторую часть отцовскаго имущества, какъ то видно изъ рѣшенія Кестепскаго волостнаго суда 3-го января 1868 г. Этимъ рѣшеніемъ судъ приговариваетъ братьевъ къ уплатѣ сестрѣ причитающейся ей части изъ наслѣдства; но какъ велика ея часть сравнительно съ частями братьевъ—не видно изъ рѣшенія. Мы знаемъ однако, что права сестры на наслѣдство меньше правъ ея братьевъ: такъ, она не имѣетъ права на участіе въ дѣлежѣ отцовскаго дома.

Если нѣтъ сыновей, то отцовское имущество наслѣдуется дочерьми, помимо дядей или какихъ-либо другихъ родственниковъ. Сестра является иногда наслѣдницею послѣ брата. Въ рѣшеніи Тунгудскаго волостнаго суда 2-го іюля 1867 г. представляется слѣдующій случай.. Одинъ изъ двухъ братьевъ, подѣлившихъ между собою отцовскій домъ, умеръ, и сестра получила часть дома, принадлежавшую брату, принявъ обязательство уплатить его долги. Подобный случай находимъ въ другомъ рѣшеніи (Маслозерскаго волостнаго суда 15-го февраля 1869 г.), которое приводимъ, какъ не лишенное интереса: Крестьянская жена Подужемской деревни Прпнья Степанова Артемьева просила объ удовлетвореніи ея имуществомъ, оставшимся отъ роднаго ея брата, умершаго крестьянина Лежевской деревни, Дмитрія Костина; при смерти брата она не была еще за мужемъ и жила въ домѣ брата своего. Волостной судъ счелъ просьбу Артемьевой справедливою, потому что братъ ея Дмитрій Костинъ, нынѣ уже умершій, при смерти оставилъ ей свою часть изъ имущества, скота и изъ наличныхъ денегъ, а другую половину сиротамъ-племянникамъ и вдовицѣ. Денегъ въ ея части было 55 р. Рѣшено было: удовлетворить Артемьеву

слѣдующею ей частью изъ имущества и скота, изъ наличныхъ денегъ дать 30 р., а 25 р. оставить спротамъ и на платежъ податей за умершую душу.

Вдова отдѣленнаго сына не возвращаетъ имѣнія свекру, слѣдовательно, сама наслѣдуетъ имущество послѣ своего мужа. Это бываетъ только тогда, когда она и ея умершій мужъ были повѣнчаны; въ противномъ же случаѣ имущество мужа отбирается его родными.

Молодая вдова не отдѣленнаго сына, бездѣтная, возвращается обыкновенно къ своимъ родителямъ. Если же она имѣетъ дѣтей, то получаетъ право на часть мужа изъ общаго семейнаго имущества, какъ то видно изъ большинства рѣшеній волостныхъ судовъ, возникавшихъ по дѣламъ этого рода. Впрочемъ, не всѣ суды рѣшаютъ такія дѣла одинаково: иные и отказываютъ вдовамъ въ полученіи наслѣдства послѣ мужей. Такъ, Костомушскій волостной судъ (26-го сентября 1868 г.) отказалъ вдовѣ въ жалобѣ на ея деверя, который не далъ слѣдующую ей съ ея двумя дѣтьми часть, хотя она и представляла свидѣтелей, при которыхъ онъ обѣщался это сдѣлать. Это рѣшеніе какъ бы отвергаетъ право жены на наслѣдство послѣ мужа; но за то въ большинствѣ другихъ случаевъ за вдовами вполнѣ признается право на часть ихъ мужей. Приведемъ одно, болѣе подробное, рѣшеніе, которое представляетъ образецъ рѣшеній этого рода: Староста Ювалакшскаго сельскаго общества Никифоръ Торвіевъ объявилъ, что при раздѣлѣ семейства и имущества крестьянина деревни Ювалакши Дмитрія Попова и умершаго его брата Ипата Попова, Дмитрій Поповъ не далъ вдовѣ умершаго Ипата Агафьѣ Семеповой Поповой изъ имущества и изъ капитала наличныхъ денегъ, коихъ было при раздѣлѣ 285 р., а нынѣ находится на лицо только одинъ куль муки и 10 четвериковъ ячменя. А потому староста Торвіевъ просилъ передать эту жалобу на рѣшеніе волостнаго суда о взысканіи по закону съ Дмитрія Попова части изъ общаго имущества вдовѣ Агафьѣ Семеповой Поповой. Волостной судъ постановилъ: по переспросѣ на словахъ просительницу Агафью Семенову и отвѣтчика Дмитрія Попова, которые объявили волостному суду, что дѣло это кончили между собою примиреніемъ, такъ что первый, Дмитрій, обязался дать послѣдней, Семеповой, 4 пуда муки и 3 четверика ячменя, а

прочее имущество и капиталъ раздѣлить пополамъ, съ тѣмъ, чтобы теплые покои имѣла вдова, а не додѣланныя горницы надворотнія Дмитрію Попову (рѣшеніе Ухтинскаго волостнаго суда 22-го апрѣля 1868 г.).

Иногда вдова не отдѣляется отъ семейства покойнаго мужа; такъ, изъ рѣшенія Тунгудскаго волостнаго суда 13-го октября 1868 г. видно, что вдова живетъ съ своимъ сыномъ на хлѣбахъ, то-есть, на содержаніи своего деверя, который за то пользуется частью ея покойнаго мужа.

Если мужъ умираетъ и оставляетъ дѣтей отъ *втораго брака* и второбрачную жену бездѣтною, то послѣдняя должна обыкновенно уходить отъ пасынковъ: съ ними ей не житье. Мачиха не имѣетъ права пользоваться имуществомъ, оставшимся отъ первой жены ея мужа; впрочемъ, иногда она захватываетъ это имущество, но судъ возстановляетъ права настоящихъ наслѣдниковъ, т. е. ея пасынковъ (рѣш. Маслозерскаго волостнаго суда 9-го февраля 1867 г.).

Если отъ перваго брака остаются дочери, то онѣ имѣютъ одинаковое право съ мачихой и ея дочерьми на пользованіе отцовскимъ наслѣдствомъ. Приводимъ рѣшеніе Ухтинскаго вол. суда 11-го августа 1868 г. по этому поводу: Крестьянинъ деревни Ухты Петръ Васильевъ Кеккіевъ жаловался на то, что поле пахотное его роднаго брата Макара Васильева Кеккіева было засѣяно въ 1868 г. рожью, одною мѣрою, крестьяниномъ Семеномъ Грангрутовымъ, который хотѣлъ воспользоваться всѣмъ урожаемъ и лишить части даже малолѣтнюю дѣвушку Макара Кеккіева; потому Петръ просилъ вознаградить пособіемъ для пропитанія малолѣтнюю дѣвушку частью изъ урожая хлѣба отъ Грангрутова. Волостной судъ, по выслушаніи просителя и отвѣтчика, изъ собранныхъ свѣдѣній нашелъ, что жалоба крестьянина Петра Кеккіева оказалась справедливою а потому приговорилъ: изъ засѣяннаго Грангрутовымъ поля получить ему изъ урожая половину хлѣба и соломы, *другую же половину* хлѣба и солому получить женѣ Макара Кеккіева, Маланьи Кеккіевой съ дочерьми отъ первой жены и мужа ея; она должна отдѣлить отъ части своей половину дочерямъ мужа ея, Еленѣ и Матренѣ Макаровымъ Кеккіевымъ.

Солдаты, возвращающіеся изъ службы, принимаются въ семью съ правомъ пользоваться землею и подавать голосъ на сходѣ. Если

случится, что братья дѣлятся, и у нихъ въ это время одинъ братъ оказывается въ военной службѣ, то сему послѣднему сберегается всегда причитающаяся ему часть изъ всего раздѣленнаго наслѣдства. Вообще отставные солдаты, ихъ жены и дѣти принимаютъ въ наслѣдствѣ такое же участіе, какъ и другіе члены семьи.

Если бы кто-либо изъ родителей, умирая, завѣщалъ все имущество только кому-нибудь одному изъ круга своей семьи или избранному меньшинству ея, или дальнему родственнику при ближайшихъ, то въ такомъ случаѣ его завѣщаніе не только оспаривается, но часто признается недѣйствительнымъ и не приводится въ исполненіе потому, что здѣсь имѣютъ силу только такія завѣщанія, по которымъ имущество распредѣляется между всѣми ближайшими наслѣдниками. Духовныя завѣщанія въ большинствѣ случаевъ выполняются строго. Они по большей части происходятъ на словахъ. Свидѣтелями при духовныхъ завѣщаніяхъ обыкновенно бываютъ лучшіе изъ обывателей той деревни, гдѣ живетъ завѣщатель, и только въ рѣдкихъ случаяхъ духовныя лица.

Приводимъ рѣшеніе волостнаго суда, касающееся этого предмета (рѣшеніе Маслозерскаго волостнаго суда 9-го января 1867 года): Крестьянская жена Подужемской деревни Настасья Павлова проспла на крестьянина Клементья Мартынова о воспрещеніи его отъ притѣсненія ей, такъ какъ онъ самовольно рѣшился рубить и ломать домикъ ея, предоставленный ей вдовою Авдотьею Пулловой въ вѣчное владѣніе. По единогласному рѣшенію волостнаго суда присуждено, что просьба вдовы Павловой оказалась несправедливою, потому что умершая вдова Пулова ей духовнаго завѣщанія на владѣніе домика никакого не оставила, и она никакого удостовѣренія на владѣніе не имѣетъ. А крестьянинъ Клементій Мартыновъ есть ближайшій родственникъ Пулловой и по приказанію волостнаго начальства постановилъ домовое мѣсто на линіи съ прочими домами, а потому и принужденъ былъ вырубить заднюю часть этого домика.

Договоры и сдѣлки. Хотя Корелы и не имѣютъ особаго пристрастія къ водкѣ, но тѣмъ не менѣе липки, вѣроятно, заимствованныя отъ Русскихъ, составляютъ необходимость при заключеніи покупокъ разныхъ вещей и скота и при совершеніи иныхъ сдѣлокъ. Какъ и Русскіе, Корелы, при заключеніи договоровъ, даютъ

задатокъ. Задаткомъ служатъ какъ деньги, такъ и вещи, сѣно и т. п. Такъ, при заключеніи одного обязательства вспахать землю, дано было въ задатокъ 50 к. и 1 возъ сѣна (рѣшеніе Тунгудскаго волостнаго суда 22-го января 1867 г.).

Поручители отвѣтствуютъ, при неисполненіи договора, своимъ имуществомъ; съ нихъ взыскиваютъ то, что̀ должно быть взыскано съ лица, за которое они поручились (рѣшеніе Кестенскаго волостнаго суда 27-го февраля 1867 г.).

У Кореловъ бываютъ также свидѣтели при заключеніи разныхъ сдѣлокъ. На необходимость ихъ во многихъ случаяхъ указываютъ рѣшенія волостныхъ судовъ.

При заключеніи сдѣлокъ употребляется рукобитье, которое состоитъ въ томъ, что договаривающіяся стороны подаютъ другъ другу руки, обернутыя полою кафтана. Послѣ рукобитья договоръ считается заключеннымъ. Такъ, при заключеніи свадебнаго договора, договаривающіяся стороны, подавая другъ другу руки, говорятъ: „Кто нарушитъ это наше дѣло, съ того взыскать сто рублей штрафу“. Дѣйствительно ли нарушеніе этого договора влечетъ денежное взысканіе съ нарушившаго, или эти слова—одна форма, лишившаяся уже содержанія, не извѣстно; въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, которыми мы располагаемъ, нѣтъ ни одного дѣла, возбужденнаго по такому поводу.

Если при продажѣ или обмѣнѣ сдѣланъ былъ обманъ, то какая сдѣлка, сколько можно судить по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, не считается обязательною для обманутой стороны. Такъ, въ одномъ случаѣ, крестьянка обмѣнялась съ крестьяниномъ лошадью, но его лошадь оказалась негодною. По требованію обманутой, онъ взялъ ея лошадь назадъ, только взыскалъ 1 р. 50 к. за прокормъ, но и эти деньги возвратилъ, по убѣжденію волостныхъ судей (рѣш. Ухтинскаго волост. суда 18-го апрѣля 1869 г.). Въ другомъ случаѣ крестьянка купила 215 шведскихъ юбокъ, но когда пересчитали ихъ, по совершеніи уже договора и отдачѣ денегъ, то оказалось что юбокъ было только 199; обманувшій долженъ былъ вознаградить обманутую, хотя и не всѣмъ количествомъ сполна. Приводимъ это рѣшеніе, характеризующее довѣрчивость и простоту Кореловъ при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ: „Крестьянская вдова дер. Ювалакши Марья Васильева Митрофанова жалуется на то,

что въ бытность ея на Каянской ярмаркѣ въ февралѣ сего года она купила у крестьянина Прокопья Савельева Талпкова, по сказанію его, 215 шведскихъ юбокъ, за которыя рядили по 1 р. за каждую, итого на 215 р. Эту сумму она и заплатила въ то же время сполна, но юбокъ она не сосчитала, а повѣрила на его совѣсть и положила юбки въ его амбаръ, гдѣ онѣ находились два дня или менѣе, она того не упомнитъ. Когда онъ запоходилъ (то-есть, собрался въ походъ или въ путь домой), то приказалъ ей убрать юбки изъ его амбара прочь, и онъ тамъ взялъ оныя юбки, связанныя въ кучи, и перенесъ въ ея амбаръ безъ всякаго съ ея стороны счета. По утру Митрофанова взяла и велѣла пересчитать юбки крестьянину дер. Алозера Ефрему Ефремову, а сама пошла въ домъ для разныхъ необходимыхъ дѣлъ. Ефремовъ началъ считать, и юбокъ оказалось 199 штукъ. Онѣ были еще вновь пересчитаны три раза при крестьянинѣ Иванѣ Петровѣ, женкѣ Ульянѣ Торвіевой, и по счетѣ имъ, Ефремовымъ, онъ ей забылъ сказать, сколько оказалось, а самъ поѣхалъ въ Финляндію, и ей спросить у Ефимова о томъ не случилось. Послѣ сего она взяла юбки, положила на воза и отправилась домой. По прибытіи, она сама начала пересчитывать, и по счетѣ оказалось юбокъ не 215, а 199 штукъ, при чемъ находились крестьяне Яковъ Васильевъ Андроновъ и Наумъ Ивановъ, и оставили такъ до прибытія Ефремова, который прибылъ изъ Финляндіи и тоже сказалъ, что дѣйствительно по его счету на Каянской ярмаркѣ оказалось не 215, а 199 юбокъ. Поэтому, значитъ, онъ, Талпковъ, сдѣлалъ противъ совѣсти своей обманъ, затаплъ 16 юбокъ, а деньги получилъ сполна 215 р. Митрофанова много разъ просила его, чтобъ онъ помирился, отдалъ бы 16 р. за недостающія юбки. Но онъ, Талпковъ, отвѣчалъ, что юбки у него были всѣ сполна, и отказывался отъ платежа денегъ 16 р., а только обѣщалъ отдать ей въ волостномъ правленіи 8 р. Она и проситъ волостной судъ взыскать съ него деньги 16 р. сполна и тѣмъ ее удовлетворить. Между тѣмъ былъ спрошенъ крестьянинъ Талпковъ, который и объяснилъ, что онъ, дѣйствительно, продалъ Митрофановой, по просьбѣ ея, 215 штукъ шведскихъ юбокъ за 215 р., которыя и получила сполна; юбки же пересчиталъ при ней и ихъ оказалось 215 штукъ. Хотя оныя были въ его амбарѣ, но ключъ

былъ у нея на рукахъ, и по прошествіи одной ночи, по утру онъ поѣхалъ домой и никуда юбокъ не переносилъ, а оставилъ въ ея амбарѣ, находящемся въ завѣдываніи. Юбокъ этихъ, по продажѣ ихъ и перечетѣ, онъ болѣе не трогалъ и не переносилъ никуда, а потомъ отправился домой. При счетѣ юбокъ свидѣтелей у него никого не было; юбки эти онъ купилъ у крестьянъ Вокнаволоцкой волости и деревни Власа Фомина 66 штукъ, Семена Григорьева 18, Константи на Мокѣева 24, и своихъ было 107 штукъ, а всего 215 штукъ. Поэтому и проситъ Таликовъ освободить его отъ взысканія. По переспросѣ на словахъ просительница Митрофанова и крестьянинъ Тиликовъ предъявили, что они дѣло относительно взысканія съ Таликова 16 р. кончили примиреніемъ между собою, такъ что Таликовъ обязался вдовѣ Митрофановой заплатить десять руб., а Митрофанова оставляетъ семь юбокъ, признанныхъ неполными, за Таликовымъ; и посему считать дѣло рѣшеннымъ".

Случаи мѣны у Кореловъ чаще всего бываютъ относительно домашнихъ животныхъ; касательно мѣны домашними животными приводимъ одно рѣшеніе Олангепскаго волостнаго суда: 1867 г. января 31-го волостной старшина передалъ на рѣшеніе суда письменное объявленіе крестьянина Кандалакшской волости Княже-губской дер. Василія Мокѣева, поданное на имя становаго пристава 3-го стана, въ коемъ онъ жалуется на кр. Олангской волости Варталамбской дер. Федора Архипова, будто бы послѣдній, лѣтъ шесть тому назадъ, взялъ у Мокѣева собаку, способную для лѣсной охоты, за которую, по обоюдному согласію, обѣщался дать осенью того же года, по выбору Мокѣева, лучшую *важенницу* (самку оленя), въ свидѣтели чего представляетъ 6 человѣкъ Княже-губскихъ крестьянъ и старшину Зайкова; послѣ того онъ нѣсколько разъ видѣлся съ Архиповымъ, который всякій разъ извинялъ и обѣщался доставить ему важенницу и въ послѣдній разъ приносилъ извиненіе при старшинѣ Зайковѣ, но понынѣ не исполнилъ своего обѣщанія; а потому Мокѣевъ просилъ взыскать съ Архипова по совѣсти суда важенницу и за приплодъ въ теченіи 6 лѣтъ, въ которое время могъ быть расплодить до 14 телятъ, стоющихъ 60 руб. сер. Отвѣтчикъ Архиповъ, явясь въ судъ, на распросы судей объявилъ, что онъ дѣйствительно взялъ собаку съ тѣмъ самымъ усло-

віемъ, какъ и въ объявленіи означено; но какъ Мокѣевъ, еще прежде взятія собаки, взялъ у Архипова куль муки и до настоящаго времени не заплатилъ, поэтому и Архиповъ не исполнилъ своего обѣщанія, а кромѣ того Мокѣевъ, признавая самъ себя должнымъ, не приходилъ и за важенницею, которую хотѣлъ самъ выбрать, но что, будто бы,при неоднократной встрѣчѣ съ нимъ Архиповымъ просилъ прислать важенницу и въ томъ поставляетъ свидѣтелемъ старшину Зайкова, несправедливо. Старшина, на предложеніе суда, подтвердилъ показаніе Архипова, что хотя при немъ былъ разговоръ у Мокѣева съ Архиповымъ, но Архиповъ сказалъ: „принеси за куль деньги и приходи, выбирай важенницу, а собака уже давно пропала, въ тотъ годъ, какъ взялъ“; а потому Олапгскій волостной судъ нашелъ просьбу Мокѣева вымышленною и какъ ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ вѣрныхъ фактовъ, опредѣлилъ: дѣло это оставить безъ послѣдствій, предоставя самимъ тяжущимся разобраться между собою: одному отдать за куль муки, а другому—важенницу.

Когда нанимаютъ какое-нибудь лице для отправленія той или другой работы, то выдаваемые при этомъ задатки служатъ для выраженія вѣрности со стороны нанимателя, а иногда и нанимающагося. Если они даются первымъ послѣднему, то состоятъ почти всегда изъ денегъ или съѣстныхъ припасовъ, а когда даются послѣднимъ первому, въ такомъ случаѣ состоятъ изъ мелкихъ вещей, напримѣръ, рукавицъ, платковъ и т. п. Плата работнику дается и деньгами, и разными предметами первой необходимости. Въ Кестенгской волости плата за различныя работы существуетъ слѣдующая: за день косцу отъ 25 до 45 коп., грабеѣ 10—20 коп., пахарю 15 – 30 коп., плотнику 25—50 коп., за шитье сапогъ изъ хозяйской кожи 15—25 коп.; женскій трудъ вообще цѣнится ниже мужескаго, хотя женщины нерѣдко работаютъ не только не хуже мужчинъ, но даже лучше и скорѣе. Въ другихъ мѣстностяхъ Корелы заработная плата еще ниже, особенно въ неурожайные годы, какъ можно заключать изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Вотъ одно рѣшеніе волостнаго суда, изъ котораго можно видѣть, какъ мала была стоимость труда въ голодный 1867 годъ: Крестьянинъ деревни Ухты Иванъ Ивановъ Софроновъ жалуется на то, что 15-го мая пришелъ къ нему крестьянинъ дер. Ухты Тимофей

Марковъ Андреевъ, и онъ взялъ его, съ тѣмъ, чтобы съ 15-го мая по 8-е іюля работать ему безъ платы, только изъ хлѣба, а съ 8-го іюля по 29-е августа по 25 коп. за каждую недѣлю. Когда пришло сѣнокосное время, то онъ 8-го іюля ушелъ безъ всякаго отказа, самовольно, и еще взялъ въ счетъ платы съ 8-го іюля одинъ снопъ соломы, 30 фунтовъ ржи и наличными деньгами 2 копѣйки, а всего на сумму 1 р. 42 к., которыя деньги и проситъ Софроновъ взыскать съ Андреева или заставить отработать ему за нихъ 5 недѣль. Между тѣмъ крестьянинъ Тимоѳей Марковъ Андреевъ объявилъ, что онъ дѣйствительно пришелъ 15-го мая и пробылъ до 8-го іюля, работалъ ему, Софронову, ежедневно, и взялъ у него 30 фунтовъ ржи одинъ снопъ соломы и 2 коп. денегъ въ счетъ платы съ 8-го іюля, но какъ онъ Тимоѳей, работалъ восемь недѣль, то 30 фунтовъ ржи, снопъ соломы и 2 коп. денегъ онъ считаетъ заработанными. Вслѣдствіе сего волостной судъ рѣшилъ: взыскать съ крестьянина Андреева за рожь, за солому и деньги, всего 1 р. 42 коп. сполна и тѣмъ удовлетворить Софронова.

Въ обыкновенное время плата, разумѣется, нѣсколько выше, но все-таки крайне незначительна. Такъ, изъ рѣшенія Тихтозерскаго волостнаго суда 27-го декабря 1869 г. видно, что 10 дней работы оплачено 35 фунтами ржи. Изъ рѣшенія Тунгудскаго волостнаго суда видно, что за недѣлю работы платится 80 коп. За уборку хлѣба съ полей (рѣш. Юшкозерскаго волост. суда 10-го апрѣля 1867 г.) заплачено 1 р. 75 к. Приведемъ одно рѣшеніе, изъ котораго видна также стоимость труда по распашкѣ земли: Крестьянинъ деревни Лехты Егоръ Петровъ Фефеловъ жаловался на односельца своего Ѳому Каргуева, что онъ далъ ему, Каргуеву, по веснѣ 1866 г. денегъ 50 коп. и сѣна одинъ возъ по взятому имъ подряду вспахать въ томъ году три раза пашни, принадлежащія Фефелову, за что̀, сверхъ данной платы, Фефеловъ предоставляетъ Коргуеву, по надлежащемъ исполненіи подряда, скосить съ пожень его сѣно, что̀ Коргуевъ не замедлилъ исполнить: не выполняя взятаго подряда вполнѣ, скошенное сѣно употребилъ весною въ свою пользу. Вслѣдствіе того, по сдѣланному спросу, оказалось, что Коргуевъ дѣйствительно взялъ подрядъ у Фефелова на паханіе его пожни въ 1866 г. три раза, но вспахалъ ихъ только одинъ разъ, а не премнулъ скосить пожни Фефелова, хотя

взятый задатокъ 50 коп. и сѣна одинъ возъ употребилъ въ свою пользу. Потому постановили, что такъ какъ, по показанію обоихъ, съ пожень снято сѣна шесть возовъ, то по обоюдному согласію, изъ числа шести возовъ отдать одинъ возъ Коргуеву за пàханіе одного раза пашни Фефелова, а остальное предоставить во владѣніе просителю, а также оставить за Коргуевымъ задатокъ, полученный имъ отъ Фефелова.

Сроки найма рабочихъ начинаются и кончаются большею частью какими нибудъ праздниками. Такъ на сѣнокосъ нанимаются или съ Иванова дня (24-го іюня или Петрова дня (29-го іюня), или, въ поздній годъ, съ Ильина дня, то до перваго Спаса (1-го августа), то до другого Спаса (6-го августа), то до Успеньева дня. На всю страду нанимаются то до Семенова дня, то до Рождества Богородицы, то до Воздвиженія. На осенніе рыбные промыслы нанимаются съ Воздвиженья, то до Покрова, то до Михайлова дня, то до Дмитріева дня (26-го октября). Работники и работницы также нанимаются на годъ; годовая плата имъ обыкновенно 10 руб. на хозяйскомъ хлѣбѣ и одеждѣ. Плату получаютъ по третямъ и полугодіямъ, иногда по окончаніи года. Но случается иногда и такъ, что проходитъ нѣсколько лѣтъ, пока хозяинъ окончательно разчитается со своимъ работникомъ. Въ продолженіе этого времени хозяинъ выдаетъ работнику помелочи деньги на его надобности и вноситъ за него подати. Работникъ, не получая долго разчета, часто самъ не знаетъ, сколько онъ долженъ хозяину и сколько слѣдуетъ съ того получить. Этимъ иногда пользуются хозяева, чтобъ оставить работника вовсе безъ разсчету (рѣш. Вокнаволоцкаго волостнаго суда 5-го января 1868 года).

Приводимъ одно небезинтересное дѣло о разбирательствѣ спора между хозяиномъ и его работникомъ. Крестьянинъ деревни Кундозерской Аѳанасій Богдановъ, явясь въ судъ, принесъ жалобу, что, Зашеечной крестьянинъ Ефимъ Кундозеровъ былъ отъ него, Богданова, нанятъ въ работники и отправленъ съ *райдою* (обозомъ) его оленей для передвиженія казеннаго хлѣба изъ Калгалакшскаго торговаго магазина въ Кундозерскій, помѣщенный при волостномъ правленіи въ деревнѣ Олангѣ. Платы Кундозерову ряжено 6 р. и впередъ выдано 60 коп. При отправленіи, Богдановъ, собравъ самъ своихъ оленей и со всею оленною упряжью, передалъ Кун-

дозерову, который и долженъ бы былъ также передать оленей обратно хозяину на руки, но Кундозеровъ этого не сдѣлалъ, а съ дороги оленей пустилъ въ лѣсъ, и Богдановъ, проискавъ оленей самъ цѣлую осень, едва могъ собрать ихъ. Кромѣ того, у Кундозерова не достало 4-хъ пудовъ хлѣба, везеннаго на оленяхъ Богданова, и съ него за хлѣбъ старшиною удержаны деньги изъ провозной платы 3 р. 88 к. Потому Богдановъ просилъ разобрать споръ и рѣшить по совѣсти суда. Вызванный вслѣдствіе жалобы Богданова, Кундозеровъ на спросъ суда показалъ, что дѣйствительно онъ былъ нанятъ работникомъ съ райдою оленей Богдановымъ за 6 р. для передвиженія казеннаго хлѣба изъ Калгалакши и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ и свою райду, а по возвращеніи оттуда не сдалъ райды Богданову, потому что олени *опристали* (устали), и онъ пустилъ ихъ съ важеницею въ лѣсъ за 5 верстъ отъ дер. Кундозера на мѣстахъ извѣстныхъ, зная, что олени не могутъ потеряться; притомъ Крундозеровъ пояснилъ, что олени Богданова и въ дорогѣ съ хлѣбомъ *приставали* (уставали), и онъ долженъ былъ перекладывать хлѣбъ на свою райду и нанимать чужихъ, а за недостающій хлѣбъ, принятый на оленей Богданова, 4 пуда, деньги взысканы съ него, Кундозерова, что̀ подтвердилъ и старшина Зайковъ; на сдѣланное ему судомъ предложеніе Кундозеровъ добавилъ, что Богдановъ за перевозку на его оленяхъ хлѣба разчиталъ сполна за 80 пудъ, только зачтены подати первой половины за двѣ души 5 р. 65 коп., остальные же 10 р. 35 к. выданы на руки. По соображеніи сихъ обстоятельствъ Олангскій волостной судъ нашелъ, что жалоба Богданова несправедлива, а вымышленная, вѣроятно; для того, чтобъ избѣгнуть платежа причитающихся съ него по условію Кундозерову денегъ; тѣмъ болѣе уличаетъ онъ себя въ несправедливости жалобы, что первоначально слѣдовало бы жаловаться Кундозерову на несвоевременный разчетъ Богданова, но онъ, желая разобраться безъ суда, по совѣсти, не хотѣлъ утруждать суда и ждалъ добровольнаго разсчета; а потому судъ опредѣлилъ: причитающуюся Кундозерову плату 5 р. 40 к. и половину взнесенныхъ имъ за утечку хлѣба 1 р. 94 к., всего 7 р. 34 к., взыскать съ Богданова и удовлетворить оными Кундозерова (рѣш. Олангскаго волостного суда 11-го декабря 1866 г.).

Родители не только могутъ отдавать своихъ не отдѣленныхъ дѣтей въ наемъ, но и получать плату за ихъ трудъ; такъ (рѣш. Тунгудскаго вол. суда 2-го апрѣля 1868 г.) одна крестьянка жаловалась, что крестьянинъ не отдаетъ денегъ, заработанныхъ ея сыномъ, который былъ пастухомъ рогатаго скота. Судъ постановилъ: такъ какъ эти деньги рабочія и неоспоримыя, то взыскать ихъ въ пользу просительницы.

Отдѣленныхъ сыновей родители сами нанимаютъ себѣ въ работу. Власть хозяевъ надъ работниками и работницами у Кореловъ выражается въ болѣе или менѣе смягченныхъ формахъ; такъ напримѣръ, хозяинъ можетъ только бранить работника, но не бить. Если хозяинъ жестоко обращается съ работникомъ, то послѣдній уходитъ, и если забралъ плату впередъ или въ задатокъ, то не возвращаетъ ихъ. Впрочемъ, хозяева, при преждевременномъ оставленіи ихъ работниками и работницами, удерживаютъ иногда слѣдующую имъ плату, и такъ какъ хозяева бываютъ большею частію міроѣды и заправители всѣхъ общественныхъ дѣлъ, то эта плата въ большинствѣ случаевъ такъ за ними и пропадаетъ, если только обиженные не осмѣливаются просить о томъ начальство.

Корелы нанимаются также къ поморамъ для морскихъ промысловъ. Иные изъ нихъ, какъ и Русскіе, идутъ на условіяхъ *покрута*, то-есть, изъ опредѣленной части добычи; такимъ образомъ они заработываютъ въ лѣто отъ 30 до 50 р. Другіе нанимаются, какъ простые работники, за извѣстную плату. Мы имѣемъ одно письменное условіе, заключенное между Кореломъ, нанявшимся въ работники, и его хозяиномъ Русскимъ; по этому условію Корелъ обязывается идти на промыслы за 26 р., въ счетъ которыхъ онъ беретъ впередъ пять рублей для уплаты повинностей, пять пудъ хлѣба, кожи, на сѣмена и на платье, всего до 15 р., а остальное по возвращеніи съ промысла (изъ книги договоровъ Вычегодскаго вол. правленія за 1869 г.). Какъ безчеловѣчно обращаются иногда хозяева Русскіе со своими работниками Корелами, видно изъ рѣшенія Маслозерскаго волостного суда 19-го февраля 1867 г. Вслѣдствіе объявленія крестьянина Сороцкой волости Матвѣя Елисеева о взысканіи съ крестьянина Афонинской деревни Іова Ренніева 15 р., волостной судъ отобралъ показанія отъ крестьянина Іова

Репніева, который не сознался должнымъ Елисееву и показалъ что хотя онъ и забралъ у Елисеева до 15 р., но считаетъ себя не должнымъ, потому что находился у него въ услуженіи дома семь недѣль, и хозяинъ взялъ его больного на море и тамъ оставилъ въ становищѣ Трехъ-Острововъ, такъ что тотъ едва не умеръ тамъ съ голоду и воротился оттуда въ половинѣ іюля съ покрутчиками; потому онъ считаетъ себя невиновнымъ в платежѣ и искъ Елисеева несправедливымъ. Это показаніе представлено было просителю Елисееву, а волостной судъ не счелъ его объявленіе справедливымъ.

Многіе изъ Кореловъ, взявъ у богатыхъ поморовъ денегъ для рекрутской повинности, обязываются отработывать ихъ нѣсколько лѣтъ, напримѣръ, лѣтъ восемь, и такимъ образомъ на весь этотъ срокъ закабаляютъ себя своимъ хозяевамъ.

При выборѣ и наймѣ пастуховъ въ Корелін употребляются, говоритъ г. Камкинъ,—многіе обряды, но въ чемъ они состоятъ, мы, къ сожалѣнію сказать не можемъ. Мы знаемъ только, что тутъ участвуютъ колдуны, и пастухъ долженъ выучить наизусть нѣсколько завѣтныхъ словъ (такъ называемый *отпускъ скота*), и долженъ, кромѣ того, выполнить всѣ тѣ обряды, которые ему предписывается выполнять. Когда онъ въ первый разъ выгоняетъ стадо, то вся деревня, которая его нанимаетъ, собирается провожать. Всѣ уходятъ за нимъ за деревню. Тамъ всѣ останавливаются. Коровы при этомъ ставятся въ ряды. Около нихъ зажигаются огни, и къ огнямъ приносятъ нѣсколько ушатовъ воды. Кто-нибудь изъ старшихъ вспрыскиваетъ все стадо водой, а кто-нибудь изъ молодыхъ дѣлаетъ при этомъ нѣсколько выстрѣловъ. Когда это кончится, вся процессія трогается съ мѣста. Впереди всѣхъ пастухъ гонитъ стадо, а вслѣдъ за нимъ идутъ, по степени возраста, въ глубокомъ молчаніи и благоговѣніи, напявшіе его жители. Проводивъ его съ полверсты, они возвращаются одинъ по одному домой. Пастухъ здѣсь получаетъ 25—35 коп. за каждую корову въ лѣто. Ѣстъ онъ поперемѣнно у всѣхъ жителей, сообразуясь по числу коровъ, то-есть, сколько у каждаго домохозяина коровъ, столько дней онъ и кормится у него. Пастухъ за скотину отвѣчаетъ здѣсь лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда скотина ушибается или пропадаетъ совершенно изъ-за его оплошности и небреж-

ности, и когда на это есть свидѣтели. Если же не случится свидѣтелей, то пастухъ только увольняется отъ своей должности, но платы не лишается.

Такихъ церемоній, съ какими связывается должность пастуха, ни при какихъ другихъ случаяхъ болѣе не бываетъ. Это въ глазахъ Кореловъ самая важная должность, самое священное занятіе. Даже русскіе крестьяне поморы приглашаютъ, иногда за нѣсколько десятковъ верстъ, изъ глубины Корелы, пастуховъ, для того, чтобы тѣ, какъ знатоки дѣла, совершили отпускъ скота на пастбище.

Церковный сторожъ служитъ по выбору; но если выбранное лицо не можетъ почему-либо исполнять этой обязанности, напримѣръ, за отлучкою на морскіе промыслы, то нанимаетъ вмѣсто себя другое лицо. Плата при наймѣ бываетъ различная; по одному договору Шуезерскаго сельскаго схода 24-го февраля 1869 г., нанимающій обязуется платить нанимающемуся 8 р. за исправленіе должности съ 1-го марта по 1-е октября.

У Кореловъ есть обычай отдавать на подержку скотъ, какъ видно изъ рѣшенія Тунгудскаго волостного схода 29-го сентября 1868 года; но какія при этомъ заключаются условія—не извѣстно. Даются на подержаніе и вещи, напримѣръ, рыболовныя сѣти. При утратѣ ихъ взыскивается съ взявшаго на подержаніе половина ихъ стоимости. Такъ, по рѣшенію Юшкозерскаго волостного суда 11-го сентября 1867 г., утонувшій чужую рыболовную сѣть, въ 4 саж. длиною, присуждается къ уплатѣ сѣти въ 2 саженп.

Изъ всѣхъ видовъ ссудъ, существующихъ у Кореловъ, самый интересный—это ссуда сѣмянъ на посѣвъ. Корелы, при частыхъ неурожаяхъ, всегда очень нуждаются въ хлѣбѣ, и потому большая ихъ часть не можетъ запасти сѣмянъ на посѣвъ и должна бываетъ занимать у немногихъ имѣющихъ. Условія вознагражденія за ссуду дѣлаются крайне тяжелыя для берущаго; большею частью обязываются за занятое отдать половину урожая. Если хлѣбъ уродится хорошо, то само собою разумѣется, исполненіе этихъ условій кажется слишкомъ тягостнымъ для должниковъ, и они часто нарушаютъ свои обязательства; вслѣдствіе того возникаетъ нерѣдко въ волостныхъ судахъ дѣла по жалобамъ заимодавцевъ. Волостные суды, не смотря на то, что кредиторы представляютъ

росписки своихъ должниковъ, рѣшаютъ обыкновенно такія дѣла въ интересахъ этихъ послѣднихъ, заставляя тяжущіяся стороны помириться на болѣе справедливыхъ условіяхъ. Все-таки и по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ условія вознагражденія за ссуду довольно тягостны; именно, среднимъ числомъ, должникъ обязуется уплатить за четверикъ три четверика или дать соотвѣтствующее этому вознаграждепіе деньгами. По одному рѣшенію (Ухтинскаго вол. суда 8-го августа 1868 г.), запмодавецъ просилъ взыскать съ должника не половину урожая, какъ было условлено, но двѣ пятыхъ; судъ приговорилъ его къ вознагражденію одною третью. Приводимъ еще два рѣшенія, также касающіяся этого предмета:

Крестьянинъ деревни Ювалакши Дмитрій Панфиловъ Поповъ принесъ жалобу на крестьянина Василья Попова въ томъ, что было имъ взято у послѣдняго, Попова, сѣмянъ ржи въ 1867 г 6 пудъ на сумму 12 р. За эту рожь онъ обязался уплатить ему деньги въ Финляндіи, которыя и представилъ сынъ его, Викула, сыну Василья Попова 10 р.; но сынъ Василья Попова не принялъ денегъ отъ Викулы въ Финляндіи, а требовалъ весь долгъ, 30 р. Затѣмъ Василій Поповъ захотѣлъ самовольно сжать рожь Дмитрія Попова, посѣянную означенными выше сѣмянами, за долгъ 30 руб. Волостной судъ постановилъ, по выслушаніи обѣихъ сторонъ, просителя и отвѣтчика: рожь, посѣянную 6 четверпками на полѣ Дмитрія Попова, выжать ему вмѣстѣ пополамъ съ Васпліемъ Поповымъ, и по выжатіи раздѣлить рожь, какъ зерномъ, такъ и соломою, поровну, потому что означенное поле было обработано и обсѣменено вмѣстѣ Васильемъ и Дмитріемъ Поповыми. Что же касается сѣмянъ, данныхъ Васильемъ Дмитрію Попову 6 пудъ, то Дмитрій обязанъ возвратить Василью съ вознагражденіемъ изъ выжатой своей части ржи четвертою частью, что̀ окажется по умолотѣ, какъ зерномъ, такъ и соломою (рѣш. Ухтинскаго вол. суда 28-го іюля 1868 г.).

Крестьянинъ Тихтозерской деревни Трифонъ Петровъ, предъявилъ волостному суду, что крестьянинъ одной съ нимъ деревни Афанасій Прокопьевъ состоитъ ему должнымъ за купленную лошадь 7 р., и кромѣ того, за взятыя имъ же, Прокопьевымъ, въ 1867 году ржаныя сѣмена 2 четверика на 3 р. 50 к., которыя обязался уплатить къ 6-му декабря 1867 г., а въ случаѣ неуплаты

Прокопьевымъ на срокъ, урожай ржи снять пополамъ въ 1868 г., о чемъ представилъ подлинную росписку Прокопьева, который сѣмянъ и денегъ къ сроку не представилъ. По осени же сего года имъ сжато съ посѣяннаго поля 16 четвериковъ и 30 *кубачъ* (коснъ) соломы, изъ числа коихъ, согласно условію, слѣдуетъ ему, Петрову, получить 8 четвериковъ ржи и 30 кубачъ соломы. Въ числѣ ихъ получено имъ, Петровымъ, 4 четверика и заработано 10 дней за 35 фунтовъ, остальные же 3 п. 5 фунт. ржи и 15 кубачъ соломы состоятъ за Прокопьевымъ, которыя Петровъ и просилъ взыскать. Противъ сей явки крестьянина Петрова должникъ Прокопьевъ объяснилъ, что сѣмена имъ у Петрова дѣйствительно были взяты, и росписка, въ коей объяснены условія, дана; въ число же долга имъ уплачено 4 четверика ржи и заработано 10 дней за 35 фунтовъ; за остальной же долгъ Петровъ обѣщался взять сына его въ работу на 3 недѣли. На это Петровъ объяснилъ, что хотя у нихъ и было это условіе, но Прокопьевъ его не исполнилъ. А потому волостной судъ опредѣлилъ: такъ какъ должникъ долгъ этотъ призналъ и за 3 пуда ржи и 15 кубачъ соломы деньги остались не уплачены вопреки заключенному условію и данной роспискѣ, то претензію крестьянина Петрова, какъ оказавшуюся справедливою и должникомъ не опровергнутую, удовлетворить и объявить имъ, чтобъ они лучше между собою *поладили* (рѣшеніе Тихтозерскаго вол. суда 27-го декабря 1869 г.).

Если даются взаймы деньги въ небольшомъ количествѣ и на короткій срокъ, то нѣтъ обычая брать на нихъ проценты. При болѣе же значительныхъ займахъ платится 15%. Въ обезпеченіе уплаты долга на срокъ дается заимодавцу залогъ; такъ, по рѣшенію Тунгудскаго вол. суда 3-го сентября 1866 г., въ обезпеченіе уплаты 3 р. 50 к. долга дано 3 пуда ячменя. Заложенными вещами не позволяется пользоваться до истеченія срока; по истеченіи же его неисправный залогодатель лишается заклада. Даютъ въ закладъ не только различныя вещи, какъ-то: одежду, мережи и т. п., но и землю. Приводимъ одно рѣшеніе Ухтинскаго волостного суда 11-го іюня 1867 года: Крестьянинъ деревни Ухты Кириллъ Филипповъ Тихоновъ жаловался, что крестьянинъ Алексѣй Ефимовъ Еремѣевъ отобралъ у него самовольно сѣнокосныя ножни, положенныя ему въ закладъ Еремѣевымъ за взятые имъ хлѣбные при-

пасы. Волостной судъ принялъ въ основаніе примиреніе между собою жалобщика Тиханова и отвѣтчика Еремѣева, по каковому пожня оставлена въ пользованіе Тиханову еще на четыре года.

Вотъ еще интересный видъ залога—залогъ вещей въ обезпеченіе уплаты за покраденное: По жалобѣ крестьянина деревни Ухты Никифора Иванова Митрофанова о покражѣ у него, по дорогѣ изъ Шуньги, въ деревнѣ Лусалмѣ, крестьяниномъ Вокнаволоцкой волости дер. Войнины Степаномъ Богдановымъ, 13 фунт. пеньки, волостной судъ рѣшилъ: за украденную пеньку 13 фунтовъ, по цѣнѣ 15 коп. за каждый, и того—причитается сумма 1 р. 95 коп.; за эту сумму Богдановъ положилъ Митрофанову въ залогъ до 29-го іюня сего года ситцевую поношенную рубаху, цѣною 75 коп., топоръ въ 25 к., небольшой кушакъ и сѣтку шерстяные, цѣною 40 к., поношенныя *бахилы* (сапоги) въ 25 к., съ тѣмъ, что если онъ можетъ представить деньги 1 р. 95 к. до 29-го іюня, то упомянутыя вещи можетъ получить обратно, а если не представитъ на срокъ, то упомянутыя вещи останутся въ пользу Митрофанова (рѣшеніе Ухтинскаго вол. суда 6-го марта 1867 г.).

Корелы иногда передаютъ свои сѣнокосные и пахатные участки другимъ въ вѣчное владѣніе, какъ свою полную собственность. Хотя въ Архангельской губерніи выкупъ земли государственными крестьянами еще не объявленъ, въ книгѣ сдѣлокъ и договоровъ Тунгудскаго волостного правленія мы нашли два договора о такой передачѣ. Приводимъ ихъ:

„Мы, нижеподписавшіеся, Архангельской губерніи, 1-го мирового участка, Кемскаго уѣзда, Тунгудской волости, деревни Келавараки, государственные крестьяне Петръ Андреевъ Евтафеевъ и Ѳедоръ Михайловъ Андроновъ заключили сіе условіе о томъ, что первый изъ насъ, Евтафеевъ, продалъ послѣднему, Андрееву, все свое наслѣдство—пахатныя поля, вопервыхъ, большой ободъ, на который засѣвается 2 мѣры, вовторыхъ, ободъ Макарьевскій,—потому что прожпваю самъ, большею частью, въ поморскихъ селеніяхъ, въ вѣчное владѣніе, а равно и сѣнокосные участки на вараки Осиновой-салмы въ трехъ мѣстахъ на 2 воза, на Вохтѣ-рѣкѣ, на Рѣдоручьѣ, на Березовомъ-ручьѣ, кочья на смоляномъ-ручьѣ 5 кучъ, готовое колье и жердье и оставшагося стараго лѣсу 30 деревъ и

связь до мосту за выряженную, по обоюдному согласію, цѣну десять рублей, которую и получить въ настоящее время всю сполна".

„Я, нижеподписавшаяся, Кемскаго уѣзда, Тунгудской волости, деревни Машозера, крестьянская вдова Варвара Григорьева Михайлова, отдаю въ пользованіе *теребъ* (сѣнокосная чищенина), принадлежащій мнѣ въ собственность съ давнихъ лѣтъ, крестьянину Степану Яковлеву Михайлову, какъ своему ближайшему родственнику, въ вѣчное владѣніе".

Часто также сдаютъ земли во временное пользованіе, въ аренду. Вотъ подходящій сюда договоръ:

„1869 года мая 9-го дня. Мы, нижеподписавшіеся крестьяне Кемскаго уѣзда, Юшкозерской волости Леонтей Еремѣевъ и Никифоръ Николаевъ Мякушкинъ, заключили между собою условіе сіе въ томъ, что изъ насъ первый отдалъ послѣднему въ полное и неограниченное пользованіе принадлежащія Леонтію пахатныя и сѣнокосныя поля, находящіяся въ нашей Юшкозерской волости. тѣ самыя, которыя по дѣламъ и спискамъ общественнымъ записаны на его имя, срокомъ на пять лѣтъ, начиная съ сего 1869 года по 1874 годъ, съ правомъ Никифору Мякушкину засѣвать хлѣбъ и сѣно снимать въ свою пользу и ничѣмъ за это никому не дѣлиться, но съ тѣмъ, чтобы за пользованіе означенными землями платить ежегодно въ пользу Леонтья Мякушкина въ лѣтніе мѣсяцы по два рубля пятидесяти копѣекъ серебромъ, въ число коихъ при заключеніи сего условія за первый 1869 годъ получилъ всю сумму 2 р. 50 к. сполна; до истеченія же пятилѣтняго срока Леонтій земель своихъ обратно требовать не можетъ и не долженъ, а если ему случится по обстоятельствамъ перейдти для жительства въ свою деревню по истеченіи четырехъ лѣтъ, и онъ въ поляхъ тѣхъ встрѣтитъ нужду, тогда Никифору Мякушкину въ отдачѣ оныхъ на пятый годъ не препятствовать, но ни въ какомъ случаѣ ранѣе четырехъ прежнему хозяину не отдавать; въ чемъ и подписуемся".

У Корелъ, въ иныхъ мѣстахъ, сѣнокосными участками пользуются поперемѣнно, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, напримѣръ, лѣтъ черезъ пять, какъ то видно изъ рѣшенія Тунгудскаго волостного суда 10-го сентября 1867 г.

Иногда общество отдаетъ свободныя земли, напримѣръ, выморочныя, въ пользованіе отдѣльному лицу, съ тѣмъ чтобъ оно упла-

чивало подати за извѣстное число неимущихъ душъ или взяло бы на себя какую-нибудь другую общественную издержку. Приводимъ одно интересное рѣшеніе Олангской волости 20-го августа 1867 года: Кандидатъ волостного старшины Алексѣй Никитинъ и сельскій староста Соколозерскаго сельскаго общества передали жалобу крестьянина Соколозерской дер. Макара Зайкова, который и самъ сего числа явился въ судъ и объявилъ, что онъ весною сего года у крестьянъ Ругозерской деревни, одного сельскаго общества, на сельскомъ сходѣ, собраномъ старостою, кортомилъ (бралъ въ аренду) выморочную землю—общественный сѣнокосъ, и выдавалъ за оную 2 р. 10 к.; болѣе этой цѣны не прибавилъ никто, и крестьяне согласились отдать ему, съ тѣмъ чтобъ онъ купилъ для возки подводъ обывательскій карбасъ и представилъ къ мѣсту на озеро Чупрингѣ при дер. Боровской, въ 7 верстахъ отъ Соколозера, что̀ онъ и исполнилъ: карбасъ купилъ вмѣстѣ со старостою при крестьянахъ Соколозерской и Ругозерской дер. Мастинѣ, Вдовинѣ, Серединѣ и Зайковѣ и представилъ на мѣсто; когда же время пришло косить, онъ, Макаръ Зайковъ, съ работниками самъ четвертъ отправился на кортомленый покосъ и выкосилъ близко половины; въ тотъ же день, неизвѣстно съ какого повода, пришли на то же мѣсто племянники бывшаго старшины Еремѣя Зайкова съ работниками, въ числѣ 4-хъ человѣкъ, и потомъ самъ Еремѣй сталъ спорить: „Не уступлю; хотя до пяти рублей дойдетъ, а этотъ покосъ останется за мною“. Макаръ уступилъ и ушелъ съ поля, дабы чрезъ ссору не произошло драки (а у каждаго въ рукахъ было орудіе—косы, топоры и грабли), и Еремѣй Зайковъ выкосилъ остальное сѣно, а скошенное Макаромъ склалъ въ свои *зароды* (стогъ) и не хотѣлъ добровольно отдать ни сѣна, ни денегъ, заплаченныхъ имъ, Макаровымъ, за кортому; а потому просилъ возвратить ему деньги, отданныя за кортомный покосъ, и за 4 хъ человѣкъ, что они день употребили напрасно, по 50 коп. за каждаго, всего 4 р. 50 к. и его удовлетворилъ бы Еремѣй или отдалъ бы все сѣно. Кандидатъ старшины и староста объявили, что по принесенной жалобѣ было сдѣлано дознаніе на мѣстѣ, въ бытность ихъ въ Ругозерѣ чрезъ распросъ крестьянъ на сельскомъ сходѣ, и по дознанію оказалось, что большая часть оправдываетъ справедливость жалобы Макара, а Еремѣя всѣ обви-

няютъ, что онъ, не спросивши общества, пошелъ косить сѣно, въ чемъ и былъ составленъ актъ. Отвѣтчикъ Еремѣй Зайковъ былъ призванъ въ волостной судъ и на разспросы присутствующихъ противъ жалобы истца показалъ, что хотя онъ не взялъ въ кортому сѣнокоса, но хотѣлъ дать болѣе, чѣмъ Макаръ Зайковъ, который хотя и выдавалъ крестьянамъ 2 р. 10 к., но дѣла на сходѣ будто бы не совершили, гдѣ былъ и онъ, отвѣтчикъ, но не торговался, такъ какъ окончательно не сдѣлали договору и никто болѣе не прибавилъ; послѣ же онъ, обдумавъ, хотѣлъ взять покосъ за себя и посылалъ къ Макару вѣсть, не уступитъ ли Макаръ, а онъ прибавитъ, и хотѣлъ сдѣлаться съ Макаромъ на какой-то двухаловной сдѣлкѣ безъ общества, считая за обществомъ какой-то долгъ, и отдалъ ли Макаръ деньги, онъ не зналъ, и Макаръ послѣ послалъ къ нему вѣсть, что если прибавляетъ, то пускай къ нему пошлетъ прежде вѣсть, сколько прибавляетъ, и когда на прибавочную сумму Макаръ согласится, то пускай коситъ съ согласія общества; но между тѣмъ Макару вѣсти не дошло, и онъ, не спросившись общества, думая, что Макаръ согласенъ, рѣшился идти косить и засталъ уже въ тотъ же день Макара на полѣ;—желая болѣе прибавить цѣны, не хотѣлъ уступить. Волостной судъ, по выслушаніи обѣихъ сторонъ, предложилъ помириться на обоюдной сдѣлкѣ, чтобъ одна сторона уступила, а другая чѣмъ-нибудь вознаградила первую, и Макаръ согласился на всѣ предложенія суда; напротивъ же Еремѣй ни на что не соглашался, видимо упорствуя и съ азартностью разсуждая: „хотя въ 25 р. и болѣе станетъ дѣло, но будетъ по моему“; не хотѣлъ разобраться и черезъ посредниковъ, говоря, что „покосъ общественный и долженъ быть за мною, общество болѣе мнѣ должно“; впрочемъ, не представилъ никакихъ доказательствъ на право завладѣнія покосомъ. Соображая всѣ эти обстоятельства, судъ нашелъ, что Еремѣй Зайковъ поступилъ вопреки закона, завладѣвъ безъ согласія общества чужою собственностью; Макара же Зайкова искъ имѣетъ полную силу и совершенно справедливъ; а потому опредѣлилъ: выкошенное Еремѣемъ Зайковымъ сѣно отдать Макару, а Еремѣю внушить, чтобъ онъ не осмѣливался дѣлать сопротивленія, не надѣялся бы на свой карманъ, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности по законамъ; затѣмъ дѣло окончательно прекратить.

Общихъ луговъ для покосовъ у Корелъ нѣтъ.

Рыбными ловлями Корелы пользуются сообща; онѣ составляютъ собственность одной или нѣсколькихъ деревень. Подужемскимъ большимъ семужьимъ заборомъ пользуется зараз вся деревня, къ которой онъ принадлежитъ; другими же малыми заборами пользуются десятки душъ черезъ каждые девять лѣтъ. Въ другихъ мѣстахъ, тони, принадлежащія извѣстной деревнѣ, дѣлятся каждый годъ и отдаются ежегодно во владѣніе 12 ревизскихъ душъ, приписанныхъ къ той деревнѣ (рѣшеніе Тунгудскаго вол. суда 8-го января 1867 г.). Крестьяне иногда сами промышляютъ рыбу въ своихъ участкахъ, иногда отдаютъ ихъ въ аренду своимъ же крестьянамъ или русскимъ поморамъ и кортомныя деньги дѣлятъ по ревизскимъ душамъ.

Лѣсныя избушки строятъ нѣсколько человѣкъ сообща, какъ видно изъ рѣшенія Погосскаго вол. суда 12-го февраля 1868 г., по которому такая избушка принадлежала четыремъ владѣльцамъ, и плата за ея сожженіе была между ними раздѣлена поровну.

Артельное начало у Корелъ находитъ себѣ своеобразное примѣненіе? въ торговлѣ: мы говоримъ объ артеляхъ, существующихъ для разносной торговли съ Финляндіей. Артели эти устраиваются на различныхъ основаніяхъ. Иногда человѣкъ 10 складывается вмѣстѣ, каждый вноситъ сколько можетъ, а именно отъ 40 до 100 р., и одного изъ артельщиковъ отправляютъ въ Петербургъ или Москву для закупки товара. Товаръ этотъ привозится въ Финляндію и тамъ продается членами артели, изъ которыхъ каждый, по продажѣ, получаетъ часть выручки; величина этой части пропорціональна количеству внесенныхъ въ общій капиталъ денегъ Но чаще дѣлается такъ, что одинъ изъ зажиточныхъ Кореловъ, закупивъ въ Москвѣ или Петербургѣ краснаго товара, собираетъ артель, которой и раздаетъ товаръ для продажи въ Финляндіи. На этотъ товаръ дѣлается надбавка въ пользу закупившаго до 20%. Собирающій артель беретъ на свою отвѣтственность, если товаръ будетъ конфискованъ; если жь одинъ изъ членовъ артели скроется съ своимъ товаромъ, то убытокъ раскладывается на всю артель. Мы приведемъ нѣсколько рѣшеній, наиболѣе важныхъ для характеристики этой торговли вообще, а въ особенности для отношеній членовъ артели между собою и къ собирающему артель:

Крестьяне Вокнаволоцкой волости, общества и селенія Яковъ Васильевъ Андроновъ, Ананій Ѳедоровъ Ремшуевъ и Андрей Павловъ Ремшуевъ объявили споръ для рѣшенія волостного суда о томъ, что въ 1865 г. для торговли въ Финляндіи положили: первый 284 р., второй и третій вмѣстѣ 376 р., всего 660 р.; распоряжались торговлей двое первые. Первый жалуется, что имъ получено изъ суммы 119 р. и въ остальномъ счету не сдѣлано, а послѣдніе двое, что недополучили 116 р. Разсмотрѣвъ тяжбу, волостной судъ нашелъ, по собственнымъ показаніямъ тяжущихся, что крестьянинъ Яковъ Андроновъ не получилъ изъ торговли въ Финляндіи 165 р.; а Ананій и Андрей Ремшуевы получили сполна свои деньги, данныя въ торгъ, и даже излишне 12 р. 50 к.; а потому рѣшилъ: не явившуюся сумму 165 р. и 12 р. 50 к., всего сто семьдесятъ семь р. пятьдесятъ коп., раздѣлить на три части, что и приходится на каждаго по 59 р. 17 к., и взыскать въ удовлетвореніе Якова Андропова съ Анапія Ремшуева 59 р. 17 к., а съ Андрея Ремшуева тоже 59 р. 17 к. (рѣшеніе Вокнаволоцкаго вол. суда 16-го ноября 1867 г.).

Крестьянинъ дер. Ухты Иванъ Елисеевъ Григорьевъ жаловался на то, что крестьянинъ одной съ нимъ деревни Потапъ Филипповъ Аѳанасьевъ пригласилъ его для *мѣстной* (общей) торговли въ Финляндіи, далъ ему товара на сумму 435 р. и положилъ на оныя процентовъ по $17^1/_2$ коп. на рубль, въ суммѣ 76 р. 12 к., а всего 511 р. 12 к.; онъ, Григорьевъ, эту сумму выручилъ и представилъ ему, Аѳанасьеву, сполна, и онъ, Аѳанасьевъ, отобралъ означенныя деньги и не далъ болѣе Григорьеву никакихъ товаровъ и такъ лишилъ его всякихъ выгодъ и оставилъ его, Григорьева, на лѣто безъ хлѣба и безъ платежа податей. Поэтому Григорьевъ просилъ взыскать съ Аѳанасьева изъ процентовъ и другого по торговлѣ прихода 44 р. $6^1/_2$ к., и тѣмъ его удовлетворить. Крестьянинъ Потапъ Аѳанасьевъ объяснилъ, что онъ дѣйствительно пригласилъ Григорьева въ свою артель торговать, согласно его просьбѣ, и далъ ему сумму для торговли 435 р. и положилъ процентовъ по $17^1/_2$ к. на рубль, что̀ онъ, Григорьевъ, обѣщался уплатить мнѣ сполна; въ случаѣ же, если начальство захватитъ товаръ, то пзъянъ Аѳанасьевъ принималъ на себя. Когда Григорьева потребовали на службу въ свое мѣстожительство на должность сельскаго старо-

сты, онъ, Григорьевъ, 25-го декабря, по отправкѣ домой разчитался съ Аѳанасьевымъ сполна, и послѣдній далъ ему также и часть барыша, причитающагося ему по торговлѣ 18 р. 57 к. А какъ у нихъ осталось наличныхъ денегъ 750 р., и какъ онъ, Григорьевъ, пошелъ домой, Аѳанасьевъ далъ ему изъ причитающейся оной суммы 3 р. и притомъ сказалъ ему, Григорьеву, что сынъ его у него, Аѳанасьева, годенъ служить только за половинную плату. а Аѳанасьевъ ему даетъ полную плату, что̀ будетъ причитаться на каждаго человѣка; онъ, Григорьевъ досталъ отъ Аѳанасьева о Пасхѣ на сыновнюю часть сверхъ половины, какъ Аѳанасьевъ обѣщалъ дать—плату за цѣлаго человѣка 23 р. Но какъ одинъ изъ артели крестьянинъ Ѳедоръ Дорофеевъ, который безъ Аѳанасьева былъ нанятъ артельщиками, унесъ съ товаромъ сумку на 50 р., то послѣдній взялъ 20 р. со всей артели, а не съ одного Григорьева, а 30 р. взялъ изъяну на себя, когда ему, Аѳаньсьеву, вовсе не слѣдовало принимать на себя ни одной копѣйки; притомъ Аѳанасьевъ пояснилъ, что всѣ тамошніе крестьяне, бывшіе на торговлѣ, платили торгующимъ крестьянамъ по 17 коп. на рубль, такъ равно и онъ бралъ не свыше другихъ, тоже по 17 коп., а потому просилъ отъ взысканія 44 р. 6 коп. освободить, потому что какъ онъ, Аѳанасьевъ, не далъ ему, Григорьеву, впередъ денегъ въ долгъ, то онъ по злости хотѣлъ взыскать. Волостной судъ рѣшилъ: такъ какъ Григорьевъ самъ согласился платить Аѳанасьеву по 17 коп. съ рубля и просилъ его, чтобъ онъ только взялъ столько процентовъ и допустилъ торговать въ артель, и послѣ, отправляясь домой, былъ разсчитанъ Аѳанасьевымъ сполна, что̀ ему слѣдовало, какъ и показали свидѣтели. Потому Григорьевъ проситъ несправедливо и совершенно ложно, такъ какъ всѣ торгующіе крестьяне въ 1866 г. брали по 17 коп., какъ и Аѳанасьевъ (рѣшеніе Ухтинскаго вол. суда 30-го іюня 1867 г.).

Корелы не составляютъ сами артелей для морскихъ промысловъ, но поступаютъ рабочими къ поморамъ въ русскія артели, для промысловъ на Мурманскомъ берегу; поступаютъ они на тѣхъ же условіяхъ, какъ и Русскіе, то-есть, изъ опредѣленной части добычи, какъ было сказано выше.

Общія помочи бываютъ у Кореловъ при постройкѣ домовъ, и эти

помочи состоятъ въ томъ, что помогаютъ цѣлою деревнею вывозить лѣсъ строющемуся.

II.

Уголовное право.

Немногія лица, писавшія о Корелахъ, заявляютъ совершенно различныя мнѣнія о ихъ нравственныхъ качествахъ, особенно о ихъ склонности къ преступленіямъ, а также, разумѣется, и взглядѣ ихъ на преступниковъ.

Вотъ что говоритъ о Корелахъ г. Михайловъ въ своихъ „Очеркахъ природы и быта Бѣломорскаго края Россіи“: „Я не желалъ бы жить съ этими людьми, еще не вышедшими изъ полудикаго состоянія. Встрѣтиться съ ними въ лѣсу и безъ ружья не совсѣмъ безопасно: разомъ прихлопнутъ и ужъ другъ друга не выдадутъ. Совершается ли въ иномъ корельскомъ селеніи преступленіе уголовнаго характера—трудно, а иногда и не возможно бываетъ открыть преступника. Каждый на допросѣ будетъ говорить подъ присягою (присягѣ же Корелянки, какъ раскольники, не придаютъ никакого значенія): „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, а между тѣмъ всему селенію преступникъ извѣстенъ. У нихъ установилась даже какая-то безобразная общественная вендетта. Разъ, въ одномъ селеніи, во время слѣдствія по дѣлу объ укрывательствѣ дезертировъ, явился одинъ Корелякъ съ доносомъ. На другой же день вечеромъ его нашли убитымъ близъ того дома, въ которомъ помѣщалась коммиссія: доносчика убили изъ-за угла“.

Это мнѣніе, составленное подъ вліяніемъ тяжелаго непосредственнаго впечатлѣнія, не имѣетъ за себя особенно вѣскихъ доказательствъ и основано на предубѣжденіи, раздѣляемомъ и русскими поморами. Г. Максимовъ, авторъ книги „Годъ на Сѣверѣ“, говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Надо замѣтить, что поморы считаютъ Корелова людьми, готовыми во всякое время совершить преступленіе—ограбить, зарѣзать человѣка. Воображеніе поморовъ, напуганное далью и безвѣстностью корельскихъ болотъ, или лучше всего, злые языки придумали повѣрье такого рода, что будто для Корелякова ничего нѣтъ проще и обыкновеннѣе

выраженія: „положить въ озеро“, не смотря на то, что это выраженіе отзывается самымъ нечеловѣчнымъ, самымъ варварскимъ смысломъ“. Г. Максимовъ указываетъ при этомъ на положительные факты, опровергающіе такое мнѣніе, а именно: что торгующіе поморы возвращались изъ дальнихъ корельскихъ деревень, въ полномъ благополучіи и необворованные.

Къ заключенію, согласному съ мнѣніемъ г. Максимова, приходитъ и г. Чубинскій, выводы котораго основаны на статистическихъ данныхъ. Въ своей статьѣ о Корелѣ, на которую мы ужь имѣли случай ссылаться, онъ говоритъ слѣдующее: „Чтобы дать понятіе о нравственности Корелаковъ, я приведу данныя о преступленіяхъ за пять лѣтъ. Всѣхъ преступленій въ Корелѣ, въ теченіи пяти лѣтъ, совершено 39, въ томъ числѣ: кражъ 5; воровство-мошенничество 1; самовольное лѣсопотребленіе 22; нанесеній личной обиды 6; изнасилованій 2; покушеніе на убійство 1; неповиновеніе властямъ 1; пристанодержательство дезертировъ 1. Если исключить изъ этого числа случаи самовольной порубки, то число преступленій уменьшится на 17-ть, то-есть, въ годъ около 3-хъ преступленій, или одно преступленіе на 5500 душъ. Это какъ нельзя болѣе доказываетъ хорошее состояніе нравственности Корелаковъ. Кражъ собственно — одна въ годъ на 16.000 человѣкъ! Кажется, это говоритъ какъ нельзя больше о честности Корелаковъ“.

Таблица г. Чубинскаго, основанная на данныхъ уѣздныхъ судовъ и уголовной палаты, не дастъ еще понятія о распространеніи между Корелами мелкихъ преступленій и проступковъ, которые также необходимо имѣть въ виду при составленіи сужденій о нравственности народа. Поэтому мы приводимъ таблицу о числѣ и родѣ преступленій въ Корелѣ, разбиравшихся волостными судами, составленную по самимъ рѣшеніямъ этихъ судовъ:

ПРЕСТУПЛЕНІЯ.	Число преступленій въ 1867 году.							
	Общее число случаевъ привлеченія къ суду.	Число лицъ.						
		Оправданныхъ судомъ за неимѣніемъ доказательствъ.	Прощенныхъ истцами.	Не подвергнутыхъ судомъ уголовному наказанію.	Оставленныхъ въ подозрѣніи.	Подвергнутыхъ наказанію.		
						Мужчинъ.	Женщинъ.	
Оскорбленіе и явное неуваженіе къ волостнымъ судьямъ и вол. и сельскимъ властямъ . . .	4	—	—	—	—	4	—	
Неявка въ волостной судъ	1	—	—	—	—	1	—	
Ложное показаніе въ судѣ	1	—	—	—	—	1	—	
Бродяжничество безъ письменнаго вида . . .	1	—	—	—	—	1	—	
Оскорбленіе родителей словомъ	2	—	1	—	—	1	—	
Побои, нанесенныя постороннимъ лицамъ. . .	3	1	2	—	—	—	—	
Оскорбленіе словами .	3	—	—	—	—	4	—	
Разстройство хозяйства, пьянство и пр. . .	2	—	—	—	—	2	—	
Неисполненіе обязательствъ	1	—	—	—	—	1	—	
Кража хлѣба съ полей и прясель	1	—	—	—	—	1	—	
Кража хлѣба и съ ѣстныхъ припасовъ	2	—	1	—	—	—	1	
Кража денегъ	2	—	—	—	—	1	1	
Кража вещей	3	—	1	—	—	2	—	
Увозъ сѣна и соломы .	5	—	—	5	—	1	—	
Убіеніе оленей, коровъ и другихъ животныхъ .	3	—	2	4	—	—	—	
Самовольный уводъ животныхъ	3	—	—	4	1	—	—	
Присвоеніе чужихъ вещей	1	—	—	1	—	—	—	
Захватъ пожевъ . .	2	—	2	—	—	—	—	
Самовольное пользованіе чужими рыболовными угодьями	1	—	—	—	—	1	—	
Захватъ движимаго имущества	2	—	—	—	—	4	—	
Итого	43	1	9	14	1	25	2	

ПРЕСТУПЛЕНІЯ.	Число преступленій въ 1868 году.						
	Общее число случаевъ привлеченія къ суду.	Число лицъ.					
		Оправданныхъ судомъ за неимѣніемъ доказательствъ.	Прощенныхъ истцами.	Неподвергнутыхъ судомъ уголовному наказанію.	Оставленныхъ въ подозрѣніи.	Наказанныхъ.	
						Мужчинъ.	Женщинъ.
Оскорбленіе и явное неуваженіе къ волостнымъ судьямъ и сельскимъ властямъ	6	—	—	—	—	6	—
Неявка въ судъ . . .	2	—	—	—	—	2	—
Ложное показаніе въ судѣ.	1	—	—	—	—	—	1
Ложная жалоба . . .	1	—	—	—	—	1	—
Буйство на сходѣ . .	1	—	1	—	—	—	—
Самовольное переселеніе	1	—	—	—	—	1	—
Продажа водки на дому	1	—	—	—	—	1	—
Отказъ въ продовольствіи жены и дѣтей . .	1	—	—	—	—	1	—
Недача престарѣлымъ родителямъ содержанія.	1	—	—	—	—	1	—
Оскорбленіе родителей словами.	2	—	—	—	—	2	—
Драка	1	—	—	—	—	—	1
Нанесеніе побоевъ . .	9	—	3	—	—	4	2
Оскорбленіе словомъ.	4	—	2	—	—	—	2
Пожогъ	1	—	—	—	—	1	—
Кража хлѣба съ полей и пряселъ	2	—	—	—	—	1	1
Кража хлѣба и съѣстнаго.	9	—	—	—	—	10	3
Кража денегъ	4	—	—	—	—	2	2
Кража вещей	8	2	1	—	—	6	2
Увозъ сѣна и соломы.	4	—	—	1	2	5	1
Воровство — мошенничество	4	—	—	—	—	5	—
Кража рыбы изъ мережъ	1	—	—	—	—	—	1
Укрывательство воровъ	1	—	—	—	—	—	1
Убіеніе оленей, коровъ и другихъ животныхъ..	8	1	1	4	—	10	1
Присвоеніе чужихъ вещей	1	—	1	—	—	—	—
Итого	74	3	9	5	2	59	18

Изъ этой таблицы видно, что общее число случаевъ привлеченія къ суду въ 1867 г. было 43, а число лицъ, привлеченныхъ къ суду, 52; въ 1868 г. общее число случаевъ 74, а число привлеченныхъ лицъ 96. Эти цифры нѣсколько измѣняютъ выводы г. Чубинскаго на счетъ нравственности Кореловъ. Надо еще прибавить, что въ наши таблицы не вошли данныя о числѣ преступленій, совершенныхъ Корелами Поньгамской и Керетской волостей, такъ какъ ихъ нельзя было выдѣлить изъ общаго числа преступленій, совершенныхъ вмѣстѣ съ Русскими. Преступленія противъ собственности составляютъ главную часть общаго числа преступленій у Кореловъ; такъ, въ 1867 г. число случаевъ привлеченія къ суду по преступленіямъ такого рода было 26, въ 1868 г. 45. Изъ нашей таблицы видно также, что общее число преступленій въ 1868 году значительно увеличилось противъ 1867 года, именно почти въ 1,75 раза; особенно увеличилось число преступленій противъ собственности — похищенія хлѣба и съѣстныхъ припасовъ, убіеніе оленей въ пищу. Увеличеніе преступленій такого рода есть слѣдствіе сильнаго неурожая 1867 г., отразившееся главнымъ образомъ въ первой половинѣ 1868 года, а не во второй половинѣ 1867 г., потому что окончательное истощеніе запасовъ хлѣба и обнаруженіе голода послѣдовало именно въ началѣ 1868 года. На это обстоятельство указываютъ многія рѣшенія волостныхъ судовъ. Приводимъ, какъ образецъ, одно изъ нихъ, лучше другихъ мотивированное: Вокнаволоцкій волостной старшина передалъ въ волостной судъ донесеніе Вокнаволоцкаго старосты 2-го апрѣля о слѣдующемъ случаѣ: Крестьянская жена Кенасъ-озерскаго общества и деревни Афимья Герасимова Линкина заявила ему, что на дняхъ сдѣлано похищеніе, неизвѣстно кѣмъ изъ амбара, безъ всякаго взлома, денегъ около 18 р., и должно быть, изъ съѣстныхъ припасовъ, но сколько опредѣлить не могла. Вслѣдствіе этого староста производилъ изслѣдованіе 27-го марта и открылъ, что крестьянинъ той же деревни Семенъ Трофимовъ Линкинъ и *дядина* (жена дяди) его, крестьянская жена той же деревни Афимья Семенова Линкина, по приказанію мужа крестьянина Алексѣя Линкина, сдѣлали это похищеніе. Изъ ихъ сознанія видно, что они всѣ имѣли крайнюю нужду въ пищѣ. Сперва Семенъ подалъ совѣтъ идти воровать съѣстнаго, а потомъ Алексѣй приказалъ женѣ своей Афимьѣ идти въ товари-

щи, и они двое вечеромъ пошли къ амбару Аѳимьи Герасимовой Липкиной, зная, что въ немъ есть богатство; но когда нашли амбаръ запертымъ, то Семенъ Липкинъ влѣзъ изъ окна въ амбаръ и оттуда подавалъ дядинѣ овсяной крупы около 5 фунтовъ, пшена 5 фунт., ячменя 20 фунт. и рыбы 3 сига, да еще увидѣлъ въ незапертомъ и незакрытомъ коробу кошелекъ, въ которомъ оказались серебряныя деньги, онъ и это подхватилъ съ собою. Все это принесли домой и сейчасъ стали варить кашу, а деньги Семенъ бросилъ на столъ и сказалъ: „Тутъ вотъ и деньги есть!“ Эти послѣднія дѣлили такъ: на долю Аѳимьи отсчитали 9 р., изъ коихъ Алексѣй подхватилъ себѣ еще 1 р. Съѣстное же положили не дѣлить, а употреблять вмѣстяхъ. Затѣмъ отдали старостѣ тогда же обратно почти все съѣстное и денегъ 14 р. 40 к. Видя такое сознаніе и чистосердечное раскаяніе, онъ передалъ все это просительницѣ Аѳимьѣ Герасимовой Липкиной; она просила на уплату остальныхъ денегъ, съѣстныхъ припасовъ и убытковъ взыскать 5 р. 20 копѣекъ. Первые согласились въ уплату отдать, а послѣдняя взять корову и все дѣло этимъ кончить. Далѣе староста заключаетъ, что хотя это дѣло не составляетъ важнаго преступленія, но нельзя сдѣлать такого снисхожденія, чтобы не опредѣлить виновнымъ какого-либо наказанія для предупрежденія на будущее время подобныхъ накостей, а потому онъ представилъ волостному правленію на распоряженіе. Волостной же старшина при этомъ донесеніи передалъ отобранныя по сему дѣлу отъ похитителей письменныя показанія, которыя сходны съ донесеніемъ старосты, исключая того, что Алексѣй Липкинъ отпирается отъ сдѣланнаго старостѣ сознанія о приказаніи женѣ воровать. Волостной судъ разсмотрѣлъ дѣло о похищеніи, которое оцѣнивается на сумму ..0 р., и призналъ виновными крестьянина Семена Липкина въ прямомъ похищеніи денегъ и вещей по крайней нуждѣ, въ чемъ добровольно сознался и принесъ раскаяніе, крестьянина Алексѣя Липкина въ направленіи къ сему похищенію жены его Аѳимьи Семеновой, въ чемъ они передъ судомъ также сознались и принесли раскаяніе, и кромѣ того, все почти похищенное возвратили. Волостной судъ рѣшилъ: Семена Липкина наказать розгами 20-ти ударами, Алексѣя Липкина тоже 30-ти ударами, а крестьянскую женку Аѳимью Липкину подвер-

*

гнуть заключенію подъ арестомъ, вмѣсто тѣлеснаго наказанія, на строгомъ содержаніи, на 6 сутокъ при волостномъ правленіи; затѣмъ сельскому старостѣ ихъ общества имѣть особо строгій надзоръ за ихъ впредь поведеніемъ; для удовлетворенія же потерпѣвшей отъ сего преступнаго содѣянія Афимьѣ Герасимовой Липкиной за недостающую сумму 3 р. 60 к. и убытковъ 2 р. 30 к. согласно всѣхъ ихъ обоюдному согласію, отдать ей, просительницѣ, корову.

Изъ разныхъ видовъ преступленій противъ собственности особенно замѣчательно убійство домашнихъ оленей, какъ преимущественно распространенное и имѣющее мѣстный интересъ. Часто это преступленіе совершается непреднамѣренно, такъ какъ ручные олени пасутся иногда вмѣстѣ съ дикими, и охотники на разстояніи выстрѣла не могутъ отличить дикихъ оленей отъ ручныхъ, заклейменныхъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ существуютъ у Кореловъ обычаи и даже сдѣланы между крестьянами различныхъ обществъ договоры — не взыскивать за такое не преднамѣренное убійство; но часто бываетъ также, что убиваютъ оленей съ умысломъ и скрываютъ убитое. Приводимъ рѣшенія волостныхъ судовъ, гдѣ разбираются такія дѣла:

1) Крестьяне Олангской волости деревни Соколозерской Егоръ Серединъ и Макаръ Зайковъ жаловались, что ковдскіе крестьяне Ефимъ Ильинъ съ товарищами, будучи въ мартѣ 1864 г. въ лѣсахъ своихъ дачъ для промысла дикихъ оленей, въ числѣ ихъ застрѣлили изъ ружей, принадлежащихъ Зайкову и Середину, 8 ѣзжалыхъ ручныхъ олепей, почему они и просили взыскать съ виновныхъ за каждаго оленя по 11 р., всего 88 р. Отвѣтчики, крестьяне Ковдской волости, показали, что они дѣйствительно подстрѣлили при охотѣ на дикихъ оленей въ своей лѣсной дачѣ, 4-хъ оленей, въ числѣ ихъ ѣзжалыхъ ручныхъ оленей, неизвѣстно кому принадлежащихъ, но совершенно безъ всякаго умысла, такъ какъ, производя эту промышленность, стрѣляя оленей на разстояніи отъ 70 до 140 маховыхъ саженъ, не имѣли они возможности различить ѣзжалыхъ оленей отъ дикихъ, а тѣмъ болѣе въ большихъ стадахъ; въ застрѣливаніи же другихъ 4-хъ оленей они совершенно невинны; потому и не признаютъ себя виновными къ платежу взыскиваемыхъ съ нихъ денегъ, такъ какъ ежегодно слу-

чается, что крестьяне Олангской волости, при промыслахъ на дикихъ оленей, принадлежащихъ крестьянамъ Ковдскаго селенія и даже въ лѣсной дачѣ послѣднихъ, убиваютъ ручныхъ оленей, но о взысканіи жалобы не подаются по издавна заведенному обычаю. Изъ обстоятельствъ сего дѣла усматривается: первое—что ковдскіе крестьяне Ефимъ Ильинъ съ товарищами подстрѣлили 4-хъ ѣзжалыхъ оленей не умышленно, а при промыслѣ, въ числѣ дикихъ оленей, такъ какъ нельзя отличить ихъ на дальномъ разстояніи и въ большихъ стадахъ, притомъ и самый промыселъ производили въ дозволенное для промысла зимнее время, въ своей дачѣ; второе—въ застрѣливаніи другихъ 4-хъ оленей отвѣтчики не признались и со стороны истцовъ Середина и Зайкова уликъ и доказательствъ не представлено; и третье—на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту, застрѣливаніе ѣзжалыхъ оленей ненамѣренно, при промыслахъ, въ совокупности дикихъ не поставляется въ вину и не дѣлается вознагражденія. А потому волостной судъ, признавая показаніе ковдскихъ крестьянъ Ефима Ильина къ оправданію ихъ достаточнымъ, постановилъ жалобу ихъ оставить безъ послѣдствій.

2) Крестьянинъ Кандалакской волости, Княже-губской деревни, Иванъ Мокеевъ жаловался на крестьянина Олангской волости, Ругозерской деревни Петра Середина, въ томъ, что онъ, съ товарищемъ Сорвановымъ сыномъ Іоппиномъ, застрѣлилъ намѣренно въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, у Талвантъ-озера, двухъ оленей и одну важенницу, но убитіи коей скрылся и теленокъ. Объ этомъ извѣстны всѣ крестьяне Ругозерской деревни, и Мокееву сознался сынъ Петра Середина; самыя же шкуры оленей находятся у Середина. Поэтому Мокеевъ просилъ побудить Середина возвратить, вмѣсто убитыхъ оленей и ушедшаго теленка собственныхъ; въ противномъ случаѣ взыскать за оленей 17 р. и за теленка 2 р. На спросъ судей отвѣтчикъ показалъ, что онъ дѣйствительно былъ съ товарищемъ на промыслѣ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ, смежныхъ съ княжегубскими крестьянами на волоку Матка-неми, у, озеръ Толванъ-озеро и Мямозеро и застрѣлилъ неумышленно ручныхъ оленей вмѣсто *дикарей*, но не считаетъ себя виновнымъ и несогласенъ платить за нихъ, потому что въ прежнее время, изстари, какъ и всѣ ругозерскіе крестьяне подтверждаютъ, у нихъ

заведенъ былъ порядокъ и у стариковъ еще съ княжегубскими крестьянами сдѣланъ договоръ, что если бы на тѣхъ мѣстахъ и княжегубскіе крестьяне убили ручныхъ оленей, принадлежащихъ ругозерскимъ, то они не спрашивали за нихъ убытковъ, а считали бы дикарями, такъ какъ тамъ промыселъ дикихъ оленей общій. А потому судъ опредѣлилъ: дѣло это оставить безъ послѣдствій (рѣшеніе Олангскаго вол. суда 10-го марта 1867 г.).

Подобное же дѣло, по иску княжегубскихъ крестьянъ, производилось также и 12-го іюля того же года, и рѣшено, какъ предыдущее, потому что отвѣтчикъ, тотъ же Серединъ, снова объяснилъ, что онъ убилъ оленей не умышленно, а завѣдомо дикарей, промышляя въ тѣхъ мѣстахъ, назначенныхъ для промысловъ, дикихъ оленей, а кормленные тамъ не ходятъ, и сослался на договоръ.

Убійство оленей преднамѣренное, а также и ловля оленей въ неуказанное лѣтнее время, влечетъ за собою наказаніе, какъ видно изъ слѣдующаго рѣшенія Олангскаго волостнаго суда 1869 г. 28-го января: Крестьянинъ Боровской деревни Савва Архиповъ предъявилъ волостному суду жалобу слѣдующаго содержанія: Купленная имъ въ д. Соколозерской у крестьянина Зайкова въ лѣтѣ минувшаго года важенница (самка оленя) отлучилась изъ его, Архипова, стада и послѣ найдена была въ Китенскомъ обществѣ въ стадѣ кр. Васпья Яголаева, который, зная, что важенница принадлежитъ ему, Архипову, передалъ для доставленія по принадлежности бывшему въ гостяхъ въ д. Сеннозерѣ кр. Арсенію Исакову, который по принадлежности ея не доставилъ, а объявилъ Архипову, будто бы она не могла слѣдовать за его оленемъ, а потому онъ ее отпустилъ съ дороги, на волоку, между дер. Сеннозеромъ и Шапкозеромъ, на пространствѣ четырехъ верстъ; между тѣмъ истецъ, узнавъ, что Исаковъ, не доѣзжая Шапкозера, отдалъ *игну* (игна—самка оленя) встрѣтившемуся крестьянину для доставленія Яголаеву окровавленною; поэтому, истецъ полагалъ, что важенница не ушла, а умышленно убита имъ, и просилъ учинить законное разбирательство. Волостной судъ, разсмотрѣвъ обстоятельства сего дѣла, мнѣніемъ положилъ, что Арсеній Исаковъ дѣйствительно не отпустилъ, а убилъ или застрѣлилъ важенницу, тѣмъ болѣе, что, по завѣренію крестьянъ д. Боровской, онъ не-

однократно былъ замѣчаемъ въ разныхъ похищеніяхъ при лѣсныхъ промыслахъ, какъ-то въ—постановленіи *сильевъ* въ лѣтнее время, для улова оленей, когда они бываютъ гонимы комарами; въ доказательство крестьяне привели, что видали у него при домѣ подобныя силья, и олени каждогодно терялись, какъ у боровскихъ крестьянъ, такъ и въ сосѣднихъ деревняхъ; при словесномъ же состязаніи, хотя Исаковъ не признался ни въ одномъ поступкѣ, но самъ предложилъ Архипову получить важенницу; поэтому судъ призналъ его виновнымъ, а потому опредѣлилъ: за убитую или недоставленную важенницу Исаковъ долженъ отдать собственную, а какъ прежде замѣченнаго въ проступкахъ, въ примѣръ другимъ, наказать розгами 20 ударами, объявивъ виновному, что не имѣетъ права апелляціи, рѣшеніе же привести въ исполненіе на сходѣ.

Изъ рѣшенія Олангскаго волостнаго суда 1-го декабря 1868 г. видно, что два крестьянина застрѣлили оленя и важенницу, шкуры которыхъ были найдены и возвращены истцу. По объясненію ихъ они сдѣлали это съ голоду. Судъ постановилъ: чтобы не было ими совершено и въ другой разъ того же самаго и не данъ дурной примѣръ другимъ, одного наказать розгами, а другаго, за старостью, арестомъ, денегъ же 13 р. за ихъ бѣдностью не требовать, а вмѣсто того они обязались отдать истцу на 8 лѣтъ одинъ изъ своихъ сѣнокосовъ.

По словамъ г. Чубинскаго, пьянства въ Корелѣ совершенно нѣтъ. На всю Корелу одинъ кабакъ въ Панозерской деревнѣ Погосскаго общества. Что же касается до привозимыхъ изъ Финляндіи рома и водки, то они привозятся въ небольшомъ количествѣ лицами, ведущими торгъ въ Финляндіи [1]). Приводимъ извлеченіе изъ рѣшенія Маслозерскаго волостнаго суда 7-го декабря 1867 г., гдѣ упоминается о существованіи въ Корелѣ продажи водки на дому:

Крестьянинъ Абрамовъ жаловался, что онъ былъ у кр. Яковлева, купилъ у него вина на 24 коп. и отдалъ 1 рубль; сдачи же не только не получилъ, но еще былъ подвергнутъ побоямъ. Волостной судъ, разсмотрѣвъ жалобу Абрамова, призналъ ее справедливою, а крестьянина Яковлева виновнымъ: 1) въ томъ, что, состоя должнымъ 75 к., не далъ слѣдующей сдачи, и потому пригово-

---

[1]) Труды Арх. Стат. Ком., 1865 г., кн. 2-я, стр. 11.

рилъ взыскать деньги въ пользу истца Абрамова; 2) въ томъ, что Яковлевъ нанесъ побои Абрамову и производилъ самовольно продажу вина, черезъ что̀ происходятъ ссоры и драки, подвергнуть наказанію розгами 15-ью ударами, во избѣжаніе на будущее время подобныхъ самовольствъ и проступковъ и въ примѣръ прочихъ крестьянъ.

Изъ преступленій противъ народнаго здоровья самое извѣстное и распространенное есть подмѣшиваніе песку въ хлѣбъ, сдаваемый въ общественные магазины; виновные подвергаются, какъ видно по многимъ, касающимся этого предмета, рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, наказанію розгами, арестомъ или употребленіемъ въ общественныя работы.

По словамъ г. Михайлова, у Кореловъ распространено укрывательство дезертеровъ, которые проживаютъ въ семьѣ Корелика, выдавая себя за какого-нибудь родственника хозяина.

Корелы считаются своими сосѣдями-поморами за большихъ колдуновъ, да они и сами увѣрены въ своей силѣ и знаніи. Вотъ что̀ говоритъ по этому поводу г. Максимовъ: Повѣрье о напускѣ скорбей съ Корелы во всемъ поморьѣ общеизвѣстно и имѣетъ даже давнишнее историческое значеніе. Давно уже, и по русскимъ лѣтописямъ, Чудское племя, къ которому безспорно принадлежатъ и Корелы, славилось волхвами, колдунами и чародѣями, которые сжигаемы были и въ Новгородѣ, призываемы были и къ умиравшему Грозному царю, и живали при дворѣ царя Бориса. Даже и въ настоящее время Корелы наивно, простосердечно, съ полнымъ убѣжденіемъ и вѣрою въ истину передачи, завѣщаютъ при смерти вѣдомые имъ наговоры, заговоры и чарованья довѣреннымъ лицамъ, большею частью, конечно, роднымъ своимъ Съ другой стороны существованію въ настоящее время подобнаго страннаго повѣрья много способствуетъ вѣра и самихъ поморовъ, которые всѣ свои болѣзни морскія приписываютъ исключительно порчѣ не столько злаго духа, сколько злобѣ какого-нибудь лихаго человѣка изъ Корелы. *Съ вѣтру* (говоря выраженіемъ поморовъ) приключается имъ и колотье во всемъ тѣлѣ, особенно въ составахъ, извѣстное у нихъ подъ именемъ *стрѣлья* и *стрѣлъ;* тому же напуску съ вѣтру приписываютъ они и всѣ разнородныя проявленія скорбута и другія болѣзни и простосердечно увѣрены, что только Корелъ, сдѣ-

лавшій это или просто изъ личнаго удовольствія, отъ нечего дѣлать, или даже изъ мести, можетъ выгнать эту болѣзнь при посредствѣ заклинаній на вѣтра и на четыре стороны, въ видѣ ли сажи, песку, мелко изрѣзанныхъ волосъ, щетины морскаго звѣря и проч., смотря по произволу колдуна. Также точно охотно зоветъ поморъ колдуна Корела (или лучше, самаго плутоватаго изъ этого вообще неразвитаго, добраго племени) на свадьбу для отпуска, на погребенье покойника, скоропостижно умершаго, или иногда и просто погибшаго на промыслѣ. Корелы, въ этомъ случаѣ, по грустному факту въ жизни русскаго человѣка, замѣняютъ для поморовъ ту роль, которую поддерживаютъ еще до сихъ поръ плуты-цыгане въ дальнихъ отъ Архангельской губерніяхъ Россіи [1]).

III.

Общественный бытъ, судъ и расправа.

Корелы относятся къ чиновникамъ иначе, нежели Лопари; послѣдніе боятся ихъ и раболѣпствуютъ передъ ними, тогда какъ Корелы относятся къ нимъ крайне недружелюбно и держатъ себя съ достоинствомъ.

Мірскія сходки у Кореловъ, сколько можно судить по книгамъ приговоровъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ, не имѣютъ ничего оригинальнаго, носятъ, такъ сказать, оффиціальный характеръ. Приговоры волостныхъ сходовъ всѣ очень похожи одинъ на другой: въ большинствѣ случаевъ они составляются по поводу раскладки государственныхъ податей и мірскихъ сборовъ, распредѣленія хлѣбныхъ ссудъ, выбора въ общественныя должности и пр.

На содержаніе обывательскихъ станцій дѣлается денежный сборъ, и иногда передается подрядъ одному или нѣсколькимъ лицамъ. Иногда отправляютъ гоньбу всѣ крестьяне общества, желающіе принять участіе въ ней. Случается, что крестьяне одной деревни не допускаютъ крестьянъ другой къ участію, и потому возникаютъ споры, представляемые на рѣшеніе волостныхъ судовъ. Вотъ одно такое рѣшеніе Погосскаго волостнаго суда 12-го января 1867

---

[1]) Годъ на Сѣверѣ, стр. 154.

года: Крестьяне Погосской деревни предъявили о разобранiи ихъ просьбы по случаю недопущенiя ихъ къ отправленiю гоньбы на Погосской обывательской станцiи. По рѣшенiю волостныхъ судей опредѣлено: Погосскую обывательскую станцiю оставить на обществѣ и въ отправленiи почтовой гоньбы принять всѣхъ желающихъ крестьянъ деревень Погосской и Мандерской.

Отбываніе рекрутской повинности въ разныхъ волостяхъ устроено различно. Олангская волость пользуется привиллегіей, какъ и Лопари, платитъ за каждаго причитающагося рекрута 150 р. Ухтинская волость дѣлаетъ на рекрутскую повинность общественный сборъ. Остальныя волости отбываютъ эту повинность натурой; не желающіе идти въ рекруты закабаливаютъ себя богатымъ поморамъ, которые даютъ денегъ на взносъ, какъ было сказано выше.

При выборѣ въ общественныя должности руководствуются правилами, установленными закономъ. Кажется, предпочитаютъ выбирать болѣе достаточныхъ, такъ какъ у нихъ въ обычаѣ нанимать вмѣсто себя другого для исправленiя должностей, въ которыхъ это не возбраняется закономъ, напримѣръ, церковнаго сторожа, вахтера, полѣсовщика и пр. Наемъ этотъ совершается за различную плату; такъ напримѣръ, изъ сдѣлокъ Шуезерскаго волостнаго правленiя видно, что за исправленiе должности караульщика магазиновъ въ годъ условлено платить 22 р., церковнаго сторожа 8 р., вахтера 38 р. При этомъ договаривающіяся стороны условливаются, что съ нанимающаго слагается вся отвѣтственность по должности; иногда прибавляется условіе, что нанимающійся, въ случаѣ болѣзни или смерти, долженъ передать обязательство своимъ родственникамъ.

Недостатокъ рабочихъ рукъ въ семьѣ считается уважительною причиною къ освобожденiю отъ выбора въ должность; иногда при перечисленiи качествъ, которыхъ требуетъ законъ для выбора въ должность, прибавляется, что выбранный имѣетъ въ семьѣ достаточно работниковъ. Иногда недостаточныя лица, выбранныя въ какую-нибудь общественную должность, просятъ у міра себѣ жалованья, ссылаясь на бѣдность, и міръ исполняетъ ихъ просьбу, если находитъ ее достойною уваженiя.

По причинѣ безграмотности своей и бѣдности, Корелы нерѣдко становятся безгласными жертвами ими же избранныхъ лицъ.

Случается, что бѣдные Корелякп въ пной годъ не могутъ уплачивать сполна и въ срокъ казенныя подати и получаютъ отстрочку до будущаго болѣе благопріятнаго времени. Заплативъ эти деньги, бѣднякъ благодаритъ Бога, что Онъ помогъ ему расквитаться. Но бываетъ, что какой-нибудь сельскій староста употребляетъ въ свою пользу эти деньги и доноситъ начальству, что по разнымъ причинамъ онъ не могъ собрать денегъ. Слѣдовательно, бѣдному Кореляку снова надобно платить деньги: ему нечѣмъ доказать прежнюю уплату безъ росписокъ или тому подобныхъ документовъ. Жаловаться начальству на такое притѣсненіе весьма трудно, потому что надобно ѣхать изъ дому за нѣсколько сотъ верстъ, а подобное путешествіе для бѣдняка стоптъ слишкомъ много.

Касательно обычаевъ Корелъ, относящихся до суда и расправы, мы можемъ сказать только немногое.

Изъ судебныхъ доказательствъ можемъ указать только на одно особенное: это—клейма, которыми помѣчаются ручные олени, а также и другой домашній скотъ, и которые служатъ иногда уликою въ совершеніи преступленія, какъ напримѣръ въ слѣдующемъ дѣлѣ (рѣшеніе Тихтозерскаго вол. суда 17-го января 1869 г.): Крестьянинъ Тихтозерской волости и деревни Ѳедоръ Потаповъ и Ѳедоръ Ѳедоровъ объявили жалобу о причиненныхъ имъ убыткахъ крестьяниномъ Михеемъ Аѳанасьевымъ: первому, Потапову, застрѣленіемъ въ огородѣ за 4 версты отъ выселка Малви ручнаго оленя, шкура котораго найдена случайно у Аѳанасьева и по клейму принадлежитъ Потапову; мясо же Аѳанасьевымъ, должно быть, употреблено въ пищу; объ этомъ знали его домашніе жена Лукерья и сынъ Оспиъ, который былъ съ нимъ при застрѣленіи,—второму, Ѳедорову, убитіемъ тайно овцы, что̀ доказалось найденною у него въ избѣ овечьею шкурою, принадлежащею по клейму Ѳедорову. Кромѣ того, предъявилъ еще претензію на него же, Аѳанасьева, крестьянинъ Тихтозерской деревни Ѳедоръ Ѳоминъ Ѳедоровъ о покражѣ имъ по лѣту на озерѣ Тихтозерѣ, поставленныхъ для промысла рыбы, 5 сѣтокъ, въ чемъ Аѳанасьевъ признался и оныя возвратилъ. Поэтому истцы просятъ о взысканіи съ него за оленя 3 р., за овцу 75 к. и о поступленіи съ нимъ за помянутые поступки по законамъ. Такъ какъ по симъ дѣламъ

крестьянинъ Аѳанасьевъ, сынъ его Осипъ и жена Лукерья чистосердечно признались въ поступкахъ, въ которыхъ ихъ обвиняютъ, то волостной судъ постановилъ: крестьянина Аѳанасьева, какъ похитившаго у трехъ лицъ въ разное время чужую собственность, наказать розгами пятнадцатью ударами, жену его Лукерью и сына Осипа за необъявленіе о его поступкахъ и участіе въ оныхъ, выдержать подъ арестомъ при волостномъ правленіи трое сутокъ; за причиненные же убытки 3 р. 75 к. предоставить просителямъ взять его въ заработки или взыскивать съ него по возможности, при хорошемъ урожайномъ годѣ.

У Кореловъ есть обычай, чтобы свидѣтели, призываемые въ волостной судъ для показаній, получали вознагражденіе отъ отвѣтчика за потраченное время.

Форма судебныхъ рѣшеній: грѣхъ пополамъ—встрѣчается и въ рѣшеніяхъ корельскихъ волостныхъ судовъ въ случаѣ утраты вещи, данной на подержаніе, въ случаѣ недостатка доказательствъ. Такъ, по одному рѣшенію, утонувшій чужую сѣть обязывался вознаградить ея хозяина половиною такой сѣти.

Если по какому-нибудь дѣлу является нѣсколько отвѣтчиковъ, на которыхъ наложено взысканіе, то въ случаѣ смерти одного изъ нихъ съ оставшагося въ живыхъ взыскивается все-таки только часть, причитающаяся на его долю. Это видно изъ слѣдующаго рѣшенія Тунгудскаго волостнаго суда 24-го сентября 1867 года: Крестьянинъ Тунгудской волости, Шуезерскаго общества, Лѣхтинской деревни Дороѳей Ильинъ жалуется на такого же Леонтья Егорова Гридина, въ замученіи его лошади, взятой подъ увозъ сѣна, будучи работникомъ у хозяина, крестьянина той же деревни Василья Петрова Богданова, и проситъ за измученную Гридинымъ до смерти лошадь, стоющую ему тридцать руб., взыскать съ того деньги. Изъ показанія крестьянина Степана Савельева Андронова видно, что онъ наѣхалъ по дорогѣ, которой ѣхали работники Богданова съ сѣномъ, на мальчика и издыхавшую лошадь, принадлежащихъ крестьянину Дороѳею Ильину, изъ которыхъ послѣдній оставленъ безъ всякой долженствующей быть со стороны взрослыхъ помощи, безъ огня, хлѣба и безъ платья, не смотря на ужасный холодъ и усталость мальчика и лошади. Оттуда мальчика, на разстояніи 10 верстъ отъ деревни, Андроновъ взялъ, а лошадь

осталась, по видимому, избитою до усталости на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ее оставили работники Богданова. Крестьянинъ Леонтій Гридинъ въ опроверженіе сего показалъ, что они дѣйствительно были за сѣномъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ Лѣтнекопецкой деревни Григорьемъ Евсеевымъ, нынѣ умершимъ, который былъ работникомъ у того же хозяина, и сыномъ Ильина Михайломъ, на трехъ лошадяхъ; лошадь же Ильина пропала отъ неизвѣстной причины, такъ какъ ей не дѣлали никакихъ побоевъ, она просто устала и потому была выпряжена изъ-подъ воза и оставлена въ лѣсу вмѣстѣ съ мальчикомъ; издохла же она на слѣдующій день. Принимая въ соображеніе показаніе Андронова и отзывъ Гридина, судъ нашелъ, что Гридинъ и Евсеевъ, какъ взрослые, должны были заботиться о попеченіи какъ лошади, такъ и мальчика, а не оставлять ихъ на произволъ судьбы; къ тому же наѣхавшій Андроновъ нашелъ лошадь избитою; а потому единогласно опредѣлено въ числѣ взыскиваемой Ильинымъ за лошадь суммы тридцати руб. обязанъ уплатить Гридинъ десять руб., а остальные двадцать руб., за смертью Евсеева, отнести къ убытку Ильина.

Потрава скотомъ пожень и полей есть очень обыкновенная причина жалобъ и исковъ. Если скотъ сдѣлалъ потраву по винѣ самого истца, не сдѣлавшаго огороды къ своимъ полямъ, то его оставляютъ безъ вознагражденія. Если жь это вина отвѣтчиковъ, которые не смотрятъ за своимъ скотомъ и не поручаютъ его пастуху, то они должны вознаграждать истца тою суммой, какая приведется по оцѣнкѣ потравы; если нѣсколько головъ скота, принадлежащихъ разнымъ хозяевамъ, сдѣлали потраву, то требуемая сумма вознагражденія раскладывается по числу головъ. Если виновата отчасти и та, и другая сторона, то выбирается средній путь, примиряющій ихъ интересы, напримѣръ, вмѣсто платы за потраву отвѣтчики обязываются выкосить на слѣдующій годъ сѣно на потравленной пожнѣ истца въ пользу послѣдняго.

Сообщаемъ числовыя данныя о подвергнутыхъ наказанію по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ въ Корелѣ въ 1867 и 1868 гг.: Розгами наказано: мужчинъ 46, женщинъ 7; арестомъ 34; общественными работами 1, денежными взысканіями 11, внушеніемъ и выговоромъ 4, удаленіемъ изъ общества 1, всего 104. Какъ разнообразны наказанія за однородныя преступленія, разбиравшіяся въ

корельскихъ волостныхъ судахъ въ тѣ же 1867 и 1868 гг., видно изъ слѣдующей таблицы, заключающей въ себѣ данныя о преступленіяхъ противъ собственности:

ПРЕСТУПЛЕНІЯ.	Число наказаній.							Общее число наказаній.
	Розгами.		Арестомъ.	Общественными работами.	Денежнымъ взысканіемъ.	Внушеніемъ.	Удаленіемъ изъ общества.	
	Мужчинъ.	Женщинъ.						
Кража хлѣба съ полей и прясель . . .	2	—	1	—	—	—	—	3
Кража хлѣба и съѣстнаго	7	2	4	—	—	1	—	14
Кража денегъ . .	2	2	1	—	—	—	1	6
Кража вещей . . .	6	—	3	—	1	—	—	10
Воровство-мошенничество.	3	—	1	—	—	1	—	5
Кража сѣна и соломы	5	—	1	1	—	—	—	7
Убіеніе домашнихъ животныхъ.	7	—	4	—	—	—	—	11

Изъ этой таблицы видно, что женщинъ наказываютъ розгами также, какъ и мужчинъ, хотя это запрещено закономъ, причиною же того, что за однородныя преступленія назначаются неодинаковыя наказанія, служатъ обстоятельства, смягчающія вину подсудимаго, напримѣръ, чистосердечное раскаяніе, голодъ и т. п., вслѣдствіе чего назначается болѣе легкій родъ наказанія.

Приводимъ въ заключеніе одно рѣшеніе Вокнаволоцкаго волостнаго суда 12-го сентября 1867 г., показывающее, какъ Корелы относятся иногда къ своимъ сельскимъ властямъ: Крестьянинъ Андрей Ремшуевъ жаловался, что у его поля изрублена огорода, и подозрѣвалъ въ этомъ дѣлѣ крестьянина Семена Богданова. Волостной судъ, разсмотрѣвъ жалобу, нашелъ, что Богдановъ дѣйствительно срубилъ огороду и сознался волостному старшинѣ

сими словами: „Я срубилъ и срубилъ потому, что огорода былъ изъ моихъ жердей“. На судѣ же онъ сказалъ, что никогда ничего не дѣлалъ, и что представленіе старшины и свидѣтелей крестьянъ есть одна только клевета. Когда старшина подтвердилъ свое показаніе о виновности Богданова, въ которой нѣтъ никакого сомнѣнія, то Богдановъ сказалъ, что не хочетъ знать старшины, что старшина ему не указчикъ и вретъ на него, говоритъ *по насердкѣ* (въ сердцахъ), а что староста живетъ далеко, и спрашивать у него благословенія на всякое дѣло некогда, судьи же это глупцы, особенно Иванъ Ильичъ, и что если его будутъ наказывать, то онъ никогда не будетъ повиноваться ихъ рѣшеніямъ. Волостной судъ рѣшилъ: крестьянина Богданова за подрубленіе огороды и за неприличныя и дерзкія выраженія наказать 20 ударами розогъ и заставить его сдѣлать огороду въ теченіе двухъ дней.

III.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ САМОѢДОВЪ.

Самоѣды составляютъ самостоятельное племя, занимающее мѣсто между Финскимъ и Монгольскимъ. Они переселились въ Архангельскую губернію изъ Азіи, гдѣ, за Уральскимъ хребтомъ, еще до сихъ поръ кочуетъ часть Самоѣдскаго племени. Когда совершилось передвиженіе Самоѣдовъ въ Архангельскую губернію,— нѣтъ никакихъ историческихъ указаній, никакихъ преданій, ничего, что̀ дало бы возможность рѣшить этотъ вопросъ хотя приблизительно; но что это передвиженіе было—доказалъ своими филологическими изысканіями Кастренъ, который прослѣдилъ Самоѣдовъ до Саянскихъ горъ, до верховьевъ рѣчной системы Енисея [1]). Область распространенія Самоѣдовъ въ Архангельской губерніи была прежде

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1851 г., май, отд. VII, стр. 68.

значительно шире, чѣмъ въ настоящее время: они кочевали въ Архангельскомъ, Онежскомъ и Кемскомъ уѣздахъ, доходили даже до Онежскаго озера, какъ свидѣтельствуетъ духовное завѣщаніе св. Лазаря, основателя Муромскаго монастыря на Онежскомъ озерѣ [1]).

На рѣкѣ Онегѣ и по Зимнему берегу Бѣлаго моря, далеко отъ нынѣшнихъ предѣловъ распространенія Самоѣдовъ, до сихъ поръ кочуетъ ихъ нѣсколько семей. Первыя историческія извѣстія о Самоѣдахъ мы имѣемъ въ лѣтописи Нестора, который говоритъ: „Югра же людье есть языкъ нѣмъ и сосѣдять с Самоядью на полунощныхъ странахъ“.

Самоѣды, какъ и другіе инородцы Архангельской губерніи, были данниками Новгородцевъ и съ покореніемъ Новгорода перешли подъ власть Московскаго государства.

Въ соціальномъ отношеніи Самоѣды занимаютъ очень низкое мѣсто, такъ какъ до сихъ поръ сохранили вполнѣ свой кочевой бытъ. Они кочуютъ по всему огромному пространству Мезенской тундры, между р. Мезенью и Уральскимъ хребтомъ, Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ и Вологодскою губерніей.

По тремъ главнымъ частямъ, обозначаемымъ естественными границами, въ которыхъ нашли Русскіе страну европейскихъ Самоѣдовъ, раздѣляется эта страна на три земли или тундры: Большую (по самоѣдски Aarka-ja), Тиманскую или Малую (по самоѣдски: Nude-ja, то-есть, средняя земля) и Канинскую (по самоѣдски: Sale-ja, то-есть, носъ-земля). Самые обитатели этихъ земель называются Большеземельцы, Малоземельцы и Канинцы.

Самоѣды, владѣющіе тундрой съ незапамятныхъ временъ, давшіе свои имена ея урочищамъ, платившіе и платящіе за нее ясакъ, должны быть настоящими хозяевами тундры и права ихъ подтверждались многократно жалованными грамотами великихъ князей и царей Московскихъ, также какъ и современными узаконеніями. Хотя изъ этихъ грамотъ сохранилась только небольшая часть, но и этого все-таки совершенно достаточно, чтобы доказать права Самоѣдовъ на тундру. Въ 1545 г. была дана Канинскимъ и Тиман-

---

[1]) Заволоцкая Чудь, Арханг., 1869 г., стр. 84.

скимъ Самоѣдамъ, по жалобѣ ихъ на притѣсненія, жалованная грамота Іоанномъ Грознымъ. По этой грамотѣ Самоѣдамъ велѣно владѣть всѣми звѣриными промыслами и рыбными ловлями, какими владѣли раньше, съ тѣмъ, чтобы Печоряне и Пермяки, то-есть, Пустозеры и Зыряне, не смѣли вступаться въ ихъ права; также пинежскимъ волостелямъ запрещено было судить Самоѣдовъ въ какихъ-либо дѣлахъ, кромѣ убійства и кражи съ поличнымъ, и притѣснять ихъ; судъ же надъ ними предоставленъ даньщику, который собираетъ съ нихъ подать на государя. Доказательствомъ правъ Большеземельскихъ Самоѣдовъ на владѣніе тундрой и угодьями, въ ней находящимися, можетъ служить грамота, данная на Кевролу и на Мезень стольнику и воеводѣ Михайлу Романовичу Воейкову въ 1688 году царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами и царевною Софіею. Эта грамота дана въ защиту Тиманскихъ Самоѣдовъ, отъ нападеній Югорскихъ и Лѣсовыхъ, то-есть, Большеземельскихъ, которые сильно обижали Тиманскихъ: „лѣтомъ рыбные промыслы ихъ отнимаютъ, и грабятъ и Тіунскую (Тиманскую) Самоядь побиваютъ до смерти, и малыхъ ребятъ воровски уносятъ, и работать имъ на своихъ промыслахъ и зимою на тундрѣ въ ихъ угодьяхъ не даютъ и всячески изобижаютъ и разоряютъ“ [1]). Изъ этой грамоты видно, что Большеземельскіе Самоѣды до 1765 г. владѣли тундрой безспорно, и въ ихъ права не вступался никто, ни пустозерскіе, ни пижемскіе крестьяне. Это же доказываютъ и нѣкоторые другіе акты; но Русскіе и Зыряне захватили въ свою власть тундру съ ея различными угодьями, въ явное нарушеніе правъ собственности Самоѣдовъ.

Самоѣды, какъ было выше сказано, только одни платили всегда дань—ясакъ. за тундру. Эта дань, подъ названіемъ луковой дани, взыскивалась съ Самоѣдовъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ Пустозерскихъ Самоѣдовъ по два песца съ лука, то-есть, съ каждаго человѣка, могущаго владѣть лукомъ, а за непмѣніемъ денегъ по алтыну за песца; съ Югорскихъ Самоѣдовъ и Самоѣдовъ иныхъ земель по соболю; съ Канинскихъ и Тиманскихъ Самоѣдовъ съ 1688 года сбиралась луковая дань деньгами, по пяти алтынъ съ лука. Въ 1767 г. сборъ ясачной подати производимъ

---

[1]) Акты Археограф. экспедиціи, т. IV, стр. 445.

былъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ Самоѣдовъ Пустозерскихъ по 3 песца съ души, Устьцылемскихъ и Пжемскихъ по 15 бѣлокъ или 4 горностая, а съ Канинскихъ и Тиманскихъ вмѣсто ясака деньгами, съ обѣихъ земель по 16 р. 48 коп. въ годъ. Съ 1797 г. съ Канинскихъ и Тиманскихъ Самоѣдовъ сборъ производимъ былъ лосиными или оленьими кожами, а гдѣ олени и лоси не ловятся—другимъ звѣремъ или деньгами. Наконецъ, въ 1818 г. отмѣненъ былъ сборъ кожами или звѣремъ и переложенъ на деньги, при чемъ Самоѣды были уравнены съ крестьянами; теперь же они пользуются привиллегіей вмѣсто всѣхъ сборовъ платить 1 р. съ души.

Ясакъ собирался черезъ особыхъ данщиковъ изъ Самоѣдовъ же; посредствомъ такого устройства правительство хотѣло предупредить злоупотребленія и лихоимство разныхъ воеводъ и волостелей. Но далѣе правительство само открыло широкій путь для злоупотребленій учрежденіемъ откупа на дань: изъ указа 1748 г. видно, что сбираніе дани съ Самоѣдовъ было отдано откупщику, которому и позволялось брать изъ казны извѣстное количество вина для продажи въ тундрѣ. Этими распоряженіями положено было основаніе двухъ золъ, противъ которыхъ само же правительство должно было ратовать впослѣдствіи всѣми силами: первое зло—произволъ и притѣсненія при взиманіи податей, и второе—введеніе къ Самоѣдамъ спиртныхъ напитковъ, имѣвшее гибельное вліяніе на ихъ благосостояніе.

И дѣйствительно, Самоѣды сдѣлались жертвами злоупотребленій, какъ со стороны администраціи, такъ и со стороны частныхъ лицъ—Русскихъ и Зырянъ, которые допускали въ отношеніи къ Самоѣдамъ не только захваты ихъ собственности—тундры и ея угодій, но часто даже явное насиліе и грабежъ, противъ чего Самоѣды не могли защищаться собственными силами, а просить защиты было не у кого. Наконецъ, въ 1835 году послѣдовало административное устройство Самоѣдовъ, которое должно было положить конецъ всѣмъ злоупотребленіямъ и дать Самоѣдамъ прочныя гарантіи безопасности и неприкосновенности ихъ правъ. Изданъ былъ Самоѣдскій уставъ, предоставлявшій Самоѣдамъ многія важныя права, напримѣръ, свободу отъ разныхъ повинностей, лежащихъ на податномъ сословіи, собственное управленіе и судъ; возстановлены ихъ законныя права на владѣніе тундрой, захва-

ченной пришельцами. Все, что̀ могло служить для блага Самоѣдовъ и предохранить ихъ отъ какого бы то ни было произвола и стѣсненія, было предусмотрѣно этимъ уставомъ [1]).

По этому уставу, Самоѣды причислены къ разряду бродячихъ инородцевъ или ловцевъ; они составляютъ особенное сословіе въ равной степени съ крестьянскимъ, но отличное отъ онаго въ образѣ управленія. Имъ назначается вся полоса земли въ Мезенскомъ уѣздѣ, нынѣ ими занимаемая и извѣстная подъ именемъ Тиманской, Канинской и Большеземельской тундръ. Послѣдняя тундра раздѣлена на три вѣдомства: Пустозерское, Устьцылемское и Ижемское.

Чтобы предупредить дальнѣйшіе захваты тундры Русскими, уставъ постановилъ отмежевать на каждую душу изъ Русскихъ, поселившихся въ тундрѣ, по 60-ти десятинъ около мѣстъ, занимаемыхъ ими. Русскимъ позволено также брать самоѣдскія земли въ оброчное содержаніе, но не иначе, какъ по условіямъ съ обществами. Строго запрещено Русскимъ ввозить и продавать горячіе напитки на стойбищахъ и чумахъ самоѣдскихъ, но сами Самоѣды могутъ покупать вино въ мѣстахъ откупной продажи, провозить его къ своимъ семействамъ для домашняго употребленія и перепродавать другимъ Самоѣдамъ на домашній обиходъ. Самоѣды управляются *по обычаямъ ихъ*. Родовое управленіе Самоѣдовъ въ каждой тундрѣ—Тиманской, Канинской и Большеземельской, состоитъ изъ одного старшины, избираемаго по обычаямъ ихъ че-

[1]) См. Полное Собраніе Законовъ за 1835 г. № 8,071: Уставъ объ управленіи Самоѣдами, обитающими въ Мезенскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, распубликованный 18-го мая. Въ именномъ указѣ, данномъ по этому случаю Правительствующему Сенату, сказано: „Въ слѣдствіе представленія министра внутреннихъ дѣлъ о правахъ и образѣ жизни обитающихъ въ Мезенскомъ уѣздѣ Самоѣдовъ признается полезнымъ распространить на нихъ постановленія, для сибирскихъ инородцевъ изданныя, съ измѣненіями, настоящему состоянію ихъ сообразными“. Самоѣдскій уставъ представляетъ примѣненіе къ частному случаю общихъ началъ, выработанныхъ въ уставѣ 182[illegible] г. объ управленіи инородцами. Этотъ послѣдній, какъ извѣстно, принадлежитъ гр. Сперанскому, который во время управленія Сибирью обратилъ серьезное вниманіе на обычаи инородцевъ, тамъ проживающихъ, вслѣдствіе чего, бытъ этихъ послѣднихъ, а равно и Мезенскихъ Самоѣдовъ, былъ принятъ во вниманіе при составленіи Свода Законовъ.

Прим. ред.

резъ каждые три года и именуемаго въ сношеніи съ правительствомъ старостою. Староста самоѣдскій получилъ значеніе старшаго, „какъ будто бы родъ составлялъ одно семейство“ (уставъ принимаетъ только три рода, по числу тундръ, между тѣмъ какъ родовъ нѣсколько въ каждой изъ тундръ): „Онъ производитъ всѣ дѣла словесно. Мѣстная полиція дѣйствуетъ въ тундрахъ черезъ старостъ и всѣ свѣдѣнія о родѣ, тундру населяющемъ, заимствуетъ изъ ихъ показаній и донесеній“. Для удобства торговли и для сдачи ясака назначаются въ разныхъ мѣстахъ тундры ярмарки и *суланы*. Суланъ есть мірское собраніе Самоѣдовъ. Самоѣдскіе старосты и ихъ помощники непосредственно подчиняются земскому или отдѣльному засѣдателю, если таковой будетъ назначенъ.

Разъѣзды чиновниковъ и разсыльщиковъ земской полиціи по тундрамъ Самоѣдовъ допускаются въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) для повѣрки порядка по управленію, 2) для слѣдствій, 3) для сбора ясака, 4) для надзора за порядкомъ на ярмаркахъ. Вообще, уставъ старался какъ можно уменьшить кругъ сношеній Самоѣдовъ съ мѣстною администраціей. Самоѣдамъ дано было также право собственнаго суда. Постановлено было по общимъ законамъ „судить ихъ только въ преступленіяхъ тяжкихъ, каковыми въ отношеніи ихъ признаются: 1) возмущеніе, 2) умышленное убійство, 3) разбой, 4) насиліе, 5) дѣланіе фальшивой монеты и вообще похищеніе казеннаго и общественнаго имущества“. Всѣ прочія дѣла, не исключая и кражи, пока нравы ихъ образованіемъ не смягчатся, считаются исковыми.

Самоѣды, какъ выше сказано, управляются по ихъ обычаямъ; но для отвращенія сбивчивости и неопредѣленности ихъ обычаевъ, сохраняющихся чрезъ одни изустныя преданія, мѣстному начальству предоставляется „собрать отъ почетнѣйшихъ людей полныя и подробныя по сему предмету свѣдѣнія, разсмотрѣть оныя въ особомъ временномъ комитетѣ, составленномъ подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора, изъ вице-губернатора, предсѣдателей палатъ, губернскаго прокурора и совѣстнаго судьи, смягчить въ самоѣдскихъ обычаяхъ все дикое и жестокое и отмѣнить несообразное съ другими установленіями“ [1]). „Гражданскій губерна-

[1]) Уставъ объ управленіи Самоѣдами, гл. IV, § 37.

торъ обязанъ одинъ разъ въ годъ самъ лично или чрезъ довѣреннаго чиновника, по своему выбору, посѣщать мѣста, съ которыми удобнѣе Самоѣды могутъ имѣть сообщеніе, подробно входить въ ихъ дѣла, внимать ихъ жалобамъ и нуждамъ, доставлять удовлетвореніе, прекращать безпорядки, отсылать виновныхъ къ суду за злоупотребленія, или о чемъ нужно, представлять высшему начальству".

Уставъ для управленія Самоѣдовъ, одушевленный такими прекрасными намѣреніями правительства, издавшаго его, хотя и поставилъ нѣкоторыя препятствія эксплуатаціи Самоѣдовъ ихъ сосѣдями, но далеко не пресѣкъ ея. Извѣстный путешественникъ Кастренъ такъ рисуетъ положеніе дѣлъ и значеніе устава: „Чтобы положить конецъ постыднымъ притѣсненіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, пріучить Самоѣдовъ къ нѣкоторой гражданственности, правительство недавно издало уставъ, который, по моему понятію,—идеалъ совершенства. Но само собою разумѣется, что око закона, какъ бы бдительно ни было, не можетъ усмотрѣть всего, что̀ случается въ глуши самоѣдской пустыни. Притѣсненія продолжаются безпрерывно, рѣже подъ видомъ разбоя, но тѣмъ чаще подъ видомъ обмана" [1]).

Черезъ два года изданъ былъ и судебный уставъ, выписки изъ котораго мы сдѣлаемъ при самомъ изложеніи самоѣдскихъ юридическихъ обычаевъ [2]). Комитетъ, составлявшій уставъ, сталъ на ложную дорогу, положивъ представить эти обычаи въ облагороженномъ видѣ. Оттого Самоѣды руководствуются во взаимныхъ сношеніяхъ не правилами устава, а настоящими своими обычаями, не облагороженными; уставъ же примѣняется только къ рѣшеніямъ дѣлъ, возникающихъ между Самоѣдами и Русскими. Священникъ І. Спицовъ, который имѣлъ полную возможность основательно изучить бытъ Самоѣдовъ въ теченіе своего долголѣтняго пребыванія въ Неси въ Канинской тундрѣ, говоритъ о судебномъ уставѣ, что онъ есть „прямо начертаніе начальственнаго распо-

---

[1]) *Современникъ* 1846 г., № 10.

[2]) Здѣсь авторъ ошибочно называетъ судебнымъ уставомъ правила, составленныя временнымъ комитетомъ на основаніи вышеуказаннаго § 37. *Прим. ред.*

ряженія, а не правила или сводъ ихъ управленія или законъ, истекающій изъ ихъ природнаго ума".

Такимъ образомъ, черезъ административное преобразованіе 1835 г. и изданіе устава, Самоѣды получили самоуправленіе, самосудъ и другія важныя льготы, какими не пользуются и не пользовались никогда прочіе инородцы Архангельской губерніи. Преимущество, отдаваемое Самоѣдамъ въ этомъ отношеніи, можно объяснить тѣмъ, что они, какъ народъ вполнѣ кочевой и стоящій сравнительно съ прочими инородцами на низшей ступени умственнаго развитія, народъ, особенности котораго еще далеко не сгладились, не можетъ такъ легко и безъ вреда для себя подчиниться общимъ порядкамъ, которые сложились при совсѣмъ иныхъ жизненныхъ условіяхъ. Что Самоѣды не такъ легко подчиняются вліянію русскаго элемента, какъ прочіе инородцы, видно ужъ изъ того факта, что они крещены только въ недавнее время, въ началѣ настоящаго вѣка, и еще теперь есть часть Самоѣдовъ-язычниковъ въ Большеземельской тундрѣ, да и крещеное большинство только считается крещенымъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ вполнѣ сохраняетъ свои языческія традиціи, нѣсколько видоизмѣненныя подъ вліяніемъ христіанства.

Хотя Самоѣды сохранили, благодаря естественнымъ условіямъ быта, свой національный характеръ, все-таки долгое соприкосновеніе съ Русскими, неблагопріятное для нихъ въ экономическомъ отношеніи, повліяло на смягченіе ихъ нравовъ. Вотъ что говоритъ священникъ І. Спицовъ о сибирскихъ Самоѣдахъ-Карачеяхъ, которые не затронуты посторонним вліяніемъ и сохранили вполнѣ свою самобытность: „Карачеи сторонняго человѣка бѣгаютъ и гостя у себя въ чуму не любятъ: они подозрительны къ чужимъ и недружелюбны между собою. Богатые Карачеи держатъ у себя бѣдныхъ не иначе какъ работниками, которые должны на нихъ усердно работать, единственно изъ-за хлѣба. У нихъ есть родъ рабства. Богатый и сильный нападаетъ съ своими рабочими на родовича своего, менѣе сильнаго, отнимаетъ у него пожитки и оленей, порабощаетъ его и его рабочихъ. Богачъ Карачей своего работника за непослушаніе или за какой-нибудь проступокъ наказываетъ, какъ хочетъ, или бросаетъ его на пустомъ мѣстѣ безъ пищи на произволъ судьбы". Вѣроятно, рабство было прежде и у

Архангельскихъ Самоѣдовъ, какъ можно заключить изъ словъ грамоты 1688 г., гдѣ сказано про Югорскихъ и Лѣсовыхъ Самоѣдовъ, что они „Тіунскую Самоядь побиваютъ до смерти и малыхъ ребятъ воровски уносятъ“, уносятъ, конечно, затѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ рабами; но теперь рабство изчезло, какъ изчезли воинственныя и хищническія наклонности Большеземельскихъ Самоѣдовъ какъ изчезъ настоящій родовой бытъ и управленіе черезъ родоначальниковъ, которое сохранилось еще между Карачеями. Но и между этими послѣдними вводится административное устройство, подобное самоѣдскому, и тамъ учреждена духовная миссія для распространенія христіанской вѣры, которая встрѣчаетъ, какъ встрѣтила сначала и между Самоѣдами, упорное сопротивленіе“.

Экономическое положеніе Самоѣдовъ весьма незавидно. Главное ихъ занятіе есть оленеводство, которое обусловливаетъ кочевой образъ ихъ жизни, да и самую возможность существованія въ такой пустынной и бѣдной мѣстности, какъ тундра. Но это занятіе, безъ коего Самоѣдъ не можетъ существовать иначе, какъ на счетъ благотворительности своихъ ближнихъ или въ кабалѣ у Пжемца,— теперь въ упадкѣ. Почти половина Самоѣдовъ Большеземельской тундры не имѣетъ вовсе оленей; число оленей у остальныхъ Самоѣдовъ такъ незначительно, что на каждаго Самоѣдина, по вычисленію г. Ислаѣина, едва приходится по 17 головъ. Огромныя самоѣдскія стада перешли въ руки Зырянъ и Русскихъ, которые захватили ихъ частью обманомъ, частью явнымъ насиліемъ. Теперь Самоѣды ограждены отъ насилія, но не могутъ быть ограждены отъ обмана, принимающаго законный видъ торговой сдѣлки, скрѣпляемой водкою.

Но даже и помимо присвоенія Зырянами или Русскими, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, собственности Самоѣдовъ, оленеводство этихъ послѣднихъ не можетъ подняться, такъ какъ огромныя стада русскихъ или зырянскихъ оленеводовъ занимаютъ всѣ лучшія мѣста въ тундрѣ и вытаптываютъ мохъ, хотя не имѣютъ на тундру никакого права; оттого самоѣдскія стада, поставленныя въ болѣе невыгодныя условія, не могутъ такъ хорошо плодиться, какъ стада русскія или зырянскія. Справедливость заставляетъ замѣтить, что Самоѣды также отчасти виноваты въ дурномъ со-

стоянiи своего оленеводства, такъ какъ нисколько не заботятся объ уходѣ или хоть какомъ-нибудь присмотрѣ за своимъ стадомъ, вполнѣ предоставляя его на произволъ судьбы: оттого различныя болѣзни, а также волки, уничтожаютъ всегда множество оленей въ ихъ стадахъ, щадя въ то же время стада Ижемцовъ, которые имѣютъ болѣе бдительный надзоръ за своими оленями.

Кромѣ оленеводства, Самоѣды занимаются еще рыбными и звѣриными промыслами. Рыболовство могло бы служить очень важнымъ подспорьемъ въ самоѣдскомъ хозяйствѣ, еслибы Самоѣды были въ состоянiи извлекать всѣ выгоды изъ множества рыбныхъ озеръ и рѣкъ, которыми изобилуетъ тундра. Но на самомъ дѣлѣ выходитъ не такъ; всѣми выгодами пользуются Зыряне и Русскiе. Они отбили у Самоѣдовъ всѣ промысловыя мѣста, обзавелись нужными снастями и снарядами, которыхъ негдѣ взять бѣдному Самоѣдину, и промышляютъ рыбу все лучшее время года, не подпуская Самоѣдовъ; эти послѣдніе выжидаютъ для ловли осени, когда Зыряне и Русскiе возвращаются домой въ свои поселенiя, и тогда начинаютъ ловить, что̀ осталось рыбы, если есть необходимые снаряды или удалось взять ихъ въ ссуду у Русскихъ и Ижемцевъ за часть улова. Но недостатокъ соли не позволяетъ Самоѣдамъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, добычею своего промысла: за полпуда соли они должны платить тѣмъ же русскимъ крестьянамъ или Ижемцамъ бѣлаго песца или оленью шкуру, цѣною въ 1 рубль, а при такихъ цѣнахъ на соль они естественно не имѣютъ возможности солить свою рыбу. Это мы говорили о Большеземельскихъ Самоѣдахъ. Еще больше стѣснены въ рыбныхъ промыслахъ Канинскiе и Тиманскiе, такъ какъ мезенскiе крестьяне и мѣщане поселились при самыхъ выгодныхъ рыболовныхъ мѣстахъ и совсѣмъ оттѣснили Самоѣдовъ отъ пользованiя ими.

Звѣриными промыслами Самоѣды занимаются на морѣ, въ тундрѣ и въ лѣсахъ. Выгодными промыслами морскихъ звѣрей они занимаются мало, такъ какъ Русскiе заняли всѣ лучшiя промысловыя мѣста, какъ на Канинскомъ и Тиманскомъ берегахъ, такъ и около Югорскаго шара; Русскiе берутъ Самоѣдовъ въ рабочiе, какъ отважныхъ и искусныхъ охотниковъ, но разумѣется, тогда всѣ выгоды промысловъ переходятъ въ руки Русскихъ, То же бываетъ, когда Самоѣды промышляютъ и самостоятельно; какъ бы ни была

велика ихъ добыча, они все-таки должны сбыть ее русскимъ кулакамъ за безцѣнокъ, и притомъ не на деньги, а на товаръ.

Въ тундрѣ Самоѣды ловятъ песцовъ и лисицъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ промыслѣ мѣшаютъ имъ Русскіе и Зыряне, которые также промышляютъ въ тундрѣ звѣря и истребляютъ его своимъ неразумнымъ, неразчетливымъ веденіемъ охоты, Такъ Русскіе вынимаютъ изъ норъ щенятъ лисицы, чтобы выкормить ихъ дома, черезъ что̀ замѣтно уменьшается число этого звѣря въ тундрѣ. Еще сильнѣе истребляютъ песцовъ Зыряне: живя въ тундрѣ только до осени и не имѣя нужды щадить интересы Самоѣдовъ, они не выжидаютъ того времени, когда песецъ побѣлѣетъ и сдѣлается выгоденъ для охоты, а истребляютъ его въ первомъ возрастѣ, пока онъ не имѣетъ еще большой цѣнности, къ тому же истребляютъ, выкуривая его изъ норъ, а изъ такихъ выкуренныхъ норъ песецъ тотчасъ удаляется и не возвращается въ нихъ болѣе. Самоѣды, чтобы получить хоть что-нибудь, подражаютъ Зырянамъ, хотя хорошо понимаютъ всю разорительность такого способа охоты, грозящаго полнымъ истребленіемъ звѣря въ тундрѣ. Также промышляютъ Самоѣды различныхъ птицъ, которыхъ лѣтомъ прилетаетъ въ тундру множество. Все, что̀ не идетъ для собственнаго употребленія, Самоѣды мѣняютъ крайне невыгоднымъ для себя образомъ у русскихъ и зырянскихъ торговцевъ на хлѣбъ и другіе необходимые предметы.

По словамъ Кастрена, въ характерѣ Самоѣдовъ много общаго съ Финнами; они столь же подозрительны, скрытны, недовѣрчивы, упрямы, тяжелы на подъемъ, настойчивы въ исполненіи задуманнаго. Подобно Лопарямъ, они непостоянны, невѣрны слову, склонны къ обману: послѣднее относится въ особенности къ Канинскимъ Самоѣдамъ. Взглядъ Самоѣда на жизнь вообще грустный: для него все подернуто мракомъ ночи; поэтому онъ и смотритъ безстрастно на всѣ явленія жизни и природы. Одинъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ для Самоѣда есть ѣда; но въ крайнихъ случаяхъ они равнодушно переносятъ и муки голода. Рѣдко можно этихъ сыновъ Ледовитаго моря вывести изъ обычнаго ихъ безстрастія; но Боже упаси, когда Самоѣдъ выйдетъ изъ себя: вы увидите тогда неукротимаго дикаря, бѣшенству котораго нѣтъ предѣловъ! Эта черта характера замѣтна, въ особенности, у Ка-

нинскихъ Самоѣдовъ, болѣе зажиточныхъ, чѣмъ другіе; что же касается до Самоѣдовъ Тиманскихъ, то они совсѣмъ другаго характера: въ 1831 и 1833 гг. свирѣпствовала въ ихъ тундрѣ язва, отъ которой погибло до 20 тысячъ оленей и множество народа; вслѣдствіе того они упали духомъ, сдѣлались боязливы, тихи и скромны. Къ свѣтлымъ сторонамъ Самоѣдовъ принадлежитъ ихъ готовность къ услугамъ и къ помощи ближнему: съ гостемъ и съ бѣднымъ они рады раздѣлить послѣдній кусокъ скудной своей пищи. Г. Пславинъ нѣсколько иначе говоритъ о нравственныхъ качествахъ Самоѣдовъ. По его словамъ, Большеземельскіе Самоѣды-язычники болѣе всѣхъ другихъ сохранили національный характеръ и во многомъ отличаются отъ крещеныхъ, которые болѣе бываютъ въ соприкосновеніи съ Русскими; они добры, тихи, беспечны, особенно вѣрны данному слову; Канинскіе же и Тиманскіе Самоѣды такъ уже обрусѣли, что приняли всѣ оттѣнки русскаго характера [1]).

Всѣхъ Самоѣдовъ, обитающихъ въ Архангельской губерніи, по переписи 1864 году считалось 5668 душъ обоего пола; но эта цифра не вполнѣ достовѣрна, такъ какъ Самоѣды разсѣяны по огромному пространству Мезенской тундры и переходятъ даже за Уральскій хребетъ.

Самоѣды Канинской тундры на зиму прикочевываютъ въ юго-западную часть тундры и даже къ городамъ Архангельской губерніи, гдѣ частью нищенствуютъ, частью заработываютъ себѣ пропитаніе тѣмъ, что катаютъ любителей ѣзды на оленяхъ. Тиманскіе Самоѣды откочевываютъ зимой на югъ въ лѣсистыя мѣста. О кочевьяхъ Большеземельскихъ Самоѣдовъ будетъ подробно сказано ниже.

При составленіи собранія юридическихъ обычаевъ Самоѣдовъ приняты были нами за основаніе обычаи, записанные въ г. Холмогорахъ *П. Ефименкомъ* со словъ Канинскихъ Самоѣдовъ. Дополненіемъ послужили намъ также свѣдѣнія, сообщенныя священникомъ *Іосифомъ Синцовымъ*, и книга *Владиміра Пславина*: Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. С.-Петербургъ. 1847.

Кромѣ того, свѣдѣнія о юридическихъ обычаяхъ Самоѣдовъ встрѣ-

---

[1]) Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту стр. 108.

чаются въ статьяхъ: *М. А. Кастрена:* „Русскіе Самоѣды“ и „Путевыя письма изъ сѣверной Россіи“, напечатанныхъ въ *Современникѣ* въ 1845, 1846 и 1848 годовъ [1]), и въ статьѣ *В. Ислависа:* Разсказы о кочеваніи по тундрамъ Самоѣдскимъ“, помѣщенной въ *Современникѣ* 1848 г., т. VIII и IX; также въ книгахъ: *Максимова:* „Годъ на Сѣверѣ“; академика *Лепехина:* „Дневныя записки“; начальника Уральской Экспедиціи *Гофмана:* „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой“; *Шренка:* Reise nach dem Nordosten des Europäischen Russlands durch die Tundren der Samojeden“; въ *Арханг. Губ. Вѣдомостяхъ*, 1849 г. заслуживаетъ вниманія статья архимандрита *Веніамина:* „Самоѣды Мезенскіе“, перепечатанная потомъ въ *Этногр. Сборникѣ Геогр. Общества*, кн. IV. [2]).

I.

Гражданское право.

1. Право семейственное.

Когда Самоѣды были язычниками, они строго соблюдали обычай — не брать женъ изъ своего рода по мужской линіи: бракъ въ своемъ родѣ считался у нихъ кровосмѣшеніемъ. Между тѣмъ дозволялось брать въ супружество женщинъ изъ рода матери, даже ближайшихъ родственницъ, напримѣръ, можно было жениться на теткѣ, то-есть, сестрѣ матери, или два брата могли жениться на двухъ сестрахъ.

У Самоѣдовъ, принявшихъ христіанство, этого обычая нѣтъ.

---

[1]) А. Я. Ефименко не имѣла въ рукахъ полнаго русскаго перевода „Путевыхъ воспоминаній“ Кастрена, помѣщеннаго въ *Магазинѣ землевѣдѣнія*, изд. *Н. Фролова*, кн. IV. *Прим. ред.*

[2]) Этотъ библіографическій перечень слѣдуетъ дополнить указаніемъ на слѣдующія статьи: „Ротта или присяга Самоѣдовъ“—*Отечественныя Записки* за 1830 г.; „Ротта или присяга Самоѣдовъ“—*Финскій Вѣстникъ* за 1845 г., № 4; *А. Зуева*, Югорскій Шаръ—*Архангельскія Губернскія Вѣдомости* за 1867, № 81, 82. Мы не упоминаемъ здѣсь о матеріалахъ, касающихся быта и обычаевъ сибирскихъ Самоѣдовъ, о которыхъ въ нашей печати не мало данныхъ.

Примѣч. редактора.

Христіанская религія, съ своимъ обязательнымъ запрещеніемъ вступать въ бракъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства, не дозволитъ Самоѣдину жениться на родственницѣ, еслибъ онъ и вздумалъ это сдѣлать; къ тому же роды ихъ уже не имѣютъ прежней строгой разграниченности, они сбились и перепутались. Но у язычниковъ-Самоѣдовъ Большеземельской тундры г. Ислависнъ, изучавшій ихъ бытъ въ сороковыхъ годахъ, нашелъ этотъ обычай еще въ полной силѣ. Запрещалось вступать въ бракъ не только въ своемъ родѣ, но и въ томъ изъ остальныхъ родовъ, который считается общимъ съ нимъ по происхожденію, имѣющимъ одного общаго родоначальника. Такъ Логеп и Тыссеп, два отдѣльные рода, считаются происходящими одинъ отъ другого: оттого Самоѣдинъ одного изъ этихъ родовъ не могъ сочетаться брачнымъ союзомъ съ членомъ другаго. Но Самоѣдинъ изъ рода Логей могъ взять жену изъ совершенно особаго рода Ванойты. Еще замѣчателенъ у Самоѣдовъ-язычниковъ обычай, предписывающій брату жениться на вдовѣ брата, обычай, совершенно аналогичный съ извѣстнымъ еврейскимъ закономъ [1]). Отецъ также считаетъ себя обязаннымъ, особенно если онъ вдовецъ, жениться на вдовѣ покойнаго своего сына, то-есть, своей снохѣ, и дѣлаетъ это тѣмъ охотнѣе, что за нее не нужно платить. Братъ покойнаго также не платитъ за его жену, а напротивъ получаетъ ея приданое. Видно, говоритъ г. Шренкъ, сообщающій объ этомъ, что необходимость попеченія объ оставшихся вдовахъ и сиротахъ и защиты ихъ, а также разчетъ дешеваго пріобрѣтенія женъ, лежитъ въ основаніи этого обычая [2]).

У Самоѣдовъ нѣтъ обычая, какъ у Лопарей, чтобы молодые люди женились на старухахъ изъ корыстныхъ видовъ; напротивъ, часто случается, что женятся на особахъ очень молодыхъ, за которыхъ платятъ порядочныя деньги. Кастренъ, при описаніи самоѣдской свадьбы, на которой онъ присутствовалъ, говоритъ, что невѣстѣ было только 13 лѣтъ [3]). По словамъ г. Шренка, у Самоѣдовъ нерѣдки примѣры двѣнадцатилѣтнихъ супругъ и матерей [4]).

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1849 г: № 6: Самоѣды Мезенскіе, ст. архим. *Веніямина*; Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту, *Ислависа*, стр. 32.

[2]) Путешествіе, I, стр. 478.

[3]) *Современникъ*, 1846 г. № 10, Русскіе Самоѣды.

[4]) Путешествіе *Шренка*, I, 478.

Вообще у Самоѣдовъ не соблюдается правильнаго, нормальнаго отношенія между лѣтами жениха и невѣсты; у язычниковъ случается, что и малолѣтнихъ мальчиковъ женятъ на совершеннолѣтнихъ дѣвушкахъ, и дѣвочекъ выдаютъ за взрослыхъ мужчинъ [1]).

Обычаи Самоѣдовъ-язычниковъ допускаютъ многоженство. Но только немногіе богатые пользуются этимъ и имѣютъ двѣ-три жены, такъ какъ пріобрѣтеніе женъ сопряжено съ значительными издержками; напротивъ того, встрѣчаются холостые Самоѣды, которые не могутъ обзавестись и одною женой, за недостаткомъ средствъ [2]).

Правила христіанской религіи, къ которой принадлежитъ уже большинство Самоѣдовъ, не вошли еще въ ихъ нравы. Такъ, вѣнчанье не всегда составляетъ у нихъ существенно важную и необходимую часть свадебнаго обряда. Празднуютъ свадьбу, когда есть вблизи попо, будь то въ постъ или въ какое-либо другое время, когда свадьбы запрещаются церковью. Вѣнчаются, когда прикочуютъ къ селеніямъ, въ которыхъ есть церкви. Священникъ Канинской тундры пишетъ, что случается часто прежде крестить дѣтей у молодыхъ, а потомъ вѣнчать родителей [3]). Если вѣнчанье не одновременно со свадьбой, то оно не сопровождается пиршествомъ или какими-нибудь обрядами.

Необходимость согласія родителей при заключеніи брачныхъ союзовъ обусловливается самою сущностью ихъ браковъ, которые суть ничто иное, какъ покупка съ одной стороны и продажа съ другой. Очевидно, молодой человѣкъ, зависящій въ матеріальномъ отношеніи отъ своего отца, не можетъ жениться безъ его согла-

---

[1]) Дневныя записки о путешествіи, *Лепехина*, часть IV, стр. 116—117.

[2]) *Исславинъ*, стр. 126; *Кастренъ* въ *Современникѣ* 1846 г., № 10.

[3]) Въ Уставѣ объ управленіи Самоѣдами. сказано: „Какъ Самоѣды-христіане, проживающіе въ великомъ отдаленіи отъ постоянныхъ церквей, вообще нуждаются въ церковныхъ требахъ, а особливо встрѣчаютъ неудобства при заключеніи браковъ, и обстоятельство сіе составляетъ важное препятствіе къ распространенію между ними христіанской вѣры, то на епархіальное начальство возлагается уменьшить постепенно и совсѣмъ уничтожить сіе препятствіе мѣрами, какія по мѣстному его усмотрѣнію будутъ признаны къ тому удобнѣйшими.

сія; невѣста же есть товаръ въ полномъ смыслѣ этого слова. Впрочемъ, нельзя сказать, что совершенно не бываетъ случаевъ проявленія собственной волп и желанія у дѣвушекъ. Случается, что дѣвушка выходитъ замужъ тайкомъ отъ сопротпвляющпхся родпте.ей, которые и лишаются такимъ образомъ за нее платы. Молодые люди въ такомъ случаѣ живутъ безъ вѣнчанія, пока не умилостивятся родптели и не простятъ дочь: тогда уже совершаются покупка и вѣнчаніе. Но такіе случап рѣдки. Гораздо чаще бываетъ такъ, что отецъ женитъ сына, вовсе не спрашивая предварительно его согласія [1]); родптели невѣсты также сватаютъ ее, не думая обращать вппманія на ея собственную волю.

Какъ мало принимаются въ разчетъ желанія сампхъ вступающпхъ въ бракъ, видно пзъ вышеупомянутаго обычая женить и выдавать замужъ малолѣтнпхъ.

Немногосложные брачные обряды Самоѣдовъ представляютъ самую безцеремонную торговую сдѣлку, гдѣ дѣвушка является предметомъ торговли. Отецъ, задумавъ женить сына на извѣстной дѣвушкѣ, выбпраетъ родственника пли знакомаго сватомъ, по самоѣдски *эву*, и посылаетъ его для переговоровъ съ родителями невѣсты. Эву отправляется въ невѣстпнъ чумъ съ шомполомъ или варильнымъ крюкомъ въ рукѣ. Пріѣхавъ туда, онъ сообщаетъ отцу невѣсты цѣль своего пріѣзда и кладетъ ему на колѣна лпспцу красную пли бурую: цвѣтомъ ея опредѣляется состояніе жениха, самъ же выходитъ пзъ чума пли вовсе уѣзжаетъ обратно. Если отецъ невѣсты желаетъ отдать дочь замужъ, то оставляетъ подарокъ у себя; если же нѣтъ, то немедленно отсылаетъ его [2]). Въ первомъ случаѣ сватъ снова ѣдетъ въ чумъ невѣсты съ женихомъ, чтобы договориться окончательно о платѣ за невѣсту. Женихъ не входитъ въ чумъ, пока сватъ не окончитъ переговоровъ. Улаживается сдѣлка такимъ образомъ: сватъ молча подаетъ отцу невѣсты бирку, которую онъ привозитъ съ собою. Отецъ невѣсты дѣлаетъ на биркѣ столько рубежковъ, сколько онъ намѣренъ взять за дочь оленей, песцовъ и т. п., и затѣмъ отдаетъ бирку свату. Этому послѣднему ужь пзвѣстно, во сколько покупа-

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 126.

[2]) Тамъ же.

тель-женихъ оцѣнилъ товаръ, и потому, если эву находитъ, что цѣна превышаетъ ту, на которой онъ уполномоченъ покончить дѣло, то онъ срѣзываетъ лишнее число рубежковъ. Тесть, разумѣется, проситъ надбавки, и сватъ выходитъ въ такомъ случаѣ посовѣтоваться съ женихомъ. Такимъ образомъ торгуются нѣсколько времени, обыкновенно молча, посредствомъ знаковъ. Если сойдутся въ цѣнѣ, то каждая изъ договаривающихся сторонъ кладетъ свое клеймо на концѣ палочки, которая затѣмъ раскалывается пополамъ: одна половина берется сватомъ, другая тестемъ. Такъ заключается свадебный договоръ, и по заключеніи его женихъ входитъ въ чумъ; если же дѣло не уладится, то женихъ такъ и уѣзжаетъ, не показавшись въ чумѣ невѣсты [1]).

При заключеніи договора женихъ даетъ своему будущему тестю въ задатокъ нѣсколько оленей. Если женихъ откажется отъ своего предложенія, то задатокъ пропадаетъ. Если же откажется отъ заключенія сдѣлки отецъ невѣсты и отдастъ свою дочь за другаго, то обязанъ заплатить жениху за безчестье вдвое противъ задатка.

По окончаніи сватовства, отецъ невѣсты ѣдетъ въ чумъ жениха за полученіемъ платы. Но женихъ отдаетъ ему не всѣхъ оленей, а половину или двѣ трети ихъ, оставляя прочихъ до полученія невѣсты и ея приданаго.

Обряды, сопровождающіе заключеніе брачнаго союза, у разныхъ Самоѣдовъ нѣсколько различны, но обыкновенно очень просты. Сущность ихъ есть угощеніе водкой, до которой такъ падки Самоѣды, и безъ которой немыслима свадьба. При сватовствѣ дѣлается условіе, сколько должна каждая сторона поставить вина; обыкновенно ставятъ по ровну. На бѣдныхъ свадьбахъ покупается каждою стороной по одному ведру, и гостей бываетъ въ такомъ случаѣ немного, 10—15 человѣкъ. Но на богатыхъ свадьбахъ ставятъ ведеръ по десяти, и тогда приглашается много народу.

Пьютъ всѣ безъ исключенія, затѣмъ начинается повальная драка; а когда выпьютъ всю водку, то пиръ оканчивается, и гости, съ подбитыми глазами и изуродованными лицами, разъѣзжаются по домамъ [2]).

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 126—127; *Кастренъ* въ *Современникѣ* 1845 г., № 10.

[2]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* 1846 г., № 10.

Пируютъ и у жениха, и у невѣсты. Особенно торжественно справляется день на канунѣ окончательнаго заключенія брачнаго союза. Вотъ какъ описываетъ обряды этого дня и слѣдующаго Лепехинъ, изучавшій бытъ Самоѣдовъ еще въ прошломъ столѣтіи: Женихъ, собравъ своихъ родственниковъ и пріятелей, пріѣзжаетъ къ невѣстѣ. Всѣ входятъ въ чумъ подъ предводительствомъ свата. Женщины, сидящія по обѣимъ сторонамъ входа, не пускаютъ гостей, пока сватъ не броситъ имъ по лоскутку сукна или чего-либо другаго. Затѣмъ всѣ усаживаются по мѣстамъ. Между тѣмъ хозяинъ давитъ оленя: мясо его варитъ для гостей, а кожу отдаетъ свату. Потомъ начинается пиршество. Всѣ присутствующіе угощаются виномъ; первая чарка принадлежитъ свату, вторая жениху и невѣстѣ, а дальше прочимъ гостямъ по порядку. Послѣ того принимаются за ѣду: нѣсколько кусковъ мяса подается особенно жениху и невѣстѣ, которые и ѣдятъ его вмѣстѣ. По окончаніи пиршества всѣ гости расходятся на ночлегъ по своимъ чумамъ, только одинъ женихъ остается въ чумѣ у невѣсты, не имѣя надъ нею однакоже никакихъ супружескихъ правъ. На другой день уѣзжаетъ онъ въ свой чумъ и посылаетъ мать или старшую изъ родственницъ за невѣстой. Отецъ и мать невѣсты приготовляютъ дочь къ жениху, укладываютъ въ санп приданое, запрягаютъ оленей, которые всегда бываютъ изъ числа женіховыхъ, выбранныхъ по одному изъ каждаго десятка подъ приданое съ наддачею одного за котелъ, полученный съ оленями отъ жениха. Когда невѣста пріѣзжаетъ въ чумъ жениха, то ее встрѣчаютъ родственницы и знакомыя; онѣ становятся въ два ряда, между которыми проѣзжаетъ свекровь, а за нею невѣста на двухъ отдѣльныхъ, но связанныхъ между собою саняхъ. Между тѣмъ, стоящія по сторонамъ женщины бросаются къ санямъ невѣсты со словами: „Зачѣмъ лежишь? Сиди прямо: отецъ живъ и мать жива“, хватаютъ ее за лицо, говоря: „Пригоже лицо“. Такимъ образомъ свекровь провозитъ невѣсту три раза вокругъ чума, затѣмъ уводитъ въ чумъ и вручаетъ своему сыну, чѣмъ и окапчивается свадьба. Съ этого дня начинается у Самоѣдовъ общее ложе, если оба лица находятся въ совершенномъ возрастѣ. Въ противномъ же случаѣ бываетъ запрещеніе на годъ и болѣе.—Г. Ислави̇нъ, изучавшій Самоѣдовъ въ половинѣ нынѣшняго вѣка, описываетъ обряды, сопровождаю-

щіе заключеніе брачнаго союза, нѣсколько иначе: Въ сумерки, по окончаніи пиршества у невѣсты, гости начинаютъ разъѣзжаться, всѣ, даже родные, выходятъ изъ чума и оставляютъ въ немъ только однихъ обрученыхъ. Послѣ полуночи женихъ долженъ выйти изъ чума, такъ чтобы никто не замѣтилъ, запречь своихъ оленей и уѣхать домой. На другой день сватъ, какъ главный распорядитель, снова является къ отцу невѣсты и сговаривается съ нимъ о днѣ свадьбы: созываютъ гостей и ѣдутъ въ невѣстинъ чумъ, гдѣ уже собралась вся ея родня, которая придерживаетъ двери изнутри какъ можно крѣпче и не пускаетъ женихових гостей до тѣхъ поръ, пока сватъ не подаритъ лисицу или песца, смотря по состоянію жениха. Если подарокъ понравится, то двери чума раскрываются, всѣ гости влѣзаютъ туда и садятся въ кружокъ по старшинству, женихъ рядомъ съ невѣстой. Послѣ угощенія, состоящаго изъ сырой оленины и вина, сажаютъ невѣсту на сани, покрываютъ одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ суконъ; къ ея санямъ привязываютъ нѣсколько саней съ приданымъ, и длинымъ поѣздомъ, съ возможною скоростью, обвозятъ ее, сперва вокругъ чума отца ея, а потомъ три раза вокругъ женихова чума, гдѣ родственницы жениха и гость, ставъ въ два ряда, встрѣчаютъ ее радостными кликами. Свекровь вручаетъ сыну молодую жену, и тѣмъ оканчивается свадьба [1]). Крещеные вѣнчаются, когда прикочевываютъ къ селеніямъ, какъ уже было сказано.

Выкупъ, даваемый за невѣсту и обыкновенно довольно значительный, соразмѣряется съ достоинствами невѣсты и богатствомъ жениха. Достоинствами невѣсты считается ея богатое приданое, молодость и красота. Это послѣднее условіе также немало значитъ. Дѣвушка, которая имѣетъ, по словамъ самоѣдской пѣсни, „маленькіе глазки, широкое лицо и румянецъ, похожій на утреннюю зарю передъ непогодой, прямой носъ и вывороченныя ножки,“ то-есть, всѣ характеристическія черты самоѣдскаго идеала женской красоты, цѣнится дорого. Плата за невѣсту дается всегда оленями, сверхъ которыхъ прибавляютъ иногда шкуры песцовъ, лисицъ и другіе предметы. Вотъ какъ велика плата за невѣсту у Самоѣдовъ раз-

---

[1]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* 1846 г., № 10.

ныхъ состояній: Богатые даютъ—по 100 и по 200 оленей; кромѣ того 100—200 песцовъ, 1—2 черпобурыхъ или 10 красныхъ лисицъ, 3 саженп тонкаго алаго, синяго пли желтаго сукна, 1 мѣдный котелъ. Самоѣды средняго состоянія: отъ 25 до 50 оленей, 25—50 песцовъ, 1 — 2 красныхъ лисицъ, 3 саженп недорогого сукна, 1 мѣдный котелъ. Бѣдные даютъ: отъ 10 до 20 оленей пли деньгамп отъ 7 до 15 рублей серебромъ [1]). Такъ дѣлается у Самоѣдовъ Большеземельской тундры. Въ другихъ мѣстахъ вовсе не даютъ денегъ, а плата производится исключительно оленями отъ 10—100 штукъ. Женщина, выходящая замужъ вторично, цѣнится уже гораздо ниже.

Въ замѣнъ платы родители невѣсты снабжаютъ ее приданымъ. Приданое состоитъ изъ чума съ *покамп* (оленьи шкуры, которымп покрывается чумъ), женскаго платья, хлѣба, масла, олепины, одѣяла, постели и пр. Приданое складывается на санки, чпсло которыхъ пропорціопально числу оленей, данныхъ женихомъ за невѣсту; именно, на каждый десятокъ оленей полагаются одпѣ санки. (Надо замѣтить, что самоѣдскій десятокъ равняется нашему чпслу девять, такъ что если назначено дать за невѣсту 100 оленей, то дается десять десятковъ, то-есть, 9×9=81). Одинъ изъ пары оленей, которыми запряжены санки, выбпрается изъ чпсла оленей, данныхъ женихомъ за невѣсту, и назадъ родителямъ невѣсты тѣ олени не возвращаются. Даются еще двое саней, изъ которыхъ одпѣ съ мужскою одеждой и снарядами для промысловъ, вещами, предназначенными въ подарокъ жениху, па другихъ ѣдетъ невѣста. Сверхъ приданаго, замужняя дочь имѣетъ право въ концѣ каждаго года пріѣзжать къ отцу и брать у него одного оленя.

Приданое у Самоѣдовъ пріобрѣтается отцемъ и считается его собственностью, потому что все имущество Самоѣдовъ находптся въ полномъ распоряженіи мужчинъ.

Приданымъ не можетъ безусловно распоряжаться жена, но распоряжается имъ мужъ.

Если жена умретъ вскорѣ послѣ замужества и не останется отъ нея дѣтей, тогда приданое возвращается ея отцу пли роднымъ,

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 128.

выдавшимъ ее замужъ, а выкупъ, данный за невѣсту, идетъ обратно. Когда же жена оставитъ послѣ себя дѣтей, то приданое остается у мужа, обязаннаго вскормить дѣтей.

Жены имѣютъ собственности крайне мало. Если отецъ даритъ замужней дочери оленей, то эти олени поступаютъ въ ея полную собственность, и она клеймитъ ихъ по своему. У богатыхъ мужей жена бываетъ иногда въ правѣ продать убитаго *пыжика* (шкурка молодаго оленя), *тимы* (обувь) или *камусы* (кожа съ лапъ оленя) и взять деньги въ свою пользу. Но это рѣдкое исключеніе. Общее правило, что мужъ распоряжается всѣмъ имуществомъ жены, продаетъ и покупаетъ по собственному усмотрѣнію, не смотря на то, что женщина въ семьѣ работаетъ сколько есть силъ, несравненно больше мужчины.

У Самоѣдовъ-язычниковъ бракъ есть союзъ временный, обязательный лишь до тѣхъ поръ, пока супруги хотятъ жить вмѣстѣ. Въ противномъ случаѣ, они его безъ всякихъ трудностей разторгаютъ, получая полную свободу заключать новые брачные союзы. Если мужъ заподозритъ жену въ невѣрности, или если она почему-либо ему не понравится, то онъ отсылаетъ ее къ родителямъ, иногда же преслѣдуетъ ее до того, что та сама бросаетъ его и уходитъ къ отцу, и уходя, забираетъ свое имущество. Если же нѣтъ родителей, то она ходитъ по чужимъ людямъ, нищенствуетъ. Когда мужъ самъ отсылаетъ жену, то олени, которыхъ онъ за нее заплатилъ, не возвращаются ему, а остаются во владѣніи тестя. Если жена оставляетъ мужа по своему желанію, то отецъ ея долженъ возвратить мужу оленей [1]). По словамъ г. Шренка, приданое жены, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, остается у мужа [2]). У Самоѣдовъ-христіанъ развода не бываетъ, такъ какъ онъ сопряженъ съ большими затрудненіями, но супруги тѣмъ не менѣе сохраняютъ полную свободу расходиться въ случаѣ неудовольствій, и дѣйствительно, часто расходятся.

Начальникъ Уральской экспедиціи г. Гофманъ передаетъ нѣсколько случаевъ того, какъ самоѣдскія женщины обращались къ нему съ просьбой уладить ихъ супружескія отношенія. Описывая

---

[1]) *Лепехинъ*, стр. 223.

[2]) Путешествіе, I, стр. 478.

свое пребываніе на р. Карѣ, онъ говоритъ: „Въ чумѣ нашего, еще не крещенаго хозяина жила, съ тремя маленькими дѣтьми своими, одна его родственница, которую мужъ прогналъ отъ себя, чтобы жениться на другой, которая, съ своей стороны также оставила мужа и маленькаго ребенка. Отверженная жена пожаловалась на свое несчастье Чупрову (Зырянинъ, провожавшій экспедицію) и сказала, что она была бы готова воротиться къ своему мужу, и что другой мужъ также радъ бы былъ принять опять свою жену къ себѣ, потому что у него нѣтъ довольно достатка для покупки другой жены. Чупровъ просилъ меня привести въ порядокъ дѣла этихъ семействъ, именно, чтобъ я призвалъ въ чумъ, въ которомъ буду завтра ночевать, Самоѣда съ его красавицей и приказалъ ему принять къ себѣ опять первую жену съ ея дѣтьми, а забывшую свою обязанность красавицу возвратить ея мужу. Я возразилъ на это, что не имѣю никакого права на такія распоряженія, да и Самоѣды едва ли меня послушаются. „Худо же ты знаешь Самоѣдовъ“, отвѣчалъ Чупровъ,—„они всегда трусливы, а особливо когда чувствуютъ себя неправыми; прикрикни только хорошенько и пригрози, что онъ будетъ сидѣть съ своею любезною въ Мезенской тюрьмѣ, онъ тотчасъ послушается, а ты сдѣлаешь доброе дѣло“. Я позволилъ Чупрову завернуть мимоѣздомъ на возвратномъ пути къ Самоѣду, позвать его къ завтрашнему вечеру ко мнѣ на судъ и объявить достойной четѣ, что̀ ее ожидаетъ, если она мнѣ не покорится. Эта угроза имѣла надлежащее дѣйствіе. Бѣдняга даже не явился ко мнѣ, но г. Брантъ въ послѣдствіи мнѣ разказывалъ, что онъ на другой день пріѣхалъ съ любовницей въ чумъ къ своей женѣ и просилъ ее воротиться въ его шалашъ. но первый разъ безъ дѣтей. Другую жену обѣщалъ онъ было отвезти послѣ къ ея мужу. Тутъ Самоѣдка вооружилась всѣми своими правами, прочитала мужу длинную проповѣдь и объявила, что она тогда только воротится къ нему, когда другая жена будетъ отвезена домой, но и то воротится не безъ дѣтей. Все это составило очень патетическую сцену; послѣ того Самоѣдъ взялъ въ чумѣ ружье, какъ бы для того, чтобы застрѣлить на тундрѣ крестоватика, и уѣхалъ съ своею красавицею, но часа черезъ два воротился хромой и окровавленный, разказалъ своей женѣ, что онъ хотѣлъ съ горя застрѣлиться, и потомъ они всѣ трое отправились въ его чумъ, оставя

дѣтей, которыхъ впрочемъ, черезъ два дня также забрали... Во всякомъ случаѣ, онъ не намѣренъ былъ лишать себя жизни, потому что самоубійцы наносятъ себѣ ударъ въ болѣе опасную часть тѣла чѣмъ пятка".

Далѣе г. Гофманъ, разказываетъ слѣдующее: „Во время пребыванія на р. Ойо одна женщина Самоѣдка подошла ко мнѣ съ переводчикомъ и принесла на своего мужа жалобу, въ томъ, что онъ воръ, мошенникъ и большой негодяй, который колотитъ ее, не жалѣя ни ея, ни дѣтей, такъ что оставаться у него долѣе тяжело для ея совѣсти, не говоря ужь о непріятности побоевъ, и потому она проситъ меня позволить ей бросить его. Это было требованіе совершенно противоположное карскому: тамъ я долженъ былъ соединять, здѣсь разлучать. Я велѣлъ сказать ей, что не могу ничего ни позволять, ни запрещать, но думаю, что она, по всѣмъ правиламъ, можетъ оставить мужа, если онъ колотитъ ее. Она пожелала, чтобъ я далъ ей этотъ отвѣтъ на бумагѣ; это мнѣ показалось слишкомъ по цивилизованному, и я, чтобъ узнать причину такого желанія, спросилъ ее, отчего она больше затрудняется разлукою съ мужемъ, нежели прочіе земляки ея. На это она отвѣчала съ совершенною наивностью: мы оба окрещены и обвѣнчались въ церкви, иначе я никого не стала бы просить о разводѣ; меня и теперь хочетъ взять къ себѣ другой. Это послѣднее обстоятельство, вѣроятно, было гораздо побудительнѣйшею причиною къ настоящей ея просьбѣ, чѣмъ тяжелые кулаки ея мужа и ея чувствительная совѣсть; но мнѣ было утѣшительно узнать, что усиліями миссіи положена наконецъ нѣкоторая преграда нравственной необузданности этого полудикаго племени".

Еще тотъ же авторъ сообщаетъ: „неразрывные браки Самоѣдамъ язычникамъ непзвѣстны. Жена оставляетъ мужа, если ей другой понравится больше; мужъ прогоняетъ жену и ребенка изъ своего чума и не заботится о ихъ участи, если только можетъ замѣнить ее другою. Этимъ-то и объясняется, почему они боятся крещенія: оно положило бы на нихъ неразрывные брачные узы. Еще до брака обращеніе между собою двухъ половъ не возбранно, и на дѣвушекъ, выростающихъ безъ ребенка, смотрятъ съ нѣкоторою недовѣрчивостью" [1]).

[1]) Сѣверный Уралъ *Гофмана*, II, 152, 158 и 206.

2. Юридическія отношенія членовъ семьи вообще.

Самоѣды-язычники не знаютъ ни именъ, ни фамилій, а имѣютъ только прозвища. Прозвища совершенно зависятъ отъ произвола родителей даже стороннихъ людей и даются болѣе соображаясь съ замѣченными въ младенцѣ особыми свойствами или недостатками, съ мѣстомъ рожденія его или же съ событіями, сопровождающими его на свѣтъ. Г. Иславинъ приводитъ въ примѣръ слѣдующія прозвища, мужскія: Ачеканъ—ребенокъ, Ненчійко—человѣкъ, Тарко—мохнатый, Барми—черный, Ваталя—лишній, Ньяруэй—бѣлый, Яргадъ—плакса, Ханю—мерзлый, Тагана—хворый, Сармикъ—волкъ, потому что оказался воромъ, Тенеко—лисичка, потому что родился въ день счастливаго улова лисицъ, Пайга—пеледь, потому что въ этотъ день былъ обильный уловъ пеледей, Мюсь—обозъ, потому что родился во время слѣдованія по тундрѣ оленьихъ обозовъ, Немзя—потому что въ день рожденія ребенка пріѣхалъ въ чумъ Кастренъ, котораго во всемъ Печорскомъ краѣ не иначе звали какъ Нѣмецъ; женскія имена: Солоне—глупая, Нюкце—дитя, Нѣко—дѣвка, Пирибтѣ—дѣвица, Майда—хромая, Янчей—кривая. Крещеные Самоѣды носятъ обыкновенно два имени: русское и самоѣдское, а некрещеный Самоѣдъ, если богатъ, вмѣняетъ себѣ въ особую честь, когда Русскій дастъ ему русское имя; тогда онъ считаетъ его крестнымъ отцомъ своимъ и ежегодно даритъ лучшаго оленя изъ стада [1]). Въ оффиціальныхъ бумагахъ обыкновенно крещеные Самоѣды пишутся только именемъ и отчествомъ, иногда и фамиліей, или именемъ и родомъ, напримѣръ Иванъ Васильевъ, Петръ Михайловъ Ардѣевъ, Григорій Васильевъ роду Выучейскаго, Савва Хатанзей—Тысьи, Анна Логейская и т. п.

Самоѣды живутъ небольшими семьями, такъ какъ они очень любятъ дѣлиться. Сколько-нибудь состоятельный отецъ, послѣ женитьбы сына, тотчасъ старается отдѣлить его въ особый чумъ. Иногда отдѣлившіеся живутъ своимъ совершенно особеннымъ хозяйствомъ; иногда же, хотя и отдѣляются въ особый чумъ, но продолжаютъ составлять общую съ родителями семью, имѣютъ съ ними общій трудъ, домоводство и пропитаніе.

---

[1]) *Иславинъ,* стр. 122-123.

Причиною раздѣловъ и отдѣловъ бываютъ семейныя неудовольствія и распри, которыя обыкновенно не доходятъ до суда, а кончаются тѣмъ, что недовольные уходятъ въ отдѣльный чумъ; если же помирятся, то опять сходятся жить вмѣстѣ. Дѣлежъ имѣнія производится также всегда миролюбивымъ семейнымъ образомъ.

Впрочемъ иногда въ одномъ чумѣ помѣщаются довольно большія семьи. Такъ одинъ Самоѣдинъ сообщалъ, что въ его чумѣ живетъ 11 человѣкъ: онъ съ женой, женинъ братъ съ женой, сестра его съ мужемъ, и кромѣ того, дѣти.

Родители у Самоѣдовъ пользуются большимъ уваженіемъ. Это уваженіе выражается наглядно въ мѣстѣ, какое они, по обычаю, занимаютъ въ чуму: они всегда сидятъ по правую сторону очага, между тѣмъ какъ дѣти занимаютъ лѣвую [1]). Всѣмъ имуществомъ семьи распоряжается отецъ; однако не отдѣленные сыновья имѣютъ иногда свою отдѣльную собственность, которая отъ нихъ вполнѣ зависитъ [2]). По смерти отца власть переходитъ къ старшему брату; если же тотъ не умѣетъ вести хозяйство, то и къ одному изъ меньшихъ, кто окажется способнѣе.

Вообще, преимущество распоряженія имуществомъ всегда принадлежитъ мужчинѣ, а не женщинѣ. Между тѣмъ она принимаетъ большое участіе въ накопленіи этого имущества. Правда, она проводитъ большую часть своего времени въ чумѣ, дома, тогда какъ мужчина чаще бываетъ внѣ дома; Самоѣдинъ ѣздитъ на промыслы, пасетъ оленей и т. п. Но обязанности женщины гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ обязанности мужчины. При постоянныхъ перекочевкахъ весь трудъ перенесенія жилищъ возложенъ исключительно на женщину. Она должна каждый разъ убрать и раскласть чумъ, устроить его: укласть землею и мхомъ или снѣгомъ, устлать полъ коврами, сплетенными изъ прутьевъ березы, накинуть на ковры оленьи шкуры и т. п. [3]). Устроивъ чумъ, онѣ принимаются за разнообразную домашнюю работу, кото-

---

[1]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* въ 1846 г. № 10.

[2]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* въ 1845 г. № 7.

[3]) *Иславинъ*, стр. 24, 33. *Шренкъ* говоритъ, что лѣтомъ Самоѣдъ нѣсколько недѣль употребляетъ на охоту за гусями и на рыбныя ловли, зимой посѣщаетъ свои песцовыя ловушки, въ остальное же время въ праздномъ покоѣ грѣется у огня, оставляя свои стада безъ призрѣнія; Путеш., I, стр. 474.

рой такъ много, что имъ не приводится никогда сидѣть безъ дѣла, тогда какъ мужчины проводятъ все время, свободное отъ промысловъ, совершенно праздно. Женщины приготовляютъ пищу, чистятъ посуду, заготовляютъ дрова, разводятъ огонь, запасаютъ воду, въ свободное время обдѣлываютъ оленьи шкуры, шьютъ чумы, мужское и женское платье всякаго рода, выдѣлываютъ мягкую рухлядь и т. п. Часто также помогаютъ мужьямъ и на морскихъ промыслахъ [1]).

Но не смотря на то, что дѣятельность женщины такъ существенно необходима и важна для поддержанія хозяйства Самоѣдина, сама женщина не пользуется никакимъ уваженіемъ со стороны мужчины. Она считается существомъ нисшимъ, даже нечистымъ, поганымъ. Во многихъ самоѣдскихъ обычаяхъ выражается презрѣніе къ женщинѣ. Она не можетъ переходить за черту *синикуя* (священное мѣсто, напротивъ дверей, занимаемое божкомъ), а должна обходить это мѣсто, какъ бы ни былъ обходъ этотъ неудобенъ. Переступить черезъ синикуй значитъ опоганить святыню, и самоѣдскія женщины строго чтутъ этотъ обычай. Нарушеніе его непремѣнно навлекло бы, по понятіямъ Самоѣдовъ, какую-нибудь бѣду, и предупредить ее можно только, бросивъ въ синикуй горящій уголекъ, такъ какъ „огонь все очищаетъ“ [2]). Еще больше удерживается Самоѣдка, чтобы не переступить черезъ огонь; переступленіе это было бъ еще большимъ несчастьемъ, такъ какъ огонь пользуется у Самоѣдовъ большимъ уваженіемъ. Вообще всякая вещь, черезъ которую переступитъ женщина, считается нечистою и должна быть окуриваема для очищенія вереском или оленьимъ саломъ. Если женщина перейдетъ дорогу, по которой Самоѣдинъ-язычникъ везетъ сани со своими божками, то онъ возвращается и объѣзжаетъ то мѣсто, по которому прошла женщина. Постель, на которой спитъ женщина, считается нечистою; самыя сани, на которыхъ перевозятся женскія постели, считаются до того погаными, что ни одинъ Самоѣдинъ не сядетъ на нихъ, а если бы присѣлъ Русскій, то надъ нимъ смѣются и называютъ поганымъ [3]).

---

[1]) *Лепехинъ*, стр. 117; *Ислáвинъ*, 33.

[2]) *Ислáвинъ*, стр. 33.

[3]) *Лепехинъ*, стр. 115—117.

Женщина, какъ существо нечистое, не можетъ присутствовать въ чумѣ, гдѣ *тадибей* (шаманъ) приготовляетъ свой *пензеръ* (волшебный барабанъ). Она не можетъ присутствовать при обрядѣ жертвоприношеній и ѣсть мяса жертвеннаго животнаго, а также не можетъ прикасаться къ божку. Имъ также воспрещается ѣсть мясо тѣхъ животныхъ, которыя считаются у Самоѣдовъ священными, напримѣръ, медвѣдей [1]). Если у язычниковъ Самоѣдовъ приходилось женщинѣ переѣзжать черезъ священную рощу, то чтобы не осквернить ее, женщина должна была, прежде вступленія въ эту рощу, сорвать лоскутокъ сукна съ своей одежды, пуговицу или какое-нибудь другое украшеніе и привѣсить на дерево. Крещеные Самоѣды, само собою разумѣется, не соблюдаютъ многихъ изъ этихъ обрядовъ, имѣющихъ мѣсто только у язычниковъ, отстаютъ также и отъ обычая окуривать будто бы опоганенныя женщиною вещи, но все-таки продолжаютъ считать женщину нечистою. Особенно же нечистою считается родильница. Для нея ставится особый чумъ, который называется *сямай мядико*, то есть, поганый чумъ. Въ этотъ чумъ никто не входитъ, кромѣ родильницы и женщины, исправляющей обязанность повивальной бабки, которыя напротивъ не выходятъ изъ него, пока не очистятся, обмывшись щелокомъ изъ березовыхъ губокъ [2]). Если нѣтъ особаго чума, то женщина родитъ и въ общемъ, но тогда бабка очищаетъ и чумъ, и людей, находящихся въ немъ, кропя водой, въ которой сварена березовая губка. Въ продолженіе восьми недѣль родильница считается столь нечистою, что не можетъ даже раздѣлять пищи съ мужемъ. Когда пройдетъ этотъ срокъ, ее окуриваютъ оленьимъ саломъ или верескомъ, а чумъ переносятъ на другое мѣсто. Если женщина случайно родила въ саняхъ, то тѣ сани сжигаются; олени, которые были впряжены, убиваются, а мясо ихъ отдается собакамъ [3]).

Вообще, положеніе самоѣдскихъ женщинъ очень тягостно и унизительно. Онѣ не могутъ даже принимать участія въ пиршествѣ своихъ мужей: если заколютъ оленя, то мужчины сначала насыщаются, а потомъ приступаютъ къ трапезѣ женщины, кото-

---

[1]) *Шренкъ*, I, стр. 407 и 408.

[2]) *Ислависнъ*, стр 121.

[3]) *Лепехинъ*, стр. 116—117.

рыя должны довольствоваться объѣдками [1]). Даже русская женщина, болѣе чистая, по понятіямъ Самоѣдовъ, не можетъ раздѣлять пиршества съ мужчинами. Кастренъ, присутствовавшій на самоѣдской свадьбѣ съ женой священника, разказываетъ, что онъ едва могъ убѣдить хозяина чума, чтобы тотъ пригласилъ и его спутницу пить чай вмѣстѣ [2]). Когда мужчина пьетъ водку, Самоѣдка, такая же страстная охотница до нея, только смотритъ ему въ глаза и ждетъ, не удѣлитъ ли онъ ей хоть немножко [3]). Будь Самоѣдка матерью, женой или дочерью—всегда ея положеніе тяжело и полно унизительной зависимости отъ мужчины, который столько ей обязанъ. Но изъ всѣхъ положеній самоѣдской женщины самое тяжелое есть положеніе жены, особенно у Самоѣдовъ-язычниковъ, гдѣ допускается многоженство. Мужъ съ женой всегда обращается грубо [4]), да и не можетъ быть иначе при ихъ взглядахъ на женщину. Тяжесть же положенія женъ еще увеличивается соперничествомъ, которое естественно возникаетъ между ними, такъ какъ каждая изъ нихъ желаетъ преобладанія надъ прочими; мужъ обыкновенно не вмѣшивается въ дѣла своихъ женъ, предоставляя имъ самимъ вѣдаться, какъ знаютъ. Изъ женъ бо́льшимъ уваженіемъ, а слѣдовательно, и большимъ правомъ на власть и преобладаніе, пользуется первая жена. Если у Самоѣдина нѣсколько женъ, то онѣ чередуются между собою въ ухаживаніи за мужемъ. Дежурная жена должна убирать чумъ, стлать постель, одѣвать и раздѣвать мужа, сушить *лопты* (родъ обуви) и проч.; дежурство продолжается обыкновенно недѣлю [5]). Самоѣдская женщина такъ свыклась со своимъ положеніемъ полной зависимости, такъ мало имѣетъ понятія о чемъ-либо лучшемъ, что для нея угодить мужу есть главная цѣль жизни, первый предметъ ея мыслей, заботъ и желаній. Сама она совершенно обезличивается, теряетъ даже способность самостоятельно желать и чувствовать, что́ очень хорошо видно изъ слѣдующаго разказа Кастрена: Этотъ путешественникъ взялъ для изученія самоѣдскаго языка

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 35.

[2]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* 1846 г. № 10.

[3]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* 1845 г. № 7.

[4]) *Иславинъ*, стр. 130.

[5]) Отчетъ коммиссіи по изслѣдованію Печорскаго края.

толковато Самоѣдина съ семействомъ и всѣми сплами старался привязать его къ себѣ, чтобы удержать подольше; но тотъ все скучалъ о своей тундрѣ. „Мужъ былъ постоянно занятъ мною; жена шила самоѣдскія платья и иногда помогала мужу въ переводѣ. Я часто слышалъ, какъ она часто вздыхала, и когда я однажды спросилъ о причинѣ ея грусти, она зарыдала и отвѣчала со слезами, что тоскуетъ о своемъ мужѣ, который долженъ жить взапертп. „Твоему мужу“ возразилъ я,—„не хуже, чѣмъ и тебѣ самой. Скажи, какъ ты сама довольна своимъ положеніемъ?“ „Я не думаю о себѣ; я тужу только о своемъ мужѣ“, былъ простодушный отвѣтъ [1]).

Женщина у Самоѣдъ почти не имѣетъ права собственности, такъ какъ даже ея приданое находится въ полномъ распоряженіи мужа, какъ было сказано выше.

Впрочемъ, женщина, какъ мать, пріобрѣтаетъ нѣкоторое значеніе и за смертью мужа, до возраста дѣтей, управляетъ всѣмъ чумомъ и имуществомъ на правахъ полной хозяйки, нанимая для промысловъ и другихъ работъ внѣ дома работника.

Послѣ смерти матери, ея приданое имущество не поступаетъ дочерямъ, какъ обыкновенно, но сыновьямъ; дочерямъ же достается только незначительная часть.

Незаконнорожденныя дѣти пользуются у Самоѣдъ такими же правами, какъ и законныя. Но если мужъ узнаетъ, что родившійся ребенокъ не его, то случается, отсылаетъ жену и съ ребенкомъ къ ея родителямъ.

Усыновленіе также извѣстно Самоѣдамъ; усыновленные пользуются всѣмъ имуществомъ усыновителя.

3. Опека и попечительство.

Попеченіе о спротахъ обыкновенно берутъ на себя ближніе или дальніе родственники, которые считаютъ это прямою своею обязанностью. Они кормятъ и одѣваютъ спротъ, если у тѣхъ даже нѣтъ никакого имущества [2]). Если же есть имущество, то берутъ

---

[1]) *Современникъ*, 1846 г., № 10.

[2]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* № 1846 г., № 10.

его въ свое распоряженіе и при совершеннолѣтіи спротъ отдаютъ имъ имущество сполна, въ цѣлости, съ прибыткомъ или приплодомъ, если онъ окажется. Если же сами родственники, по какимъ-либо причинамъ, не могутъ держать малолѣтнихъ у себя, то отдаютъ ихъ въ постороннія руки съ условіемъ платить за ихъ вскормленіе до возраста; платятъ обыкновенно по опредѣленному числу оленей въ годъ.

4. Способы пріобрѣтенія собственности.

О клеймахъ. У Самоѣдовъ въ общемъ употребленіи клейма. Каждое изъ семействъ имѣетъ свое собственное клеймо, которое передается по наслѣдству изъ рода въ родъ, при чемъ родственники, напримѣръ, родные братья дѣлаютъ маленькія измѣненія; эти клейма бываютъ вымышленныя, фантастическія. Теперь входятъ въ употребленіе клейма именныя, то-есть, начальныя буквы имени и фамиліи.

Именныя клейма преобладаютъ у Самоѣдовъ Тиманской и Канинской тундръ, имѣющихъ болѣе частыя сношенія съ Русскими [1]). Такъ какъ Самоѣды не имѣютъ письменности, то они употребляютъ свои клейма вмѣсто подписей при рукоприкладствахъ на всѣхъ прошеніяхъ, жалобахъ и т. п. бумагахъ, также ставятъ на биркахъ, которыя отдаетъ должникъ своему кредитору вмѣсто росписки и пр. Клейма служатъ и вмѣсто печати; ихъ прикладываютъ къ убитой и оставленной добычѣ, чтобы никто не воспользовался ею въ отсутствіе хозяина [2]). Много и другихъ примѣненій имѣютъ клейма, но самое изъ нихъ распространенное—это приложеніе клеймъ на оленяхъ. Богатые клеймятъ своихъ оленей на спинѣ, а бѣдные клеймятъ уши. Самоѣдскій обычай клеймить оленей вызванъ настоятельною необходимостью имѣть какой-либо способъ отличать своихъ оленей въ большихъ стадахъ, какими они обыкновенно пасутся. Если кто украдетъ оленя, то тотчасъ переклеймливаетъ его посвоему. Такъ Самоѣды пастухи устьцылемскихъ и пустозерскихъ крестьянъ постоянно переклеймливали оленей своихъ хозяевъ и передавали своимъ соотечественникамъ, представляя хозяевамъ, которые совершенно передали оленей въ ихъ распоряженіе, что

---

[1]) *Ислављнъ*, стр. 45.

[2]) *Архангельскія Губернскія Вѣдомости*, 1870 г. № 22.

олени пропадаютъ безъ вѣсти или погибаютъ отъ волковъ; такимъ образомъ значительно уменьшились стада этихъ крестьянъ [1]).

Завладѣніе. Самый распространенный и имѣющій большое вліяніе на благосостояніе Самоѣдовъ родъ завладѣнія есть захваты Зырянами самоѣдскихъ тундръ: объ этомъ было говорено выше, въ статьѣ о юридическихъ обычаяхъ Зырянъ. Кромѣ Зырянъ, и Русскіе дѣлаютъ такіе же захваты тундръ, а также рыболовныхъ мѣстъ: такъ пустозерскіе крестьяне производятъ рыбную ловлю во многихъ озерахъ, находящихся въ тундрѣ и потому принадлежащихъ Самоѣдамъ, и такъ привыкли считать эти озера своею собственностью, что не подпускаютъ къ нимъ настоящихъ владѣльцевъ [2]). То же дѣлаютъ и мезенскіе крестьяне съ Самоѣдами Канинской и Тиманской тундръ.

Находка. Находка вещей не вознаграждается опредѣленною частью: иной, нашедши вещь и возвративши ее хозяину, въ награду выпьетъ водки или возьметъ что-нибудь, другой не беретъ ничего. Такъ одинъ Самоѣдинъ разказывалъ, что онъ нашелъ утраченный совикъ и отдалъ его хозяину безъ всякаго вознагражденія. На звѣриныхъ промыслахъ нашедшій мертваго звѣря, убитаго, напримѣръ, въ устьѣ рѣки и унесеннаго ея теченіемъ, получаетъ половину этого звѣря, другая же половина принадлежитъ охотнику, который убилъ звѣря, настоящему хозяину добычи.

Дареніе. У Самоѣдовъ въ большомъ употребленіи обычай дѣлать подарки. Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и торжественныхъ случаяхъ жизни подарки обязательны. Невѣста, отправляясь въ чумъ жениха, везетъ ему подарки, состоящіе изъ мужского платья, промысловыхъ снастей и т. п. Родильница послѣ каждыхъ родовъ получаетъ отъ отца оленя [3]). Некрещеный Самоѣдинъ, богатый, считаетъ за особенную для себя честь, если Русскій даетъ ему русское имя; этого Русскаго считаетъ онъ своимъ крестнымъ отцемъ и даритъ ему ежегодно лучшаго оленя изъ своего стада. Если Самоѣдинъ дѣлаетъ подарокъ сверхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ обычай сдѣлалъ это обязательнымъ,

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 67.

[2]) *Иславинъ*, стр. 86.

[3]) *Иславинъ*, стр. 120.

напримѣръ, даритъ что-нибудь гостю, то ждетъ отплаты и даже требуетъ ея. Такъ Кастренъ разказываетъ слѣдующее: „Хозяйка чума подарила мнѣ рыбу, но въ отплату требовала кольцо съ моего пальца. Я щедро вознаградилъ ее за рыбу, но ничто, кромѣ кольца, не могло удовлетворить Самоѣдку, и она всю ночь сидѣла со слезами на глазахъ въ углу чума“ [1]).

Наслѣдованіе. Отецъ, выдѣлившій сыновей, оставляетъ часть имущества на свою долю и затѣмъ живетъ или у одного избраннаго имъ, или у каждаго изъ сыновей поочередно. Въ первомъ случаѣ участокъ его, послѣ смерти, идетъ къ тому сыну, у котораго онъ жилъ; во второмъ—этотъ участокъ дѣлится между сыновьями поровну. Если при сыновьяхъ есть незамужняя дочь, то и ее обыкновенно не обижаютъ, даютъ и ей часть изъ имущества: если сыновья получаютъ по паю, то ей достается около половины пая.

Имущество матери наслѣдуется ея дѣтьми, преимущественно сыновьями, но часть получаютъ и дочери.

Если жена умретъ бездѣтная, то ея имущество переходитъ къ отцу ея или родственникамъ, напримѣръ, брату, но не мужу.

Имущество бездѣтнаго брата наслѣдуется остальными братьями; незамужняя сестра также пользуется половиной пая.

Словесныя духовныя завѣщанія не имѣютъ силы и всегда оспариваются дѣтьми, если составлены въ ущербъ кому-нибудь изъ нихъ. Самоѣды привыкли къ письменнымъ духовнымъ завѣщаніямъ, которыя составляются на собраніяхъ, записываются писарями и утверждаются свидѣтелями. Это мы говоримъ о Самоѣдахъ Канинской тундры.

У богатыхъ Самоѣдовъ есть дорогія шкуры лисицъ и другихъ звѣрей, которыя считаются неприкосновенною родовою собственностью и передаются въ наслѣдство отъ поколѣнія къ поколѣнію. Этихъ шкуръ они не продаютъ ни за какія деньги, и трудно даже добиться позволенія взглянуть на эти шкуры, очень цѣнныя.

Договоры и сдѣлки. Самоѣды заимствовали отъ Русскихъ обычаи, сопровождающіе заключеніе сдѣлокъ, рукобитье и литки; особенно послѣднія въ большомъ употребленіи. Самоѣды такъ привыкли скрѣплять все водкою, такъ пристрастились къ ней, что ни

---

[1]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* 1846 г., № 10.

одинъ Самоѣдинъ не станетъ торговать съ тѣмъ, кто не поднесетъ ему сперва чарки [1]). Русскій самъ, съ своей стороны, старается всегда вести дѣло съ Самоѣдиномъ при помощи водки. За водку, которую Русскіе оцѣниваютъ обыкновенно въ нѣсколько разъ, а часто даже въ нѣсколько десятковъ разъ выше настоящей ея стоимости, Самоѣды готовы отдать все и заключить какія угодно условія [2]).

Этимъ обстоятельствомъ пользуются Русскіе и Зыряне, чтобы заключать съ Самоѣдами выгодныя для себя сдѣлки и условія всякаго рода. Эти сдѣлки, заключаемыя Самоѣдами въ пьяномъ видѣ, для нихъ также обязательны, какъ еслибы были заключены въ трезвомъ. Сдѣлки касаются не только купли и продажи или мѣны, но часто также найма въ работу, такъ какъ Зыряне и Русскіе охотно нанимаютъ Самоѣдовъ себѣ въ работники. Во многихъ случаяхъ Самоѣды совершенно необходимы имъ, какъ напримѣръ, для пастьбы оленей, на морскихъ промыслахъ и т. п. Эти наймы составляютъ большею частью эксплуатацію Самоѣдовъ нанимателями. Правительство, зная это зло, желало его предупредить и издало Положеніе о разборѣ исковъ по обязательствамъ, заключаемымъ Мезенскими Самоѣдами; положеніе это вошло въ Полное Собраніе Законовъ.

Самоѣдамъ предоставлено явочные наймы въ работу писать на простой бумагѣ. Условія найма не простираются на дѣтей и пріемышей. Срокъ найма не простирается долѣе одного года. Всѣ споры, возникающіе между работникомъ и хозяиномъ, разрѣшаются по силѣ условій. Ежегодно, по окончаніи срока, между работникомъ и хозяиномъ, чинится разчетъ, и если хозяинъ остается должнымъ работнику, то немедленно его удовлетворяетъ. Если мірское общество попуститъ, что работникъ, по окончаніи срока, не получитъ отъ хозяина разчета, или получивъ разчетъ, по оному останется не удовлетвореннымъ,—то по жалобѣ работника, само будетъ подлежать платежу всего иска. Земская полиція обязана имѣть за симъ строгое наблюденіе [3]).

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 81.

[2]) *Архангельскія Губернск. Вѣд.* 1850 г., № 18.

[3]) П. С. З. за 1835 г., № 8072, отд. I, §§ 7, 9, 10, 15 и 20 сказаннаго положенія. *Прим. ред.*

Имъ дозволено дѣлать наймы въ работу и словесно, безъ письменныхъ условій и безъ явки ихъ въ какомъ бы то ни было мѣстѣ; но „таковыя условія, нигдѣ не записанныя и не явленныя, основанныя на одномъ личномъ довѣріи, въ случаѣ не устойки, не подлежатъ никакому судебному разбирательству ни у старостъ самоѣдскихъ, ни въ волостныхъ правленіяхъ, ни въ земскихъ судахъ, ни въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Обѣ стороны могутъ въ сей неустойкѣ разбираться полюбовно черезъ посредниковъ, если обѣ выбрать ихъ согласятся, и сей разборъ есть окончательный; жалобы на него нигдѣ не пріемлются“ [1]). Но этой статьи устава все-таки недостаточно, чтобъ оградить совершенно интересы Самоѣдовъ отъ посягательствъ ихъ сосѣдей. Они нанимали и продолжаютъ напимать Самоѣдовъ на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ, пользуясь бѣдностью Самоѣдина и склонностью его къ водкѣ. Часто случается, что работникъ, нанимаясь къ хозяину Русскому или Зырянину, попадаетъ въ кабалу, изъ которой никакъ не можетъ избавиться; какъ это дѣлается, будетъ сказано ниже. Что̀ значитъ у нихъ наемъ въ работу, можно видѣть изъ названія самостоятельныхъ Самоѣдовъ-оленехозяевъ *вольными*, въ противоположность не имѣющимъ своихъ оленей и потому нанимающимся въ работу [2]). Въ Большеземельской тундрѣ вольныхъ Самоѣдовъ немного болѣе половины всего Самоѣдскаго населенія тундры; другая половина или вовсе не имѣетъ оленей, или же имѣетъ ничтожное количество: тѣ и другіе нанимаются къ Зырянамъ и Русскимъ въ работники, или же скитаются по міру, живя милостынею, „*сидятъ на подомъ*“ по мѣстному выраженію, и называются *подомскими*. Въ работники къ Зырянамъ-оленеводамъ поступаютъ также Самоѣды Тиманской и Канинской тундръ.

Условія, заключаемыя между работникомъ и хозяиномъ, бываютъ различны: степень ихъ выгодности зависитъ отъ способностей работника и отъ того рода занятій, для какого онъ нанимается, а также отъ числа душъ его семейства. Самое обыкновенное изъ условій есть уплата за Самоѣдина подати въ казну и продовольствованіе его и семейства пищей и одеждой. Продовольствованіе ра-

---

1): П. С. З. 1835 г., № 8072 отд. I, § 35.

2). *Ислагинъ*, стр. 71.

ботника стоитъ очень немного, такъ какъ пищу онъ получаетъ самую дурную: поколѣвшихъ или зарѣзанныхъ волками оленей, гнилую или мелкую рыбу и т. п. предметы, не имѣющіе почти никакой цѣнности, исключая хлѣба, котораго Самоѣды ѣдятъ мало. На одежду идутъ лоскутья, остающіеся отъ шитья малицъ на семейство хозяина и на продажу или поношенныя платья. Кромѣ содержанія натурою, работникъ получаетъ еще плату деньгами, но всегда очень незначительную. Эта плата тѣмъ меньше, чѣмъ больше въ семействѣ работника дѣтей и дряхлыхъ стариковъ, слѣдовательно, чѣмъ больше идетъ на него содержанія пищею и одеждою. По вычисленіямъ г. Иславина, хозяинъ платитъ среднимъ числомъ 4 р. 21³/₄ коп. Плата самому способному работнику не превышаетъ 15—18 р. въ годъ. Но Самоѣдину-работнику рѣдко удается получить и эту ничтожную плату; обыкновенно она остается у хозяина; который снабжаетъ его и семейство лишнею одеждою или пищею сверхъ положенныхъ въ условіи, также виномъ, табакомъ и другими вещами, и обыкновенно Самоѣдинъ наживаетъ у хозяина еще большой долгъ. Этого долга Самоѣдину никакъ не удается выплатить, и такимъ образомъ онъ остается въ вѣчной и полной зависимости отъ своего хозяина, не имѣя ни малѣйшей возможности сдѣлать какое-нибудь сбереженіе, которое могло бъ обезпечить его хоть на нѣкоторое время и дать ему возможность найдти болѣе выгодныя занятія. Иногда Самоѣдинъ попадаетъ въ кабалу хозяину за долги своихъ отцовъ, о которыхъ никогда и не слыхивалъ: Русскій или Ижимецъ насильно беретъ Самоѣдина къ себѣ и удерживаетъ его, а бѣднякъ не имѣетъ возможности протестовать и остается такимъ образомъ въ неволѣ. Мы здѣсь говоримъ о хозяевахъ Русскихъ и Зырянахъ, занимающихся оленеводствомъ; они нанимаютъ работниковъ Самоѣдовъ главнымъ образомъ для помощи себѣ въ этомъ занятіи. Первая обязанность такого работника—стеречь оленей своего хозяина; но кромѣ того, онъ исполняетъ еще множество работъ всякаго рода: дѣлаетъ сани, бочки, лодки, шьетъ одежду, занимается для хозяина звѣриными промыслами и т. п. Хозяинъ знаетъ цѣну услугъ Самоѣдина, который въ тундрѣ совершенно необходимъ ему; но онъ знаетъ также, что бѣдняку некуда обратиться, кромѣ него, и потому не видитъ необходимости вознаграждать его заслуги, какъ слѣдуетъ. Иногда въ работники по-

ступаютъ и такіе Самоѣды, которые имѣютъ еще нѣсколько своихъ оленей, десятка два-три. Въ такомъ случаѣ они пасутъ своихъ оленей вмѣстѣ съ хозяйскими, но также рѣдко отходятъ отъ хозяина богаче, чѣмъ были, а обыкновенно проживаютъ даже то, что̀ имѣли, и идутъ нищенствовать. Но недобросовѣстность хозяевъ вызываетъ протестъ со стороны эксплуатируемыхъ, выражающійся въ обманахъ и обкрадываніи хозяевъ, если тѣ недостаточно строго присматриваютъ за своими работниками. Такъ крестьяне Устьцылемской и Пустозерской волостей имѣютъ теперь немного оленей, тогда какъ владѣли прежде большими стадами. Причиною было то, что Самоѣды, которымъ предоставлены были олени въ полное распоряженіе, переклеймливали ихъ и передавали своимъ соотечественникамъ, докладывая хозяевамъ, что олени или поколѣвали, или зарѣзывались волками: между Самоѣдами нѣтъ обычая, чтобы пастухъ отвѣчалъ за скотину, когда ее съѣстъ звѣрь, такъ какъ за этимъ трудно услѣдить, особенно въ темныя осеннія ночи; Самоѣдинъ отвѣчаетъ въ томъ только случаѣ, если убьетъ оленя или искалѣчитъ его съ злымъ намѣреніемъ. Наученные этимъ примѣромъ, хозяева не оставляютъ теперь стадъ безъ всякаго присмотра и завели въ тундрѣ съ этою цѣлью поселенія, избы въ двѣ-три, которыя и сдѣлались центрами мѣновой торговли съ Самоѣдами [1]). Г. Ислависнъ, изъ сочиненія котораго мы заимствовали факты объ отношеніяхъ хозяевъ и работниковъ, говоритъ о Самоѣдахъ Большеземельской тундры; но то же самое повторяется и въ другихъ мѣстахъ. Та же система притѣсненія и взаимнаго обмана господствуетъ и въ отношеніяхъ Самоѣдовъ Тиманской и Канинской тундръ къ хозяевамъ Русскимъ, которые также имѣютъ оленей и нанимаютъ для пастьбы ихъ работниковъ изъ Самоѣдовъ. Вотъ одно рѣшеніе Майденскаго волостнаго суда, разбирающее дѣло между хозяиномъ и работникомъ, отъ 18-го декабря 1867 года: Крестьянинъ деревни Койденской Василій Васильевъ Малыгинъ жаловался волостному суду, что Самоѣдинъ Канинской тундры Петръ Михайловъ Ардѣевъ въ 1866 году нанятъ былъ въ пастухи для пастьбы оленей и по веснѣ того года былъ отправленъ со стадомъ оленей для *лѣтованія* на Канинскую землю. По

---

[1]) *Ислависъ*, стр. 60—68.

отправкѣ туда Петръ, при женитьбѣ брата своего Николая, убилъ собственныхъ Малыгина оленей, двѣ важенки; при этомъ находился племянникъ Василья, Евгеній Малыгинъ. Послѣ сего братъ Петра Василій укралъ важенку и самъ въ похищеніи сознался. Онъ же взялъ *совикъ* подержать и утратилъ съ концомъ; кромѣ того, отдалъ отцу своему Михайлу Ардѣеву 14 оленьихъ тушъ говядины. Посему В. Малыгинъ и просилъ означенныхъ оленей, совикъ и говядину съ Ардѣева взыскать и его удовлетворить. Майденскій волостной судъ вошелъ въ разбирательство этого дѣла и старался склонить тяжущихся къ примиренію, но они не согласились на это, при чемъ Ардѣевъ въ волостномъ судѣ призналъ за собою 5 оленей, совикъ и пять тушъ оленной говядины, которые и обѣщалъ возвратить Малыгину, а остальныхъ за собою не призналъ. Такъ какъ ясныхъ доказательствъ Малыгинъ не представилъ, то волостной судъ опредѣлилъ: признанныхъ Ардѣевымъ за собою пять оленей, совикъ и пять тушъ говядины съ Ардѣева взыскать и оными удовлетворить Малыгина, а въ остальномъ взысканіи предоставить Малыгину отыскивать удовлетвореніе по представленіи ясныхъ доказательствъ.

Пустозеры нанимаютъ себѣ Самоѣдовъ въ пастухи и даютъ имъ относительно хорошее денежное вознагражденіе, до 50 р. въ годъ, и пропитаніе, то-есть, оленье мясо, котораго ѣдятъ вдоволь, частью рыбу и очень немного хлѣба; но за то пастухи занимаются, сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей, промысломъ пушныхъ звѣрей и рыбы въ пользу хозяина [1]).

Русскіе промышленники, жители Мезени и окрестныхъ деревень, а также Пустозерскіе, нанимаютъ еще Самоѣдовъ для охоты на островѣ Колгуевѣ. Весною перевозятъ ихъ на этотъ островъ, снабдивъ пищею, одеждою, оленями для разъѣздовъ и всѣми необходимыми орудіями для промысловъ, и оставляютъ тамъ на зиму. Эти Самоѣды поступаютъ въ работники или за извѣстную плату, или за пай изъ добычи; самые бѣдные — единственно изъ пищи и одежды. Они обязываются заниматься ловлею бѣлыхъ медвѣдей, морскихъ звѣрей, песцовъ, гусей, а также собираніемъ гагачьяго пуху. Весною пріѣзжаютъ на островъ хозяева, которые и

---

[1]) Отчетъ коммиссіи по изслѣдованію Печорскаго края.

остаются здѣсь до половины или конца августа. Они привозятъ Самоѣдамъ водку, при помощи которой заключаются условія на слѣдующій годъ, разумѣется, не клоняціяся къ выгодѣ Самоѣдовъ. Самоѣды иногда попадаютъ также въ кабалу, изъ которой не могутъ высвободиться, и должны жить на островѣ безвыѣздно. Но надо сказать, что Самоѣды, эксплуатируемые безсовѣстно хозяевами, и тутъ не остаются у нихъ въ долгу. Они не отдаютъ хозяевамъ всей упромышленной добычи, укрывая часть ея, которую промѣниваютъ другимъ промышленникамъ [1]).

Русскіе берутъ также Самоѣдовъ въ работники для морскихъ промысловъ. Иногда Самоѣды идутъ изъ-за части добычи, покрута, какъ будетъ сказано ниже; бѣдные же—изъ хлѣба и ничтожной платы [2]).

Самоѣды бѣдные нанимаются въ рабочіе и къ своимъ соотечественникамъ, богатымъ Самоѣдамъ. Условія найма бываютъ различны: иной служитъ только изъ одежды, пищи и уплаты подушнаго (1 р. съ души), иной за плату отъ 5 до 10 р. въ годъ.

Иногда Самоѣдинъ беретъ себѣ рабочаго для какого-либо извѣстнаго дѣла изъ пая. Такъ напримѣръ, одинъ Самоѣдинъ, имѣющій оленей, съ которыми прикочевываетъ каждую зиму къ Архангельску или Холмогорамъ, чтобы катать любителей, разказывалъ, что онъ взялъ рабочаго на такихъ условіяхъ: работать на его оленяхъ, возить пассажировъ и катающихся, все же выручennое на пути изъ Мезени въ Архангельскъ дѣлить пополамъ; содержаніе, то-есть, пищу и пр., имѣть свое.

Если рабочій уходитъ отъ хозяина по винѣ послѣдняго, напримѣръ, когда хозяинъ бьетъ его напрасну, то при отходѣ работника хозяинъ долженъ разчитать его по день отхода. Если же работникъ уходитъ самовольно, то лишается слѣдующей ему платы.

Русскіе и Зыряне не всегда нанимаютъ постоянныхъ работниковъ, но пользуются для своихъ надобностей временною помощью нищихъ Самоѣдовъ, которыхъ они берутъ для исполненія извѣстныхъ работъ; эти послѣдніе обходятся имъ еще дешевле, чѣмъ

---

[1]) *Архангельскія Губ. Вѣд.* 1850 г., № 18.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1857 г., № 45.

постоянные работники, и работаютъ единственно изъ-за куска хлѣба, а не имѣющіе даже собственнаго чума—изъ-за крова. Такіе Самоѣды работаютъ у Зырянъ на замшевыхъ заводахъ и пользуются кровомъ и содержаніемъ до зимы, когда прекращаются работы. Съ окончаніемъ работъ ихъ выгоняютъ изъ жилыхъ избъ; тогда они бродятъ изъ избы въ избу, гдѣ позволяютъ имъ жить короткое время, если нужна ихъ работа. Если жь они не находятъ себѣ работы, то ищутъ прибѣжища у бѣдныхъ своихъ соотечественниковъ. Этихъ Самоѣдовъ нанимаютъ для шитья теплой оленьей одежды (этимъ занимаются женщины, извѣстныя мастерицы въ такой работѣ) или выдѣлки оленьихъ шкуръ; въ лѣтнее время, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ родится хлѣбъ, нанимаютъ женщинъ для полевыхъ работъ, а мужчинъ для домашнихъ крестьянскихъ занятій, для рыбной ловли и морскихъ звѣриныхъ промысловъ. Пользуясь трудомъ этихъ нищихъ Самоѣдовъ, Русскіе и Зыряне не всегда нанимаютъ себѣ постоянныхъ работниковъ, такъ какъ вполнѣ увѣрены, что во всякое время и для всякой необходимой имъ работы найдутъ достаточно дѣльныхъ рабочихъ рукъ, трудъ которыхъ приведется оплатить лишь ничтожнымъ содержаніемъ. Осенью, во время убоя скотины, эти Самоѣды помогаютъ Ижемцу-хозяину бить оленей единственно изъ-за крови и внутренностей животнаго [1]).

Въ Большеземельской тундрѣ существуетъ обычай, по которому богатые даютъ бѣднымъ оленей на подмогу изъ приплода. Бѣдный пасетъ взятыхъ оленей богача, кормится отъ нихъ, а за трудъ пастьбы беретъ часть приплода, остальную же часть его возвращаетъ хозяину вмѣстѣ съ взятыми на подмогу оленями. Въ Канинской же тундрѣ богатые Самоѣды отдаютъ оленей на подержку бѣднымъ на слѣдующихъ условіяхъ: бѣдный беретъ нѣсколько штукъ, напримѣръ, десятокъ неученыхъ оленей и употребляетъ ихъ для ѣзды цѣлый годъ; когда же объѣздитъ ихъ хорошенько, то смирныхъ отдаетъ хозяину и беретъ снова не объѣзженныхъ. Обычай давать оленей бѣднымъ на подержку очень распространенъ, потому что богатые Самоѣды считаютъ себя обязанными помогать бѣднякамъ на томъ основаніи, что ихъ много-

---

[1]) *Ислависъ*, стр. 63—68.

численныя стада вытаптываютъ мохъ въ тундрѣ, общемъ самоѣдскомъ достояніи.

Если падетъ олень, взятый на подержаніе или въ долгъ, то взявшій обязанъ возвратить вмѣсто него другаго.

Такъ относятся Самоѣды другъ къ другу, но не такъ относятся къ нимъ ихъ сосѣди—Зыряне и Русскіе. Имъ также случается ссужать бѣдныхъ Самоѣдовъ разными предметами, но эти ссуды далеко не такъ безкорыстны, какъ тѣ, о которыхъ мы говорили выше. Такъ Самоѣды, весьма ловкіе промышленники, не имѣютъ возможности завести снасти для ловли рыбы, хотя въ рѣкахъ и озерахъ тундры очень много ея. Пустозерскіе крестьяне снабжаютъ ихъ иногда сѣтями, лодками и неводами, но за это одолженіе выговариваютъ себѣ большую часть самоѣдскихъ промысловъ, если тѣ были удачны; если же промыслы были не совсѣмъ счастливы, то хозяева снастей насчитываютъ на Самоѣдовъ долгъ до будущихъ промысловъ [1]).

Впрочемъ, и между Самоѣдами извѣстна отдача денегъ и вещей въ долгъ съ извѣстнымъ процентомъ или прибавкомъ. Напримѣръ, за 10 р., данныхъ взаймы на годъ, берутъ 1 р. процентовъ. Если берутъ въ долгъ важенку, то она отдается черезъ годъ съ приплодомъ, черезъ два съ другимъ. Но особенно невыгодно бываетъ Самоѣдамъ брать въ долгъ у Русскихъ, такъ какъ тѣ не стѣсняются въ средствахъ лишь бы выжать больше доходу изъ своего должника. Такъ одинъ Самоѣдинъ разказывалъ слѣдующее: онъ взялъ весной у русскаго торговца въ Мезени въ долгъ два куля муки по 5 р. за куль, тогда какъ обыкновенная цѣна 11 р., съ тѣмъ чтобъ отдать долгъ послѣ промысла, смотря по его удачѣ. Въ счетъ уплаты долга онъ отдалъ при покупкѣ 10 р., но по причинѣ неудачи промысловъ не могъ уплатить всего. Тогда Русскій обратился къ начальству и взялъ отъ Самоѣдина 6 оленей, поставивъ ихъ въ 3 рубля штуку, тогда какъ каждый олень стоитъ 5 руб. Такъ, а часто и гораздо хуже, поступаютъ Русскіе и Зыряне со своими должниками изъ Самоѣдовъ. Между тѣмъ Самоѣдинъ никакъ не можетъ отстать отъ привычки брать товаръ въ долгъ и лучше согласится дать дороже, но только чтобъ ему повѣрили въ долгъ,

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 86.

а не требовали немедленной уплаты, хотя бъ у него и были лишнія деньги [1]).

Этимъ ихъ обычаемъ пользуются Ижемцы, снабжая Самоѣдовъ Большеземельской тундры хлѣбомъ, оленьимъ мясомъ, солью, порохомъ, табакомъ, виномъ, разноцвѣтными сукнами, ножами, топорами и т. д. въ кредитъ, а потомъ получая по крайней мѣрѣ вдвое болѣе настоящей цѣны этихъ товаровъ; этимъ обычаемъ ихъ пользуются и Пустозеры (пустозерскіе крестьяне) и мезенскіе торговцы, находящіеся въ сношеніяхъ съ Самоѣдами Тиманской и Канинской тундръ. Но надо сказать, что Самоѣды большею частью берутъ въ кредитъ по нуждѣ, и случается, попадаютъ за неуплату долга въ кабалу къ своимъ кредиторамъ. Напримѣръ, если Самоѣдинъ, задолжавшій у Пустозера, не можетъ уплатить долга изъ своихъ промысловъ въ первый годъ, то уплата откладывается до слѣдующаго. Если жь и въ слѣдующій годъ Самоѣдинъ не въ состояніи будетъ произвести уплаты, то Пустозеръ беретъ его къ себѣ въ работники или отдаетъ въ работники кому-нибудь другому, съ тѣмъ чтобы вся задѣльная плата шла на погашеніе долга. Если у Самоѣдина есть дѣти, то и на нихъ, за смертью отца, переносится долгъ: они должны или уплатить деньгами или заработать его. Потому нерѣдко можно видѣть, что дѣти и даже внуки платятъ за товары, забранные ихъ отцами и дѣдами, платятъ безотговорочно, даже если кредиторъ ихъ не имѣетъ никакихъ доказательствъ подлинности долга [2]); такимъ образомъ нерѣдко злоупотребляютъ довѣрчивостью Самоѣдовъ.

Приводимъ интересный разговоръ съ Самоѣдиномъ, сообщаемый г. Шренкомъ: „Послушай-ка, ваше высокопреподобіе“, говорилъ мнѣ одинъ Самоѣдинъ, научившійся этому титулованію въ обращеніи съ миссіонерами,—„какъ ты думаешь, что хозяинъ не хочетъ меня отпустить?“ „Отчего онъ не хочетъ отпустить?“ спросилъ я. „Кабала мѣшаетъ“. „Но вѣдь вамъ кабала ныньче прощена?“ „Не могу сказать, но я ее еще имѣю“. „Какъ давно ты служишь у хозяина?“ „Два года“. „Сколько ты въ годъ платы по-

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 69.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1867 г. № 82.

лучаешь?“ „Получаю двадцать рублей, говоритъ хозяинъ“. „Какъ часто получаешь ты деньги?“ „Я не получаю денегъ“. „Отчего нѣтъ?“ „Это кабала“. „Какъ сдѣлалъ ты свою кабалу?“ „Не знаю, я не дѣлалъ; мои покойные мать да братъ сдѣлали, говоритъ хозяинъ“. „Какъ же ты отслуживаешь долгъ, котораго не дѣлалъ? Можетъ быть, хозяинъ тебя обманываетъ?“ „Не знаю; но хозяинъ говоритъ, законъ велитъ мнѣ служить ему, потому что мать и братъ сдѣлали у него кабалу“. „Какъ велика твоя кабала?“ „Какъ могу я это знать? Это знаетъ хозяинъ лучше, чѣмъ я, у него это записано“ [1]). И такой разговоръ происходилъ уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ изданія устава объ устройствѣ Самоѣдовъ.

Доказательствомъ подлинности долга служатъ бирки. Берутъ кусочекъ дерева, въ 1/4 аршина длины, обстругиваютъ его со всѣхъ сторонъ, и отмѣчаютъ на немъ долгъ слѣдующими знаками: десятки рублей обозначаются крестиками или звѣздочками, рубли — палочками, копѣйки—точками. Самоѣдинъ вырѣзываетъ на этой биркѣ свое родовое клеймо, и затѣмъ она раскалывается пополамъ: одну половину беретъ заимодавецъ, другую должникъ [2]). По мѣрѣ уплаты денегъ значки срѣзываются съ бирокъ, по туземному *рубежей*. Эти рубежи имѣютъ для Самоѣдина полную обязательность законнаго документа: по предъявленіи ихъ Самоѣды дѣлаютъ уплату безотговорочно. Бирки въ употребленіи между всѣми Самоѣдами, какъ Канинскими, такъ и Тиманскими.

Самоѣды уплачиваютъ долги и покупаютъ товары обыкновенно не на деньги, а на свои промыслы, такъ что почти вся торговля между русскими и зырянскими торговцами и Самоѣдами носитъ характеръ мѣновой. При этихъ мѣновыхъ сдѣлкахъ Самоѣды эксплуатируются часто самымъ безбожнымъ образомъ. Сдѣлки заключаются всегда съ помощью водки, такъ что Самоѣды, въ большинствѣ случаевъ, совершаютъ ихъ съ отуманенными головами. Вотъ образцы мѣны Ижемцовъ съ Самоѣдами: за 1/2 пуда соли, товаръ, стоющій около 40 коп., Ижемецъ беретъ съ Самоѣдина оленью шкуру или бѣлаго песца, цѣною 1 р.—1 р. 15 к., за пудъ муки—85 коп., три песца—3 р., за 3 пуда масла—14 пес-

---

[1]) Путешествіе, I, стр. 331.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1867 г., № 81.

цовъ. Самоѣды по неволѣ должны соглашаться на цѣны, какія запрашиваетъ торговецъ, такъ какъ имъ неоткуда получить эти предметы первой необходимости и некуда сбыть свои товары помимо ижемскихъ избъ, которыя строятся Ижемцами въ тундрѣ для присмотра за своими оленьими стадами, а вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ мѣстомъ склада товаровъ и центрами мѣновой торговли. Такимъ образомъ Ижемцы держатъ Самоѣдовъ въ полной зависимости и разоряютъ ихъ [1]).

При страшно дорогой цѣнѣ на соль, Самоѣды не могутъ пріобрѣтать достаточнаго количества ея для посола рыбы и потому лишаются въ ней важнаго подспорья для своего пропитанія. Также успѣшно и выгодно ведутъ и Пустозеры мѣновую торговлю съ другою частью Самоѣдовъ Большеземельской тундры—на Югорскомъ Шарѣ, куда весною и лѣтомъ сбираются Самоѣды для промысла морскихъ звѣрей. Вся богатая добыча Самоѣда переходитъ въ руки Пустозеровъ, которые привозятъ сюда разные товары, необходимые для Самоѣдовъ.

Пустозеры—Русскіе обираютъ Самоѣдовъ не меньше, если не больше, чѣмъ и Ижемцы-Зыряне. Приводимъ образцы мѣны въ 1863 году: каждый пудъ ржаной муки и печенаго хлѣба стоилъ 2 пуда ворвани или 2 самыхъ чистыхъ черныхъ неблюя, или 10 крестоватиковъ; то же стоили 20 фунтовъ черныхъ сухарей, пара ножей и топоровъ; 3 фунта листоваго табаку—2 бѣлыхъ песца; 1 фунтъ пороху съ нѣкоторымъ количествомъ свинцу—½ пуда ворвани; не очищенная же ворвань въ Пустозерскѣ стоитъ 1 р. 80 к. пудъ, черный неблюй—1 р. 25 к., крестоватикъ—40 к., песецъ—1 р. 10 к.

Та же самая крайность, невозможность сбыть продукты своихъ промысловъ помимо Пустозеровъ заставляетъ Самоѣдовъ соглашаться на такія сдѣлки.

Вотъ какъ описываетъ положеніе Самоѣдовъ и ихъ мѣновую торговлю съ Пустозерами очевидецъ: „Самоѣдину нуженъ пудъ печенаго хлѣба или пудъ ржаной муки, Пустозеръ запрашиваетъ отъ него за это небольшое количество муки или хлѣба два пуда ворвани. Самоѣдину, хотя и отуманенному виномъ, кажется невыгод-

---

[1]) *Ислављнъ*, стр. 69.

ною такая мѣна, потому что онъ знаетъ цѣну своему товару и въ Пустозерскѣ. Онъ упрашиваетъ Пустозера промѣняться товаромъ по крайней мѣрѣ пудъ на пудъ, но со стороны этого послѣдняго нѣтъ никакой сбавки съ запрошеннаго. Что же прикажете въ такихъ обстоятельствахъ дѣлать Самоѣдину? У него въ чуму нѣтъ и одной горсти этой муки, столь необходимой для пропитанія его малолѣтняго семейства. Пріѣдетъ онъ въ свой чумъ, дѣти запросятъ поѣсть, а у его жены нѣтъ въ мѣшкѣ и одной горсти муки, чтобы придать нѣсколько питательности варимой ею въ котлѣ массѣ крови съ двумя или тремя кусками оленьяго мяса, составляющей единственное средство поддержанія жизни въ цѣломъ семействѣ. Да еще хорошо, что есть эта благодѣтельная кровь! А если нѣтъ? Если въ котлѣ варится только вода и оглоданныя ранѣе кости отъ когда-то бывшаго у него въ чуму мяса? А это, ей-ей не лгу, случается видѣть весьма нерѣдко. Что тогда дѣлать Самоѣдину? Сила любви къ семейству заставляетъ его рѣшиться, и онъ рѣшается платить за каждые 20-ть фунтовъ муки по пуду ворвани. Необходимость прикрыть отъ холода тѣло заставляетъ Самоѣдина сшить къ осени женѣ своей верхнюю одежду. Въ составъ этой одежды входятъ цвѣтныя сукна—желтое, красное и черное. Весь матеріалъ для одежды, кромѣ суконъ, у жены Самоѣдина имѣется уже у себя въ чуму, остановка за одними суконами. Въ ящикѣ Пустозера лежатъ цѣлыя полосы суконъ, а имъ нужно только ³/₄ аршина. Молодая Самоѣдка стоитъ подлѣ сундука, глаза ея съ жаромъ смотрятъ на лежащее передъ нею богатство суконъ, она смотритъ умиленнымъ взоромъ на своего мужа и самымъ выраженіемъ глазъ своихъ проситъ его доставить ей возможность имѣть въ своихъ рукахъ необходимую для нея частицу лежащаго передъ нею богатства. Самоѣдинъ тронутъ этою нѣмою просьбой и начинаетъ спрашивать у Пустозера о цѣнѣ и этого товара. Тотъ же пудъ ворвани или чистый черный неблюй требуется этимъ послѣднимъ за каждую ¼ аршина этого сукна. Со стороны Самоѣдина опять начинается упрашиванье сбавить запрошенную цѣну, и опять все это дѣло кончается тѣмъ, что каждая четверть аршина сукна переходитъ въ руки Самоѣдина по той же безбожной цѣнѣ, какая спрошена была съ него Пустозеромъ сначала. Нужны тому же Самоѣдину и ножъ, и топоръ, и за каждую пару этихъ

орудій онъ платитъ тотъ же пудъ ворвани или чернаго неблюя; нужны ему и соль, и табакъ, и за каждые полпуда соли онъ платитъ тотъ же самый пудъ, или что-либо такое, что можетъ соотвѣтствовать его цѣнности; нужны ему и порохъ, и свинецъ, нужны его женѣ и ложки, и иглы, и гребень, и все это они берутъ у Пустозера по болѣе нежели удесятеренной цѣнѣ. Такъ были случаи, и при мнѣ лично, что нѣкоторые Пустозеры за 10 иглъ самой простой работы и стоющихъ даже въ Пустозерскѣ не болѣе 3-хъ копѣекъ, брали по цѣлому черному неблюю, за два гребня изъ бѣлаго рога и самой топорной работы по семи крестоватиковъ“[1]).

Вотъ какъ торгуютъ Самоѣды съ Пустозерами. Не удивительно поэтому, что у Самоѣдовъ недостаетъ всѣхъ ихъ богатыхъ промысловъ на покрытіе первыхъ ихъ потребностей, и они должны входить въ долги, которые еще ухудшаютъ ихъ бѣдственное положеніе.

При мѣновой торговлѣ Самоѣдовъ съ Пустозерами не употребляются въ счетѣ рубли или копѣйки, а счетъ производится песцами, полупесцами и пыжами. Напримѣръ, если Пустозеръ далъ Самоѣдину товару на одинъ рубль, то говоритъ ему: „я далъ тебѣ на одинъ песецъ“, и за этотъ песецъ Самоѣдинъ долженъ заплатить ему или пудъ ворвани, или чернаго неблюя, или осеннюю оленью телячью шкуру, или двѣ шкуры, полученныя отъ большихъ оленей, или что-либо соотвѣтствующее цѣнности этихъ предметовъ. Обыкновенная же красная лисица ставится вмѣсто трехъ песцовъ; ту же цѣнность имѣетъ шкура ошкуя и моржовый лафтакъ (половина моржовой шкуры) [2]).

Самоѣды Канинской тундры забираютъ товаръ большею частью у крестьянъ деревни Семжи весною. Осенью крестьяне кредиторы, съ пустыми и наполненными виномъ бочками, являются за уплатою, спаиваютъ Самоѣдовъ и потомъ предъявляютъ свои долги, собираемые мясомъ и шкурами оленей, которыхъ тутъ же и убиваютъ, разумѣется двумя или тремя болѣе, чѣмъ значится по счету, и наполняютъ мясомъ пустыя бочки. Такимъ образомъ крестьяне получаютъ двойной барышъ: вопервыхъ, отъ того, что

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1867 г., № 81.
[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1867 г., № 82.

за взятый Самоѣдиномъ товаръ они ставятъ гораздо болѣе его стоимости, а вовторыхъ, что болѣе бьютъ оленей, чѣмъ слѣдовало бы по счету [1]). Но у Самоѣдовъ Канинской тундры начинаетъ ужь ослабѣвать мѣновой характеръ торговли, замѣняясь обыкновеннымъ, такъ какъ эти Самоѣды, обращаясь постоянно съ Русскими, научились понимать значеніе денегъ.

Вещь, данную подъ залогъ, нельзя употреблять, по понятіямъ Самоѣдовъ, такъ какъ она можетъ быть дороже денегъ, какія взяты въ займы подъ ея обезпеченіе; но на оленяхъ, данныхъ въ залогъ, ѣздить позволяется, потому что вреда имъ отъ этого не будетъ. Вещь, заложенную на срокъ, позволяется по просрочкѣ продать и обратить деньги въ свою пользу, а если вещь дана на срокъ, то продать ея нельзя. У Канинскихъ Самоѣдовъ тундра была раздѣлена прежде по родамъ и семьямъ; нынѣ владѣютъ ею Самоѣды сообща: всякій промышляетъ, гдѣ хочетъ; въ Большеземельской тундрѣ это дѣлается не такъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Канинскіе Самоѣды весною, лѣтомъ и осенью живутъ на Канинѣ, гдѣ и занимаются промыслами морскихъ звѣрей и рыбными, а также ловлею пушныхъ звѣрей; на зиму отправляются они къ югу отъ полуострова, а частью разъѣзжаются по городамъ. Русскіе сильно стѣсняютъ Самоѣдовъ въ тундрѣ въ ихъ промыслахъ. Не смотря на то, что имъ дозволено владѣть въ тундрѣ только 60 десятинами на душу, они пасутъ своихъ оленей по всей тундрѣ, а обитатели селъ Зимняго берега Койды, Мегры и т. д. посылаютъ своихъ оленей даже на Канинъ. Такимъ образомъ половина оленей принадлежитъ Русскимъ, которые незаконно пользуются самоѣдскою тундрой. Прежде Русскіе платили за пользованіе тундрой арендныя деньги, „покопытный сборъ“, по 5 коп. съ оленя, и эти деньги шли на подати за умершія ревизскія души, теперь же этого сбора не существуетъ. Русскіе также охотятся въ самоѣдскихъ угодьяхъ на морскихъ звѣрей на берегахъ Канинской тундры и у устьевъ рѣкъ. На вопросъ Самоѣдамъ, почему они не воспрепятствуютъ Русскимъ пользоваться ихъ собственностью, Самоѣды отвѣчаютъ такъ: „Потому, что мы въ зависимости отъ нихъ: одни изъ насъ должны имъ, другіе кормятся у нихъ. Если мы не будемъ позволять имъ поль-

---

[1]) *Исламинъ*, стр. 81.

зоваться нашею тундрою, то они не будутъ давать намъ въ долгъ и погонятъ отъ себя нашихъ бѣдныхъ „ѣдомскихъ“ Самоѣдъ, скажутъ: „содержите ихъ сами“, оттого же мы отмѣнили и покопытный сборъ“. Прежде Самоѣды отдавали рыбныя ловли въ аренду Русскимъ, но теперь и этотъ источникъ доходовъ прекратился: Русскіе не хотятъ брать, такъ какъ они завладѣли лучшими промысловыми и моховыми мѣстами Канинской и Тиманской тундръ [1]). Также, какъ Русскіе въ этихъ тундрахъ, поступаютъ Зыряне въ Большеземельской; въ послѣдніе годы Зыряне стали вторгаться съ своими оленями и въ Тиманскую и Канинскую тундры.

Склонность къ совмѣстной производительности, артельное начало, довольно значительно развита между Самоѣдами. Однѣ изъ артелей составляются совмѣстно съ Русскими, или же Самоѣды входятъ въ русскія артели на условіяхъ покрута, такъ какъ не всегда имѣютъ нужные для промысловъ снаряды, которые, какъ напримѣръ, неводъ для ловли бѣлугъ, обходятся не дешево. Другія артели составляются исключительно Самоѣдами.

Самоѣдскія артели составляются или изъ однихъ хозяевъ, или изъ хозяевъ съ рабочими. Сговариваются, напримѣръ, два хозяина ловить песцовъ вмѣстѣ и занимаются этимъ промысломъ все лѣто, а по окончаніи промысловъ дѣлятъ всю упромышленную добычу пополамъ, какъ бы ни была велика разница между удачей ихъ промысловъ. Также сговариваются стрѣлять вмѣстѣ дикихъ оленей. Артели для ловли линяющихъ гусей и стрѣльбы дичи на озерахъ и рѣкахъ бываютъ большею частью отъ 2 до 10 человѣкъ; добычу также дѣлятъ поровну, такъ какъ каждый изъ участвующихъ въ артели имѣетъ свое ружье и другіе снаряды. Но особенно требуютъ артельной дѣятельности морскіе промыслы, какъ потому, что для нихъ требуются суда и снаряды, которые не каждый Самоѣдинъ можетъ имѣть, такъ и потому, что самая охота можетъ быть успѣшна только при совмѣстномъ трудѣ. Артели, составляемыя Самоѣдами для морскихъ промысловъ, имѣютъ различное число членовъ, обыкновенно 5—8, смотря по вмѣстимости судна, на которомъ артель отправляется промышлять морскаго звѣря. Если судно вмѣщаетъ 150—200 пудъ, то въ него садится 5 человѣкъ, а если

---

[1]) *Ислависъ*, стр. 72.

250—350 пудъ, то 7 и даже 8 пайщиковъ. Добыча дѣлится между членами артели поровну, но одинъ пай откладывается на судно; напримѣръ, если въ артели семь человѣкъ, то добыча дѣлится на восемь частей, изъ которыхъ одна идетъ владѣльцу судна. Каждый пайщикъ, прежде отправки, долженъ внести въ артель 1½—2 пуда ржаной муки, 1 пудъ печенаго хлѣба или 20 фунтовъ черныхъ сухарей, до 4-хъ фунтовъ коровьяго масла, 3 пуда оленьяго мяса или соленой рыбы и достаточное количество пороху и свинцу. Ружье не обязательно имѣть каждому члену артели, а обыкновенно на каждое судно ихъ кладется 2—4, и ружья эти находятся въ распоряженіи кормщика, опытнаго стрѣльца, а нерѣдко вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяина лодки [1]).

Если артель состоитъ не изъ равныхъ пайщиковъ-хозяевъ, а изъ хозяевъ и рабочихъ, то разчетъ дѣлается другой. Положимъ, хозяинъ взялъ одного покрутчика, то-есть, рабочаго, на своихъ харчахъ, порохѣ и пр. Тогда добычу дѣлятъ на два пая: одинъ пай идетъ хозяину, еще ½ пая ему же за харчъ, порохъ и снасть, а ½ пая рабочему. Если рабочихъ семь, то добыча дѣлится на восемь частей: одна часть хозяину на лодку, а отъ каждаго изъ остальныхъ семи паевъ рабочему идетъ ½ или ⅓, смотря по условію, остальная же часть каждаго пая идетъ за пищу, обувь и пр. Зыряне, Ижемцы также вступаютъ съ Самоѣдами въ паи для птичьяго промысла.

Уголовное право.

Самоѣды вообще мало склонны къ преступленіямъ вслѣдствіе своего дружелюбнаго, общительнаго и кроткаго характера. Но сношенія съ Русскими и Зырянами, которые злоупотребляли честностью и довѣрчивостью Самоѣдовъ, развили въ этихъ послѣднихъ нѣкоторыя дурныя нравственныя качества, напримѣръ, плутоватость, склонность къ обману; особенно замѣчаются эти качества, по свидѣтельству Кастрена, въ Самоѣдахъ Канинской тундры. Этихъ Самоѣдовъ теперь уже далеко не такъ легко надуть, какъ

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1867 г., № 82.

прежде; обсчитать, или вообще, какъ-нибудь обмануть этого Самоѣдина Русскій можетъ не иначе, какъ при помощи водки. Напротивъ того, Самоѣды пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы провести Русскаго. Во взаимныхъ отношеніяхъ Самоѣды соблюдаютъ гораздо болѣе честности, чѣмъ сколько вносятъ ее въ отношенія къ Русскимъ и Зырянамъ; слѣдовательно, строже смотрятъ на преступленія, совершаемыя въ своей средѣ, чѣмъ на тѣ жертвами которыхъ дѣлаются ихъ непріятели. Въ отношеніи этихъ послѣднихъ они допускаютъ нерѣдко обманы. Г. Максимовъ приводитъ нѣкоторые случаи, напримѣръ: одинъ Самоѣдинъ запродалъ крестоватиковъ за условленное количество хлѣба одному изъ Пустозеровъ и пилъ заручную, но Пустозеръ, напившись ранѣе, заснулъ; Самоѣдинъ не потерялъ ни сознанія, ни присутствія духа на столько, что съ деньгами и запроданными крестоватиками ушелъ и сбылъ свою добычу другому хозяину на другой же день, а на третій провалился въ тундру; другой Самоѣдинъ отвязалъ двухъ оленей отъ санокъ Пустозера, ѣхавшаго подъ хмѣлькомъ съ мерзлою рыбою на Пинежскую ярмарку [1]).

Изъ преступленій и пороковъ болѣе распространены между Самоѣдами нѣкоторые виды преступленій противъ собственности и пьянство; причина преступленій—бѣдность, а въ отношеніи Русскихъ и Зырянъ—часто также желаніе отмстить за причиненныя притѣсненія. Преднамѣренныя убійства у Самоѣдовъ весьма рѣдки; но убійства иногда совершаются Самоѣдами въ пьяномъ видѣ, такъ какъ они, напившись, имѣютъ привычку начинать драку, которая обращается, при большомъ собраніи Самоѣдовъ, въ общую свалку; при этомъ, разумѣется, очень возможны несчастные случаи.

Извѣстенъ одинъ случай преднамѣреннаго убійства съ цѣлью грабежа, который былъ описанъ въ *Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* [2]), очень жестокаго убійства, жертвами котораго было цѣлое семейство; но исключительность этого случая не даетъ права дѣлать изъ него какіе-либо выводы на счетъ склонности Самоѣдовъ къ преступленіямъ такого рода. Намъ неизвѣстенъ ни одинъ случай убійства изъ мести, но на возможность такого рода пре-

---

[1]) Годъ на Сѣверѣ, стр. 448, изд. 2-е.

[2]) 1868 г. №№ 28, 29.

ступленій указываетъ слѣдующій разговоръ Кастрена съ Самоѣдиномъ Большеземельской тундры, приводимый знаменитымъ путешественникомъ: „Ты богатъ оленями, другъ мой! Богатъ ли ты и женами?“ спросилъ я Самоѣдина. „Теперь у меня двѣ жены, прежде у меня было ихъ три, но третью я отправилъ къ ея отцу“, отвѣчалъ онъ. „Скажи мнѣ, братецъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?“ продолжалъ я. „Она родила сына, который былъ не мой“, сухо отвѣчалъ Самоѣдинъ. „Знаешь ли ты обольстителя?“ спросилъ я далѣе. „Еслибъ я зналъ его, то ей-Богу, копье мое проткнуло бы ему сердце“, вскричалъ, разъярившись, Самоѣдинъ.

Самоубійства также случаются между Самоѣдами, мужчины преимущественно стрѣляются, женщины давятся. Причиною самоубійствъ, особенно для женщинъ, служитъ несчастная семейная жизнь.

Изъ преступленій противъ собственности самое распространенное есть кража оленей. Другіе виды кражи менѣе распространены, и Самоѣды во многихъ случаяхъ являются людьми, очень умѣющими уважать неприкосновенность правъ своихъ ближнихъ. Напримѣръ, во время промысловъ, чумъ остается въ тундрѣ безъ хозяина, но съ вещами его, сложенными на саняхъ, и никто ихъ не тронетъ. Объ этомъ обычаѣ г. Шренкъ сообщаетъ слѣдующія подробности: „На одномъ холмѣ мы нашли 6 санокъ, нагруженныхъ до верху различнымъ имуществомъ и прикрытыхъ отъ сырости оленьими шкурами, оставленными въ тундрѣ. У Самоѣдовъ, у которыхъ домашнее хозяйство состоитъ главнымъ образомъ изъ одежды, дѣлаемой изъ оленьихъ шкуръ, и покрышекъ для чумовъ, есть обычай эти предметы, какъ не употребляемые въ лѣтнее время, складывать въ сани, а сани оставлять въ окрестныхъ мѣстахъ, и притомъ безъ всякой стражи. Хозяинъ нисколько не заботится объ оставленномъ; только мирный деревянный божокъ, поставленный на сани, защищаетъ имущество отъ всякаго Самоѣда. Этотъ обычай можетъ служить доказательствомъ удивительной честности сѣверныхъ Самоѣдовъ, потому что нѣсколько времени тому назадъ рѣшительно нельзя было услышать, чтобы такой складъ былъ разграбленъ Самоѣдиномъ, и еслибъ онъ это сдѣлалъ, то ожидалъ бы всякихъ бѣдствій, какъ справедливой кары неба, на свою виновную голову. Теперь этотъ обычай становится рѣдкимъ въ

тундрѣ. Зыряне гдѣ только находятъ подобный складъ, начисто разграбливаютъ, чѣмъ и научили Самоѣдовъ предосторожности; они нынѣ уже прячутъ свои сани въ лѣсу въ скрытыхъ мѣстахъ или вблизи другихъ чумовъ“ [1]).

Иногда по окончаніи звѣриныхъ промысловъ Самоѣдинъ складываетъ въ кучу кожи съ убитыхъ звѣрей, кладетъ свое клеймо и уходитъ: если же другой Самоѣдинъ найдетъ кожи, и ему понадобится нѣсколько, онъ беретъ ихъ, а на мѣстѣ оставляетъ деревянную бирку съ зарубками, которыя обозначаютъ число взятыхъ кожъ, и съ своимъ клеймомъ, по которому хозяинъ кожъ можетъ найти своего должника и разчитаться съ нимъ [2]).

Кража оленей, какъ было выше сказано, очень распространена. Самоѣды не признаютъ преступленіемъ украсть оленя у Русскаго или Зырянина, и даже напротивъ считаютъ это удачнымъ промысломъ, какъ свидѣтельствуетъ священникъ І. Синцовъ. Да это и не мудрено, такъ какъ Самоѣды знаютъ, что стада Русскихъ и Зырянъ суть ихъ собственность, перешедшая въ руки этихъ послѣднихъ посредствомъ обмана и даже насилія, и притомъ кормятся на ихъ же тундрахъ. Иногда простая кража оленей переходитъ въ грабежъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ случаѣ: Одинъ Пжемецъ жилъ въ тундрѣ и преспокойно ковырялъ чашки и ложки въ то время, когда двое Самоѣдовъ поочередно отгоняли отъ него стада оленей. Когда они такимъ образомъ отогнали уже половину, Зырянинъ замѣтилъ это, замѣтилъ и обоихъ грабителей—Самоѣдовъ. Воры, не думая долго, бросились на пастуха, а чтобъ онъ не кричалъ, набили ему въ ротъ нѣсколько горстей мху. По счастію, все это замѣтилъ, находившійся вблизи, другой пастухъ Пжемецъ: онъ побѣжалъ на помощь; одинъ Самоѣдинъ выстрѣлилъ въ него, но не попалъ [3]).

Но такіе случаи рѣдки; чаще бываетъ такъ, что Самоѣды, служащіе пастухами, крадутъ оленей у хозяевъ и передаютъ своимъ соплеменникамъ. Укравшій оленя какимъ бы то ни было способомъ или убиваетъ его, или спѣшитъ уничтожить клеймо настоящаго хо-

---

[1]) Путешествіе, I, стр. 316.

[2]) *Арх.-Губ. Вѣд.* 1870 г., № 22.

[3]) Годъ на Сѣверѣ, стр. 447.

зяпна и наложить свое. Самоѣды крадутъ оленей не только у Русскихъ и Зырянъ, но и другъ у друга. Это преступленіе получило большое развитіе между Самоѣдами Большеземельской тундры, при чемъ обворованные сами раздѣлываются съ преступниками. Такъ, по словамъ священника Спицова, если Вондырька у Лоцея укралъ 10 оленей, то Лоцей не пщетъ суда, а старается только улучить время, чтобъ украсть у Вондырьки еще болѣе. До суда дѣло доходитъ только тогда, когда менѣе успѣвшій и потерпѣвшій убытокъ приглашаетъ къ себѣ помощниковъ и отгоняетъ оленей у своего соперника явно и насильно.

Г. Гофманъ говоритъ о Самоѣдахъ: „Я нашелъ Самоѣдовъ довольно честнымъ народомъ, но оставя номадную жизнь, они могутъ потерять эту добродѣтель; по крайней мѣрѣ Самоѣды, живущіе въ селѣ Колвѣ, извѣстны во всемъ краю какъ отчаяннѣйшіе воры“ [1]). Причиной склонности къ воровству, какъ объясняетъ г. Ославинъ, служитъ крайняя бѣдность поселенцевъ Колвы. „Они живутъ бѣдно, ибо хлѣбопашества не имѣютъ, а луга по Колвѣ хотя и хорошіе, но колонисты не имѣютъ средствъ обзавестись скотоводствомъ; рыбою же, которою изобилуетъ Колва, они мало пользуются, потому что рѣка во многихъ мѣстахъ забрана Ижемцами, вылавливающими рыбу въ огромномъ количествѣ, да еслибъ и не существовало послѣдняго обстоятельства, то и тогда колонистамъ безъ оленей нельзя было бы подъѣхать ни къ песцовымъ норамъ, ни къ рыбному озеру или рѣкѣ. Поэтому они или пускаются на лѣсной промыселъ, несравненно менѣе выгодный тундрянаго, но безъ оленей не могутъ далеко отойдти отъ дому, или же въ сообществѣ родовичей своихъ, имѣющихъ маленькія стада, отправляются красть оленей у Ижемцевъ, такъ что Ижемцы боятся подходить близко къ церкви“ [2]).

Хотя самоѣдскія женщины вообще цѣломудренны, но все-таки нерѣдко случаются нарушенія супружеской вѣрности, что̀ считается у Самоѣдовъ довольно важнымъ преступленіемъ. У нихъ существуетъ предразсудокъ, что трудные роды зависятъ отъ нару-

---

[1]) Сѣверный Уралъ, I, стр. 206.

[2]) *Современникъ* 1848 г., № 9, смѣсь, стр. 2.

шенія супружеской вѣрности которымъ-либо изъ супруговъ, и потому повивальная бабка, при родахъ, требуетъ отъ той и другой стороны сознанія, которое и дѣлается какъ женою, такъ и мужемъ; этотъ обычай даетъ мужу средство узнать о проступкѣ жены.

О самоѣдскихъ тадибеяхъ, то-есть, ихъ жрецахъ и знахаряхъ, и о связи поддерживаемыхъ ими преступленій съ суевѣріями, будетъ сказано въ отдѣлѣ: „Общественный бытъ и расправа“.

Вреднѣе всего вліяетъ на благосостояніе Самоѣдовъ пьянство, поддерживаемое и распространяемое Русскими и Зырянами. О значеніи водки при торговыхъ сдѣлкахъ и о томъ примѣненіи ея при торговлѣ, какое дѣлаютъ Русскіе и пжемскіе торговцы, было говорено выше.

По словамъ священника І. Спицова, Самоѣды Большеземельской тундры не такъ склонны къ вину, какъ Самоѣды Канинской и Тиманской тундръ, и если замѣчаютъ, что Русскій, развозящій по тундрѣ вино, обираетъ кого-либо изъ нихъ, то они вступаются за обиженнаго, отбираютъ у Русскаго вино и запрещаютъ ему впредь являться въ тундру съ нимъ. Между тѣмъ Самоѣды Тиманской и Канинской тундръ не любятъ тѣхъ Русскихъ, которые пріѣзжаютъ къ нимъ безъ вина, а видя вино въ рукахъ Русскихъ, стараются его пріобрѣсть во что бы то ни стало, давая за него товару, сколько Русскій потребуетъ. Вслѣдствіе того они пропиваютъ постоянно все, что̀ имѣютъ, и дѣлаются все бѣднѣе и бѣднѣе. Однакожь бывали примѣры и въ Канинской тундрѣ, что Самоѣды, узнавъ, что строго запрещено ввозить вино въ тундру, давали себя напоить, но когда дѣло приходило къ разсчету и бою оленей, то они, бросившись на Русскихъ и ихъ стращая тѣмъ, что свяжутъ и представятъ въ судъ, заставляли ихъ отказаться отъ всѣхъ притязаній на долги и возвратиться скорѣе домой, сами же допивали остальное вино [1]).

Не смотря на нѣкоторыя свои дурныя качества, Самоѣды, будучи еще въ язычествѣ, выработали себѣ нравственныя правила, которыя, по словамъ архимандрита Веніамина, словесно передаются отъ родителей къ дѣтямъ, а отъ тадибеевъ, ихъ жрецовъ и

---

[1]) *Исла́винъ*, стр. 82.

учителей, ко всѣмъ язычникамъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ нравственныхъ правилъ: Почитай отца и мать.—Почитай и уважай старшихъ себя.—Ни на кого напрасно ни наговаривай и надъ другимъ не смѣйся.—Не убивай.—Не воруй.—Люби свою жену и не желай чужой.—Всемѣрно старайся о сохраненіи оленей.—Не гордись.—Не пустословь.—Не щеголяй.—Не пьянствуй.—Не будь сладкоѣдъ, а употребляй въ пищу что прилучилось.—Просящему у тебя давай, чтобы не ушелъ отъ тебя безъ пособія; за сіе Богъ отдастъ тебѣ болѣе.—Что̀ видишь молчи, чтобы не вышло отъ тебя какое-либо дѣло [1]).

B. Общественный бытъ, судъ и расправа.

Изъ всѣхъ инородцевъ Архангельской губерніи Самоѣды болѣе другихъ сохранили слѣды родового быта, особенно Самоѣды Большеземельской тундры, какъ болѣе удаленные отъ вліянія Русскихъ. У Канинскихъ Самоѣдовъ родовой бытъ замѣтно сгладился, перейдя въ семейный: хотя они и знаютъ еще, кто изъ нихъ происходитъ отъ котораго рода, но у нихъ нѣтъ ни родоначальниковъ, ничего другого, что̀ связывало бы между собою родовую единицу. По однимъ свѣдѣніямъ, всѣ Самоѣды, обитающіе какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири, раздѣляются только на три главныхъ рода, по другимъ одни Большеземельскіе Самоѣды распадаются на шесть главныхъ родовъ. Приведемъ спачала первое раздѣленіе, какъ его сообщаетъ г. Шренкъ [2]):

„Въ этнографическомъ отношеніи“, говоритъ г. Шренкъ,—„всѣ вообще европейскіе и азіатскіе Самоѣды, вплоть до р. Обп, раздѣляются на три главные рода или племени (Stamm): Lagä, Wanojta и Harizi или Harüzi (Карачеи). Эти роды могутъ быть разсматриваемы какъ различные народы, потому что слово tnäz, которымъ обозначается такой родъ, употребляется для обозначенія понятія народа: какъ говорятъ Lagä-tänz, Wanojta-tänz о Само-

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1849 г. № 12, а также *Этногр. Сборникъ*, вып. IV.
[2]) Путешествіе I, стр. 623 и слѣд.

ѣдахъ, такъ точно говорятъ Lutsä-tänz, о Русскихъ, Habij-tänz — объ Остякахъ, и т. д. Эти tänz или главные роды, можетъ быть, прежде имѣли свои особенныя мѣста жительства, тогда какъ теперь только одни Harizi держатся отдѣльно, на полуостровѣ Jalmal, между Карскимъ моремъ и Обскою губою, въ такъ называемой Карачейской землѣ. Роды Lagä и Wanojta во всѣхъ мѣстахъ своего пребыванія, отъ р. Мезени до Оби, живутъ одинъ между другимъ безразлично, и съ тѣхъ поръ, какъ узнали ихъ Русскіе, находятся между собою въ мирныхъ отношеніяхъ, какъ бы составляя одинъ народъ, тогда какъ къ третьему роду, Карачеямъ, они стояли во враждебныхъ отношеніяхъ, и разбойническія нападенія Карачеевъ на нихъ продолжались до половины прошлаго столѣтія. Самоѣды описываютъ Карачеевъ, какъ многочисленный, дикій и неукротимый народъ. О нихъ у насъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній, а потому мы будемъ говорить о первыхъ двухъ племенахъ: Lagäj и Wanojta. Каждое изъ этихъ племенъ распадается на вѣтви (Zweige) и поколѣнія или роды (Geschlechter; по самоѣдски jerkar).

„I. Племя Lagäj раздѣляется на слѣдующія поколѣнія: 1) Hätynzej; многочисленный родъ, подчиненный Зырянамъ и вмѣстѣ съ ними распространяющійся по большей части Большеземельской тундры; свободные Hätynzej находятся только на сибирской сторонѣ, близь владѣній Остяковъ. 2) Paganzej (обитатели губъ морскихъ); часть ихъ свободна; свободные кочуютъ около Колвы-рѣки и морской губы Häjodepädära, отъ которой получили свое имя (рада-губа); другая часть подчинена Пустозерамъ, съ которыми вмѣстѣ и странствуетъ. 3) Tájwori—около той же самой губы Häjodepädära. 4) Tysyji, распадающіеся на двѣ побочныя вѣтви: Hohotysyje (песцовые тысяи) и Wonakana (собачьи сапки); многочисленный родъ, который живетъ около лѣсныхъ границъ, за Пустозерскомъ, въ Большой землѣ, и находится большею частью въ услуженіи у Пустозерцевъ; свободные находятся на Колвѣ, Häjodepädära, Korotaiha и до Урала. 5) Sadäj—въ пространной лаптѣ или равнинѣ, которая идетъ отъ праваго берега Колвы къ Устьцыльмѣ: многіе служатъ у Устьцылемовъ. Слѣдующіе роды состоятъ большею частью изъ свободныхъ Самоѣдовъ: 6) Hoho (песцы) - на Уралѣ, гдѣ особенно много песцовъ. 7) Pädräggasowo (лѣсные Самоѣды)— на сѣверномъ Уралѣ и нижней Оби. 8) Gyjwaj—на сибирской

сторонѣ, къ югу отъ Hätynzej, къ Остякамъ. 9) Seda,—въ Малой Землѣ. 10) Wärä—въ Малой Землѣ.

„II. Племя Wanojta раздѣляется на слѣдующіе роды: 1) Guutschi (вѣроятно, Выучи), многочисленный родъ съ двумя вѣтвями: Laptander и Lamduj, изъ коихъ первый живетъ въ Малоземельской лаптѣ или равнинѣ, второй—только въ Большой Землѣ и въ Сибири, около сѣверной части Урала; на западѣ же отъ Урала повсемѣстно распространенъ въ услуженіи у Зырянъ и Русскихъ. 2) Walej, подчиненъ Зырянамъ и съ ними кочуетъ: свободные только въ Малой и Канинской земляхъ. 3) Pyrirky, на Карѣ, свободный родъ. 4) Hude, сибирскіе Самоѣды, за Ураломъ, состоятъ, какъ и слѣдующіе четыре зауральскіе рода, изъ свободныхъ. 5) Horolo. 6) Särädäta.7) Gokdäta. 8) Jäptik. 9) Myd, обитатели Малой земли, 10) Jabene, маленькій родъ въ Малой Землѣ, распадается на двѣ вѣтви: Apizyn и Warätsyn. Между родами, происхожденія которыхъ я не могъ узнать, находятся: Mendlowo, на сибирской сторонѣ, кочуетъ съ Gyjwaj, Jagaggasowoj (рѣчные Самоѣды), по лѣвому берегу Оби, на морскомъ берегу, и нѣкоторые другіе.

„Самоѣды сообщаютъ еще различныя преданія о происхожденіи нѣкоторыхъ изъ родовъ, объ обстоятельствахъ жизни и особенныхъ качествахъ ихъ родоначальниковъ. Такъ, родъ Jeda ведетъ свое названіе отъ того обстоятельства, что его родоначальникъ достигъ такого безпомощнаго состоянія, что внучки его клали въ колыбель, какъ младенца, и качали во снѣ. Wärä ведутъ родъ свой отъ Самоѣда, который, оставивъ Большую Землю, поселился въ Малой, отъ чего Малоземельцы и говорили о немъ: Wärätâ jagghamy (у него чешутся подошвы), потому что онъ бѣжалъ изъ своей земли въ чужую, отъ этого его назвали Wara, и по немъ уже рѣчка въ сѣверной части Малой Земли, у которой онъ кочевалъ, названа Wäräj-jaga (Русскіе называютъ Черная), также, какъ лежащій на лѣвомъ берегу этой рѣчки лѣсъ Wäräj: здѣсь старикъ однажды нашелъ свое оленье стадо, которое въ одинъ лѣтній жаркій день убѣжало противъ вѣтра, и онъ долго искалъ его, пока не обѣщалъ своему идолу богатой жертвы: наконецъ нашелъ его въ этомъ мѣстѣ, которое получило его имя Warätsyn, боковая вѣтвь рода, Ябене, обязана своимъ именемъ дѣвушкѣ этого рода, принесшей

на свѣтъ дитя, котораго отца не знали, отчего насмѣшливо говорили о ней: waräsjhowy (она имѣетъ дитя, украденное на сторонѣ): отъ этого мать, въ горести, пошла къ уединенному ручью, и горько плача, говорила мальчику: „Если ты украденъ на сторонѣ, долженъ ты называться Warätsyn и дать свое имя новому роду, Apizyn". Другая вѣтвь того же рода получила свое имя отъ родоначальника Apizä, который былъ своимъ народомъ посланъ къ Московскому царю и получилъ отъ него жалованную грамоту на обладаніе Самоѣдами ихъ землей, за что̀ они и сдѣлались подданными Русскаго царства. Родъ Myd происходитъ отъ старика этого имени. Lamduj имѣлъ родоначальникомъ Lamdo (низкій), который былъ такъ названъ по своему низкому росту. Japtik происходитъ отъ Japto (тонкій). Родоначальникомъ Särädäta былъ обладатель бѣлыхъ оленей (sar—бѣлый, ta—олень). Родоначальникъ Gokdäta былъ обладатель множества оленей (gok—много и ta). Родоначальникъ Wonakana, одной вѣтви рода Tysyje, пришелъ изъ владѣній Остяковъ, гдѣ онъ ѣздилъ на собачьихъ санкахъ (woncko—собака, и han—сани). Другіе роды получили свои имена отъ свойствъ кочевьевъ, таковы: Pädrängasowoj, Jagaggasowoj, Paganzéj, Noho, Sadäj".

Таково дѣленіе и происхожденіе самоѣдскихъ родовъ по свѣденіямъ, собраннымъ г. Шренкомъ. Другіе изслѣдователи, напримѣръ г. Иславинъ и архимандритъ Веніаминъ, представляютъ совсѣмъ другое дѣленіе: они, какъ мы сказали, однихъ Самоѣдовъ Большеземельской тундры раздѣляютъ на шесть главныхъ родовъ. Кто изъ нихъ правъ—мы судить не можемъ, а приводимъ только факты, представляемые противною стороной.

По словамъ указанныхъ лицъ, „всѣхъ самоѣдскихъ родовъ считается шесть главныхъ, имѣющихъ нѣсколько подраздѣленій; названія свои они получали или отъ именъ родоначальниковъ или отъ урочищъ, въ которыхъ Самоѣды обыкновенно промышляютъ

Тундряные роды (теперь извѣстные подъ названіемъ Самоѣдовъ Пустозерскаго и Устьцылемскаго вѣдомствъ): I. Тыссіи, самый многочисленный, составляющій половину Самоѣдовъ Пустозерскаго вѣдомства: a) Яу-тыссіи (отъ *ямъ*,—море), то-есть, занимающіеся морскими промыслами. b) Лаптандеры-тыссіи, то-есть, кочующіе по лаптѣ. c) Ного-тыссіи (отъ *ного* — песецъ),

то-есть, занимающіеся песцовымъ промысломъ: Весною, для теленія оленей, эти роды выходятъ изъ лѣсовъ къ рѣкамъ: Воркотѣ, Сюйдѣ и Хузьмору; къ іюню и іюлю приближаются къ рѣкамъ Карѣ и Коротанхѣ, а племя Яу-тыссіи, для рыболовства и промысла моржей и бѣлыхъ медвѣдей, переходитъ даже на островъ Вайгачъ. Въ августѣ и сентябрѣ занимаются рыболовствомъ при озерахъ: Балбанскомъ и Ипсьемъ и охотою на песцовъ, въ особенности по хребту Ногосоты; къ зимѣ возвращаются въ лѣса.—d) Пагансѣда-тыссіи (отъ *пага*—губа, и *сьда*—сопка) то-есть, кочующіе у Паганской губы или губы Пагансѣда, у Пыткова камня. e) Сіусѣда-тыссіи (отъ *сіу*—семь, и *сьда*, сопка), то-есть, кочующіе у сопки Сіусѣда, у Заворотскаго носа, при вершинѣ р. Песчанки. Олени ихъ телятся у окраины лѣсовъ при рѣкахъ Шапкиной, Хабеягѣ и Колвѣ: къ іюню племена Пагансѣда и Сіусѣда-тыссіи подвигаются къ вершинамъ этихъ рѣкъ и доходятъ до моря, гдѣ до половины сентября занимаются ловлею рыбы и морскаго звѣря: осенью промышляютъ песцовъ по хребтамъ, а на зиму становятся на Колвинской и Харнесъ-лантѣ.

II. Логей, также многочисленное племя: a) Сяден-Логей (*ся*—гора, *нсядей*—горный идолъ). b) Уанакапъ-Логей (собачій родъ отъ *уанъ*—собака).c) Вылка-Логей (отъ Вылки—родопачальника). д) Пырерка-Логей (отъ *пырс*—щука), то-есть, занимающіеся щучьимъ промысломъ); весною у вершинъ Хырмора, особенно у сопки Савасѣда; къ лѣту идутъ къ устью Коротанхи, гдѣ занимаются (особенно племя Вылки-Логей) морскимъ промысломъ: осенью ловятъ омулей, которые, почуявъ холодъ, идутъ въ рѣки изъ моря: въ половинѣ октября промышляютъ рыбу и песцовъ у озера Харвея.

III. Выучей (бобры) и племя Выучей-Лантандеры, кочующіе по Малоземельской лантѣ (*Лантандеръ*—Малоземелецъ). Весною кочуютъ у р. Шапкиной, лѣтомъ у Пыткова камня и р. Найяги: осенью промышляютъ песцовъ по хребтамъ, а къ зимѣ приближаются къ озерамъ Арцею и Лайскому, и спускаются къ лѣсамъ по р. Хабеягѣ.

Лѣсовые роды (теперь извѣстные подъ названіемъ Самоѣдовъ Ижемскаго и частью Устьцылемскаго вѣдомствъ):

IV. Хатанзей, самый большой родъ изъ лѣсовыхъ.

V. Валей, малочисленный.

VI. Ванюта или Уанойта, еще менѣе.

Самоѣды, принадлежащіе къ лѣсовымъ родамъ, находятся большею частію въ работникахъ у Ижемцевъ. До 50-ти хозяевъ имѣютъ еще оленей, и то не болѣе 4,000 головъ. Кочевья ихъ такъ разбиты стадами Ижемцевъ, что не возможно опредѣлить постояннаго, ежегоднаго пребыванія ихъ на томъ или другомъ мѣстѣ, и положительно можно сказать только, что они слѣдуютъ за Ижемцами при неизмѣнномъ походѣ этихъ послѣднихъ отъ лѣсовъ къ морю противъ теченія рѣкъ Хабеяги, Колвы, Хырмора, Хузь-мора, Сіойды и Воркоты, и отъ моря къ лѣсамъ [1]).

Изъ этого видно, что въ Большеземельской тундрѣ родовой бытъ поддерживается тѣмъ, что каждый родъ знаетъ свое мѣсто и кочуетъ въ опредѣленныхъ предѣлахъ. Въ Канинской тундрѣ этого условія нѣтъ: въ ней кочуютъ Самоѣды безъ всякаго раздѣленія тундры между собою. Между тѣмъ прежде, не въ очень отдаленное время, тундра со всѣми ея угодьями была раздѣлена не только между родами, но какъ кажется, и между семьями. Лепехинъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Недвижимое имущество Самоѣдовъ заключается въ пространныхъ ихъ тундрахъ, означаемыхъ рѣками, гдѣ поселились издревле старинные родоначальники самоѣдскихъ семей, и привыкли содержать свои кочевья. Напримѣръ, Канинская рѣка Вижисъ принадлежитъ, по сему земскому самоѣдскому праву, ко владѣнію частнаго самоѣдскаго рода Худярова; то же разумѣть должно и о прочихъ самоѣдскихъ семействахъ, которыя надъ извѣстными урочищами имѣютъ и употребляютъ право частныхъ владѣльцовъ“ [2]). Да и въ царской жалованной грамотѣ 1545 г. упоминаются владѣнія отдѣльныхъ лицъ, напримѣръ: „да Индегу рѣку до желѣзныя рѣки, чѣмъ владѣли Самоѣды Малкѣй да Горчило да Емба“.

Самоѣды разказываютъ, что у нихъ прежде были князья, какъ теперь у Карачеевъ. Можетъ быть, отъ этихъ князей получила происхожденіе самоѣдская аристократія, о которой говоритъ Кастренъ. Вотъ какъ онъ описываетъ встрѣчу свою съ однимъ самоѣдскимъ аристократомъ: „Одинъ изъ Самоѣдовъ обратилъ на себя мое вни-

---

[1]) *Ислагинъ*, стр. 132–135.

[2]) Нут. Зап., IV, стр. 225.

маніе необыкновенною одеждою, страннымъ видомъ и пріемами. Самоѣдинъ этотъ былъ въ малицѣ, покрытой свѣтло синимъ сукномъ и украшенной пушистымъ подоломъ изъ собачьяго мѣху. Его пестрые сапоги были завязаны выше икоръ красными лентами съ кисточками, которыя спускались довольно низко. На самой маковкѣ у него была одѣта на бекрень острокопечная шапка изъ оленьяго мѣху. Во время разговора съ моими ямщиками Самоѣдинъ изгибался назадъ. Лѣвая рука неподвижно лежала при бедрѣ, правая была протянута, указательный палецъ дѣлалъ запятыя и черточки. Одинъ глазъ былъ закрытъ, а другимъ Самоѣдинъ тѣмъ пристальнѣе смотрѣлъ на свой предметъ. Его губы были чрезвычайно тонки и почти не шевелились, когда онъ говорилъ. Лобъ былъ низокъ, темя остроконечно. Эта странная физіономія принадлежала Самоѣдину-аристократу.... Богатый Самоѣдинъ, въ собственномъ мнѣніи гораздо значительнѣе многихъ маленькихъ князей и терзаетъ своихъ, менѣе счастливыхъ, земляковъ съ большею строгостью, чѣмъ многіе изъ сильныхъ міра. Будь у него къ тому же небольшая должность,—и спѣси его нѣтъ предѣловъ. Мой Самоѣдинъ, избранный своими земляками въ помощники старшины Канинской тундры, считалъ себя выше всѣхъ прочихъ аристократовъ своего племени, и онъ умѣлъ вести себя соотвѣтственно той самоувѣренности, какую внушали ему богатство и важность его сана“ [1]).

Что эта аристократія не исключительно денежная, а именно аристократія по происхожденію, удостовѣряетъ г. Верещагинъ въ своихъ „Очеркахъ Архангельской губерніи“. Онъ говоритъ: „У Самоѣдовъ есть родъ аристократическій и плебейскій. Самоѣдскій аристократъ ничѣмъ не уступитъ всякому другому: осанка его важна, и одежда лучше, нежели у прочихъ. Если ему случится быть въ гостяхъ и пить чай, то разливъ въ блюдечко чаю, онъ отдаетъ чашку въ руки своему слугѣ, который смиренно ожидаетъ, пока господинъ его выкушаетъ блюдечко“.

Эти аристократы выбираются преимущественно въ общественныя должности—старшинъ и ихъ помощниковъ. Въ самомъ уставѣ объ управленіи Самоѣдами сказано, что всѣ Самоѣды, носящія почетныя званія между своими родовичами, удерживаютъ свои

---

[1]) *Современникъ* 1845 г., № 7.

званія и пользуются „тѣми почестями, какія въ мѣстахъ ихъ жительства обычай имъ предоставляетъ“.

Самоѣды управляются двумя старшинами: одинъ завѣдуетъ Тиманскими и Канинскими Самоѣдами, другой—Большеземельскими. У Большеземельскаго старшины два помощника: одинъ Устьцылемскаго, другой—Ижемскаго вѣдомства. Старшины и ихъ помощники выбираются Самоѣдами на ихъ общихъ сходахъ, на три года, и имѣютъ надъ ними власть почти безаппеляціонную [1]), но пользуется такою властью только тотъ старшина, который сумѣетъ возбудить къ себѣ уваженіе подчиненныхъ своими личными качествами. Кромѣ старшинъ и ихъ помощниковъ, есть еще сотскіе и десятскіе, вполнѣ зависящіе отъ первыхъ. Сотскіе, по словамъ Отчета Печорской коммиссіи, суть начальники главныхъ родовъ, и власть ихъ наслѣдственная. Обязанности сотскихъ состоятъ въ сборѣ ясака и доставленіи Самоѣдовъ по требованію старшинъ и ихъ помощниковъ. Старшинамъ принадлежитъ какъ административная, такъ и судебная власть. Къ каждому старшинѣ и его помощникамъ опредѣляется писарь, для выполненія канцелярскихъ обязанностей.

Кромѣ своего выборнаго начальства, Самоѣды имѣютъ понятіе о существованіи другого, высшаго начальства, хотя понятіе довольно неблагопріятное для послѣдняго, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго разказа Кастрена: „Дорогой наткнулся на Самоѣдина, который отдыхалъ съ своими оленями. „Куда?“ спросилъ я. „Въ питейный домъ“, отвѣчали мнѣ твердымъ голосомъ. Отрекомендовавшись Самоѣдину какъ путешествующій чиновникъ, я завелъ съ нимъ разговоръ, и между прочимъ, случайно спросилъ о числѣ его оленей. Изъ этого онъ подозрительнымъ самоѣдскимъ умомъ сдѣлалъ заключеніе, что у меня есть виды на его оленей. Бѣднякъ сталъ умолять меня о пощадѣ, снялъ свою шапку и три раза ударился лбомъ о снѣгъ, покрывавшій мои сапоги“ [1]).

Старшинъ, ихъ помощниковъ и прочихъ должностныхъ лицъ Самоѣды выбираютъ на общественныхъ собраніяхъ, сходкахъ. При разбросанности членовъ самоѣдскаго общества эти собранія

---

[1]) Отчетъ коммиссіи по изслѣдованію Печорскаго края.

[2]) *Современникъ*, 1845 г., № 7.

у нихъ бываютъ рѣдко. У Канинскихъ Самоѣдовъ одинъ сборъ ихъ бываетъ осенью на полуостровѣ Канинѣ, на р. Губенихѣ, по окончаніи промысловъ. Второй сборъ бываетъ зимою въ селеніи Несп, гдѣ живетъ писарь и находится самоѣдская церковь. На этихъ собраніяхъ, кромѣ выбора должностныхъ лицъ, обсуждаются всѣ общественныя дѣла, напримѣръ, о повинностяхъ, разбираются всѣ частные иски, составляются духовныя завѣщанія и т. п. Приговоры и сдѣлки записываются писаремъ въ книгу. Кромѣ этихъ большихъ собраній, бываютъ еще небольшія сходки въ другое время года и въ другихъ мѣстахъ.

На общественныя собранія являются представители семействъ, обыкновенно люди средняго возраста, не старые и не молодые. Женщины ни въ какомъ случаѣ не допускаются. Главную роль на сходкахъ играютъ богачи, которыхъ голосъ наболѣе уважается.

При выборѣ въ старшины Самоѣды не имѣютъ въ виду какихъ-либо умственныхъ и нравственныхъ качествъ человѣка, по единственно его матеріальное положеніе. Даже физическіе недостатки, какъ-то: глухота и т. п., не служатъ препятствіемъ, лишь бы избираемый былъ богатъ, обладалъ большимъ числомъ оленей, чтобы, въ случаѣ недоимки, могъ покрывать ее, вносить подати за неимущихъ. Вслѣдствіе того выбираютъ въ старшины людей, иногда вовсе неспособныхъ исправлять свои обязанности, и власть такого старшины есть только номинальная, лишенная всякаго дѣйствительнаго значенія. Старшины служатъ безъ жалованья; прежде они пользовались за исправный платежъ ясака 2 % ясачной суммы.

Если старшинѣ нужно потребовать оленей отъ Самоѣдовъ, для подводы, то онъ вырѣзываетъ на дощечкѣ клейма тѣхъ Самоѣдовъ, отъ которыхъ требуются олени, означая противъ каждаго клейма рубежками число оленей, и затѣмъ, вырѣзавъ на дощечкѣ свое клеймо, посылаетъ ее для исполненія со своими десятскими; Самоѣды своимъ уставомъ обязываются исполнять безпрекословно такія предписанія своего старшины. Точно также предписывается и о собраніи ясачной подати. Въ послѣднемъ случаѣ рубежками означается количество рублей или шкуръ, требуемыхъ съ извѣстнаго лица. Обычай разсылать предписанія такимъ образомъ ста-

ринный. О немъ упоминаетъ Лепехинъ, который и представляетъ изображеніе такой дощечки [1]).

Изъ всѣхъ денежныхъ повинностей Самоѣды знаютъ только одну—платежъ податей, замѣнившій прежній ясакъ, который собирался пушнымъ товаромъ. Подати, уплачиваемыя Самоѣдами, очень не велики: одинъ рубль съ ревизской души. Онѣ взыскиваются старшиной на общественныхъ собраніяхъ. Кто не имѣетъ денегъ, тотъ представляетъ мѣха, кожи и другіе предметы, которые продаются старшиной, а деньги обращаются на уплату податей. Если отъ продажи вещей, полученныхъ старшиною для уплаты податей, будетъ выручено больше денегъ, нежели сколько слѣдуетъ, то старшина обязанъ возвращать остатки тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ были получены проданныя имъ вещи. Впрочемъ, каждый Самоѣдинъ имѣетъ право участвовать самъ въ продажѣ своихъ вещей и даже выкупать ихъ, внося слѣдующее для уплаты податей денегъ. Никто, кромѣ старшины, не имѣетъ права сбирать съ Самоѣдовъ подати. Но Русскіе и здѣсь придумали средство поживиться: они, за извѣстную плату старшинѣ, берутся сбирать подать съ самыхъ дальнихъ Самоѣдовъ, и пріѣзжая въ отдаленные чумы, получаютъ не узаконенный рубль, а два или два съ полтиной, смотря по тому, сколько вздумается взять [2]).

Изъ натуральныхъ повинностей Самоѣды отбываютъ только ямскую. Близъ Неси устроенъ ямъ, то-есть, чумъ съ оленями, назначенными отъ извѣстныхъ хозяевъ. На общественныхъ собраніяхъ составляется списокъ лицъ, которыя должны ставить оленей, а также число оленей. Это замѣчается на биркахъ. Ѣзда бываетъ отъ Неси только до Семжи въ одну сторону и въ другую до ближайшаго селенія.

Кромѣ того, никакихъ повинностей и сборовъ не бываетъ. Отправленіе требъ священниками безмездное: Самоѣды ничего не платятъ за ихъ исполненіе. Впрочемъ, по добровольному желанію жертвуютъ иногда на церковь оленей, чѣмъ выражаютъ свое религіозное рвеніе. Отъ этихъ пожертвованій, производящихся съ давняго времени, образовались при церквахъ порядочныя стада

---

[1]) Путев. Зап., IV, стр. 293.

[2]) Годъ на Сѣверѣ, изд. 2-е, стр. 448.

оленей, доходы съ которыхъ идутъ въ пользу церкви и священниковъ. Такъ въ Колвинской церкви, приходѣ Большеземельскихъ Самоѣдовъ, образовался было порядочный капиталъ, до 10-ти тысячъ рублей, и стадо оленей въ нѣсколько тысячъ, пожертвованныхъ Самоѣдами въ прежнія времена, когда они находились въ лучшемъ экономическомъ положеніи, чѣмъ теперь [1]).

У Самоѣдовъ-язычниковъ отправляютъ богослуженіе и другіе религіозные обряды ихъ жрецы-тадибеи, которые вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и знахарями. Званіе тадибея считается наслѣдственнымъ; никто не можетъ быть тадибеемъ, если не происходитъ изъ рода тадибеевъ. Это званіе наслѣдуется какъ мужчинами, такъ и женщинами; впрочемъ, женщины наслѣдуютъ его только въ такомъ случаѣ, если нѣтъ наслѣдниковъ мужчинъ [2]). Тадибеи, по понятіямъ Самоѣдовъ, могутъ сноситься съ духами и вызывать ихъ посредствомъ особыхъ обрядовъ, называемыхъ *битьемъ кудесъ*; въ ихъ сверхъестественную власть вѣрятъ и крещеные Самоѣды, а отчасти и Русскіе. Тадибеи, съ своей стороны, стараются всѣми силами поддерживать свое значеніе, которое приноситъ имъ матеріальныя выгоды. Въ своей долгой практикѣ они выработали многіе пріемы, фокусы, которыми удачно пользуются, чтобы морочить своихъ невѣжественныхъ поклонниковъ; напримѣръ, они пронзаютъ себя ножемъ, продѣваютъ чрезъ себя ремень и т. п. Кромѣ того, самый нарядъ тадибея, торжественность обрядовъ и его заученные пріемы—все это разчитано на то, чтобы производить предрасполагающее впечатлѣніе. Тадибеи, впрочемъ не всегда только шарлатаны; иногда они и сами вѣрятъ въ свою силу, какъ вѣрятъ въ нее ихъ поклонники-Самоѣды и даже Русскіе. Вотъ доказательство того, какъ эти послѣдніе вѣрятъ въ тадибеевъ: одинъ мезенскій крестьянинъ выстрѣлилъ въ тадибея въ увѣренности, что пуля должна отскочить отъ него, какъ думаютъ Самоѣды, и разумѣется, убилъ наповалъ. Самоѣды обращаются къ тадибеямъ за помощью для излѣченія отъ болѣзней и за различными предсказаніями, напримѣръ, о томъ, будетъ ли успѣшенъ промыселъ, и т. п.; въ случаѣ покражи, просятъ

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1868 г., № 103.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1849 г., № 12.

его узнать вора и указать, гдѣ похищенное. Если обращаются къ нему по дѣлу послѣдняго рода, то онъ предварительно распрашиваетъ о всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ кражу, и по разказу составляетъ свое предположеніе, которое, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, и высказываетъ, когда приходитъ въ восторженное состояніе и черезъ битье кудесъ вызываетъ духовъ. Тадибеи играютъ также роль лѣкарей, къ которымъ Самоѣды обращаются во всѣхъ болѣзняхъ, и имъ г. Максимовъ приписываетъ большую смертность между Самоѣдами, которые мрутъ, не достигая и 50-ти лѣтъ отъ роду [1]); но разумѣется, это явленіе обусловливается причинами болѣе общими, чѣмъ лѣченіе тадибеевъ. Но если тадибеи, своими невѣжественными пріемами при лѣченіи больныхъ, могутъ оказывать нѣкоторое вліяніе на увеличеніе смертности между Самоѣдами, то они еще гораздо вреднѣе въ томъ отношеніи, что, пользуясь своимъ значеніемъ, поддерживаютъ въ народѣ всякія вредныя суевѣрія и тѣмъ препятствуютъ его развитію, видя въ этомъ свои собственныя выгоды. Тадибеи за битье кудесъ или за совершеніе жертвоприношенія получаютъ плату оленями или какими-либо другими вещами, сколько кто можетъ дать. Плата эта дается подъ такимъ условіемъ: если отъ кудеса послѣдуетъ желаемый результатъ, то тадибей можетъ удержать плату; въ противномъ же случаѣ возвращается обратно [2]). Тадибей получаетъ также оленя, когда разрѣшаетъ родильницу отъ грѣха нарушенія супружеской вѣрности, которому Самоѣды приписываютъ трудные роды [3]).

По закону, судебная власть надъ Самоѣдами предоставляется исключительно старшинѣ, но на самомъ дѣлѣ бываетъ не всегда такъ; часто старшина судитъ вмѣстѣ съ міромъ, и преобладающее значеніе имѣетъ именно голосъ общества. Самоѣды, судясь въ своихъ общественныхъ собраніяхъ черезъ своихъ старшинъ, считаютъ ихъ рѣшеніе почти всегда окончательнымъ и очень рѣдко апелируютъ на него въ высшія инстанціи [4]).

---

[1]) Годъ на Сѣверѣ, стр. 438.
[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1849 г. № 12.
[3]) Описс. Арх. Губ. *Пошмана*, стр. 136.
[4]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1846 г., № 26.

Судебнымъ доказательствомъ служитъ снятіе виновнымъ иконы и положеніе себѣ на голову со словами: „Побей меня Богъ, когда я виноватъ“. Самоѣды нынѣ не считаютъ себя въ правѣ приводить обвиняемаго къ цѣлованію образа. Старинная присяга Самоѣдовъ-язычниковъ—*рота*, нынѣ не употребляется оффиціально, хотя и утверждена самоѣдскимъ уставомъ, какъ законная форма присяги для Самоѣдовъ некрещеныхъ; но промежъ себя, частно, Самоѣды еще придерживаются ея. По уставу рота состоитъ въ слѣдующемъ: обвиненный, котораго заставляютъ принять присягу, вырѣзываетъ идола, зимою изъ снѣгу, а лѣтомъ изъ земли, и разрубаетъ его пополамъ со словами: „Пусть я самъ такъ буду разрѣзанъ, если сказалъ неправду, и пусть мнѣ не встать завтра поутру съ мѣста, а какъ спалъ, такъ бы мнѣ вѣчно и лежать“ [1]). Кромѣ этой, употребляются и другія формы роты. Самая употребительная состоитъ въ томъ, что оказывающіе свою правду грызутъ шкуру или *мырку* (морду) бѣлаго или бураго медвѣдя со словами: „Пусть меня изгрызетъ такъ звѣрь, какъ я грызу его, если я виноватъ“. Кастренъ упоминаетъ о слѣдующаго рода присягѣ: если обокрадутъ Самоѣда, и подозрѣніе падетъ на кого-нибудь, то дѣлаютъ истуканъ изъ камня, дерева, земли или снѣгу, потомъ убиваютъ собаку, разбиваютъ истуканъ и обращаются къ заподозрѣнному въ воровствѣ со словами: „Если ты укралъ, то падешь, какъ эта собака“. Обрядъ этотъ пользуется такимъ почтеніемъ у Самоѣдовъ, что преступникъ не рѣшится къ нему приступить, но скорѣе признается въ преступленіи. Вотъ еще одинъ торжественный видъ такой присяги: Самоѣды, собравшись въ одно мѣсто, дѣлаютъ изъ снѣгу или изъ глины нѣсколько острокопечныхъ треугольныхъ болвановъ, съ изображеніемъ лица, и поставя ихъ на снѣгъ, приводятъ къ тому мѣсту черную собаку и приносятъ посъ бѣлаго медвѣдя. Послѣ того прикосновенные къ дѣлу Самоѣды раздѣваются до-нага и становятся въ кучу лицомъ къ лицу,

---

[1]) Почтенный авторъ здѣсь, вѣроятно, смѣшиваетъ правила, составленныя въ особомъ временномъ комитетѣ, учрежденномъ на основаніи § 37 Устава, съ этимъ послѣднимъ, такъ какъ въ самомъ Уставѣ, помѣщенномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, вышеизложеннаго обряда роты или присяги не установлено. *Прим. ред.*

глядя съ благоговѣніемъ на небо и произнося слѣдующія слова: „Богъ насъ накажи, чтобы пожрала насъ земля, растерзали бы тѣла наши дикіе звѣри“. Потомъ убиваютъ собаку и въ ту-же минуту вырѣзываютъ изъ нея сердце, которое бросаютъ на снѣгъ или на землю, и когда оно еще трепещетъ, каждый присягавшій схватываетъ его поочередно съ земли, отрѣзываетъ отъ него ножемъ частицу и затѣмъ бросаетъ на землю; потомъ каждый отрѣзываетъ по частицѣ бѣлаго медвѣдя и ѣстъ. Наконецъ болвана мажутъ кровью и разбиваютъ на мелкіе куски [1]). Лепехинъ также упоминаетъ о самоѣдской ротѣ: „Самоѣды, жившіе по р. Енисею за Капиным носомъ, клянутся или ротятся, какъ тамъ говорятъ Русскіе,—старыми деревянными, оставленными идолами или вырѣзаннымъ подобіемъ ихъ изъ снѣгу. Когда клянутся, то положа срокъ своей жизни на два-три дня или мѣсяца, принимаются за болвановъ и рѣжутъ ихъ ножемъ, говоря: „Чтобы мнѣ болѣе того срока не прожить, ежели я виноватъ“. Клятва эта имѣла тамъ превеликую силу и рѣзавшіе кумировъ, ежели въ самомъ дѣлѣ были виноваты, отъ угрызенія совѣсти умирали, а другихъ невинность открывалась въ теченіе того времени, до котораго срокъ былъ положенъ“ [2]).

Кромѣ присяги, дознаніе и разборъ каждаго дѣла основывается на показаніяхъ свидѣтелей, которыхъ допрашиваютъ въ собраніи просто, безъ присяги.

Наказанія, какія полагаются самоѣдскими обычаями за различные проступки и преступленія, излагаются въ уставѣ, изъ котораго мы и дѣлаемъ выписки съ примѣчаніями священника I. Спицова [3]):

1) „Ежели кто изъ Самоѣдовъ, вытаскивая самовольно изъ существующихъ, не принадлежащихъ ему, лисьихъ или песцовыхъ норъ щенятъ, изломаетъ норы, отъ чего они отбѣгаютъ въ другія дальнія мѣста, причиняя черезъ сіе настоящимъ владѣльцамъ потомственный убытокъ,—то владѣлецъ сихъ норъ о виновномъ въ такомъ

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1846 г., № 11.

[2]) Пут. Зап., IV, стр. 113.

[3]) Авторъ ошибочно называетъ и въ этомъ случаѣ Уставомъ вышеозначенныя правила, составленныя особымъ временнымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи. *Прим. ред.*

убыткѣ объявляетъ старостѣ, который заставляетъ виновнаго, чтобы онъ удовлетворилъ обиженнаго, по взаимному между ними согласію". Священникъ Спицовъ замѣчаетъ, что у Самоѣдовъ нѣтъ теперь дѣленныхъ норъ, такъ какъ они владѣютъ тундрой и ея угодьями сообща, а потому каждый можетъ пользоваться норой, какую найдетъ. Но замѣчаніе относится собственно къ Канинской тундрѣ; въ Большеземельской же эта статья устава можетъ имѣть примѣненіе, такъ какъ тамъ Зыряне дѣйствительно разоряютъ песцовыя норы, принадлежащія Самоѣдамъ [1]). О разрытіи норъ крестоватиковъ и о выкуриваніи изъ нихъ животныхъ дымомъ, говоритъ и г. Гофманъ: этотъ способъ охоты у Самоѣдовъ запрещенъ, потому что норы въ такомъ случаѣ навсегда покидаются пушными обитателями. Они безпрестанно приносятъ жалобы на Зырянъ, за то, что эти охотники выкуриваютъ лисицъ и разоряютъ норы. Поэтому въ послѣднее время, по приговору мірской сходки, каждый Зырянинъ, выходящій въ тундру на охоту, долженъ сперва обязаться въ Ижмѣ подпискою не выкуривать ни одного песца изъ норы [2]).

2) „Ежели кто изъ Самоѣдовъ за отпущенное въ долгъ вино или за какіе-либо другіе долги самовольно захватитъ одного или нѣсколькихъ оленей, либо другое какое-либо имущество, или что̀ изъ промысла,—то староста отнятое самовольно возвращаетъ обиженному". По словамъ священника Спицова, нѣтъ примѣровъ, чтобы Самоѣды торговали виномъ, кромѣ настоящаго ихъ писаря, незаконнорожденнаго Самоѣдина, который выросъ въ Архангельскѣ: у него цѣна винy опредѣленная—олень за 1/4 ведра.

3) „Ежели Самоѣдинъ, встрѣтясь на дорогѣ съ другимъ, который ему долженъ, выпряжетъ изъ саней оленя и уведетъ, а должника оставитъ на пустомъ мѣстѣ: то сей, дошедъ до старосты, объявляетъ о семъ ему, а староста призываетъ виновнаго и отбираетъ отъ него то, что̀ имъ отнято, заставляя при томъ возвратить обиженному вмѣсто одного двухъ оленей". Священникъ Спицовъ замѣчаетъ: Никогда не случается, чтобы Самоѣдинъ лишилъ другаго Самоѣдина оленей такимъ образомъ, и подобнаго лихоимца

---

[1]) *Исламинъ*, стр. 94.

[2]) Сѣв. Уралъ, I.

засудили бы всѣ родовичи, а не одинъ старшина, такъ какъ у Самоѣдъ Тиманской и Канинской тундръ старшина есть только сборщикъ ясака, а дѣла рѣшаются по голосу собранія; вообще Самоѣды очень не притязательны во взысканіи долговъ.

4) „Ежели у настоящаго владѣльца другой займетъ лисьи или песцовыя норы, либо заборъ въ рѣкѣ или озерѣ, а прежняго владѣльца къ тому не допуститъ,—то староста, въ случаѣ жалобы, принуждаетъ виновнаго весь причиненный имъ убытокъ обиженному вознаградить“. Это относится къ Большеземельскимъ Самоѣдамъ.

5) „Ежели кто изъ поставленной въ тундрѣ чужой ловушки тайно вынетъ песца или другого звѣря и хозяинъ ловушки, узнавъ о виновномъ, объявитъ старостѣ, то сей послѣдній, по обличеніи виновнаго, принуждаетъ его удовлетворить обиженнаго вдвое.

6) „Ежели Самоѣдинъ что̂ украдетъ и въ томъ сознается или будетъ изобличенъ, то староста приказываетъ виновному удовлетворить обиженнаго также вдвое“.

7) „Поелику каждый Самоѣдинъ имѣетъ обычай употреблять для себя собственное клеймо въ видѣ именнаго или другаго знака, которымъ клеймитъ своихъ оленей, а къ договорамъ и другимъ бумагамъ прикладываетъ оное вмѣсто рукоприкладства,—то тайно переклеймившій чужаго оленя, то-есть, изъ чужаго клейма сдѣлавшій на оленѣ свое, присуждается старостою отдать обиженному вдвое, то-есть вмѣсто одного—двухъ, вмѣсто десяти—двадцать и т. п.“

8) „Ежели сойдутся олени разныхъ хозяевъ, одно стадо съ другимъ, и хозяинъ или заступающій его мѣсто перегонитъ изъ чужаго стада въ свое и присвоитъ одного или нѣсколькихъ оленей, то староста присуждаетъ виновнаго заплатить за то обиженному вдвое“. По свидѣтельству священника Спицова, дѣла по послѣднимъ четыремъ статьямъ возникаютъ главнымъ образомъ не у Самоѣдовъ между собою, а у Самоѣдовъ съ Русскими. Онъ говоритъ также, что обычай уплачивать обиженному вдвое не есть чисто самоѣдскій, а прививается къ Самоѣдамъ искусственно правилами устава; но онъ, кажется, ошибается. Сколько намъ извѣстно, это коренной, древній обычай Самоѣдъ, какъ они сами свидѣтельствуютъ, и справедливость его они отстаиваютъ твердо. Необходимость вознаграждать обиженнаго двумя оленями вмѣсто одного,

они доказываютъ такъ: если отдать одного оленя, то виновный вмѣсто хорошаго, убитаго имъ, можетъ дать худаго, и такимъ образомъ обиженный не будетъ вознагражденъ какъ слѣдуетъ.

9) „Ежели кто изъ Самоѣдовъ изобидитъ другого словами: то въ сей обидѣ Самоѣды не просятъ удовлетворенія, и одинъ съ другимъ взаимно по согласію примиряются". Священникъ Спицовъ говоритъ, что Самоѣды рѣдко приносятъ жалобы объ обидахъ, а большею частью бросаютъ дѣло по вмѣшательству третьей стороны, примиряющей ихъ.

10) „Ежели кто изъ Самоѣдовъ причинитъ другому побои руками или какимъ орудіемъ, то староста, по жалобѣ обиженнаго, присуждаетъ виновнаго заплатить первому одного или нѣсколько, не болѣе жь однако двухъ или трехъ оленей, судя по состоянію виновнаго, либо удовлетворитъ обиженнаго на такую же сумму, сообразно цѣнности оленей, другимъ имуществомъ".

11) „Ежели двое Самоѣдовъ промышляли вмѣстѣ и одинъ другому не отдалъ полной половины промысла, то по жалобѣ обиженнаго, староста принуждаетъ, чтобы удержавшій немедленно отдалъ первому все то, что имъ неправильно удержано".

12) „Ежели кто съ товарищемъ отправится промышлять на море и товарищъ изломаетъ у пригласившаго его лодку или повредитъ что-либо другое, и чрезъ то остановитъ промыселъ: то обиженный, по возвращеніи своемъ, объявляетъ о томъ старостѣ, а сей приказываетъ виновному заплатить обиженному убытокъ противъ того, на сколько другіе промышляли".

13) „Ежели кто раньше другихъ прибудетъ на общее промышленное мѣсто и опромышляетъ звѣрей на ономъ, а остальныхъ разгонитъ, другіе же черезъ то лишаются промысла, то староста, по жалобѣ ихъ, приказываетъ добытый первымъ промыселъ раздѣлить на всѣхъ тѣхъ, кто подвергнулся черезъ то убытку".

14) „Когда кто изъ Самоѣдовъ окормитъ оленьи мхи своимъ большимъ стадомъ, при морскихъ берегахъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ многіе бѣдные Самоѣды производятъ промыслы морскихъ звѣрей и кормятъ своихъ оленей въ маломъ числѣ: то, по жалобѣ обиженныхъ, староста запрещаетъ окармливать такія притомныя мѣста".

15) „Когда русскіе хозяева оленьихъ стадъ или богатые Самоѣды займутъ лучшія рѣки и сдѣлаютъ въ нихъ заборы или за-

владѣютъ лучшими озерами для ловли рыбы, а бѣдныхъ Самоѣдовъ, которые прежде въ тѣхъ рѣкахъ пропзводили промыселъ, къ тому не допустятъ,—то, по жалобѣ сихъ послѣднихъ, староста запрещаетъ, какъ Русскимъ, такъ и богатымъ Самоѣдамъ, занимать тѣ рѣки и озера, предоставя оныя бѣднымъ, которые изстари въ сихъ рѣкахъ и озерахъ промышляли. Эта статья не исполняется на дѣлѣ.

16) „Ежели сынъ отца не слушаетъ, а дѣлаетъ все по своему праву и отецъ объявитъ о семъ старостѣ при общественномъ собраніи, то по сей просьбѣ виновный сынъ, согласно желанію родителя своего, наказывается розгами“. Эта статья устава также не примѣняется на дѣлѣ: обыкновенно семейныя распри Самоѣдовъ не выходятъ на судъ, а улаживаются домашнимъ образомъ. Если сынъ не слушается отца, то послѣдній расправляется самъ, побьетъ ослушника, а не жалуется на него; розогъ также вовсе не внаютъ Самоѣды.

17) „Ежели братъ съ братомъ, живя вмѣстѣ, будетъ ссориться, и одинъ изъ нихъ объявитъ о томъ старостѣ съ тѣмъ, чтобъ ихъ раздѣлить, то староста принуждаетъ обоихъ тѣхъ братьевъ при общественномъ собраніи безобидно раздѣлиться“. Священникъ Синцовъ замѣчаетъ, что и въ дѣлежѣ Самоѣды также не прибѣгаютъ къ власти, а пропзводятъ его сами.

18) „Ежели кто изъ Самоѣдовъ возьметъ у другого, безъ согласія сего послѣдняго, топоръ, или ножъ, или долото, либо другое какое орудіе, употребляемое при дѣланіи санокъ и другихъ домашнихъ вещей и изломаетъ: то, по жалобѣ, хозяину сихъ вещей староста приказываетъ на мѣсто поврежденныхъ отдать свои или вновь купленныя цѣлыя вещи“.

19) „Ежели кто, потерявши оленя или оленью шкуру, либо другую какую вещь, увидитъ опую послѣ у другого и насильно возьметъ у него, какъ свою собственность, то, по дошедшей о томъ жалобѣ, староста оставляетъ оную во владѣніи того, кому она дѣйствительно принадлежитъ; а буде тотъ, у коего вещь сія будетъ отобрана, нашелъ ее и о томъ сказалъ тогда, какъ она найдена, кому либо изъ принадлежащихъ къ семейству своему Самоѣдовъ, въ такомъ случаѣ хозяинъ таковыхъ вещей обязанъ возвратить нашедшему ихъ третью часть того, что они стоятъ“.

Вознагражденіе третьею частью не есть коренной самоѣдскій обычай.

20) „Ежели кто издереть чумовыя кожи, пзломаетъ шесты и другія чумовыя вещи: то, по жалобѣ обиженнаго, староста приказываетъ виновному немедленно заплатить или деньгами или оленями, либо другими вещами вдвое противъ того, чего поломанное стопло". По обычаямъ самоѣдскимъ, вознаграждаютъ не вдвое въ этомъ случаѣ, а даютъ только стоимость того, что̀ было поломано.

Жалобы по дѣламъ, до которыхъ касаются послѣднія три статьи устава, предъявляются словесно старшинѣ и собранію Самоѣдовъ, когда оно бываетъ. Тогда же онѣ разбираются и дается приказъ объ удовлетвореніи: если отвѣтчика нѣтъ, то міръ даетъ обиженному одного или двухъ десятскихъ для исполненія взысканія.

Въ 21-й статьѣ говорится о способѣ, какимъ старосты требуютъ отъ Самоѣдовъ оленей посредствомъ рубежей. Но объ этомъ нами сказано было выше.

22) „Если староста потребуетъ кого-либо изъ Самоѣдовъ для спроса, или для какой-нибудь другой надобности, а онъ не послушается и добровольно не пріѣдетъ: то староста присылаетъ за нимъ десятскаго и велитъ привесть его къ себѣ и заплатить, что̀ слѣдуетъ, за подводу, на которой посланъ былъ десятскій".

23) „Самоѣдскіе старосты жалобы Самоѣдовъ по разнымъ случаямъ разбираютъ посредствомъ свидѣтелей".

24) „При семъ разборѣ старосты не приводятъ свидѣтелей крещенныхъ къ цѣлованію образа, а некрещенныхъ къ ротѣ, но вѣрятъ имъ просто по совѣсти".

25) „Ежели обвиняемый Самоѣдъ по недостатку уликъ запирается въ винѣ своей, то староста, при собраніи другихъ Самоѣдовъ, заставляетъ его, буде онъ изъ воспріявшихъ христіанскую вѣру, поцѣловать находящуюся въ чумѣ св. икону, съ тѣмъ, чтобы прекрестился передъ опою и произнесъ, что онъ цѣлуетъ сію святую икону въ томъ, что взносимаго на него онъ не сдѣлалъ".

Въ 26-й статьѣ говорится о присягѣ обвиняемаго изъ некрещенныхъ Самоѣдовъ. Но объ этомъ упомянуто нами ранѣе [1]).

---

[1]) Эти правила, составленныя по самоѣдскимъ закопамъ и обычаямъ вышеозначеннымъ временнымъ Комитетомъ, приведены въ статьѣ архимандрита *Веніамина*: „Мезенскіе Самоѣды", въ *Этногр. Сборникѣ*, вып. IV.
Прим. ред.

Вотъ всѣ выписки изъ устава, касающіяся суда и расправы. Изъ примѣчаній къ нимъ можно видѣть, что эти правила далеко не всегда основываются на самоѣдскихъ юридическихъ обычаяхъ, и что нѣкоторыя положенія устава произвольны. Кромѣ того, уставъ далеко не обнимаетъ всѣхъ юридическихъ отношеній, какія могутъ возникнуть даже въ такомъ несложномъ по составу обществѣ, каково самоѣдское.

Приведемъ въ дополненіе еще нѣсколько свѣдѣній, какія мы имѣемъ объ обычаяхъ Самоѣдовъ при судѣ и расправѣ.

Если богатый Самоѣдинъ отказалъ нуждающимся бѣднякамъ въ оленѣ для пропитанія, то тѣ угоняютъ у богача по оленю или по два на человѣка, и общій ихъ мірской судъ оставляетъ эту кражу безъ взысканія, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, богатый обязанъ помогать бѣдному и не долженъ позволять ему страдать отъ голода. Нарушенія этого обязательства со стороны богачей бываютъ рѣдко; оттого очень рѣдко случается, чтобы Самоѣды крали у Самоѣдовъ, между тѣмъ какъ у Русскихъ они крадутъ часто.

За безчестье, нанесенное замужней женщинѣ или дѣвицѣ, или за причиненное насиліе виновный обязанъ заплатить въ пользу обиженныхъ, по приговору старшины, нѣсколько оленей [1]).

Если дѣвушка родитъ ребенка, то ея не наказываютъ; но за нарушеніе супружеской вѣрности мужъ наказываетъ жену побоями или отсылаетъ обратно къ ея родителямъ, а любовнику жены мужъ мститъ слѣдующимъ образомъ: повстрѣчавшись съ нимъ, онъ отпрягаетъ и уводитъ изъ его саней одного оленя; тотъ, чувствуя себя виновнымъ, не протестуетъ и ѣдетъ дальше [2]).

Въ заключеніе замѣтимъ, что преступленія между Самоѣдами очень рѣдки, и что проявленіе дикихъ страстей, очень естественное у народа, стоящаго на такой низкой ступени умственнаго развитія, смягчается у нихъ замѣчательнымъ добродушіемъ, склонностью прощать обиды и готовностью всегда помириться съ своимъ врагомъ. Между Самоѣдами, даже язычниками, очень нерѣдки примѣры такого великодушія, которые сдѣлали бы честь развитому человѣку, христіанину [3]).

---

1) *Арх. Губ. Вѣд.* 1846 г., № 26.

2) *Ислагинъ*, стр. 131.

3) *Арх. Губ. Вѣд.* 1870 г., № 22.

ЗАМѢТКИ О КИРГИЗСКОМЪ СУДѢ [1].

Настоящія замѣтки имѣютъ цѣлью представить въ сжатомъ очеркѣ нѣкоторыя стороны быта Киргизовъ Средней орды, среди которыхъ автору пришлось прожить долгое время. Замѣтки эти касаются существеннаго для Киргизовъ предмета, а именно— ихъ суда по мѣстнымъ обычаямъ.

Киргизскій народный судъ вполнѣ гласный и притомъ аппеляціонный; толпа сидитъ и слушаетъ, а иногда вмѣшивается и въ рѣшеніе. Тяжущіяся стороны должны сами явиться на судъ, который и рѣшаетъ ихъ дѣла. Заочныя рѣшенія бываютъ очень рѣдко, и то въ маловажныхъ только случаяхъ, но непремѣнно при довѣренныхъ лицахъ.

---

[1]) Для уясненія нѣкоторыхъ сторонъ киргизскаго суда, затронутыхъ настоящими замѣтками, написанными образованнымъ Башкиромъ, служащимъ переводчикомъ при Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, можно указать на статью о юридическихъ обычаяхъ Малой Киргизской орды, помѣщенную въ *Запискахъ Оренбургск. Отд. Русск. Геогр. Общ.* 1871 г., вып. 2-й, стр. 45—167. Г. Ибрагимовъ—авторъ интересныхъ „Очерковъ быта Киргизовъ“ въ *Древней и Новой Россіи* за 1876 г., № 9. Кромѣ того, любопытныя свѣдѣнія о юридическихъ обычаяхъ Киргизовъ заключаются въ Сборникѣ обычнаго права Сибирскихъ инородцевъ, изданномъ по копіи съ рукописи II-го отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи въ 1876 г. въ Варшавѣ профессоромъ Варш. университета *Д. Я. Самоквасовымъ*, стр. 245—272.

Прим. ред.

Явившіяся на судъ лица должны сѣсть передъ судомъ не иначе, какъ „джугунубъ“, то-есть, на колѣняхъ, поджавъ ноги подъ себя. Слово „джугуню“ значитъ: обращаться къ лицу за рѣшеніемъ.

Киргизъ, имѣющій претензію, обращается къ бію [1]) (судья), или вѣрнѣе сказать, къ тому богатому лицу, въ аулѣ котораго проживаетъ его отвѣтчикъ, или что̀ также часто случается—къ тому богатому и почетному лицу, подъ вліяніемъ котораго находится его отвѣтчикъ, или же наконецъ—къ своему родоначальнику.

Если истецъ не получитъ удовлетворенія отъ перваго изъ упомянутыхъ лицъ, то онъ обращается къ второму, и наконецъ, къ третьему лицу. Киргизъ, который не разчитываетъ на добросовѣстное рѣшеніе первыхъ двухъ лицъ, обращается прямо къ послѣднему, съ ясауломъ (исполнителемъ порученій) котораго и отправляется къ родоначальнику своего отвѣтчика.

Если просьба просителя справедлива, то по рѣшенію родоначальника, отвѣтчикъ платитъ ясаулу „кутъ-май“ и „атъ-май“ [2]); въ противномъ же случаѣ ихъ платитъ проситель.

Киргизы, враждующіе между собою, по добровольному согласію выбираютъ для рѣшенія своихъ дѣлъ, на каждый случай отдѣльно, такихъ Киргизовъ или родоначальниковъ, которые не заинтересованы въ дѣлѣ. Нерѣдко бываетъ даже и такъ, что вдовы знатныхъ особъ, пользующіяся въ степи уваженіемъ, рѣшаютъ тяжебныя дѣла. Есть впрочемъ въ степи такіе Киргизы, которые именуются біями, и которые своимъ умомъ и справедливыми рѣшеніями утвердили за собою это имя. Киргизы произносятъ имена такихъ лицъ не иначе какъ съ прибавкою къ ихъ собственному имени слово „бій“, на примѣръ: Арсланъ-бій, Чалдыкъ-бій, Джарылгабъ-бій, [3]) и т. д.

---

[1]) Біемъ въ степи считается всякій Киргизъ, избранный тяжущимися для рѣшенія ихъ дѣла.

[2]) *Кутъ*—задняя часть, *май*—жиръ, *атъ*—лошадь; значитъ, плата берется, буквально переводя, за убавку жира въ сидѣньи у сѣдока и его лошади.

[3]) Во избѣжаніе недоразумѣній считаемъ нужнымъ оговорить, что слово *бій* имѣетъ различное значеніе; такъ напримѣръ, въ независимыхъ среднеазіатскихъ ханствахъ оно означаетъ особый чинъ, даваемый послѣ чина *токсаба*, и съ которымъ не связано никакихъ судебныхъ обязанностей.

Отъ рѣшенія такихъ именитыхъ біевъ враждующія стороны не могутъ уклоняться; если одна которая-нибудь сторона отказывается отъ явки къ такимъ біямъ, то враждующіе, по соглашенію между собою, идутъ къ тому лицу, отъ рѣшенія котораго зависитъ идти или нѣтъ къ этому бію.

Недовольные рѣшеніемъ бія и родоначальниковъ терпѣливо ждутъ большаго собранія или *поминокъ*, куда они обыкновенно привозятъ съ собою старшаго изъ своего аула или изъ своего рода, и этотъ старшій долженъ защищать своихъ передъ собравшеюся публикой (въ этихъ собраніяхъ предсѣдательствуетъ старшій изъ прибывшихъ гостей), рѣшенію которой передается апелляціонное разсмотрѣніе дѣла, при чемъ такое рѣшеніе общества считается ужь окончательнымъ.

Такъ какъ всякое мало мальски заслуживающее вниманія дѣло бываетъ въ степи болѣе или менѣе извѣстно всей окрестности со всѣми подробностями, то народное собраніе немедленно постановляетъ рѣшеніе. такъ какъ Киргизы не любятъ волокиты въ рѣшеніи дѣлъ и не придаютъ большой вѣры показаніямъ свидѣтелей. Первому рѣшавшему дѣло бію, если онъ пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ, народное собраніе посылаетъ выбранное изъ своей среды лицо для объясненія ему обстоятельствъ дѣла, на основаніи которыхъ они постановили новое рѣшеніе.

Нетерпѣливый Киргизъ, когда его отвѣтчикъ уклоняется отъ рѣшенія дѣла, заставляетъ его явиться на судъ барантой [2]), то-есть, угономъ у отвѣтчика скота, который при разбирательствѣ дѣла возвращается явившемуся хозяину; этимъ онъ ускоряетъ рѣшеніе дѣла; за баранту отвѣтчикъ не подвергается никакой отвѣтственности и никакому штрафу; на баранту Киргизы смотрятъ какъ на мѣру побудительную. Баранту производятъ еще въ такихъ случаяхъ, когда одна сторона изъ тяжущихся не довольна постановленіемъ рѣшенія; посредствомъ баранты аппелирующій вызываетъ своего противника вторично на судъ, на разсмотрѣніе

---

[2]) Слово *баранта*, или вѣрнѣе — *барымта*, вовсе не означаетъ грабежъ; по нашему мнѣнію, оно происходитъ отъ слова *баръ*—есть, *барымъ* — мое есть, *барымта* — мнѣ слѣдуемое; *та* есть приставка, образующая имя существительное, напримѣръ: *балмакта*, *турмакта*, *гормакта* и т. д.

котораго представляетъ первое рѣшеніе. Но за баранту, произведенную въ третій разъ, виновные подвергаются штрафу, и т. д.

При барантѣ, строго говоря, угоняется не весь вообще скотъ, принадлежащій противной сторонѣ, а только та часть его, которая равняется заявленному иску. При этомъ, конечно, невсегда соблюдается справедливость и часто угоняется скота больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Безвинно пострадавшимъ отъ притѣсненія и несправедливаго рѣшенія біевъ общество дѣлаетъ добровольный сборъ и тѣмъ заставляетъ ихъ забыть обиду и прекратить дѣло.

Біи (судьи), которыхъ выбираютъ Киргизы для рѣшенія своихъ дѣлъ, рѣшаютъ всѣ безъ исключенія, какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла, не руководствуясь ни какими писанными законами, а своими обычаями, преданіями, повѣрьями и вѣрованіями, переходящими изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Слѣдовательно, они живутъ по своимъ законамъ и понятіямъ, установившимся вслѣдствіе ихъ образа жизни, взглядовъ, условій ихъ быта и проч. 1).

Біи эти, при рѣшеніи дѣлъ, внимательно выслушиваютъ сначала одну сторону—истца, потомъ—отвѣтчика. При этомъ для уясненія обстоятельства дѣла, какъ себѣ, такъ и слушающей публикѣ, они нерѣдко задаютъ той и другой сторонѣ вопросы, приводятъ примѣры, ловятъ на словѣ изворотливаго Киргиза, и такимъ образомъ, стараясь вызвать общее одобреніе со стороны публики, заявляютъ свои способности, употребляя для обнаруженія истины такіе пріемы, которые принято относить къ обязанностямъ адвоката, а не судьи.

Біи большею частію дѣла не только маловажныя, но и самыя крупныя, уголовныя, родовыя, рѣшаютъ, если нѣтъ достаточныхъ улпкъ, либо „карындасъ-кыбъ“, то-есть, миролюбиво, точнѣе говоря,

---

1) 9-я статья II-го отдѣла „О судѣ и судьяхъ“. Въ сборникѣ оффиціально собранныхъ обычаевъ Киргизовъ сказано: „Судъ составляется изъ одного почетнаго бія, а оный уже собираетъ тоже достойныхъ шесть человѣкъ изъ Киргизовъ; всѣ они разбираютъ дѣло и совѣтуются, по бію какъ предсѣдателю дается первенство въ сужденіи и тѣмъ рѣшаются какія бы то ни было дѣла“ (см. Сборникъ обычнаго права Сибирскихъ инородцевъ, изд. пр. *Самоквасовымъ*, стр. 247). *Прим. ред.*

по родственному, или же „джанъ-миенъ“—присягою [1]). Вообще мудрые біи, пользующіеся въ народѣ уваженіемъ, стараются рѣшать дѣла миролюбиво; случается даже, что они нѣсколько задерживаютъ тяжущихся, не объявляя имъ своего рѣшенія, дабы сблизить ихъ и тѣмъ отстранить отъ присяги, не приносящей, какъ сами Киргизы говорятъ, никакой пользы, а только грѣхъ.

Нерѣдко такіе біи при рѣшеніи важныхъ дѣлъ, видя передъ собою двухъ сильныхъ тяжущихся и желая окончить дѣло миромъ, изъ боязни дурныхъ послѣдствій въ случаѣ неудовольствія одной изъ сторонъ, стараются связать стороны родственными узами, то-есть, либо женятъ одного на сестрѣ, на дочери другого, или же, если у одного сынъ, а у другаго дочь, то заставляютъ ихъ обняться и назвать другъ друга „кудà“, сватами.

Бываетъ еще и такъ: у Киргизовъ, напримѣръ, существуетъ обычай дружиться, при чемъ одинъ обнимаетъ другаго черезъ обнаженную саблю, давая обѣтъ дружбы. Сущность такой дружбы заключается въ томъ, что друзья никогда и не въ чемъ не отказываютъ одинъ другому. Обыкновенно поочередно они пріѣзжаютъ другъ къ другу, дѣлаютъ „калау“, выборъ, и безъ всякаго отказа получаютъ ту вещь или скотину, какую выбрали. Выборъ падаетъ на иноходцевъ, беркутовъ, соколовъ, скакуновъ, ковры и вообще рѣдкости. Біи, пользуясь этимъ обычаемъ, заставляютъ двухъ тяжущихся обняться и даютъ право „калау“ той сторонѣ, которая заявила искъ, а отвѣтчику въ свою очередь опредѣляютъ для пріѣзда за „калау“ самый отдаленный срокъ. Эта маленькая хитрость дѣлается для того, чтобы враги въ теченіе этого времени могли помириться и вознаградить взаимные убытки, такъ чтобы вражда ихъ не разгоралась болѣе, по крайней мѣрѣ до того времени (до какихъ-либо большихъ поминокъ, празднуемыхъ въ степи особенно торжественно), когда всѣ такія тяжбы и пски прекращаются посредствомъ вмѣшательства въ тяжбу вліятельныхъ лицъ цѣлаго племени.

Если нельзя обойтись безъ присяги, то біи обыкновенно

---

[1]) Буквально *джанъ-миенъ* значитъ: душою или по душѣ. Дать присягу, по понятію Киргиза, значитъ: отдать душу; у нихъ не существуетъ выраженія: я принялъ присягу, я принимаю присягу; вмѣсто этого они говорятъ: я отдаю душу, или отдалъ душу.

опредѣляютъ, какая изъ сторонъ должна доставить людей къ присягѣ, для очищенія виновности или невиновности, потому что самихъ тяжущихся, какъ сказано выше, не допускаютъ къ принятію присяги, кромѣ маловажныхъ только случаевъ.

Послѣ этого опредѣляютъ, смотря по важности заявленнаго иска и достоинству заявившихъ личностей, которая сторона должна доставить людей для присяги. При этомъ опредѣляется и число присяжныхъ лицъ, а равно указываются роды, изъ которыхъ они должны быть доставлены.

Бываетъ еще и такъ, что біи по одному и тому же дѣлу для каждой стороны опредѣляютъ число лицъ для принятія присяги. При общемъ сознаніи у Киргизовъ, что извѣстные роды находятся въ болѣе близкомъ родствѣ одинъ къ другому, чѣмъ къ остальнымъ родамъ, обозначеніе въ данномъ случаѣ родовъ, изъ которыхъ должны быть доставлены присяжныя лица, имѣетъ цѣлью сохранить полное безпристрастіе свидѣтелей. Противная сторона должна выбрать людей поименно на присягу, и затѣмъ уже біи назначаютъ, соображаясь съ разстояніемъ кочевокъ, какъ тяжущихся, такъ и выбранныхъ на присягу людей, мѣсто и время для явки на присягу.

Явка отвѣтчика и проспителя въ назначенное мѣсто не обязательна.

Единственный сынъ въ семействѣ избавляется отъ присяги, и потому нерѣдко Киргизы, имѣющіе одного сына, запасаются охранными листами за печатью волостныхъ управителей и султановъ. Въ Сибири мы помнимъ, какъ одинъ Киргизъ умолялъ губернатора дать ему охранный листъ о избавленіи отъ присяги его единственнаго сына: „А то“, говорилъ онъ,—„Киргизы, зная, что я никогда не допущу моего сына до присяги, безпрестанно выбираютъ его по совершенно неизвѣстнымъ мнѣ дѣламъ“.

Малолѣтнія дѣти, приблизительно до 14-лѣтняго возраста, также и женскій полъ, къ присягѣ не допускаются.

Нерѣдко выбранные для присяги Киргизы, зная невиновность лица, со стороны котораго они выбраны, отказываются отъ дачи присяги и даже платятъ если не весь предъявленный искъ, то по крайней мѣрѣ часть онаго. Вообще выбранные для присяги лица неохотно являются въ назначенное мѣсто. Отправляясь по убѣ-

дительной просьбѣ того, со стороны котораго выбраны, къ назначенному мѣсту, они останавливаются на одинъ или на два перехода отъ этого мѣста, вызываютъ стороны и употребляютъ всевозможныя средства для склоненія ихъ къ миру, угрожая тому, право котораго они должны свидѣтельствовать на судѣ, отказомъ явиться, а противной сторонѣ своею явкой для дачи присяги. Такимъ образомъ нерѣдко они достигаютъ цѣли, и избавившись присяги, мирятъ враждующія стороны.

Собственно говоря, существеннымъ обстоятельствомъ у Киргизовъ считается не самая присяга, а пріѣздъ выбранныхъ въ опредѣленное время на назначенное для суда мѣсто. Если въ назначенный день, до заката солнца, прибыли выбранныя лица, то этого совершенно достаточно; лицо, со стороны котораго они прибыли, выигрываетъ дѣло. Мѣстомъ для присягъ назначаются аулы вліятельныхъ Киргизовъ и султановъ въ особенности. Въ послѣднее время часто для присяги выбранныхъ лицъ стали назначать аулъ, въ которомъ есть мечеть, и даютъ цѣловать коранъ, заставляя произносить имена совершенно незнакомыхъ Киргизамъ мусульманскихъ святыхъ. Это нововведеніе нужно приписать татарскимъ муллamъ, усердно распространяющимъ между Киргизами мусульманскіе порядки и законы.

Очень часто русскіе чиновники, производящіе въ степи слѣдствія, бываютъ поставлены въ неловкое положеніе, когда Киргизы, съ которыхъ слѣдуетъ снять показаніе подъ присягою, положительно отказываются отъ принятія оной. Мнѣ не разъ приходилось быть очевидцемъ того, какъ Киргизы, озадаченные предложеніемъ слѣдователя принять предварительно, до дачи показанія, присягу, спрашивали: „Кто меня выбралъ?“ Нѣкоторые говорили: „Сначала спросите, знаю ли я его; если вы не повѣрите моимъ отвѣтамъ, то пусть меня кто-нибудь выберетъ, и я прійму присягу; но тогда я предварительно посовѣтуюсь со своими одноаульцами, потому что въ противномъ случаѣ они могутъ и не принять меня въ свой кругъ“. „Зачѣмъ же вы лишаете меня моего общества?“ жалостно твердили многіе.

Приведемъ еще другой примѣръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ по одному уголовному дѣлу къ допросу были вызваны въ городъ русскимъ чиновникомъ Киргизы, владѣющіе большими стадами,

слѣдовательно, пользующіеся въ народѣ громкою извѣстностью и уваженіемъ. Слѣдователь потребовалъ, чтобъ они дали показаніе подъ присягою, но Киргизы, отказываясь отъ присяги, доказывали чиновнику, что если они пріймутъ присягу, то потеряютъ въ народѣ вѣсъ, что народъ не будетъ имѣть никакого къ нимъ довѣріе, и что наконецъ, послѣ присяги имъ стыдно будетъ показываться въ степи.... Долго и много хлопотали они, какъ бы отдѣлаться отъ присяги но все-таки не могли этого добиться. Татарскій мулла, за что-то недовольный этими Киргизами, придумалъ для нихъ самую грозную присягу, назначая принятіе оной въ татарской мечети. Наконецъ Киргизы, поставленные въ безвыходное положеніе, посовѣтовавшись, пришли къ такому заключенію, что, во-первыхъ, принятіе татарской присяги въ русскомъ городѣ не оттолкнетъ отъ нихъ народъ, и что, вовторыхъ, присяга ихъ не будетъ даже извѣстна въ степи. Послѣ того, по требованію чиновника, они приняли, наконецъ, присягу. Что, же касается до принятія Киргизами магометанской присяги, то она въ глазахъ ихъ никакого значенія не имѣетъ, ибо арабскихъ словъ, произносимыхъ ими при этомъ случаѣ, они вовсе не понимаютъ; да если бы даже и разъяснили имъ, что они отрекаются отъ Бога и его пророка, то это не особенно смутило бъ ихъ, такъ какъ Киргиза главнымъ образомъ занимаетъ мысль, узнаютъ ли въ степи, что онъ прясягалъ, а какъ присягать—это для него безразлично.

Доказательствомъ тому, какъ Киргизы исполняютъ магометанскій законъ, можно привести слѣдующій фактъ: По магометанскому закону послѣ всякаго удовлетворенія плотскихъ страстей строго предписано полное омовеніе всего тѣла. Татары и всѣ магометане исполняютъ этотъ законъ весьма строго. Киргизы также знакомы съ этимъ постановленіемъ закона и признаютъ необходимость его исполненія. Но такъ какъ очень часто обычай пересиливаетъ законъ, то нерѣдко Киргизы въ зимнее времена года, каждый разъ, когда имъ слѣдуетъ произвести омовеніе, дѣлаютъ на „кереге“ (рѣшетка кибитки) черточки, а лѣтомъ уже по счету ихъ производятъ омовенія и такимъ образомъ приводятъ въ исполненіе предписаніе закона.

По нашему мнѣнію, русской администраціи въ кочевыхъ мѣстностяхъ слѣдовало бы такъ поставить дѣло присяги, чтобы

требованіе русскихъ порядковъ не нарушало въ этомъ случаѣ священныхъ у Киргизовъ обычаевъ относительно присяги, съ чѣмъ связаны всѣ нравственныя понятія присягающаго, а также его общественное положеніе среди своихъ сородичей.

У Киргизовъ есть своя присяга, которую они дѣйствительно чтятъ, и въ которую вполнѣ вѣрятъ. Напримѣръ, присягающій долженъ поцѣловать дуло заряженнаго ружья; обращаясь къ мѣсяцу, долженъ лизнуть ноготь своего праваго большаго пальца или ножъ, или же обойдти кругомъ могилы своихъ предковъ. Различные виды киргизской присяги соотвѣтствуютъ различнымъ случаямъ; такъ напримѣръ, если въ аулѣ есть какая-нибудь кража и похитителя не могутъ найдти, то берутъ *бакань* — длинный шестъ, служащій главною принадлежностью каждой кибитки, и втыкаютъ въ землю въ центрѣ аула. Это принуждаетъ вора сознаться, потомучто если онъ этого не сдѣлаетъ, то, по понятіямъ Киргизовъ подвергается гнѣву Бога и бакана.

Киргизы, какъ извѣстно, чрезвычайно мстительны; для отомщенія своему врагу имъ ничего не стоитъ убить человѣка. Въ этомъ случаѣ жертвой обыкновенно являются либо малолѣтныя дѣти, либо отжившіе свой вѣкъ старцы: тутъ и самые близкіе люди не составляютъ исключенія. Напримѣръ, мнѣ извѣстенъ слѣдующій случай: Нѣсколько человѣкъ Киргизовъ обратились къ одному почетному бію съ просьбою слѣдующаго содержанія: запрошлую зиму, темною ночью, угнали у нихъ со двора одиннадцать барановъ; рано утромъ на другой день они, по свѣжимъ слѣдамъ, пришли въ аулъ султана К., нашли тамъ барановъ и потребовали выдачи виновныхъ. Когда же требованіе ихъ въ аулѣ не было исполнено, то они начали бить нагайками по кибиткѣ султана. Послѣдній, разумѣется, разсердился, и завязалась большая драка. Люди въ аулѣ, видя, что вся эта исторія можетъ имъ повредить въ общественномъ мнѣніи, которымъ Киргизы весьма дорожатъ [1]), не долго думая, прибѣгли, для отомщенія врагамъ, къ слѣдующей штукѣ: тутъ же убили дряхлую старуху мать султана и бросили ее подъ ноги лошадямъ прибывшихъ Киргизовъ, объявляя ихъ убійцами, а затѣмъ сами же дали знать русской власти о случившемся.

---

[1]) Одна изъ причинъ отказа Киргизовъ отъ дачи присяги.

Пріѣхавшіе въ аулъ султана Киргизы попали подъ арестъ, израсходовались и освободились на волю (что̀ для Киргизъ весьма дорого) только тогда, когда тотъ же находчивый султанъ засвидѣтельствовалъ на бумагѣ, что старуха ночью вышла изъ кибитки во время шума на дворѣ, испугалась его, вбѣжала въ коровій дворъ, гдѣ стояли и лошади, и тамъ будто бы найдена была мертвою. Киргизы, явившіеся къ бію, доложили, что это дѣло русскимъ судомъ окончено, и они оставлены въ подозрѣніи (что̀ для Киргизъ ничего не значитъ) и просили взыскать съ султана „чегынъ“ —издержки, состоящія изъ 300 руб. денегъ, одного ковра, 10 халатовъ и 15 барановъ, употребленныхъ ими на угощеніе прибывшихъ въ ихъ аулъ русскихъ чиновниковъ, производившихъ по этому дѣлу слѣдствіе [1]). Также просили они взыскать съ виновныхъ за украденныхъ 11 барановъ и за арестъ, въ которомъ они содержались. Расходъ просителей составлялъ болѣе 600 р. Отвѣтчики представили по этому дѣлу свои издержки и насчитывали ихъ до 200 р. Послѣ долгихъ разпросовъ той и другой стороны бій рѣшилъ это дѣло такъ: „Такъ какъ“, началъ бій, — „отвѣтчикъ-султанъ наказанъ вдвойнѣ: онъ понесъ расхода двѣсти рублей по случаю пріѣзда въ его аулъ Русскихъ, что̀ подтвердили бывшіе свидѣтели, и лишился своей матери, нѣкоторымъ образомъ по винѣ просителей, потому что, если бы просители, требуя выдачи имъ виновныхъ, не стали бить по кибиткѣ, чѣмъ нанесли отвѣтчику большую обиду и вывели его этимъ изъ терпѣнія, то, быть можетъ, такихъ послѣдствій и не было бы. Расходы просителей по случаю пріѣзда въ ихъ аулъ Русскихъ не подтвердились, а двухмѣсячный арестъ въ самое лучшее время года (апрѣль и май) считаю“, продолжалъ бій,—„наказаніемъ, равняющимся потери султаномъ своей матери, послѣдовавшей, опять повторяю—по винѣ просителей. Что же касается другихъ убытковъ просителей, то они превышаютъ расходъ султана, а потому, считая султана виновнымъ въ кражѣ барановъ, предлагаю ему заплатить 200 рублей просителямъ; украденныхъ барановъ также предлагаю возвратить хозяевамъ. Кромѣ того, предоставляю просителямъ, если они желаютъ получить съ султана болѣе,—по выбору послѣдняго, дать на присягу

---

[1]) Это было въ 1840-хъ годахъ.

одного Киргиза изъ своего рода А.; если же просители пожелаютъ это дѣло покончить (карындасъ-кыбъ) миролюбиво (грѣхъ пополамъ), безъ присяги, на что̀ даю времени на размышленіе до заката солнца, то султанъ долженъ заплатить просителямъ, кромѣ двухъ сотъ рублей, еще сто рублей; оканчивая этимъ дѣло, оставляю право выбора—присяги или денегъ—сторонѣ просителей".

Вотъ еще другой примѣръ, который знакомя съ киргизскою местью, даетъ и нѣкоторыя понятія о существующихъ выборахъ у Киргизовъ:

Въ 185* году въ Киргизской степи были выборы въ одной волости волостнаго управителя. Желающихъ было очень много, потому что волость, въ которую выбирали управителя, была богатая; многимъ хотѣлось покормиться на ней и набить себѣ карманъ. Но когда главными претендантами на эту должность явились два довольно богатые Киргиза, съ давнихъ временъ задобрявшіе и склонявшіе на свою сторону принимающихъ участіе въ выборахъ Киргизовъ, то всѣ прочіе отказались, и ставъ въ числѣ избирателей, переходили на сторону того, который давалъ обѣщаніе рѣшить какое-нибудь дѣло въ его пользу [1]); другіе, не имѣющіе никакихъ дѣлъ, требовали себѣ приличнаго награжденія.

Дѣло было лѣтомъ; поэтому выборы происходили въ степи, въ присутствіи русскаго чиновника, въ ауле родственниковъ одного изъ вышеназванныхъ двухъ богатыхъ Киргизовъ. Мы не будемъ подробно описывать ссоры и споры, происходившіе вслѣдствіе выбора мѣста, или точнѣе говоря, аула для производства выборовъ; скажемъ только, что каждый изъ претендентовъ желалъ, чтобы выборы были произведены въ ауле его родственниковъ. Посторонніе, не принимавшіе въ этомъ дѣлѣ никакого участія киргизскіе аулы за раньше откочевали какъ можно дальше изъ раіона этой волости. Дѣйствительно, посторонним ауламъ не было рѣшительно никакой надобности разоряться гостепріимствомъ, называемымъ у Киргизовъ „кунакъ-асы". Къ назначенному дню какъ сказано выше, въ ауле родственниковъ одного изъ выбираемыхъ,

---

[1]) Въ сущности и теперь еще многія дѣла рѣшаютъ не біи, а волостные управители. Это, по нашему мнѣнію, происходитъ отъ недостатковъ тѣхъ біевъ, которые выбраны народомъ и утверждены начальствомъ.

съѣхались всѣ нужныя и не нужныя лица, первыя для выбора, а послѣднія—поѣсть и попить. Пользуясь большимъ стеченіемъ публики, прибыли также истцы и отвѣтчики и спѣшили представить свои дѣла на обсужденіе и рѣшеніе собравшимся здѣсь біямъ и родоначальникамъ. Два претендента, не довѣряя словамъ своихъ родичей, угощали ихъ, дѣлали подарки, давали обѣщанія похлопотать о ихъ дѣлѣ, словомъ—мучились, волновались до тѣхъ поръ, пока наконецъ не насталъ часъ, назначенный для выборовъ. Выборы производились баллотировкой шарами, по обыкновенію на три года, и выбранъ былъ въ волостные управители тотъ богатый Киргизъ, въ аулѣ родственниковъ котораго произведены выборы. Другой не выбранный Киргизъ, по имени Байсалъ, тотчасъ же оставилъ этотъ аулъ и отправилъ прошеніе губернатору, жалуясь на то, что выбранный подкупомъ склонилъ на свою сторону всѣхъ участвовавшихъ въ выборѣ Киргизовъ. Разумѣется, эта жалоба не имѣла послѣдствій, и губернаторъ утвердилъ волостнымъ управителемъ избраннаго. Долго не прощалъ Байсалъ новому волостному управителю, но наконецъ къ общему удивленію первый пришелъ къ нему, помирился и даже подружился съ нимъ. Такъ прошло нѣсколько времени, и они даже обоюдно рѣшали нѣкоторыя дѣла, отложенныя по случаю того, что Байсалъ не былъ выбранъ на должность волостнаго управителя. Прошелъ годъ, даже болѣе; все, по видимому, утихло, взволнованныя страсти какъ будто совершенно успокоились. Но вотъ въ одинъ прекрасный день случилось въ аулѣ Байсала трагическое происшествіе. Сначала дѣло было представлено въ такомъ видѣ: Волостной управитель пріѣхалъ де въ аулъ къ своему другу Байсалу, котораго онъ все-таки считалъ заклятымъ врагомъ; желая отъ него какъ-нибудь избавиться и встрѣтившись съ нимъ при въѣздѣ въ аулъ, онъ пустилъ въ него пулю, но случайно убилъ не его, а его сестру, стоявшую съ нимъ рядомъ. Сейчасъ же, конечно, дали знать русской власти, прибывшей тотчасъ же на мѣсто и назначившей по этому дѣлу слѣдствіе. Волостной управитель попалъ подъ арестъ; свидѣтели, случившіеся тутъ, показали что убійца—волостной управитель; самъ онъ тѣмъ не менѣе отрицалъ свою виновность самымъ рѣшительнымъ образомъ, но ружье и пули, найденныя при немъ, обличили его въ совершеніи преступленія. Дѣло это производилось довольно долго,

и въ концѣ концовъ волостной управитель оставленъ былъ „въ сильномъ подозрѣніи“, съ тѣмъ, чтобы впредь его ни на какія должности не допускать. По прошествіи нѣкотораго времени все это дѣло въ степи объяснилось совсѣмъ иначе. Байсалъ, имѣя въ виду, что на слѣдующія трехлѣтія волостнымъ управителемъ снова можетъ быть выбранъ его противникъ, который уже началъ заблаговременно склонять на свою сторону вліятельныхъ лицъ, придумалъ отдѣлаться отъ своего соперника тѣмъ, что самъ убилъ свою больную сестру и оклеветалъ противника въ ея убійствѣ. Ружье и пули, служившія главнымъ обвиненіемъ волостнаго управителя, какъ оказалось впослѣдствіи, были куплены у того же самаго мастера, который дѣлалъ ихъ для волостнаго управителя, и предъявлены слѣдователю послѣ совершенія преступленія. Это обстоятельство я передаю со словъ достовѣрнаго свидѣтеля изъ Западной Сибири, лично мнѣ извѣстнаго.

Вообще въ Киргизской степи русскіе чиновники, пріѣзжающіе для дознаній, нерѣдко вводятся самими Киргизами въ заблужденіе и добиваются правды съ величайшими затрудненіями послѣ многихъ, не по своей винѣ сдѣланныхъ ошибокъ. Киргизы весьма изворотливы и безпрестанно мѣняютъ свои показанія, стараясь этимъ сбить русскаго чиновника съ толку. Переводчики изъ Татаръ, состоящіе при послѣднихъ и пользующіеся почему-то большимъ довѣріемъ, но не вполнѣ знакомые съ киргизскимъ языкомъ, часто дѣлаютъ ошибки, легко объясняемыя свойствами киргизскаго языка, но совершенно запутывающія дѣло. Поэтому многотомныя слѣдственныя дѣла въ степи кончаются обыкновенно не обнаруженіемъ виновныхъ, а оставленіемъ лишь нѣсколькихъ лицъ въ подозрѣніи. Для примѣра укажу слѣдующій случай: Одинъ Киргизъ, сообщившій слѣды скрытаго убійства, на вопросъ русскаго слѣдователя: отъ кого онъ узналъ объ убійствѣ, отвѣчалъ: „Узунъ-кулактанъ“, что̀ переводчикъ передалъ такъ: отъ Узунъ-Кулака. Затѣмъ, когда слѣдователь спросилъ, гдѣ этотъ Узунъ-Кулакъ проживаетъ, Киргизъ отвѣчалъ: „Не знаю“. Вслѣдствіе того слѣдователь далъ предписаніе волостному управителю той волости, въ раіонѣ которой производилось это дѣло, немедленно доставить для допроса Киргиза Узунъ-Кулака. Чрезъ нѣкоторое время волостной управитель донесъ, что въ его волости нѣтъ Киргиза, именующаго себя этимъ

именемъ. Тогда слѣдователь далъ знать всѣмъ волостнымъ управителямъ этого уѣзда о разысканіи Киргиза Узунъ-Кулака. Но и эти послѣдніе донесли, что въ ихъ волостяхъ Киргиза Узунъ-Кулака нѣтъ. Послѣ того слѣдователь вторично спросилъ Киргиза, и убѣдившись, что нѣтъ ошибки въ произношеніи имени Узунъ-Кулака, пишетъ бумагу уѣзднымъ начальникамъ смежныхъ уѣздовъ, прося сдѣлать публикацію, чрезъ волостныхъ управителей, о разысканіи Киргиза Узунъ-Кулака. Можетъ быть, долго пришлось бы разыскивать Киргиза Узунъ-Кулака, но случайная встрѣча съ лицомъ, знающимъ киргизскій языкъ, объяснила, что слово „узунъ-кулакъ“, означаетъ по киргизски „слухъ и молва“, буквальное же значеніе этого слова—длинное ухо. Но вѣдь могло случиться, что нашелся бы въ степи какой-нибудь Киргизъ, носящій имя Узунъ-Кулака, и тогда, конечно, пришлось бы ему прогуляться за нѣсколько сотъ верстъ и можетъ быть, даже посидѣть немного. Другой случай былъ въ Средней Азіи: Одинъ Азіятецъ явился къ своему уѣздному начальнику съ жалобой о поджогѣ у него сосѣдомъ скирда хлѣба. Начальникъ потребовалъ виновнаго, и начался допросъ, на которомъ послѣдній призналъ себя виновнымъ, но оправдывался говоря, что онъ сдѣлалъ это не умышленно. „Я поджогъ“, говорилъ онъ, — „домъ Калла-муша и огонь случайно перешелъ на скирдъ сосѣда, отчего у него и сгорѣлъ хлѣбъ“. „А какъ ты смѣлъ поджечь домъ Калла-муша?“ „Да, у насъ всегда такъ дѣлалось прежде: Калла-мушъ много дѣлаетъ вреда“, отвѣчалъ въ недоумѣніи перепуганный Азіятецъ. „Ты“, продолжалъ допрашивать начальникъ,—„развѣ не знаешь русскихъ законовъ; прежнія бухарскія времена прошли, за поджогъ по русскимъ законамъ ссылаютъ въ Сибирь... Гдѣ самъ Калла-мушъ, и спасли ли его семейство?“ озабоченно спросилъ начальникъ! „Калла-мушъ самъ и дѣти его сгорѣли“, отвѣчалъ Азіятецъ. „А есть ли у него по крайней мѣрѣ родные?“ спросилъ начальникъ. „Всѣ сгорѣли“, отвѣчалъ Азіятецъ. Послѣ этихъ словъ, взбѣшенный имъ начальникъ приказалъ тотчасъ же надѣть на него кандалы и въ сопровожденіи конвоя, чрезъ весь городъ, отправить подъ арестъ, а уголовное дѣло передалъ судебному слѣдователю для производства слѣдствія. Чрезъ нѣсколько дней, когда слѣдователь прибылъ на мѣсто происшествія, дѣло разъяснилось: поджогъ дѣйствительно былъ совершенъ,

но сгорѣлъ только не домъ Калла-муша, а нора его, ибо калла-мушъ въ переводѣ на русскій языкъ: голова-мышъ; такъ Азіятцы называютъ суслика.

Для характеристики киргизскихъ тяжбъ мы приведемъ здѣсь просьбу одной старухи-Киргизки, обратившейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ своему начальнику съ слѣдующимъ, весьма обыкновеннымъ у Киргизовъ въ подобныхъ случаяхъ, приступомъ къ изложенію дѣла: „Испытываю посрамленіе, ѣмъ палку, печень въ грязи и спина въ водѣ“. Послѣ этого она начала приводить пословицы: „Коли дѣло правое, то Богъ за тебя; просплъ—не далъ; плакалъ—не видалъ; всѣ дѣла въ народѣ покончить нельзя; въ кругу большомъ начнешь одинъ, просьбу не выслушаютъ; одинъ потеряетъ лукъ—не находится, у большаго племени лукъ потеряется —не пропадетъ“. Затѣмъ, выражая свое беззащитное женское положеніе, она привела рифмованную старую поговорку въ четверостишіи: „Гремитъ юноша, какъ громъ при богатствѣ, не смѣлъ въ разговорѣ при бѣдности; опираясь на желтый лукъ, не погибнетъ, если есть въ немъ жизненность даже мухи!“ Мы привели здѣсь только одно предисловіе; они бываютъ довольно длинныя, и выслушивающимъ ихъ, чрезъ переводчиковъ, русскимъ чиновникамъ нужно имѣть дѣйствительно большое терпѣніе, а если кто изъ біевъ не выслушаетъ ихъ терпѣливо, то нерѣдко Киргизы останавливаются и передаютъ дѣло уже другому бію, благосклонно слушающему все, что̀ говоритъ проситель. Сущность просьбы этой Киргизки оказалась въ томъ, что она годъ тому назадъ женила своего сына, заплативъ полный калымъ за невѣстку, и перевезла ее къ себѣ въ аулъ; но здѣсь послѣдняя по прошествіи зимы начала выражать свое неудовольствіе на мужа. При перекочевкѣ аула съ одного урочища на другое невѣстка ушла къ своимъ роднымъ, которые, какъ говорила старуха, безъ всякаго на то права, держатъ ее и не выдаютъ мужу, ѣздившему нѣсколько разъ за нею. Вслѣдствіе того старуха просила бія приказать возвратить невѣстку ея мужу. Отвѣтчикомъ со стороны невѣстки явился ея отецъ и на вопросъ бія: почему онъ ее задерживаетъ, отвѣчалъ, что мужъ его дочери неспособенъ къ супружеской жизни. На этомъ основаніи бій, для постановленія по этому дѣлу рѣшенія, сейчасъ же приказалъ свести обоихъ супруговъ и назначилъ нѣсколько человѣкъ изъ сво-

ихъ приближенныхъ наблюдать снаружи ихъ кибитки; кромѣ того, онъ назначилъ со стороны истца и просительницы по одному человѣку. Наблюденіе не привело ни къ какому результату, потому что наблюдавшіе противорѣчили одинъ другому, да и сами молодые, спрошенные при собравшейся публикѣ, старались опровергнуть слова другъ друга, такъ что бій приказалъ отвести молодаго человѣка въ отдѣльную кибитку и тамъ произвести тотъ же опытъ, но въ теплой водѣ. Этотъ опытъ подтвердилъ показаніе отвѣтчика, и молодой человѣкъ, какъ неспособный исполнять супружескія обязанности, лишился своей жены. Бій предоставилъ ему получить обратно изъ заплаченнаго калыма половину, чѣмъ и успокоилъ его немного и удержалъ разными увѣщаніями отъ самоубійства. Имущество и приданое жены бій приказалъ вернуть ей.

Приведенные примѣры, кажется, объясняютъ характеръ обычнаго права Киргизовъ и положеніе суда по мѣстнымъ обычаямъ. Не обременяя статьи излишними примѣрами, мы постараемся теперь указать, въ какомъ отношеніи киргизскій народный судъ находится къ русской администраціи, контролирующей этотъ судъ и придавшей ему извѣстный порядокъ.

При настоящемъ управленіи Киргизовъ (мы говоримъ о Киргизахъ Сибирскихъ), волостное киргизское общество выбираетъ чрезъ каждое трехлѣтіе двухъ или трехъ біевъ, которые утверждаются начальствомъ и снабжаются шнуровыми книгами, для записыванія тяжебныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ ими.

Такимъ образомъ въ настоящее время Киргизъ, судившійся испоконъ вѣка своимъ, такъ-сказать, общественнымъ судомъ, обязанъ обратиться не къ тому лицу, къ которому имѣетъ довѣріе, а къ оффиціальному бію, указанному начальствомъ.

Выборы біевъ и вообще начальствующихъ лицъ — волостныхъ управленій, аульныхъ старшинъ и проч., сопровождаются подкупами и разными мошенничествами и каждому выбранному стоятъ не мало денегъ. Само собою разумѣется, каждый выбранный на должность спѣшитъ пополнить свои издержки и поправить свое состояніе. Одна изъ причинъ, заставляющихъ выбраннаго спѣшить скорѣе нажиться, есть та, что при настоящемъ положеніи уѣздный начальникъ можетъ отстранять выборныхъ отъ занимаемыхъ ими должностей и раньше трехлѣтняго срока. Тѣ вы-

бранные, которые сумѣли поставить себя близко къ начальствующимъ, не спѣшатъ нажиться и меньше дѣлаютъ злоупотребленій, хотя, конечно, иногда бываетъ и на оборотъ, особенно когда эти выборные, пользуются безграничнымъ довѣріемъ начальствующихъ.

Неурядица въ степи происходитъ отчасти и по винѣ самой власти, которая впадаетъ въ ошибки по незнанію языка и обычаевъ Киргизовъ, съ которыми имѣетъ дѣло. Напримѣръ, очень часто говоря съ Киргизами о такихъ предметахъ, которые имѣютъ тѣсную связь съ мѣрами, принимаемыми со стороны русской власти, начальствующіе раздѣляютъ свой разговоръ на *частный* и *оффиціальный*, чего Киргизъ никакъ понять не можетъ и въ простотѣ души удивляется тому, какъ это одно лицо можетъ говорить и какъ простой человѣкъ, и какъ власть имѣющій: вотъ почему Киргизы подозрѣваютъ всегда въ этомъ случаѣ со стороны начальства какую-нибудь противъ себя хитрость.

Относительно веденія біями книгъ для записыванія жалобъ и разбирательствъ можемъ сказать, что книги эти ни къ чему не служатъ, кромѣ злоупотребленій, дѣлаемыхъ подъ предлогомъ будто бы записыванія жалобъ; кромѣ того, втолковано Киргизамъ, что всякая жалоба, не записанная въ книгу, оставляется начальствомъ безъ послѣдствій. А между тѣмъ въ книги даже и у грамотныхъ біевъ почти никогда ничего не записывается, а если имъ приходится представлять ихъ начальству, то не рѣдко бій вписываютъ сами нѣсколько жалобъ, разобранныхъ, будто бы ими, и затѣмъ докладываютъ, что дѣлъ вообще мало, и все обстоитъ благополучно.

Киргизы, недовольные рѣшеніемъ выбранныхъ біевъ, по существующимъ порядкамъ должны обращаться къ съѣзду біевъ, при которомъ долженъ присутствовать либо самъ уѣздный начальникъ, либо его помощникъ. При этомъ нерѣдко происходитъ, что съѣхавшіеся бій, голодая нѣсколько дней въ степи,—потому что всѣ аулы откочевываютъ какъ можно дальше отъ мѣста сборища, какъ уже говорено выше, изъ опасенія „кунакъ-асы“, — сговорившись между собою, постановляютъ рѣшеніе для видимости начальства, которому и докладываютъ, что покончили и рѣшили всѣ дѣла, и затѣмъ спѣшатъ по домамъ, прося тяжущихся слѣдовать съ ними въ аулъ какого-нибудь богатаго Киргиза, гдѣ уже сами,

безъ натяжки и участія русской власти, сидя за сытнымъ ужиномъ, попивая кумузъ или полулежа, не спѣша рѣшаютъ дѣла.

Киргизы, почему-либо (по родовой враждѣ и т. п.) не разчитывающіе на справедливое рѣшеніе біевъ, которые дѣйствительно имѣютъ большое пристрастіе къ сильнымъ и богатымъ, прямо обращаются къ русской власти и въ этомъ случаѣ по пословицѣ: „джегильсангъ парданъ джегиль“—(если падать, то ужь лучше съ нара, то-есть, съ высокаго, одногорбаго верблюда) предпочитаетъ самую высшую; кромѣ того, по понятіямъ Киргизъ высшая власть есть какъ бы большой котелъ, въ которомъ спущенное мясо не можетъ не довариться. Такимъ образомъ завязывается дѣло, которое, при соблюденіи всѣхъ формальностей, не рѣдко задерживается нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ поступаетъ къ тѣмъ же лицамъ, то-есть, къ уѣздному начальству или волостному управленію, или же къ бію.

Киргизъ, подавшій просьбу, послѣ отправленія ея посѣщаетъ всѣхъ нужныхъ лицъ, хлопоча о своей жалобѣ. Иногда Киргизу приходится ждать мѣсяцъ, два и болѣе, справляясь объ участи своего прошенія. Наконецъ волостной управитель посылаетъ за нимъ своего джигита, которому, по заведенному порядку, проситель платитъ за труды его „кутъ-май“ и „атъ-май“, хотя волостной управитель объявляетъ ему, положимъ, что начальство, къ которому онъ обращался, оставило просьбу его безъ послѣдствій за то, напримѣръ, что онъ не соблюлъ установленнаго порядка при подачѣ ея. Послѣ этого обиженный обыкновенно скачетъ въ городъ къ уѣздному начальнику и старается тамъ разузнать, можетъ ли онъ разчитывать на выигрышъ своего дѣла, подавъ просьбу уѣздному начальнику. Если жь онъ встрѣтился даже случайно съ своимъ противникомъ, то не зная русскихъ порядковъ и мѣряя, такъ-сказать, на свой аршинъ, онъ уже не обращается къ своему начальнику, котораго онъ собирался просить, и не долго думая, пишетъ другую просьбу опять той же власти, которая уже разъ указала ему на неправильность подачи имъ прежней просьбы. Итакъ, другая, одного и того же содержанія, просьба подана. Разумѣется, на нее получается, какъ и въ первый разъ, отказъ. Что же теперь остается дѣлать Киргизу, совершенно незнакомому со всѣми подробностями, порядками и отношеніями русскихъ властей и учреж-

деній? Конечно, онъ рѣшаетъ въ этомъ случаѣ по своему, по тѣмъ соображеніямъ и догадкамъ, которыя могутъ явиться только у него, и только при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ выросъ и воспитался. Ему кажется, что или его противникъ опередилъ его своею просьбой, или послѣдній при русскихъ властяхъ имѣетъ доброжелателей, пишущихъ на эти просьбы одни только отказы. Вотъ Киргизъ и думаетъ: ѣхать ли ему теперь самому въ резиденцію генералъ-губернатора, находящуюся въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ мѣста его кочевки, или же вмѣсто того найдти хорошаго „закончика“—такъ Киргизы называютъ людей, пишущихъ прошенія,—для написанія въ третій разъ такой просьбы, на которую не пришлось бы ему опять получить отказъ. А между тѣмъ, и то, и другое требуетъ большихъ издержекъ, а дѣло испорчено, потому что, разъ обратившись къ русской власти, проситель ни въ какомъ случаѣ не можетъ разчитывать на выигрышъ дѣла по суду біевъ или своихъ родоначальниковъ. Если ему самому ѣхать, то нужно, вопервыхъ, отыскать и взять съ собою опытнаго бывалаго Татарина-переводчика, знающаго русскій языкъ, а вовторыхъ, прежде чѣмъ дойдти до генералъ-губернатора, ему надо отыскать тамъ „тюрю“ (чиновника), отъ котораго если не зависитъ дѣло, то по крайней мѣрѣ предварительно можно узнать, въ какомъ положеніи находится его дѣло, и почему послѣдовалъ отказъ и проч. Это опять будетъ стоитъ денегъ. Кромѣ того, Киргизъ, не разсуждая по своему, задается цѣлью разузнать: нѣтъ ли при властяхъ какихъ ни будь сторонниковъ его противника; въ противномъ случаѣ, думаетъ онъ, всѣ труды его по этому дѣлу будутъ напрасны. При обращеніи къ закончику, первое затрудненіе заключается въ отысканіи хорошаго; но Киргизу нуженъ еще такой, который не зналъ бы его противника, а то бывали случаи, говорятъ Киргизы,—что одно лицо пишетъ обоимъ тяжущимся прошенія, и выиграетъ дѣло та сторона, которая дороже заплатила за написаніе просьбы. Слѣдовательно, по мнѣнію Киргиза, обратиться къ ближайшему закончику ненадежно, а потому онъ, подъ благовиднымъ предлогомъ отправляется изъ своего аула и какъ можно дальше отъ стоянки своего противника. Тамъ со всею осторожностію разпрашиваетъ онъ писавшаго прошеніе о своемъ противникѣ и такимъ образомъ, написавъ просьбу, отправляетъ ее по

почтѣ изъ какого-нибудь другаго города, а не изъ того, въ уѣздѣ котораго онъ числится. Но кромѣ того, при написаніи просьбы, обыкновенно возбуждается еще одинъ важный вопросъ: на какомъ языкѣ написать просьбу — на русскомъ, или на киргизскомъ, и на какомъ листѣ бумаги—на гербовомъ или на простомъ? Киргизы предпочитаютъ въ этомъ случаѣ русскій языкъ и русскаго сочинителя; хотя послѣдній обыкновенно предупреждаетъ, что Киргизы избавлены отъ гербовой пошлины, но это нисколько не радуетъ истца, и онъ почти всегда проситъ написать просьбу на самомъ дорогомъ листѣ, думая, что простой листъ Русскіе могутъ уничтожить, тогда какъ гербовая бумага съ царскою печатью, по его мнѣнію, должна сохраниться на всегда. Какъ и слѣдуетъ ожидать, на эту третью по счету просьбу Киргизъ опять получаетъ отказъ, но и это не останавливаетъ его: онъ продолжаетъ подавать, отъ времени до времени, прошенія до тѣхъ поръ, пока наконецъ окончательно не выведетъ изъ терпѣнія русскую власть, которая иногда, если просьба очень назойливая, усмиряетъ рвеніе подателя арестомъ, хотя и эта мѣра не всегда кончаетъ дѣло. Случается также, что вмѣсто посылки просьбы по почтѣ, обиженные сами отправляются въ резиденцію генералъ-губернатора, и тамъ начинается та же исторія—искаціе совѣтовъ, нужныхъ людей и закончиковъ. Здѣсь нерѣдко Киргизы попадаются въ руки такихъ дѣльцовъ, которые вмѣсто одной просьбы пишутъ ихъ нѣсколько, посылая просителя отъ одного начальника къ другому, при чемъ, разумѣется, за каждую жалобу взимается особая плата. Надо къ этому прибавить, что Киргизъ, при подачѣ просьбы, никогда не обращается прямо къ тому, кому она должна быть вручена, но первоначально долго кружится около дома начальника, старается попасть какъ-нибудь съ задняго хода и только послѣ продолжительныхъ толкованій, которыхъ онъ старается какъ будто не понять, узнаетъ мѣсто и время пріема.

Такимъ образомъ, не говоря о другихъ затрудненіяхъ, Киргизъ, послѣ многихъ, имъ же самимъ устроенныхъ мытарствъ, попадаетъ наконецъ къ начальнику. Но на этомъ дѣло еще не оканчивается, и онъ послѣ подачи просьбы, по совѣту написавшаго ее, отправляется въ канцелярію начальника, куда попасть Киргизу тоже не легко, и тамъ уже справляется о результатѣ своей просьбы.

Здѣсь Киргизу объявляютъ, что просьбу его велѣно отправить къ уѣздному начальнику или волостному управителю, въ вѣдѣніи которыхъ состоитъ отвѣтчикъ. Если же послѣдуетъ отказъ, то онъ повторяетъ тутъ же свою просьбу другою просьбой. Такимъ образомъ, обыковенно, проситель проѣздившись и издержавшись, возвращается ни съ чѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ свой аулъ.

Тутъ онъ опять-таки разсуждаетъ по своему и воображаетъ, что всѣ его неудачи произошли отъ великой силы и значенія его волостнаго управителя, или его противника. Есть даже такіе, которые считая, по простотѣ души, начатое ими дѣло правымъ, получивъ рѣшительный отказъ, терпѣливо ждутъ по нѣскольку лѣтъ смѣны тѣхъ лицъ, которымъ они подавали просьбы, чтобы при новыхъ лицахъ опять возобновить свои просьбы.

Приведемъ здѣсь слѣдующій примѣръ: Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Сибирской степи Киргизъ по имени Алтай или Алтыбай (точно его имя теперь не помню) обратился къ своему волостному управителю съ просьбою слѣдующаго содержанія: Онъ, Алтай, имѣлъ двухъ братьевъ, которые еще при жизни ихъ отца были выдѣлены, самъ же Алтай остался при отцѣ до конца его жизни въ качествѣ „кенджe“, то-есть, младшаго сына, и владѣлъ собща съ нимъ оставшеюся отъ раздѣла землею. По киргизскому обычаю эту землю наслѣдуетъ младшій сынъ. Между тѣмъ—жаловался Алтай—братья его угрожаютъ теперь отнять у него землю, поэтому онъ и просилъ защитить его отъ притѣсненій братьевъ. Братья Алтая между прочимъ объявили ему, что такъ какъ всѣ они состоятъ подъ русскими законами, по которымъ родные братья должны владѣть наслѣдствомъ по ровну, то предупреждали его, чтобъ онъ не жаловался русскому начальнику, и требовали, чтобъ Алтай перемѣнился съ однимъ изъ нихъ зимовками, въ противномъ случаѣ, какъ сказано выше, угрожали они отнять у него зимовку даромъ. Волостной управитель, къ которому обратился Алтай, уже предупрежденный братьями, отказалъ въ просьбѣ Алтаю, а братья посовѣтовавшись съ волостнымъ управителемъ и съ вліятельными біями, мнѣніемъ которыхъ руководствуются русскія власти, какъ лицъ, выбранныхъ самимъ народомъ, своевольно завладѣли принадлежащею Алтаю землей. Алтай за такую обиду задумалъ-было убить кого-нибудь и обвинить въ убійствѣ своихъ братьевъ,

но это какъ-то не удалось ему, и онъ, разчитывая выиграть дѣло у русскихъ властей, поскакалъ къ волостному управителю. Волостной управитель ничего не сдѣлалъ, а лишь посовѣтовалъ Алтаю занять одну изъ зимовокъ своихъ братьевъ. Алтай, видя себя беззащитнымъ и не долго думая, написалъ просьбу генералъ-губернатору, въ разчетѣ, что послѣдній, какъ глава всѣхъ Киргизовъ, прочитавъ справедливую его просьбу, немедленно и строго прикажетъ братьямъ возвратить ему отобранную у него зимовку. Отправленіе Алтаемъ просьбы къ генералъ-губернатору не на шутку встревожило его братьевъ, полагавшихъ, что генералъ-губернаторъ, видя ихъ своевольство, можетъ разсердиться, и что это дѣло кончится весьма печально для нихъ, а именно — ссылкою въ такія страны, гдѣ ѣздятъ только на собакахъ. Но волостной управитель успокоилъ ихъ и взялся дѣло устроить въ ихъ пользу и съ этою цѣлью, вызвавъ Алтая, предложилъ ему мировую. Алтай не соглашался не только мѣняться зимовками, но и взять обратно свою зимовку, безъ уплаты издержекъ, сдѣланныхъ имъ по этому дѣлу, и вернувшись домой, спокойно ждалъ рѣшенія генералъ-губернатора, которому была подана просьба. Алтай ждетъ мѣсяцъ, другой, и не получая отвѣта, пишетъ вторичную просьбу. Между тѣмъ волостной управитель, къ которому поступаютъ обѣ просьбы Алтая съ отказомъ отъ генералъ-губернатора за несоблюденіе установленныхъ правилъ при подачѣ, представляетъ уѣздному начальнику фальшивую подписку Алтая о томъ, что ему будто бы объявлено распоряженіе генералъ-губернатора. Тѣмъ временемъ Алтай, ничего не подозрѣвая, пишетъ третью просьбу, но на этотъ разъ, не смѣя безпокоить генералъ-губернатора, подаетъ ее только губернатору, которому объявляетъ, что онъ подавалъ уже двѣ просьбы, и что на обѣ почему-то не получилъ отвѣта, а потому проситъ его, чтобъ онъ, при свиданіи съ генералъ-губернаторомъ, какъ-нибудь между прочимъ шепнулъ ему на ухо о его просьбѣ и тѣмъ ускорилъ ея рѣшеніе. На это отвѣта опять не послѣдовало. Тогда Алтай отправляется въ городъ къ уѣздному начальнику, котораго между прочимъ успѣли предупредить о несправедливости будто бы жалобъ Алтая; поэтому Алтай мало того, что получилъ на свою просьбу отказъ,

но и выговоръ за то, что утруждаетъ высшія власти несправедливыми просьбами.

Конечно, уѣздному начальнику при тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагаетъ, невсегда возможно провѣрять каждую просьбу Киргизовъ, которые весьма искусны запутывать дѣла, такъ что разборъ ихъ тяжбъ, при самомъ тщательномъ стараніи, требуетъ много времени и знанія ихъ быта. Киргизскіе біи и родоначальники, знающіе до тонкости хитрость и ловкость своихъ одноплеменниковъ, среди которыхъ они выросли, и тѣ иногда впадаютъ въ ошибки и на большимъ собраніяхъ, куда недовольная рѣшеніемъ сторона, посредствомъ баранты, заставляетъ явиться своего противника на новый судъ, частенько отказываются отъ рѣшенныхъ ими дѣлъ. Слѣдовательно, тѣмъ легче могутъ впасть въ ошибку уѣздные начальники, менѣе ихъ знакомые съ бытомъ и обычаями Киргизовъ.

Волостной управитель, узнавъ, что Алтай думаетъ возобновить свою просьбу къ генералъ-губернатору, боясь дурныхъ послѣдствій, составляетъ удостовѣреніе о несправедливости будто бы жалобы Алтая и прилагаетъ печати біевъ и Киргизовъ, довѣрчиво вручающихъ эти печати для приложенія ихъ къ маловажнымъ дѣловымъ бумагамъ, требующимъ общаго ихъ собранія или совѣщанія; вообще. Киргизамъ не нравится, когда ихъ часто требуютъ для рѣшенія и утвержденія печатями такихъ дѣлъ, которыя не заслуживаютъ, по ихъ мнѣнію, пріѣзда (за нѣсколько десятковъ верстъ) и особаго вниманія. Такое удостовѣреніе волостной управитель представилъ уѣздному начальнику, который, въ свою очередь, довелъ объ этомъ до свѣдѣнія губернатора, и донесъ, что просьба Алтая не заслуживаетъ никакого вниманія. По прошествіи нѣкотораго времени волостной управитель вызвавъ Алтая, объявилъ ему, что поданная имъ просьба оставлена начальствомъ безъ послѣдствій. Послѣ того получается и предписаніе губернатора, которому было представлено удостовѣреніе народа въ несправедливости жалобъ Алтая, о заарестованіи его на одну или двѣ недѣли на гауптвахту. Алтай мужественно перенесъ этотъ арестъ и затѣмъ отъ стыда не могъ далѣе оставаться въ своемъ аулѣ, простился съ своими родственниками и одноаульцами и уѣхалъ въ резиденцію генералъ-губернатора, объявляя всѣмъ, что онъ не вернется

обратно въ аулъ, а будетъ продолжать подавать прошенія до тѣхъ поръ, пока или не выиграетъ свое дѣло, или не сошлютъ его туда, гдѣ ѣздятъ на собакахъ. Дѣйствительно, онъ поселился въ русскомъ городѣ и не переставалъ подавать просьбы, которыя, впрочемъ всѣ препровождались установленнымъ порядкомъ одна за другою къ уѣздному начальнику; поэтому, по мнѣнію Алтая, возвращаться ему обратно въ свои кочевья было нѣкоторымъ образомъ даже и не безопасно. Наконецъ генералъ-губернаторъ, видя, что къ нему очень часто стали поступать просьбы одного и того же Киргиза Алтая, послалъ предписаніе уѣздному начальнику, чтобъ онъ дѣла Алтая передалъ въ своемъ присутствіи на разсмотрѣніе біевъ посторонних волостей и затѣмъ донесъ бы ему что окажется. Алтай радостно вернулся обратно, и дѣло передано было, согласно предписанію, біямъ другихъ волостей.

Вызванные біи прежде всего были крайне недовольны тѣмъ, что ихъ вызвали изъ дальнихъ мѣстъ. Между тѣмъ волостной управитель, съ которымъ они объяснялись передъ рѣшеніемъ дѣла, поставилъ имъ на видъ, что если они рѣшатъ дѣло въ пользу Алтая, то подведутъ біевъ и почетныхъ лицъ, давшихъ приложить печати къ удостовѣренію, представленному губернатору, и что разоблаченіе всего этого дѣла подорветъ довѣріе къ нимъ русскаго начальства; но болѣе всего волостной управитель подѣйствовалъ на біевъ предположеніемъ, что если они постановятъ по этому дѣлу справедливое новое рѣшеніе, то русское начальство можетъ ихъ признать лучшихъ за самыхъ и справедливыхъ біевъ въ цѣломъ уѣздѣ, и каждый разъ потомъ будетъ требовать ихъ изъ дальнихъ мѣстъ для рѣшенія дѣлъ въ разныхъ волостяхъ. „Такимъ образомъ“, говорилъ онъ,—„вы навсегда водворитесь въ русскомъ городѣ для справедливаго рѣшенія дѣлъ цѣлаго уѣзда, а быть можетъ, и нѣсколькихъ уѣздовъ“. Поэтому и по многимъ другимъ побочнымъ обстоятельствамъ (какъ-то: сытное угощеніе и проч.), вызванные біи въ присутствіи уѣзднаго начальника постановили *отказать Алтаю.* Послѣ этого Алтай, увидѣлъ, что ему ничего не оставалось, какъ ждать болѣе благопріятнаго времени.

Ожиданіе Алтая исполнилось, и управленіе степью ввѣрено было новому генералъ-губернатору, прибывшему изъ Петербурга. При самомъ своемъ пріѣздѣ уже онъ получилъ просьбу Алтая,

который чуть ли въ этомъ случаѣ не былъ первымъ просителемъ; Генералъ тотчасъ же приказалъ состоящему при себѣ чиновнику, помимо офиціальныхъ источниковъ, распроспть прибывшихъ въ городъ для встрѣчи его султановъ и другихъ вліятельныхъ Киргизъ и что̀ окажется—доложить ему. Между тѣмъ среди султановъ и вліятельныхъ Киргизовъ былъ распущенъ слухъ, что просьбу Алтая генералъ-губернаторъ получилъ не по пріѣздѣ въ край, а привезъ съ собою изъ Петербурга, что онъ весьма остался недоволенъ и намѣренъ жестоко наказать какъ волостнаго управителя, такъ и біевъ, приложившихъ свои печати къ первому удостовѣренію; слѣдовательно, заключили султаны,—не минуютъ наказанія и тѣ біи посторонпихъ волостей, которые разбирали это дѣло въ послѣдній разъ.

Теперь Киргизы посмотрѣли на это дѣло серьезно, тѣмъ болѣе, что чиновникъ, которому поручено было дѣло, какъ оказалось по ихъ справкамъ, не имѣлъ ни родственниковъ, ни знакомыхъ, чрезъ которыхъ можно было бы подѣйствовать на него въ свою пользу. Родственники біевъ и волостнаго управителя дѣйствительно испугались на этотъ разъ дурныхъ послѣдствій этого злополучнаго дѣла, потому что въ городѣ кромѣ того разказывали, что новый генералъ-губернаторъ строго смотритъ вообще на дѣла и на другой пли третій день по своемъ пріѣздѣ уже выгналъ со службы одного чиновника; они зазвали скорѣе къ себѣ Алтая, тутъ же уплатили ему часть его расходовъ и подпиской обязались тотчасъ же по возвращеніи въ аулъ отдать въ его владѣніе принадлежащія ему земли. Такимъ образомъ Алтай явился къ чиновнику и представилъ свою подписку, что онъ мпролюбпво окончилъ дѣло и болѣе никакихъ прошеній ни на кого не имѣетъ.

Тѣмъ кончилось въ одинъ день нѣсколько лѣтъ тянувшееся дѣло, и Алтай получилъ наконецъ удовлетвореніе, а молва въ Киргизской степи о строгости и дальновидности новаго генералъ-губернатора, который, собственно говоря, тутъ былъ не при чемъ,—охватила всю степь, и вслѣдствіе того масса дѣлъ давно законченныхъ и забытыхъ вновь ожила и начала испытывать терпѣніе вновь прибывшаго начальника.

И. Ибрагимовъ.

ОЧЕРКИ ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА ЯКУТОВЪ [1]).

I.

Введеніе.—Литература.—Географическія, этнографическія и историческія свѣдѣнія о Якутахъ.—Религія Якутовъ и обращеніе ихъ въ христіанство.—Свойства народнаго характера.

Якуты составляютъ одно изъ самыхъ многочисленныхъ инородческихъ племенъ Сибири. Число ихъ простирается приблизительно до 200,500 душъ. Жилища Якутовъ, начинаясь на югѣ съ рѣки Нюи, впадающей въ Лену между Витимомъ и Олекмою, тянутся по Ленѣ на сѣверъ до Ледовитаго моря, на западъ до Енисея и на востокъ отъ устья рѣки Маи до Охотскаго моря. Площадь земли, на которой разбросаны жилища Якутовъ,—огромна, такъ какъ одна Якутская область занимаетъ приблизительно до 3.422,000 квадратныхъ верстъ, а Якуты живутъ еще въ Енисейской губерніи отъ рѣки Анабары до самаго Енисея. Однако,

---

[1]) Авторъ этихъ любопытныхъ очерковъ, членъ-сотрудникъ Имп. Р. Географическаго Общества князь Н. А. Костровъ, живетъ въ Сибири и усердно и много лѣтъ работаетъ по этнографіи этого края. Работы этого почтеннаго изслѣдователя касаются какъ русскаго, такъ и инородческаго населенія. Не останавливаясь на длинномъ перечнѣ всѣхъ его трудовъ, ограничимся указаніемъ на болѣе крупные изъ нихъ и притомъ касающіеся юридическаго быта: 1) Женщина у инородцевъ Томской губерніи—въ *Сборникѣ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири,* томы первый и второй, изданные подъ редакціей *Б. А. Милютина.* С.-Петербургъ, 1875; часть этого изслѣдованія была первоначально напечатана въ *Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* за 1871 годъ; 2) Юридическіе обычаи крестьянъ-старожиловъ Томской губерніи. Томскъ, 1876.

не смотря на такую разбросанность, Якуты почти вездѣ сохранили свои племенныя особенности—обликъ, языкъ, нравы, обычаи, одежду, и не только не поддались вліянію окружающихъ ихъ другихъ народностей, но даже подчинили ихъ своему вліянію. Въ Енисейской губерніи живущее вмѣстѣ съ Якутами Тунгузское племя Долгановъ совершенно объякутилось; во многихъ мѣстахъ Якутской области то же самое постигло даже Русское населеніе. Но этой причинѣ племя Якутовъ, способное и даровитое, хотя и съ большими недостатками, заслуживало всегда особеннаго вниманія со стороны нашихъ ученыхъ путешественниковъ. Всѣ они, посѣщая Якутскую область, болѣе или менѣе касались разныхъ сторонъ быта Якутовъ и оставили болѣе или менѣе подробныя и вѣрныя замѣтки по этому предмету. Но что касается до юридическаго быта Якутовъ, до ихъ юридическихъ обычаевъ, то въ этомъ отношеніи въ сказанныхъ замѣткахъ можно найдти только отрывочныя, безсвязныя свѣдѣнія. Цѣль настоящей статьи заключается въ томъ, чтобы сколько-нибудь пополнить этотъ пробѣлъ и вызвать тѣмъ самымъ новый, болѣе подробный и обстоятельный трудъ о юридическомъ бытѣ Якутовъ со стороны тѣхъ лицъ, которымъ болѣе, нежели намъ, доступно это. Мы, съ своей стороны, составляя эту статью, не желали только оставить безъ всякаго употребленія тѣ матеріалы, которые имѣлись у насъ по этому предмету. Но какъ юридическій бытъ извѣстнаго племени всегда находится въ тѣсной связи съ другими сторонами его быта, то предварительно изложенія юридическихъ обычаевъ Якутовъ мы считаемъ необходимымъ помѣстить здѣсь нѣсколько общихъ этнографическихъ свѣдѣній о нихъ, руководствуясь наиболѣе достовѣрными источниками; считаемъ это нужнымъ тѣмъ болѣе, что хотя о Якутахъ писано у насъ много, однако все это разбросано въ десяткахъ сочиненій и періодическихъ изданій, изъ коихъ нѣкоторыя даже вышли изъ обращенія и не существуютъ въ продажѣ. Приводимъ названія важнѣйшихъ изъ нихъ: 1) *Георги.* Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ. С.-Пб. 1799.—2) *Спасскій. Сибирскій Вѣстникъ*, журналъ 1818—1824 гг. С.-Пб. — 3) *Геденштромъ.* Отрывки о Сибири. С.-Пб. 1830.—4) *Врангель.* Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири. С.-Пб. 1841.—5) *Щукинъ.* Поѣздка въ Якутскъ.

С.-Пб. 1844 г.; его же статья о Якутахъ въ *Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* 1854 г.—6) *Миддендорфъ*. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. С.-Пб. 1860 и слѣд. годовъ.—7) *Мордвиновъ*. Инородцы Туруханскаго края въ *Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, 1860 г., кн. 2. — 8) Очеркъ Якутска. Въ *Иркутскихъ Губернск. Вѣдомостяхъ* 1862 г., №№ 26 и 27.—9) *Сухановъ*. Якутскіе праздники. Газета *Амуръ*, 1862 г., № 68.—10) *Налабардинъ*. Поѣздка въ Якутскую область. *Иркутск. Губ. Вѣд.* 1863 г., № 40.—11) *Павловскій*. Поѣздка изъ Якутска на Учурскую ярмарку. *Записки Сибирск. Отдѣла Имп. Р. Г. Общ.* 1863 г., VI.—12) *Шашковъ*. Шаманство въ Сибири. *Записки Сибирск. Отдѣла Имп. Р. Г. Общ.* 1864 г., кн. 2.— 13) *Третьяковъ*. Туруханскій край. С.-Пб. 1871 г. и въ *Запискахъ Имп. Р. Г. Общ. по общей географіи*, т. II.—14) *Памятныя книжки Якутской области* 1863 и 1867 гг. С.-Пб. 1864 и 1869 г.—15) *Гошулецкій*. О Якутахъ Батурускаго и Мегинскаго улусовъ. *Сибирск. Вѣстн.* 1866 г., №№ 18 и 20.

Якуты называютъ себя *Сахà*, во множественномъ числѣ *Сахáляръ*. Слова *Якутъ* въ языкѣ ихъ не существуетъ, и вѣроятно, оно заимствовано Русскими у Тунгузовъ, отъ которыхъ мы получили первое свѣдѣніе объ Якутахъ. Тунгузы называютъ ихъ *Еко*, а оттуда *Екотъ* и *Якутъ*. По преданіямъ Якутовъ, они—пришельцы съ верховьевъ Енисея. Дѣйствительно, на югѣ Енисейской губерніи, именно въ Минусинскомъ округѣ, и теперь еще, въ вѣдомствѣ Сагайскаго родоначалія, есть одинъ родъ Татаръ, называющій себя *Сахà*, *Сахàляръ*. Надо полагать, что какое-нибудь особенное обстоятельство, неизвѣстное исторіи и не сохраненное преданіями, заставило Якутовъ покинуть свою первоначальную родину—подножіе Алтая и Саяна—и спуститься внизъ по Енисею до Нижней Тунгузки; здѣсь они могли узнать отъ Тунгузовъ, что къ востоку лежатъ степи по р. Вилюю, перебрались на эту рѣку, дошли до Лены, и такимъ образомъ, распространились по нынѣшней Якутской области, оставивъ часть своихъ родичей на пути—въ Туруханскомъ краѣ Енисейской губерніи. Когда произошло заселеніе нынѣшней Якутской области Якутами—положительно опредѣлить невозможно, но во всякомъ случаѣ за нѣсколько вѣковъ до появле-

нія здѣсь Русскихъ. Якуты принадлежатъ къ многочисленному Тюркскому племени и говорятъ тюркскимъ нарѣчіемъ, съ примѣсью нѣкотораго числа монгольскихъ словъ, такъ какъ имъ доводилось быть въ довольно близкихъ сношеніяхъ съ Бурятами, народомъ Монгольскаго племени.

Якуты вообще средняго роста и въ физіономіи имѣютъ много обще-тюркскаго типа: они смуглы, съ черными или карими блестящими глазами, нѣсколько суженными, съ широкимъ и приплюснутымъ носомъ, почти безъ бороды и усовъ, но за то съ густыми, черными волосами на головѣ. Мужчины стригутся довольно коротко, оставляя волоса подлиннѣе только на затылкѣ. Женщины обыкновенно отличаются длинными волосами, заплетаемыми въ косы, невысокимъ ростомъ и менѣе грубыми чертами лица. Встрѣчаются между ними даже весьма красивыя, съ большими черными и выразительными глазами. Вообще Якуты—здоровый, крѣпкій народъ и живутъ до глубокой старости, сохраняя бодрость.

Одежда Якутовъ проста и соотвѣтствуетъ климату занимаемой ими страны. У мужчинъ она состоитъ изъ шубы или полукафтана, длиною до колѣнъ, съ разрѣзомъ позади для бо̀льшаго удобства при верховой ѣздѣ. У богатыхъ этотъ кафтанъ шьется изъ тонкаго сукна различныхъ цвѣтовъ и обкладывается по бортамъ краснымъ или другимъ яркаго цвѣта сукномъ, въ ладонь шириною: но у бѣдныхъ онъ бываетъ обыкновенно изъ сѣраго крестьянскаго или солдатскаго сукна. Зимою сверхъ первой шубы надѣваютъ другую, шерстью вверхъ, называемую *санаякъ*. Онъ дѣлается, по большей части, изъ шкуръ тарбагана (сурокъ). Шапки или *чебаки*, съ суконнымъ верхомъ, обшиваются по околышу бобромъ, росомахой или котикомъ. На шею надѣваютъ ошейникъ изъ бѣличьихъ хвостовъ, а на руки рукавицы, по большей части изъ лисьихъ лапъ, шерстью вверхъ; близъ ладони дѣлается у нихъ прорѣха, въ которую, не снимая рукавицы, можно высунуть руку, если нужно что-нибудь сдѣлать на морозѣ голою рукою. Нижнее платье, чрезвычайно короткое, гораздо выше колѣнъ, дѣлается изъ замши; къ нему надѣваютъ такъ-называемыя *сутуры*, простирающіяся до пятокъ и привязываемыя ремнями къ исподнему платью за кольца. На голыя ноги надѣваютъ заячьи головки, а сверху *торбасы* изъ оленьихъ или лошадиныхъ ногъ. Подъ колѣномъ и повыше ло-

дыжки онп перевязываются ремнями. Одежда женская во всемъ походитъ на мужскую, только шуба или кафтанъ подлиннѣе. Въ ушахъ женщины носятъ огромныя серебряныя или мѣдныя серьги, которыя не рѣдко разрѣзываютъ ухо своею тяжестію. На шею надѣваютъ серебряное ожерелье, шириною въ палецъ, на руки—зарукавья. Во время праздниковъ на голову подъ шапку надѣваютъ повязку, отъ которой идутъ по спинѣ два широкіе ремня, покрытые серебряными чеканеными пластинками. Такіе же ремни нерѣдко висятъ спереди. Шапка такая же, какъ у мужчинъ, но съ тѣмъ различіемъ, что верхъ ея вышитъ серебромъ. Днемъ Якутъ всегда одѣтъ, но спитъ раздѣвшись до нага.

Жилища Якутовъ двоякаго рода: лѣтомъ *уросы*, зимою *юрты*. Уросы—родъ легкихъ коническихъ шатровъ, составленныхъ изъ жердей и обтянутыхъ берестою. На постройку такихъ уросовъ сдираютъ кожу березъ и сшиваютъ вмѣстѣ. Будучи снаружи бѣлы, а внутри желтые, уросы представляютъ видъ весьма красивый и издали походятъ на исполинскіе холстинные шатры. Въ нихъ кочуютъ Якуты по обильнымъ травою лугамъ, на которыхъ пасутся ихъ стада, между тѣмъ какъ хозяева стадъ безпрестанно запасаются на зиму нужнымъ количествомъ сѣна. Если въ извѣстномъ мѣстѣ травы недостаточно для скота, то урось переносится на другое. Съ наступленіемъ зимы Якуты переходятъ въ свои теплыя юрты, находящіяся всегда на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Юрта—родъ хижины, построенной изъ тонкихъ бревенъ въ видѣ срѣзанной пирамиды; снаружи она покрывается тонкимъ слоемъ травы, глины и дерна. Размѣръ юрты всегда сообразенъ съ потребностями помѣщающихся въ ней лицъ. Въ такихъ жильяхъ окна замѣняются однимъ или двумя, тускло освѣщающими внутренность юрты, небольшими квадратными отверстіями, въ которыя вставляютъ льдины, брюшину, рыбьи пузыри и даже пропитанную жиромъ бумагу. Дверь юрты всегда обращена на востокъ. У бѣдныхъ полъ опускается внизъ, обыкновенно на два или на три фута, и плотно убивается глиной, а у богатыхъ поднимается и выстилается досками. Вдоль стѣнъ устраиваются изъ лежачихъ шестовъ широкія нары, которыя служатъ постелями. По числу жильцовъ, или по крайней мѣрѣ, женатыхъ, нары разгораживаются слегка на нѣсколько отдѣленій досками или лошадиными шкурами. По срединѣ юрты,

ближе къ дверямъ, становится *чувалъ*, родъ очага или открытаго камина, съ трубою, проведенною въ кровлю; въ немъ безпрестанно горитъ огонь для тепла въ юртѣ и для варенья пищи. По стѣнамъ развѣшивается платье, бѣлье и другая домашняя рухлядь; но во всемъ господствуетъ безпорядокъ и величайшая неопрятность. Внѣ юрты ставятъ кругомъ еще нѣсколько подобнымъ образомъ построенныхъ сараевъ для коровъ, которыя пользуются здѣсь тѣмъ преимуществомъ, что стоятъ подъ крышей и кормятся сѣномъ; иногда въ жестокіе морозы ихъ помѣщаютъ даже въ юртѣ; лошади, напротивъ того, остаются всегда подъ открытымъ небомъ и скудно кормятся изсохшею осеннею травою, выгребаемою копытомъ изъ-подъ снѣга. Только въ случаѣ дальнихъ поѣздокъ кормятъ ихъ сѣномъ. Хотя устройство якутскихъ жилищъ крайне несовершенно, однако они въ полной мѣрѣ соотвѣтствуютъ мѣстному климату и потребностямъ обитателей, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже предпочтительнѣе русскихъ крестьянскихъ избъ, въ особенности потому, что на постройку юрты употребляются не настоящія бревна, а только одни тонкіе деревянные стволы; равномѣрно и чувалъ, съ вѣчно пылающимъ огнемъ, представляетъ то преимущество предъ русскою печью, что, вытягивая безпрестанно воздухъ, очищаетъ въ юртѣ атмосферу, напитанную всякаго рода испареніями. Однако, не смотря на то, послѣ долгаго странствованія по якутскимъ стойбищамъ путешественники возвращаются домой всегда съ тяжелымъ запахомъ, которымъ пропитывается не только одежда, но и они сами. Отъ этого запаха якутскихъ юртъ можно освободиться не иначе, какъ послѣ неоднократнаго провѣтриванія и паренья въ русской банѣ. Съ такимъ же запахомъ бываютъ почти всѣ вещи и произведенія природы, даже ягоды, привозимыя въ городъ изъ якутскихъ стойбищъ. Не говоря ужь о мягкой рухляди, запахъ этотъ крѣпко пристаетъ къ деревянной посудѣ и костянымъ издѣліямъ Якутовъ.

Жилища Якутовъ чрезвычайно разсѣяны: юрта отъ юрты стоитъ обыкновенно верстахъ въ двухъ и болѣе. Селиться обществомъ у нихъ не въ обычаѣ. Только между Якутскомъ и Алданомъ, на пространствѣ болѣе многолюдномъ, встрѣчаются кое-гдѣ стойбища, состоящія изъ нѣсколькихъ юртъ; но за Верхоянскимъ хребтомъ одна юрта отъ другой отстоитъ часто верстъ на 200,

такъ что ближайшіе сосѣди не видятся иногда по цѣлымъ годамъ. Къ такому необыкновенному удаленію побуждается Якутъ не столько мѣстными условіями, напримѣръ, нуждою въ пастбищахъ, сколько своимъ характеромъ: имѣя сильную наклонность къ уединенію и отчужденію, онъ всячески старается уклониться, гдѣ только можно, отъ взаимныхъ связей съ другими. Не смотря на то, путешественникъ, проѣзжающій по якутскимъ пустынямъ, найдетъ въ каждомъ изъ разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ жилищъ радушное гостепріимство и готовность подѣлиться съ нимъ, чѣмъ только богаты хозяева. Туруханскіе Якуты любятъ жить болѣе обществомъ, чѣмъ другіе инородцы и даже русскіе крестьяне Затундринскаго края. Здѣсь встрѣчается по нѣскольку якутскихъ юртъ вмѣстѣ.

Главнѣйшую пищу Якутовъ составляетъ мясо, и чѣмъ оно жирнѣе—тѣмъ лучше. Мясо употребляется въ пищу полусырое, а иногда и совсѣмъ сырое, большею частію безъ соли и почти всегда безъ хлѣба. Многіе Якуты въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣлія не существуетъ, совсѣмъ не знаютъ хлѣба, а если и случится имъ покупать печеный хлѣбъ, то употребляютъ его вмѣсто лакомства, бережливо и понемногу. Какъ печеный хлѣбъ, такъ и муку, Якуты называютъ *бурдукъ*. Самое любимое мясо—конское; впрочемъ, ѣдятъ все—еврашекъ, кротовъ и т. п. За мясомъ слѣдуетъ молоко, изъ котораго приготовляется такъ-называемое *якутское масло*, по настоящему родъ сыра или творога, на вкусъ кисловатаго, не очень жирнаго и составляющаго, даже безъ хлѣба, довольно порядочную пищу. Свѣжее молоко Якуты сами рѣдко употребляютъ, сберегая его для обыкновеннаго масла на продажу. Дичь и рыбу Якуты промышляютъ только тамъ, гдѣ представляется къ этому возможность, слѣдовательно, не всегда и не вездѣ; однакоже, во многихъ мѣстностяхъ рыба служитъ почти единственною пищею Якутовъ. За неимѣніемъ мяса и рыбы, они варятъ себѣ похлебку изъ сосновой коры или лыка, съ молокомъ, а если есть мука, то и съ небольшимъ количествомъ муки. Заготовленіе коры или лыка почти всеобщее у Якутовъ и производится въ половинѣ іюня, когда сосна начинаетъ цвѣсти и сочиться. Въ самые ясные знойные дни Якуты отправляются въ сосновые лѣса и отыскиваютъ гладкія безъ сучьевъ деревья верш-

ковъ въ 6—8 толщиной у корня, срубаютъ ихъ и осторожно снимаютъ съ нихъ верхнюю кору, послѣ чего оставшееся на деревѣ лыко, при помощи деревянныхъ лопаточекъ, сдираютъ очень легко. Полосы этого лыка, длиной аршина въ полтора, вѣшаютъ на сучья для того, чтобъ они провяли; потомъ связываютъ ихъ пучками полосъ въ 50—60 и тщательно берегутъ отъ сырости и дождя, потому что если лыко заплесневѣетъ, то дѣлается негоднымъ къ употребленію. Зимой его окончательно просушиваютъ, поджариваютъ на огнѣ чувала, а потомъ толкутъ и превращаютъ въ муку. Но величайшимъ лакомствомъ у Якутовъ считается жиръ, а возможность ѣсть его до пресыщенія—высшимъ блаженствомъ. Жиръ Якуты употребляютъ въ различныхъ видахъ—сырой и топленый, свѣжій и испортившійся. Вообще достоинство пищи у нихъ играетъ второстепенную роль, а обращается вниманіе, главнымъ образомъ, на количество. Разказы о томъ, что тамъ-то, напримѣръ, Якутъ съѣлъ въ три дня лошадь, а тамъ-то выпилъ за одинъ присѣстъ пудъ топленаго масла,—не рѣдкость, и хотя они на первый разъ кажутся совершенно невѣроятными, однакожь тѣмъ не менѣе совершенно справедливы. Англійскій путешественникъ Симпсонъ призвалъ къ себѣ однажды въ Якутскѣ двухъ извѣстныхъ ѣдоковъ и поставилъ передъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленнаго масла; каждому дали ровно по пуду мяса, а масло они должны были пить или ѣсть большими ложками. Одинъ Якутъ былъ старъ и опытенъ, другой молодъ и жаденъ. Послѣдній имѣлъ сначала преимущество. „У него зубы хороши“, сказалъ старикъ;—„но съ помощью святыхъ (здѣсь онъ перекрестился), я его скоро догоню“. Когда половина была съѣдена, Симпсонъ оставилъ благодарныхъ гостей надзору своего секретаря. Когда путешественникъ возвратился черезъ два часа, секретарь доложилъ ему, что все было съѣдено, что̀ подтвердили растянувшіеся на полу обжоры, которые, цалуя землю, благодарили за обильный обѣдъ. Послѣ того, они, какъ змѣи, три-четыре дня пробыли въ какомъ-то полусознательномъ положеніи, не пили и не ѣли и только часто катались по полу, чтобы возбудить пищеваренiе. При каждой богатой сватьбѣ двое такихъ искусныхъ ѣдоковъ должны увеселять гостей своимъ обжорствомъ. Одного угощаетъ родня молодого, другого — родня молодой, и сторона

побѣдителя считаетъ это за хорошее предзнаменованіе. Вообще должно сказать, что обжорство не только не считается у Якутовъ какимъ-либо порокомъ, но особенною доблестью. Въ памяти Якутовъ сохранилось преданіе объ одномъ воеводѣ, жившемъ въ концѣ XVII вѣка, именно потому, что онъ необыкновенно много ѣлъ. Говорятъ, будто самаго тощаго Якута недѣли въ двѣ можно откормить, какъ лошадь.

Любимое питье Якутовъ, какъ и всѣхъ Тюркскихъ племенъ, составляетъ *кумысъ*, приготовленный изъ кобыльяго молока. Нѣкоторые выпиваютъ его по ведру за одинъ присѣстъ. Курить вино изъ молока, подобно тому, какъ, напримѣръ, Минусинскіе Татары курятъ свой айранъ, Якуты не умѣютъ. Но какъ для того, чтобъ охмѣлѣть отъ кумыса, его надо выпить очень много, то они предпочитаютъ ему обыкновенную водку, почему она играетъ весьма видную роль въ торговлѣ съ Якутами. Достаточные Якуты пьютъ съ молокомъ кирпичный чай изъ мѣдныхъ чайниковъ; у нѣкоторыхъ есть даже самовары и хорошій чай.

Всѣ Якуты, какъ мужчины, такъ и женщины, страстно любятъ курить табакъ, и притомъ самый крѣпкій, какой только могутъ достать, преимущественно черкасскій. Глотая весь табачный дымъ, они приходятъ отъ него въ опьяненіе, которое имѣетъ иногда вредныя послѣдствія, если Якутъ выведенъ чѣмъ-нибудь изъ себя.

Якуты—собственно пастушескій народъ. Главное ихъ богатство состоитъ въ скотѣ, и каждый изъ нихъ имѣетъ хоть одну корову, молокомъ которой и питается. Овецъ не держатъ. У богатыхъ бываетъ до тысячи штукъ скота. Лошади служатъ имъ для дальнихъ переѣздовъ, и въ особенности для верховой ѣзды; въ домашнемъ же быту для перевозки тяжестей всегда служатъ волы, которыхъ запрягаютъ въ самую простую упряжь и правятъ посредствомъ поводьевъ, привязываемыхъ за деревянныя кольца, продѣтыя въ ноздри животныхъ.

Звѣроловство составляетъ вторую статью промышленности Якутовъ, хотя въ настоящее время, по случаю повсемѣстнаго уменьшенія звѣря въ Сибири, оно далеко уже не такъ значительно, какъ прежде, когда Якуты за мѣдный котелъ платили соболями, набивъ его до верху, и когда въ Москвѣ удивлялись успѣшному сбору съ Якутовъ ясака, а воеводы получали за то благодарность

и награды. На ловлю соболей теперь отправляются только немногіе Якуты—по отдаленности отъ ихъ стойбищъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ водятся соболи. Болѣе всего Якуты занимаются добычею лисицы и бѣлки.

Хлѣбопашество, послѣ долго господствовавшаго предубѣжденія въ его невозможности, начинаетъ мало по малу прививаться къ Якутамъ. Правда, земледѣліе въ Якутской области сопряжено съ большими трудностями. Всѣ сибирскія рѣки текутъ между горами, и луговаго берега у нихъ нѣтъ; поэтому всѣ лучшія мѣста заняты подъ сѣнокосы, а разчищать подъ хлѣбопашество землю по горамъ—работа не легкая и требующая много времени. Сначала надо подсушить лѣсъ, выжечь его, выворотить корни и сжечь ихъ, собрать дерпъ и потомъ уже приступить къ приготовленію земли подъ посѣвы. Но долгій трудъ окупается порядочнымъ урожаемъ. Въ среднемъ теченіи Лены урожаи истребляются иногда ранними морозами, а въ низовьяхъ ея хлѣбопашество не возможно по суровости климата. Подгородные Якуты занимаются разведеніемъ въ небольшомъ количествѣ картофеля и огородныхъ овощей.

Способностью къ ремесламъ Якуты превосходятъ всѣ другіе сибирскіе народы, и нѣкоторыя якутскія издѣлія, особенно кинжалы и ножи, могли бы заслужить отличіе на европейскихъ промышленныхъ выставкахъ. Задолго до покоренія Сибири Русскими они умѣли ковать ножи, топоры и другое оружіе изъ вилюйской желѣзной руды. Эти желѣзныя издѣлія, отъ добрóты ли матеріала, или отъ превосходной обработки, не лопаются даже въ самые сильные холода,—качество, котораго не имѣютъ даже лучшіе англійскіе топоры. Рукоять якутскаго кинжала искусно украшается оловомъ, а ножны дѣлаются изъ бересты, обтянутой черною кожею; для прочности ихъ оковываютъ жестяными полосами. Якутская рѣзьба изъ мамонтовой кости разныхъ вещей, какъ-то: гребней, шкатулокъ, ящиковъ и т. п., извѣстна во всей Сибири. Изъ Якутовъ выходятъ очень хорошіе плотники, столяры, и при обученіи, могли бы выходить хорошіе музыканты и живописцы. Якутскія женщины сами шьютъ всѣ принадлежности одежды для себя, для мужей и для дѣтей. Нитки при этомъ употребляются иногда обыкновенныя, но больше сдѣланныя изъ скотскихъ жилъ. Кромѣ одежды, онѣ искусно шьютъ узорчатые ковры изъ разноцвѣтныхъ

коровьихъ кожъ и плетутъ изъ длинной травы ситки, половики или постилки не только для себя, но и на продажу.

Якутъ въ высшей степени одаренъ памятью и зрѣніемъ. Достаточно проѣхать ему одинъ разъ по дорогѣ, чтобы запомнить каждый кустикъ, ручеекъ, незначительный пригорокъ, которыхъ онъ не забудетъ во всю свою жизнь. Якутъ разказываетъ друзьямъ и дѣтямъ исторію своей жизни, не упуская ни малѣйшей подробности, съ такою ясностію и точностію, что кажется, будто всѣ разказываемыя происшествія случились съ нимъ только вчера. Что касается до зрѣнія, то по словамъ спутника Врангеля при изслѣдованіи сѣверныхъ береговъ Сибири, лейтенанта Анжу, одинъ Якутъ говорилъ ему, что часто видитъ, какъ одна звѣзда побольше глотаетъ другія маленькія звѣздочки и потомъ опять ихъ выплевываетъ, то-есть, онъ видѣлъ простыми глазами затмѣніе спутниковъ Юпитера,—вещь совершенно невозможная для Европейца. Кромѣ того, Якуты очень легко бѣгаютъ и превосходно ѣздятъ верхомъ.

Въ лѣтнее время Якуты занимаются скотоводствомъ, рыболовствомъ и заготовленіемъ на зиму сѣна, а съ наступленіемъ зимы—звѣроловствомъ. Днемъ въ эту пору мужчины ходятъ на промыселъ, а женщины сидятъ вокругъ чувала, обдѣлываютъ звѣриныя кожи, шьютъ платье, вьютъ веревки, вяжутъ сѣти и т. п. Вечеромъ вся семья собирается вмѣстѣ. Тутъ курятъ табакъ, пьютъ кумысъ, ѣдятъ. Случается, что въ это время князецъ или старшина разбираетъ небольшіе споры между своими родовичами. День заключается нерѣдко чародѣйствомъ какого-нибудь шамана, который въ полночь, у тлѣющихъ на чувалѣ угольевъ, совершаетъ свои заклинанія, для отысканія заблудившейся скотины, для излѣченія отъ какой-нибудь болѣзни или испрошенія помощи у духа въ предстоящемъ пути и другихъ предпріятіяхъ, иногда даже для прекращенія долговременной тяжбы, не оконченной обыкновеннымъ порядкомъ. Зимою, на голомъ земляномъ полу въ юртахъ, передъ огнемъ, всегда вертятся полунагіе и совсѣмъ нагіе ребятишки, которые, при появленіи Русскихъ, выбѣгаютъ на встрѣчу къ нимъ на улицу, не смотря ни на какой морозъ.

Нечувствительность Якутовъ къ холоду простирается до того, что въ этомъ отношеніи имъ удивляются даже Сибиряки, при-

выкшіе къ своимъ жестокимъ морозамъ, и называютъ Якутовъ „желѣзными“. Въ самыя далекія зимнія поѣздки они не берутъ съ собою ни палатокъ, ни одѣялъ, ни даже большихъ шубъ. Во время своихъ путешествій Якутъ носитъ свое обыкновенное домашнее платье и при этомъ почти всегда проводитъ ночи подъ открытымъ небомъ; разостланная на снѣгу попона служитъ ему постелью, деревянное сѣдло—подушкою. Кафтаномъ, который днемъ служилъ ему платьемъ, и который снимается на ночь, покрываетъ онъ себѣ спину и плечи, а переднею частью тѣла, почти совершенно раскрытою, оборачивается къ огню. Полежавъ такимъ образомъ и согрѣвшись почти до поту, Якутъ затыкаетъ себѣ носъ и уши клочками шерсти и закрываетъ себѣ лицо, оставляя лишь маленькое отверстіе для дыханія: вотъ все, что̀ нужно Якуту для того, чтобы не замерзнуть во время сна при самыхъ сильныхъ холодахъ.

Къ такой терпѣливости Якуты привыкаютъ съ самаго младенчества. Новорожденныхъ дѣтей у нихъ натираютъ по нѣскольку разъ въ сутки снѣгомъ или обливаютъ холодною водою, приговаривая: „Терпи холодъ—стерпишь холодъ; терпи стужу—стерпишь стужу“. Само собою разумѣется, что ребенокъ, который не умретъ отъ подобныхъ операцій, въ состояніи будетъ переносить въ послѣдствіи самую сильную стужу. Тѣшить и нѣжить своихъ дѣтей у Якутовъ не въ обычаѣ: они кладутъ ихъ нагихъ въ жесткія, почти голыя зыбки или корыта на бересту съ подставленными внизу лотками для стока мочи; сверху покрываютъ ихъ какими-нибудь лохмотьями, кормятъ молокомъ съ водою, почти не укачиваютъ ихъ и не обращаютъ много вниманія на ихъ плачъ и вопли, думая даже, что чѣмъ больше кричитъ младенецъ, тѣмъ больше и скорѣе ростетъ. Дѣти до тѣхъ поръ ходятъ нагими, пока не станутъ сознавать стыда и закрываться сами. Тогда ужь и родители одѣваютъ ихъ въ платья изъ кожи коровьей или какой-нибудь звѣриной, а по праздникамъ—въ синія рубашки. Всѣ вообще Якуты, а по преимуществу Якутки, изъявляютъ дружбу свою къ ближнимъ и особенно любовь къ дѣтямъ по своему: обнимая, нюхаютъ ихъ голову, шею и самую одежду, но никогда не цѣлуютъ. Только немногіе Якуты, бывающіе часто въ городѣ и обращающіеся съ Русскими, изрѣдка выражаютъ свою пріязнь къ нимъ поцѣлуями.

Введеніе между Якутами христіанства началось съ перваго времени покоренія ихъ русской власти, при чемъ дѣло не обошлось безъ понудительныхъ мѣръ. Такъ въ 1814 г. пздано было постановленіе объ уничтоженіи у нихъ кумировъ и кумирницъ и о крещеніи Якутовъ. Наибольшее число ихъ было обращено въ христіанство въ 1804 г. протоіереемъ Слѣпцовымъ, который обошелъ ихъ стойбища отъ Анабара до Колымы, водружая въ каждомъ крестъ, и необыкновеннымъ умѣньемъ убѣждать крестилъ ихъ тысячами. Для большаго утвержденія христіанства и распространенія его между Якутами, признано было необходимымъ перевести на якутскій языкъ священныя и богослужебныя книги. Къ настоящему времени переведены и отпечатаны славянскими буквами, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ знаковъ для выраженія тѣхъ звуковъ якутскаго языка, какихъ нѣтъ въ языкѣ славянскомъ, — всѣ книги Новаго Завѣта, кромѣ Апокалипсиса, а изъ ветхозавѣтныхъ—книга Бытія и Псалтирь. Первая литургія на якутскомъ языкѣ была совершена 19-го іюля 1859 г. и произвела сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ при божественной службѣ Якутовъ, въ средѣ которыхъ этотъ день постоянно празднуется.

Въ настоящее время почти всѣ Якуты крещены; однакожь, не смотря на то, только немногіе изъ нихъ, и то долго жившіе между Русскими, имѣютъ нѣкоторыя основныя понятія о христіанской вѣрѣ; остальные же затѣмъ, въ особенности живущіе въ отдаленныхъ и малодоступныхъ мѣстахъ, все еще придерживаются прежнихъ языческихъ вѣрованій, извѣстныхъ вообще подъ названіемъ шаманства.

На первомъ планѣ въ шаманствѣ стоитъ обожаніе природы; оно потеряло нынѣ прежній характеръ фетишизма и замѣнилось поклоненіемъ духамъ—„хозяевамъ“ различныхъ явленій природы. Каждое естественное явленіе, каждая форма міровой жизни имѣетъ своего духа-властителя. Пространства воздуха, водѝ, горы, лѣса, планеты, самая внутренность земли, все это наполнено легіонами духовъ.

Рядомъ съ духами въ шаманской религіи стоятъ души умершихъ людей и фетиши-идолы естественные и не естественные. Одни изъ этихъ идоловъ представляются существами живыми,

личными; другіе же считаются только вмѣстилищемъ, мѣстопребываніемъ пзвѣстныхъ духовъ, которые такимъ образомъ дѣлаютъ для человѣка удобнымъ непосредственное сношеніе съ ними.

Всѣ упомянутыя божества дѣлятся на два разряда—добрыхъ и злыхъ. Если вліяніе послѣднихъ и слабѣе, чѣмъ вліяніе первыхъ, за то числомъ злыя божества превосходятъ добрыхъ. Вездѣ, куда бы ни пошелъ шаманистъ, ему грозитъ опасность отъ сатаны; во всѣхъ своихъ дѣлахъ онъ думаетъ встрѣтить препятствія отъ легіоновъ злыхъ духовъ. Не только въ настоящей, но и въ будущей жизни ждутъ человѣка демоны и ужасныя отъ нихъ муки.

Чтобъ умилостивить духовъ и отклонить вредное вліяніе ихъ шаманисты задобриваютъ ихъ жервами. Но такъ какъ духи злы и часто бываютъ недовольны этими приношеніями или до того уже раздражены, что никакія взятки не въ состояніи утолить ихъ гнѣва, тогда обращаются къ добрымъ духамъ. Послѣдніе, ненавидя тьму и зло, постоянно борются съ демонами и умѣряютъ вредное вліяніе ихъ на человѣка, но окончательно уничтожить ихъ не въ состояніи.

Такъ какъ духи могутъ быть умплостивлены жертвами, то нужно знать, какой хотятъ они жертвы; такъ какъ инстинктъ самосохраненія побуждаетъ охранять себя отъ вредныхъ вліяній природы или воображаемыхъ духовъ, то нужно знать и имѣть средства къ избавленію отъ нихъ. Разныя обстоятельства жизни требуютъ, для блага общаго и частнаго, знанія многихъ вещей, недоступныхъ для обыкновеннаго ума человѣческаго. Все это повлекло за собою волшебство, заклинанія, предсказанія. Люди, посвятившіе себя этой профессіи, образовали особую касту шамановъ, жрецовъ-кудесниковъ. Теперь, въ большинствѣ случаевъ, это—люди, эксплуатирующіе простодушныхъ и живущіе на ихъ счетъ.

По вѣрованіямъ Якутовъ, придерживающихся еще шаманства, существуетъ девять небесъ, изъ коихъ на семи обитаютъ разныя животныя, употребляемыя въ пищу покойниками; на восьмомъ живетъ богъ грома—Сюрдяхъ-Сюгя-Тоёнъ, то-есть, Страшный Топоръ-Господинъ, на девятомъ—два первые небожителя Арь-Тоёнъ, то-есть, Чистый Господинъ, и жена его Кубей-Хатунъ, то-есть, Почтенная Госпожа. Ходатаями за Якутовъ предъ небожителями является Жаюгай-Тоёнъ, податель дѣтей, богатства, виновникъ счастливыхъ про-

мысловъ, и жена его Айсытъ, то-есть, Подательница. Кромѣ того, въ каждомъ родѣ Якутовъ есть еще особый заступникъ и ходатай— Есхеитъ, который принимаетъ отъ людей молитвы, возноситъ ихъ къ главнымъ богамъ и возвѣщаетъ повелѣнія ихъ людямъ; его представляютъ въ видѣ бѣлогубаго или косматаго жеребца, ворона, лебедя, сокола и т. п. Каждый родъ не убиваетъ олицетвореній своего ходатая. Но это все благія божества. Представителемъ злаго начала является Абысъ, сатана, владыка легіоновъ демоновъ. И самъ, и черезъ нихъ онъ всячески старается вредить человѣку. Разлетаясь по всему міру, демоны ссорятъ людей, вовлекаютъ ихъ въ преступленія, насылаютъ страшныя болѣзни, каковы, напримѣръ, проказа (улаханъ-амъ), оспа, корь, венерическая и пр., и самую смерть. Душа человѣка послѣ смерти остается между демонами, а потому награды за добрую жизнь нѣтъ.

Если Якутъ умретъ, то его хоронятъ въ тотъ же день, при чемъ кладутъ вмѣстѣ съ нимъ его платье и убитую верховую лошадь со сбруею. Надъ могилою дѣлаютъ срубъ, который обносится заборомъ; на столбы забора вѣшается нѣсколько конскихъ шкуръ съ головами. Потомъ присутствовавшіе при похоронахъ объѣзжаютъ могилу три раза по теченію солнца. Близкіе родственники къ могилѣ не приближаются, но стоя вдали, произносятъ троекратно жалобный крикъ. Юрта, гдѣ умеръ Якутъ, оставляется, и всѣ его домашніе переходятъ въ новую, потому что умершихъ они почитаютъ съѣденными дьяволомъ, а домы ихъ—съ тѣхъ поръ жилищемъ бѣса, нашедшаго себѣ жертву. При погребеніи шамана кладутъ съ нимъ его платье, а подлѣ могилы вѣшается разодранный бубенъ. Вообще съ умершимъ Якуты кладутъ говядину и масло, полагая, что они будутъ ему нужны. Нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ впрочемъ вышли ужь изъ употребленія.

Весною, когда много молока, Якуты справляютъ свой старинный праздникъ *исехъ*. Приготовивъ нѣсколько десятковъ ведеръ кумысу, Якутъ приглашаетъ на праздникъ своихъ сосѣдей, но молва о настоящемъ пиршествѣ и безъ того распространяется повсюду. Въ назначенный день званые и незваные, одѣвшись въ лучшее платье, ѣдутъ на праздникъ. Еще по утру въ юртѣ хозяина нѣсколько человѣкъ садятся впереди на постланныя шкурки; возлѣ нихъ помѣщаются начальники, почетные гости и т. д. Тогда

выбираются одинъ или два молодые человѣка, не бывшіе въ томъ мѣсяцѣ при мертвецѣ, не изобличенные ни въ воровствѣ, ни въ лжесвидѣтельствѣ; имъ даютъ въ руки по большой деревянной стопѣ съ кумысомъ и становятъ передъ погасшимъ огнемъ, лицомъ къ востоку. Подержавъ нѣсколько времени стопу противъ груди, каждый изъ нихъ льетъ по немногу до трехъ разъ на пепелъ. Это жертва первому божеству Арь-Тоену. Поворотясь немного на право, они дѣлаютъ возліяніе женѣ его Кубей-Хатунъ. Поворачиваясь, такимъ образомъ, по немногу на право и возливая богамъ, они доходятъ до юга. Потомъ поворачиваются на западъ и возливаютъ въ честь двадцати-семи мытарствъ. Поворотясь къ сѣверу, они возливаютъ пресподнимъ духамъ—тѣнямъ умершихъ шамановъ. Послѣднее возліяніе дѣлается старухѣ, называемой Ипахсытъ, о которой думаютъ, что она вредитъ тельнымъ коровамъ. Окончивъ церемонію, молодые люди обращаются къ востоку. Тогда одинъ изъ сидящихъ впереди громкимъ голосомъ благодаритъ Бога за посланныя имъ блага и проситъ о томъ же въ будущемъ. Окончивъ молитву, онъ снимаетъ шапку и громко кричитъ: „Уруй!“ то-есть. подай, благоволи. Это слово трижды повторяютъ всѣ сидящіе въ юртѣ. Послѣ молитвъ молодые люди берутъ стопы съ оставшимся кумысомъ, пьютъ сами и подаютъ прочимъ. Женщины не могутъ участвовать въ этомъ обрядѣ.

Въ вечеру начинаются различныя игры. Женщины, въ лучшихъ своихъ нарядахъ, становятся въ кругъ; схватившись руками, такъ что пальцы одной сплетаются съ пальцами другой, идутъ онѣ тихо по теченію солнца, дѣлая по три шага всѣ вдругъ и напѣвая что̀ вздумается, такъ что въ цѣломъ пѣніе ихъ ничего не выражаетъ. Мужчины плясками не занимаются; они устраиваютъ скачки, борьбу, бѣгъ и пр.

Между тѣмъ предъ юртою хозяина, справляющаго праздникъ, ставятъ три столба съ перекладиной, украшенные березками; подъ столбы помѣщаютъ огромные кожаные мѣшки съ кумысомъ; но чтобы мѣшки эти стояли прямо, не падая, привязываютъ ихъ къ перекладинамъ. Это кумысъ для мужчинъ; для женщинъ же ставятъ другіе три столба съ такими же мѣшками. Всѣ Якуты садятся въ нѣсколько рядовъ на землю, лицомъ къ востоку, протянувъ ноги. Женщины сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ. Тогда при-

носятъ огромные деревянные кувшины. Нѣсколько человѣкъ, взявъ въ руки по кувшину, идутъ къ мѣшкамъ. Стоящій подлѣ нихъ Якутъ длиннымъ деревяннымъ ковшомъ наливаетъ каждому полный кувшинъ; получившій отходитъ прочь и становится лицомъ къ востоку; подлѣ него другой и т. д. У женщинъ дѣлается то же самое. Послѣ того, люди, держащіе кувшины, подходятъ къ гостямъ. Хозяинъ, взявъ одинъ кувшинъ, подастъ его почтеннѣйшему гостю, который, напившись кумысу въ нѣсколько пріемовъ, передаетъ его сосѣду, и такимъ образомъ идетъ круговая до тѣхъ поръ, пока пить не окажется болѣе возможности. Затѣмъ, у женщинъ начинаются пляски, а у мужчинъ—борьба. Два атлета, въ одномъ короткомъ исподнемъ платьѣ, выводятся на сцену посредниками. Борьба состоитъ въ томъ, что противники схватываютъ другъ друга за руки и стараются освободить ихъ другъ у друга. Въ то же самое время нѣкоторые поднимаются вверхъ по высокому, гладкому шесту, вбитому близъ юрты хозяина, или вытянувъ по шесту руку во весь ростъ и держась за него, стараются ногою достать руку. При этомъ обыкновенно поются пѣсни.

Хотя Якуты охотно поютъ, но у нихъ нѣтъ пѣсень, то-есть, такихъ, которыя, будучи разъ сложены, переходили бъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Когда Якутъ поетъ, то обыкновенно импровизируетъ; вотъ образчикъ такой импровизаціи: „Послѣ морозовъ Богъ далъ намъ тепло. Коровы наши отелились, показалась трава, скотъ нашъ сдѣлался жирнѣе, сталъ давать намъ больше молока; мы изъ него дѣлаемъ кумысъ, пьемъ, веселимся!“

Такимъ образомъ Якуты, какъ видно, не одарены поэтическимъ творчествомъ; но въ замѣнъ того они хорошіе ораторы. Въ путешествіи Миддендорфа мы находимъ любопытный образецъ таланта Якутовъ произносить рѣчи. Эта рѣчь или молитва, слышанная нашимъ путешественникомъ на одномъ ночлегѣ въ дикой нагорной мѣстности близъ китайской границы, въ странѣ Оленныхъ Тунгузовъ, при слѣдующей обстановкѣ: Дерево богато убрано приносимыми въ жертву гривами; ораторъ—одѣтый въ кожу Якутъ, стоитъ передъ костромъ и держитъ свою рѣчь въ то время, какъ передъ нимъ другой Якутъ поднимаетъ къ небу горячую саламату. Жертвенное масло, клокочетъ на огнѣ въ видѣ отвѣта призываемыхъ духовъ. „Бабушка Кербе“, говоритъ Якутъ, — „отъ вѣка древняя, и

*

ты, дѣдушка Бурея (двѣ рѣки), равный первой годами! Пошлите милость намъ, путешествующимъ по вашимъ скрытымъ оврагамъ, защитите, одарите счастіемъ и благословите насъ! Мы идемъ во имя великаго духа! Вы, стекающіе съ пѣніемъ съ высокихъ горъ! Во имя ваше мы идемъ,—пусть девять разъ счастливо будетъ наше шествіе! И ты, живущая на нашемъ пути, ты вдругъ и повсюду являющаяся, и подобно снѣгу, изчезающая, необъяснимо быстрая, волшебная дѣва Сыринай; ты, быстро бѣгущій Курхачи, и вы, гномы, живущіе справа на девяти, а слѣва на восьми горахъ! Будьте милостивы къ намъ! Я васъ всѣхъ угощаю за разъ (въ это время изъ торжественно поднятаго котла бросаются на огонь три ложки масла и саламаты), кушайте, лакомьтесь! Но не пробуйте разборчивымъ языкомъ,—будьте довольны. Молясь, взываю къ вамъ: ведите насъ счастливо, чтобы мы шли рядомъ съ лучшими и обогнали посредственныхъ. Ты же, здѣсь управляющій, горный старецъ, ты страшно богатый Борилохъ! Доставь намъ еще въ утреннемъ сумракѣ темныхъ звѣрей и на ранней утренней зарѣ яркоблестящихъ звѣрей, дорогіе мѣха! Наполни наши широкіе вьюки, нанижи соболей на наши длинные ремни, наведи на насъ краснаго звѣря! Счастіе и благословеніе намъ въ путь!“

О нравственныхъ качествахъ Якутовъ много хорошаго сказать нельзя. Путешественники описываютъ ихъ какъ народъ хитрый, мстительный, склонный къ сутяжничеству. Русскимъ они почти никогда не даются въ обманъ, а напротивъ того, Русскіе весьма часто бываютъ обманываемы Якутами, принимая ихъ притворство за постоянность. Якутъ никогда не забываетъ нанесенной ему обиды, и если ему самому не удастся отмстить за нее, онъ непремѣнно передаетъ мщеніе своему сыну или ближайшему родственнику. Страсть Якутовъ къ тяжбамъ безпредѣльна; только представилась бы возможность затѣять что-нибудь, похожее на жалобу или донось, они тотчасъ готовы ябедничать, и мало того, что тѣмъ докучаютъ всякому проѣзжему, имѣющему, по ихъ предположеніямъ, нѣкоторую значительность, но часто предпринимаютъ еще обременительныя и убыточныя для себя поѣздки, чтобы завести только тяжбу, нерѣдко изъ-за одной полтины. Этимъ отличаются особенно подгородные Якуты, благодаря содѣйствію мелкихъ чиновниковъ, служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ и пользующихся ихъ страстію

къ тяжбамъ. Кромѣ того, Якуты весьма наклонны къ воровству во всѣхъ его видахъ.

Послѣ этого общаго очерка быта Якутовъ переходимъ къ юридическому ихъ быту.

II.

Бракъ. — Семья. — Положеніе малолѣтнихъ сиротъ. — Право собственности: виды пріобрѣтенія собственности; права по наслѣдству. — Договоры и сдѣлки. — Помочи; артели; товарищества.

При вступленіи въ бракъ Якуты принимаютъ въ разчетъ только родство по мужскому колѣну, ставя ни во что родство по колѣну женскому, такъ что, по ихъ понятіямъ, отецъ съ сыномъ и братъ съ братомъ могутъ свободно жениться на родныхъ сестрахъ, а дядя—на родной племянницѣ. Но какъ подобные браки по церковнымъ правиламъ не допускаются, то Якутъ, истощивъ всѣ средства, чтобы какъ-нибудь уладить подобное дѣло, обыкновенно прибѣгаетъ къ слѣдующей фикціи: не получая разрѣшенія на вступленіе въ бракъ, какъ слѣдуетъ по закону, женихъ нанимаетъ невѣсту какъ бы въ работу и такимъ образомъ проживаетъ съ нею весь вѣкъ, если только супруги сойдутся характерами. Нисходящая линія, даже до десятаго колѣна, не можетъ вступить между собою въ бракъ. Родство духовное, именно кумовство (паджи), играетъ у Якутовъ весьма важную роль. На кумѣ, по мнѣнію Якутовъ, не только грѣшно жениться или находиться съ нею въ близкихъ отношеніяхъ,—съ нею грѣшно даже ссориться. Поэтому, при выборѣ кума и кумы, Якуты поступаютъ весьма осмотрительно и приглашаютъ для воспринятія дѣтей обыкновенно дальнихъ сосѣдей или лицъ изъ другихъ наслеговъ, такъ чтобы близкое сосѣдство не послужило поводомъ къ ссорамъ и дракамъ, которыя относительно кума и кумы—великій грѣхъ предъ Богомъ и стыдъ передъ ближними, то-есть, передъ сосѣдями и родственниками. До чего доходитъ подобная осмотрительность, видно изъ слѣдующаго случая: Однажды мѣстный священникъ, вмѣстѣ съ причетникомъ, пріѣхалъ въ какой-то дальній и уединенный наслегъ для исполненія требъ, и въ томъ числѣ, для окрещенія новорожденныхъ. Якуты представили дѣтей, но около часу продержали священника,

по непредставленію воспріемниковъ. Оказалось, что всѣ жители двухъ или трехъ юртъ, составлявшихъ наслегъ, отказались идти въ кумы и кумовья, потому что, живя въ сосѣдствѣ и притомъ въ малолюдномъ мѣстѣ, они едва ли могутъ обойдтись безъ того, чтобы не посягнуть на чужую собственность, а относительно кума и кумы это недозволительно. Чтобы не остановить совершеніе крещенія, священникъ поставилъ причетника воспринимать новокрещеныхъ. Пріемыши съ принявшими ихъ лицами, а равно съ ихъ дѣтьми, въ бракъ вступаютъ свободно.

Совершеніе брака по обрядамъ православной церкви обусловливается достиженіемъ со стороны жениха 18, а со стороны невѣсты 16 лѣтъ. Однако въ мѣстностяхъ удаленныхъ и малопосѣщаемыхъ, гдѣ Якуты живутъ еще по старинѣ, у многихъ существуетъ обычай сватать своихъ дѣтей въ малолѣтствѣ, 10 лѣтъ, а иногда находящихся еще въ колыбели. Въ послѣдствіи времени когда дѣти подростутъ, конечно, можетъ случиться, что свадьба разстроится или потому, что отцы не сойдутся въ количествѣ калыма, то-есть, платы за невѣсту, или потому, что женихъ и невѣста не понравятся другъ другу. Но въ большинствѣ случаевъ, подобное сватовство оканчивается тѣмъ, что женихъ и невѣста едва только достигнутъ 10—11 лѣтъ, начинаютъ жить какъ мужъ съ женою. Женихъ и невѣста обыкновенно бываютъ почти одинхъ лѣтъ, или же невѣста немногимъ моложе жениха. Исключенія изъ этого правила рѣдки.

Первымъ условіемъ для вступленія въ бракъ считается согласіе на то родителей жениха и невѣсты. Браковъ уходомъ или убѣгомъ между Якутами не бываетъ, такъ какъ въ подобномъ случаѣ молодые лишились бы наслѣдства, которое могутъ получить послѣ своихъ родителей. Если у жениха или невѣсты нѣтъ отца или матери, или если они круглые сироты, то мѣсто родителей заступаютъ ближайшіе родственники, но не въ качествѣ лицъ, разрѣшающихъ вступленіе въ бракъ или благословляющихъ на это дѣло, а въ качествѣ совѣтниковъ. Вообще у Якутовъ не въ обычаѣ принимать кого-либо въ *благословенные родители.* Вмѣсто нихъ важную роль играетъ у нихъ *тысяцкій,* который, находясь при совершеніи брачнаго обряда, служитъ передъ духовенствомъ порукою того, что къ совершенію брака между молодыми людьми

нѣтъ никакой препятствующей причины. Къ тысяцкому молодые въ теченіе всей жизни питаютъ особое уваженіе, какимъ пользуются у Русскихъ такъ называемые благословенные родители.

Браки не по обоюдному согласію жениха и невѣсты, а по волѣ родителей ихъ, бываютъ у Якутовъ сплошь и рядомъ, и это преимущественно относится до людей богатыхъ. На случай, что богатый женится на бѣдной, или на оборотъ, можно указать, какъ на весьма рѣдкія явленія. Очень часто случается, что родители, равные по состоянію, просватываютъ своихъ дѣтей подъ веселую руку, не спросивъ даже молодыхъ людей, нравятся ли они другъ другу, а не исполнить волю старшихъ они не смѣютъ изъ опасенія лишиться наслѣдства. Послѣдствіемъ такого порядка вещей въ большинствѣ случаевъ бываетъ то, что женихъ и невѣста совершенно равнодушно вступаютъ въ бракъ и совершенно равнодушно живутъ какъ мужъ и жена; если же при этомъ они не сошлись еще, характерами, то разводъ между ними—дѣло неизбѣжное.

Свадебное дѣло у Якутовъ происходитъ обыкновенно слѣдующимъ порядкомъ: Отецъ, имѣющій у себя сына, котораго намѣренъ женить, предварительно посылаетъ въ юрту, откуда хочетъ взять невѣсту, кого-нибудь разузнать, согласны ли будутъ родители ея вести дѣло *на счетъ родни* (уру). Если тѣ согласны, то пригласивъ кого-нибудь изъ почетныхъ лицъ, напримѣръ, старосту наслега[1]), отецъ жениха, вмѣстѣ съ ближайшими родственниками и сыномъ, отправляется въ юрту своего будущаго свата, при чемъ несетъ или везетъ съ собою отъ 10 до 50 р. деньгами, смотря по состоянію, и нѣсколько ведеръ водки. По прибытіи въ жилище невѣсты староста или другое почетное лицо обращается къ отцу и матери невѣсты съ рѣчью, что вотъ такой-то сродникъ его желаетъ дать своему сыну прочное положеніе въ семейномъ быту, хочетъ сдѣлать его полнымъ человѣкомъ; но это желаніе его можетъ осуществиться только тогда, когда настоящее совѣщаніе на счетъ родства окончится обоюднымъ согласіемъ и съ выгодою какъ для той,

---

[1]) О значеніи слова *наслегъ* см. въ гл. IV этой статьи. Въ пояснительной запискѣ къ Своду Степныхъ Законовъ сказано, что наслегомъ называется вѣдомство, въ которомъ соединено нѣсколько частныхъ родовъ якутскихъ. *Ред.*

такъ и для другой стороны. Вообще, ведя эти переговоры, сватающій старается блеснуть всѣмъ своимъ искусствомъ. По окончаніи предложенія отецъ невѣсты спрашиваетъ: „А что̀ будетъ дано за невѣсту?“ „Столько, сколько угодно будетъ запросить моему будущему свату“, отвѣчаетъ отецъ жениха. Сперва отецъ невѣсты запрашиваетъ за дочь весьма значительную сумму, которую отецъ жениха старается уменьшить; потомъ цѣна постепенно понижается по всѣмъ правиламъ торга, и наконецъ, доходитъ до нормальной. Если желающіе вступить въ родство имѣютъ достаточное состояніе, то цѣна останавливается обыкновенно на 10 *курумахъ*, иногда болѣе, а иногда и менѣе. *Курумомъ* называется у Якутовъ лошадь или быкъ, но не корова. Такимъ образомъ, въ 10-ти курумахъ должно быть 3 быка, 3 кобылы и 4 жеребца или мерина; изъ этого числа 5 животныхъ могутъ быть представлены въ штукахъ, а 5 на ногахъ. Кромѣ того, часть цѣны за невѣсту должна состоять изъ чистыхъ денегъ. Если цѣна остановилась на 10 курумахъ, то денежная часть состоитъ изъ 150—300 рублей, и въ томъ числѣ четвертая часть непремѣнно серебромъ, употребляемымъ на украшеніе сѣделъ, поясовъ и другія подѣлки. Опредѣливъ цѣну невѣсты, будущіе родственники начинаютъ толковать о томъ, какое приданое будетъ дано за нею. Порѣшивъ и это обстоятельство, отецъ жениха и невѣсты, въ знакъ заключенія условія, *ударяютъ по рукамъ*, при чемъ на руки кладется иногда шкура красной лисицы, а иногда деньги. Руки будущихъ сватовей разнимаетъ староста или другое какое-нибудь почетное лицо, въ пользу котораго и поступаютъ лисица или деньги. Послѣ того невѣсту выводятъ къ жениху, и они цалуются три раза и трижды пьютъ по рюмкѣ водки.

Съ этого времени свадебный договоръ считается оконченнымъ, а на жениха и невѣсту смотрятъ уже какъ на мужа и жену.

На третій день послѣ рукобитья женихъ, по обыкновенію въ новолуніе, пріѣзжаетъ къ своей невѣстѣ съ частью калыма и гостинцами, которые называются *спальными*, потому что съ этого времени онъ имѣетъ право спать съ нею. Жениха обыкновенно сопровождаютъ родственники и друзья, но женщинъ при этомъ не бываетъ. По пріѣздѣ, женихъ входитъ въ юрту одинъ и становится по правую сторону чувала, а отецъ и мать невѣсты—по

лѣвую. Женихъ бросаетъ въ огонь коровьяго масла, становится на правое колѣно, потомъ, приподнявъ шапку, кивает трижды головою. Если случится въ это время шаманъ, то онъ сидитъ на отцовской постели и во всеуслышаніе призываетъ на жениха благополучіе, чадородіе и т. п. По окончаніи этой церемоніи женихъ выходитъ вонъ, снимаетъ съ себя дорожное платье, надѣваетъ праздничное и входитъ въ юрту со всѣмъ поѣздомъ; затѣмъ онъ пробирается къ невѣстиной постели, садится на нее и закрывается досками. Во все время торжества невѣста сидитъ гдѣ-нибудь въ сосѣдней юртѣ. Гости садятся, и начинается ужинъ, послѣ котораго всѣ ложатся спать или въ той же юртѣ, или уходятъ въ другую; женихъ же вступаетъ въ права мужа.

По прошествіи трехъ сутокъ гости разъѣзжаются, отдавъ часть калыма и подарки и получивъ отъ отца молодой часть приданаго и полное носильное платье для молодого и его отца.

Спустя нѣсколько времени, а иногда и черезъ годъ, къ молодой пріѣзжаетъ свекровь, выполняетъ при входѣ въ юрту тотъ же обрядъ, какъ и сынъ, гоститъ у невѣсты трое сутокъ и потомъ отправляется домой, но платья въ подарокъ не получаетъ.

Пока не уплатится весь калымъ, что̀ бываетъ, обыкновенно, не единовременно, а въ нѣсколько сроковъ, молодой навѣщаетъ свою жену и спитъ съ нею, когда ему угодно. По уплатѣ всей договорной цѣны, онъ имѣетъ полное право взять жену для совмѣстнаго жительства съ нимъ и повѣнчанія по православному обряду. Если отецъ жены отказываетъ ему въ этомъ по какому-либо случаю, то долженъ заплатить всѣ расходы, да еще съ процентами. За каждые 100 р. калыма въ годъ полагается не менѣе 15 —17 р. процентовъ, за каждаго жеребца по 10 р., кобылы возвращаются съ приплодомъ, а быки безъ всякой приплаты, такъ какъ работа ихъ не могла принести хозяину особой выгоды.

Выше сказано, что по уплатѣ всего калыма мужъ имѣетъ полное право взять къ себѣ жену для совмѣстнаго жительства. Временемъ для отправленія жены къ мужу избирается также новолуніе. Молодую женщину сопровождаютъ всѣ ея родственники и знакомые, непремѣнно верхами. Сама она, если отецъ ея богатъ, ѣдетъ на лошади подъ дорогимъ сѣдломъ съ серебряными украшеніями, такою же уздой и вышитымъ чепракомъ. Передъ отъ-

ѣздомъ, убиваютъ жирную корову, и сваривъ ея потрахъ, везутъ съ собою вмѣстѣ съ остальнымъ сырымъ мясомъ, кромѣ того, везутъ также девять берестяныхъ сосудовъ, изъ которыхъ въ трехъ находятся шаньги, въ другихъ трехъ—оладьи, а въ остальныхъ—масло. Когда процессія приблизится къ юртѣ молодаго (юрта строится новая), то родственники молодой завѣшиваютъ у нея лицо горностаями, а между тѣмъ два человѣка изъ поѣзда отправляются къ юртѣ отца молодаго съ извѣстіемъ о прибытіи свохи. При входѣ имъ подаютъ по кружкѣ кумысу, мѣрой около четверти ведра, и обычай требуетъ, чтобъ они выпили всю кружку. Послѣ того они выходятъ вонъ, соединяются съ процессіей и ѣдутъ къ юртѣ молодаго. При входѣ молодая становится на правое колѣно, кладетъ на огонь масло и дѣлаетъ три поклона, а если случится при этомъ шаманъ, то онъ говоритъ тѣ же слова, какія говорилъ прежде жениху. Послѣ того всѣ ѣдутъ къ отцу молодаго и пируютъ. Во время пира привезенный съ молодою сваренный потрахъ коровы ставятъ передъ затопленнымъ чуваломъ, въ берестяныхъ посудинахъ, на особо приготовленной для того подстилкѣ изъ кобыльей шкуры или изъ самаго зеленаго сѣна. Всѣ гости садятся вокругъ чувала. Затѣмъ лицо, особо выбранное для этой церемоніи, встаетъ, ставитъ на подносъ рюмку, наливаетъ ее виномъ, и держа подносъ надъ головой, идетъ къ четыремъ угламъ юрты, угощая Айсытъ, жену Жаюгай-Тоёна, виновника счастливыхъ промысловъ и подателя богатства и дѣтей. Возвратившись послѣ того къ чувалу, онъ выливаетъ въ него изъ рюмки вино въ трехъ мѣстахъ по три раза. А между тѣмъ приготовляется закуска, для которой крошатъ потрахъ—три куска сердца, три печенки и три кишокъ. Закуска ставится на столъ вмѣстѣ съ шаньгами и оладьями.

На другой день молодую вводятъ ко свекру въ юрту на поклонъ; затѣмъ ея отецъ отсылаетъ къ тестю подарки, во время принятія которыхъ шаманъ садится возлѣ отца молодаго, надѣваетъ на него новую шапку, и бросивъ на огонь часть изъ присланнаго масла, призываетъ духовъ, умершихъ шамановъ и шаманокъ, проситъ, чтобъ они изливали свои милости на вновь сочетавшихся. По окончаніи этого заклинанія, принесшимъ подарки подаютъ по кружкѣ кумыса, и они уходятъ.

Вечеромъ къ отцу молодаго собираются въ гости родные и со-

сѣди, мужчины и женщины. Пиръ, къ которому они приглашаются, происходитъ при различныхъ увеселеніяхъ—пѣніи, ияскѣ, борьбѣ и т. п. Въ это же время состязуются между собою и ѣдоки.

На третій день родственники молодыхъ дѣлаютъ другъ другу подарки, и если они хотя немного не удовлетворяютъ взаимнымъ ожиданіямъ, то новые родственники остаются на всю жизнь непримиримыми врагами.

Приданое у Якутовъ не составляетъ исключительной собственности жены, и мужъ можетъ распоряжаться имъ, какъ ему угодно. По смерти жены оно также поступаетъ во владѣніе мужа, хотя бы даже у нея остались дѣти. Богатыя Якутки продаютъ, безъ вѣдома мужей, масло, молоко и пр., скрывая деньги для собственнаго употребленія; но бѣдныя не въ состояніи этого дѣлать, потому что всѣ источники пропитанія извѣстны не только мужу, но и всѣмъ прочимъ членамъ семьи.

Такъ какъ вѣнчаніе по обрядамъ православной церкви совершается у Якутовъ послѣ брачнаго сожитія мужа и жены, когда супруги имѣли полную возможность ознакомиться съ характеромъ и свойствами другъ друга, то разводы между ними послѣ вѣнца весьма рѣдки, хотя и встрѣчаются случаи, что нѣкоторые мужья, поживъ съ женой, бросаютъ ее. Оставленная жена обыкновенно находитъ себѣ любовника, къ которому и переходитъ жить; чтобъ избѣжать преслѣдованія властей, мужъ и любовникъ жены обыкновенно заключаютъ словесное, а иногда и письменное условіе о томъ, что первый изъ нихъ отдаетъ въ работницы второму жену свою, съ согласія ея и для поддержанія хозяйства. Что касается до разводовъ съ не вѣнчанными женами, то они весьма часты, такъ что Якутъ вѣнчается только развѣ на четвертой или на пятой женѣ, бросивъ остальныхъ на произволъ судьбы, одну за другою.

Якутская семья представляетъ сожитіе на столько же по происхожденію, на сколько по труду. Въ прежнее время власть старшаго въ домѣ была весьма велика, такъ что онъ былъ не только главнымъ распорядителемъ въ семействѣ, но и главнымъ судьею. Теперь за нимъ осталось только право распоряжаться имуществомъ, власть же суда сосредоточилась у наслежнаго старосты. Поэтому, теперь нельзя встрѣтить у Якутовъ такое безусловное повиновеніе стар-

шему въ семействѣ, какое бывало прежде, такъ что два мальчика, подравшись между собою, идутъ судиться не къ домохозяину, а къ наслежному старостѣ. По смерти отца власть его, по установившемуся обычаю, переходитъ къ старшему совершеннолѣтнему сыну, а за неимѣніемъ его—къ матери, но вліяніе ихъ еще менѣе, чѣмъ вліяніе отца. Мать при жизни мужа хотя и пользуется одинаковымъ съ нимъ уваженіемъ, но особенной власти въ домѣ не имѣетъ и не можетъ распоряжаться имуществомъ. Пасынки и падчерицы не пользуются имуществомъ вотчима и послѣ смерти его получаютъ только то, что̀ онъ самъ имъ назначитъ. Въ устраненіе распрей объ имуществѣ между родными дѣтьми и пасынками, Якуты всячески стараются избѣгать женитьбы на женщинахъ, у которыхъ есть уже дѣти. Исключенія изъ этого правила бываютъ только тогда, когда или женихъ самъ бездѣтенъ, или невѣста имѣетъ достаточное состояніе. О томъ, куда поступаетъ имущество жены, послѣ ея смерти, сказано уже выше: оно поступаетъ во владѣніе мужа, ибо какъ она сама, такъ и все ея приданое, куплено за калымъ. Женатый сынъ по смерти отца не имѣетъ уже права въ наслѣдствѣ, если только самъ отецъ при жизни не назначитъ ему участія въ немъ. Основаніемъ къ этому служитъ то, что въ большинствѣ случаевъ сынъ при женитьбѣ получаетъ часть отцовскаго имущества и обыкновенно заводится особымъ хозяйствомъ. Богатые и бездѣтные Якуты усыновляютъ обоего пола дѣтей своихъ ближайшихъ родственниковъ, дѣлая ихъ вполнѣ своими наслѣдниками.

Если послѣ смерти обоихъ родителей остаются малолѣтнія дѣти, то общество отыскиваетъ ихъ родственниковъ, которые и должны пріютить сиротъ. Если родственниковъ нѣтъ, то эта обязанность возлагается на лицъ, съ которыми умершій отецъ семейства находился въ одномъ родоначаліи (агаӯса). Оставшіяся послѣ покойнаго юрты съ разнымъ имуществомъ, скотъ, огороды, разчищенныя мѣста для хлѣбопашества, все это поступаетъ въ распоряженіе тѣхъ лицъ, которыя приняли на себя опеку. Сиротъ мужескаго пола Якуты берутъ къ себѣ въ опеку весьма охотно, чуть не съ боя, въ надеждѣ имѣть въ послѣдствіи даровыхъ работниковъ. Если опекуны, при воспитаніи дѣтей мужескаго пола, держатъ ихъ наравнѣ съ собственными дѣтьми, женятъ и дадутъ кос-

что на заведеніе ихъ собственнаго хозяйства, тогда сироты числятся какъ-бы принадлежащими къ семейству опекуновъ. Въ противномъ случаѣ, по достиженіи совершеннолѣтія, то-есть, возможности распоряжаться имуществомъ, они отходятъ отъ опекуновъ и заводятся особымъ семействомъ.

Способами пріобрѣтенія разнаго рода имущества являются у Якутовъ: 1) разчистка пустопорожнихъ земель подъ хлѣбопашество, 2) завладѣніе, 3) дареніе, 4) наслѣдство и 5) различнаго рода договоры и сдѣлки.

По недостатку удобной земли для хлѣбопашества Якуты съ нѣкотораго времени дружно принялись за разчистку рощъ и лѣсовъ подъ посѣвы хлѣба. А какъ силы одного семейства для подобнаго предпріятія недостаточны, то они составляютъ между собою товарищества и въ свободное отъ другихъ занятій время рубятъ лѣса, выжигаютъ пни, вспахиваютъ землю и т. д. Разчищенное мѣсто составляетъ общую собственность трудившихся и переходитъ по наслѣдству ко всѣмъ потомкамъ тѣхъ лицъ, которыя его разчищали.

Случаи завладѣнія подобными мѣстами, равно какъ сѣнокосами, скотомъ, юртами и другимъ имуществомъ, у Якутовъ весьма нерѣдки. Тяжбы по этому предмету разбираются на общественныхъ сходкахъ при старостахъ, и если жалующійся представитъ несомнѣнныя доказательства своего права на извѣстное имущество, то искъ рѣшается въ его пользу. Но большая часть подобныхъ дѣлъ оканчивается мировою, при чемъ водка, необходимая въ такихъ случаяхъ, должна быть куплена на счетъ того, на кого послѣдовала жалоба.

Дареніе между Якутами весьма часто. Но если Якутъ даритъ чѣмъ-нибудь Якута, то при этомъ имѣетъ въ виду что пріятель отдаритъ его непремѣнно вещью большей цѣны, чѣмъ подаренная; словомъ, онъ закидываетъ удочку въ карманъ своего пріятеля (тяптярянъ-берярь). Другой характеръ имѣетъ дареніе относительно Русскихъ. У Якутовъ въ обычаѣ, вмѣстѣ съ угощеніемъ, непремѣнно дѣлать подарокъ каждому заѣзжему русскому гостю, а въ особенности гостю, имѣющему какое-нибудь значеніе, при чемъ Якутъ оскорбился бы, если бы тотъ не принялъ отъ него подарка, или весьма удивился бы, если бы гость вздумалъ

отдарить его. Сдѣланный между Якутами даръ принадлежитъ въ неотъемлемую собственность получившаго его.

Относительно наслѣдства должно замѣтить, что каждый Якутъ знаетъ хорошо, что если онъ умретъ, не распредѣливъ подробно своего имущества между членами семьи, то это породитъ между ними нескончаемыя и разорительныя тяжбы, а потому словесныя завѣщанія между Якутами—дѣло совершенно обыкновенное. Чувствуя приближеніе смерти или просто находясь въ тяжкой болѣзни, Якутъ предъ всѣми членами семьи распредѣляетъ подробно, какую часть и что именно изъ имущества слѣдуетъ отдать женѣ, сыновьямъ, дочерямъ, пріемышамъ. Говоря о скотѣ, онъ упоминаетъ даже масть его. Убѣжденіе въ томъ, что душа умершаго въ теченіе сорока дней не разлучается съ жилищемъ своимъ и слѣдитъ за дѣйствіями всѣхъ домашнихъ, заставляетъ Якутовъ буквально выполнять подобныя завѣщанія. Въ мѣстахъ подгородныхъ, гдѣ старые народные обычаи мало по малу изчезаютъ, употребляются и письменныя духовныя завѣщанія, для составленія которыхъ приглашается обыкновенно священникъ и свидѣтели.

Договоры и сдѣлки у Якутовъ бываютъ большею частію словесные. Послѣ совершенія каждаго договора и сдѣлки слѣдуетъ угощеніе со стороны того, кто остается въ большей выгодѣ отъ этого. Задатки даются обыкновенно нанимателемъ нанимающемуся, да оно иначе и не возможно въ краѣ, гдѣ весьма мало рабочихъ рукъ, и гдѣ нанимается въ работы только бѣдный. Это обусловливается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ большей части Якутской области всѣ необходимыя жизненныя потребности удобно покупать только въ извѣстное время, именно въ періодъ ярмарокъ, когда инородцы вносятъ слѣдующій съ нихъ ясакъ и другія повинности. Въ это-то время бѣдняки, имѣя нужду въ деньгахъ, и нанимаются въ разныя работы у богатыхъ, или лучше сказать, закабаляютъ себя, а нѣкоторые, въ замѣнъ личныхъ работъ, уступаютъ, часто за безцѣнокъ, свои участки покосовъ и пашень. Кредиторъ, который даетъ возможность заимодавцу пользоваться четвертою частью уступленнаго имъ покоса или пашни, считается весьма добродѣтельнымъ человѣкомъ, хотя онъ, конечно, не теряетъ ничего своего: покосъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ дать ему не менѣе 100 р. дохода, между тѣмъ

какъ онъ далъ подъ него 10, 15 и много 25 р. Многіе изъ Якутовъ, живущихъ въ сосѣдствѣ Тунгузовъ, Ламутовъ и Юкагировъ, стараются всячески сдѣлать ихъ своими должниками, напримѣръ, снабжаютъ ихъ съѣстными припасами въ голодное время. Сдѣлавшись разъ должникомъ Якута, Тунгузъ, Ламутъ или Юкагиръ уже никогда не выходятъ изъ этого состоянія, хотя вполнѣ чувствуютъ всю тягость своего положенія. Тѣ изъ Якутовъ, которые пробираются для торговли въ Удскій край, мало того что совершенно обираютъ пьяныхъ должниковъ своихъ Тунгузовъ, но разъѣзжая по ихъ звѣроловнымъ мѣстамъ, вынимаютъ попавшагося въ ловушку звѣря. Когда же прійдетъ время Тунгузу платить ясакъ, Якутъ снабжаетъ его звѣриными шкурами, у него же взятыми, и поставляетъ его опять въ положеніе должника.

При совершеніи нѣкоторыхъ договоровъ, значительныхъ по суммѣ, требуются поручители и свидѣтели. Поручитель обыкновенно принимаетъ на себя всю отвѣтственность за неисполненіе договора. Свидѣтели пользуются большимъ авторитетомъ въ случаѣ спора, вытекающаго отъ обязательства: на судѣ достаточно показанія двухъ или даже одного извѣстнаго своимъ хорошимъ поведеніемъ свидѣтеля для того, чтобы дѣло было рѣшено согласно этому показанію. Часто, совершивъ какой-нибудь договоръ или сдѣлку, Якуты берутъ другъ друга за руки, приподнимаютъ ихъ къ иконамъ и разнимаютъ, говоря, что свидѣтель совершенія договора самъ Богъ.

Если лошади или рогатый скотъ покупаются для употребленія по хозяйству, то лошади продаются непремѣнно съ обратями, а рогатый скотъ съ веревками; но если эти животныя покупаются на убой, то обрать и веревка не считаются принадлежностью продаваемаго.

Цѣны на различныя сельско-хозяйственныя работы, смотря по времени года и другимъ обстоятельствамъ, бываютъ различны. Работникъ, нанявшійся съ Покрова до Николы вешняго, получаетъ обыкновенно отъ 18 до 20 р., съ хозяйскимъ содержаніемъ, а со своимъ содержаніемъ—отъ 50 до 70 р. Во время уборки сѣна поденная плата доходитъ отъ 50 до 70 к. въ день. Съ нѣкотораго времени Якуты стали нанимать для производства нѣкоторыхъ работъ—скопцовъ и другихъ ссыльныхъ. Чтобы скосить десятину

сѣна, такія лица берутъ отъ 2 р. 50 к. до 2 р. 70 к., а чтобы скосить и убрать—до 5 р.

Иногда нѣкоторыя работы исполняются помочами. Хозяинъ помочей обязанъ приготовить для помочанъ завтракъ и сытный обѣдъ, съ приличнымъ количествомъ кумыса или водки. На помочь, гдѣ не предвидится этихъ напитковъ, народу собирается немного, да и то такого, который плохой работникъ, „не стоитъ своего горла“, по мѣстному выраженію. При жатвѣ хлѣба на помочи собираются только однѣ женщины, угощеніе которыхъ состоитъ изъ чая и саламаты или заварухи.

О товариществахъ при разчисткѣ рощъ и лѣсовъ мы говорили выше. Другихъ видовъ подобнаго рода договоровъ у Якутовъ не существуетъ.

Артели у Якутовъ составляются только такія, въ которыхъ одна сторона полагаетъ только капиталъ, а другая—только трудъ. Когда наступаетъ пора звѣроловства, то богатые обыкновенно посылаютъ на промыселъ звѣря бѣдныхъ, снабдивъ ихъ ружьями, порохомъ, свинцомъ, а также съѣстными припасами. Какая часть добычи идетъ въ пользу снарядившаго артель, и какая—въ пользу артельщиковъ, зависитъ отъ многихъ мелочныхъ и случайныхъ условій. Однако, во всякомъ случаѣ, на долю снарядившаго артель достается львиная часть добычи, такъ какъ онъ всѣ выданные артельщикамъ припасы ставитъ по цѣнамъ чрезвычайно высокимъ.

III.

Взглядъ на преступленія.—Преступность.—Виды преступленій; убійства; личныя оскорбленія, оскорбленія женской чести; воровство, конокрадство; бродяжничество.—Якутскіе шаманы.

Взглядъ Якутовъ на преступленія и преступниковъ вообще не отличается особенною мягкостію къ нимъ и снисходительностію. На каждаго преступника они смотрятъ какъ на человѣка, потерявшаго на всегда совѣсть, къ которому не возможно имѣть ни малѣйшаго довѣрія. Однако, не смотря на то, процентъ участія Якутовъ въ общемъ числѣ преступленій довольно значителенъ. Въ 1863 г., напримѣръ, въ Якутской области было совершено 74 преступленія, по которымъ открытъ 51 преступникъ; изъ

ихъ числа Якутовъ было 34. Въ 1866 г. въ области совершено 128 преступленій, по которымъ открыто 98 преступниковъ, и изъ ихъ числа Якутовъ было 56. Въ 1814 г. въ Туруханскомъ краѣ крещеный Якутъ Налтановъ удавилъ своихъ дочерей Агрипну 12 и Дарью 8 лѣтъ, изрубилъ ихъ тѣла и вареныя съѣлъ вмѣсто пищи— не отъ голода и не въ безуміи, а по одному лишь „звѣрскому сластолюбію“. Въ такомъ употребленіи человѣческаго мяса участвовала крещеная Якутка Сотникова съ дочерью. Но подобное возмутительное преступленіе едва ли не единственное въ своемъ родѣ между Якутами. Убійства, разбои, грабежи, поджигательства между ними весьма рѣдки.

Самоубійства случаются, но также очень рѣдко; онѣ совершаются большею частію вслѣдствіе какой-нибудь неизлѣчимой болѣзни, отчаянія и страха. Наиболѣе распространенный способъ самоубійства—повѣшеніе.

Дѣтоубійство и изгнаніе плода совершенно неизвѣстны Якутамъ. У нихъ плодородіе женщины считается едва ли не главною ея добродѣтелью. Поэтому и незамужнія дѣвушки не считаютъ за стыдъ родить дѣтей отъ любовниковъ. На дѣвушекъ, не вышедшихъ замужъ до старости и никогда не родившихъ, Якуты смотрятъ какъ на существа отвергнутыя, которыя по смерти будутъ постоянно находиться въ объятіяхъ какихъ-то дряблыхъ, гнилыхъ, деревянныхъ чурокъ или болвановъ. Душа такой дѣвушки, по разлукѣ съ тѣломъ и при вступленіи въ загробную жизнь, не встрѣтитъ ни одной зажженой свѣчи и должна будетъ странствовать въ темнотѣ. По мнѣнію Якутовъ, умершіе младенцы въ видѣ зажженыхъ свѣчъ являются родителямъ послѣ ихъ смерти, освѣщая имъ путь въ могильномъ мракѣ.

Личныя оскорбленія между Якутами довольно часты и разбираются обыкновенно общественными сходками.

На оскорбленіе чести дѣвушки Якуты смотрятъ довольно равнодушно; но если кто-либо изъ мужчинъ оскорбитъ замужнюю женщину, напримѣръ, собьетъ съ головы ея шапку или сорветъ платокъ, то это считается, что онъ лишилъ ее добраго имени, и за такое дѣйствіе оскорбитель судится по всей строгости народнымъ обычаемъ, подвергаясь въ пользу обиженнаго штрафу отъ 10 до 25 рублей.

Выше уже замѣчено о склонности Якутовъ къ воровству и мошенничествамъ разнаго рода. Отъ сообщенія съ ссыльными наклонность эта усовершенствовалась до того, что нѣкоторые Якуты не уступятъ въ этомъ отношеніи самымъ дерзкимъ столичнымъ мошенникамъ. Разказываютъ, напримѣръ, что одинъ Якутъ укралъ у какого-то чиновника изъ чулана рыбу, но въ воротахъ встрѣтился съ хозяиномъ. „Купите, тоёнъ (господинъ), рыбу“, сказалъ Якутъ. — „Что̀ просишь?“. Якутъ запросилъ въ тридорога. „Вонъ, бездѣльникъ!“. Якутъ смиренно поклонился и ушелъ. „Хорошо я сдѣлалъ“, думалъ чиновникъ,—„что не купилъ рыбы, вѣдь у меня есть своя“. Но при входѣ въ комнату кухарка объявляетъ ему, что изъ чулана пропала рыба. „Давно ли?“ „Должно быть, недавно, потому что по утру она была еще цѣла“. Чиновникъ догадался, что Якутъ продавалъ ему рыбу, у него украденную, послалъ за нимъ въ погоню, но ужь и слѣдъ его простылъ.—Другой случай: Одна купчиха поручила своему родственнику купить для нея на рынкѣ тушу мерзлой говядины. Родственникъ вмѣсто одной туши купилъ двѣ—одну для купчихи, а другую для себя, и убѣдилъ стоявшаго тутъ Якута, которому, вѣроятно, разказалъ исторію своего порученія, пособить ему довести говядину до дому. Хозяйки не было дома, и говядину приняла кухарка. Едва лишь купчиха успѣла прійдти домой, какъ вдругъ является къ ней Якутъ. „Давича“, говоритъ онъ,—„я купилъ на рынкѣ говядину; а какъ мнѣ не на чемъ было довезти ее до своей квартиры, то упросилъ я вашего родственника взять мою говядину и припрятать въ амбаръ; теперь я ѣду въ улусъ, прикажите кухаркѣ вашей отдать мнѣ говядину“. Хозяйка позвала кухарку. „Знаешь ли ты этого Якута?“ „Знаю, онъ давича съ вашимъ родственникомъ привезъ говядину“. „Сколько?“ „Двѣ туши“. „Ну, такъ отдай же одну изъ нихъ этому Якуту“. Якутъ получилъ и какъ ни въ чемъ не бывало, отправился домой.—Если Якутъ украдетъ корову, то чтобы не добрались до него по слѣдамъ ея, особенно зимой, онъ надѣваетъ ей на ноги *сары* или сапоги изъ конской кожи, какіе носитъ самъ, и такимъ образомъ скрываетъ слѣдъ. Въ прежнее время въ Якутскѣ не проходило дня безъ подобныхъ шалостей Якутовъ.

Если Якутъ попался въ воровствѣ и изобличенъ, то по обы-

чаямъ, онъ приговаривается къ уплатѣ вдвое болѣе того, что̀ стоитъ украденое; напримѣръ, если онъ укралъ корову, то долженъ не только возвратить украденное животное, но прибавить еще двѣ коровы и т. д.; кромѣ того, если виновный замѣченъ въ воровствѣ не первый разъ, то онъ подвергается еще наказанію розгами. Произведено ли воровство днемъ или ночью, со взломомъ или безъ взлома, на это не обращается никакого вниманія. Но если нѣтъ явныхъ уликъ, то обвиняемый обыкновенно освобождается отъ всякаго взысканія. Часто бываетъ, что въ такомъ случаѣ тотъ, кто обокраденъ, заключаетъ словесное или письменное условіе, при свидѣтеляхъ, съ оподозрѣвавшимися въ воровствѣ въ томъ, что если послѣдній попадется еще разъ хоть въ какой-нибудь кражѣ, то онъ долженъ заплатить ему втрое и цѣну той вещи, похититель которой не открытъ.

Точно такимъ же образомъ наказывается воровство звѣря и рыбы изъ ловушекъ.

Конокрадство распространено у Якутовъ въ значительной степени, и этому способствуетъ отчасти самый характеръ нѣкоторыхъ мѣстностей. Въ Олекминскомъ округѣ, напримѣръ, по недостатку сѣнокосныхъ и хлѣбопахатныхъ мѣстъ, Якуты принуждены бываютъ въ маѣ мѣсяцѣ, съ открытіемъ весенних полевыхъ работъ, угонять табуны своихъ лошадей и стада въ горы, облегающія оба берега р. Лены, и здѣсь до октября мѣсяца скотъ находится безъ всякаго присмотра—„въ рукахъ Божіихъ“, какъ говорятъ Якуты. Этимъ-то временемъ пользуются конокрады и воруютъ лошадей, а равно и рогатый скотъ, безъ всякаго опасенія что ихъ станетъ кто-нибудь преслѣдовать, потому что хозяева все это время заняты на островахъ Лены заготовленіемъ сѣна или пашней и не имѣютъ возможности освѣдомляться о цѣлости своихъ табуновъ и стадъ.

На бродягъ, нищихъ и странниковъ Якуты смотрятъ съ недовѣрчивостью, хотя ни кому изъ нихъ не откажутъ дать у себя пріютъ на день или два и потомъ снабжаютъ на дорогу чѣмъ Богъ послалъ, съ пожеланіемъ счастливаго пути. Нищихъ и бродягъ собственно изъ Якутовъ нѣтъ, потому что, по ихъ обычаямъ, бѣдныхъ и сиротъ должны содержать родственники. Главною причиною развитія нищенства и бродяжничества обыкновенно бы-

ваютъ неурожайные годы, наступающіе періодически и продолжающіеся по нѣскольку лѣтъ сряду.

Притворяющихся юродивыми и святыми здѣсь нѣтъ. Якуты всякаго набожнаго человѣка принимаютъ за великаго грѣшника, а потому всячески стараются избѣгать его.

Здѣсь, какъ кажется, не будетъ неумѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о шаманахъ, какъ людяхъ, проживающихъ на счетъ простоты и суевѣрія ближнихъ.

Шаманъ считается у Якутовъ человѣкомъ, имѣющимъ сообщеніе съ діаволомъ. Шаманомъ не всякій можетъ сдѣлаться, но обрѣченный судьбою на этотъ подвигъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ мечется въ огонь и въ воду, хватается за оружіе, чтобы заколоть себя. По этимъ признакамъ родственники узнаютъ будущаго шамана. Тогда призываютъ стараго шамана, съ которыми ученикъ шаманитъ три вечера сряду; старый знакомитъ молодаго съ духами и научаетъ его способу призывать ихъ. Но часто бываетъ что ученикъ призываетъ духовъ другими словами и дѣлаетъ иныя штуки, нежели учитель, напримѣръ, ученикъ умѣетъ вонзать въ себя ножъ, а учитель этого не дѣлаетъ и т. д. Шаманы бываютъ обоихъ половъ. Ихъ призываютъ по большей части къ больнымъ и преслѣдуемымъ несчастьями. Въ такомъ случаѣ приглашенный шаманъ предварительно беретъ прутъ, къ которому привязываетъ нѣсколько волосъ изъ конской гривы, и начинаетъ надъ больнымъ что-то читать на неизвѣстномъ языкѣ; потомъ, обнявъ его, сообщается съ духомъ, который какъ полагаютъ, мучитъ больнаго. Духъ этотъ объявляетъ ему, откуда онъ, а равно чѣмъ больной заслужилъ гнѣвъ его, почему онъ и рѣшился непремѣнно его умертвить но склонялсь на просьбы родственниковъ и самого больнаго, требуетъ только въ жертву животное такой-то шерсти и съ такими-то примѣтами. Когда корова или лошадь, требуемая духомъ, будетъ отыскана и приведена, тогда шаманъ надѣваетъ на себя полное свое платье и начинаетъ шаманить.

Платье шаманское не походитъ на обыкновенную якутскую одежду, да и шаманъ, для отличія отъ простыхъ смертныхъ, не стрижетъ волосъ, а разчесывая ихъ на двѣ стороны, заплетаетъ въ косу. При шаманствѣ онъ распускаетъ ихъ для эффекта. Шаманское платье состоитъ изъ короткаго кожанаго полукафтана, у

котораго задъ длиннѣе переда, какъ у фрака. По краямъ обшивается онъ длинными, до земли простирающимися кистями. Вдоль по спинѣ въ пять рядовъ нашиваются различныя желѣзныя побрякушки; посреди спины лежитъ большой желѣзный кругъ, который называется *солнцемъ*. Кафтанъ этотъ не сходится пола съ полой и завязывается ремешками; а чтобы передняя часть тѣла была закрыта, шаманъ надѣваетъ передникъ, который оканчивается выше колѣнъ. На передникѣ бываютъ нашиты два желѣзные круга, изображающіе груди; внизу увѣшивается онъ различными желѣзными фигурами и кончается такими же кистями, какъ и кафтанъ. На рукава нашиваются также побрякушки и фигуры. Все это производитъ при шаманствѣ непріятный шумъ. Въ лѣвую руку шаманъ беретъ бубенъ, а въ правую—лопатку оклеенную шкурой; этою лопаткой онъ и бьетъ по бубну.

Переселивъ демона изъ больнаго въ себя, шаманъ обращается къ животному, назначенному въ жертву, разсматриваетъ его и если найдетъ не съ тѣми признаками, какіе указалъ духъ, то требуетъ другое; если напротивъ животное окажется съ надлежащими признаками, то шаманъ схватываетъ его неперекъ и кричитъ непзвѣстныя слова. Сжатая скотина мечется во всѣ стороны и реветъ, а между тѣмъ присутствующіе полагаютъ, что духъ изъ шамана переходитъ въ животное. На завтра скотину отводятъ на мѣсто, назначенное для жертвоприношенія, и убиваютъ. Кожу съ головы вѣшаютъ на столбахъ, а мясо варятъ и съѣдаютъ.

Не всѣ однако ѣдятъ такое мясо—изъ омерзенія, что оно заколдовано; даже и шаманъ гнушается иногда этою пищею. Повѣсивъ шкуру на столбы, шаманъ опять начинаетъ шаманить, и если больной въ назначенный день выздоровѣетъ, то шаманъ получаетъ плату, простирающуюся обыкновенно до 5 р.; но если больному не легче, то шаманство и жертвы продолжаются. Если жь онъ умретъ, то шаманъ лишается платы.

Вообще шаманство состоитъ въ кривляніяхъ, крикахъ и грубомъ обманѣ, будто шаманъ колетъ себя ножемъ, что̀ весьма примѣтно для наблюдательнаго зрителя. Шаманъ могъ бы лучше дѣлать свои штуки, еслибъ умѣлъ. Иногда подъ одежду онъ прячетъ кишку, наполненную кровью; распоровъ ее ножемъ, шаманъ показываетъ зрителямъ текущую кровь, а они вѣрятъ, что это кровь

шамана. Иногда онъ покрываетъ животъ нѣсколькими рядами бересты, вонзаетъ въ нихъ ножъ, ходитъ съ нимъ по юртѣ, вынимаетъ его, снова вонзаетъ въ животъ и испускаетъ крики. Къ сожалѣнію, многіе Русскіе столько же вѣрятъ шаманамъ, сколько и Якуты, и даже разказываютъ, что шаманъ, отрѣзавъ себѣ голову, кладетъ ее на полъ; пошаманивъ же нѣсколько минутъ безъ головы, ставитъ ее на шею, и голова тотчасъ прирастаетъ.

Вообще, представленія шамана производятъ тяжелое и непріятное впечатлѣніе.

IV.

Общественное устройство.—Роды.—Общественныя сходки и судъ.—Наказанія.

Первое знакомство Русскихъ съ Якутами относится къ началу XVII вѣка. Въ 1636 г. былъ уже заложенъ среди ихъ кочевьевъ, подъ названіемъ крѣпостцы или острога, городъ Якутскъ, а два года спустя сюда присланы были, какъ представители русской власти, первый воевода стольникъ Головинъ съ товарищемъ стольникомъ же Глѣбовымъ. Началось управленіе, а съ нимъ вмѣстѣ отягощенія и огромные налоги на покоренныхъ, но не для правительства, а изъ личныхъ корыстныхъ видовъ управителей. Якутовъ тѣснили, мучили и пытали подъ предлогомъ неуплаты ясака, хотя количество требуемаго ясака не было опредѣлено, и плательщики не знали, сколько они обязаны платить. На первыхъ же порахъ, вѣроятно, при первой дѣлежкѣ, Глѣбовъ не поладилъ съ Головинымъ, и между ними возникли несогласія, которыя повлекли за собою доносы ихъ другъ на друга. Покоренные пользовались такимъ благопріятнымъ случаемъ для возвращенія себѣ утраченной независимости и производили бунты и частые набѣги на острожекъ. Огнестрѣльное оружіе Русскихъ, конечно, вездѣ торжествовало; Якуты были усмиряемы и забираемы въ плѣнъ. Плѣнникамъ не было никакой пощады. По приказанію Головина у Якутовъ рѣзали носы и уши, выкалывали глаза, вѣшали за ребра, закапывали живыхъ въ землю. Преданіе, сохранившееся до нашего времени въ памяти Якутовъ и Русскихъ, разказываетъ, что Головинъ въ мирное время приказалъ секретно, внутри крѣпости, сдѣлать навѣсъ на подвижныхъ

столбахъ и покрыть его круглымъ сырымъ лѣсомъ, на который толсто набросали земли, и тридцать, а по словамъ Якутовъ—трпста, почетныхъ гражданъ и якутскихъ родоначальниковъ приглашены были туда на пиръ, во время котораго столбы выдвинули, и пировавшіе подъ навѣсомъ погибли мучительною смертью. Одинъ изъ преемниковъ Головина и Глѣбова, воевода Барлышевъ (1675—1672 гг.), употреблялъ чуть не каждодневно смертныя казни въ различныхъ жестокихъ видахъ надъ якутскими родоначальниками, обвиняя ихъ въ набѣгахъ и заговорахъ. Говорятъ, что воевода не садился за столъ, не предавъ кого-нибудь самой ужасной смерти—четвертованію, повѣшенію и др. Въ управленіе воеводы Преклонскаго (1681—1684 гг.), былъ послѣдній такъ-называемый бунтъ Якутовъ, при чемъ также казнены нѣкоторые изъ якутскихъ родоначальниковъ. Впрочемъ Преклонскій былъ однимъ изъ лучшихъ воеводъ того времени. По сказаніямъ Якутовъ, онъ былъ необыкновеннаго роста, богатирской силы, неподражаемой военной хитрости; мечь воеводы былъ такъ тяжелъ, что двое съ трудомъ прицѣпляли его къ перевязи, и размахивая этимъ-то мечемъ, онъ сокрушалъ несмѣтное число людей. Въ теченіе XVIII вѣка характеръ представителей русской власти въ странѣ Якутовъ смягчился, хотя тягостные поборы взятки и т. п. существовали въ самомъ обширномъ размѣрѣ до самаго пріѣзда въ Сибирь Сперанскаго.

Всѣ эти явленія, конечно, не могли не имѣть вліянія на то понятіе, какое образовалось у Якута о мѣстной власти, и которому онъ остался вѣренъ до сихъ поръ, хотя времена теперь уже совершенно другія. Понятіе это состоитъ въ томъ, что Якутъ подъ именемъ власти разумѣетъ такую всемогущую силу, которая можетъ дѣлать все, противъ которой идти, какъ противъ судьбы, не возможно, но которая тѣмъ не менѣе можетъ ослабить свое карающее дѣйствіе, если ей, какъ злому духу, будутъ принесены своего рода жертвы. Злоупотребленія мѣстной власти Якуты ставятъ въ вину ей одной, а къ справедливости и безкорыстію питаютъ большое довѣріе, вслѣдствіе чего и обращаются съ жалобами къ каждому пріѣзжему изъ столицы, полагая, что онъ ближе къ высшей власти, и потому, окажетъ болѣе справедливости, чѣмъ власть мѣстная. Государя Императора Якуты называютъ ~~Краснымъ Солнышкомъ~~.

До покоренія Русскими Якуты раздѣлялись на роды, изъ ко-

торыхъ каждый управлялся особымъ тоёномъ (господиномъ). Тоёны были между собою въ безпрестанной войнѣ. Теперь Якуты раздѣляются на улусы, а эти послѣдніе на наслеги. Улусъ составляетъ нѣсколько тысячъ душъ; наслегомъ называется нѣсколько разбросанныхъ, въ 20 или около 70 верстахъ другъ отъ друга, юртъ, въ которыхъ живетъ иногда до нѣсколькихъ сотъ душъ, происходящихъ отъ одного корня, поколѣнія или рода. Лица, принадлежащія къ одному улусу, называются родовичами. Въ Якутской области считается 18 улусовъ и 231 наслегъ, въ Туруханскомъ краѣ—два рода или наслега. Улусомъ управляетъ голова; наслегомъ—староста или князекъ. Голова избирается изъ князцовъ на три года; князцы избираются безсрочно изъ народа. Названіе *князекъ* было причиною страннаго и ошибочнаго о нихъ мнѣнія въ Россіи. Многіе принимали ихъ за якутскихъ князей, но таковыхъ никогда не существовало. Однако нѣкоторые князцы умѣли употребить въ свою пользу такое о себѣ мнѣніе. Они завели при себѣ скороходовъ, которые предшествовали имъ, когда они выѣзжали куда-нибудь; было время, что плутни князцовъ, довели было Якутовъ до крайности: они держали бѣдныхъ въ совершенномъ рабствѣ, затрудняли имъ способы идти въ городъ пріобрѣсть что-нибудь работой, а чрезъ они дѣлали ихъ вѣчными своими работниками. Въ настоящее время въ этомъ отношеніи послѣдовала перемѣна къ лучшему, и старосты стали заботливѣе къ нуждамъ и интересамъ своихъ сородичей. По иниціативѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ или слѣдуя ихъ примѣру, Якуты стали болѣе заниматься разчисткою мѣстъ для сѣнокошенія и хлѣбопашества, заводить у себя школы для обученія грамотѣ дѣтей, болѣе сближаться съ духовенствомъ и т. д. Семейные раздоры старосты стараются улаживать посредствомъ мировой, не допуская охотниковъ тягаться до разорительныхъ процессовъ въ обыкновенныхъ судебныхъ мѣстахъ.

Всѣ дѣла, какъ общественныя, такъ и незначительныя судебныя, разбираются у Якутовъ на сходкахъ. Собрать наслежную сходку имѣетъ право только староста, а улусную по какимъ-либо дѣламъ—голова. Наслежная сходка обыкновенно бываетъ тамъ, гдѣ живетъ староста, а улусная—гдѣ находится инородная управа. Впрочемъ сходка можетъ быть вездѣ, гдѣ находится староста и голова и во всякое время, кромѣ ночи.

По какому бы случаю сходка ни собралась, на ней предсѣдательствуетъ всегда староста или голова. На сходкѣ дозволяется участвовать всѣмъ, кто бъ они ни были, лишь бы говорили умно и законно. Если кто не можетъ говорить самъ, потому, напримѣръ, что заика, тому дозволяется представить вмѣсто себя другое лицо, въ качествѣ оратора или адвоката.

Между сходками, собираемыми для обсужденія дѣлъ общественныхъ, и сходками, собираемыми для суда, нѣтъ никакого различія. На сходки по дѣламъ общественнымъ родовичи собираются только въ большемъ числѣ, особенно въ то время, когда дѣлятъ между собою сѣнокосныя мѣста. Это относится впрочемъ до Олекминскаго округа, гдѣ дѣлежъ покосовъ имѣетъ совершенно другой характеръ, нежели въ другихъ мѣстахъ Якутской области. Здѣсь, по неимѣнію сѣнокосныхъ мѣстъ въ большихъ размѣрахъ, родовичи дѣлятъ между собою сѣнокосные луга ежегодно, смотря по урожаю сѣна; между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ области однажды принятое для сѣнокоса мѣсто остается въ постоянномъ владѣніи извѣстнаго наслега.

За исключеніемъ важныхъ уголовныхъ преступленій (убійство, разбой, грабежъ, поддѣлка фальшивой монеты), на сходкахъ разбираются вообще всѣ какъ гражданскія дѣла, такъ и дѣла по маловажнымъ проступкамъ, не влекущимъ за собою уголовныхъ наказаній.

Сходка, по распоряженію старосты, собирается десятниками которые требуютъ на нее тяжущихся или виновныхъ въ какомъ-либо проступкѣ и свидѣтелей. Если кто, безъ уважительныхъ причинъ, не явится на судъ, того штрафуютъ деньгами отъ 3 до 5 р., смотря по обстоятельствамъ дѣла, и приводятъ насильно. На судѣ говоритъ сперва истецъ или обиженный, потомъ отвѣтчикъ или обидчикъ, а за нимъ свидѣтели. Въ прежнее время, если Якутъ въ чемъ-нибудь уличался, а свидѣтелей не было, то въ такомъ случаѣ виноватаго призывали въ юрту къ старостѣ, гдѣ на огнѣ стояло уже топленое масло, а подлѣ него медвѣжья голова. Обвиняемаго ставили подлѣ огня на колѣни и приказывали ему говорить слѣдующія слова: „Если я показываю ложно, то пусть масло это пройдетъ во мнѣ насквозь, и я не буду имѣть счастія въ скотѣ, а медвѣдь пусть изгрызетъ меня такъ, какъ я грызу его голову“.

Затѣмъ, посыпавъ голову пепломъ, обвиняемый выпивалъ масло и три раза кусалъ медвѣжью голову. Эта клятва считалась до того страшною, что дѣйствительно виновный ни за что̀ не осмѣливался приступить къ ней, считая за лучшее прямо сознаться въ своемъ проступкѣ. Но теперь она вывелась изъ употребленія. По выслушаніи тяжущихся сторонъ или обиженнаго и обидчика, а равно свидѣтелей, при чемъ также допускаются ораторы или адвокаты, сходка произноситъ свой приговоръ о правѣ или неправѣ, о виновности или невинности извѣстнаго лица. Если при этомъ одна половина родовичей держится одного мнѣнія, а другая —другаго, то староста велитъ, чтобъ они раздѣлились и стали —одна сторона на право, а другая на лѣво. Затѣмъ начинается счетъ голосовъ, и дѣло рѣшается по большинству. Обыкновенно бываетъ такъ, что родовичи идутъ болѣе въ ту сторону, на которую склоняется староста.

Нельзя умолчать о слѣдующемъ старинномъ судебномъ обычаѣ Якутовъ: Если во время пастьбы скота издохнетъ по какой-либо причинѣ лошадь или корова, и если пастухъ представитъ хозяину шкуру издохшаго животнаго и свидѣтелей, что дѣйствительно издохло, то сходка приговариваетъ пастуха къ уплатѣ хозяину не менѣе 5 р. „за душу“ лошади или коровы, а шкуру предоставляетъ ему взять себѣ.

Противъ виновныхъ своихъ членовъ община употребляетъ слѣдующія наказанія: 1) арестъ, 2) денежный штрафъ и 3) тѣлесное наказаніе розгами. Если тотъ, на кого наложенъ денежный штрафъ, не имѣетъ возможности заплатить его, то присуждается къ общественнымъ работамъ, состоящимъ въ разчисткѣ пустопорожнихъ мѣстъ подъ сѣнокосы, въ исправленіи дорогъ и мостовъ. Къ этому же наказанію присуждаются лбедники и доносчики, жалобы которыхъ оказались несправедливыми. Тѣлесное наказаніе считается самымъ тяжелымъ и навсегда обезчещивающимъ того, кто ему подвергся. Къ нему обыкновенно присуждаются уже такія лица, которыя нѣсколько разъ были замѣчены въ предосудительныхъ поступкахъ.

Въ заключеніе необходимо сказать, что русскіе обычаи не имѣютъ никакого вліянія на бытъ Якутовъ, а напротивъ, языкъ и обычаи Якутовъ во многихъ мѣстностяхъ Якутской области сдѣ-

лались всецѣло достояніемъ Русскаго населенія. Даже въ самомъ Якутскѣ старушки нерѣдко толкуютъ между собою по якутски. Въ обществѣ, между всѣми классами, языкъ этотъ господствуетъ, какъ въ другихъ мѣстахъ недавно господствовалъ французскій. Нѣтъ ни одного жителя, который не зналъ бы по якутски. Да и не удивительно: въ домѣ нянька—Якутка, кухарка—Якутка, работникъ кучеръ—всѣ Якуты. Дитя, съ появленіемъ чувства слуха, поражается звуками якутскаго языка; поступая въ исправленіе обязанностей гражданина, имѣетъ дѣло по большей части съ Якутами. Здѣшній житель, отъ обращенія съ ними, нечувствительно перенимаетъ всѣ ихъ обычаи и лучше говоритъ по якутски, нежели по русски. Простой народъ одѣвается совершенно по якутски, особенно зимою. Только въ Туруханскомъ краѣ незначительный Шорохинскій родъ Якутовъ, отъ сближенія и родства съ Русскими, совершенно утратилъ свою народность и усвоилъ себѣ всѣ обычаи Русскихъ. Напротивъ того, другой родъ—Затундрінскій, не только сохранилъ народность, но, какъ уже замѣчено выше, объякутилъ тунгузское племя Долгановъ.

Князь Н. Костровъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ЗАМѢТКИ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ.

SYNDICAT DE DÉFENSE IBVR

ЗАМѢТКИ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ.

I.

Народные обычаи по уголовному праву.

(Докладъ, представленный И. Я. Фойницкимъ коммиссіи о народныхъ юридическихъ обычаяхъ въ засѣданіи 10-го октября 1877 года).

По лестному порученію коммиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества о народныхъ юридическихъ обычаяхъ, я разсмотрѣлъ двѣ опубликованныя до настоящаго времени программы для собиранія уголовно-юридическихъ обычаевъ (профессора А. Ѳ. Кистяковскаго и В. Н. Майнова), и кромѣ того, программу П. С. Ефименка, обязательно доставленную мнѣ въ рукописи П. А. Матвѣевымъ. Имъ предшествовала программа, составленная еще въ 1864 году Отдѣленіемъ Этнографіи Общества. Эти предварительные труды служили для меня большимъ подспорьемъ при составленіи системы вопросовъ, которая въ сегодняшнемъ засѣданіи подлежитъ разсмотрѣнію коммисіи, и потому да позволено мнѣ будетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ; чтобы не утомлять коммиссію, вполнѣ знакомую съ хорошими сторонами этихъ трудовъ, я остановлюсь преимущественно на тѣхъ положеніяхъ ихъ, съ которыми я не могъ согласиться, или которыя, по моему мнѣнію, должны быть дополнены.

Я не знаю, когда составлена программа П. С. Ефименка; во всякомъ случаѣ, она еще до сихъ поръ не опубликована и пред-

ставляетъ скорѣе сырой, черновой матеріалъ для составленія программы, чѣмъ программу въ строгомъ смыслѣ; вопросы въ ней не только не приведены въ общую систему, но даже не нумерованы; за то въ ней много намековъ на уголовно-юридическіе обычаи весьма важныхъ для составителя программы. Остаются затѣмъ труды профессора Кистяковскаго и В. Н. Майнова, значительно опередившіе программу, которая въ 1864 г. издана Отдѣленіемъ Этнографіи и уже признана неполною. На программѣ В. Н. Майнова, помѣщенной въ 1875 г. въ журналѣ *Знаніе* и болѣе другихъ удовлетворительной, видно уже вліяніе труда А. Ѳ. Кистяковскаго, который появился раньше, въ 1874 году. Честь индивидуальнаго почина, такимъ образомъ, должна быть признана за послѣднимъ [1]).

Профессоръ А. Ѳ. Кистяковскій, какъ показываетъ названіе его труда („Программа для собиранія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву"), находитъ невозможнымъ ограничивать собирателя „обычаями" въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, возлагая на него и сообщеніе „народныхъ воззрѣній". Въ основѣ эта мысль совершенно правильна. Картина обычаевъ не можетъ быть признана полною, если она не иллюстрирована тѣми народными воззрѣніями, которые поддерживаютъ существованіе опредѣленныхъ правилъ обычая и даже иногда дополняютъ пробѣлы въ нихъ. Но при собираніи обычнаго матеріала, дѣломъ первой важности представляется отдѣленіе въ немъ того, что̀ можетъ быть признано дѣйствующимъ въ народѣ юридическимъ правиломъ, отъ того, что̀, не имѣя значенія юридическаго правила, составляетъ лишь пожеланіе и мнѣніе народа. Между тѣмъ профессоръ Кистяковскій не различаетъ этихъ понятій въ своей программѣ (что̀ и составляетъ ея важнѣйшій недостатокъ со стороны юридической) и ставитъ собирателя въ затруднительное положеніе вопросами: „что̀ *думаетъ* народъ о томъ-то"; эта неопредѣлительная редакція особенно часто встрѣчается у П. С. Ефименка.

---

[1]) Нѣкоторое сходство между этими программами, кажется, надо объяснить тѣмъ, что пр. Кистяковскій и г. Майновъ имѣли въ виду программу для собиранія славянскихъ юридическихъ обычаевъ В. В. Богишича, первое изданіе которой появилось въ 1867 г., а второе значительно дополненное въ 1872 г. *Прим. ред.*

Программа Отдѣленія Этнографіи 1864 г. отводила уголовному праву всего лишь 16 вопросовъ; программа профессора Кистяковскаго состоитъ изъ 50 вопросовъ; В. Н. Майновъ отводитъ уголовному праву 77 вопросовъ; программа П. С. Ефименка не перенумерована по вопросамъ, но гораздо обширнѣе первыхъ трехъ. Я говорю „обширнѣе“, а не „полнѣе“, потому что послѣднее выраженіе было бы не точно, за исключеніемъ развѣ программы 1864 г.; полнѣе, не смотря на сравнительную ихъ сжатость, оказываются программы А. Ѳ. Кистяковскаго и В. Н. Майнова, такъ какъ въ нихъ обращено вниманіе не только на отдѣльные виды преступленій, но и на общій составъ ихъ. Тѣмъ не менѣе всѣ эти программы страдаютъ многими, порою весьма существенными пробѣлами. Правиламъ обычая о различіи между покушеніемъ и совершеніемъ, а также о степеняхъ участія отводится мѣсто только у В. Н. Майнова, но и то въ самыхъ общихъ чертахъ. Весьма важные для криминалиста понятія вмѣняемости, совокупности преступленій, рецидива и давности совершенно не затронуты. Равнымъ образомъ ни въ одной изъ программъ я не нашелъ вопросовъ объ институтѣ, развитіе котораго уголовнымъ законодательствомъ всецѣло предоставлено народной жизни, и который имѣетъ самую тѣсную связь съ отправленіемъ уголовной юстиціи: я говорю о надзорѣ общества, какъ послѣдствіи важнѣйшихъ исправительныхъ наказаній, и о ссылкѣ по приговорамъ обществъ. Нѣтъ также вопросовъ объ отдачѣ въ общественныя заработки и о способахъ исполненія наказаній, примѣняемыхъ народомъ. Существенный пробѣлъ составляетъ также отсутствіе вопросовъ о существѣ и органахъ карательной власти по взглядамъ и обычаямъ народа. Равнымъ образомъ и въ особенной части я нашелъ необходимымъ восполнить пробѣлы, которые замѣчены въ трудахъ моихъ почтенныхъ предшественниковъ.

Профессоръ Кистяковскій и В. Н. Майновъ, требуя отъ собирателя отвѣты объ обычаяхъ и воззрѣніяхъ „народа“, не говорятъ, въ какомъ именно смыслѣ употребляется имп это выраженіе. Г. Ефименко замѣняетъ его другимъ; онъ интересуется не народомъ вообще, а только однимъ классомъ народа, крестьянствомъ. Сошлюсь на первый же вопросъ его программы, который редактированъ слѣдующимъ образомъ: „Каковы взгляды *крестьянъ* на пре-

ступленія и проступки вообще, а также взгляды *ихъ* на преступниковъ". Какъ извѣстно, та же редакція была принята въ программѣ Отдѣленія Этнографіи, появившейся въ 1864 году. Но эту замѣну я не могу признать удачною, такъ какъ она совершенно не соотвѣтствуетъ задачамъ изслѣдованія обычнаго права. До извѣстной степени, и то только до извѣстной степени, она могла бы показаться правильною лишь при взглядѣ на обычное право, какъ на одну изъ историческихъ ступеней развитія русскаго правосознанія. Сельское населеніе, болѣе другихъ консервативное, бережетъ лучше преданія отцовъ и дѣдовъ, имѣя такимъ образомъ за собою всѣ преимущества лучшаго хранителя и оберегаться исконныхъ обычаевъ, вытѣсненныхъ законодательствомъ изъ среды другихъ классовъ общественныхъ. Но выступая въ роли первенствующей, крестьянство и съ этой точки зрѣнія на обычное право не можетъ претендовать на роль исключительную. Мѣщанство, не смотря на принадлежность свою къ городу, легче разрывающему связи съ прошлымъ, чѣмъ село,—духовное сословіе, не смотря на нивелирующее значеніе консисторій и высшаго духовнаго начальства, — даже купечество и мелкопомѣстное, но не чиновное дворянство,—всѣ эти классы, въ большей или меньшей степени, служатъ дѣлу развитія обычнаго права и свято оберегаютъ многія начала его; исключивъ ихъ изъ области изслѣдованія, мы вводимъ въ разработку обычнаго права совершенно произвольныя ограниченія, непонятныя тѣмъ болѣе, что тѣ же изслѣдователи находятъ нужнымъ останавливаться на обычаяхъ инородцевъ, связь которыхъ съ русскимъ обычнымъ правомъ и съ процессомъ историческаго развитія русскаго правосознанія во всякомъ случаѣ несравненно меньше, чѣмъ связь послѣдняго съ обычаями не крестьянскихъ классовъ русскаго же общества. Притомъ, едва ли можно признать правильнымъ взглядъ на обычное право только какъ на вспомогательный матеріалъ для воспроизведенія прежнихъ взглядовъ. Рядомъ съ этимъ историческимъ значеніемъ, обычное право представляетъ еще другое, несравненно большее для юриста и для этнографа — *догматическое*, какъ система юридическихъ нормъ, дѣйствующихъ отдѣльно отъ законодательства и составляющихъ пробный камень законодательныхъ начинаній. А между тѣмъ безспорно, что такія нормы обычнаго права дѣй-

ствуютъ далеко не исключительно среди крестьянъ; безспорно, что дѣло развитія его началъ, для восполненія пробѣловъ законодательства или для устраненія не соотвѣтствующихъ жизни законодательныхъ опредѣленій, находится не только въ рукахъ земледѣльцевъ, но и въ рукахъ другихъ классовъ общества; безспорно потому, что правильное представленіе объ обычномъ правѣ Россіи мы получимъ тогда лишь, когда привлечемъ къ изслѣдованію всю Россію, живущую обычаями, а не ту или другую только часть ея по нашему произволу. Только въ такомъ случаѣ мы можемъ стоять на твердой почвѣ, которая немпнуемо ускользаетъ изъ-подъ нашихъ ногъ, какъ скоро мы пойдемъ по стезѣ произвольныхъ ограниченій понятія о народѣ. Въ самомъ дѣлѣ, ставъ на точку зрѣнія программъ Отдѣленія Этнографіи 1864 г., и г. Ефименка, немпнуемо слѣдовало бы задаться вопросами: всѣхъ ли крестьянъ слѣдуетъ относить къ понятію „народъ“? Не нужно ли выдѣлить отсюда классъ фабричныхъ рабочихъ, какъ порвавшій уже связи съ селомъ и испорченный вліяніемъ города? Не слѣдуетъ ли выдѣлить изъ изслѣдованія всѣ мѣстности, изрѣзанныя желѣзными дорогами, которыя отрываютъ народъ отъ прежняго цикла понятій? Можно ли относить къ народу крестьянъ, занимающихся отхожими промыслами и потому приходящихъ въ частыя столкновенія съ постороннимп элементами? Этимъ вопросамъ при принятіи оспариваемой мною редакціи не было бы конца, и потому, высказываясь противъ нея, я понимаю подъ выраженіемъ „народъ“ всѣ вообще классы общества, уголовно-юридическая жизнь которыхъ опредѣляется не только постановленіями закона, но и правилами дѣйствующаго среди нихъ обычая.

Обычай и законъ имѣютъ одну и ту же основу существованія—необходимость удовлетворенія разнообразныхъ потребностей правовой жизни народа. При совершенномъ состояніи права, они дѣйствуютъ другъ подлѣ друга, взаимно пополняясь и видоизмѣняясь въ практическомъ примѣненіи. Поэтому при собираніи обычаевъ необходимо имѣть въ виду двѣ различныя стороны, въ которыхъ проявляется сила и содержаніе обычая; это 1) отмѣна и видоизмѣненіе закона обычаемъ, вѣсилу тѣхъ или иныхъ причинъ; такимъ образомъ, первая задача собпрателя уголовно-юридическихъ обычаевъ состоитъ въ томъ, чтобы представить матеріалъ, кото-

рый выяснилъ бы *взглядъ народа на преступленіе и наказаніе по закону.* Здѣсь ему прійдется имѣть дѣло не съ системою самостоятельныхъ юридическихъ понятій, выработанныхъ правовою жизнью народа, а лишь съ тѣми модуляціями, которымъ подвергается уголовный законъ въ рефлексѣ народнаго мышленія. Конечно, исполненіе такой задачи требуетъ отъ собирателя знакомства съ уголовнымъ законодательствомъ, но если собиратель самъ не юристъ, онъ легко можетъ разрѣшить представляющіяся сомнѣнія сношеніями съ судебными слѣдователями и другими представителями юстиціи въ своей мѣстности. 2) За этою задачею слѣдуетъ вторая, именно собираніе обычаевъ, вызванныхъ самостоятельнымъ развитіемъ народнаго правосознанія и создавшихъ *систему правилъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ обычныхъ*, непзвѣстныхъ закону въ принимаемой народомъ формѣ.

Кромѣ этихъ двухъ задачъ, программы моихъ предшественниковъ, придерживаясь мысли Отдѣленія Этнографіи, высказанной въ 1864 году, возлагаютъ на собирателя народныхъ юридическихъ обычаевъ еще одну, именно—разрѣшеніе вопросовъ о степени распространенности того или другого преступленія въ данной мѣстности, о причинахъ, его вызывающихъ, о способахъ его совершенія и о вліяніи, производимомъ имъ на народную нравственность и народное благосостояніе. При всей важности этихъ вопросовъ, не трудно замѣтить, что они имѣютъ своимъ предметомъ *воспроизведеніе картины народной преступности и ея причинъ*, не имѣя ничего общаго съ системой уголовно-юридическихъ правилъ обычая. Всѣ такіе вопросы выдѣлены мною изъ программы по собиранію народныхъ обычаевъ. Но имѣя въ виду, что собираніе по нимъ матеріала представляетъ общій этнографическій интересъ, что этотъ матеріалъ можетъ бросить яркій свѣтъ и на нѣкоторыя правила обычая, я счелъ своимъ долгомъ принять на себя редакцію, дополненіе и группировку вопросовъ и этой категоріи; они изложены мною въ III-мъ отдѣлѣ программы, подъ названіемъ: „народная преступность и ея причины“, который прилагается какъ дополненіе къ программѣ собиранія народныхъ уголовно-юридическихъ обычаевъ. Впрочемъ, если коммиссія найдетъ нужнымъ и цѣлесообразнымъ, эти особые вопросы легко могутъ быть включены въ общую программу.

Считаю небезполезнымъ коснуться еще способа изложенія вопросовъ въ программѣ для собирателя народныхъ обычаевъ. Разсматривая труды моихъ предшественниковъ, я не могъ не замѣтить, что вопросы собирателямъ редактированы въ выраженіяхъ слишкомъ общихъ, которые способны затруднить ихъ. Мастерская точность научныхъ положеній, выраженныхъ въ вопросительной формѣ профессоромъ Кистяковскимъ, нерѣдко переходитъ у почтеннаго криминалиста въ неопредѣлительность вопроса или по общности, или по сжатости его. Таковы, напримѣръ, вопросы: „какой *вообще взглядъ* имѣетъ народъ на преступленіе“; „какъ смотритъ народъ на незаконное сожительство, на рожденіе ребенка внѣ брака, на прелюбодѣяніе, на кровосмѣшеніе“; „по какимъ *основаніямъ* народъ считаетъ необходимымъ наказывать преступниковъ“. Но выводъ общаго взгляда народнаго на преступленіе или на тѣ основанія, по которымъ народъ признаетъ наказаніе необходимыми, всецѣло принадлежитъ труду изслѣдователя обычнаго права; задача же собирателя народныхъ обычаевъ состоитъ въ представленіи возможно болѣе конкретныхъ указаній о способѣ разрѣшенія въ народномъ быту различныхъ уголовно-юридическихъ случаевъ. Въ детальной программѣ П. С. Ефименка вопросы выражены въ менѣе абстрактной формѣ, но и въ ней встрѣчаются подобные слѣдующему: „каковъ вообще взглядъ крестьянъ на убійство, грабежи, разбои, поджогъ, воровство?“ Нѣкоторое преимущество въ отношеніи редакціонномъ принадлежитъ программѣ В. Н. Майнова, хотя вполнѣ удовлетворительною признать нельзя и ее. Редакція вопросовъ для собирателя народныхъ обычаевъ, вопервыхъ, должна постоянно напоминать ему, что отъ него требуются факты, а не выводы; поэтому отдѣльные вопросы должны быть изложены какъ можно болѣе конкретно; вовторыхъ, она должна поставить собирателя въ положеніе свидѣтеля о видѣнномъ и слышанномъ имъ въ народномъ быту, постоянно напоминая ему объ обязанности быть свидѣтелемъ добросовѣстнымъ и достовѣрнымъ, но отнюдь не возлагая на него въ то же время обязанности эксперта; послѣднія будутъ выполнены изслѣдователями, и это раздѣленіе труда тѣмъ болѣе необходимо, что имъ можетъ быть обезпечено участіе большаго числа лицъ въ дѣлѣ собиранія народныхъ обычаевъ;

поэтому я старался сообщить вопросамъ, особенно стоящимъ на первомъ мѣстѣ программы, форму личнаго обращенія къ собирателю обычаевъ; втретьихъ, наконецъ, при редакціи вопросовъ необходимо имѣть въ виду облегчить собирателю сношенія съ народомъ; самою лучшею редакціей была бы та, при которой вопросы программы могли бы быть прямо прочитываемы народу; но такой удобопонятности у насъ, по различію мѣстныхъ говоровъ, достигнуть трудно, и остается довольствоваться исполненіемъ этого требованія лишь отчасти.

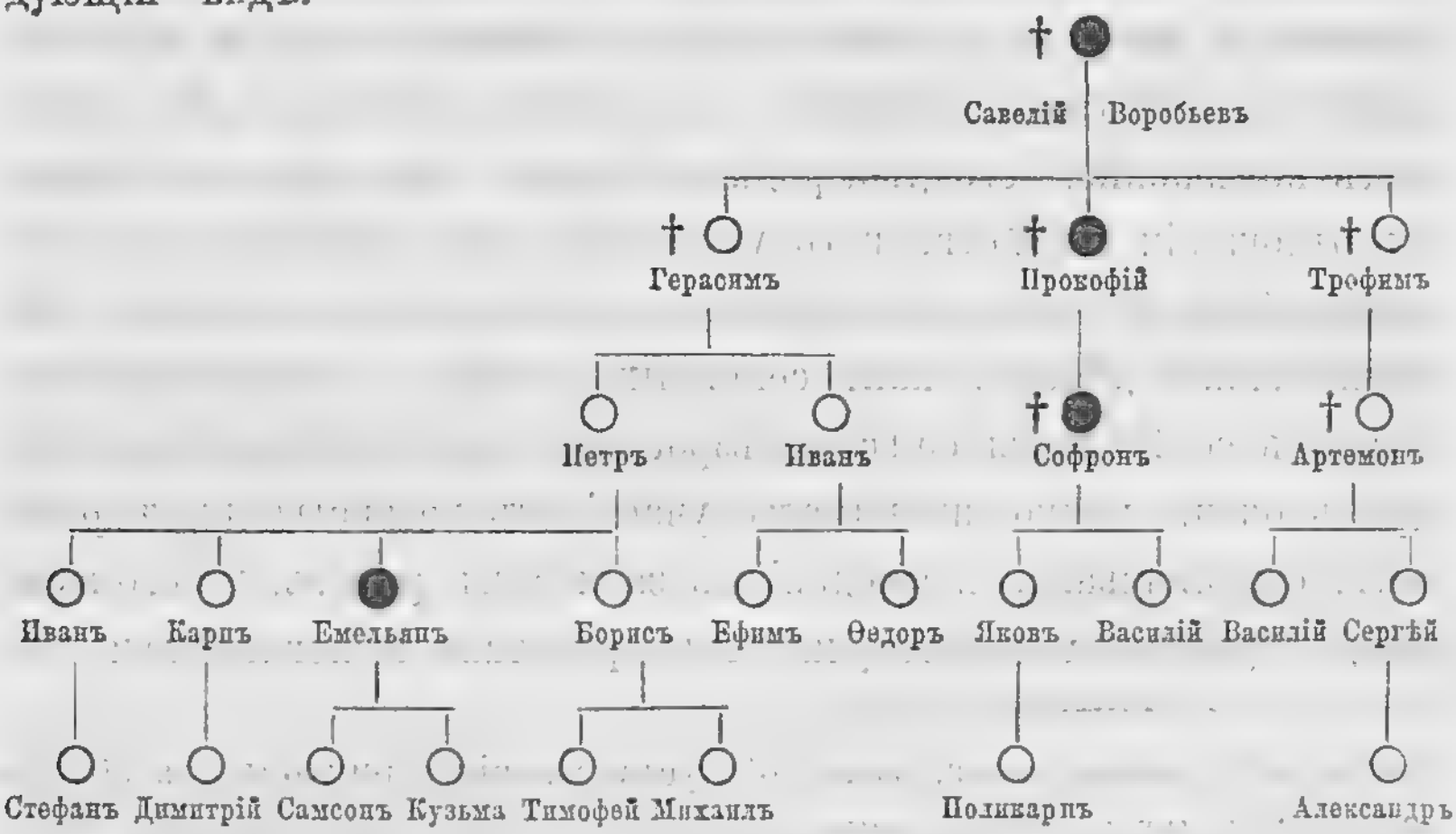
Программа профессора А. Ѳ. Кистяковскаго заканчивается нѣсколькими наставленіями собирателю обычаевъ; эту мысль нельзя не признать въ высшей степени удачною, такъ какъ подобное наставленіе значительно облегчаетъ собирателя, поясняя ему, на что должно быть обращено его преимущественное вниманіе. Къ ней примыкаетъ и составленная мною программа, съ тѣмъ лишь незначительнымъ различіемъ, что я предполагалъ бы болѣе удобнымъ помѣстить обращеніе къ собирателю въ началѣ программы, а не въ концѣ ея. Представляемая мною программа, въ окончательной редакціи которой принималъ участіе мой почтенный товарищъ по университету Н. С. Таганцевъ, распадается на три отдѣла: 1) вопросы, относящіеся ко всѣмъ преступленіямъ и наказаніямъ вообще, 2) вопросы объ отдѣльныхъ родахъ и видахъ преступленій, и 3) вопросы о народной преступности и ея причинахъ. Вводя это дѣленіе, я разошелся съ трудами моихъ предшественниковъ на томъ основаніи, что, по моему мнѣнію, правильная классификація понятій нужна не только при научныхъ работахъ по обычному праву, но уже при собираніи сыраго матерьяла, значительно облегчая трудъ собирателя.

II.

Семейная община въ Курскомъ уѣздѣ [1]).

Въ 1872 году, во время изслѣдованія кургановъ въ Курскомъ уѣздѣ, я узналъ отъ рабочихъ, что въ селеніи Воробьевкѣ, Черемошенской волости, живетъ семья, состоящая изъ 42 человѣкъ и управляемая выборнымъ старшиною.

Желая ближе познакомиться съ устройствомъ этой семьи, я посѣтилъ село Воробьевку и узналъ тамъ слѣдующее: Сказанная семья извѣстна между сосѣдями подъ именемъ семьи Софрона; ея мужеское поколѣніе въ наглядномъ изображеніи имѣетъ слѣдующій видъ:



● означаетъ старшину, † умершаго.

Около 60 лѣтъ тому назадъ умеръ въ с. Воробьевкѣ государственный крестьянинъ (одподворецъ) Савелій Воробьевъ, оставив-

---

[1]) Хотя вопросъ о большой и малой семьѣ вызвалъ продолжительныя пренія въ двухъ засѣданіяхъ Отдѣленія Этнографіи (въ декабрѣ 1876 г. и въ январѣ 1877 г.), тѣмъ не менѣе почти всѣ изслѣдователи народнаго быта признаютъ существованіе двухъ различныхъ видовъ или типовъ семьи въ крестьянскомъ быту. Это *большая* или *родовая* семья, которую г. Самоквасовъ называетъ *семейною общиной*, и *малая* или *отцовская* семья.

шій тремъ его сыновьямъ, Герасиму, Прокофію и Трофиму, дворъ съ огородомъ, усадебное мѣсто, 50 десятинъ пахатной земли и разную движимость. По смерти отца, братья Савельичи согласились владѣть наслѣдствомъ сообща нераздѣльно и жить вмѣстѣ, поручивъ главенство въ семьѣ Прокофію Савельичу. У каждаго изъ братьевъ были дѣти мужескаго и женскаго пола; Прокофій имѣлъ сына Софрона, Герасимъ — Ивана и Петра, и Трофимъ — Артемона. По смерти Прокофія главенство въ семьѣ перешло къ его сыну — Софрону, управлявшему дѣлами семьи около 40 лѣтъ, въ теченіе коихъ семья разрослась до 39 человѣкъ, между которыми было 8 супружествъ, двѣ вдовы и 21 молодыхъ людей, дѣвицъ и дѣтей. Во время моего знакомства съ семьею Софрона родство между членами различныхъ боковыхъ линій было такъ отдаленно, что они могли вступать въ бракъ между собою. Всѣ Софроничи жили въ одномъ дворѣ, состоявшемъ изъ 4 избъ; въ одной изъ нихъ жилъ Софронъ съ женой и дѣтьми, а въ остальныхъ помѣщались его двоюродные братья, ихъ жены и потомки. Въ отношеніи хозяйственнаго управленія всѣ Софроничи повиновались безпрекословно распоряженіямъ Софрона и его жены. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ, какъ семейныхъ, такъ и хозяйственныхъ, Софронъ совѣтовался со всѣми взрослыми домочадцами. Самъ Софронъ очень рѣдко принималъ участіе въ хозяйственныхъ работахъ, ограничиваясь наблюденіемъ за ходомъ работъ, но его жена всегда принимала личное участіе въ работахъ женскаго пола. Не

Споръ, собственно говоря, шелъ объ установленіи терминовъ для обозначенія этихъ двухъ видовъ семьи, а не о фактѣ ихъ существованія. Сравнивая описанную г. Самоквасовымъ семейную общину и другія ей подобныя наши крестьянскія семьи съ южно-славянскою *задругой*, не смотря на значительное между ними сходство, встрѣчаемъ одно существенное различіе. Въ составъ задруги входятъ и постороннія лица, не связанныя съ ея членами узами родства и свойства, напримѣръ, работники; въ нашей же крестьянской семейной общинѣ или большой семьѣ этого не замѣчается. Мнѣ извѣстны нѣсколько большихъ семей, изъ которыхъ одна описана въ напечатанныхъ въ настоящемъ томѣ Очеркахъ юридическаго быта Самарской губерніи; такимъ образомъ это заключеніе сдѣлано изъ нѣсколькихъ наблюденій (правда, недостаточныхъ для рѣшенія вопроса), а не изъ единичнаго случая. Вообще говоря, весьма желательно возможно большее число монографическихъ описаній большихъ семей, въ родѣ предлагаемаго.

Ред.

смотря на размноженіе членовъ семьи, въ періодъ управленія Софрона ея благосостояніе постоянно возрастало.

Къ концу жизни Софрона Софроничи владѣли усадьбой и 50 десятинами пахатной земли, полученными по наслѣдству; при Софронѣ въ разное время, по мѣрѣ накопленія капитала, было пріобрѣтено покупкою 109 десятинъ земли; наслѣдственная земля называлась *дѣдовщиной*, а благопріобрѣтенная – *прикупною*. Въ 1872 году, кромѣ усадьбы и пахатной земли, имущество семьи Софрона составляло 30 лошадей, 13 коровъ, 60 овецъ и 15 свиней. Заработки всѣхъ членовъ семьи поступали въ общую кассу, которая хранилась и расходовалась Софрономъ; эта касса расходовалась на пріобрѣтеніе сельско-хозяйственныхъ орудій, домашней утвари, одежды для отдѣльныхъ членовъ семьи, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола; изъ нея выплачивались подати и нанимались рекруты, если жребій военной повинности падалъ на семью Софрона. При выдачѣ въ замужество лицъ женскаго пола семья надѣляла ихъ приданымъ, состоявшимъ изъ движимости одежды, домашнихъ животныхъ и денегъ).

За три года до моего знакомства съ семьею Софрона, ее посѣтило несчастіе, поводомъ къ которому послужило слѣдующее обстоятельство: Одна изъ вдовъ семьи (вторая жена Артемона Трофимовича) съ малолѣтнимъ сыномъ пожелала отдѣлиться, и получивъ часть имѣнія, слѣдовавшую ей по приговору семейнаго совѣта, осталась этою частію недовольна, а потому обратилась съ жалобою къ г. Курносову (сначала мѣстный мировой посредникъ, потомъ мировой судья), который призналъ Софронова виновнымъ и присудилъ его къ трехмѣсячному тюремному заключенію (этотъ приговоръ былъ отмѣненъ мировымъ съѣздомъ). Приговоръ такъ подѣйствовалъ на подсудимаго, что онъ, выслушавъ его, на пути въ домъ свой помѣшался и оставался въ состояніи помѣшательства четыре года, до смерти. Послѣ помѣшательства Софрона, помимо его братьевъ и дѣтей, старшиною семьи Софроничи избрали двоюроднаго племянника Софрона—Емельяна Петровича (отъ котораго и получены мною сказанныя свѣдѣнія). Емельянъ управлялъ семейными дѣлами 4½ года на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Софронъ, но не пользовался такимъ авторитетомъ, какъ послѣдній.

Въ прошедшемъ году мнѣ сообщили, что вскорѣ послѣ смерти Софрона, Софроничи раздѣлились и составили 4 двора: первый дворъ составили потомки Софрона, при раздѣлѣ, получившіе 17 десятинъ родовой земли и 48 десятинъ благопріобрѣтенной; второй дворъ составили потомки Артемона отъ первой жены, получившіе родовой земли 17 десятинъ и благопріобрѣтенной одну десятину; третій дворъ составили потомки Герасима отъ сына его Ивана, получившіе родовой земли 8½ десятинъ и благопріобрѣтенной 20 десятинъ; наконецъ, четвертый дворъ составили потомки Герасима отъ сына его Петра, получившіе 8½ десятинъ родовой земли, и 40 десятинъ благопріобрѣтенной.

Не смотря на усилившіеся въ позднѣйшее время семейные раздѣлы въ крестьянскомъ быту, въ Курской и Черниговской губерніяхъ, въ деревняхъ и селеніяхъ, населенныхъ преимущественно бывшими однодворцами и казаками, большія семейства (состоящія изъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ съ ихъ потомками, живущихъ въ одномъ дворѣ и владѣющихъ наслѣдствомъ отъ предковъ нераздѣльно, и управляемыя однимъ изъ выборныхъ родичей) встрѣчаются довольно часто. Такія семейства или семейныя общины имѣютъ обыкновенно два названія, изъ которыхъ одно происходитъ отъ имени настоящаго главы семейства, которому онъ повинуется, и чрезъ котораго сносится съ волостнымъ и уѣзднымъ начальствомъ, а другое происходитъ отъ имени прежде бывшаго главы семьи, предка-родоначальника, которое сохраняется въ сосѣдствѣ, не смотря на смерть родоначальника и перемѣну главы семьи. Первое названіе употребляется во всѣхъ офиціальныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ сношеніяхъ съ начальствомъ по поводу податей и повинностей; второе названіе, неофиціальное, называется *уличнымъ* и сохраняется въ сосѣдствѣ.

Въ періодъ управленія Емельяна описанная семья офиціально называлась именемъ семьи Емельяна, а въ околоткѣ извѣстна была подъ именемъ семьи Софрона. Софроничами назывались всѣ лица, состоявшія подъ управленіемъ Софрона, хотя большинство этихъ лицъ приходилось Софрону не дѣтьми или внуками, а братьями и племянниками.

Мѣстные старожилы-помѣщики увѣряютъ, что участившіеся въ послѣдніе 15—20 лѣтъ семейные раздѣлы между крестьянами со-

ставляютъ собою „новую моду“, въ крестьянскомъ быту очень вредно отражающуюся на экономическомъ состоянiи крестьянскаго сословiя.

Д. Самоквасовъ.

Варшава. 29-го мая 1877 года.

III.

Самосуды у крестьянъ Чистопольскаго уѣзда, Казанской губернiи.

Въ средѣ крестьянъ Чистопольскаго уѣзда [1]) существуетъ обычай самовольно наказывать воровъ и другихъ преступниковъ и лишь послѣ этой расправы предавать ихъ въ руки правосудiя. Въ исполненiи такого наказанiя принимаютъ участiе не только потерпѣвшiе отъ преступленiя, но и другiе крестьяне, и даже сельскiя власти. Самосудъ производится такимъ образомъ:

Виновный въ воровствѣ, и притомъ вещей не крупныхъ, если онъ пойманъ на мѣстѣ преступленiя, обыкновенно выводится на средину улицы; здѣсь ему вѣшаютъ на шею украденныя вещи, даже мелкiй скотъ, какъ напримѣръ, телятъ, поросятъ, овецъ, козъ и проч. (конечно, по одной штукѣ), и въ такомъ видѣ ведутъ по улицѣ, при чемъ каждый изъ толпы, составляющей иногда до 50 человѣкъ, имѣетъ право наносить виновному удары по какой угодно части тѣла; преимущественно однако бьютъ по шеѣ сзади, такъ что не извѣстно—кто бьетъ вора. Ведутъ виновнаго тихо, чтобы, какъ говорятъ крестьяне, посрамить его при всемъ честномъ народѣ, чтобы всѣ знали вора. Когда виновный отъ ударовъ ослабѣетъ, то начинаетъ просить своихъ судей о пощадѣ, но жалобы его бываютъ напрасны, пока процессiя не обойдетъ всей улицы. Стоящая на улицѣ толпа народа поощряетъ бьющихъ. „Хорошенько

---

[1]) Подобные случаи самосуда, по словамъ г. Соловьева, встрѣчаются также въ Вятской и Нижегородской губернiяхъ. Впрочемъ это - не мѣстное явленiе названныхъ губернiй; такой же самосудъ практикуется и во многихъ другихъ мѣстностяхъ какъ великорусскихъ, такъ и малорусскихъ.

Ред.

его, мошенника! Такъ его, такъ!“ восклицаетъ толпа, когда видитъ кого-нибудь изъ судей, усердно колотящаго виновнаго. Наконецъ виновный, выбившись изъ силъ, падаетъ. Двое изъ судей берутъ его подъ руки и еле живаго тащатъ на себѣ далѣе, по прежнему предоставляя его на жертву побоямъ.

Послѣ такого обхода всей деревни, вора буквально тащатъ или въ волостное правленіе, если оно недалеко, или къ сельскому старостѣ. Послѣдній или волостной старшина обыкновенно являются сами на мѣсто экзекуціи. Судьи самосуда тотчасъ же останавливаютъ шествіе и даютъ дорогу своему непосредственному начальству къ виновному. „Вотъ я его отдѣлаю по свойски“, говоритъ начальство и лично принимаетъ участіе въ экзекуціи.

Наконецъ, староста или старшина кричитъ: „Будетъ, ребята, бить, а то пожалуй на смерть, мошенника, забьемъ, тогда отвѣчать за него прійдется“. Битье прекращается, и жертву тащатъ подъ арестъ, гдѣ и оставляютъ за крѣпкимъ карауломъ. Нерѣдко бывали такіе случаи, что на утро въ арестантской находили трупъ положеннаго въ нее вора; бываетъ иногда и такъ, что виновнаго убиваютъ во время экзекуціи.

Если воръ остается живъ, то его обыкновенно держатъ подъ арестомъ нѣсколько дней, пока онъ не оправится отъ побоевъ, чтобы никакихъ знаковъ на немъ не было видно. Послѣ того передаютъ вора въ руки власти. При слѣдствіи весьма трудно обнаружить обстоятельства такого истязанія вора, потому что не только крестьяне, но даже церковнослужители деревни, гдѣ происходилъ самосудъ, обыкновенно не хотятъ показывать противъ лицъ, участвовавшихъ въ немъ, то-есть, всей деревни. Не желая ссориться съ крестьянами, церковный причетъ говоритъ по такому дѣлу, что ему ничего не извѣстно: ничего молъ не видали и не слыхали.

Когда поймаютъ конокрада, то украденную имъ лошадь, обыкновенно ведутъ за нимъ во время совершенія вышеописанной экзекуціи [1]).

То же наказаніе употребляютъ судьи-крестьяне относительно

---

[1]) Самосуды обыкновенно имѣютъ мѣсто при поимкѣ вора съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія. *Ред.*

крестьянина, пойманнаго въ прелюбодѣяніи. Въ дѣлахъ этого рода до суда доходитъ весьма рѣдко, развѣ въ томъ случаѣ, если при самосудѣ забили виновнаго до смерти, или если крестьянинъ, пойманный въ прелюбодѣяніи, не ублаготворилъ своихъ судей и потерпѣвшихъ родственниковъ въ лицѣ отца и матери дѣвицы водкой, деньгами или согласіемъ взять дѣвушку за себя замужъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что крестьяне смотрятъ на послѣдній родъ преступленія гораздо снисходительнѣе, чѣмъ на грабежъ и кражу, особенно если прелюбодѣемъ оказался молодой крестьянинъ. Обыкновенно о немъ снисходительно говорится: „По младости лѣтъ согрѣшилъ“. Но не смотря на такое снисходительное отношеніе, поколотить виновнаго считаютъ нелишнимъ и даже необходимымъ, и притомъ поколотить непремѣнно публично, въ виду всѣхъ жителей села.

Казань.
6-го іюня 1875 года.

Евлъ Соловьевъ.

IV.

Судья-земля.

Обычай, существующій въ Каргопольскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи.

Сѣнокосныя крестьянскія земли у каждаго домохозяина или составляютъ совершенно отдѣльный кругъ, или находятся въ смежности съ сѣнокосами сосѣдей. Пограничную черту смежныхъ сѣнокосовъ указываютъ то протекающіе ручьи и рѣчки, то небольшіе кустарники, а нерѣдко и камни, едва видные изъ травы. Случается, что хозяева двухъ смежныхъ поженъ, забывъ граничную черту, или просто въ видахъ захвата части чужаго сѣнокоса, заведутъ споръ о границѣ. Одинъ хозяинъ утверждаетъ: „мнѣ слѣдуетъ косить вотъ до тѣхъ и тѣхъ кустиковъ или камешковъ“, а сосѣдъ оспариваетъ: „нѣтъ, не до тѣхъ, а вотъ до такихъ-то кустиковъ или камешковъ“. Для разрѣшенія спора, въ нѣкоторыхъ деревняхъ Каргопольскаго уѣзда выбираютъ въ судьи между собою *мать сыру землю*. Одинъ изъ спорщиковъ говоритъ другому:

„пусть разсудитъ насъ мать сыра земля“. Если на это послѣдуетъ согласіе другаго спорщика, то одинъ изъ нихъ вырываетъ кусокъ *дерна съ землею*, полагаетъ его на голову и идетъ по тому мѣсту, гдѣ, по его мнѣнію, должна быть дѣйствительная граничная межа покосовъ. Если при этомъ несущій на головѣ землю, при обходѣ граничной межи и захватитъ край пожни сосѣда, съ которымъ ведетъ споръ, послѣдній не обижается и добровольно отдаетъ своему противнику всю обойденную имъ землю, приговаривая только, крестясь: „Съ Богомъ! Бери, что̀ обошелъ: такъ разсудила насъ мать сыра земля!“

Учитель Рѣчно-Георгіевскаго сельскаго училища Г. Соколовъ.

V.

Замѣтка къ предшествующей статьѣ.

Обычаи обходить спорную межу съ кускомъ земли или дерна на головѣ—весьма древній, идущій изъ глубокой старины. Вообще земля или дернъ имѣли символическое значеніе при передачѣ владѣнія землей и рѣшеніи споровъ о землѣ. Въ сѣверно-русскихъ купчихъ XIV, XV и XVI столѣтій, напечатанныхъ въ изданныхъ Археографическою Коммиссіей Актахъ Юридическихъ, упоминается объ особомъ обрядѣ, довершавшемъ передачу владѣнія землей или такъ-называемый *заводъ* или *отводъ* земли, совершавшійся — судя по выраженію актовъ: „продать земли въ *дернь* или *одеренъ*“—посредствомъ символическаго употребленія земли и дерна [1]).

Въ писцовыхъ книгахъ, данныхъ Сольвычегодскому монастырю на пожни и покосы 7153 (1625) г., упоминается о такомъ же способѣ рѣшать споры о межѣ; именно, когда у служки Коряжемскаго монастыря Олешки Сергѣева былъ споръ о пожнѣ передъ

---

[1]) См. изслѣдованіе проф. *П. Калмыкова:* «О символизмѣ права вообще и русскаго въ особенности. С.-Петербургъ. 1839. Купчая крѣпость Каргопольца Ивана Межникова 1568 г., напеч. въ Актахъ Юридическихъ подъ № 86; Новгородскія купчія XIV и XV вв.—тамъ же, № 71.

писцами съ крестьяниномъ Окиѳенкомъ Болакшинымъ, „а крѣпостной никто на ту землю не положилъ, и въ томъ имъ данъ судъ и съ суда имъ *учинена въра*, и отвѣтчикъ Окиѳенко *далъ истцу* Олешкѣ *на душу*. И Олешка, *положа земли себъ на голову*, отвелъ *той пожнъ межи*“. Ниже въ той же писцовой книгѣ записано: „Да у тое жь деревни Погорѣлки судъ былъ передъ писцы у старцевъ Коряжемскаго монастыря съ крестьяниномъ Пачезерскія волости съ Ероѳѣенкомъ Шелешеневымъ о спорной землѣ, что межъ тѣхъ деревень, о сенномъ перекосѣ, и въ томъ спорномъ мѣстѣ розвести ихъ нѣчимъ, и съ суда *дана имъ въра*; и отвѣтчикъ Ероѳѣенко въ томъ *далъ на душу* старцамъ и слугамъ; и монастырской служка Пронька Михайловъ, *положа земли на голову, ту спорную землю обшелъ* и межу имъ впередъ учинили, куда *шолъ* Пронька Михайловъ“.

Этотъ любопытный обычай, сохранившійся до сихъ поръ, какъ видно изъ сообщенія г. Соколова, въ одномъ изъ уѣздовъ Олонецкой губерніи, было преимущественно распространенъ въ сѣверныхъ областяхъ, входившихъ въ составъ Великаго Новгорода. Но есть указаніе, хотя и не основанное на историческихъ и юридическихъ актахъ, на существованіе этого обычая и въ средней полосѣ. Именно извѣстный изслѣдователь нашей старины М. Н. Макаровъ [1]) говоритъ, что онъ видѣлъ близъ г. Сапожка, въ Рязанской губерніи, простолюдина, который, споря о принадлежности ему луга, „вырѣзалъ дернину, положилъ ее себѣ на голову, и оградясь крестомъ, клялся передъ спорящими и свидѣтелями, что если покосъ не принадлежитъ ему, тогда сама мать родная земля прикроетъ его на вѣки“.

Въ настоящее время этотъ обычай въ указанной формѣ, сколько мнѣ извѣстно, не сохранился въ центральныхъ губерніяхъ, или точнѣе говоря, встрѣчается тамъ въ измѣненной формѣ: спорную межу обходятъ съ иконой. Указаніе на такой обходъ межи мы встрѣчаемъ въ Соборномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, гл. X, статьи 236 и 237.

Весьма было бы желательно знать, на сколько распространенъ обычай, описанный г. Соколовымъ, въ другихъ мѣстностяхъ сѣ-

---

[1]) Въ статьѣ: Древнія и Новыя божбы, клятвы и присяги русскія, въ *Трудахъ Общества Ист. и Древн. Росс.*, ч. IV, кн. I. Москва, 1828.

вернаго края Россіи, который, какъ извѣстно, лучше другихъ умѣлъ сохранить преданія и обычаи старины.

Вообще отдѣлъ о доказательствахъ, практикуемыхъ народнымъ судомъ, обработанъ менѣе другихъ частей нашего народнаго юридическаго быта, и потому весьма желательно, чтобы наши собиратели юридическихъ обычаевъ обратили на него должное вниманіе. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ членомъ Географическаго Общества Г. К. Властовымъ, имѣвшимъ полную возможность близко изучить народный бытъ Грузіи во время продолжительной своей службы въ этомъ краѣ, обычай обходить спорную межу съ дерномъ на головѣ извѣстенъ и въ Грузіи, гдѣ къ нему часто прибѣгаютъ.

П. Матвѣевъ.

ПРОГРАММА ДЛЯ СОБИРАНІЯ НАРОДНЫХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЕВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Со времени изданія первой программы для собранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, выработанной Отдѣленіемъ Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, то-есть, съ 1864 года, прошло болѣе десяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ изученіе народнаго юридическаго быта сдѣлало значительные успѣхи.

Изученіе юридическихъ обычаевъ началось у насъ давно: въ общей программѣ для собранія этнографическихъ свѣдѣній, изданной Географическимъ Обществомъ въ 1847 году, уже намѣчено для нихъ мѣсто въ рубрикѣ объ особенностяхъ общественнаго быта, а частные изслѣдователи и собиратели занимались этимъ предметомъ еще гораздо ранѣе. Путешественники XVIII вѣка, каковы напримѣръ, П. И. Лепехинъ [1]) и П. С. Палласъ [2]), уже обращаютъ вниманіе на особенности общественнаго быта нашихъ инородцевъ и сообщаютъ любопытныя свѣдѣнія о ихъ юридическихъ обычаяхъ; еще болѣе данныхъ этого рода мы находимъ въ трудахъ позднѣйшихъ этнографовъ, которые иногда посвящали юридическимъ обычаямъ цѣлыя моно-

[1]) Дневныя Записки путешествія П. Лепехина, изд. 2-е: С.-Пб. 1795—1805 г., 4 части.

[2]) Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи С.-Пб. 1777 г., 4 тома.

графіи (таковы: М. Н. Макарова: Древнія и новыя клятвы и присяги русскія; И. М. Снегирева: Обозрѣніе юридическаго быта въ продолженіе древняго и средняго періода русской народной жизни, В. В. Тарновскаго: Юридическій бытъ Малороссіи, въ *Юридическихъ Запискахъ*, изд. *П. Г. Рѣдкина*, 1842 г. и др.), но чаще касались этого предмета въ небольшихъ замѣткахъ разсѣянныхъ по различнымъ изданіямъ, въ особенности провинціальнымъ.

Въ сороковыхъ годахъ устраненіе отставныхъ солдатъ, по существующимъ въ крестьянскомъ быту обычаямъ, отъ участія въ наслѣдствѣ послѣ ихъ родныхъ возбуждало съ ихъ стороны жалобы, которыя не мало затрудняли бывшія Палаты Государственныхъ Имуществъ по непмѣнію на этотъ предметъ прямыхъ указаній закона; вслѣдствіе того и былъ возбужденъ вопросъ, какъ поступать въ подобныхъ случахъ. Управлявшій тогда Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ графъ П. Д. Киселевъ нашелъ, что такого рода дѣла должны рѣшаться по обычаямъ, и вслѣдствіе того въ 1847 году было предписано нѣкоторымъ, а вслѣдъ затѣмъ и всѣмъ палатамъ — доставить обстоятельныя свѣдѣнія, по составленной въ Министерствѣ программѣ, о порядкѣ наслѣдованія и раздѣловъ у государственныхъ крестьянъ. Свѣдѣнія эти, доставленныя палатами въ теченіе 1848 и 1849 годовъ изъ 44 губерній, послужили матеріаломъ для любопытной статьи по сему предмету Ѳ. Л. Барыкова въ *Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ* 1862 года.

Но прочную основу собираніе и изученіе народныхъ юридическихъ обычаевъ получаетъ лишь въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вслѣдъ за крестьянскою реформой 1861 года, придавшею юридическимъ обычаямъ живое практическое значеніе; съ этого времени начинаютъ ими заниматься юристы наравнѣ съ этнографами. Когда созрѣла мысль о систематизированіи собиранія обычаевъ, она осуществилась сперва въ Кіевѣ, въ 1863 году: г. Стояновъ, редакторъ *Кіевскихъ Губернскихъ Вѣ-*

домостей, напечаталъ въ этомъ изданіи довольно подробную и обстоятельную программу южно-русскаго обычнаго права (№ 32), но она ограничивалась только областью гражданскаго права и состояла всего изъ двухъ отдѣловъ: 1) союзъ семейный и 2) право на чужую вещь. Въ слѣдующемъ 1864 году *Архангельскія Губернскія Вѣдомости* издали свою программу по образцу Кіевской, но разширенную, такъ что ихъ программа состояла ужь изъ трехъ отдѣловъ: къ вышеуказаннымъ отдѣламъ прибавленъ былъ третій — общественное устройство и управленіе. Въ этомъ же году Отдѣленіе Этнографіи Географическаго Общества, по иниціативѣ предсѣдательствовавшаго д. чл. Н. В. Калачова, составило и издало свою извѣстную программу для собиранія юридическихъ обычаевъ. То былъ первый опытъ начертать полную систему обычнаго права; цѣль эта не была однако достигнута названною программой вполнѣ, такъ въ нее хотя и было введено уголовное право, но за то были упущены такіе вопросы, какъ народныя воззрѣнія на государство и международныя отношенія, и что̀ еще важнѣе—не обращено было вниманія на народные обычаи, касающіеся поземельной общины, ея устройства и возникающихъ изъ нея юридическихъ отношеній.

Въ это же время народные юридическіе обычаи стали предметомъ научныхъ изысканій и у другихъ славянскихъ народовъ, внѣ Россіи. Именно въ 1865 году вышла въ свѣтъ обширная программа для собиранія южно-славянскихъ народныхъ обычаевъ извѣстнаго юриста профессора В. В. Богишича, которая значительно разширила рамки изученій въ области народнаго юридическаго быта и указала нашимъ изслѣдователямъ новыя цѣли и задачи [1]).

---

[1]) Эта программа первоначально напечатана въ 1865 г. по сербски латинскимъ алфавитомъ въ одномъ изъ издающихся въ Загребѣ журналовъ, а въ 1870 году перепечатана кирилицей. Кромѣ того, она издана по малороссійски львовскою газетою *Правда*, и сверхъ того есть переводы ея на языки чешскій и болгарскій. Эта программа извѣстна въ ученой литературѣ какъ нѣмецкой, такъ и французской.

*

Изданіе программы Отдѣленія Этнографіи совпало съ введеніемъ у насъ судебной реформы, когда все вниманіе юристовъ было отвлечено въ эту сторону; тѣмъ не менѣе, эта программа произвела замѣтное движеніе въ разработкѣ нашего обычнаго права и вызвала на это поприще не мало новыхъ дѣятелей, изъ коихъ достаточно указать П. С. Ефименка, изслѣдователя юридическаго быта Архангельскаго края, издавшаго въ 1869 году прекрасный сборникъ тамошнихъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, и въ позднѣйшее время князя Н. А. Кострова, изслѣдователя юридическаго быта Томской губерніи [1]).

Снаряженная Географическимъ Обществомъ этнографическо-статистическая экспедиція въ Западно-Русскій край обратила, по иниціативѣ П. П. Чубинскаго, серьезное вниманіе на народные юридическіе обычаи по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ и посвятила этому предмету въ 1872 году VI-й томъ своихъ Трудовъ. Въ этотъ томъ вошли рѣшенія 82 судовъ изъ губерній Юго-западнаго края, разработанныя и приведенныя въ порядокъ по гражданскому праву П. П. Чубинскимъ, а по уголовному праву пр. А. Ѳ. Кистяковскимъ, при чемъ тотъ и другой предпослали изложенію рѣшеній волостныхъ судовъ обстоятельныя изслѣдованія, первый — краткій очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, составленный на основаніи прилагаемыхъ гражданскихъ рѣшеній, а второй: „Волостные суды, ихъ исторія, практика и настоящее положеніе“. Напечатанныя въ этомъ сборникѣ рѣшенія волостныхъ судовъ снабжены указателемъ, весьма старательно составленнымъ П. А. Гильтебрандтомъ.

Въ 1872 г., по Высочайшему повелѣнію вслѣдствіе доклада Министра Юстиціи, предпринято болѣе обширное изслѣдованіе положенія волостныхъ судовъ особою коммиссіей, состоявшею подъ предсѣдательствомъ сенатора М. Н. Любощинскаго изъ чиновъ Министерства Юстиціи и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Эта коммиссія, изслѣдовавъ въ теченіе лѣта 1872

---

1) См. его брошюру: Юридическіе обычаи крестьянъ-старожиловъ Томской губерніи. Томскъ, 1876 г.

года положеніе волостныхъ судовъ въ 15 губерніяхъ различныхъ полосъ Имперіи, и притомъ не только какъ судебнаго учрежденія вообще, но и какъ суда по народному обычаю, дала массу матеріаловъ для обычнаго права, заключающагося въ шести томахъ своихъ Трудовъ [1]). Наиболѣе цѣнную часть этого изданія, съ точкизрѣнія изслѣдователя обычнаго права, представляетъ обширное собраніе рѣшеній волостныхъ судовъ. Эти матеріалы, изданные коммиссіей въ сыромъ и не обработанномъ видѣ, стали предметомъ цѣлаго ряда монографическихъ работъ, изъ которыхъ мы укажемъ статью А. С. Ефименко: „Народныя юридическія воззрѣнія на бракъ“ (по матеріаламъ I-го тома Трудовъ коммиссіи: Тамбовская губернія) въ журналѣ *Знаніе* за январь 1874 г., — г. К. Чепурнаго: „Къ вопросу о юридическихъ обычаяхъ: устройство и состояніе волостной юстиціи въ Тамбовской губерніи“ въ *Кіевскихъ Унив. Извѣстіяхъ* за 1874 г., и наконецъ, прекрасную статью г. Оршанскаго въ *Журналѣ Гражданскаго Права* за 1875 годъ: „Народный Судъ и Народное Право“. Въ настоящемъ 1877 году матеріалы помянутой коммиссіи по отношенію къ гражданскому праву въ полномъ объемѣ получили систематическую научную обработку въ трудѣ профессора С. В. Пахмана: „Обычное Гражданское Право въ Россіи, юридическіе очерки, т. I. Томъ этотъ обнимаетъ: собственность, обязательства и средства судебнаго охраненія. Второй томъ будетъ посвященъ семейнымъ правамъ, наслѣдству и опекѣ.

Благодаря такому развитію изслѣдованій о нашемъ обычномъ правѣ за послѣднія десять лѣтъ, программа, изданная Географическимъ Обществомъ въ 1864 году, не смотря на всѣ ея достоинства, значительно устарѣла. Поэтому учрежденная при Отдѣленіи Этнографіи коммиссія о народныхъ юридическихъ обычаяхъ, въ засѣданіи своемъ 17-го февраля 1876 года, по выслушаніи доклада своего предсѣдателя Н. В. Калачова, что

---

[1]) VII-й томъ Трудовъ Коммиссіи заключаетъ въ себѣ письменные отзывы различныхъ мѣстъ и лицъ о волостныхъ судахъ.

всѣ экземпляры программы 1864 года разошлись, единогласно постановила составить и издать новую программу. Сообщенная коммиссіи программа В. Н. Майнова, основанная на программѣ В. В. Богишича и на матеріалахъ для программы, присланныхъ въ Географическое Общество П. С. Ефименкомъ, также не могла быть признана коммиссіей вполнѣ удовлетворительною [1]). Вслѣдствіе того, коммиссія поручила мнѣ войдти въ сношеніе съ г. Ефименкомъ объ окончательномъ представленіи имъ въ распоряженіе Отдѣленія Этнографіи его матеріаловъ для программы, и затѣмъ—принять мѣры къ заготовленію матеріаловъ для составленія новой программы.

Въ засѣданіи коммиссіи 28-го сентября 1876 года, по выслушаніи моего доклада по этому предмету коммиссія въ виду того развитія, которое за послѣднее время получило обычное право, признала необходимымъ раздѣлить трудъ составленія всей программы между нѣсколькими лицами и вмѣстѣ съ тѣмъ постановила: возложить на меня составленіе проекта новой программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ по гражданскому праву на основаніи матеріаловъ П. С. Ефименка.

Изготовленный мною въ январѣ мѣсяцѣ текущаго 1877 года проектъ программы по гражданскому праву былъ напечатанъ и внесенъ на разсмотрѣніе коммиссіи, которая посвятила обсужденію его особое засѣданіе, и послѣ нѣсколькихъ частныхъ замѣчаній одобривъ его въ общихъ основаніяхъ, постановила: отпечатать этотъ проектъ въ видѣ программы по гражданскому праву отъ моего имени и съ тѣми измѣненіями, которыя я признаю нужными въ немъ сдѣлать, съ тѣмъ чтобы второе изданіе этой программы, обработанное при участіи всей коммиссіи, вошло въ составъ общей программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, которая будетъ издана коммиссіей уже непосредственно отъ ея имени.

Членъ-сотрудникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Павелъ Матвѣевъ.

С.-Петербургъ.
25-го Мая 1877 года.

---

[1]) Программа г. Майнова напечатана въ журналѣ *Знаніе* за 1875 годъ, № 4.

Программа для собиранія Народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Гражданское право.

А. Союзъ родовой и семейный.

1. Какое понятіе имѣетъ народъ о *родствѣ* вообще? Знаетъ ли онъ различіе между кровнымъ родствомъ и свойствомъ — двухроднымъ и трехроднымъ? Какое понятіе у народа о духовномъ родствѣ, усыновленіи, побратимствѣ? Какія вытекаютъ отношенія изъ кумовства между духовными и плотскими родителями и воспринятыми и ихъ родственниками? Въ какихъ случаяхъ берутъ въ кумовья перваго встрѣчнаго?

Какъ заключается братанье, и какія изъ него вытекаютъ отношенія между побратавшимися? Существуетъ ли посестріе? Существуетъ ли обычай кумиться между женщинами въ опредѣленный праздникъ или при совершеніи извѣстныхъ поминокъ и какими обрядами сопровождается? [1]).

Примѣчаніе. Здѣсь слѣдуетъ указать — различается ли кровное родство по мужской и женской линіи, а также на всѣ существующія въ народѣ дѣленія родства и свойства, напримѣръ, родство по крови, по молоку и проч.

2. Имѣетъ ли народъ понятіе о степеняхъ, линіяхъ и колѣнахъ родства и свойства, и какъ онъ ихъ опредѣляетъ?

3. Какія въ данной мѣстности существуютъ слова для обозначенія родства и свойства вообще (*родъ*, *родня*, *корень свой*, *сродственникъ*), и въ частности родства и свойства между от-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчается указаніе на существованіе такъ называемыхъ *курьихъ братчинъ*. Въ Котельническомъ уѣздѣ, Вятской губерніи вдовушки кумятся *натрапезъ троецыплятницы*. Этотъ любопытный обычай обнаруженъ и записанъ пока только въ этой мѣстности.

дѣльными лицами (*деверь, шуринъ, влазень, зятевья, золовки, свойка, сватъ, дядина, двоюродники, крестовый братъ* и т. д.)?

Примѣчаніе. Желательно имѣть родословную таблицу, составленную изъ народныхъ названій родства и свойства. Каковы взаимныя отношенія между родней вообще, и въ чемъ они проявляются (въ радушномъ пріемѣ, почетномъ мѣстѣ во время гостьбы, участіи въ семейномъ совѣтѣ, оказаніи матеріальной помощи и т. д.)?

4. Какія существуютъ въ народѣ повѣрья и сказанія объ участіи судьбы въ *бракѣ*? Какія извѣстны повѣрья и сказанія о тѣхъ молодыхъ людяхъ, которые умерли до вступленія въ бракъ? Бываютъ ли въ народѣ случаи безбрачія, какъ часты и по какимъ причинамъ?

5. Какими побужденіями руководствуются при заключеніи браковъ, т. е. имѣются ли въ виду только взаимное влеченіе брачущихся или также и хозяйственныя соображенія, напримѣръ, недостатокъ въ работницахъ? Какія качества особенно цѣнятся въ невѣстѣ, т. е. дородство ли ея, способность ли къ работѣ, нравственныя ли качества—непорочность въ смыслѣ соблюденія дѣвственности, послушливость, имущественный достатокъ и т. д.? Какія существуютъ на этотъ счетъ пословицы и поговорки (напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говорятъ: *выбирай корову по рогамъ, а дѣвку по родамъ*)?

6. Въ какихъ степеняхъ родства и свойства вступаютъ въ бракъ, и въ какихъ браки воспрещаются народною совѣстью? Чѣмъ руководствуются въ этихъ случаяхъ для опредѣленія дозволительности или грѣховности брака? Какую роль тутъ играетъ духовное родство: кумовство, братанье (побратимство) и усыновленіе? Могутъ ли пріемыши вступать въ бракъ, въ крестьянскомъ семействѣ, съ принявшими ихъ лицами, а равно и съ дѣтьми послѣднихъ?

7. Не распространяется ли запрещеніе браковъ, по народнымъ понятіямъ, на однофамильцевъ, жителей одного и того же села, обитателей извѣстной мѣстности, лицъ извѣст-

ной національности или принадлежащихъ извѣстной религіозной сектѣ? Допускаются ли обычаемъ браки между православными и раскольниками, и притомъ съ чьей стороны болѣе препятствій къ такимъ бракамъ—со стороны ли православныхъ или раскольниковъ!

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянскіе парни, приходящіе погулять съ дѣвушками въ чужую деревню, должны предварительно угостить водкой мѣстныхъ парней, и кромѣ того, домохозяинъ можетъ не пускать дѣвушекъ на вечеринки, говоря, что онѣ гуляютъ съ чужими парнями.

8. Въ какомъ возрастѣ крестьяне преимущественно вступаютъ въ браки, и почему именно предпочитается этотъ возрастъ? Существуетъ ли обычай не отдавать дѣвушекъ замужъ, пока она не пробудетъ въ домѣ извѣстное число лѣтъ работницей? Не сохранилось ли преданій, что въ прежнее время соединяли бракомъ малолѣтнихъ. Наблюдается ли при выдачѣ дочерей замужъ очередь, т. е., младшую не выдаютъ ранѣе замужества старшей? Соблюдается ли отношеніе между лѣтами жениха и невѣсты!

9. Нужно ли для брака родительское разрѣшеніе и благословеніе, и въ какой формѣ оно проявляется? Требуется ли согласіе и благословеніе нàбольшаго (большака, домохозяина), когда онъ не отецъ вступающихъ въ бракъ, или большухи, когда она не мать, или вотчима, мачихи или другихъ ближайшихъ родственниковъ, а также воспитателей, опекуновъ, попечителей, хозяевъ, мастеровъ и т. д.?

10. Бываютъ ли браки уходомъ или убѣгомъ, т. е., тайные, безъ согласія и вѣдома родителей? Почему бываютъ такіе браки, какъ они называются и чѣмъ отличаются отъ браковъ *добромъ* или обыкновенныхъ! Какіе обряды совершаются при бракахъ убѣгомъ? Какія послѣдствія браковъ, совершаемыхъ *дѣйствительно* безъ согласія родителей, и какъ поступаютъ

въ такихъ случаяхъ родители, приносятъ ли жалобы, требуя наказанія дѣтей, лишаютъ ли наслѣдства и т. д.?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, въ Шадринскомъ уѣздѣ, *браки убыгомъ* совершаются во избѣжаніе расходовъ, сопряженныхъ съ брачнымъ пиршествомъ, т. е., убѣгъ невѣсты дѣлается только для видимости, ради экономіи, и притомъ съ вѣдома и согласія родителей невѣсты; въ другихъ мѣстахъ, на Волгѣ напримѣръ, не рѣдки случаи, что дѣвушка изъ раскольничьяго толка, выходя замужъ за православнаго, бѣжитъ изъ родительскаго дома, также только для видимости, съ вѣдома и согласія отца и матери, чтобы старикамъ не стыдно было передъ своими, что выдали дочь за мужа другой вѣры и тѣмъ обнаружили холодность къ своей. Поэтому здѣсь слѣдуетъ различать браки дѣйствительно совершаемые безъ вѣдома и согласія родителей отъ вышеуказанныхъ.

11. Какъ поступаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда у жениха и невѣсты нѣтъ ни отца, ни матери, или когда они — круглые сироты, и нѣтъ ни отчима, ни мачихи, которые могли бы заступить ихъ мѣсто? Какія отношенія устанавливаются въ этихъ случаяхъ между благословенными родителями и дѣтьми? Передъ совершеніемъ браковъ не созываются ли семейные и родственные совѣты, и въ какихъ случаяхъ это дѣлается?

12. Бываютъ ли браки безъ обоюднаго предварительнаго согласія брачующихся, а по соглашенію лишь родителей, и какъ часто? Не бываетъ ли предварительнаго соглашенія родителей относительно браковъ малолѣтнихъ дѣтей? Бываетъ ли противодѣйствіе со стороны дѣтей, и прибѣгаютъ ли родители въ такихъ случаяхъ къ принужденію (напримѣръ, не бываетъ ли въ такихъ случаяхъ отказовъ и какихъ-либо заявленій при самомъ обрядѣ вѣнчанія въ церкви)?

Какое вообще вліяніе имѣютъ подобные браки на семейную жизнь, нравственность супруговъ и матеріальный ихъ бытъ?

Не бываетъ ли случаевъ, чтобы само общество, т. е., міръ, принуждало ко вступленію въ бракъ?

13. Какого рода условія заключаются предъ бракомъ, словесныя или письменныя (о залогѣ, неустойкѣ, дарахъ, сва-

дебныхъ расходахъ, приданомъ или платѣ за невѣсту (*кладкѣ*) [1]), времени сватьбы и т. п.), а также не дѣлается ли особыхъ условій при бракѣ вдовъ, напримѣръ, относительно ихъ дѣтей, имущества и уплаты податей за умершаго мужа? Нѣтъ ли обыкновенія брать съ жениха выводныя деньги, когда невѣста выходитъ замужъ въ другое общество или деревню?

Если женихъ или его родители уплачиваютъ невѣстѣ или ея семьѣ извѣстную сумму за полученіе невѣсты, то какъ велика бываетъ эта плата и къ кому поступаетъ въ собственность, т. е., самой ли невѣстѣ, всей ли семьѣ или хозяину дома, или матери невѣсты, ея холостымъ братьямъ и незамужнимъ сестрамъ?

14. Если женихъ или невѣста отказываются почему-либо отъ вступленія въ бракъ, то взыскивается ли за это неустойка, кладка, расходы и убытки, причиненные сговоромъ? Не платится ли въ такихъ случаяхъ за безчестье, и не приговариваютъ ли крестьянскіе суды виновныхъ въ отказѣ къ какимъ-либо другимъ наказаніямъ?

15. Въ какое время года и въ какомъ мѣсяцѣ бываетъ наболѣе свадебъ, въ какомъ наименѣе и почему?

Примѣчаніе. Здѣсь желательно указаніе на существующія въ народномъ быту поговорки: *на нестрой *) женится—съ бѣдой породнится; въ маѣ женится—весь вѣкъ маяться; кто на казанской женится, счастливъ бываетъ* и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Орловской, Калужской, Тульской, Архангельской и Самарской губерніяхъ, праздникъ Покрова называется *свадьбами*, такъ какъ во время этого праздника бываетъ много свадебъ.

---

[1]) Здѣсь желательно имѣть подробное указаніе на то, что понимаетъ народъ подъ *кладкой*, именно: есть ли кладка — плата за невѣсту, или выкупъ ея коробьи и вознагражденіе свадебныхъ расходовъ, дѣлаемыхъ семьей невѣсты?

*) *Нестрою* недѣлей называется недѣля передъ масляницей, потому что среда и пятница въ этой недѣли постныя, тогда какъ предъидущая и послѣдующая недѣля всеѣдная.

16. Какія составныя части брачнаго обряда (сватовство, смотрины, рукобитье или сговоръ, свадьба)?

Примѣчаніе. Необходимо привести народныя названія помянутыхъ обрядовъ и краткое ихъ описаніе, особенно тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ символическими дѣйствіями выясняются юридическія воззрѣнія на бракъ (напримѣръ, даваніе рушниковъ, раздѣваніе жениха невѣстой, поднесеніе кнута жениху, тамъ гдѣ этотъ обычай еще сохранился, и т. д.).

По исполненіи какихъ обрядовъ брачный договоръ считается заключеннымъ? Какое значеніе придаетъ народъ вѣнчанію и свадебному торжеству? Бываютъ ли случаи, что вѣнчаются, но не празднуютъ свадьбы и допускается ли въ подобныхъ случаяхъ сожитіе молодыхъ? Сколько времени проходитъ между сговоромъ и вѣнчаніемъ и допускается ли въ подобныхъ случаяхъ сожитіе молодыхъ? Сколько, когда и у кого бываетъ сговорныхъ и послѣсговорныхъ сходбищъ, и какія ихъ названія, а также совершаются ли при этомъ какіе-либо обряды и какіе именно? Случается ли, что сговоренный, обезчестивъ сговоренную, оставляетъ ее? Какъ на это смотрятъ и какъ поступаютъ, когда послѣдняя забеременитъ, т. е., къ чему обязываетъ въ такихъ случаяхъ виновнаго народный судъ? Какъ велики бываютъ свадебныя издержки съ одной стороны и съ другой? Какіе бываютъ дары со стороны жениха и невѣсты родственникамъ и постороннимъ? Какъ называются лица, участвующія въ свадьбѣ, и въ чемъ состоятъ ихъ права и обязанности? Придается ли особое значеніе дѣвственности новобрачной, и требуются ли на это доказательства? Каковы послѣдствія для невѣсты и ея родителей, если невѣста до вступленія въ бракъ не сохранила дѣвства (напримѣръ, приносятъ ли матери такой невѣсты рѣшето, дырявый горшокъ или что-нибудь въ этомъ родѣ)?

17. Какъ совершаются браки у раскольниковъ различныхъ сектъ?

18. Какъ понимается приданое въ народномъ быту и различныя его наименованія (*платное, скрыня, надълокъ, на-*

приложеніе и т. д.)? Кто и какъ копитъ приданое? Какое имущество дается въ приданое, и какова его стоимость? Бываютъ ли письменныя рядныя записи о приданомъ? Какъ и когда передается приданое: до свадьбы, послѣ нея или вмѣстѣ съ невѣстой? Бываютъ ли споры и иски о приданомъ между зятемъ и родными жены? Какое значеніе приданаго въ общей массѣ семейнаго имущества? Поступаетъ ли оно въ общую собственность мужа и жены, или же мужу принадлежитъ лишь право распоряжаться приданымъ? Или же не составляетъ ли оно исключительной собственности жены? Не различается ли приданое въ отношеніи права распоряженія имъ (*платное*, напримѣръ, не составляетъ ли исключительной собственности жены, а мужъ распоряжается лишь *надѣломъ*) Бываютъ ли случаи, что мужа присуждаютъ вознаградить жену за растрату ея приданаго? Какая участь приданаго по смерти жены? Поступаетъ ли оно въ собственность мужа и дѣтей, или за неимѣніемъ дѣтей въ собственность мужа или въ домъ мужа, или наконецъ возвращается въ ту семью, въ тотъ родъ, откуда была взята умершая жена? Въ послѣднемъ случаѣ отвѣчаетъ ли мужъ за растраченную часть приданаго, и дѣлается ли въ этомъ отношеніи различіе между платнымъ и надѣлкомъ?

19. Бываютъ ли формальные разводы въ крестьянскомъ быту, по какимъ причинамъ и какъ часто? Расходятся ли супруги по какимъ-либо причинамъ, чтобы вести жизнь раздѣльно, и что бываетъ въ такомъ случаѣ съ приданымъ и дѣтьми? Остаются ли дѣти при отцѣ или матери, и обязаны ли отцы давать пропитаніе въ такихъ случаяхъ дѣтямъ до ихъ совершеннолѣтія? Обязанъ ли мужъ въ этомъ случаѣ давать содержаніе женѣ? Какъ народъ относится къ подобнымъ *расходамъ?*

20. Чрезъ сколько времени послѣ смерти одного изъ супруговъ, другой можетъ вторично вступить въ бракъ? Нѣтъ ли обычая, воспрещающаго вдовѣ отходить отъ свекра послѣ смерти

мужа до истеченія шести недѣль? Нѣтъ ли какихъ-либо повѣрій въ народѣ, удерживающихъ вдовыхъ супруговъ отъ вторичнаго брака (напримѣръ, повѣрье объ обмѣнѣ женами на томъ свѣтѣ и прочее)? Не удерживаетъ ли отъ вторичнаго брака вдовумать участь пасынковъ и падчерицъ, ожидающая ея дѣтей въ семьѣ втораго мужа?

21. Какое вообще въ крестьянскомъ быту значеніе семьи: кровное или хозяйственное, сожитіе общее по происхожденію или по труду? Какова власть мужа надъ женой: можетъ ли онъ требовать только полнаго повиновенія и работы, или имѣетъ право живота и смерти, т. е., можетъ бить и увѣчить жену? Не сохранилось ли преданіе о томъ, что въ старину мужья продавали женъ, отдавали на подержаніе, въ закладъ и прочее? Что дѣлаютъ жены въ случаѣ дурного обращенія съ ними мужей: уходятъ ли къ родителямъ, жалуются ли начальству или безропотно подчиняются такой долѣ? Не бываетъ ли преступленій, вызываемыхъ такимъ жестокимъ обращеніемъ мужей съ женами?

Кто разбираетъ дѣла по жалобамъ между супругами объ обидѣ: волостные суды или старики? Чѣмъ эти дѣла рѣшаются, т. е., подписками ли, выдачей ли билетовъ на отдѣльное проживаніе, наказаніями, или еще чѣмъ другимъ? Въ случаѣ дурной жизни мужа для обезпеченія жены и дѣтей не дается ли женѣ, по рѣшенію мірскаго схода, главенство въ семьѣ такъ называемая *большина?*

Одинаково ли крестьяне смотрятъ на нарушеніе супружеской вѣрности мужемъ и женой? Какъ поступаютъ супруги въ случаѣ нарушенія вѣрности однимъ изъ нихъ?

22. Какъ распредѣляются домашнія и полевыя работы между мужемъ и женой? Обязанъ ли мужъ кормить и вообще содержать жену, и если обязанъ, то не бываетъ ли на это жалобъ? Если мужъ бѣденъ, а жена богата, то какія отношенія устанавливаются между ними?

23. Совершаются ли между супругами какія-либо имущественныя сдѣлки: купля, продажа, наемъ имущества и пр.? Составляетъ ли имущество мужа и жены раздѣльную собственность, какъ это признается по существующимъ у насъ общимъ законамъ, или напротивъ считается общею нераздѣльною собственностью супруговъ или цѣлой семьи? Если мужъ расточаетъ общее имущество или имущество жены, то какъ поступаетъ въ этомъ случаѣ жена? Вездѣ ли существуетъ обычай, по которому доходы съ разныхъ хозяйственныхъ произведеній (молочныхъ сколовъ, птицеводства, пряжи, замашки, перевесла, т. е., перевязи сноповъ при жатвѣ и т. д.) поступаютъ въ исключительную собственность жены или вообще женщинъ-работницъ въ домѣ? Кому принадлежитъ приплодъ женинаго скота и птицы? Вообще на какіе продукты хозяйства жена имѣетъ полную власть, такъ что можетъ распоряжаться ими безъ спроса и согласія мужа? Присуждается ли съ мужа долгъ жены, и вообще обязательны ли для мужа договоры жены, когда они живутъ совмѣстно? Жена и дѣти обязаны ли платить такой долгъ домохозяина, который сдѣланъ для пьянства и наперекоръ семьѣ?

24. Каковы отношенія между родителями и дѣтьми? Распоряжается ли болѣе отецъ сыновьями, а мать—дочерьми, отецъ—взрослыми, а мать— малолѣтними? Дочь вдова подчиняется ли родительской власти въ одинаковой мѣрѣ съ дочерью-дѣвушкой? Какова власть отца надъ дѣтьми, т. е., имѣетъ ли онъ право отдавать ихъ въ наймы, принуждать къ браку, и т. д.? Полагаетъ ли народъ, что отецъ *всегда* надъ сыномъ властенъ, или же—что власть имѣетъ извѣстный предѣлъ, т. е., въ извѣстномъ случаѣ прекращается и какой именно, т. е., совершеннолѣтній, женившійся и отдѣлившійся или вышедшій изъ семьи сынъ находится ли подъ властью отца? Сохраняетъ ли отецъ или вообще родители какую-нибудь власть надъ выданной замужъ дочерью? Какая доля власти принадлежитъ матери при жизни отца и послѣ его смерти (т. е., материнская власть вдовы)? Каковы отношенія между вотчимомъ или мачихою и пасынками?

Каковы обязанности родителей къ дѣтямъ (кормить, содержать, учить страху Божію и пр.)? Каковы обязанности дѣтей къ родителямъ (повиноваться, покоить и кормить въ старости)? Какъ поступаютъ родители въ случаѣ непослушанія дѣтей или отказа въ дачѣ содержанія? Когда крестьянскій судъ опредѣляетъ давать содержаніе родителямъ, то какъ велико бываетъ такое опредѣленное судомъ содержаніе? Возлагается ли на дѣтей обязанность честно похоронить и поминать родителей? Какія существуютъ въ народѣ вѣрованія и преданія о силѣ родительскаго благословенія и проклятія?

Примѣчаніе. Здѣсь же слѣдуетъ указать, не сохранилось ли въ народѣ преданій объ обычаѣ убивать дѣтей, продавать, отдавать въ закладъ, и объ обычаѣ въ старину убивать престарѣлыхъ родителей. Нѣтъ ли также между крестьянами разсказовъ, что въ нѣкоторыхъ раскольническихъ сектахъ и теперь убиваютъ стариковъ и больныхъ? Этими разсказами обрисовываются народныя воззрѣнія на этотъ обычай.

25. Каковы имущественныя отношенія между дѣтьми холостыми и женатыми, отдѣленными и не отдѣленными? Могутъ ли послѣдніе имѣть свое собственное имущество, и какимъ образомъ пріобрѣтается таковое (посредствомъ заработка, дара отъ кого-либо, наслѣдства отъ дѣда и пр.)? Отвѣчаютъ ли родители за растрату дѣтскаго имущества? Имѣетъ ли отецъ право отнять у сына завѣщенное ему дѣдомъ имущество? Имѣетъ ли, вообще, отецъ право отчуждать какую-либо долю изъ дѣдовскаго (родоваго) имущества? Имѣетъ ли право закладывать его? Имѣютъ ли дѣти при жизни родителей какое-либо право на ихъ имущество, т. е., при жизни большака-отца могутъ ли женатые дѣти-наживщики, въ случаѣ разоренія хозяйства безпутствомъ и пьянствомъ отца, принять какія-либо мѣры къ охраненію имущества дома, напримѣръ, просить міръ о лишеніи отца главенства въ домѣ и распоряженія имуществомъ? Отвѣчаютъ ли не отдѣленные дѣти за долги и наоборотъ? Отвѣчаютъ ли не отдѣленные сыновья при жизни отца за неисправное отбываніе семьей повинностей и податей?

Не бываетъ ли между родителями и отдѣленными сыновьями особыхъ условій относительно отбыванія податей и повинностей, и какіе споры и иски возникаютъ изъ такихъ условій?

26. Какъ смотрятъ крестьяне на сыновей и дочерей, т. е., кого предпочитаютъ, больше любятъ, кому больше радуются при рожденіи и почему (народная поговорка: *сына корми — посль пригодится, дочь корми — людямъ пригодится*)?

Какъ празднуется или чѣмъ обозначается вступленіе малолѣтнихъ въ совершеннолѣтіе (принятіе въ общество, измѣненіе одежды и т. д.)? Чѣмъ отличается дочь невѣста передъ прочими сестрами (напримѣръ, въ отношеніи одежды, занятія лучшаго мѣста на вечеринцахъ, во время жнитва и т. д.)? Что такое *черничка*? Какое ихъ положеніе въ семьѣ? Кто даетъ имъ содержаніе?

Какія устанавливаются отношенія между братьями отдѣленными и не отдѣленными, между братьями и сестрами отъ одного брака и отъ разныхъ браковъ, т. е., между единородными и единоутробными, пріемышами и усыновленными?

Каковы права и обязанности незаконнорожденныхъ къ своимъ родителямъ? Чье имя обыкновенно носятъ незаконнорожденныя? Нѣтъ ли особыхъ прозвищъ незаконнорожденнымъ и какія именно? Кто обязанъ кормить такого ребенка, и не взыскивается ли въ пользу матери съ лица, прижившаго съ нею ребенка, вознагражденіе?

Какъ часто въ народномъ быту случаи рожденія дѣтей внѣ брака, и какъ вообще смотритъ на это народъ?

Примѣчаніе. Здѣсь слѣдуетъ особенно различить воззрѣнія и обычаи православнаго населенія отъ воззрѣній и обычаевъ послѣдователей различныхъ раскольничьихъ сектъ.

27. Часты ли случаи усыновленія въ крестьянскомъ быту и какіе для этого бываютъ поводы? Усыновляются ли только мальчики или равно и дѣвочки, и кто болѣе?

Какое обыкновенно бываетъ отношеніе между годами пріемыша и усыновившаго? Усыновляютъ ли только малолѣтнихъ

сиротъ, или иногда и взрослыхъ, имѣющихъ своихъ дѣтей, и какія отношенія этихъ послѣднихъ къ усыновившему?

Усыновляются ли по преимуществу родственники (напримѣръ, племянники, племянницы), или же безразлично и чужіе?

Кому принадлежитъ право усыновленія, т. е., однимъ ли мужчинамъ, или равно и женщинамъ? Какіе существуютъ обряды при усыновленіи, мірскіе и церковные? Мѣняетъ ли усыновленный свою фамилію? Измѣняются ли вслѣдствіе усыновленія, и въ чемъ именно, отношенія усыновленнаго къ роднымъ отцу и матери?

Какія отношенія личныя и имущественныя устанавляются между усыновителемъ и усыновленнымъ? Кто надѣляетъ землей усыновленнаго — общество или усыновитель?

Вездѣ ли и всегда ли пріемъ зятя въ домъ составляетъ фактъ усыновленія? Какъ называются зятья—пріемыши, и что о нихъ думаетъ народъ, удерживаютъ ли они свое прозвище или берутъ прозвище жены и ея двора? Власть зятя-пріемыша или влазеня, какъ его обыкновенно называютъ, надъ женой и имуществомъ такова ли, какъ вообще власть мужа, или ограниченная? При пріемѣ зятьевъ совершаются ли письменныя условія и духовныя завѣщанія?

28. Какую роль играютъ въ крестьянскихъ семьяхъ отставные солдаты, ихъ жены и дѣти? Какое положеніе солдатокъ, мужья которыхъ на службѣ, а также солдатокъ вдовъ? Одинаково ли положеніе такой вдовы, когда она бездѣтна, или когда у ней есть дѣти—сыновья? Обезпечиваютъ ли семья или общество возвратившагося со службы на родину солдата? Получаетъ ли такой солдатъ въ надѣлъ землю и отъ кого— отъ семьи или отъ общества? Не избавляются ли солдаты отъ какихъ либо общественныхъ повинностей? Имѣютъ ли право голоса на сходахъ?

29. Въ данной мѣстности какія семьи преобладаютъ *большія* или *малыя*, т. е., состоящія только изъ отца съ дѣтьми? Если пре-

обладаютъ большія семьи, то изъ сколькихъ членовъ онѣ состоятъ, и каковъ ихъ составъ, т. е., состоятъ ли такія семьи изъ отца и женатыхъ сыновей и внуковъ или нѣсколькихъ женатыхъ братьевъ и т. д.?

Примѣчаніе. Такое различіе между семьями надо основывать не на количествѣ только работниковъ или тяголъ, а на составѣ семьи вообще. Семья въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е., состоящая изъ главы дома отца съ дѣтьми, сколько бъ ихъ ни было—это малая семья. Семья же, состоящая изъ нѣсколькихъ семей, подъ главенствомъ одного хозяина большака—это большая семья. Весьма желательно также имѣть указаніе, не существуетъ ли въ народѣ особыхъ названій для обозначенія этихъ видовъ семьи.

30. Въ большой или многочленной семьѣ одинъ ли глава семейства, или ихъ нѣсколько? Какія названія для различныхъ членовъ семьи (*большакъ, нáбольшой, старшой, меньшикъ* и т. д.)?

Въ многочленной семьѣ всѣ ли члены родня по крови или есть и чужіе? Случается ли когда-нибудь, что совершенно чужіе люди сходятся жить въ одинъ домъ? Каковы отношенія членовъ крестьянской семьи къ батракамъ и вообще наемнымъ рабочимъ, и какія для нихъ существуютъ названія? Большакомъ можетъ ли быть только женатый, или бываютъ холостые большаки, и притомъ требуется ли извѣстный возрастъ, ранѣе котораго нельзя быть большакомъ? Можетъ ли женщина быть главой большой семьи и въ какихъ именно случаяхъ?

31. Избирается ли большакъ, или это званіе переходитъ къ членамъ семьи по наслѣдству, или же нѣкоторые члены семьи могутъ сами присвоивать себѣ это званіе? При избраніи большака на какія свойства обращается вниманіе? Какія права и обязанности принадлежатъ большаку въ отношеніи къ остальнымъ членамъ семьи и семейному имуществу? Можетъ ли большакъ что-нибудь купить или продать безъ согласія членовъ семьи? Можетъ ли большакъ судить проступки членовъ семьи и налагать на нихъ наказанія, или такой судъ производится всѣми членами семьи? Каковы обязанности большака къ общинѣ, властямъ и церкви?

32. Можетъ ли большакъ быть лишенъ своего званія, кто властенъ это сдѣлать и за какіе проступки? Когда большакъ смѣненъ или умеръ, то требуетъ ли обычай, чтобъ онъ былъ тотчасъ же замѣщенъ другимъ, или же временно можетъ исполнять его обязанности кто-либо изъ членовъ семьи, и кто именно?

33. Всегда ли большухой бываетъ жена главы семьи (большака), или иногда ею можетъ быть другая женщина? Можетъ ли быть большухой вдова или дѣвушка, или она всегда замужняя? Выбирается ли большуха, или она назначается набольшимъ? Какія ея права и обязанности, отношенія къ большаку и другимъ мужчинамъ семьи? Каковы ея отношенія къ женщинамъ семьи?

34. Каковы права и обязанности личныя, имущественныя и хозяйственныя, женатыхъ членовъ семьи мужскаго пола, и вообще взрослыхъ? Какъ распредѣляются подати и повинности между женатыми членами семьи? Съ какого времени членъ семьи получаетъ право голоса въ домашнемъ совѣтѣ? Что бываетъ предметомъ общаго совѣщанія, и что дѣлается по желанію или распоряженію большака и большухи?

35. Могутъ ли члены семьи, кромѣ общаго имущества, имѣть еще свое собственное, и изъ чего таковое обыкновенно состоитъ? Въ неурожайный годъ или въ случаѣ другого несчастья обязанъ ли членъ семьи отдавать въ общую пользу свое частное имущество и на какихъ условіяхъ? Одежда и обувь дѣлаются ли на общія средства или на личныя? Когда члены семьи уходятъ въ заработки и отхожіе промыслы, то эти заработки поступаютъ ли въ распоряженіе всего дома или дѣлаются личнымъ достояніемъ члена въ цѣломъ или частью? Долговременная отлучка не лишаетъ ли права на общее достояніе дома? При уходѣ изъ дома на долгій срокъ не вносится ли залогъ или какое-другое обезпеченіе своевременнаго

возвращенія? Какое положеніе жены и дѣтей такого отсутствующаго члена семьи?

Примѣчаніе. Здѣсь желательно имѣть также указаніе, ходятъ ли односемейники въ сторонніе заработки, куда, въ какіе именно, и на какихъ правахъ.

36. Каковы права и обязанности, личныя и имущественныя, женщины въ большой семьѣ? Имѣютъ ли женщины какія-либо вещи, которыми могутъ располагать не спрашивая мужчинъ (напримѣръ, птицы, яйца, льняное сѣмя, занашки, перевесло, молочные скопы и т. д.)? Каждая изъ женщинъ имѣетъ ли въ своемъ распоряженіи эти предметы, или они находятся въ общемъ распоряженіи всѣхъ или нѣсколькихъ женщинъ семьи? Одежда и обувь для женщинъ пріобрѣтается ли семьей, или онѣ сами должны пріобрѣтать ее и какимъ порядкомъ?

Уходятъ ли жены, вдовы и дѣвушки въ сторонніе заработки? Какія особыя права и обязанности дѣвушекъ въ семействѣ, и чѣмъ онѣ отличаются отъ замужнихъ женщинъ? Какъ и кто распредѣляетъ между женщинами работу?

Есть ли особое дѣвичье имущество, и въ чемъ оно заключается?

37. Если въ данной мѣстности крестьяне живутъ подѣлившись, т. е., малыми семьями, то какія причины раздѣловъ, и какъ на эти раздѣлы смотритъ самъ народъ?

Б. Опека и попечительство.

38. Какое значеніе имѣетъ въ крестьянскомъ быту опека и попечительство, т. е., кто по смерти родителей вступаетъ въ ихъ права, какъ въ отношеніи личности, такъ и имущества малолѣтнихъ? Какое участіе принимаетъ община въ отношеніи къ сиротамъ, оставшимся послѣ родителей безъ призрѣнія, т. е., какого рода бываютъ распоряженія мірскихъ сходовъ для устройства участи малолѣтнихъ сиротъ? Можетъ ли міръ въ

случаѣ не желанія принять добровольно на воспитаніе такихъ сиротъ обязать къ тому, и на какихъ условіяхъ? Въ случаѣ принятія малолѣтнихъ на воспитаніе бываетъ ли со стороны міра какой-либо контроль надъ ихъ имуществомъ? При достиженіи находящихся подъ опекой совершеннолѣтія какимъ порядкомъ они принимаютъ свое имущество отъ опекуна? Какое вознагражденіе получаетъ опекунъ за управленіе имуществомъ малолѣтней сироты? Имѣетъ ли опекунъ право за свои труды пользоваться прибыткомъ отъ имущества малолѣтняго или приплодомъ отъ его скота? Какихъ лѣтъ сироты мужскаго и женскаго пола вступаютъ въ свои права? На чей счетъ воспитываются сироты, не имѣющія ни какого имущества, и какія бываютъ на ихъ счетъ распоряженія міра? Дѣлаются ли различія между сиротами мальчиками и дѣвочками? Какое положеніе малолѣтнихъ, когда ихъ мать вторично выйдетъ за мужъ—поступаютъ ли они подъ опеку къ своему отчиму вмѣстѣ съ приходящимся на ихъ долю имуществомъ, или нѣтъ?

39. Какія бываютъ злоупотребленія со стороны опекуновъ? Какъ поступаетъ міръ въ случаѣ растраты имущества малолѣтнихъ опекуномъ, матерью или отчимомъ? Часты ли случаи такой растраты, и доходятъ ли они до разсмотрѣнія волостныхъ судовъ?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣла этого рода обыкновенно рѣшаются мірскими сходами, не доходя до волостныхъ судовъ.

40. Есть ли различіе въ назначеніи опекуновъ въ большой и малой семьѣ? Всегда ли опекунами назначаются ближайшіе родственники малолѣтнихъ, или назначеніе ихъ даже при существованіи близкихъ родственниковъ безусловно зависитъ отъ міра? Считается ли мать естественной опекуншей своихъ дѣтей, и не теряетъ ли она этого права при выходѣ вторично замужъ?

В. Раздѣлы и наслѣдство.

41. Какіе у крестьянъ данной мѣстности существуютъ термины (выраженія) для обозначенія дѣлежа имуществъ, наслѣ-

дованія, наслѣдниковъ, наслѣдства и т. п. (напримѣръ, *раздѣлъ, выдѣлъ, отдѣлъ, отходъ, надѣлокъ, награжденіе, осталье, участокъ* и т. д.)? Есть ли различіе между раздѣломъ, выдѣломъ, отдѣломъ и отходомъ? Когда выходитъ изъ семьи ея холостой членъ противъ воли хозяина дома, будетъ ли это выдѣлъ, отдѣлъ или отходъ?

42. Какими обрядами и символическими дѣйствіями сопровождается дѣлежъ въ крестьянскихъ семействахъ и въ частности выдѣлы дѣтей родителями (благословеніе иконой, разрѣзываніе хлѣба на части и т. д.)?

43. Какіе поводы и причины къ дѣлежамъ, усиливаются ли они послѣдніе годы, и съ какого именно времени? Какъ объясняютъ эти причины сами крестьяне, и согласно ли ихъ объясненіе съ дѣйствительностью? Какія причины и соображенія задерживаютъ дѣлежъ, и какое вліяніе дѣлежей на хозяйство и вообще на благосостояніе крестьянъ?

44. Какія устанавливаются отношенія между отдѣленными и не отдѣленными дѣтьми, между отдѣленными дѣтьми и ихъ родителями и вообще между раздѣлившимися и выдѣлившимися или отдѣлившимися членами семьи? Не бываетъ ли случаевъ, чтобы разошедшіеся члены семьи снова сходились въ одну семью, часто ли это бываетъ и на какихъ условіяхъ?

45. Какіе порядки и правила при раздѣлахъ и выдѣлахъ? Одинаковъ ли порядокъ и правила раздѣла, когда онъ происходитъ при жизни отца, хозяина дома, или послѣ его смерти, по волѣ хозяина дома или противъ него? Производится ли при этихъ дѣлежахъ предварительная оцѣнка имущества, или оно распредѣляется на части при жизни? Паи или части распредѣляются между дольщиками по уговору или по жребію? Что̀ служитъ жребіемъ при дѣлежѣ: части ли разрѣзаннаго хлѣба, жеребьи съ мѣтами или клеймами, рукавицы или палка. по которой конаются [1])?

[1]) *Конаться* значитъ браться рукой по палкѣ: чей конецъ, того и жребій.

46. Какъ дѣлятся домами, строеніями, заводами, мельницами и т. д.? Признается ли такое имущество дѣлимымъ, или принимающій такое имущество выплачиваетъ остальнымъ деньгами, или сообща выстраиваютъ каждому отдѣльные домъ и строенія?

Какъ дѣлятся землями, усадьбами, скотомъ, деньгами? Сады дѣлятся по количеству земли подъ ними, или же по числу корней, т. е., деревьевъ?

Бываютъ ли такъ-называемые *приклады* при дѣлежѣ?

47. Дѣлится ли имущество по тяглямъ (по числу работниковъ), или по ревизскимъ душамъ, или поколѣнно (по отцамъ, какъ говорятъ крестьяне), или по ѣдокамъ? Не дѣлается ли при этомъ различія, смотря по роду имущества, т. е., движимое имущество— однимъ порядкомъ, земля— другимъ, а хлѣбъ— третьимъ? При дѣлежѣ имущества дома не принимается въ разчетъ работа, т. е., кто больше трудился въ пользу дома, тотъ больше и получаетъ, и кѣмъ нажито это имущество— отцомъ. дѣдомъ или пришло изъ другой семьи по боковой линіи? Нѣтъ ли для всѣхъ этихъ видовъ имущества особыхъ названій?

48. Остается ли послѣ дѣлежа какое-либо имущество въ общемъ владѣніи раздѣлившихся? Какъ распредѣляются общесемейные долги, подати и повинности между дѣлящимися?

49. Не составляется ли письменныхъ записей о раздѣлахъ, выдѣлахъ и отдѣлахъ? Присутствуютъ ли при этомъ свидѣтели, и не приглашаются ли для этихъ случаевъ посредники? Какъ вознаграждаются такіе посредники? Какое участіе во всѣхъ этихъ дѣлежахъ принимаютъ мірскіе сходы и волостные суды? Бываютъ ли самовольныя дѣленія, т. е., безъ разрѣшенія схода, какъ часто и въ какихъ случаяхъ?

50. Отъ кого зависитъ выдѣлъ исходящихъ членовъ семьи тамъ, гдѣ большакъ или хозяинъ дома не отецъ выдѣляюще-

муся изъ семьи: отъ него ли или отъ роднаго отца, да и возможенъ ли такой случай, чтобы сынъ выдѣлился изъ такой семьи, когда отецъ въ ней остается? Какіе члены крестьянской семьи имѣютъ право требовать раздѣла, т. е., дѣлежа дома съ полученіемъ полнаго пая изъ общаго достоянія семьи? Можетъ ли требовать раздѣла холостой членъ семьи, хотя бы хозяинъ дома былъ не отецъ, а старшій братъ?

51. Получаютъ ли при дѣлежахъ женщины какую-либо часть имущества изъ общаго достоянія дома, или уносятъ съ собой только свою коробью или приданое? Поступаетъ ли коробья-приданое и вообще бабье добро въ общій дѣлежъ?

52. Какіе члены семьи при раздѣлахъ получаютъ одинаковые паи, и какіе—уменьшенные. Сирота-племянникъ получаетъ ли пай своего отца или какой другой?

53. Зятья-влазни, свойственники, живущіе въ домѣ, и вообще пріемыши получаютъ ли какой-либо пай при дѣлежѣ и одинаковый ли съ кровными родственниками?

54. Отдѣлившіеся или вышедшіе изъ семьи члены, хотя бы самыхъ близкихъ степеней, участвуютъ ли въ дѣлежѣ имущества дома, пока въ семьѣ остаются какіе-либо члены?

55. При выдѣлахъ и отдѣлахъ всегда ли величина пая зависитъ отъ воли отца? При самовольномъ выходѣ изъ семьи какого-либо члена, т. е., при такъ-называемомъ *отходѣ*, можетъ ли отецъ или вообще хозяинъ дома отпустить отходящаго члена съ однимъ крестомъ?

Имѣютъ ли мужскіе члены семьи свою отдѣльную собственность, которую могутъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е., при самовольномъ отходѣ изъ семьи, унести съ собою, и если такая бываетъ, то въ чемъ она заключается?

56. Оскорбительные поступки сыновей даютъ ли отцу право лишить ихъ наслѣдства, т. е., выгнать изъ семьи безъ выдачи

пая изъ общаго семейнаго достоянія, и вообще можетъ ли отецъ выгнать сына, не давъ ему части, или въ нѣкоторомъ имуществѣ онъ не въ правѣ отказать (напримѣръ, въ платьѣ, частныхъ деньгахъ, душевомъ земельномъ надѣлѣ и т. д.)?

57. Если живъ дѣдъ, то можетъ ли отецъ выдѣлить сына? Если домомъ управляетъ старшій сынъ по старости отца, то властенъ ли послѣдній въ раздѣлѣ сыновей? Можетъ ли отецъ взять назадъ разъ выдѣленное сыну? Бываетъ ли выдѣлъ всѣхъ сыновей разомъ, и какъ въ такомъ случаѣ отецъ дѣлитъ части между сыновьями—по ровну или нѣтъ? Если не поровну, то чѣмъ руководствуется отецъ, награждая одного болѣе, другаго менѣе? Беретъ ли себѣ при этомъ отецъ какую часть, и къ кому она поступаетъ послѣ смерти старика?

58. Если отецъ не беретъ себѣ части или пая при общемъ дѣлежѣ имущества дома между сыновьями, то кто его обязанъ содержать, и въ какой мѣрѣ дается ему содержаніе?

59. Кому изъ сыновей достается отцовскій домъ и домашнее хозяйство: старшему или младшему, и почему тому или другому? Какое вознагражденіе дается тому, который остается безъ дома? Зависитъ ли отъ воли отца оставить домъ тому изъ сыновей, котораго онъ больше любитъ?

Примѣчаніе. Здѣсь желательно имѣть подробное указаніе всѣхъ тѣхъ основаній, которыми опредѣляются при дѣлежахъ различіе паевъ, получаемыхъ членами дѣлящейся семьи, какъ-то: работа (кто больше трудится, тотъ больше и получаетъ), попеченіе и кормленіе родителей (не рѣдко мірскіе сходы присуждаютъ большую часть тому изъ сыновей, который похоронилъ и поминаетъ своихъ родителей), воспитаніе (старшій братъ, который воспиталъ и вывелъ въ люди младшихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можетъ уравнять ихъ доли со своими собственными сыновьями) и т. д.

60. Выдѣляются ли сестрамъ опредѣленныя части имущества, и каковы вообще обязанности братьевъ по отношенію къ сестрамъ? Какъ поступаютъ, когда представительницей семьи

является одна лишь дочь? Кому принадлежитъ имущество вымочной семьи? Каковы наслѣдственныя права черничекъ въ семьѣ?

61. Наслѣдуютъ ли родители послѣ умершихъ безпотомственно отдѣленныхъ дѣтей, и дѣлается ли при этомъ различіе въ имуществѣ, получаемомъ отъ родителей такими дѣтьми и пріобрѣтеннымъ ими самими?

62. Наслѣдуютъ ли между собою супруги, и въ какомъ именно имуществѣ? Какъ наслѣдуютъ бездѣтные супруги одинъ послѣ другаго, и какую долю они получаютъ? Получаетъ ли жена часть имѣнія, причитающагося умершему мужу отъ свекра, а мужъ послѣ смерти жены отъ тестя? Какое вліяніе на эти права имѣетъ вторичный бракъ? Какъ поступаютъ съ имуществомъ отдѣленнаго сына, оставившаго жену безъ дѣтей, при жизни отца покойнаго и послѣ его смерти? Жена, послѣ смерти мужа до совершеннолѣтія дѣтей, остается ли полною хозяйкой, т. е., можетъ ли самостоятельно распоряжаться имуществомъ, или дѣйствуетъ только какъ опекунша? Всегда ли вдова, оставшаяся полною хозяйкой въ семьѣ, по наступленіи совершеннолѣтія и женитьбы сыновей теряетъ свои права, или можетъ при желаніи сохранить ихъ до своей смерти?

63. Когда у наслѣдодателя, имѣющаго свое частное имущество, или единственнаго представителя всего имущества семьи нѣтъ нисходящихъ родственниковъ, то призываются ли къ наслѣдству боковыя линіи, и въ какомъ порядкѣ?

64. Имущество, принесенное женой въ домъ мужа, послѣ ея смерти принадлежитъ ли только дочерямъ, или и сыновья имѣютъ въ немъ долю? Если нѣтъ дочерей, то раздѣляется ли имущество матери между сыновьями? Возвращается ли такое имущество за неимѣніемъ дочерей и сыновей въ тотъ домъ, изъ котораго оно принесено?

65. Имѣютъ ли дѣти при жизни матери право раздѣлиться дѣдовскимъ и отцовскимъ имуществомъ, не требуя материнскаго согласія? Какая участь матери по раздѣлѣ: получаетъ ли она часть. и какую именно? Если мать не получаетъ части, то кто долженъ ее содержать?

66. Каковы наслѣдственныя и вообще имущественныя права солдата на общее достояніе дома? Получаетъ ли онъ равную часть съ другими членами семьи, или ограничивается наградными деньгами, даваемыми ему при поступленіи на службу, и пособіями въ продолженіе ея. Если солдатъ, поступая на службу, сохраняетъ свой пай въ общемъ имуществѣ семьи, то не бываетъ ли это только въ томъ случаѣ, если у него въ семьѣ остается жена съ дѣтьми, или когда онъ присылаетъ семьѣ деньги?

Если солдатъ получаетъ по возвращеніи со службы пай въ имуществѣ семьи, то дается ли онъ ему изъ наличнаго имущества, или принимается въ расчетъ то имущество, которое было во время его поступленія въ солдаты или во время смерти его отца?

67. Какой порядокъ наслѣдованія между лицами различныхъ раскольническихъ сектъ?

68. Часто ли составляются духовныя завѣщанія, словесныя или письменныя, и притомъ въ какихъ семьяхъ, т. е., только въ тѣхъ ли, гдѣ глава дома всѣмъ членамъ отецъ, или во всякой семьѣ? Какое значеніе имѣютъ такія завѣщанія родителей. т. е., имѣютъ ли право родители или одинъ изъ нихъ (отецъ) умирая завѣщать наслѣдственное или прижитое имущество одному изъ наслѣдниковъ или даже дальнему родственнику, или завѣщаніе имѣетъ только распорядительное значеніе, т. е., имъ распредѣляется имущество между обычными наслѣдниками въ видахъ предотвращенія ссоръ между ними при дѣлежѣ? Если имущество завѣщается только одному сыну, то какія причины

такого предпочтенія и устраненія другихъ сыновей? Не бываетъ ли это только въ тѣхъ случаяхъ, когда остальные сыновья отбились отъ дома, или когда отецъ, раздѣливши имущество дома между сыновьями, получаетъ себѣ пай, который и передаетъ при наступленіи смерти одному изъ сыновей. Можетъ ли мать завѣщать свое имущество, и кому—дочерямъ или сыновьямъ?

69. Какія обязанности возлагаются на сыновей по отношенію къ завѣщателю, къ его женѣ и дочерямъ (кормить ихъ до смерти, честно похоронить и поминать, сестеръ кормить до замужества и выдать замужъ и т. д.)?

70. Можетъ ли мужъ, за неимѣніемъ дѣтей, завѣщать свое имущество женѣ, и если можетъ, то не имѣютъ ли права родственники мужа отобрать у нея это имущество при выходѣ ея вторично замужъ?

71. Какъ относятся наслѣдники и родственники завѣщателей къ ихъ волѣ, т. е., исполняется ли она безпрекословно, или оспаривается иногда наслѣдниками? Если завѣщаніе кажется несправедливымъ по народнымъ воззрѣніямъ (напримѣръ, если отецъ при жизни сыновей завѣщаетъ имущество другимъ родственникамъ), то считается ли дозволительнымъ его нарушеніе?

72. Какое значеніе имѣютъ въ крестьянскомъ быту словесныя духовныя завѣщанія (духовныя памяти)? Признаютъ ли ихъ волостные суды? Призываются ли при совершеніи духовныхъ завѣщаній духовные отцы, свидѣтели и наслѣдники? Требуется ли обычаемъ извѣстное опредѣленное число свидѣтелей? Кто обыкновенно призывается въ свидѣтели: сосѣди или посторонніе? Не утверждаются ли духовныя завѣщанія на сельскомъ сходѣ при жизни завѣщателя? Наблюдаетъ ли мірской сходъ, чтобы завѣщаніе было согласно съ круговою порукой тамъ, гдѣ она существуетъ? Назначаются ли душеприкащики? Гдѣ хранятся письменныя духовныя завѣщанія (въ церкви, дома или волостномъ правленіи)? Какимъ образомъ приводятся въ

исполненіе духовныя завѣщанія? Какимъ образомъ рѣшаются споры, возникающіе при исполненіи духовныхъ завѣщаній? Какое значеніе имѣютъ духовныя завѣщанія между раскольниками различныхъ сектъ?

73. Существуютъ ли у крестьянъ какія-либо обыкновенія, касающіяся охраненія наслѣдства, переходящаго какъ по обычаю, такъ и по завѣщанію, а также касающіяся ввода во владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ? Послѣ смерти крестьянки, оставившей малолѣтнихъ дѣтей, не дѣлается ли родней описи имущества умершей, оставляемаго на сохраненіе отцу малолѣтнихъ?

Примѣчаніе. Кромѣ завѣщаній, слѣдуетъ указать и на другіе письменные акты и договоры о наслѣдствѣ, если они встрѣчаются въ народномъ быту.

Г. Вещное право.

74. Раздѣляетъ ли народъ имущество на недвижимое и движимое, и нѣтъ ли у него особыхъ названій для тѣхъ и другихъ (*движимость, животъ, добро* и пр.)? Знаетъ ли народъ дѣленіе имущества на родовое и благопріобрѣтенное, и какъ ихъ называетъ (*коренное, отцовщина, материзна, дѣдовщина, нажитной животъ* и т. д.)?

75. Ясно ли различаетъ народъ собственность отъ владѣнія и пользованія имуществомъ? Какъ народъ называетъ собственность и собственниковъ (*собина, вотчина, вотчинникъ, корешникъ* и проч.)?

76. Какіе знаки (пятна, знамена, меты, клейма, тамги, тавры) служатъ для обозначенія собственности, какъ на отдѣльныхъ предметахъ, такъ и на вспаханныхъ поляхъ и скотѣ?

Примѣчаніе. Желательно имѣть самое изображеніе этихъ знаковъ.

77. Какъ знаки собственности переходятъ у крестьянъ по наслѣдству, и какъ ихъ измѣняютъ въ случаѣ продажи, мѣны, залога, найма вещи и другихъ сдѣлокъ?

78. Чѣмъ обозначаются границы владѣній, и какъ онѣ называются? Какое понятіе въ народѣ о *межѣ* (поговорки: *межи— святое дѣло; безъ межи не вотчина; межи да грани—ссоры да брани*)? Уваженіе, питаемое народомъ къ межѣ, не имѣетъ ли основаніемъ суевѣрнаго страха?

Примѣчаніе. Не лишнимъ ли будетъ указаніе о различныхъ сказаніяхъ и повѣрьяхъ, существующихъ въ народѣ относительно межъ въ родѣ того, что на межахъ да на распутьяхъ нечистая сила,—что подъ черепками да угольками въ межевыхъ ямахъ домовой съ лѣшимъ сходятся, или—что утопленниковъ на межѣ хоронятъ.

79. Существовалъ и существуетъ ли обычай при межеваніи сѣчь на межѣ парнишекъ, чтобы помнили до старости, гдѣ межи (поговорки: *кто на межѣ сѣченъ, тотъ и въ понятые иди;* или: *не разказывай, я на межѣ сѣченъ*)?

80. Постановка кольевъ служитъ ли знакомъ завладѣнія недвижимымъ имуществомъ, напримѣръ, при заявленіи мѣстъ для рыбной ловли, при разграниченіи земель?

81. Какіе существуютъ въ крестьянскомъ быту способы для пріобрѣтенія собственности (завладѣніе, находка, дареніе и т. д.)?

82. Бываютъ ли случаи завладѣнія полями, лугами, лѣсами, рыболовными мѣстами и вообще промысловыми угодьями? Какое имущество подвергается такимъ захватамъ: никому не принадлежащее, или казенное? Какіе при этомъ возникаютъ споры, и при какихъ условіяхъ завладѣнное имущество или возвращается хозяину, или обращается въ собственность завладѣвшаго?

83. Кому принадлежитъ находка—нашедшему, или владѣльцу ея, и въ какихъ случаяхъ бываетъ то или другое? Какъ дѣлится находка, когда ее найдутъ нѣсколько человѣкъ?

84. Какъ поступаютъ съ найденнымъ на своей землѣ домашнимъ скотомъ, птицей или пчелинымъ роемъ? Что дѣлаютъ

съ пригульнымъ скотомъ, заявляется ли, и гдѣ именно и какъ—о всѣхъ такихъ случаяхъ, въ волостномъ ли правленіи, у церкви, на торгу, или гдѣ еще?

85. Какое вознагражденіе дается нашедшему, и притомъ дается ли извѣстная опредѣленная часть, или это вознагражденіе опредѣляется соглашеніемъ нашедшаго съ хозяиномъ вещи? Кому передается найденная вещь—хозяину, или мѣстному начальству?

86. Каковъ взглядъ народа на клады? Можно ли искать клады на чужой землѣ? Кому принадлежитъ кладъ, т. е., нашедшему, или хозяину земли, или обоимъ вмѣстѣ? Бываетъ ли, чтобы кладъ искало нѣсколько человѣкъ?

87. Бываютъ ли случаи даренія въ крестьянскомъ быту, и какое именно имущество можетъ передаваться этимъ способомъ? Бываетъ ли формальное дареніе? Въ какихъ случаяхъ даются подарки (напримѣръ, на свадьбѣ, родинахъ, крестинахъ, при новосельи, паймѣ рабочихъ и т. д.)? Бываютъ ли при дареніи письменныя условія, и какія именно? Какого рода обязанности соединяются съ принятіемъ дара? Бываютъ ли примѣры, что подаренное отбирается назадъ? Поступаетъ ли даръ обратно дарителю, и въ какихъ случаяхъ?

Примѣчаніе. Нѣкоторыя вещи, напримѣръ, острыя металлическія издѣлія, считается неприличнымъ дарить; дарящій острую вещь, какое-либо оружіе или орудіе, беретъ обыкновенно за это мелкую монету, т. е., какъ бы продаетъ даримое.

88. Если берегъ рѣчки, составляющій собою живую границу отъ наносимаго водой песка или ила получитъ приращеніе, то чьею собственностью, считается это послѣднее по народнымъ воззрѣніямъ, и существуетъ ли въ народѣ понятіе о приращеніи, какъ объ одномъ изъ способовъ пріобрѣтенія собственности? Если рѣка измѣнитъ свое теченіе, то считается ли границей прежнее русло? Продолжаетъ ли и послѣ перемѣны теченія каждый изъ

владѣльцевъ пользоваться выгодами отклонившейся рѣки? Если пограничная рѣчка образуетъ новый островъ, то считается ли онъ принадлежностью одной изъ прилегающихъ дачъ, или дѣлится между обѣими, и какъ? Какъ распредѣляется между прибрежными владѣльцами пользованіе рѣкой, т. е., отъ берега до середины, или какъ-нибудь иначе *)?

89. Въ большихъ прибрежныхъ озерахъ считаются ли только берега и береговое пространство достояніемъ прибрежныхъ жителей, а середина вольная, или нѣтъ?

90. Если кто безъ умысла построитъ что-либо на чужой землѣ или посѣетъ, или изъ чужаго платья сошьетъ новую одежду. то кому въ такомъ случаѣ принадлежитъ строеніе, посѣвъ, посадка и платье, и какъ вообще разрѣшаются такіе случаи?

91. Имѣетъ ли право хозяинъ дома требовать, чтобы сосѣдъ его не дѣлалъ оконъ на его дворъ, не лилъ къ нему во дворъ воды, не дѣлалъ ската кровли и т. д.? Не бываетъ ли изъ-за этого споровъ, доходящихъ до разсмотрѣнія мірскихъ сходовъ или волостныхъ судовъ?

Долженъ ли хозяинъ терпѣть вѣтви сосѣдскаго дерева, свѣсившіяся на его землю, и на какихъ условіяхъ, и кто пользуется плодами съ такого дерева?

92. Какія существуютъ въ народѣ правила относительно поднятія воды и подтопа чужихъ полей, луговъ и проч. при устройствѣ плотины или мельницы (поговорка: *мельницу строить—за подтопъ отвѣчать*). Имѣетъ ли право хозяинъ одного берега рѣки примыкать свою плотину къ берегу другаго хозяина, безъ согласія этого послѣдняго?

93. Какія существуютъ у крестьянъ правила и понятія относительно прохода и проѣзда по большимъ и малымъ дорогамъ,

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сложилась такая народная пословица: *чей берегъ, того и рыба.*

улицамъ, проулкамъ, по чужимъ полямъ, а также водянымъ сообщеніямъ, какъ общественнымъ, такъ и частнымъ?

Какіе существуютъ обычаи относительно водопоевъ въ чужой рѣкѣ, пастбищъ на чужой землѣ, и относительно прогона скота? Какія наблюдаются правила относительно пользованія лѣсомъ въ чужихъ дачахъ, по праву въѣзда (для пользованія дровами, валежникомъ, травой, ягодами, бортными угодьями) безвозмездно или за извѣстную плату?

Какія существуютъ правила пользованія водой изъ чужихъ колодцевъ и должны ли пользующіеся водой участвовать въ чисткѣ и исправленіи колодезей?

94. Бываютъ ли случаи самовольныхъ входовъ крестьянъ въ чужіе лѣса по грибы, ягоды, орѣхи, за мохомъ и вѣниками, и какъ смотрятъ на это крестьяне: не дѣлаютъ ли они при этомъ различія между казенными, помѣщичьими и другихъ частныхъ лицъ лѣсами? Не послѣдовало ли въ этомъ отношеніи измѣненій со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости?

95. Допускается ли пользованіе звѣриными, птичьими и рыбными промыслами въ чужихъ дачахъ безвозмездно, или за извѣстное вознагражденіе? Если кто охотится въ чужомъ лѣсу на птицъ или звѣрей, или собираетъ яица съ птичьихъ гнѣздъ, или ловитъ рыбу въ чужихъ водахъ, то кому по обычаю принадлежитъ добыча, т. е., имѣетъ ли право хозяинъ земли или воды отобрать добычу? Съ какого времени года допускается обычаемъ охота за дичью?

96. Въ какихъ еще случаяхъ допускается пользованіе чужой вещью, напримѣръ, лошадью, воломъ, телегой и т. д., и на какихъ основаніяхъ?

97. Часты ли между крестьянами случаи общаго владѣнія (товарищества) какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имуще-

ствомъ, какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у цѣлыхъ обществъ или артелей? И чѣмъ именно владѣютъ сообща (общія мельницы, бани, овины, колодцы, неводы и т. д.)?

98. Существуютъ ли, и какія именно, названія для общаго владѣнія въ народѣ? Какимъ порядкомъ распоряжаются такимъ общимъ имуществомъ, т. е., всѣ ли владѣльцы, или одинъ выбранный? Какъ имъ пользуются, т. е., по очереди, или дѣлятся доходами? Можетъ ли каждый изъ такихъ владѣльцевъ продать свою часть кому захочетъ, или на это требуется согласіе товарищей, имѣющихъ предпочтительное право покупки?

99. Деревья, растущія на межѣ двухъ сосѣдей, составляютъ ли ихъ общую собственность или нѣтъ?

100. Какой порядокъ пользованія общими (но не всею общиной) лугами, озерами, рѣками, соляными ключами и т. д.?

101. Различается ли народомъ, при разбирательствѣ тяжебныхъ дѣлъ, недобросовѣстное завладѣніе чужимъ имуществомъ отъ добросовѣстнаго (т. е., когда захватившій имущество не знаетъ, что оно чужое, а не его)? Есть ли разница въ послѣдствіяхъ такого захвата чужихъ имуществъ? Сдѣлавшій самовольно, но безъ умысла, а по ошибкѣ посѣвъ на чужой землѣ, имѣетъ ли право на нѣкоторую часть этого посѣва въ видѣ вознагражденія за сѣмена и трудъ обработки земли? Не примѣняется ли къ такимъ случаямъ правило грѣхъ пополамъ?

102. Не существуетъ ли обычая, по которому завладѣвшій добросовѣстно чужимъ имуществомъ по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ (извѣстной давности), получаетъ на него право собственности? Если существуютъ такіе сроки давности, то какіе именно?

103. Знаетъ ли народъ и соблюдаетъ ли установленное закономъ правило, по которому не дозволяется самоуправство относительно имущества, находящагося въ чужомъ владѣніи, хотя бы и незаконномъ?

*

Д. Договоры.

104. Считаетъ ли народъ за грѣхъ, стыдъ или проступокъ не исполнить слова, обѣщанія или договора (поговорка: *до слова держись, а за слово крѣпись*)? Каковы общія понятія крестьянъ о договорахъ, выражаемыя въ пословицахъ (напримѣръ: *уговоръ дороже денегъ; на чемъ рядишь, на томъ и ѣдешь*, и т. п.)? Какіе существуютъ въ народѣ термины для обозначенія вообще разнаго рода договоровъ (*ряда, ладъ, съемка, празга, съемъ, заемъ, отступное* и т. д.)? Нѣтъ ли особыхъ въ году дней, когда крестьяне обыкновенно заключаютъ разнаго рода договоры (напримѣръ, съ весенняго Егорья по Семенъ-день, либо по Покровъ—сроки торговцевъ и сроки сдѣлкамъ и наймамъ)?

105. Какого рода обыкновенія (предварительные переговоры) предшествуютъ заключенію различныхъ договоровъ? Какіе обряды и символическія дѣйствія сопровождаютъ заключеніе и совершеніе договоровъ (могарычи или литки, чаепитіе, рукобитье, молитва, ѣда земли и проч.)? Какое они имѣютъ значеніе, и послѣ какихъ изъ нихъ договоръ считается окончательно заключеннымъ? Кто даетъ могарычи, кому и сколько? Значеніе рукобитья (заложить правую руку значитъ—дать слово; выкупить правую руку—исполнить слово)? Въ какихъ формахъ выражается рукобитье (напримѣръ, рукобитье вообще между договаривающимися сторонами; рукобитье обернутою, а не голою рукою; разниманіе рукъ постороннимъ лицомъ-свидѣтелемъ; передача извѣстной вещи для обозначенія заключенія договора; передача повода, узды при куплѣ-продажѣ лошади и т. п.).

106. Требуется ли обычаями, чтобы лица, совершающія договоры, были полноправны, т. е., совершеннолѣтни, здоровы умственно и т. п.? Не ограничиваются ли права такихъ лицъ, и въ какой именно мѣрѣ? Какіе изъ договоровъ и въ какихъ случаяхъ облекаются крестьянами въ письменныя формы? Какую

роль играютъ при совершеніи договоровъ свидѣтели, и кто считается самымъ благонадежнымъ свидѣтелемъ? Какое вообще число свидѣтелей считается необходимымъ для удостовѣренія совершенія какой-либо сдѣлки, или же для разбирательства споровъ относительно условій заключенія договора?

107. Какіе договоры и въ какихъ случаяхъ у крестьянъ облекаются въ письменныя формы? Какую роль играютъ при совершеніи договоровъ свидѣтели? Какое число свидѣтелей считается достаточнымъ для засвидѣтельствованія сдѣлки, удостовѣренія условій, разрѣшенія спора?

108. Чѣмъ обезпечивается исполненіе или нерушимость договора (поручительствомъ, задаткомъ, залогомъ, неустойкой)? Каково понятіе народа о поручительствѣ, и легко ли крестьянинъ находитъ поручителя (поговорки: *порука—мука; кто поручится, тотъ и получится; тотъ печалься, кто ручался*)? Какую роль играетъ поручительство при договорахъ, и въ чемъ заключается отвѣтственность поручителя при неисполненіи договоровъ? Получаетъ ли поручитель вознагражденіе, и чѣмъ именно, т. е., извѣстнымъ процентомъ, или просто угощеніемъ (напримѣръ, въ купеческомъ быту за поручительство при займѣ платится извѣстный процентъ изъ занятаго капитала)?

109. Какое значеніе имѣютъ при заключеніи договоровъ задатки? Кто и кому даетъ задатокъ—нанимающійся ли нанимателю, или на оборотъ? Въ какихъ случаяхъ бываетъ тотъ или другой порядокъ, а также для какой стороны бываетъ выгоднѣе дать или получить задатокъ? Въ какихъ случаяхъ задатокъ возвращается назадъ давшему, и въ какихъ случаяхъ онъ теряется? Бываютъ ли двойные задатки, т. е., взысканіе, кромѣ задатка, еще такой же суммы въ видѣ неустойки? Бываютъ ли вещественные задатки или такъ называемые залоги, т. е., оставленіе въ обезпеченіе договора какой-либо вещи: шапки, рукавицъ, телеги, паспорта и т. д., дача впередъ изъ условлен-

ной платы какихъ-нибудь продуктовъ? Не называется ли у крестьянъ залогомъ, если кто послѣ совершенія договора въ обезпеченіе платежа насильственно беретъ какую-либо вещь (напримѣръ, когда за неплатежъ при перевозѣ снимаютъ одежду)?

110. Существуетъ ли у крестьянъ въ обезпеченіе договоровъ неустойка, и какъ велика она бываетъ?

Что народъ разумѣетъ подъ неустойкой — плату ли убытковъ, или штрафъ за неисполненіе договора? Присуждается ли крестьянскимъ судомъ неустойка, если она не была условлена при заключеніи договора? Взыскиваютъ ли крестьяне убытки, когда договоръ обезпеченъ неустойкой, или довольствуются взысканіемъ одной неустойки? При взысканіи убытковъ или неустойки самый договоръ приводится ли въ исполненіе?

111. Что такое отсталое или отступное, когда оно дается и въ какихъ размѣрахъ?

112. Какія условія прекращенія договора, т. е., прекращается ли договоръ лишь соглашеніемъ сторонъ, или судъ можетъ прекратить его? Какъ смотритъ народъ на уничтоженіе договора, заключеннаго подъ вліяніемъ обмана, ошибки и опьяненія, или малолѣтнимъ и вообще не имѣющимъ права распоряжаться семейнымъ имуществомъ? Какое вліяніе на обязанность договора имѣетъ исполненіе или неисполненіе такихъ формальностей, которыя, какъ могарычи, рукобитье и пр., выражаютъ окончательное совершеніе договора? Какое вліяніе на силу договора имѣетъ неисполненіе его одною изъ сторонъ въ цѣломъ или въ части? Не влечетъ ли неисполненіе договора личнаго взысканія съ виновнаго?

113. Какія права и обязанности сторонъ при заключеніи договора купли-продажи?

114. Какія права и обязанности сторонъ при заключеніи договоровъ займа и ссуды?

115. Какія права и обязанности сторонъ при займѣ личномъ и имущества?

116. Не смѣшиваетъ ли народъ купли съ имущественнымъ наймомъ или мѣной (напримѣръ, о наймѣ имущества говорятъ: *купить на время*, о куплѣ-продажѣ: *купить на вѣчность*, о мѣнѣ: *купить такую-то вещь за такую-то*)?

117. Различаютъ ли крестьяне три рода договоровъ купли: собственно куплю-продажу, запродажу (т. е., торговый договоръ, по которому стороны обязываются совершить сдѣлку купли какой-либо вещи въ извѣстный срокъ, съ означеніемъ цѣны запродаваемой вещи) и поставку (т. е., договоръ о продажѣ вещи, которой можетъ и не быть еще на лицо, но которая должна быть поставлена купившему въ извѣстный срокъ)?

118. Что̀ считается принадлежностью покупаемой вещи (напримѣръ, образа при покупкѣ дома, узда при покупкѣ лошади, подойникъ при покупкѣ коровы)? Какія бываютъ условія относительно количества и срока уплаты? Нѣтъ ли обычая платить за вещь натурой (поговорка: *насыпь по край мукой, такъ и горшокъ твой*)?

119. Допускается ли обычаемъ продажа крестьянскаго надѣла на какихъ условіяхъ и какъ совершаются подобныя сдѣлки? Какъ и на какихъ условіяхъ совершается купля и продажа земли принадлежащей въ личную собственность.

120. Допускается ли обычаемъ вмѣшательство въ чужой торгъ, т. е., перебиванье у покупателя покупаемой имъ вещи? Какіе вообще взгляды народа на куплю-продажу, на запросъ цѣны, на обманъ при продажѣ, барышничество и т. д.?

Примѣчаніе. Здѣсь желательно имѣть указаніе на пословицы и поговорки, высказывающія народный взглядъ на этотъ предметъ.

121. Не продаютъ ли старые люди домовъ или вообще имущество съ условіемъ, чтобы покупатель содержалъ ихъ, кормилъ, поилъ до смерти?

122. Какія мѣры употребляютъ крестьяне для опредѣленія длины, ширины и высоты или толщины, вѣса и времени вообще, и въ частности при продажѣ? Не имѣютъ ли крестьяне, кромѣ казенныхъ мѣръ, и своихъ особенныхъ? Не имѣютъ ли крестьяне особыхъ способовъ для измѣренія и какая мѣра ими для этого употребляется?

123. Какъ преимущественно совершается договоръ купли-продажи: словесно или письменно, и въ какихъ случаяхъ употребляется этотъ послѣдній способъ? Призываются ли свидѣтели, и въ какихъ случаяхъ?

124. Кѣмъ и какъ разрѣшаются споры между продавцами и покупателями о качествѣ и цѣнѣ проданнаго имущества? Не призываются ли для того стороннія лица или посредники?

125. Съ какого момента договоръ купли-продажи считается окончательно совершеннымъ — со времени ли соглашенія сторонъ (т. е., со времени рукобитья, питья могарычей и т. д.), или со времени передачи проданной вещи покупщику?

126. Какое вліяніе имѣютъ народныя суевѣрія на условія купли-продажи (напримѣръ, лошадь или корова, которая пришлась, какъ говорятъ крестьяне,—не ко двору, продается за безцѣнокъ, бракуются такъ-называемыя двужильныя лошади и т. д.)?

127. Чѣмъ обезпечиваются договоры купли, запродажи и поставки, т. е., задаткомъ, неустойкой или чѣмъ еще? Кто даетъ задатокъ—покупщикъ или продавецъ? При покупкѣ скотины не даетъ ли продавецъ, а при продажѣ сѣна покупатель какого залога въ обезпеченіе продажи?

128. По полученіи задатка можетъ ли быть расторгнута купля, если проданная вещь окажется, напримѣръ, обманною и никуда не годною? Какія послѣдствія неисполненія договора купли (потеря или возвращеніе задатка, извѣстная неустойка и т. п.)? Если покупщикъ не уплатилъ въ срокъ покупной суммы.

то договоръ считается ли несостоявшимся, и онъ получаетъ данный продавцу задатокъ, или задатокъ остается въ пользу послѣдняго?

129. Если при продажѣ вещи сдѣланъ обманъ (напримѣръ, проданная вещь имѣетъ скрытые недостатки и т. д.), то такая сдѣлка обязательна ли для обманутой стороны? Такой обманъ влечетъ ли совершенное уничтоженіе сдѣлки, или налагаетъ лишь обязанность на обманувшаго вознаградить потерпѣвшую сторону?

130. Не существуетъ ли права перекупа для родныхъ и сосѣдей, если продана какая-либо вещь или недвижимое имущество, и какіе сроки для такого выкупа, если онъ существуетъ въ народномъ быту?

131. Часты ли случаи мѣны недвижимыми имуществами (напримѣръ, мѣна пашенными и сѣнокосными полями, усадьбами, домами и проч.)?

Какъ совершается мѣна движимыми имуществами, напримѣръ, мѣна лошадьми, мѣна домашнею птицей? Какое значеніе имѣютъ при мѣнѣ такъ-называемые барышники?

Какіе существуютъ обычаи и предразсудки при мѣнѣ разными предметами?

132. Какіе существуютъ виды и формы имущественнаго найма, или отдачи имущества въ содержаніе (напримѣръ, аренда пахатныхъ, сѣнокосныхъ и пастбищныхъ земель, рыбныхъ ловель,—фрахтъ морскихъ и рѣчныхъ судовъ,—наемъ домовъ, квартиръ, амбаровъ, гуменъ, мельницъ, садовъ, огородовъ, домашняго скота для работы или прилода и т. п.?

133. Какого рода заключаются при этомъ условія относительно срока найма, цѣны, сроковъ платы, правъ и обязанностей хозяина и наемщика, правилъ пользованія арендованнымъ имуществомъ, отвѣтственности за ущербъ, передѣлку, порчу и за самую гибель имущества и т. д.)?

134. Бываютъ ли случаи имущественнаго найма не за деньги, а изъ части прибыли или изъ-за работы, напримѣръ, наемъ земли изъ-полу, или изъ мѣшковъ, изъ-за взноса податей и посыпи хлѣбомъ, наемъ пасѣчниковъ изъ-полу молодой пчелы, наемъ сѣтей изъ извѣстнаго пая, наемъ квартиры изъ-за работы или отопленія и т. п.?

135. При спорахъ объ арендной платѣ за землю цѣна найма опредѣляется ли сторонами, или наемщикъ платитъ владѣльцу ту цѣну, по которой земля нанимается въ ближайшемъ сосѣдствѣ? Требуетъ ли обычай, чтобы при договорахъ найма имущественнаго и личнаго стороны предупреждали до наступленія срока о желаніи прекратить силу договора?

136. Въ какихъ случаяхъ договоры найма бываютъ словесные при свидѣтеляхъ, и въ какихъ случаяхъ письменные?

137. Какія бываютъ послѣдствія неисполненія тою или другою стороной договора найма?

138. Какіе предметы даются въ ссуду на подержаніе (домашній и рабочій скотъ, земледѣльческія и промысловыя орудія, зерновой хлѣбъ для посѣва, платы, разныя домашнія вещи и т. д.)? Ссудой на подержаніе считается ли въ народѣ только договоръ о безмездномъ займѣ движимаго имущества, съ условіемъ возвратить то самое имущество, которое занято и въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было дано, или же ссудой считается заемъ вещей со мздой?

139. Какого рода вознагражденіе дается за ссуду (т. е., деньги, вещи или работа): не даютъ ли домашняго скота для прилода и изъ прилода, зерноваго хлѣба подъ посѣвъ изъ присыпа, т. е., прибавки сѣменами, и пр.? Каковъ обыкновенно бываетъ размѣръ такого вознагражденія?

140. Какъ опредѣляется отвѣтственность за порчу или за уничтоженіе имущества, взятаго на подержаніе, напримѣръ, если взятая въ пользованіе скотина пала?

141. Какія бываютъ въ народномъ быту разнаго рода поклажи, т. е., отдача вещей на сохраненіе впредь до востребованія (напримѣръ, ссыпъ хлѣба въ чужой амбаръ, поставка хлѣба на чужомъ гумнѣ)? Сюда же относятся такіе случаи, какъ отдача на сохраненіе, кому міръ укажетъ, вещей погорѣльцевъ и т. п.

При поклажахъ на сохраненіе не употребляются ли бирки и жеребейки? Допускаетъ ли обычай пользованіе вещами, данными на сохраненіе?

142. Бываютъ ли условія относительно вознагражденія лица, принимающаго вещи на сохраненіе? Чѣмъ обезпечивается договоръ поклажи? Въ какомъ случаѣ принимающій на сохраненіе отвѣчаетъ за порчу или истребленіе вещи?

143. Въ какой формѣ совершаются разнаго рода займы? Кто занимается въ деревняхъ дачей денегъ въ долгъ, и нѣтъ ли ростовщиковъ между крестьянами?

Какія бываютъ условія относительно уплаты долговъ? Не оплачиваютъ ли по договору долговъ работой, вещами, хлѣбомъ и проч.? Совершаются ли займы на срокъ или безъ срока, и какіе чаще? Нѣтъ ли обычныхъ сроковъ для уплаты или дней для собиранія долговъ (напримѣръ, Юрьевъ день, Ильи Пророка)?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ поговорка: *пятница субботѣ повѣщала, суббота бы долги считала*, указывающая на обычай собирать долги по субботамъ.

144. Заимодавцы обезпечиваютъ ли себя залогомъ, или обходятся безъ него, и когда даютъ залогъ, то въ чемъ онъ обыкновенно заключается? Бываютъ ли займы безъ процентовъ? Какъ великъ размѣръ процентовъ, и въ какомъ видѣ взимаются проценты, т. е., деньгами, работой, отдачей земли или чѣмъ еще? Не считается ли грѣхомъ брать большіе и вообще проценты? При нежеланіи или невозможности должника платить не подвергаетъ ли его судъ наказанію?

Примѣчаніе. Какъ извѣстно, условія займа въ крестьянскомъ быту весьма различны, и потому желательно имѣть указанія на причины, вліяющія на такое различіе.

145. Заимодавецъ, требуя уплаты долга до срока, не теряетъ ли права на полученіе процентовъ? Должникъ, уплачивая до срока, можетъ ли заплатить проценты не сполна, а по разчету времени?

146. Словесныя обязательства по займу имѣютъ ли силу передъ крестьянскимъ судомъ, т. е., допускается ли народными обычаями доказывать существованіе такихъ обязательствъ свидѣтельскими показаніями? Можно ли доказывать свидѣтельскими показаніями уплату денегъ по росписки?

147. Бирки или рубежи въ употребленіи ли у крестьянъ, и имѣютъ ли они силу долговаго акта или обязательства въ народномъ быту и въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ? Существуетъ ли обычай срѣзать съ бирки, т. е., уничтожать долгъ? Когда это бываетъ, и какъ относятся къ тому? Какіе знаки вырѣзываются на долговыхъ биркахъ: не вырѣзываютъ ли мѣты или клейма должника?

148. Имѣетъ ли залогопріниматель право пользоваться заложенною вещью, и притомъ до срока на выкупъ, или только послѣ наступленія срока? Право выкупа заложенной вещи распространяется ли по смерти хозяина вещи на его родственниковъ?

Не представившій выкупа за вещь къ сроку теряетъ ли свои права на заложенную вещь, или нѣтъ? Нѣтъ ли обычаемъ установленнаго срока, по истеченіи котораго заложенная вещь переходитъ въ собственность принявшаго вещь въ залогъ?

149. Какъ поступаютъ въ случаѣ непризнанія должникомъ долга, если онъ далъ подъ залогъ вещь, или если заимодавецъ не признаетъ долга, чтобы воспользоваться залогомъ?

150. Существуетъ ли обычай *грабить* должника, т. е., забирать у неплательщика вещи и держать ихъ у себя до уплаты денегъ по займу?

Примѣчаніе. Здѣсь желательно также имѣть указанія на существующія суевѣрія относительно займовъ, напримѣръ, не давать въ займы въ тотъ день, когда родится какое-либо домашнее животное, и т. д.

151. Отличаетъ ли народъ договоръ подряда (т. е., обязательство совершать съ помощью другихъ лицъ за извѣстное вознагражденіе въ теченіе извѣстнаго времени какой-либо трудъ) отъ договора личнаго найма?

Для исполненія какихъ именно работъ нанимаютъ подрядчиковъ (постройки, обработка полей, промыслы, перевозка людей и тяжестей, набираніе грузовъ и т. д.)?

152. Какія дѣлаются при подрядахъ условія относительно срока подряда, платы, отвѣтственности той или другой стороны за неисполненіе договора и т. д.?

Въ какихъ юридическихъ отношеніяхъ находятся подрядчики къ нанятымъ ими рабочимъ при разпаго рода подрядныхъ работахъ?

Кто отвѣчаетъ за неисправную или испорченную работу—подрядчикъ или рабочіе?

153. Какимъ порядкомъ и на какихъ условіяхъ дѣлаются заказы шерстобитамъ, швецамъ, ткачамъ, красильщикамъ холста, овчинникамъ и т. д.? На какихъ условіяхъ отдаютъ дѣтей для обученія ремесламъ?

154. При заказахъ работы ремесленникамъ (шерстобитамъ, овчинникамъ, красильщикамъ), какимъ образомъ удостовѣряются въ дѣйствительной отдачѣ предмета для обработки? Если для этого употребляются жеребья, то какъ поступаютъ въ случаѣ потери жеребья? Кто отвѣчаетъ за порчу отданнаго для обработки матеріала, и какъ вознаграждается его хозяинъ?

155. На какихъ условіяхъ нанимаютъ возчиковъ? Чѣмъ обезпечиваются наниматели возчиковъ въ исправной доставкѣ клади: не берутъ ли съ нихъ задатковъ, не отбираютъ ли отъ нихъ паспортовъ, не даютъ ли имъ накладныхъ?

Примѣчаніе. Желательно имѣть свѣдѣнія о чумачествѣ на югѣ.

156. Какія условія найма для сельскохозяйственныхъ работъ въ данной мѣстности (рабочіе годовые, сороковые, лѣтніе,

мѣсячные, поденные)? нѣтъ ли особыхъ условій найма рабочихъ на плантаціи свекловичныя, табачныя и пр., какое значеніе задатка при подобномъ наймѣ? Не нанимаютъ ли жнецовъ за извѣстный снопъ, напримѣръ, по снопу съ копны? Не нанимаютъ ли молотильщиковъ за извѣстную часть (напримѣръ, изъ десятой мѣры) намолоченнаго хлѣба? На какихъ условіяхъ нанимаетъ хозяинъ мельницы мельника? Какую плату получаетъ мельникъ за помолъ хлѣба? При помолѣ соблюдается ли череда и кому мелятъ хлѣбъ безъ череды (поговорка: попу нѣтъ череды на мельницѣ)?

157. Какъ производится наемъ пастуха и подпасковъ, также церковнаго сторожа, перевозчиковъ, прорубниковъ, и десятскихъ, т. е., какія бываютъ при этомъ условія найма и способы содержанія?

Какіе праздники устраиваются пастухамъ, и какіе дары имъ даются при выгонѣ скота на лѣтнее пастьбище?

158. Какимъ порядкомъ ведется попастушный счетъ? Если по чередамъ, то какъ опредѣляется чередъ, т. е., какая скотина составляетъ полный чередъ, и какая часть череда? Въ какое время производится плата общественнымъ пастухамъ? За скотину, взятую изъ стада среди лѣта, получаетъ ли пастухъ полную плату? Какія мѣры принимаются пастухами въ случаѣ неплатежа кѣмъ-либо изъ хозяевъ за его скотину?

159. Въ какихъ именно случаяхъ пастухъ отвѣчаетъ передъ хозяиномъ за утрату скота, и чѣмъ отвѣчаетъ? Какія доказательства требуются отъ пастуха въ томъ, что выбывшее изъ стада животное дѣйствительно пало или съѣдено звѣремъ? Какая отвѣтственность пастуха за потраву?

160. Какія отношенія установлены обычаями въ крестьянскомъ быту между хозяевами и рабочими? Можетъ ли хозяинъ по собственному усмотрѣнію наказывать рабочаго, именно—бить его, штрафовать, отослать до срока и т. д.?

Установлены ли обычаями какія-либо мѣры для защиты рабочаго отъ притѣсненія со стороны хозяина? Чѣмъ и какъ обезпеченъ хозяинъ отъ убытковъ, причиняемыхъ ему нерадивостью или проступками рабочихъ?

161. Договоры личнаго найма вообще въ крестьянскомъ быту считаются ли только обязательными для лицъ, заключившихъ ихъ, или распространяются и на потомство?

Какія личныя отношенія крестьянъ-хозяевъ къ своимъ работникамъ? Имѣютъ ли они общій столъ и т. д.? Считается ли работникъ-батракъ, долго живущій въ крестьянской семьѣ членомъ ея, или нѣтъ?

Примѣчаніе. Въ свѣдѣніяхъ о договорахъ найма рабочихъ желательно имѣть указанія на различные обряды и формальности, сопровождающіе этотъ наемъ, на сроки найма, наемной платы и выговореннымъ кромѣ платы вознагражденіи натурой.

162. Существуютъ ли въ крестьянскомъ быту данной мѣстности обычаи помогать другъ другу въ полевыхъ и другихъ работахъ, а также при вывозѣ лѣса для крестьянскихъ построекъ, а въ особенности послѣ пожара, и на какихъ условіяхъ? Какія названія даются такимъ работамъ (помочи, толоки, работы на вино, на кашу и т. д.)? Какія вообще отношенія помочанъ къ хозяевамъ?

163. Бываютъ ли общія помочи, т. е., сперва помогаютъ одному, потомъ другому, третьему и т. д., или помочи попризыву? Помогаютъ ли за одно угощенье, или берется еще какое-нибудь вознагражденіе? Какіе бываютъ условія и договоры относительно исполненія работъ общими силами?

164. Не существуетъ ли обычая соединяться нѣсколькимъ хозяевамъ лошадьми, волами, телегами для общей работы, и какія при этомъ устанавливаются отношенія?

Примѣчаніе. Этотъ обычай извѣстенъ въ Малороссіи подъ названіемъ *супряга.*

165. Существуютъ ли товарищества парней и молодыхъ дѣвушекъ для общихъ работъ или для добыванія денегъ съ благотворительною цѣлью или для пиршества?

Существуетъ ли сходка или собраніе парней или молодыхъ дѣвушекъ для полевой работы въ праздничные дни или такъ-называемыя гульки, и на какихъ условіяхъ нанимаютъ такія гульки?

Примѣчаніе. Въ Малороссіи существуютъ паробоцьки громады, братья и сестрички, а также вечерницы и досвітки, объ устройствѣ которыхъ желательно имѣть свѣдѣнія.

166. Какія существуютъ въ данной мѣстности артели: для пріобрѣтенія сообща сыраго матеріала на издѣлія, или для производства и сбыта послѣднихъ, или для общаго пользованія заведеніемъ, машиной, судномъ и т. д., или харчевыя (потребительныя) для общаго пользованія столомъ, одеждой, помѣщеніемъ и т. д., или для взаимнаго вспомоществованія, страхованія, или съ круговою порукой въ смыслѣ отвѣтственности передъ хозяиномъ и т. д.? Не существуетъ ли смѣшанныхъ артелей, преслѣдующихъ разомъ нѣсколько вышеуказанныхъ или какихъ-нибудь другихъ цѣлей?

167. Заключаются ли особые договоры о составленіи артели, и притомъ какіе—словесные или письменные? Какъ производится дѣлежъ прибыли и убытковъ? Какъ избирается старостa? Какъ и чѣмъ наказываются неисправные члены артели?

168. Не ходятъ ли крестьяне артелями на заработки, и на какихъ основаніяхъ? Какое устройство этихъ артелей, и въ чемъ заключаются различіе и особенности каждой изъ нихъ?

169. Какимъ способомъ рѣшаются вопросы, возникающіе въ средѣ артели: посредствомъ ли выборныхъ, или артельнымъ сходомъ? Какой порядокъ счетоводства, отчетности и вообще сведенія счетовъ въ артеляхъ? Какой порядокъ взысканія съ членовъ артели въ случаѣ неисполненія договора или условія.

170. Нанимаютъ ли артель рабочихъ или подручниковъ временно или постоянно, и на какихъ условіяхъ?

171. Кто является представителемъ артели въ дѣлахъ тяжебныхъ или въ случаѣ какой-либо отвѣтственности передъ казной (напримѣръ, по отбыванію повинностей, при взятіи промысловаго свидѣтельства и т. д.) — всѣ ли члены артели, или только староста?

Примѣчаніе. Желательно имѣть списки съ условій договора и обязательствъ, заключаемыхъ артелями, а также перечень всѣхъ артелей, которыя существуютъ въ данной мѣстности.

172. Какое устройство ремесленныхъ цеховъ, составъ ихъ, управленіе, касса, право и обязанности членовъ, обряды вступленія и проч.

Примѣчаніе. Въ Малороссіи цехи сохранились не только въ городахъ и мѣстечкахъ, но даже въ большихъ селеніяхъ, съ тѣмъ различіемъ, что въ иныхъ мѣстностяхъ они называются цеховыми или цеховиками, а въ другихъ братчиками и сестричками.

Общее примѣчаніе. При записываніи того или другаго обычая необходимо въ точности означать мѣсто, гдѣ онъ былъ наблюдаемъ (указать не только губернію, но уѣздъ или округъ, волость и даже селеніе), а также, если возможно, объяснить — составляетъ ли этотъ обычай принадлежность данной мѣстности, или же существуетъ и въ другихъ мѣстахъ въ томъ же видѣ или съ измѣненіями. Слѣдуетъ также, если возможно, собирать свѣдѣнія о томъ, составляетъ ли извѣстный обычай принадлежность русскаго населенія, или же извѣстенъ и между инородцами, или заимствованъ даже отъ нихъ. Вообще нужно обращать вниманіе и на инородческіе юридическіе обычаи, опредѣляя по мѣрѣ возможности, какое вліяніе русскіе обычаи имѣютъ на инородческіе, и на оборотъ, такъ какъ нѣкоторые рус-

скіе обычаи сложились подъ вліяніемъ инородческихъ. Сообщая въ подтвержденіе существованія извѣстнаго обычая рѣшенія народныхъ судовъ, слѣдуетъ приводить эти рѣшенія въ подлинникѣ и съ обозначеніемъ — рѣшено ли дѣло волостнымъ судомъ, или сельскимъ сходомъ, и записано ли рѣшеніе лично собирателемъ, присутствовавшимъ при разбирательствѣ дѣла, или же выписано изъ книги рѣшеній волостныхъ судовъ.

ПРОГРАММА ДЛЯ СОБИРАНІЯ НАРОДНЫХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЕВЪ.

Уголовное право [1]).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Правила, примѣняемыя народомъ при сужденіи непозволительныхъ въ общежитіи дѣйствій, называются уголовно-юридическими обычаями. Отъ обычаевъ слѣдуетъ отличать: 1) воззрѣнія народа или какихъ-либо классовъ его, хотя и общераспространенныя, но не находящія себѣ дѣйствительнаго примѣненія; 2) мѣры, дѣйствительно примѣняемыя иногда потерпѣвшими, но расходящіяся со взглядомъ народа, который относится къ нимъ какъ къ актамъ самосуда; 3) взгляды и мѣры, вышедшіе изъ употребленія, о которыхъ сохранились лишь преданія.

Для полноты картины уголовно-юридическихъ обычаевъ желательно собирать не только обычаи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но также воззрѣнія народа, общеупотребительные акты самосуда и преданія, съ тѣмъ однако, чтобъ изъ сообщенія видно было отличіе ихъ отъ обычаевъ.

Подъ вліяніемъ обычаевъ народъ или 1) создаетъ самостоятельныя понятія о преступленіи и наказаніи, или 2) видоизмѣняетъ въ практическомъ примѣненіи тѣ постановленія, которыя содержатся въ законахъ. Поэтому, при собираніи уголовно-юридическихъ обычаевъ весьма важно выяснить, какіе

---

[1]) Программа эта составлена профессоромъ С.-Петербургскаго университета И. Я. Фойницкимъ.

изъ нихъ явились какъ плодъ самостоятельнаго правоваго мышленія и правовыхъ потребностей народа, какіе вызваны желаніемъ противодѣйствовать закону вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, и какіе, наконецъ, появились для восполненія пробѣловъ закона. Желательно было бы также, съ другой стороны, указать, не было ли обычаевъ, которые оставлены народомъ вслѣдствіе сознаннаго превосходства закона, и какіе именно.

Подъ именемъ народа въ вопросахъ программы понимаются всѣ вообще классы общества, среди которыхъ къ непозволительнымъ дѣйствіямъ находятъ дѣйствительное примѣненіе не только правила, изложенныя въ законахъ писанныхъ, но и отмѣняющія или дополняющія ихъ правила обычая. Непремѣнное требованіе отъ собирателя обычаевъ при записываніи ихъ есть самое точное обозначеніе: 1) мѣстности, гдѣ данный обычай примѣняется (губернія, уѣздъ, станъ, волость, село), 2) времени, когда данный обычай примѣнялся въ послѣдній разъ, часто ли онъ примѣняется и когда записанъ, 3) того класса общества, занятій его и образа жизни, среди котораго онъ примѣняется, съ оговоркой — не замѣчается ли онъ между лицами другихъ классовъ (мѣщане, крестьяне, однодворцы, колонисты, инородцы такіе-то и пр.), и 4) способа, которымъ данный обычай дошелъ до свѣдѣнія собирателя (напримѣръ, по разказу, и чьему именно, наблюденіемъ въ волостныхъ судахъ или на сходѣ или инымъ путемъ, чтеніемъ приговоровъ волостнаго суда и т. д.) Въ крайнемъ случаѣ, при запамятованіи, можно умолчать о 2-мъ и 4-мъ пунктахъ; но отвѣты на 1-й и 3-й пункты безусловно необходимы: безъ нихъ сообщаемое свѣдѣніе не имѣетъ никакой цѣны.

При описаніи наказаній, употребительныхъ по обычаю, желательно обозначить: 1) кого народъ считаетъ имѣющимъ право примѣненія ихъ; 2) распространяется ли данное наказаніе только на виновнаго, или и на лицъ близкихъ къ нему, и въ какой именно степени близости, и 3) какимъ способомъ они примѣняются и какими послѣдствіями сопровождаются.

Источниками для полученія матеріала по предложеннымъ въ программѣ вопросамъ могутъ служить: 1) приговоры волостныхъ судовъ, занесенные въ волостныя книги; 2) наблюденіе надъ производствомъ уголовныхъ дѣлъ въ волостныхъ судахъ; 3) приговоры сельскихъ сходовъ; 4) народныя поговорки о преступленіяхъ и наказаніяхъ; 5) наблюденіе дѣятельности присяжныхъ засѣдателей; 6) прошенія и иныя бумаги, представляемыя въ судебныя мѣста и административныя установленія и содержащія въ себѣ ссылку на дѣйствующіе въ мѣстности обычаи; 7) собраніе устныхъ разказовъ и преданій о разныхъ уголовныхъ событіяхъ прошедшаго и настоящаго времени; 8) наблюденіе, какъ народъ поступаетъ въ данномъ случаѣ, напримѣръ, при надзорѣ обществъ; 9) разпросы и бесѣды, прямо направленные къ тому, чтобъ узнать, какъ народъ поступаетъ въ томъ или другомъ случаѣ, напримѣръ, въ случаѣ нецѣломудренности невѣсты, въ случаѣ рожденія дѣвушкою ребенка и т. под.

Собиратель обычаевъ есть свидѣтель видѣннаго и слышаннаго имъ въ народномъ быту; поэтому, отвѣты его будутъ тѣмъ драгоцѣннѣе, чѣмъ точнѣе и полнѣе они воспроизводятъ дѣйствительность; наиболѣе характерные разказы и рѣшенія народныхъ судовъ желательно приводить цѣликомъ.

Вопросы программы изложены въ трехъ отдѣлахъ. Первый обнимаетъ всѣ преступленія въ ихъ общихъ признакахъ, требуемыхъ народнымъ обычаемъ, и назначаемыя за нихъ наказанія. Такъ напримѣръ, различные оттѣнки вины, участія и обстановки (нужда и пр.) могутъ встрѣтиться при кражѣ, грабежѣ, убійствѣ и иныхъ преступленіяхъ; отвѣчая на соотвѣтственные вопросы, нужно указать, какъ относится народный обычай къ этимъ общимъ признакамъ, и не дѣлаетъ ли онъ разницы въ оцѣнкѣ ихъ по различію преступленій. Во второмъ отдѣлѣ помѣщены вопросы по каждому роду и виду преступленій. Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ содержатся вопросы о распространенности преступленій и о причинахъ, ихъ вызывающихъ.

*

Затрудненія, которыя встрѣтятся въ пониманіи точнаго смысла юридическихъ выраженій, употребляемыхъ въ программѣ (напримѣръ, покушеніе, укрывательство), всего удобнѣе разрѣшать сношеніями съ мѣстными судебными слѣдователями, мировыми судьями и членами судебныхъ установленій.

Не требуется отвѣчать непремѣнно на всѣ вопросы разомъ; съ благодарностію будутъ приняты отвѣты и на часть вопросовъ, по выбору отвѣчающаго. На всякомъ отвѣтномъ листѣ, вверху, слѣдуетъ обозначить: „уголовные обычаи N губерніи, N уѣзда, N волости, *такой-то* мѣстности и *такого-то* класса лицъ“. Въ отвѣтахъ должна быть сохранена нумерація вопросовъ программы, съ обозначеніемъ приложеній (разказовъ, копій приговоровъ волостныхъ судовъ и пр.), которыя при нихъ препровождаются.

ОТДѢЛЪ I.

Народные обычаи о преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще.

1. Кому, по понятіямъ и обычаямъ народа, принадлежитъ власть преслѣдовать, судить и наказывать виновныхъ въ преступленіяхъ?

2. Не замѣчали ли вы въ народѣ убѣжденія, что преслѣдованіе и наказаніе преступниковъ принадлежитъ карѣ Божіей? Не является ли Богъ, по понятіямъ народа, мстителемъ оставшихся безнаказанными преступленій, и если является, то какихъ именно, и въ чемъ состоятъ такія кары по мнѣнію народа?

Примѣчаніе. Здѣсь желательно выяснить взглядъ народа на общія и частныя бѣдствія, напримѣръ, на войну, голодъ, повальныя болѣзни, семейныя несогласія и т. под.

3. Не преслѣдуетъ ли народъ нѣкоторыхъ преступленій по религіознымъ побужденіямъ, и какія именно? Различаетъ ли народъ преступленіе отъ грѣха, въ чемъ состоитъ это различіе, и какія дѣйствія относятся къ каждому изъ этихъ разрядовъ? Что считается важнѣе — грѣхъ или преступленіе? Если вы замѣчали случаи наказанія поступковъ, которые суть толь-

ко грѣховные (напримѣръ, работа въ праздникъ), то какіе именно, какъ и кѣмъ они обсуждались и наказывались?

4. Существуетъ ли въ вашей мѣстности обычай мстить виновному за преступленіе? Если существуетъ, то кто является мстителемъ, въ какихъ преступленіяхъ и въ какихъ предѣлахъ месть допускается? Нѣтъ ли случаевъ, и какіе именно, когда мстить можетъ только самъ обиженный? Не наблюдаетъ ли общество, чтобы мститель не переступалъ за установленные обычаемъ предѣлы, и если переступаетъ, то какія его ожидаютъ послѣдствія?

5. Не замѣчается ли въ вашей мѣстности частныхъ сдѣлокъ между виновнымъ въ преступленіи и потерпѣвшимъ, съ цѣлью примиренія или оставленія дѣла безъ судебнаго разбора? Если замѣчаются, то въ какихъ преступленіяхъ онѣ допускаются, въ чью пользу идетъ выкупъ, какъ онъ называется народомъ, и какъ смотритъ народъ на того, кто, получивъ выкупъ, станетъ судиться? Не замѣчали ли вы слѣдовъ напередъ установленнаго размѣра выкупа за каждое преступленіе, или же цифра выкупа опредѣляется каждый разъ особымъ соглашеніемъ, и на чемъ она основывается?

Примѣчаніе. Въ народѣ для обозначенія выкупа употребляются выраженія „откупиться“ и другія, которыя желательно привести.

6. Независимо отъ наказанія, признаетъ ли обычай за потерпѣвшимъ отъ преступленія право на вознагражденіе за причиненный ему вредъ, притомъ—только ли за имущественный, или и за иные случаи вреда, и какіе именно? Отвѣчаютъ ли вознагражденіемъ только совершившіе преступленіе, или также подговорщики и помогавшіе преступленію? Отвѣчаютъ ли предъ потерпѣвшимъ наслѣдники за умершихъ, родители за дѣтей и мужъ за жену?

7. Не замѣчали ли вы преступленій, которыми вся община считала бы себя обиженною? Какія это преступленія, и къ чему въ такихъ случаяхъ прибѣгала община?

8. Не замѣчали ли вы взгляда народа на нѣкоторыя преступленія какъ на дѣло царское, и на какія именно? Какія наказанія употребляются въ этихъ случаяхъ?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, запрещается стрѣлять орловъ, какъ царскую птицу.

9. Примѣняются ли народными судами вашей мѣстности уголовные законы, изданные правительствомъ, какіе именно, и въ какой мѣрѣ они считаются обязательными по обычаю?

10. Не извѣстны ли вамъ случаи, и какіе именно, которые, будучи не наказуемы по закону, запрещаются и наказываются по обычаю?

Примѣчаніе. Сюда, напримѣръ, относятся: перемѣна мѣтъ на скотѣ, работа въ праздники, рѣзаніе птицы женщиной и т. д.

11. На оборотъ, не извѣстны ли вамъ случаи, и какіе именно, которые наказываются закономъ, а народъ не считаетъ ихъ преступными и не наказываетъ ихъ? Какія тому причины?

Примѣчаніе. Сюда, напримѣръ, относятся лѣсныя порубки, контрабанда въ пограничныхъ мѣстностяхъ, мелкіе обманы въ торговлѣ и т. под.

12. Нѣтъ ли въ вашей мѣстности преступленій, совершаемыхъ единственно по суевѣріямъ, предразсудкамъ и народнымъ обыкновеніямъ? Какія именно суевѣрія, предразсудки и обыкновенія, вызывающія преступленія, извѣстны вамъ, и какъ народъ относится къ преступленіямъ, вызваннымъ ими? На оборотъ, нѣтъ ли суевѣрій и предразсудковъ, и какіе именно, которые уничтожаютъ возможность совершенія нѣкоторыхъ преступленій?

Примѣчаніе. Здѣсь желательно обратить вниманіе не только на суевѣрія и предразсудки (напримѣръ, кража сѣмянъ для лучшаго урожая, обычай воровъ заворовывать на Благовѣщеніе, расправы съ вѣдьмами и колдунами), но и на обыкновенія, въ силу которыхъ произведенное нарушеніе права превращается, по взгляду народа, въ дозволенную шутку или въ обязательный обрядъ; напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ объявленный женихъ долженъ угощать всѣхъ парней, причемъ послѣднимъ дозволяется даже похищать вещи жениха при отказѣ его отъ добровольнаго угощенія; на вечеринкахъ дозволяется обращеніе съ дѣвушками, которое запрещается въ иное время, и т. под.

13. Проводитъ ли народъ различіе между гражданскими и уголовными нарушеніями? Не въ обычаѣ ли назначать наказанія и за неисполненіе договоровъ гражданскихъ, и при какихъ обстоятельствахъ? Если существуетъ такой обычай, то какіе извѣстны по этому предмету случаи, не примѣнялось ли въ нихъ правило „грѣхъ пополамъ“, и въ какомъ именно значеніи?

14. Запрещаетъ ли народъ извѣстныя дѣйствія потому только, что ими причиняется какой-нибудь вредъ, или же потому, что они сами по себѣ представляются дѣйствіями дурными по мнѣнію народа? Примѣры.

15. Различаетъ ли народъ преступленія по тяжести ихъ, или по инымъ признакамъ, и по какимъ именно? Какія выраженія употребительны въ народѣ для означенія разныхъ родовъ преступленій (напримѣръ, „преступленіе“, „проступокъ“, „уголовье“, „уголовщина“, „злодѣяніе“, „лихое дѣло“ и т. под.) и въ какомъ именно смыслѣ?

16. Требуется ли для наказанія злая воля, и какими словами обозначается злоумышленность? Придаетъ ли народъ значеніе тому обстоятельству, что преступленіе было задумано задолго до его исполненія, и какое именно? Не относится ли народъ снисходительнѣе къ тѣмъ случаямъ, когда преступленіе совершено въ раздраженіи, особенно если оно вызвано самимъ пострадавшимъ?

17. Не считаетъ ли народъ достаточнымъ для наказанія неосторожность, въ какихъ именно случаяхъ, и какъ народъ относится къ неосторожнымъ дѣйствіямъ? Какъ относится народъ къ случайному причиненію вреда? Какія выраженія употребляются для означенія неосторожности и случая? Что̀ именно разумѣется подъ нечаянностью, и какъ относится къ ней народный обычай?

18. Не замѣчается ли въ народѣ стремленія объяснять преступленія причинами, лежащими внѣ воли человѣка, и какъ къ нимъ въ такихъ случаяхъ относится народъ? Что̀ значатъ вы-

раженія „Божья воля“; „грѣхъ попуталъ“, „навожденіе діавольское“ и другія, употребляемыя для объясненія преступленій, и какъ народный обычай относится къ этимъ объясненіямъ?

19. Какъ народъ относится къ безумнымъ отъ рожденія, помѣшаннымъ, больнымъ и глухонѣмымъ при совершеніи ими преступленій?

20. Извѣстны ли вамъ случаи наказанія народомъ малолѣтнихъ? Если извѣстны, то за какія преступленія, въ какомъ возрастѣ, какія и кѣмъ назначались наказанія?

21. Не наказываетъ ли народъ однихъ лицъ за другихъ (напримѣръ, родителей за преступленія дѣтей)?

22. Не встрѣчались ли въ вашей мѣстности случаи наказанія народомъ животныхъ, за что̀ именно и какъ?

23. Наказываются ли дѣйствія, совершенныя для обороны себя или другихъ, и что̀ считается обороною?

24. Каковы народные обычаи относительно преступленій, совершенныхъ дѣтьми по приказу своихъ родителей, или женами по приказу своихъ мужей, или отдѣльными членами общества по распоряженію всего общества?

25. Какое значеніе народный обычай придаетъ согласію потерпѣвшаго на совершеніе преступленія?

26. Наказываетъ ли народъ за попытку (покушеніе) на преступленіе, а также за приготовленіе къ нему, какъ именно и чѣмъ отличаетъ попытку и приготовленіе отъ конченнаго преступленія (совершенія)? Какъ смотритъ народъ на одну заявку о желаніи совершить преступленіе (напримѣръ, похвальба, угроза)?

27. Различаетъ ли народъ тѣхъ, кто совершаетъ преступленіе, отъ тѣхъ, кто подговариваетъ на преступленіе и помогаетъ преступнику? Какіе вамъ извѣстны случаи наказанія

народомъ за подговоръ и за помощь къ преступленію? Кого считаютъ подговорщиками и помощниками, и какія для нихъ употребляются названія? Не дѣлаетъ ли народъ различія между совершающими преступленіе по предварительному уговору и безъ него, и какое именно?

28. Какъ относится народъ къ тѣмъ, кто укрываетъ преступленіе, или преступника, или вещи, добытыя преступленіемъ? Существуютъ ли въ вашей мѣстности пристанодержатели, занимающіеся въ видѣ ремесла скупомъ краденаго и укрываніемъ преступниковъ; если существуютъ, то какъ къ нимъ относится народъ?

29. Какъ смотритъ народъ на донесеніе о преступленіи и на доносителей? Не существуетъ ли для нихъ особыхъ названій, и какія именно?

30. Нѣтъ ли въ вашей мѣстности людей, занимающихся преступленіями, и какими именно, въ видѣ постояннаго промысла? Если есть, то какъ къ нимъ относится народъ и какими мѣрами ведетъ съ ними борьбу? Чѣмъ объясняется существованіе такихъ людей?

31. Отличаетъ ли народный обычай совершеніе нѣсколькихъ, еще не наказанныхъ преступленій (совокупность преступленій) отъ повторенія преступленія послѣ суда и наказанія за прежнія? Какіе признаки усвоиваются каждому изъ этихъ понятій, и какое они имѣютъ значеніе для отвѣтственности?

32. Какія, по народнымъ понятіямъ, обстоятельства, кромѣ указанныхъ, увеличиваютъ или уменьшаютъ важность преступленія и строгость наказанія?

Примѣчаніе. Здѣсь нужно обратить вниманіе на обстоятельства времени (днемъ, ночью), мѣста (въ полѣ, на дворѣ, въ избѣ, и свойства предмета (кража пчелъ, хлѣба, лошадей и проч., а также на отношенія виновнаго къ потерпѣвшему, и на способы совершенія преступленія (со взломомъ, крадучись, обманъ съ бомбой, кражъ съ перемѣной мѣты и т. д.).

33. Какія наказанія употребительны по обычаю?

34. Въ какихъ случаяхъ и размѣрахъ примѣняются денежныя взысканія? Денежныя взысканія назначаются ли всегда въ денежныхъ знакахъ, или и въ вещахъ, и въ какихъ именно? При опредѣленіи размѣра денежныхъ взысканій не обращается ли вниманіе на состоятельность виновнаго, на семейное его положеніе и на возможность уплатить повинности? Не извѣстны ли вамъ случаи назначенія денежныхъ взысканій въ пользу потерпѣвшаго отъ преступленія отдѣльно отъ вознагражденія его за причиненный вредъ? Не извѣстны ли вамъ случаи замѣны денежныхъ взысканій другими наказаніями, какими именно, и при какихъ условіяхъ?

35. Какъ часто и въ какой формѣ примѣняется народомъ наказаніе лишеніемъ свободы? Какъ относится народъ къ этому наказанію?

36. Какъ часто и въ какихъ видахъ примѣняются тѣлесныя наказанія? Не извѣстны ли вамъ обычаи объ изъятіи нѣкоторыхъ лицъ, и какихъ именно, отъ тѣлесныхъ наказаній? Допускается ли выкупъ отъ тѣлесныхъ наказаній и отъ лишенія свободы, при какихъ условіяхъ и въ какой формѣ?

37. Употребительна ли въ вашей мѣстности отдача въ общественные заработки, и если употребительна, то въ какихъ случаяхъ примѣняется эта мѣра, и какъ она исполняется?

38. Часты ли случаи ссылки по приговорамъ обществъ, какъ относится народъ къ этой мѣрѣ, и какими она причинами вызывается? Считаетъ ли народъ эту мѣру справедливою и необходимою и въ какихъ случаяхъ къ ней прибѣгаетъ? Не принимаютъ ли при этомъ въ разчетъ возрастъ, полъ, семейность, зажиточность или иныя обстоятельства, и какія именно? Какъ поступаютъ съ имуществомъ, домомъ, надѣломъ и семьею ссылаемаго? Не оказываетъ ли вліянія на число ссылаемыхъ величина надѣловъ или иныя обстоятельства, и какія именно?

39. Употребляется ли въ народѣ лишеніе родителями благословенія своихъ дѣтей или даже проклятіе? Если употребляется, то какія изъ этого вытекаютъ послѣдствія по обычаю и по народнымъ вѣрованіямъ?

40. Какіе встрѣчаются случаи обрядовыхъ наказаній и за какія именно дѣйствія?

Примѣчаніе. Во многихъ мѣстностяхъ въ смыслѣ осрамительныхъ наказаній употребляются воженіе по улицѣ съ украденною вещью, отрѣзаніе дѣвушкѣ косы или покрытіе ее очипкомъ, надѣваніе осрамительныхъ уборовъ и проч. Желательно обратить вниманіе на тѣ обряды и пѣсни, которыми сопровождается исполненіе такихъ наказаній.

41. Какъ смотритъ народъ на установляемые закономъ наказанія, считаетъ ли онъ ихъ достаточными, а если нѣтъ, то не пополняетъ ли онъ ихъ мѣрами обычая, и какими именно? Какіе существуютъ въ народѣ взгляды на смертную казнь? Какъ народный обычай относится къ лицамъ, которые, по лишеніи или ограниченіи судомъ ихъ правъ, возвращаются въ среду обществъ?

42. Не замѣчается ли въ вашей мѣстности стремленія народа судить своимъ судомъ людей, совершившихъ преступленія, которыя подлежатъ суду государственному (мировымъ судьямъ и окружнымъ судамъ)? Если замѣчается, то въ какихъ по преимуществу случаяхъ, къ какимъ мѣрамъ прибѣгаетъ народъ и почему не обращается къ судамъ государственнымъ?

43. Не старается ли народъ облегчить наказываемыхъ правительственною властью, и если да, то какъ именно (напримѣръ, въ Сибири выставляютъ хлѣбъ и молоко для бродягъ), и вызывается ли это взглядомъ народа на преступленіе какъ на несчастье, или опасеніемъ мести и безпорядковъ, или же мнѣніемъ народа объ излишней строгости уголовнаго закона? На какихъ именно случаяхъ вы основываете вашъ отвѣтъ на этотъ вопросъ?

44. Какъ народъ относится къ людямъ, бывшимъ подъ уголовнымъ судомъ? Считаются ли они полноправными членами общества, или подвергаются по обычаю ограниченіямъ, и какимъ именно?

45. Охотно ли принимаютъ общества людей, отдаваемыхъ подъ ихъ надзоръ послѣ отбытія наказанія въ арестантскихъ ротахъ или въ рабочемъ домѣ? Чѣмъ объясняется медленность въ дѣлахъ этого рода? Если общества неохотно принимаютъ наказанныхъ, то какими это объясняется причинами (напримѣръ, недовѣріе къ достаточности наказанія, опасеніе преступника по прежнимъ его дѣйствіямъ, незначительность надѣловъ и т. п.)? Не замѣчается ли, что женщины охотнѣе принимаются обществами, чѣмъ мужчины, молодые охотнѣе, чѣмъ старики, и изъ зажиточныхъ семействъ охотнѣе, чѣмъ изъ бѣдныхъ? Какъ именно отправляется надзоръ надъ лицами, принятыми обществомъ, подвергаются ли они по обычаю ограниченіямъ, и какимъ именно?

46. Признаетъ ли народъ продолжительную безгласность преступленія причиной, устраняющею наказаніе? Что считается давностью, и сколько требуется лѣтъ для того, чтобы преступленіе оставалось по давности не наказаннымъ?

ОТДѢЛЪ II.

Народные обычаи объ отдѣльныхъ родахъ и видахъ преступленій.

47. Какія преступленія по народнымъ обычаямъ считаются болѣе тяжкими, и какія менѣе тяжкими? Къ какимъ преступленіямъ народный обычай относится строже, нежели наши законы? На оборотъ, къ какимъ преступленіямъ народный обычай относится снисходительнѣе законовъ?

Примѣчаніе. Здѣсь слѣдуетъ преимущественно обратить вниманіе на сравнительную тяжесть, по взглядамъ народа, преступленій противъ личности и имущества, на отношеніе народа къ нарушеніямъ

правилъ о паспортахъ, о повинностяхъ, о безопасности и благосостоянiи, а также на преступленiя противъ нравственности и религiозныя, и опредѣлить по возможности ихъ сравнительную важность по обычаямъ, указывая и карательныя послѣдствiя, назначаемыя за нихъ народомъ.

Преступленiя религiозныя.

48. Признаетъ ли народный обычай преступленiемъ отступленiе и отвлеченiе изъ православiя въ расколъ?

Считаются ли скопцы преступниками, или же о нихъ говорятъ: „пусть спасаются“? Какъ понимается это выраженiе, и какъ народный обычай относится къ скопцамъ и другимъ раскольникамъ?

49. Существуютъ ли, и какiе именно, обычаи относительно исполненiя постановленiй церкви (напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодымъ обычай запрещаетъ быть у исповѣди и св. причастiя)? Если такiе обычаи существуютъ, то охраняются ли они какими-либо карательными мѣрами?

50. Признается ли народомъ богохульство и кощунство за тяжкое преступленiе, и какъ къ нему относится народный обычай?

51. Неисполненiе, поста и пьянство признаются ли грѣхомъ, или же проступкомъ, и который изъ нихъ важнѣе?

52. Какiя существуютъ правила обычая относительно лжеприсяги и лжесвидѣтельства? Не соединяетъ ли народъ съ понятiемъ о лжеприсягѣ представленiя о карѣ Божiей? Если соединяетъ, то распространяется ли это представленiе и на лжесвидѣтельство у мировыхъ судей подъ обѣщанiемъ присяги, но безъ дѣйствительнаго принесенiя ея? Какой смыслъ имѣютъ выраженiя: „нуженая присяга не нашъ грѣхъ“; „нуженаго Богъ прощаетъ“? Примѣры.

53. Какъ относится народный обычай къ оскорбленiю священно- и церковнослужителей?

54. Признаетъ ли народъ похищеніе вещей изъ церкви простою кражею, или тяжкою, или особымъ преступленіемъ? Доходятъ ли подобные случаи до разбора волостныхъ судовъ? Не соединяетъ ли народъ съ этимъ преступленіемъ представленія о карѣ Божіей, и въ какихъ случаяхъ? Какъ народный обычай относится къ кражамъ у священнослужителей?

55. Какіе существуютъ обычаи о разрытіи могилъ, поруганіи мертвыхъ и похищеніи съ кладбищъ, какъ христіанскихъ, такъ и не христіанскихъ?

Преступленія государственныя и противъ управленія.

56. Какъ относится народъ къ государственнымъ преступленіямъ и преступникамъ?

Что разумѣется народомъ подъ выраженіемъ „бунтъ“? Не существуетъ ли какихъ-либо обычаевъ по этому предмету?

57. Какъ относится народъ къ преступленіямъ противъ своего выборнаго или общиннаго управленія и суда, напримѣръ, къ ложнымъ показаніямъ на волостномъ судѣ и пр.? Примѣняются ли народомъ въ этихъ случаяхъ карательныя мѣры, и какія именно?

Отличаетъ ли народъ оскорбленіе власти отъ оскорбленія частныхъ лицъ, и какіе по этому предмету существуютъ обычаи?

58. Знакомо ли народнымъ обычаямъ понятіе запрещенныхъ сходбищъ, и какъ они къ нимъ относятся? Признаетъ ли обычай непозволительными собранія раскольниковъ для молитвы и т. п.? Какіе другіе виды запрещенныхъ сходбищъ извѣстны народу, кто и какъ за нихъ наказывается по обычаю?

Преступленія служебныя.

59. Какія служебныя преступленія запрещаются обычаями? Какъ относятся народные обычаи къ взяточничеству, казнокрадству, растратѣ общественныхъ суммъ и инымъ служебнымъ

преступленіямъ должностныхъ лицъ общественнаго управленія? Кто по обычаю считается наиболѣе виновнымъ въ этихъ преступленіяхъ? Каковы обычаи относительно содержанія, препровожденія и упуска арестантовъ?

Преступленія противъ повинностей, безопасности и благосостоянія общественнаго.

60. Какія повинности отбываются народомъ успѣшнѣе, и какія менѣе успѣшно? Какія мѣры примѣнимы по обычаю въ случаѣ неисполненія повинностей, кто и какъ отвѣчаетъ за неисправность по обычаю? Не было ли случаевъ назначенія народомъ наказаній за неисправность въ платежѣ повинностей, и если были, то при какихъ именно условіяхъ, и въ чемъ состояли наказанія?

61. Какъ относится народный обычай къ уклоняющимся отъ воинской повинности, и въ частности, къ членовредителямъ?

62. Каковы народные обычаи и воззрѣнія относительно нарушенія уставовъ акцизнаго (напримѣръ, относительно тайныхъ кабаковъ), торговаго (напримѣръ, относительно торговли безъ свидѣтельства), и монетнаго (напримѣръ, относительно поддѣлывателей и распространителей поддѣланныхъ ассигнацій, доносителей о нихъ и пр.)?

63. Какъ относится народный обычай къ занимающимся контрабандой? Не считаетъ ли народъ (напримѣръ, въ мѣстностяхъ пограничныхъ) долгомъ скрывать и помогать этому преступленію, и чѣмъ это объясняется? Какъ устроиваются партіи контрабандистовъ, и какъ производится контрабанда?

64. Какія по преимуществу совершаются среди народа преступленія противъ народнаго здравія (напримѣръ, вредныя подмѣси въ жизненные припасы, продажа иванъ-чая и проч.), и какъ относится къ нимъ народный обычай?

65. Совершаются ли среди народа преступленія о не дозволенномъ врачеваніи (напримѣръ, знахарями), о пополненіи и содер-

жанін запасныхъ магазиновъ, о безвременномъ истребленіи служащихъ на пищу дикихъ животныхъ, птицы и рыбы (напримѣръ, отравленіе рыбы кукельваномъ и т. п.), и какъ относится къ нимъ народный обычай?

66. Нѣтъ ли обычаевъ, которыми упраздняются или видоизмѣняются правила уставовъ строительнаго и пожарнаго, и суевѣрія не оказываютъ ли вреднаго вліянія на исполненіе означенныхъ уставовъ?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ повѣрье, что держать въ исправности пожарные снаряды значитъ искушать Бога, или что не слѣдуетъ тушить пожара, причиненнаго молніей.

67. Нѣтъ ли среди народа преступныхъ шаекъ, какими они занимаются преступленіями, какова организація ихъ, и какъ относится къ нимъ народный обычай?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣлыя села занимаются кражами какъ промысломъ; желательно обозначить эти села, ихъ спеціальность и отношеніе къ нимъ окрестныхъ жителей.

68. Какъ относится народный обычай къ нарушенію паспортныхъ правилъ, напримѣръ, къ отлучкѣ и проживанію безъ паспорта и къ поддѣлкамъ паспортовъ? Доходятъ ли эти случаи до разбора народныхъ судовъ, при какихъ условіяхъ, и какія за нихъ назначаются карательныя послѣдствія?

Случаются ли среди народа незаконныя переселенія на жительство, какими они вызываются причинами, и какъ къ нимъ относится народный обычай? Не сохранилось ли въ народѣ по этому предмету какихъ-либо преданій? Нѣтъ ли повѣрій о молочныхъ рѣкахъ, и гдѣ, по мнѣнію народа, онѣ находятся?

69. Каковы народные обычаи о бродяжествѣ и странничествѣ? Различаются ли эти понятія, и какими именно признаками? Не прибѣгаютъ ли бродяги и странники къ обманамъ, къ какимъ именно, и какъ къ нимъ относится тогда народный обычай?

Запрещается ли по обычаю нищенство? Если запрещается, то при какихъ условіяхъ, и какія назначаются за то послѣдствія?

70. Преслѣдуются ли народомъ азартныя игры, какія именно и какъ?

71. Какъ относится народный обычай къ ложнымъ слухамъ, къ проявленіямъ ложныхъ чудесъ и другимъ подобнымъ обманамъ?

72. Часты ли доносы въ средѣ народа, дѣлаются ли они только противъ лицъ посторонних классовъ, или и противъ своихъ? Какъ народный обычай относится къ нимъ? Отличаетъ ли ихъ отъ ябедничества, что̀ понимаетъ подъ послѣднимъ и какъ къ нему относится?

Преступленія противъ нравственности, цѣломудрія и женской чести.

73. Какъ смотритъ народный обычай на вольное обращеніе съ дѣвушками? Какъ относится народъ къ насилованію женщинъ, взрослыхъ или несовершеннолѣтнихъ, замужнихъ или дѣвицъ, свѣтскихъ или монашествующихъ?

74. Какіе существуютъ обычаи относительно лицъ мужскаго и женскаго пола, заболѣвающихъ венерическими болѣзнями? Распространены ли эти болѣзни и между какими классами?

75. Считается ли потеря дѣвственности преступленіемъ по обычаю, каковы ея послѣдствія, и какъ относятся къ потерявшей дѣвственность ея подруги, молодые парни, взрослые люди, родители и вообще народъ? Не подвергается ли она наказаніямъ, и какимъ именно? Не воспрещается ли по обычаю забеременѣвшей дѣвушкѣ носить дѣвичьи наряды? Какъ относится обычай къ случаямъ незаконнаго сожитія безъ обѣщанія брака? Не возлагается ли на незаконнаго отца обязанность давать содержаніе забеременѣвшей дѣвушкѣ и ея ребенку, и какіе именно по этому предмету существуютъ обычаи? Не возлагается ли на незаконнаго отца обязанность вступить съ забеременѣвшею дѣвушкою въ бракъ?

76. Какъ относится народный обычай къ плотскому разврату въ видѣ промысла и къ сводничеству? Нѣтъ ли преданій или

обычаевъ предлагать почетнымъ гостямъ женщинъ, притомъ какихъ именно: замужнихъ или незамужнихъ, женъ, дочерей или сестеръ и т. под.?

77. Распространены ли противоестественные пороки въ народѣ? Какъ народный обычай относится къ нимъ и въ частности къ скотоложству и мужеложству, считаетъ ли ихъ тяжкими преступленіями и какія за нихъ назначаетъ наказанія?

Преступленія противъ семейнаго и родственнаго союза.

78. Прелюбодѣяніе считается ли въ народѣ преступленіемъ только со стороны женщины, или и со стороны мужчины, и нѣтъ ли какого-либо различія въ оцѣнкѣ нарушенія супружеской вѣрности между мужчиной и женщиной? Въ случаѣ безплодія не приглашается ли посторонній мужчина, по взаимному согласію супруговъ, съ заключеніемъ даже договора объ исполненіи супружескихъ обязанностей и съ обѣщаніемъ вознагражденія, безусловно или подъ условіемъ рожденія дѣтей, и какое значеніе придаетъ обычай такимъ договорамъ?

79. Считается ли кровосмѣшеніе въ народѣ тяжкимъ преступленіемъ, или только грѣхомъ? Каковы правила обычая относительно кровосмѣсителей? Въ частности, распространено ли въ народѣ сохачество, и какъ къ нему народъ относится? Какое значеніе придается при кровосмѣшеніи незаконному родству, свойству, духовному родству и побратимству?

80. Извѣстны ли обычаямъ, и какія именно, преступленія дѣтей противъ родителей, жены противъ мужа, родителей противъ дѣтей, членовъ семьи противъ „большухъ“, „старшихъ“ и т. под.? Кѣмъ и какъ разсматриваются и наказываются такія преступленія?

Оскорбленіе родителей словомъ или дѣйствіемъ разсматривается ли по обычаю какъ тяжкая или какъ легкая вина? Не соединяетъ ли народъ съ понятіемъ объ этой винѣ какихъ-либо представленій о карѣ Божіей?

Принимаетъ ли народъ участіе въ распряхъ между супругами, когда именно, и къ какимъ прибѣгаетъ мѣрамъ? Не замѣчается ли въ народѣ признанія за мужемъ права наказывать жену въ видѣ побоевъ, и какіе размѣры этого права? Считаетъ ли обычай преступленія мужа противъ жены столь же тяжкими, какъ и преступленія жены противъ мужа (напримѣръ, побои)?

Преступленія противъ жизни.

81. Каковы обычаи и воззрѣнія народа на убійство? Не сохранилось ли обычаевъ о правѣ родственниковъ убитаго мириться съ убійцею? Въ розыскѣ убійцъ принимаетъ ли участіе все общество, или только родственники убитаго? Не было ли случаевъ родственной мести за убійство?

82. Признаетъ ли народъ одинаково важнымъ убійство всякаго человѣка? Не имѣютъ ли разновѣріе и разноплеменность вліянія на оцѣнку убійства? Если имѣютъ, то какое именно, и въ чемъ замѣчаются? Не различаетъ ли народъ убійства именитаго человѣка отъ убійства простаго, и какія дѣлаетъ иныя различія при оцѣнкѣ убійства? Какъ относится народный обычай къ убійству колдуновъ и преступниковъ, напримѣръ, конокрадовъ?

Примѣчаніе. Здѣсь слѣдуетъ между прочимъ указать на обстоятельства, принимаемыя во вниманіе присяжными засѣдателями при разсмотрѣніи дѣлъ уголовныхъ.

83. Признаетъ ли народный обычай самоубійство дѣйствіемъ преступнымъ, или только грѣховнымъ, или же безразличнымъ? Не подвергаетъ ли народъ покушавшихся на самоубійство какимъ-либо ограниченіямъ, осрамительнымъ обрядамъ или насмѣшкамъ? Не объясняетъ ли народъ самоубійствъ наважденіемъ діавольскимъ, и каковъ юридическій смыслъ этого объясненія?

84. Признаетъ ли народный обычай убійство женщиною своего незаконнорожденнаго ребенка столь же тяжкимъ преступленіемъ, какъ другіе виды убійства, и какъ относится къ виновной женщинѣ?

*

85. Какъ народъ относится къ убійству родителей и родственниковъ? Какое значеніе придаетъ онъ отношеніямъ по незаконному рожденію и усыновленію?

86. Какъ относится народный обычай къ изгнанію плода и къ лицамъ (напримѣръ, повивальнымъ бабкамъ, знахарямъ и пр.), которыя занимаются этимъ въ видѣ промысла?

87. Нѣтъ ли въ народѣ убѣжденія, что повальная болѣзнь прекращается, если зарыть живаго человѣка въ могилу, или нѣтъ ли преданій, что въ старину такъ и дѣлали? Неизвѣстны ли другія суевѣрія, вызывающія убійства, и какъ народъ относится къ такимъ случаямъ? Нѣтъ ли повѣрья, что если привести виновнаго, но еще не уличеннаго въ убійствѣ, то изъ трупа убитаго имъ человѣка покажется кровь въ свидѣтельство виновности?

88. Различаетъ ли народъ въ убійствѣ оттѣнки вины умышленной и неосторожной, и какіе именно? Какъ относится народъ къ покушенію на убійство и къ угрозѣ убійствомъ? Каковъ взглядъ народа на убійство во время драки?

Тѣлесныя поврежденія.

89. Какіе существуютъ народные обычаи относительно тѣлесныхъ поврежденій, напримѣръ, увѣчья, нанесенія ранъ, побоевъ и т. под.? Различаетъ ли ихъ народъ на тяжкія и легкія, не дѣлаетъ ли между ними другихъ различій, и какія именно? Не въ обычаѣ ли допускать примиреніе во всѣхъ случаяхъ тѣлесныхъ поврежденій, независимо отъ тяжести ихъ? Если въ обычаѣ, то какъ именно происходятъ подобныя примиренія, и каковы ихъ послѣдствія по взглядамъ народа?

90. Нѣтъ ли повѣрья, что если колдунъ или колдунья будутъ подвергнуты тяжкимъ побоямъ, то заболѣвшее отъ порчи ихъ лицо выздоровѣетъ? Если такое повѣрье существуетъ, то не употребляются ли особые обряды и приговариванія при побояхъ колдуновъ, и какъ къ нимъ относится народный обычай?

Преступленія противъ свободы.

91. Существуютъ ли въ народѣ преступленія противъ свободы, какія именно, и какъ къ нимъ относится народный обычай?

Преступленія противъ чести.

92. Каковы обычаи относительно личныхъ оскорбленій и клеветы? Въ какомъ смыслѣ употребляются выраженія: „брань на вороту не виснетъ“; „за дѣло побьютъ — повинись, да пониже поклонись“ и т. под.? Оскорбленіе дѣйствіемъ считается ли тяжкою обидою? Какъ относится народъ къ семейнымъ дракамъ? Какія среди народа извѣстны символическія обиды (напримѣръ, мазанье воротъ, подрѣзываніе косы и пр.), и какъ къ нимъ относится обычай?

Преступленія противъ чужаго имущества.

93. Какіе виды поджоговъ встрѣчаются въ народѣ, по какимъ причинамъ, и какъ къ нимъ относится народный обычай? Поджогъ какихъ имуществъ считается болѣе тяжкимъ?

94. Встрѣчаются ли въ народѣ подлоги, какіе именно, и какъ къ нимъ относится народный обычай? Встрѣчается ли уничтоженіе и измѣненіе мѣтъ, какъ относится къ этому обычай, и что̀ разумѣется подъ мѣтами, знаменами и пятнами? Какъ относится народный обычай къ передвиженію и уничтоженію граничныхъ знаковъ?

95. Различаетъ ли обычай разбой, грабежъ и кражи, какое именно дѣлаетъ между ними различіе и какъ относится къ этимъ преступленіямъ? Какое при оцѣнкѣ ихъ придаетъ значеніе нуждѣ, и не дѣлаетъ ли различія между случайными ворами и ворами вѣдомыми? Какія названія присвоиваются послѣднимъ? Не сохранилось ли въ народѣ преданій о разбойникахъ какъ о добрыхъ удалыхъ молодцахъ, и какія именно?

96. Нѣтъ ли при кражѣ уменьшающихъ и увеличивающихъ обстоятельствъ, смотря по тому, что̀ украдено, кто укралъ, у кого, какъ и гдѣ? Въ частности, кража какихъ предметовъ считается болѣе тяжкою?

Примѣчаніе. Здѣсь нужно обратить вниманіе на мѣстныя особенности, подъ вліяніемъ которыхъ образовались различія во взглядахъ обычая на кражи. Такъ напримѣръ, крестьяне сѣверныхъ губерній считаютъ тяжкою виною покражу добычи изъ силковъ, южныхъ—увозъ сжатаго хлѣба съ полей; кража меду черезъ напусканіе пчелъ на чужіе улья и кража пчелъ во многихъ мѣстахъ считаются за важное преступленіе, имѣющее богатыя предапія, которыя желательно записать возможно подробнѣе.

97. Срываніе плодовъ и овощей для непосредственнаго употребленія считается ли кражею? Каковы обычаи о вынутіи рыбы, звѣря или птицы изъ чужихъ силковъ и сѣтей и о самовольномъ пользованіи сѣномъ въ чужихъ лугахъ, рыбой въ чужихъ рѣкахъ и озерахъ и другими предметами? Какіе существуютъ обычаи о потравахъ?

Примѣчаніе. Здѣсь нужно обратить вниманіе на обычаи, касающіеся охоты и порчи чужихъ снарядовъ для охоты и лова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть обычай за самовольное пользованіе рыбой или сѣномъ оставлять деньги, а за взятый во время нужды съ поля хлѣбъ возвращать его съ избыткомъ во время урожая, при чемъ покража и самовольное пользованіе не считаются преступленіями.

98. Какъ относится народный обычай къ конокрадству? Не встрѣчаются ли здѣсь случаи самосуда, какими они сопровождаются послѣдствіями и какими вызываются причинами? Нѣтъ ли лицъ, и какіе именно (напримѣръ, Цыгане, Татары), которые занимаются конокрадствомъ, какъ промысломъ? Почему народъ не можетъ искоренить этого промысла и какъ относится къ занимающимся имъ? Нѣтъ ли артелей конокрадовъ и укрывателей ихъ, и какъ онѣ устраиваются? Не бываетъ ли выкупа лошадей у конокрадовъ, и какія при этомъ заключаются сдѣлки? Считается ли по обычаю дозволеннымъ преслѣдовать передъ уголовнымъ судомъ конокрада, съ которымъ заключена сдѣлка? Какія наказанія признаетъ народъ необходимыми для конокрадовъ?

99. Не дѣлаетъ ли народъ различія между воровствомъ у богатаго и бѣднаго, и если дѣлаетъ, то какое именно? Какъ

относится народный обычай къ кражѣ домашнихъ животныхъ и птицъ? Различаетъ ли народный обычай кражу со взломомъ и безъ взлома, и какъ именно, также —кражу съ перемѣной мѣты или безъ перемѣны, кражу у односельцевъ и у постороннихъ? Какія иныя различія въ кражахъ по способу дѣйствія замѣчаются въ народныхъ обычаяхъ? Не смотритъ ли народъ на ловкаго вора снисходительнѣе, нежели на простоватого?

Какъ понимается народомъ „шабашное“? Въ фабричномъ быту не переходитъ ли шабашное въ кражи, и какъ къ нимъ относится народный обычай? Есть ли по народному обычаю кражи не наказуемыя, при какихъ условіяхъ, и какія именно? Какъ смотритъ народъ на кражу изъ голодной нужды? Что значитъ поговорка: „не пойманъ—не воръ“?

100. Что признается семейною кражею, не имѣетъ ли она особаго названія, и какое именно, какъ къ ней относится народный обычай?

101. Въ какихъ лѣсахъ (въ частныхъ или казенныхъ, или общественныхъ) преимущественно производятся порубки, и почему? Какія порубки обычай считаетъ преступными, и какія непреступными? Какъ народъ относится къ свидѣтельскимъ показаніямъ о порубкахъ, и часты ли лжесвидѣтельства? Не принимаются ли какія-либо особыя мѣры для обезпеченія сохранности частныхъ и общественныхъ лѣсовъ, напримѣръ, не заключается ли по этому предмету сдѣлокъ между селеніями и частными лицами, и какъ относится обычай къ нарушенію ихъ?

102. Встрѣчаются ли мошеннническія продѣлки въ народномъ быту, напримѣръ, при куплѣ-продажѣ (обмѣръ, обвѣсъ, поддѣлки)? Кѣмъ они по преимуществу совершаются, считаетъ ли ихъ народный обычай преступленіями тяжкими или легкими, или же дѣйствіями безразличными („на то глаза“)?

103. Какъ относится народный обычай къ присвоенію и растратѣ чужаго имущества, къ присвоенію находки и къ зло-

употребленіямъ довѣренныхъ обществъ и частныхъ лицъ? Доходятъ ли эти случаи до разсмотрѣнія народныхъ судовъ, и какія за нихъ полагаются наказанія?

ОТДѢЛЪ III.

Народная преступность и ея причины.

104. Какія преступленія наиболѣе распространены въ вашей мѣстности, и вслѣдствіе какихъ причинъ? Не стоятъ ли они въ зависимости, и въ какой именно, отъ положенія мѣстности (напримѣръ, у границъ Имперіи и на границахъ губерній), отъ характера жителей, ихъ привычекъ, народности и занятій (вліяніе фабрикъ, заводовъ и отхожихъ промысловъ), ихъ предразсудковъ и равнодушія (легкость сокрытія слѣдовъ преступленія), или же отъ невозможности или опасности преслѣдованія ихъ, и почему именно?

105. Часто ли бывали въ данной мѣстности неповиновенія власти и волненія? Какія были тому причины, чѣмъ оканчивались эти волненія, и какія воспоминанія остались о нихъ въ народѣ?

106. Часто ли оказываетъ народъ явное неуваженіе къ должностнымъ лицамъ вообще, и въ частности къ волостному и сельскому начальству? Какія тому причины?

107. Какъ относится народъ къ судамъ своимъ и государственнымъ? Бываютъ ли подкупы и подпаиванія свидѣтелей, и какъ къ этому относится народъ? Не смотритъ ли народъ на присягу предъ судомъ какъ на принудительство?

108. Распространено ли въ народѣ взяточничество, и какія тому причины?

109. Какіе существуютъ въ данной мѣстности виды злонамѣренныхъ шаекъ, пристанодержательства, укрывательства бѣглыхъ, и каковы причины этихъ преступленій?

110. Не существуютъ ли въ данной мѣстности артели бродягъ, нищихъ и странниковъ, на какихъ основаніяхъ они устроиваются и чѣмъ промышляютъ?

111. Распространяются ли въ народѣ вредные слухи, что̀ служитъ предметомъ ихъ, и кѣмъ они по преимуществу распространяются?

112. Есть ли мѣстности, гдѣ въ особенности замѣтно стремленіе народа къ сутяжничеству и кляузничеству, и вслѣдствіе какихъ причинъ?

113. Существуетъ ли въ мѣстности плотскій развратъ въ видѣ промысла и сводничество, и какія тому причины? Каковъ процентъ незаконныхъ рожденій относительно законныхъ? Чѣмъ вызываются незаконныя сожитія? Имѣютъ ли они характеръ постоянныхъ или скоропреходящихъ связей?

Примѣчаніе. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на преданія о помѣщичьей власти, на положеніе солдатскихъ женъ, а также на вліяніе фабрикъ, заводовъ и отхожихъ промысловъ на народную нравственность.

114. Распространены ли въ данной мѣстности поджоги жилищъ, лѣса и другихъ имуществъ? Кѣмъ они по преимуществу совершаются и какими причинами вызываются?

115. Распространены ли въ данной мѣстности самоубійства, и между какими лицами? Какими способами они совершаются и какими причинами вызываются?

116. Какими побужденіями вызываются убійства и часты ли они? Распространены ли въ данной мѣстности случаи супругоубійства, дѣтоубійства и изгнанія плода? Изгнаніе плода не составляетъ ли особаго промысла или профессіи, и какіе классы лицъ этимъ по преимуществу занимаются? Какія при этомъ дѣйствительныя и суевѣрныя средства употребляются ими? Не было ли случаевъ, что они сопровождались тяжкими послѣдствіями, и какими именно?

117. Распространены ли среди народа кулачные бои, драки и ссоры, какія тому причины, и не сопровождались ли они тяжкими послѣдствіями?

118. Въ данной мѣстности не замѣчается ли особой честности по отношенію къ чужому имуществу и какія тому причины?

119. Какія имущественныя преступленія и особенно какія виды кражъ преобладаютъ въ данной мѣстности? Какими по преимуществу побужденіями вызываются преступленія имущественныя? Часты ли семейныя кражи и каковы ихъ причины?

120. Какое вліяніе оказываютъ распространенныя въ мѣстности преступленія на народную нравственность и благосостояніе жителей?

Журналы засѣданій коммиссіи о народныхъ юридическихъ обычаяхъ.

I.

17-го февраля 1876 года.

Присутствовали предсѣдатель Н. В. Калачовъ, члены: Ѳ. Л. Барыковъ, С. В. Пахманъ, П. А. Муллovъ, Л. Н. Майковъ, А. Н. Труворовъ, П. А. Матвѣевъ, и приглашенные въ качествѣ экспертовъ-гостей М. И. Зарудный, князь Ѳ. С. Голицынъ и П. В. Полежаевъ.

Открывая засѣданіе, предсѣдатель Коммиссіи прежде всего обратилъ вниманіе на необходимость спеціальнаго изданія, которое могло бы служить органомъ для развивающагося съ каждымъ днемъ изученія обычнаго права, указавъ при этомъ, что на *первое время* эта цѣль можетъ быть достигнута помѣщеніемъ въ одномъ изъ томовъ Записокъ Отдѣленія Этнографіи исключительно матеріаловъ и изслѣдованій по народному юридическому быту. Къ этому предложенію отнеслись вполнѣ сочувственно, какъ предсѣдатель Отдѣленія Этнографіи Л. Н. Майковъ, признавшій возможнымъ по мѣрѣ накопленія статей по обычному праву издавать ихъ особыми томами, подъ общимъ заглавіемъ Записокъ Отдѣленія, такъ и прочіе члены Коммиссіи.

Переходя затѣмъ къ обсужденію плана и характера этого изданія, Н. В. Калачовъ предложилъ проэктировать его такимъ образомъ:

1) Каждый томъ Записокъ Отдѣленія Этнографіи, посвященный исключительно обычному праву, будетъ имѣть второе заглавіе: «Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ“.

2) Въ составъ этого сборника должны войдти изслѣдованія и матеріалы по обычному праву, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые будутъ нуждаться въ сокращеніи, должны быть предварительно обработаны Коммиссіей, которая кромѣ того должна озаботиться приведеніемъ въ извѣстность всѣхъ имѣющихся по обычному праву матеріаловъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, съ каковою цѣлью работу между членами коммиссіи слѣдуетъ раздѣлить по отдѣламъ.

3) Окончательная редакція Сборника будетъ возложена на одного или нѣсколькихъ, особо на это избранныхъ лицъ изъ среды настоящей Коммиссіи.

При возникшихъ при обсужденіи вышеизложеннаго предложенія преніяхъ были выражены слѣдующія соображенія:

П. А. Мулловымъ было указано, что работу въ отношеніи уже напечатанныхъ матеріаловъ по обычному праву удобнѣе разцѣлить не по отдѣламъ, а по изданіямъ.

М. И. Заруднымъ было предложено снарядить особую экспедицію въ одну изъ центральныхъ губерній, напримѣръ, въ Московскую, съ тѣмъ чтобъ она собрала обычаи *на мѣстахъ*, не стѣсняясь временемъ, и притомъ въ видахъ большей достовѣрности дѣйствительности этихъ обычаевъ, представила бы свидѣтельства *мірскихъ приговоровъ*, а равно и другихъ органовъ общественной жизни—о существованіи таковыхъ.

Л. Н. Майковымъ было заявлено, что въ архивѣ Географическаго Общества находится значительное количество матеріаловъ, не попавшихъ въ печать, такъ какъ въ цѣломъ они были признаны неудобными для помѣщенія ихъ въ изданіяхъ Общества, но которые тѣмъ не менѣе могутъ представить не мало интересныхъ свѣдѣній по вопросу о народныхъ юридическихъ обычаяхъ.

Въ возраженіяхъ на мнѣніе, высказанное М. И. Заруднымъ, было указано, что предлагаемый имъ способъ собиранія юридическихъ обычаевъ едва ли соотвѣтствуетъ такому предмету, какъ обычное право, такъ какъ наши крестьяне несомнѣнно

знающіе и сознающіе свои обычаи, тѣмъ не менѣе вовсе не способны формулировать ихъ надлежащимъ образомъ, и что изслѣдованіе народныхъ юридическихъ обычаевъ путемъ мірскихъ приговоровъ о дѣйствительности существованія ихъ поэтому едва ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ; что, кромѣ того, настоящая Коммиссія, имѣя въ виду преимущественно научныя цѣли, а также и средства, которыя она имѣетъ, не можетъ принять указанный М. И. Заруднымъ способъ собиранія обычаевъ, такъ какъ свѣдѣнія и матеріалы, которыми можетъ располагать Отдѣленіе Этнографіи и наша Коммиссія, состоящая при этомъ Отдѣленіи, доставляются исключительно частными лицами, которыя не могутъ созывать мірскіе сходы для констатированія существующихъ обычаевъ.

Провѣрка этихъ свѣдѣній на мѣстахъ путемъ снаряженія на этотъ предметъ особой экспедиціи изъ спеціалистовъ, какъ того желаетъ г. Зарудный, конечно весьма желательна и полезна, но эта задача не можетъ входить въ кругъ дѣятельности настоящей Коммиссіи, цѣли которой гораздо скромнѣе и заключаются лишь въ большемъ развитіи и нѣкоторой организаціи собиранія обычаевъ, чему начало положено Отдѣленіемъ Этнографіи въ 1864 году изданіемъ программы Отдѣленія, имѣвшей такое значительное вліяніе на развитіе изученія у насъ обычнаго права, такъ какъ программа эта не только вызвала на это поприще многихъ новыхъ дѣятелей, но и создала цѣлую литературу.

Провѣрка доставляемыхъ свѣдѣній возможна для нашей Коммиссіи и помимо снаряженія экспедиціи, требующей значительныхъ затратъ, на покрытіе которыхъ въ настоящее время не имѣется въ виду никакихъ источниковъ,—въ самой средѣ Коммиссіи, въ составъ которой входятъ лица, много лѣтъ спеціально занимающіяся изученіемъ народнаго юридическаго быта, и притомъ, имѣвшія возможность лично ознакомиться съ нимъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Сверхъ того, Коммиссія имѣетъ основаніе разчитывать на содѣйствіе въ этомъ случаѣ всѣхъ

нашихъ спеціалистовъ по обычному праву, то-есть, даже и тѣхъ, которые, проживая внѣ Петербурга, не могутъ участвовать въ нашихъ засѣданіяхъ, но, какъ Е. И. Якушкинъ и П. С. Ефименко, отнеслись съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ мысли объ учрежденіи настоящей Коммиссіи, и къ которымъ всегда можно обратиться за отзывомъ и замѣчаніями, если это будетъ признано необходимымъ для оцѣнки поступающихъ матеріаловъ.

Въ настоящее время число изслѣдователей обычнаго права ростетъ съ каждымъ днемъ; оно обращаетъ на себя вниманіе цѣлыхъ учрежденій, каковы, напримѣръ, Губернскіе Статистическіе Комитеты въ Архангельскѣ, Ярославлѣ и Самарѣ и Юридическое Общество въ Курскѣ; имъ интересуются многіе изъ лучшихъ и серьезнѣйшихъ органовъ нашей печати; слѣдовательно, недостатка въ отзывахъ и замѣчаніяхъ быть не можетъ. При наличности всѣхъ этихъ условій трудно предполагать, чтобы Коммиссія не сумѣла опредѣлить по достоинству доставляемыя ей свѣдѣнія и различить точныя и достовѣрныя данныя отъ произвольныхъ.

Наконецъ, если со стороны какого-либо вѣдомства, напримѣръ, Министерства Юстиціи, явится желаніе и будутъ даны средства провѣрить собранные и разработанные нашею Коммиссіей матеріалы путемъ снаряженія особой экспедиціи изъ спеціалистовъ для изслѣдованія на мѣстахъ въ нѣсколькихъ или даже во всѣхъ губерніяхъ — существующихъ въ народномъ быту юридическихъ обычаевъ, то такая экспедиція, конечно, можетъ оказать существенныя услуги, въ значительной степени приспособитъ эти матеріалы для законодательныхъ цѣлей, облегчивъ такимъ образомъ трудъ будущихъ составителей нашего Гражданскаго Уложенія въ отношеніи пользованія обычаями, и займетъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ развитія русскаго обычнаго права.

Затѣмъ Коммиссія, принявъ къ свѣдѣнію заявленіе Л. Н. Майкова и соглашаясь съ планомъ изданія, изложеннымъ въ предложеніи г. предсѣдателя, признала въ настоящее время

дальнѣйшее обсужденіе подробностей и частностей изданія будущаго сборника преждевременнымъ и перешла къ разсмотрѣнію вопроса о составленіи и изданіи программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Г. предсѣдатель сообщилъ Коммиссіи, что всѣ экземпляры программы, изданной въ 1864 году Отдѣленіемъ Этнографіи, уже разошлись, и что поэтому давно ощущается настоятельная потребность новаго изданія, но что съ 1864 года изученіе обычнаго права получило значительное развитіе, вслѣдствіе чего указанная программа, очевидно, не можетъ соотвѣтствовать предъявляемымъ къ ней въ настоящее время требованіямъ, и что необходимость дополненія и упрощенія этой программы была неоднократно указываема какъ въ литературѣ, такъ и мѣстными собирателями, которые, между прочимъ, жаловались на слишкомъ книжное изложеніе прежней программы; что въ настоящее время, кромѣ программы Отдѣленія Этнографіи 1864 г., еще имѣются въ виду программы, составленныя професс. Богишичемъ и г. Ефименкомъ, которыя послужили матеріаломъ для программы, составленной секретаремъ Отдѣленія Этнографіи В. Н. Майновымъ и напечатанной въ журналѣ *Знаніе* за апрѣль 1875 г., и что, кромѣ того, программа Отдѣленія Этнографіи была перепечатана многими изъ губернскихъ вѣдомостей, съ различными дополненіями и измѣненіями, изъ коихъ нѣкоторыя заслуживаютъ вниманія.

При обсужденіи этого вопроса Коммиссія выразила единогласное желаніе имѣть программу, составляемую нашимъ извѣстнымъ изслѣдователемъ П. С. Ефименкомъ въ полномъ объемѣ, чтобы на основаніи всѣхъ имѣющихся матеріаловъ составить программу, которая была бы программой не отдѣльнаго лица, а Отдѣленія Этнографіи Географическаго Общества, и стояла бы въ уровень съ тѣмъ развитіемъ, которое получило въ настоящее время наше обычное право.

При этомъ членомъ Ѳ. Л. Барыковымъ выражено было желаніе, чтобы по примѣру программы 1864 г., новая программа

Отдѣленія Этнографіи была снабжена образцами или примѣрами, которые много содѣйствуютъ уясненію собирателямъ ихъ задачи. Въ томъ же смыслѣ высказался и членъ П. А. Матвѣевъ, которому Коммиссія поручила войдти въ сношеніе съ П. С. Ефименкомъ по предмету скорѣйшаго доставленія окончанія его программы.

Послѣ того предсѣдатель прочиталъ рефератъ, сдѣланный имъ лѣтомъ 1875 года на первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ въ Москвѣ: „Объ отношеніи народныхъ юридическихъ обычаевъ къ законодательству“. Рефератъ этотъ былъ выслушанъ Коммиссіей съ живѣйшимъ вниманіемъ и вызвалъ оживленныя пренія. Проф. Пахманъ, относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли о внесеніи въ наше законодательство нѣкоторыхъ началъ обычнаго права, въ особенности при предстоящемъ пересмотрѣ гражданскихъ законовъ, выразилъ желаніе, чтобъ эта мысль не была понимаема какъ поводъ къ регламентаціи народныхъ юридическихъ обычаевъ въ видѣ особаго сельскаго устава, исключающаго самостоятельное существованіе и развитіе народнаго обычнаго права. Жизнь постоянно и непрерывно создаетъ новыя правовыя отношенія и нормы, и замыкать этотъ живой процессъ народнаго творчества въ какія-либо неподвижныя рамки—крайне нежелательно.

При дальнѣйшемъ обсужденіи этого вопроса предсѣдателемъ было обращено вниманіе на историческое развитіе нашего законодательства, которое постепенно воспринимало обычаи, создавшіеся бытовою жизнію народа, нисколько не стѣснял тѣмъ дальнѣйшаго развитія обычнаго права. Таковъ характеръ не только древнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ, какова Русская Правда и др., но и самого Уложенія 1649 г., а потому и въ настоящее время, когда самостоятельное и свободное развитіе обычнаго права стало общеизвѣстнымъ и общепринятымъ принципомъ науки, нѣтъ сомнѣнія, что для устраненія возможныхъ недоразумѣній Коммиссія не преминетъ выставить съ наибольшею рельефностью и силой въ своихъ работахъ это общеизвѣстное положеніе науки.

По выслушаніи всего вышеизложеннаго Коммиссія пришла къ заключенію: 1) что слѣдуетъ составить сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, такъ какъ это есть требованіе жизни, согласное съ указаніемъ науки и историческимъ развитіемъ нашего законодательства; 2) что таковой сборникъ можетъ и долженъ послужить весьма цѣннымъ матеріаломъ для многихъ законодательныхъ работъ, такъ какъ согласованіе началъ нашего кодекса съ условіями и потребностями народнаго юридическаго быта составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ существенныхъ задачъ нашего времени, успѣшное разрѣшеніе которой будетъ имѣть послѣдствіемъ столь желательное развитіе чувства законности во всѣхъ слояхъ нашего общества; 3) что такой сборникъ, представляя матеріалъ для нашего будущаго гражданскаго уложенія, кромѣ того, дастъ возможность привести въ извѣстность всю область народнаго юридическаго быта, пока еще столь мало намъ знакомую, и такимъ образомъ послужитъ твердою почвой для правильнаго и зрѣлаго обсужденія вопроса о дальнѣйшемъ существованіи волостныхъ судовъ; 4) что только путемъ серьезнаго изученія народнаго юридическаго быта можетъ быть достигнуто усовершенствованіе его, и что существующіе народные юридическіе обычаи не могутъ быть уничтожены однимъ почеркомъ пера, такъ какъ они связаны съ жизненными потребностями и бытовыми условіями жизни народа, вслѣдствіе чего ломка ихъ, на основаніи однихъ отвлеченныхъ умозаключеній и безъ знанія фактической стороны дѣла, будетъ не только безцѣльною, но и крайне вредною.

П. А. Матвѣевъ обратилъ вниманіе Коммиссіи на *Самарскія Епархіальныя Вѣдомости*, въ которыхъ печатается любопытное изслѣдованіе о народныхъ обычаяхъ с. Кракова, Самарскаго уѣзда, составленное священникомъ Архангельскимъ; къ сожалѣнію, это довольно объемистое изслѣдованіе издается такимъ образомъ, что, вѣроятно, пройдетъ еще не одинъ годъ, прежде чѣмъ оно будетъ окончено, такъ какъ въ каждомъ нумерѣ *Епархіальныхъ Вѣдомостей*, которыхъ въ годъ выходитъ 24,

печатается всего по нѣскольку строкъ, за недостаткомъ мѣста; поэтому П. А. Матвѣевъ и предложилъ войдти въ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ, для помѣщенія труда свящ. Архангельскаго въ проектируемомъ сборникѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Выслушавъ сочувственно это заявленіе, Коммиссія постановила войдти, чрезъ предсѣдателя Н. В. Калачова, въ сношеніе съ преосвященнымъ Герасимомъ, епископомъ Самарскимъ, не признаетъ ли его преосвященство возможнымъ предоставить въ распоряженіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества помянутое изслѣдованіе народныхъ обычаевъ с. Кракова.

Въ заключеніе Коммиссія постановила обязанность секретаря возложить на члена Коммиссіи П. А. Матвѣева, который долженъ сообщать журналы засѣданій Коммиссіи къ свѣдѣнію Отдѣленія Этнографіи, согласно желанію, выраженному въ настоящемъ засѣданіи предсѣдателемъ помянутаго Отдѣленія, Л. Н. Майковымъ.

II.

28-го сентября 1876 года.

Присутствовали: предсѣдатель Н. В. Калачовъ, члены: Л. Н. Майковъ, П. А. Мулловъ и П. А. Матвѣевъ.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель представилъ поступившія въ Коммиссію въ теченіе лѣта отъ г. Е. Т. Соловьева статьи слѣдующаго содержанія:

1) Юридическія отношенія членовъ семьи въ Казанской и другихъ поволжскихъ и среднихъ губерніяхъ Россіи;

2) Опека и попечительство въ поволжскихъ и среднихъ губерніяхъ Россіи;

3) Способы пріобрѣтенія собственности въ Казанской и другихъ поволжскихъ и среднихъ губерніяхъ Россіи;

4) Юридическіе обычаи по возникновенію и прекращенію заемныхъ обязательствъ въ Нижегородской и Казанской губерніяхъ;

5) Уголовное право крестьянъ Казанской губерніи;

6) Общественный бытъ, судъ и расправа крестьянъ Казанской губерніи;

7) Самосудство на Волгѣ и ея притокахъ;

8) Самосудство въ средѣ крестьянъ и мѣщанъ, живущихъ около Казани;

9) Свидѣтельскія показанія въ поволжскихъ губерніяхъ Россіи;

10) Лѣсныя порубки и потравы въ Орловскомъ уѣздѣ Вятской губерніи.

Предлагая вниманію Коммиссіи вышеозначенныя статьи члена-сотрудника Отдѣленія Этнографіи Е. Т. Соловьева, предсѣдатель Н. В. Калачовъ объяснилъ, что, по его мнѣнію, статьи эти не могутъ войдти въ проэктированный Коммиссіей сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. П. А. Матвѣевъ замѣтилъ, что изъ краткаго обозрѣнія статей г. Соловьева онъ пришелъ къ заключенію, что онѣ не только отличаются небрежностью и растянутостью изложенія, но что приводимыя въ нихъ свѣдѣнія, не будучи пріурочены къ какой-либо опредѣленной мѣстности, по этому самому имѣютъ весьма мало значенія и въ большинствѣ случаевъ представляютъ ни что иное, какъ весьма слабо мотивированныя разсужденія автора по различнымъ вопросамъ изъ области народнаго юридическаго быта. Кромѣ того, г. Соловьевъ не указываетъ источниковъ и способовъ собиранія имъ обычаевъ для означенныхъ статей. По соображенію всего вышеизложеннаго, Коммиссія постановила: статьи, присланныя г. Соловьевымъ, какъ неудобныя для помѣщенія въ сборникѣ, но могущія служить небезполезнымъ матеріаломъ для будущихъ изслѣдователей, сдать въ архивъ Географическаго Общества.

Послѣ сего, по приглашенію предсѣдателя, членъ Коммиссіи П. А. Матвѣевъ сдѣлалъ докладъ слѣдующаго содержанія:

„Въ первомъ изданіи Коммиссіи, бывшемъ 17-го февраля 1876 года, Коммиссія пришла къ заключенію о необходимости со-

ставленія новой программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, такъ какъ изданная въ 1864 году Отдѣленіемъ Этнографіи вся разошлась, и кромѣ того, будучи составлена слишкомъ десять лѣтъ тому назадъ, уже не соотвѣтствуетъ тому развитію, которое получила за послѣднее время разработка обычнаго права.

„При обсужденіи этого вопроса, въ нашей Коммиссіи было выражено желаніе, чтобы при составленіи этой новой программы было принято во вниманіе все, что̀ сдѣлано и дѣлается въ области изслѣдованія обычнаго права, вслѣдствіе чего я и вошелъ въ сношеніе съ П. С. Ефименкомъ, обязательно доставившимъ въ распоряженіе нашей Коммиссіи свою программу, или точнѣе говоря, матеріалы для программы.

„Начало этой программы извѣстно Отдѣленію Этнографіи и было въ его разсмотрѣніи, послуживъ матеріаломъ для программы, составленной секретаремъ Отдѣленія Этнографіи В. Н. Майновымъ и напечатанной въ журналѣ *Знаніе* за апрѣль 1874 года; тѣмъ не менѣе я нахожу болѣе удобнымъ дать отчетъ о программѣ г. Ефименка во всей ея цѣлости.

„Программа эта весьма объемиста и полна; раздѣляется она на слѣдующіе отдѣлы и рубрики: I. Гражданское право. 1) Союзъ семейный и родовой (17 страницъ). 2) Опека и попечительство (2 страницы). 3) Раздѣлы и наслѣдованіе (9 страницъ). 4) Вещное право (5 страницъ). 5) Договоры (10 страницъ). II. Уголовное право (6 страницъ). III. Судъ и расправа (7 страницъ). IV. Община (9 страницъ). V. Отношенія внѣобщинныя и международныя (2 страницы),

Такимъ образомъ вся программа, состоящая изъ пяти отдѣловъ, изъ которыхъ первый—право гражданское—раздѣленъ еще на пять рубрикъ, изложена на 78 двойныхъ страницахъ.

„Мнѣ приходится опредѣлять размѣры программы г. Ефименка числомъ страницъ, а не вопросовъ, по той причинѣ, что не всѣ отдѣлы этой программы имѣютъ нумерацію вопросовъ, которая доведена г. Ефименкомъ до вещнаго права, хотя въ от-

дѣлѣ „раздѣлы и наслѣдство“ нумерація вопросовъ не проведена послѣдовательно, какъ въ первомъ и второмъ отдѣлѣ.

„Я назвалъ программу г. Ефименка только матеріаломъ для программы на томъ основаніи, что она предложена имъ въ распоряженіе нашей Коммиссіи въ необработанномъ видѣ, именно состоитъ изъ текста, изложеннаго въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ, и изъ различныхъ добавленій и примѣчаній на поляхъ, сдѣланныхъ г. Ефименкомъ впослѣдствіи, при его дальнѣйшихъ работахъ, подъ вліяніемъ новыхъ наблюденій и изслѣдованій, какова, напримѣръ, прекрасная статья г. Оршанскаго: „Народный Судъ и Народное Право“; она сдѣлалась извѣстна г. Ефименку лишь послѣ составленія текста его программы и дала поводъ къ нѣкоторымъ вопросамъ и замѣткамъ на поляхъ, которые служатъ пополненіемъ и развитіемъ текста программы, нерѣдко замѣняя и исключая соотвѣтствующія мѣста текста.

„Я не буду подробно останавливаться на сравненіи программы г. Ефименка съ программой Отдѣленія Этнографіи 1864 года; между ними лежитъ большой промежутокъ времени, въ теченіе котораго разработка обычнаго права сдѣлала большіе успѣхи; укажу только, что программа 1864 года заключаетъ въ себѣ всего 53 вопроса, а въ одномъ первомъ отдѣлѣ программы г. Ефименка: „союзъ семейный и родовой“ ихъ 34; затѣмъ цѣлые отдѣлы, каково, напримѣръ, „вещное право“, превосходно разработанное г. Ефименко, вовсе не тронуты въ первой.

„Кромѣ того, при составленіи программы 1864 года не было обращено вниманіе на два различные вида или типа крестьянской семьи, которые за неимѣніемъ другаго болѣе подходящаго выраженія я назову большою и малою семьей, и въ юридическомъ быту которыхъ замѣчаются существенныя черты различія, такъ что имущественныя и личныя отношенія членовъ крестьянской семьи весьма различны, смотря по тому, въ какомъ изъ этихъ двухъ видовъ ея мы ихъ наблюдаемъ.

„На этотъ вопросъ обращено серьезное вниманіе какъ въ

программѣ г. Майнова, такъ и г. Ефименка, хотя этотъ отдѣлъ программы у послѣдняго обработанъ менѣе другихъ, недостаточно выяснено значеніе терминовъ *большая* и *малая* семья, и не обращено вниманіе собирателей на то, не существуетъ ли въ народномъ языкѣ какихъ-либо особыхъ названій для обозначенія этихъ двухъ видовъ семьи.

„По содержанію программа г. Ефименка ближе подходитъ къ программѣ г. Майнова, что̀ объясняется временемъ ихъ составленія и тѣмъ, что оба придерживались извѣстной программы для собиранія славянскихъ народныхъ юридическихъ обычаевъ проф. Богишича; но между ними замѣчается и значительная, даже существенная разница; такъ въ программѣ г. Ефименка болѣе обращено вниманія на юридическую сторону обычаевъ, довольно слабую въ программѣ г. Майнова; послѣдній, если мы не ошибаемся, имѣлъ въ виду исключительно этнографическія цѣли и задачи, не вдавался въ подробности и частности, интересныя съ юридической точки зрѣнія, вслѣдствіе чего тѣ отдѣлы программы г. Майнова, гдѣ говорится, напримѣръ, о *договорахъ* и *вещномъ правѣ*, которое онъ предпочитаетъ называть *вещественнымъ*, не удовлетворяютъ юриста. Въ программѣ же г. Ефименка они изложены обстоятельнѣе и подробнѣе.

„Что касается пріемовъ и способа изложенія, то въ этомъ отношеніи различіе между обѣими программами переходитъ въ совершенную противоположность.

„Программа г. Майнова отличается большимъ обобщеніемъ и дробностью вопросовъ, сжатостью изложенія и отсутствіемъ поясненій въ видѣ примѣровъ или образцовъ. Желаніе сдѣлать свою программу доступною пониманію народа заставляетъ г. Майнова избѣгать юридическихъ терминовъ, хотя бы совершенно ясныхъ и понятныхъ для народа (имущество *потомственное*, а не *родовое*,—не *купля*, а покупка,—не *имущество*, а вещь,—право не *вещное*, а вещественное и т. д.).

Вслѣдствіе усвоеннаго г. Майновымъ порядка изложенія, его программа отличается отрывочностью, и вопросы изложены

не въ послѣдовательномъ порядкѣ; такъ, въ первомъ отдѣлѣ программы, посвященномъ *семьѣ*, именно рубрикѣ: *семья въ тѣсномъ смыслѣ слова*, г. Майновъ начинаетъ съ условій для вступленія въ бракъ (вопросъ 72-й и слѣд.; я привожу нумера вопросовъ не по печатной редакціи программы г. Майнова, а по рукописной, которая была обязательно сообщена мнѣ составителемъ ея; эта редакція нѣсколько измѣнена и дополнена, вслѣдствіе чего измѣнилась и нумерація вопросовъ); затѣмъ программа касается порядка сговора, случаевъ обезчещенія невѣсты женихомъ, незаконнаго сожительства и затѣмъ снова переходитъ къ условіямъ для вступленія въ бракъ; именно—вопросъ 89-й касается браковъ уводомъ или тайныхъ, и затѣмъ въ вопросѣ 91-мъ рѣчь снова сводится на условія для вступленія въ бракъ—согласіе родителей. Приводимый мной примѣръ далеко не единственный въ этомъ родѣ.

„Такое отсутствіе системы въ изложеніи, по моему мнѣнію, нѣсколько вредитъ достоинству программы г. Майнова, хотя во всякомъ случаѣ это--весьма полезный и почтенный трудъ, заслуживающій серьезнаго вниманія.

„Программа г. Ефименка составлена такъ, что, касаясь того или другаго института народнаго обычнаго права, она изчерпываетъ его по возможности до конца, вслѣдствіе чего его программа представляется какъ нѣчто цѣлое, изложенное въ систематическомъ порядкѣ. Отвѣты на нее могутъ быть даны не отрывочно, а въ видѣ связнаго разсказа, и по моему мнѣнію, отвѣчать на нее легче и удобнѣе, чѣмъ на программу г. Майнова, не смотря на всю кажущуюся простоту и понятность этой послѣдней. Для собиранія статистическихъ матеріаловъ такая форма вопросовъ весьма удобна, но юридическіе обычаи—не цифры; они имѣютъ свою физіономію, которая легко можетъ стереться при лаконической и обрубленной формѣ отвѣтовъ, требуемой программою г. Майнова“.

По выслушаніи этого доклада, Коммиссія постановила просить г. Матвѣева составить, руководствуясь программой г. Ефи-

менка, проектъ новой программы и по отпечатаніи внести его на обсужденіе Коммиссіи.

III.

22-го ноября 1876 года.

Присутствовали: предсѣдатель Н. В. Калачовъ, члены: Ѳ. Л. Барыковъ, Л. Н. Майковъ, П. А. Мулловъ, С. В. Пахманъ и П. А. Матвѣевъ.

По приглашенію предсѣдателя, членъ Коммиссіи П. А. Матвѣевъ, прочелъ начало составленнаго имъ проекта программы народныхъ юридическихъ обычаевъ—именно первый отдѣлъ ея—союзъ семейный и родовой.

При этомъ г. Матвѣевъ объяснилъ, что принятый имъ на себя трудъ составленія программы народныхъ юридическихъ обычаевъ по гражданскому праву, которымъ онъ и ограничится, будетъ оконченъ въ началѣ будущаго года. Затѣмъ остается еще уголовное право, судъ и расправа, община и отношенія внѣобщинныя и международныя, по которымъ составленіе программъ, можетъ быть, пожелаетъ принять на себя еще кто-либо изъ членовъ Коммиссіи; эти послѣдніе отдѣлы по сложности и объему значительно уступаютъ отдѣлу, посвященному гражданскому праву, и обработка ихъ потребуетъ сравнительно менѣе времени.

Кромѣ того, при обсужденіи вопроса о программѣ, нельзя не упомянуть о земельной крестьянской общинѣ, народные обычаи устройства которой не вошли ни въ программу Отдѣленія Этнографіи 1864 г., ни въ программу г. Майнова. Въ матеріалахъ, доставленныхъ Коммиссіи г. Ефименкомъ, этотъ вопросъ также не затронутъ, на томъ основаніи, что онъ предполагаетъ составить особую программу для собиранія обычаевъ, касающихся земельной общины.

Выслушавъ этотъ докладъ и первую часть проекта программы г. Матвѣева съ полнымъ сочувствіемъ, Коммиссія, одо-

бряя въ общихъ основаніяхъ прочитанное начало проекта, постановила: отложить дальнѣйшее обсужденіе этого проекта до слѣдующаго засѣданія, когда проектъ программы будетъ оконченъ, отпечатанъ и разосланъ членамъ Коммиссіи для предварительнаго его изученія.

Въ возникшихъ затѣмъ преніяхъ относительно включенія въ приготовляемую Коммиссіей программу вопросовъ о земельной общинѣ, съ одной стороны, было указано на важность и практическое значеніе этого вопроса, а съ другой—на значительное разширеніе черезъ это объема программы, изданіе которой такимъ образомъ немало замедлится, и что, кромѣ того, собираніе матеріаловъ о земельной крестьянской общинѣ по тому значенію, которое она имѣетъ въ народной жизни, требуетъ особой спеціальной программы.

Въ заключеніе этихъ преній членъ Коммиссіи Ѳ. Л. Барыковъ, имѣвшій случай близко изучить вопросъ о народныхъ обычаяхъ, касающихся устройства земельной общины въ разныхъ губерніяхъ, выразилъ готовность приготовить для Коммиссіи конспектъ программы вопросовъ о земельной общинѣ. Это предложеніе г. Барыкова было принято Коммиссіей съ живѣйшею благодарностью, и вопросъ о включеніи земельной общины въ программу Коммиссіи оставленъ открытымъ.

IV.

12-го апрѣля 1877 г.

Присутствовали: предсѣдатель Н. В. Калачовъ, члены: Ѳ. Л. Барыковъ, кн. Ѳ. С. Голицынъ, Л. Н. Майковъ, П. А. Муллovъ, С. В. Пахманъ, П. П. Чубинскій и П. А. Матвѣевъ.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель просилъ члена-секретаря Коммиссіи прочесть журналъ предыдущаго засѣданія, который при этомъ и былъ подписанъ присутствующими членами.

Затѣмъ П. А. Матвѣевъ представилъ нижеизложенный отчетъ о дѣятельности Коммиссіи за первый годъ ея существованія:

„Согласно выработанной въ первомъ засѣданіи (17-го февраля 1876 года) программѣ занятій, дѣятельность Коммиссіи сосредоточилась по преимуществу на выполненіи слѣдующихъ двухъ задачъ: 1) составленіе и изданіе новой программы для собиранія обычаевъ и 2) изданіе сборника народныхъ юридическихъ обычаевъ.

„Что касается до составленія свода печатныхъ матеріаловъ по обычному праву, о чемъ между прочимъ было говорено въ нашихъ засѣданіяхъ, то это дѣло, весьма полезное и желательное, оказывается неосуществимымъ при тѣхъ личныхъ силахъ и матеріальныхъ средствахъ, которыми располагаетъ Коммиссія.

„Предлагая вниманію Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи составленный мною и ужь отпечатанный проэктъ программы по гражданскому праву, составляющему самую серьезную и обширную часть народнаго обычнаго права, я съ особеннымъ удовольствіемъ могу доложить Коммиссіи, что составленіе программы по уголовному праву согласился принять на себя нашъ извѣстный криминалистъ, профессоръ уголовнаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ И. Я. Фойницкій. Прекрасная программа для собиранія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву, составленная недавно кіевскимъ криминалистомъ А. Ѳ. Кистяковскимъ [1]), можетъ послужить значительнымъ облегченіемъ въ предстоящемъ трудѣ профессора Фойницкаго.

„Конспектъ программы о поземельной общинѣ, составленный нашимъ почтеннымъ сочленомъ Ѳ. Л. Барыковымъ, я имѣю честь предложить вниманію Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи, вмѣстѣ съ письмомъ по этому вопросу корреспондента нашей Коммиссіи П. С. Ефименка. Въ отвѣтъ на мое приглашеніе дополнить вышеуказанный конспектъ программы г. Ба-

---

[1]) Напечатана въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* за 1874 г.; въ настоящее время эта программа вышла вторымъ изданіемъ значительно дополненная и улучшенная.

рыкова, П. С. Ефименко отвѣчалъ, что въ настоящее время онъ, при всемъ желаніи, этимъ дѣломъ заняться не можетъ за недостаткомъ времени, а равно и потому, что составленная имъ обширная программа вопросовъ общиннаго землевладѣнія отослана недавно (въ мартѣ мѣсяцѣ) Е. И. Якушкину, который занимается спеціально изученіемъ крестьянскаго землевладѣнія и намѣренъ составить по имѣющимся у него матеріаламъ подробную программу для собиранія свѣдѣній объ общинномъ землевладѣніи въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, заключаетъ свое письмо г. Ефименко,—всего удобнѣе будетъ обратиться къ самому г. Якушкину за содѣйствіемъ въ настоящемъ дѣлѣ. Съ своей стороны г. Ефименко сообщилъ ему о доставленіи копіи съ программы въ нашу Коммиссію. Затѣмъ Коммиссіи предстоитъ озаботиться составленіемъ программы для собиранія свѣдѣній объ обычаяхъ, касающихся суда и расправы, и о народныхъ воззрѣніяхъ на отношенія внѣобщинныя и международныя.

„Переходя къ проэктированному сборнику народныхъ юридическихъ обычаевъ, я могу заявить Коммиссіи, что старанія мои о собраніи матеріаловъ для этого сборника дали на столько благопріятные результаты, что въ настоящее время оказалось уже возможнымъ приступить къ печатанію его, согласно распоряженію Отдѣленія Этнографіи. Этотъ томъ, объемомъ около 30 печатныхъ листовъ, печатается подъ моею редакціей и выйдетъ въ свѣтъ осенью нынѣшняго года въ видѣ VIII-го тома Записокъ Отдѣленія Этнографіи, имѣя, согласно постановленію нашей Коммиссіи, вторымъ заглавіемъ: „Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ“. Наша Коммиссія при настоящемъ своемъ положеніи не можетъ руководить работой изслѣдователей обычнаго права и направлять ихъ, а можетъ только пользоваться ихъ трудами, выбирая для сборника тѣ матеріалы и изслѣдованія, которые представляютъ наиболѣе интереса и вмѣстѣ съ тѣмъ обладаютъ научными достоинствами. Такимъ образомъ, совершенно независимо отъ моей воли и отъ моихъ

желаній, въ приготовленныхъ мною для сборника матеріалахъ преобладаютъ свѣдѣнія объ юридическомъ бытѣ нашихъ окраинъ, объ обычаяхъ нашихъ инородцевъ. Сознавая серьезное научное и практическое значеніе юридическаго быта этихъ послѣднихъ, я, конечно, весьма далекъ отъ мысли отводить имъ первое мѣсто въ трудахъ нашей Комиссіи и сдѣлалъ все, что̀ отъ меня зависѣло, для того чтобы дать надлежащее мѣсто въ нашемъ сборникѣ народнымъ обычаямъ кореннаго Русскаго населенія. Вотъ перечень тѣхъ матеріаловъ, которые приготовлены для перваго тома сборника:

1) Статья нашего предсѣдателя Н. В. Калачова: „Объ отношеніи народныхъ юридическихъ обычаевъ къ законодательству“.

2) „Очерки народнаго юридическаго быта Самарской губерніи“—мое изслѣдованіе.

3) „О наймѣ пастуховъ и табунщиковъ“ — изслѣдованіе П. С. Ефименка.

4) „О наслѣдованіи зятьевъ-пріемышей въ Архангельской губерніи“ (матеріалы, извлеченные изъ рѣшеній волостныхъ судовъ).

Это по русскому обычному праву, которое составитъ первый отдѣлъ сборника.

Второй отдѣлъ—обычное право инородцевъ:

1) Юридическихъ обычаи Лопарей Архангельской губерніи.

2) Обычаи Кореловъ той же губерніи.

3) Обычаи Самоѣдовъ той же губерніи.

Эти статьи принадлежатъ А. Я. Ефименко.

4) „Замѣтки о Киргизскомъ судѣ“ И. И. Ибрагимова, переводчика при Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ.

„Кромѣ того, какъ секретарь Комиссіи, я велъ довольно дѣятельную переписку съ различными лицами, занимающимися изученіемъ народнаго юридическаго быта, и слѣдилъ въ печати за всѣмъ, что̀ дѣлается въ этой области знанія.

„Въ заключеніе моего отчета представляю краткій очеркъ моихъ наблюденій.

„Съ дѣятельностью нашей Комиссіи совпало появленіе пре-

краснаго труда сибирскаго изслѣдователя народнаго быта, князя Николая Алексѣевича Кострова, члена-сотрудника Географическаго Общества: „Юридическіе обычаи крестьянъ-старожилъ Томской губерніи". Изслѣдованіе помянутаго автора служитъ отвѣтомъ на программу Отдѣленія, изданную въ 1864 году; оно появилось въ концѣ прошлаго года и напечатано въ г. Томскѣ. На дѣятельность нашей Коммиссіи весьма сочувственно отозвались многіе провинціальные дѣятели. Такъ между прочимъ Олонецкій Статистическій Комитетъ увѣдомилъ Отдѣленіе Этнографіи о своемъ горячемъ сочувствіи занятіямъ Коммиссіи; въ этомъ отношеніи мѣстный комитетъ указываетъ и на мѣры, принятыя имъ для разработки и собиранія обычаевъ. Въ своей дѣятельности Статистическій Комитетъ встрѣчаетъ живую поддержку со стороны представителя мѣстной судебной власти предсѣдателя палаты г. Шестакова. Кромѣ Олонецкаго Комитета, сколько мнѣ извѣстно, вопросомъ о народныхъ юридическихъ обычаяхъ занимались также Статистическіе Комитеты Самарскій, Ярославскій и Вятскій. Въ Самарѣ, съ отъѣздомъ моимъ и П. С. Ефименка, который въ настоящее время перешелъ на службу въ г. Черниговъ, остался одинъ только дѣятель, на труды котораго можно разчитывать по занимающему насъ вопросу; это — священникъ с. Кракова, Самарскаго уѣзда, членъ Статистическаго Комитета, о. Іоаннъ Архангельскій. Въ концѣ прошлаго года онъ писалъ мнѣ, что предполагаетъ заняться изслѣдованіемъ семейныхъ обычаевъ с. Кракова въ отношеніи ихъ вліянія на общинное владѣніе крестьянскимъ надѣломъ и отбыванія податей и повинностей. Въ Тамбовской губерніи, какъ сообщалъ мнѣ предсѣдатель Отдѣленія Этнографіи Л. Н. Майковъ, собираніемъ юридическихъ обычаевъ занимается одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, землевладѣлецъ Борисоглѣбскаго уѣзда П. Б. Бланкъ. Кромѣ того, мнѣ извѣстно изъ личнаго разговора съ профессоромъ Варшавскаго университета Д. Я. Самоквасовымъ, издавшимъ въ прошломъ году по рукописи сенатора Губе Сборникъ обычаевъ Сибирскихъ инородцевъ, что онъ занимается

вопросомъ о большой и малой семьѣ (возбудившимъ столько преній по поводу моего чтенія о народныхъ обычаяхъ Самарской губерніи въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія Этнографіи) и имѣлъ случай наблюдать въ Курской губерніи юридическій бытъ необыкновенно большой крестьянской семьи, состоявшей изъ 42 (если не ошибаюсь) работниковъ. Г. Самоквасовъ обѣщалъ сообщить свои наблюденія нашей Коммиссіи.

„Какъ ни скромны результаты дѣятельности Коммиссіи сравнительно съ тѣмъ, что̀ желательно было бы сдѣлать въ области обычнаго права, но они мнѣ кажутся достаточными, если принять въ разчетъ тѣ средства и силы, которыми располагаетъ Коммиссія.

Послѣ этого доклада, принятаго Коммиссіей съ живѣйшимъ сочувствіемъ, членъ Коммиссіи С. В. Пахманъ сдѣлалъ сообщеніе о приготовленномъ имъ къ печати трудѣ: „Гражданское Обычное Право“, составленномъ на основаніи трудовъ Коммиссіи о волостныхъ судахъ и другихъ печатныхъ матеріаловъ. Первый томъ этого изданія, посвященный вещному праву, обязательствамъ и судебному охраненію правъ, ужь окончень и печатается. Второй томъ будетъ посвященъ семейному праву, наслѣдству и опекѣ. Коммиссія выслушала это сообщеніе съ полнымъ вниманіемъ, такъ какъ разработка началъ обычнаго права такимъ опытнымъ юристомъ, какъ г. Пахманъ, обѣщаетъ весьма много, и конечно, поставитъ внѣ всякаго спора вопросъ о значеніи народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Затѣмъ Коммиссія занялась разсмотрѣніемъ I-го отдѣла проекта программы, составленнаго г. Матвѣевымъ, и послѣ нѣсколькихъ частныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ предсѣдателемъ и членами, въ виду настоятельной потребности въ скорѣйшемъ изданіи новой программы, которое замедлилось бы въ случаѣ подробнаго разсмотрѣнія всѣхъ отдѣловъ ея по вопросамъ, въ засѣданіи Коммиссіи постановлено: издать проектъ программы въ его настоящемъ видѣ отъ имени г. Матвѣева, включивъ его въ печатающійся томъ сборника народныхъ юридическихъ

обычаевъ, съ тѣми измѣненіями, какія въ немъ сдѣлаетъ самъ г. Матвѣевъ, и съ тѣмъ чтобы второе вновь пересмотрѣнное изданіе этой программы вошло въ составъ общей программы, которая будетъ издана отъ имени Коммиссіи.

V.

10-го октября 1877 года.

Присутствовали: предсѣдатель Н. В. Калачовъ, члены: Ѳ. Л. Барыковъ, Л. Н. Майковъ, П. А. Мулловъ, С. В. Пахманъ, А. Н. Труворовъ, П. П. Чубинскій, И. Я. Фойницкій и П. А. Матвѣевъ.

По открытіи засѣданія П. А. Матвѣевъ представилъ краткій отчетъ о сношеніяхъ своихъ съ различными лицами по предмету занятій Коммиссіи, сообщивъ при этомъ содержаніе писемъ Е. И. Якушкина изъ Ярославля и г. П. Хаждеу изъ Букарешта. Г. Якушкинъ, извѣстный изслѣдователь народныхъ обычаевъ, издавшій въ 1875 г. весьма полезный библіографическій указатель и занимающійся въ настоящее время собираніемъ матеріаловъ о поземельной общинѣ, на сдѣланное ему предложеніе сообщить Коммиссіи составляемую имъ по этому предмету программу выразилъ полную готовность представить въ распоряженіе Коммиссіи свою работу; сначала г. Якушкинъ предполагалъ это сдѣлать въ теченіе текущаго октября мѣсяца, но затѣмъ извѣстилъ секретаря Коммиссіи, что служебныя занятія мѣшаютъ ему окончить эту программу, которая составляется имъ по возможности подробно, и притомъ такъ, что подъ каждымъ вопросомъ приводятся примѣры, взятые какъ изъ печатныхъ матеріаловъ, такъ и изъ собранныхъ имъ лично данныхъ.

Принявъ съ благодарностью это заявленіе г. Якушкина, Коммиссія обратилась къ своему сочлену Ѳ. Л. Барыкову съ просьбою дополнить составленный имъ для Коммиссіи конспектъ про-

граммы объ обычаяхъ, опредѣляющихъ порядокъ крестьянскаго землевѣдѣнія, на что̀ г. Барыковъ и выразилъ свое согласіе.

Затѣмъ по приглашенію предсѣдателя проф. И. Я. Фойницкій прочелъ составленный имъ проектъ программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ по уголовному праву, которому предпослалъ нѣсколько общихъ соображеній о томъ, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ народными юридическими обычаями, и критическій обзоръ печатной программы проф. Кистяковскаго и рукописныхъ матеріаловъ для программы собиранія обычаевъ по уголовному праву П. С. Ефименка, которыми референтъ воспользовался для составленія своего проекта.

По мнѣнію г. Фойницкаго, главный недостатокъ обѣихъ указанныхъ программъ, которыя отличаются многими несомнѣнными достоинствами, есть тотъ, что онѣ не проводятъ послѣдовательно различія между народными юридическими воззрѣніями и обычаями, то-есть, точными правилами, соблюдаемыми въ народномъ быту при разсмотрѣніи извѣстныхъ случаевъ. Затѣмъ обѣ программы не даютъ надлежащаго опредѣленія, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ обычаями народа, которые предполагается собирать. Проф. Кистяковскій вовсе не касается этого предмета, а г. Ефименко даетъ слишкомъ ученое опредѣленіе слову „народъ“, разумѣя подъ нимъ одно только сословіе крестьянъ. На возраженіе, сдѣланное по этому предмету П. А. Матвѣевымъ въ защиту матеріаловъ г. Ефименка, референтъ сослался на первый вопросъ программы г. Ефименка, въ которомъ сказано: „каковъ взглядъ крестьянъ на преступленіе и проступокъ“, на что̀ было замѣчено, что если въ нѣкоторыхъ вопросахъ программы спеціально упоминается о крестьянахъ, то это указываетъ, что составитель ея не смѣшиваетъ этихъ понятій, а напротивъ различаетъ ихъ, вслѣдствіе чего иногда и задается вопросомъ объ обычаяхъ и воззрѣніяхъ, исключительно между крестьянами существующихъ.

Въ заключеніе перечисленія пробѣловъ и недостатковъ

своихъ предшественниковъ г. Фойницкій указалъ на бѣдность въ вышеуказанныхъ программахъ отдѣла, касающагося общаго состава преступленія.

Затѣмъ г. Фойницкій приступилъ къ чтенію самаго проекта своей программы, въ который онъ включилъ и вопросъ о надзорѣ общества какъ послѣдствіи важнѣйшихъ исправительныхъ наказаній: предметъ, котораго не касались изданныя доселѣ программы. Проектъ этотъ, выслушанный Коммиссіей съ живѣйшимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, вызвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны членовъ какъ въ отношеніи редакціи—въ смыслѣ исключенія нѣкоторыхъ научныхъ словъ и выраженій, могущихъ ввести затрудненіе собирателей, такъ и въ отношеніи пополненія программы нѣкоторыми новыми вопросами. Затѣмъ постановлено: слѣдующее засѣданіе посвятить снова обсужденію проекта г. Фойницкаго, по предложенію котораго рѣшено пригласить къ участію въ этомъ засѣданіи и проф. Н. С. Таганцева.

Въ заключеніе засѣданія предсѣдатель Н. В. Калачовъ обратилъ вниманіе Коммиссіи на появленіе въ печати книги одного изъ членовъ ея С. В. Пахмана: „Обычное Гражданское Право въ Россіи“, которая составляетъ весьма пріятное явленіе въ нашей юридической литературѣ, и по всей вѣроятности, вызоветъ должную оцѣнку въ средѣ изслѣдователей нашего шего народнаго юридическаго быта. Въ отвѣтъ на эти слова предсѣдателя члены Коммиссіи П. А. Мулловъ, П. П. Чубинскій и П. А. Матвѣевъ представили свои отзывы о книгѣ г. Пахмана, въ коихъ было указано, что достоинство ея заключается въ удачномъ выдѣленіи и анализѣ тѣхъ юридическихъ началъ, которыя заключаются въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ.

VI.

8-го ноября 1877 года.

Присутствовали: предсѣдатель Н. В. Калачовъ, члены: Ѳ. Л. Барыковъ, Л. Н. Майковъ, П. А. Муллovъ, Н. С. Таган-

цевъ, А. Н. Труворовъ, П. П. Чубинскій, И. Я. Фойницкій и П. А. Матвѣевъ.

По открытіи засѣданія секретарь Коммиссіи П. А. Матвѣевъ сдѣлалъ докладъ о поступившихъ матеріалахъ и между прочимъ представилъ присланную изъ Букарешта проф. Хаждеу программу для собиранія румынскихъ народныхъ обычаевъ, при составленіи которой принята была въ руководство недавно изданная Коммиссіей программа по гражданскому праву.

Затѣмъ по предложенію предсѣдателя было приступлено къ дальнѣйшему обсужденію проекта программы народныхъ юридическихъ обычаевъ по уголовному праву, составленнаго И. Я. Фойницкимъ.

Проф. Таганцевъ, которому этотъ проектъ былъ сообщенъ для просмотра, высказалъ по поводу его слѣдующія соображенія, объяснивъ предварительно, что изученіе обычнаго права занимаетъ его исключительно съ точки зрѣнія догматической, то-есть, въ отношеніи того вліянія, которое народные обычаи могутъ и должны оказать на наше законодательство: Это вліяніе можетъ быть двоякое — положительное и отрицательное; первое производится путемъ примѣненія юридическихъ началъ въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, именно — волостными судами и ихъ практикой; второе проявляется въ отношеніи народа въ лицѣ присяжныхъ къ закону въ дѣлахъ, подлежащихъ ихъ суду. Обращаясь къ программѣ И. Я. Фойницкаго, Н. С. Таганцевъ указалъ: 1) на смѣшеніе въ ней этихъ различныхъ сторонъ, такъ какъ обычай въ вопросахъ программы недостаточно отличенъ отъ воззрѣнія, что̀ подтверждается приведеніемъ въ ней вопросовъ о преступленіяхъ, не подсудныхъ волостнымъ судамъ (напримѣръ, о богохуленіи и пр.); по этимъ преступленіямъ слѣдовало бы ставить вопросы о причинахъ оправдательныхъ или обвинительныхъ по нимъ приговоровъ, а не о взглядахъ на нихъ народа, такъ какъ послѣднимъ не присвоивается никакой юридической силы; 2) на отсутствіе въ программѣ вопросовъ процессуальныхъ, хотя они имѣютъ

большое значеніе. Въ отношеніи редакціи программы г. Таганцевъ обратилъ вниманіе на ея излишнюю, по его мнѣнію, подробность, которая можетъ затруднить собирателя, также какъ и на употребляемые составителемъ отвлеченные термины, заимствованные изъ уложенія о наказаніяхъ (напримѣръ, зачинщикъ, подстрекатель и т. д.), которые по своей неопредѣленностью вызываютъ споры даже между спеціалистами.

И. Я. Фойницкій, возражая на эти замѣчанія, объяснилъ, что, по его мнѣнію, было бы невѣрно при собираніи народныхъ уголовно-юридическихъ обычаевъ ограничиться исключительно задачами догматическими и законодательными, такъ какъ обычное право представляетъ, кромѣ того, весьма серьозный историческій и этнографическій интересъ. Полагая, что обычное право оказываетъ положительное вліяніе на юридическую жизнь только посредствомъ практики волостныхъ судовъ въ предѣлахъ отведенной имъ закономъ компетентности, г. Таганцевъ расходится какъ съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что народные суды вѣдаютъ несравненно большее число преступленій, чѣмъ то, которое указано имъ закономъ, такъ и съ принятымъ уже Коммиссіей взглядомъ, что собираніе уголовно-юридическихъ обычаевъ не должно ограничиться однимъ крестьянскимъ сословіемъ. Свѣдѣнія о причинахъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей собираются уже нѣсколько лѣтъ министерствомъ юстиціи, но безъ особеннаго успѣха; притомъ настоящую Коммиссію, по мнѣнію г. Фойницкаго, интересуютъ не столько эти свѣдѣнія, сколько взгляды народа на разсматриваемыя имъ и совершающіяся въ его средѣ преступленія.

Вопросы процессуальные не включены въ программу потому, что, по предположенію Коммиссіи, они должны быть разработаны особо. Подробность программы вызвана желаніемъ составителя, раздѣляемымъ и Коммиссіей, указать собирателямъ сколь возможно конкретнѣе—какого рода свѣдѣнія нужны Коммиссіи; что касается редакціи программы, то г. Фойницкій согласился съ замѣчаніями, высказанными по этому предмету

въ предыдущемъ засѣданіи Н. В. Калачовымъ и П. А. Матвѣевымъ и развитыми въ настоящемъ засѣданіи г. Таганцевымъ и высказалъ готовность пересмотрѣть редакцію проекта программы вмѣстѣ съ г. Таганцевымъ, съ цѣлью замѣнить встрѣчающіеся въ немъ юридическіе термины общепонятными описаніями.

Ѳ. Л. Барыковъ замѣтилъ, что подробность всякой программы составляетъ ея достоинство и значительно облегчаетъ собирателя. Въ этомъ же смыслѣ высказался и П. А. Муловъ. Секретарь Коммиссіи П. А. Матвѣевъ напомнилъ, что въ предыдущемъ засѣданіи сдѣлано было нѣсколько указаній въ смыслѣ пополненія проекта программы г. Фойницкаго нѣкоторыми новыми вопросами. Л. Н. Майковъ и П. П. Чубинскій заявили мнѣніе о совершенной невозможности ограничивать собираніе обычаевъ исключительно догматическими цѣлями.

По соображеніи всего вышесказаннаго Коммиссія постановила: по исправленіи проекта программы согласно сдѣланнымъ на него замѣчаніемъ, помѣстить его въ Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, который печатается подъ редакціей П. А. Матвѣева.

Потомъ секретарь Коммиссіи прочелъ присланную ему изъ Кіева профессоромъ уголовнаго права А. Ѳ. Кистаковскимъ статью для помѣщенія въ сборникѣ подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа“. Въ этой любопытной статьѣ нашъ извѣстный криминалистъ изслѣдуетъ цензуру нравовъ, которую народъ проявляетъ во время совершенія браковъ, и указываетъ, что до сихъ поръ въ народѣ брачное торжество составляетъ дѣло общественное. Очертивъ подробно эти обычаи въ Малороссіи, на основаніи какъ печатныхъ матеріаловъ, такъ и собранныхъ имъ вновь данныхъ, г. Кистяковскій приходитъ къ заключенію, что изученіе народныхъ юридическихъ обычаевъ прольетъ свѣтъ на нѣкоторые темные вопросы въ исторіи уголовнаго права. Такъ напримѣръ, занимавшій не мало кримина-

листовъ вопросъ о непонятномъ для нихъ вмѣшательствѣ общественной власти въ столь чуждую ей сферу интимныхъ семейныхъ отношеній есть продуктъ вліянія стародавнихъ народныхъ обычаевъ, сложившихся въ періодъ родоваго быта. Коммиссія выслушала чтеніе этой любопытной статьи съ живѣйшимъ вниманіемъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Книга
писателей
Цена 25 р.

60-

25-

6035/14